

Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 2 (24)

2024

Құрылтайшы: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан)

Бас редактор:

Ақан Онғарұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры,
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

- А.Г. Ситдиқов,** тарих ғылымдарының докторы, ТР ҒА академигі, ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты; Қазан федералдық университеті (Қазан, Ресей) (төраға);
- А. Беттс,** доктор, профессор, Сидней университеті (Сидней, Австралия);
- А.А. Тишкин,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);
- Б.Ә. Байтанаев,** тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан)
- В.Б. Панковский,** тарих ғылымдарының кандидаты, Украина ҰҒА Археология институты (Киев, Украина);
- Д.А. Воякин,** тарих ғылымдарының кандидаты, Орталық Азия халықаралық зерттеулер институты (Самарқан, Өзбекстан);
- Ж.Қ. Таймағамбетов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі (Астана, Қазақстан);
- З. Самашев,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Астана, Қазақстан);
- И.Л. Кызласов,** тарих ғылымдарының докторы, Археология институты (Москва, Ресей);
- М. Фрачетти,** археология докторы, Вашингтон университеті (Сент-Луис, АҚШ);
- М.Е. Елеуов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан);
- Н. Бороффка,** археология докторы, профессор, Неміс археология институты (Берлин, Германия);
- Н.Ю. Смирнов,** тарих ғылымдарының кандидаты, РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург, Ресей);
- П.М. Кольцов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Б.Б. Городовиков атындағы Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста, Ресей);
- Р. Йовита,** PhD, Нью-Йорк университеті (Нью-Йорк, АҚШ);
- Р.Х. Сулейманов,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Мирзо Ұлықбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті (Ташкент, Өзбекстан);
- С.Е. Әжіғали,** тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Алматы, Қазақстан);
- Ш. Шода,** PhD, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты (Нара, Жапония);
- Ц. Төрбат,** PhD, Моңғолияның Ұлттық университеті (Ұланбатыр, Моңғолия)

Редакциялық алқасы:

- Ә.М. Манапова,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан);
- Г.С. Жұмабекова,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан) (жауапты хатшы);
- Ғ.А. Базарбаева,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан) (жауапты хатшы);
- Т.Б. Мамиров,** тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: archeokz.kz

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы, ЖТН BR20280993 аясында жүзеге асырылды

Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
Margulan Institute of Archaeology

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

ҚАЗАҚСТАН АРНЕОЛОГИАСЫ

№ 2 (24)

2024

Founder: Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Editor-in-Chief:

Akhan Onggaruly, Director General of the Margulan Institute of Archaeology, Candidate of Historical Sciences and Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia) (chairman);

Alexey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia);

Alison V.G. Betts, Doctor, Prof., The University of Sydney (Sydney, Australia);

Bauyrzhan A. Baitanayev, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Dmitriy A. Voyakin, Cand. of Hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan);

Igor L. Kyzlasov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Madiyar Y. Yeleuov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan);

Michael D. Frchetti, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA);

Nikolaus N.O. Boroffka, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany);

Nikolay Y. Smirnov, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Petr M. Koltsov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Goro-dovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);

Rady P. Ioviță, PhD, New York University (New York, USA);

Rustam K. Suleymanov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);

Serik E. Ajigali, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan);

Shinya Shoda, PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan);

Tsagaan Turbat, PhD, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia);

Valentin B. Pankowski, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine);

Zainolla Samashev, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan);

Zhaken K. Taimagambetov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);

Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 272 06 89

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazakhstan@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.kz

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

The publication was carried out according to the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 2 (24)

2024

Учредитель: Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан)

Главный редактор:

Акан Онгарулы, генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)

Редакционный совет:

- А.Г. Ситдииков**, докт. ист. наук, академик АН РТ, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ; Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (председатель);
- А. Бетге**, доктор, проф., Сиднейский университет (Сидней, Австралия);
- А.А. Тишкин**, докт. ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Б.А. Байтанаев**, докт. ист. наук, академик НАН РК, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- В.Б. Панковский**, канд. ист. наук, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина);
- Д.А. Воякин**, канд. ист. наук, Международный институт центральноазиатских исследований (Самарканд, Узбекистан);
- Ж.К. Таймагамбетов**, докт. ист. наук, проф., академик НАН РК, Национальный музей Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
- З. Самашев**, докт. ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан);
- И.Л. Кызласов**, докт. ист. наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия);
- М. Фрачетти**, докт. археологии, Университет Вашингтон (Сент-Луис, США);
- М.Е. Елеуов**, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан);
- Н. Бороффка**, докт. археологии, проф., Немецкий археологический Институт (Берлин, Германия);
- Н.Ю. Смирнов**, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия);
- П.М. Кольцов**, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия);
- Р. Йовита**, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк, США);
- Р.Х. Сулейманов**, докт. ист. наук, проф., Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан);
- С.Е. Ажигали**, докт. ист. наук, проф., Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан);
- Ш. Шода**, PhD, Национальный исследовательский институт культурных ценностей (Нара, Япония);
- Ц. Төрбат**, PhD, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Редакционная коллегия:

- А.М. Манапова**, канд. ист. наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
- Г.А. Базарбаева**, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан) (отв. секретарь);
- Г.С. Джумабекова**, канд. ист. наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан) (отв. секретарь);
- Т.Б. Мамиров**, канд. ист. наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazakhstan@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeokz.kz

Журнал основан 26 апреля 2018 г.
Свидетельство о постановке на учет
периодического печатного издания
и (или) информационного агентства
№ 12108-Ж от 14 ноября 2011 г.
выдано Комитетом информации и архивов
Министерства связи и информации РК

Издание осуществлено по программе фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК
на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Самашев З., Айткали А. (Астана, Қазақстан) К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрок	11
Рысбергенов М.А., Хабдулина М.К., Брынза Т.В. (Астана, Қазақстан) Архитектурные традиции элитных комплексов поздней бронзы Сарыарки	27
Файзуллин И.А. (Оренбург, Россия) Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья	44
Новоженев В.А. (Алматы, Қазақстан) Транспортные средства в петроглифах Казахстана эпохи бронзы: мобильность и элитарность	70
Гавритухин И.О. (Москва, Россия), Астафьев А.Е. (Ақтау, Алматы, Қазақстан), Богданов Е.С. (Новосибирск, Россия) Новые находки фибул из алтынказганского микрорайона (полуостров Мангышлак)	100
Жумашев Р.М., Бедельбаева М.В. (Қарағанды, Қазақстан) Неопубликованные материалы к обсуждению «Истории Казахской ССР» 1943 года: выступление А.Х. Маргулана (к 120-летию со дня рождения академика)	124
Захаров С.В. (Алматы, Қазақстан) Изучение памятников энеолита казахстанского Приишимья (1950-е – 1996 гг.)	139

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Намен А. (Астана, Қазақстан; Тюбинген, Германия), Таймагамбетов Ж. (Астана, Қазақстан), Варис А. (Тюбинген, Германия), Коко Э. (Нью-Йорк, США), Кото-Сармиенто М. (Тюбинген, Германия; Аархус, Дания), Байгунаков Д., Жуматаев Р. (Алматы, Қазақстан), Йовита Р. (Нью-Йорк, США) Новые стратифицированные стоянки каменного века Тикенекти-2 и Ынтымак в предгорьях Иле Алатау (Юго-Восточный Казахстан)	160
Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Шагирбаев М.С., Дубягина Е.В. (Алматы, Қазақстан) Серектас-2 – зимовка скотоводов переходного периода от финальной бронзы к раннему железу (Жетысу)	176
Подушкин А.Н., Донец А.Г. (Шымкент, Қазақстан) Склепы могильника Кызылколь 1 (по материалам раскопок 2023 г.)	200

Тулгенов Т.Ж. (<i>Есик, Казахстан</i>), Хасенова Б.М. (<i>Астана, Казахстан</i>) Символы времени: предметы торевтики из женского погребения XIII-XIV вв. близ с. Алмалы (Юго-Восточный Казахстан)	212
Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. (<i>Караганды, Казахстан</i>) Тюркские ограды Жанажурт (Центральный Казахстан)	225

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Широбоков И.Г., Громов А.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) О межисследовательских расхождениях в оценках возраста по костям скелета взрослого человека на примере выборки окуневской культуры	238
Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаев Р.К. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Лошади из раннетюркских погребений: по материалам памятника Самсы (Шу-Илейское междуречье)	252
Ismailova A. (<i>Baku, Azerbaijan</i>) About the function of the glazed vessel found in the city of Gabala (North-Eastern part of Azerbaijan)	270
Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П. (<i>Элиста, Россия</i>), Кипиев М.К. (<i>Атырау, Казахстан</i>) «Цаца» у калмыков в контексте религиозной и этнической идентичности (по данным письменных и археологических источников)	277
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	290
Авторларға арналған ереже – Правила для авторов	291

CONTENT

ARCHAEOLOGY ISSUES

Z. Samashev, A. Aitkali (<i>Astana, Kazakhstan</i>) To the study of the significance of ancient turks male belt sets (in Russian)	11
M. Rysbergenov, M. Khabdulina, T. Brynza (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Architectural traditions of elite burial complexes of the Late Bronze Age of Saryarka (in Russian)	27
I. Faizullin (<i>Orenburg, Russia</i>) Building traditions of the population of the Late Bronze Age in the territory of the Orenburg cis-Urals (in Russian)	44
V. Novozhenov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Vehicles in the Bronze Age petroglyphs of Kazakhstan: mobility and elitism (in Russian)	70
I. Gavritukhin (<i>Moscow, Russia</i>), A. Astafiev (<i>Aktau, Almaty, Kazakhstan</i>), E. Bogdanov (<i>Novosibirsk, Russia</i>) New finds of fibulae from the Altynkazgan microdistrict (Mangyshlak peninsula) (in Russian)	100
R. Zhumashev, M. Bedelbayeva (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>) Unpublished materials for the discussion of “History of the Kazakh SSR” of 1943: speech by A. Margulan (to the 120 th anniversary of the birth of Academician) (in Russian)	124
S. Zakharov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) The study of the monuments of the Eneolithic of the Kazakh Ishim river region (1950 s – 1996) (in Russian)	139

FIELD STUDIES

A. Namen (<i>Astana, Kazakhstan; Tübingen, Germany</i>), Z. Taimagambetov (<i>Astana, Kazakhstan</i>), A. Varis (<i>Tübingen, Germany</i>), E. Coco (<i>New York, USA</i>), M. Coto-Sarmiento (<i>Tübingen, Germany; Aarhus, Denmark</i>), D. Baigunakov, R. Zhumatayev (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), R. Iovita (<i>New York, USA</i>) New stratified Stone Age sites at Tikenekti-2 and Yntymaq in the Ile Alatau piedmonts (Southeastern Kazakhstan) (in Russian)	160
A. Yermolaeva, A. Yerzhanova, M. Shagirbayev, Y. Dubyagina (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Serektas-2 – wintering for cattle breeders in the transition period from the Final Bronze Age to the Early Iron Age (Zhetyysu) (in Russian)	176

A. Podushkin, A. Donets (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>) Crypts of the Kyzylkol 1 burial ground (based on materials of the excavations in 2023) (in Russian)	200
T. Tulegenov (<i>Esik, Kazakhstan</i>), B. Khassenova (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Symbols of time: toreutics objects from a female burial of the 13 th -14 th centuries near the village of Almaly (Southeastern Kazakhstan) (in Russian)	212
E. Dmitriev, A. Kukushkin, I. Kukushkin (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>) Turkic fences of Zhanazhurt (Central Kazakhstan) (in Russian)	225

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

I. Shirobokov, A. Gromov (<i>Saint Petersburg, Russia</i>) On inter-observer error in age estimates based on the adult skeletons: A case study of the Okunev culture sample (in Russian)	238
M. Shagirbayev, R. Buranbayev, R. Sherbayev (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Horses from Early Turkic burials: based on the materials of the Samsy site (Shu-Ile interfluve) (in Russian)	252
A. Ismailova (<i>Baku, Azerbaijan</i>) About the function of the glazed vessel found in the city of Gabala (North-Eastern part of Azerbaijan) (in English)	270
P. Koltsov, V. Batyrov, K. Koltsova (<i>Elista, Russia</i>), M. Kipiev (<i>Atyrau, Kazakhstan</i>) The Kalmyks' «Tsatsa» in the context of religious and ethnic identity (based on written and archaeological sources) (in Russian)	277
List of Abbreviations	290
Submissions	291

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11.26>

К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрков

© 2024 г. Самашев З., Айткали А.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Tarbagatai, Eleke sazy, Kimaks, Karluks, burial with a horse, belt set

Түйін сөздер: археология, орта ғасыр, Тарбағатай, Елеке сазы, қимақтар, қарлұқтар, жылқымен бірге жерлеу, белдік жиынтығы

Ключевые слова: археология, средневековье, Тарбағатай, Елеке сазы, кимаки, карлуки, погребение с конем, поясной набор

Zainolla Samashev¹ and Azat Aitkali^{1*}

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-7171-3003](https://orcid.org/0000-0002-7171-3003) E-mail: archaeology_kz@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Ph.D., Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-2476-3999](https://orcid.org/0000-0002-2476-3999) E-mail: azza_semsk@mail.ru

To the study of the significance of ancient turks male belt sets

The article is devoted to the analysis and interpretation of materials discovered during the study of barrow no. 3 of the ancient Turkic era of the Eleke Sazy archaeological complex on the territory of Tarbagatai. The burial facility is located in the immediate vicinity of the cult-memorial complex of the Kagan-princely type. In the barrow, the burial of an individual with a horse and a rich set of accompanying equipment, which included items of military service, elements of horse decoration and household items, was investigated. Of particular interest is the belt set, consisting of 16 metal plaques of various configurations, which indicates the high social status of the buried individual. This set contains elements that stand out for their originality and lack of direct analogues, which emphasizes its uniqueness. In addition, the study focuses on the description of the architectural characteristics of the burial structure, including its shape, dimensions and internal organization. The ground structure of the barrow is considered an important ethno-cultural sign, reflecting the peculiarities of the funeral ritual. Identified elements of the ritual reflect features of funeral practice typical for one of the Turkic-speaking groups. Correlation between new materials and written evidence confirms the presence of representatives of the Karluk and Kimak tribes in the territory of the studied area in the specified historical period. The analysis of the object complex, combined with the results of radiocarbon analysis, made it possible to establish the chronological boundaries of the construction of mound no. 3 in the period of the 8th-9th centuries.

Source of funding: The work was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Samashev, Z., Aitkali, A. 2024. To the study of the significance of ancient turks male belt sets. *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 11–26 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.11–26](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11-26)

Зайнолла Самашев¹, Азат Айтқали^{1*}

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, философия докторы (PhD),
жетекші ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Астана қ., Қазақстан

Зайнолла Самашев¹, Азат Айтқали^{1*}

¹доктор исторических наук, профессор,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, доктор философии (PhD),
ведущий научный сотрудник,

Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Астана, Казахстан

Көне түрік кіселерінің сигнификасын зерделеу мәселесі

Мақала Тарбағатайдағы Елеке сазы археологиялық кешенінің көне түркі дәуіріне жататын № 3 обасын зерттеу барысында табылған материалдарды талдауға және түсіндіруге арналған. Қабір құрылысы «қаған-князь типті» діни-мемориалдық кешенге жақын жерде орналасқан. Обада әскери заттар, ат жабдығының элементтері және тұрмыстық заттардан тұратын құрал-жабдықтың мол жиынтығымен және жылқымен бірге жерленген адамның қабірі қарастырылды. Жерленген адамның жоғары әлеуметтік мәртебесін көрсететін әртүрлі пішіндегі 16 металл жапсырмадан тұратын белбеу жиынтығы ерекше қызығушылық тудырды. Жиынтық айрықша әрі аналогы жоқ элементтерден тұрады, бұл оның бірегейлігін көрсетіп тұр. Сонымен қатар зерттеу жерлеу құрылысының архитектуралық сипаттамасы, оның пішіні, өлшемдері және ішкі құрылымына бағытталған. Обаның жерүсті құрылысы жерлеу рәсімінің ерекшеліктерін көрсететін маңызды этномәдени көрсеткіш ретінде қарастырылады. Жалпы, жерлеу рәсімінің сәйкестендірілген элементтері түркітілдес топтардың біріне тән жерлеу рәсімінің ерекшеліктерін көрсететіні анықталды. Жаңа археологиялық материалдар мен жазбаша айғақтарды бірыңғай талдаудың нәтижесі қарлұқ пен қимақ тайпалық одақ өкілдері аталмыш тарихи кезеңде осы аумақта өмір сүргенін растайды. Заттық кешенді радиоқөміртекті талдау нәтижелерімен ұштастыру арқылы талдау обаның хронологиялық шегарасы VIII-IX ғасырлар аралығы деп белгілеуге мүмкіндік берді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Самашев З., Айтқали А. Көне түрік кіселерінің сигнификасын зерделеу мәселесі. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 11–26-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.11.26](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11.26)

К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрков

Статья посвящена анализу и интерпретации материалов, обнаруженных в процессе исследования кургана № 3 древнетюркского времени археологического комплекса Елеке сазы на Тарбагатае. Погребальное сооружение расположено в непосредственной близости от культово-мемориального комплекса «каганско-княжеского типа». В кургане исследовано захоронение индивида вместе с лошадью и богатым набором сопроводительного инвентаря, содержащим вещи военного назначения, элементы убранства лошади и бытовые предметы. Особый интерес представляет поясной комплект, состоящий из 16-ти металлических блях-накладок различной конфигурации, что указывает на высокий социальный статус захороненного индивида. Этот набор содержит элементы, выделяющиеся своей оригинальностью и отсутствием прямых аналогов, что подчёркивает его уникальность. Кроме того, исследование сосредоточено на характеристике архитектурных особенностей погребального сооружения, включая его форму, размеры и внутреннюю организацию. Наземное сооружение кургана рассматривается как важный этнокультурный признак, отражающий особенности похоронного ритуала. Идентифицированные элементы ритуала отображают черты погребальной практики, типичные для одной из тюркоязычных групп. Анализ вещевого комплекса, в сочетании с результатами радиоуглеродного анализа, предоставил возможность установить хронологические границы возведения кургана VIII-IX веками. Корреляция между новыми археологическими материалами и письменными свидетельствами подтверждает нахождение на территории изучаемого района представителей карлукских и кимакских племен в указанный исторический период.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

Для цитирования: Самашев З., Айтқали А. К изучению сигнифики мужских наборных поясов древних тюрков. *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 11–26.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.11.26](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.11.26)

1 Введение (Самашев З., Айтқали А.)

На протяжении веков географическое расположение и уникальные природные характеристики Тарбагатая создавали идеальные условия для постоянного проживания человека, а также делали его важнейшим узлом на карте континентальных маршрутов, обеспечивая тесную связь

между Южной Сибирью, Западной Монголией, Жетысу и Центральной Азией. Эта стратегическая роль Тарбагатая в истории человечества подчёркивает необходимость глубокого изучения его культурного наследия, особенно периода раннего средневековья. Анализ существующих данных указывает на наличие актуальных вопросов, касающихся датировки, этнической идентификации и социального контекста идентифицированных археологических памятников древнетюркского времени.

В указанном регионе наибольшую степень изученности демонстрируют археологические объекты, относящиеся к категории поминальных комплексов, характеризующихся наличием каменных скульптур. Поисково-разведочными работами задокументированы десятки таких местонахождений [Самашев и др. 2010: 131]. Кроме того, исторический облик Тарбагатая дополняют наскальные изображения, представленные коллекцией выразительных гравировок, обнаруженных на скалах, окружающих горные стоянки, а также в рамках древних композиций, находящихся в изолированных локациях [Шер 1980: 121-122].

В контрасте с вышеупомянутыми археологическими объектами погребальные памятники, относящиеся к эпохе древних тюрков, по-прежнему остаются в значительной степени неизученными. Тем не менее, анализ материалов, происходящих с территорий, граничащих с Тарбагатаем, позволяют обозначить приблизительные рамки распространения определённой погребально-поминальной практики, которая, вероятно, была присуща конкретным этносоциальным группам, обитавшим в этом регионе в рассматриваемый период [Трифонов 1987: 115].

Учитывая фрагментарность данных, полученных в ходе исследований памятников Тарбагатая, возникает объективная необходимость в продолжении и углублении полевых изысканий для обогащения научной базы новейшей информацией. В этом контексте, наряду с непосредственными археологическими работами, приобретает критическое значение процесс публикации данных о раскопках прошлых лет, которые до настоящего времени не были интегрированы в академическую среду по различным причинам.

В настоящее время одним из ярких археологических комплексов древнетюркского времени на территории Тарбагатая является Елеке сазы. В последние годы результаты исследований комплекса под руководством З. Самашева обрели широкое применение в научной среде, что способствовало значительному расширению источниковедческой базы для комплексного изучения культурных особенностей населения данного региона.

Целью данной работы является введение в научный оборот и обобщение материалов, полученных в ходе археологических раскопок кургана № 3 в полевом сезоне 2021 года, расположенного в Тарбагатае (Тарбагатайский р-н, Абайская обл.).

2 Материал и методы исследования (Самашев З., Айткали А.)

2.1 Методы исследования

В рамках комплексного изучения кургана были использованы классические методы археологической науки, направленные на глубокое понимание его структуры и историко-культурного значения. Применение детального описания, картографирования, а также анализ топографии и планиграфии кургана позволили осуществить тщательное изучение археологического объекта. Существенным аспектом стал поиск датированных аналогий и использование элементов сравнительно-типологического анализа, что способствовало уточнению его культурной принадлежности. Немаловажное значение в данном контексте приобрело археозоологическое исследование, выполненное М.С. Шагирбаевым – сотрудником Института археологии имени А.Х. Маргулана. Изучение костных останков коня, обнаруженного в погребении, предоставило важную инфор-

мацию о погребально-поминальной обрядности раннесредневекового общества, подчеркнув роль захоронения этого животного в качестве показателя социального статуса усопшего.

Для уточнения времени возведения кургана был применён метод радиоуглеродного датирования, выполненный специалистами лаборатории Beta Analytic Radiocarbon Dating, расположенный в г. Майами, США (см. табл. 1), что значительно усилило достоверность хронологических оценок, позволяя более точно вписать памятник в общий исторический контекст региона.

Таблица 1 – Калиброванные даты по кургану № 3 из Елеке сазы 1-кесте – Елеке сазындағы № 3 оба бойынша болжанған (калибрленген) мерзімдер
Table 1 – Calibrated dates for the kurgan no. 3 from Eleke Sazy

Лабораторный шифр	Место сбора образца	Материал	14С ВР	Калиброванная дата (1σ, 68.2%)		Калиброванная дата (2σ, 95.4%)	
Beta-608959	Могильная яма	зуб (лошади)	1240 ± 30	(31.4%)	787–828 cal AD	(55.8%)	758–880 cal AD
				(30.4%)	702–741 cal AD	(39.6%)	679–746 cal AD
				(3.2%)	690–696 cal AD		
				(3.2%)	862–868 cal AD		

2.2. Характеристика материала

Памятник расположен в 95 км к ЮЮЗ от посёлка Аксуат на восточном участке могильного поля Елеке сазы (Тарбагатайский р-н, Абайская обл.), где занимает третью надпойменную террасу правого берега р. Каргыба и входит в состав первой группы археологических памятников в данной локации (рис. 1).

Из этих объектов особый интерес представляет культово-мемориальный комплекс «каганско-княжеского типа». Этот уникальный археологический памятник, единственный известный сегодня такого масштаба на территории Казахстана, привлекает внимание своим архитектурным оформлением, выделяясь среди прочих мемориалов, принадлежащих элите раннесредневековых тюрок [Самашев и др. 2022]. Важно подчеркнуть, что структурно аналогичные комплексы, в основном, исследованы в Монголии в районе р. Орхон и связываются с периодом Второго Тюркского каганата.

Вокруг данного культово-мемориального комплекса сосредоточено множество разновременных погребально-поминальных сооружений с каменными насыпями, бóльшая часть которых остаётся скрытой под дёрном [Самашев и др. 2022: 81]. Особый интерес вызывает группа погребений, которая относится ко 2-й пол. I тыс. н.э., включая изученный нами объект.

Курган № 3 расположен в 5 м севернее ограды-рва вышеупомянутого культово-мемориального комплекса. До начала археологических работ на участке данный объект фиксировался на местности в виде сильно задернованной небольшой наброски с выделяющимися на поверхности камнями. Насыпь кургана, имевшего в разрезе уплощённую и подовальную в плане форму с оплывшими неровными очертаниями, сложена из скального плитняка и речных валунов (рис. 2). Диаметр сохранившейся насыпи на момент начала археологических раскопок составлял 6 м, высота 0.4 м.

При исследовании верхних слоёв насыпи в юго-западном и северо-восточном секторах на уровне древнего горизонта обнаружены фрагменты костей МРС и полукруглая металлическая поясная накладка. После окончания выборки камней насыпи в центре кургана выявлена наземная конструкция в виде подчетырёхугольной каменной ограды, ориентированной стенками по сторонам света. Для сооружения ограды использовались плоские каменные плиты, изначально установленные вертикально на ребро. Средние размеры каменных плит, которые применялись в качестве

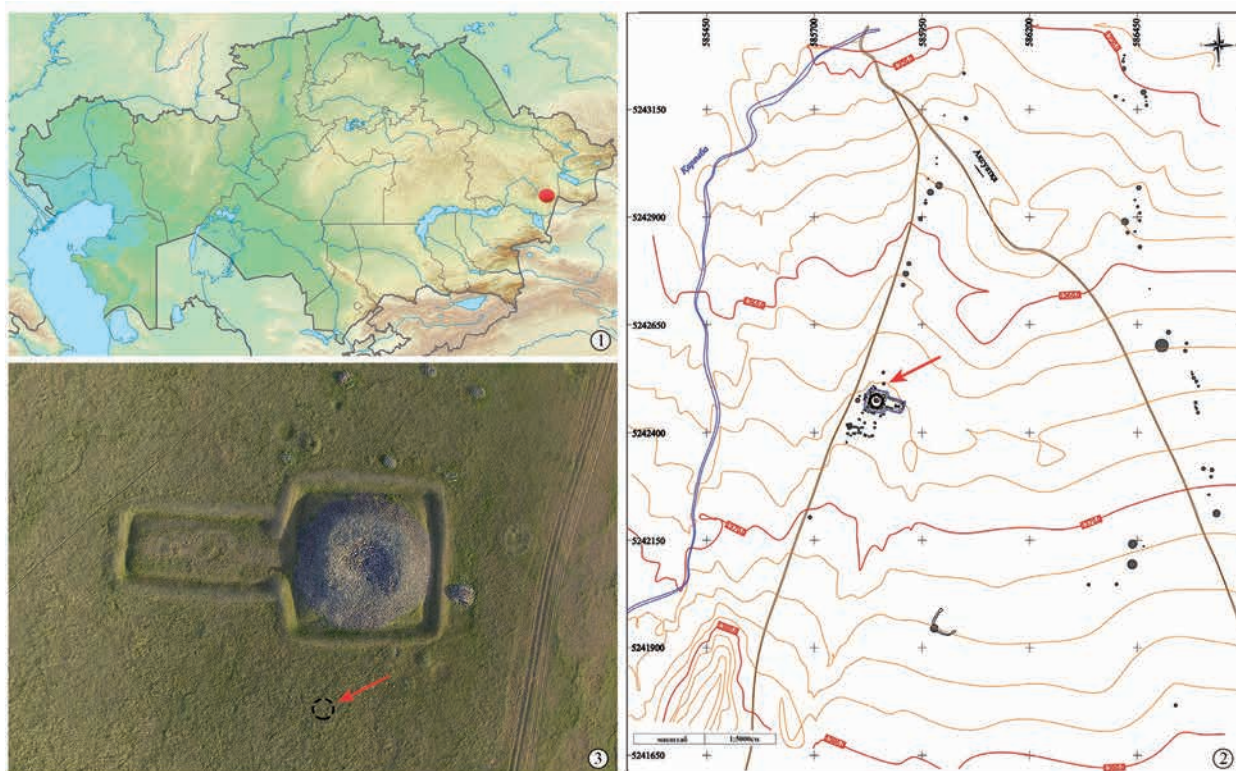

Рис. 1. Локализация памятника: 1 – на карте Казахстана; 2 – рядом с древнетюркским комплексом в долине Елеке сазы; 3 – на топографическом плане. Исполнитель: Ерболат Рахманкулов

1-сур. Ескерткіштің орналасуы: 1 – Қазақстан картасында; 2 – Елеке сазы алқабындағы көне түркі кешенінің жанында; 3 – топографиялық жоспарда. Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Fig. 1. Localization of the monument: 1 – on the map of Kazakhstan; 2 – next to the ancient Turkic complex in the Eleke Sazy valley; 3 – on the topographic plan. Performer: Erbolat Rakhmankulov

материала для сооружения ограждения, составляли $0.5 \times 0.3 \times 0.1$ м. С течением времени, под воздействием давления грунта и массы камней, некоторые участки каменной конструкции подверглись деформации. Диаметр каменного ограждения составил 5 м. В центре сооружения выявлено перекрытие могильной ямы, состоящее из валунов среднего размера и крупных каменных плит. С северной стороны перекрытия зафиксировано нарушение структуры, чётко проявляющееся в изменении расположения камней наброски и наличии фрагмента ребра лошади, вынесенного на этот уровень.

В процессе поэтапного разбора конструкции была идентифицирована могильная яма овальной формы, ориентированная длинной осью по направлению восток–запад с небольшим отклонением. Заполнение её состояло из грунта вперемешку с мелкими камнями. В ходе углубления, на уровне 0.3 м от верхнего края могильной ямы, вдоль северной длинной стенки, на приступке был зачищен неполный костяк верховой лошади. Вероятно, отсутствие фрагментов верхней части туловища и головы животного может быть интерпретировано как результат воздействия грабителей, приведших к утрате указанных частей скелета.

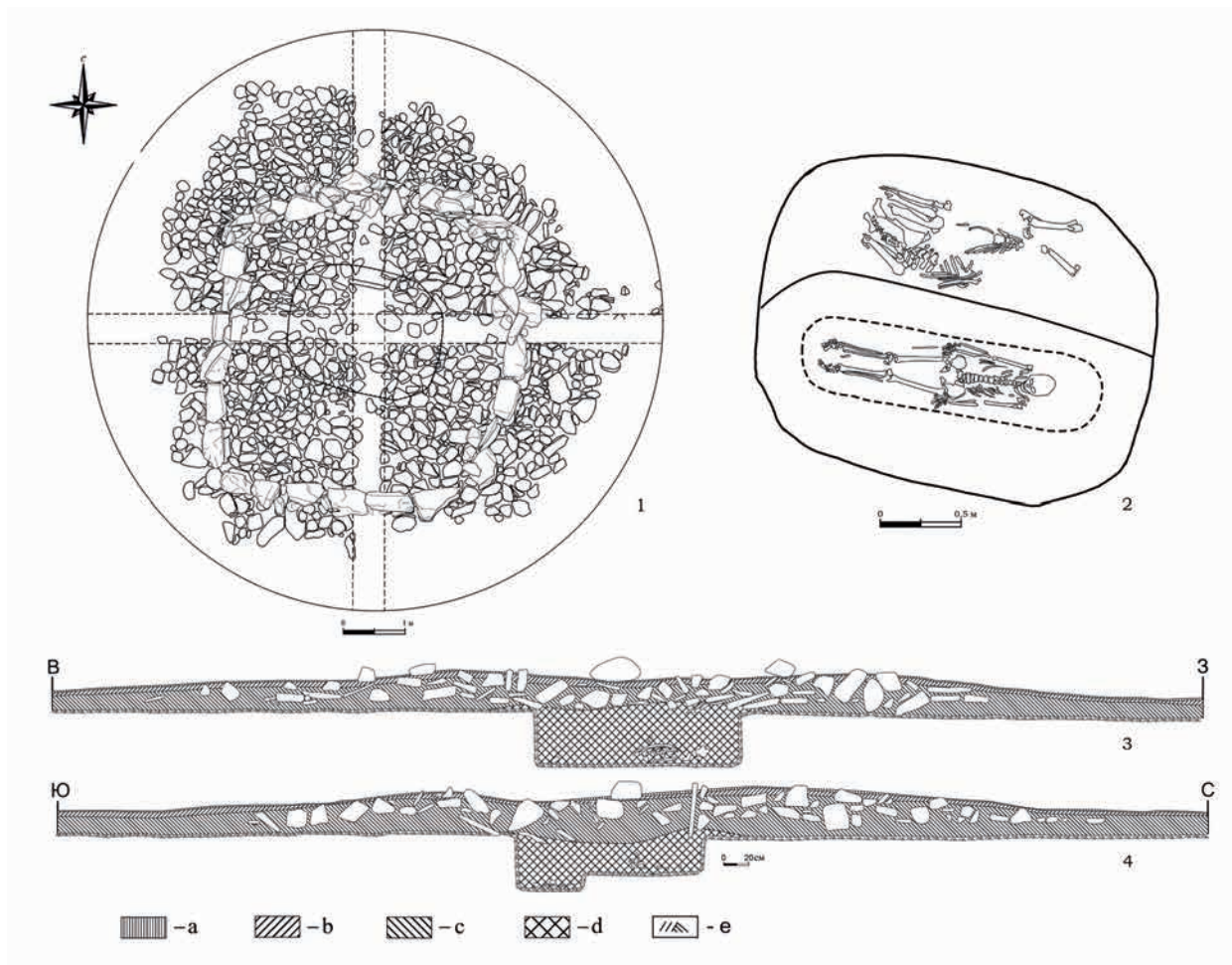

Рис. 2. Елеке сазы, курган № 3: 1 – план кургана; 2 – план погребения; 3–4 – разрезы кургана (а – дёрн; б – тёмно-серый гумусированный суглинок; с – светло-серый суглинок; d – тёмно-коричневый суглинок; е – серый суглинок (материк)). Исполнитель: Ерболат Рахманқұлов

2-сур. Елеке сазы, № 3 оба: 1 – обаның жоспары; 2 – қабір шұңқырының жоспары; 3-4 – обаның қималары (1 – шым; 2 – қара сұр қарашірік саздақ; 3 – ашық сұр саздақ; 4 – қара қоңыр саздақ; е – сұр саздақ (материк)). Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Fig. 2. Eleke sazy, mound no. 3: 1 – plan of the mound; 2 – burial plan; 3-4 – stratigraphy of the mound (1 – turf; 2 – dark gray humified loam; 3 – light gray loam; 4 – dark brown loam; e – gray loam (bedrock)). Performer: Erbolat Rakhmankulov

В то же время сохранившиеся кости остались нетронутыми. На основе этих останков можно предположить, что первоначально животное лежало на животе с поджатыми под брюхо конечностями, а положение черепа соответствовало направлению головы погребённого человека. Исходя из анализа биометрических данных, стало известно, что лошадь имеет высоту в холке около 120–128 см. С учётом данной характеристики лошадь можно классифицировать как принадлежащую к категории особей ниже среднего роста.

В области, предположительно совпадающей с местоположением черепа животного, обнаружены декоративные элементы конского снаряжения, в числе которых две бронзовые бляшки, а

также роговая подпружная пряжка с язычком, расположенная в районе бедренных костей. Некоторые компоненты конской амуниции (тройник-распределитель ремня, концевая бляха-накладка) обнаружены в непосредственной близости от погребённого. Перемещение этих предметов с изначального местоположения, по-видимому, обусловлено геологическими процессами или действиями почвенных животных.

Возле южной продольной стенки могильной ямы, немного ниже приступка, на глубине 0.5 м от древнего горизонта выявлен полный скелет погребённого человека, который сохранил свое исходное положение *in situ*. Костяк представлен в вытянутой позе, лёжа на спине, с руками, расположенными вдоль туловища, и ориентацией головы на восток. В области тазовых костей и частично под ними обнаружены детали поясной гарнитуры, включающие в себя металлические декоративные накладки разнообразных форм и железную пряжку с подвижным язычком. В районе правой бедренной кости обнаружен железный наконечник стрелы, а вблизи фаланг правой руки – железный нож. Изделие в виде железной концевой бляшки найдено вблизи голеностопного сустава погребённого. Иные предметы сопроводительного инвентаря не обнаружены.

3 Анализ и обсуждение (Самашев З., Айткали А.)

Рассмотрение структурных параметров каменной ограды, выявленных обрядовых элементов практики, а также обнаруженных артефактов, способствуют установлению культурного контекста и временных рамок исследованного объекта.

Разнообразные структуры в форме оград, выполнявших функцию сакрального пространства для выполнения ритуальных действий и жертвоприношений, представляют собой одну из древнейших категорий археологических памятников, обнаруженных в степной и горно-долинных зонах Евразии. В эпоху существования могущественных каганатов тюрков-тугю (VI–VIII века) каменные ограды прямоугольной формы преимущественно использовались для ритуальных или мемориальных целей. Чуть позднее фиксируется возведение таких оград под насыпями погребально-поминальных сооружений конца I – начала II тысячелетия н.э.

Близкие структурные аналогии и обрядовые характеристики, сопоставимые с элементами рассматриваемого нами объекта, отмечаются в археологических комплексах, датируемых IX–X веками и расположенных на территории Восточного Казахстана. Наиболее показательны в этом отношении материалы курганов, изученных в зоне, подвергшейся затоплению в результате строительства Шульбинской ГЭС [Трифонов 1987: 115]. Среди характерных особенностей выделяются четырехугольные ограды под насыпями, возведённые из горизонтально уложенных каменных плит, иногда с использованием вертикальных стел. В значительной части погребений присутствуют сопроводительные захоронения коней, которые часто размещаются параллельно человеческим останкам и с сохранением одинаковой ориентации, включая случаи, когда кони помещаются на приступках [Могильников 1981: 44]. Памятники с подобными наземными сооружениями исследованы на могильниках Карашат I (к. 21–23, 26), Джартас (к. 6), Темир-Канка II (к. 2), Акции II (к. 1), Когалы I (к. 9), Кызыл-Кайын [Трифонов 1987: 115–243].

По мнению Ф.Х. Арслановой, наличие надмогильных сооружений в виде четырёхугольной ограды – характерная черта Прииртышских кимаков [Арсланова 2013: 135–139, 310; Арсланова, Самашев 1987: 122]. Однако следует учитывать, что особенности наземных сооружений не могут рассматриваться как исчерпывающий этнический признак без учёта других аспектов погребальной практики. Это особенно актуально в контексте полиэтничности кимакского объединения.

Письменные свидетельства также указывают на присутствие кимаков в районе Тарбагатая. Однако, прежде чем кимаки заселили эти земли, а именно до 766 года, регион был заселен кар-

луками [Кумеков 1972: 55]. Для последних, по мнению ряда учёных, характерны подкурганые погребения, совершённые по обряду трупоположения с конём [Кубарев 2021: 321; Могильников 1981: 46]. С учётом имеющейся информации, этнокультурная атрибуция данного памятника остаётся недостаточно определённой.

Вещевой комплекс погребения содержит атрибуты конского снаряжения и предметы, относящиеся к человеку (рис. 3). К компонентам снаряжения верховой лошади относятся три металлических бляхи-накладки, тройник-распределитель ремня, а также роговая пряжка с подвижным язычком, предназначенная для регулирования и стягивания подпруги.

Металлические бляхи-накладки, предназначенные для крепления на функциональных ремнях амуниции верховой лошади, имеют различные формы и способы их фиксации. Первая бляха-накладка сердцевидной формы с выпукло-вогнутым сечением и гладкой поверхностью. Размеры: длина 1.7 см, ширина 2 см. Нижний край бортика изделия повреждён. На обратной стороне корпуса выделяются два шпенька с острыми окончаниями для прокалывания ремня, концы которых были загнуты во внутреннюю сторону. Идентичные накладки с аналогичными особенностями крепления найдены в богатых кимакских погребениях Зевакинского комплекса (к. 99, 103) и мог. Меновное XII (к. 1) [Арсланова 1972: 60–62; Ткачев, Ткачев 2022: 63].

Вторая концевая бляха-накладка представляет собой гладкую пластину прямоугольной формы с округлым завершением. Размеры: длина 2.3 см, ширина 1.5 см, высота бортиков – 0.3-0.4 см. На тыльной стороне концы двух шпеньков приварены к поверхности корпуса, образуя тем самым петельки.

Третья бляха-накладка, имеющая форму гладкой прямоугольной пластины с округлым концом также служит концевым элементом ремня. В отличие от предыдущего, выделяется более крупными размерами: длина 3.2 см, ширина 2.3 см, высота бортиков 0.2-0.3 см. На задней поверхности бляхи-накладки имеется три шпенька и фиксирующая пластина, дублирующая форму корпуса. Подобные накладки имеют широкий ареал в степях Евразии во 2-й пол. I тыс. н.э. [Распопова 1980: 91-92].

Тройник-распределитель ремня диаметром 3 см округлой формы с тремя небольшими выступами по внешнему краю. Имеет округлую центральную часть и три выраженных дуговидных прорези. Изделия подобного типа широко распространены среди древностей средневековья лесостепной зоны Евразии. Впервые зафиксированные в таштыкской культуре, позднее они встречаются в материалах кимаков Восточного Казахстана, енисейских кыргызов, сросткинской культуры и населения Южного Урала в раннее средневековье [Приймак 2011: 158; Троицкая, Новиков 1998: 56; Мажитов 1977: 195, 198]. Широкий спектр аналогий позволяет определить датировку тройника-распределителя из Елеке сазы в пределах VIII–X вв.

Найденная подпругная пряжка относится к широко распространённым компонентам сопроводительного инвентаря, что типично для погребений, связанных с наличием верховых коней. Пряжка – т. н. невыделеннорамчатая характеризуется прямыми боковыми сторонами, которые немного расширяются в верхней части, а также имеет верхний вырез в форме буквы «Т» и горизонтально ориентированный нижний срез. Развитие данной категории предметов произошло на основе роговых пряжек, используемых в скифо-сакское и гунно-сарматское время [Овчинникова 1990: 113–115; Кубарев 2005: 134-135]. Разнообразные варианты подпругных пряжек имели широкое распространение и во 2-й пол. I тыс. н.э. Следовательно, определение точной датировки этих предметов затруднительно, учитывая их использование в широком временном интервале.

Из предметов вооружения, обнаруженных вблизи погребённого, выявлены железный накол стрелы и короткое клинковое оружие – железный нож. Последний характеризуется одно-

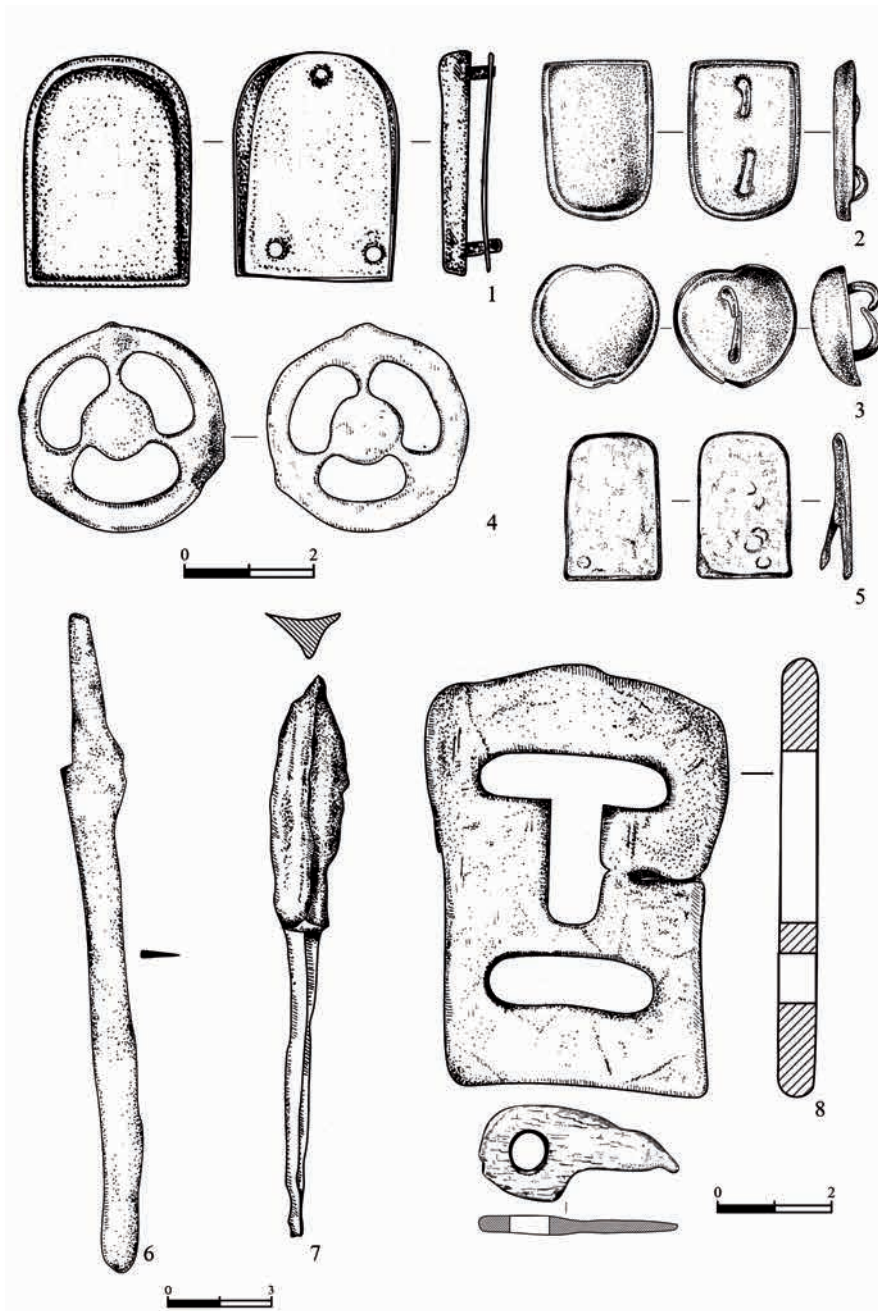

Рис. 3. Елеке сазы, курган № 3. Находки: 1–3 – наременные бляхи-накладки конской упряжи; 4 – тройник; 5 – бляшка от обуви; 6 – железный нож; 7 – железный наконечник стрелы; 8 – костяная подпружная пряжка с язычком. Исполнитель: Ерболат Рахманкулов

3-сур. Елеке сазы, № 3 оба. Табылған заттар: 1–3 – ат әбзелінің белдік жапсырмалары; 4 – үшайыр; 5 – аяқкіім қапсырмасы; 6 – темір пышақ; 7 – темір жебе ұшы; 8 – тілшігі бар сүйектен жасалған айылбас. Орындаған: Ерболат Рахманқұлов

Fig. 3. Eleke sazy, mound no. 3. Finds: 1–3 – horse harness belt plates; 4 – belt distributor; 5 – shoe plaque; 6 – iron knife; 7 – iron arrowhead; 8 – bone girth buckle with a tongue. Performer: Erbolat Rakhmankulov

сторонним клинком треугольного сечения и прямой рукоятью, имеющей два плечика при переходе к клинку, при этом более выраженное из них находится со стороны лезвия, а менее выраженное – со стороны спинки. Общая длина ножа 19 см, клинок – 14.5×1.4 см, черенок – 1.7×0.5 см. Прямые аналогии данному типу ножей обнаружены во многих археологических комплексах Алтая 2-й пол. I тыс. н.э. [Горбунов, Тишкин 2022: 62; Горбунов 2006: 78-79].

Железный наконечник стрелы классифицируется как трёхгранный. Общая длина его составляет 9 см, длина пера 4 см, ширина 1.2 см, длина черешка 5 см. Традиция использования наконечников, оснащённых трёхгранным пером, на рассматриваемой территории сохранялась длительный период на протяжении всего I тыс. н.э. [Горбунов 2006].

Неорнаментированная металлическая концевая бляха, обнаруженная в районе голеностопного сустава, вероятно, относится к атрибуту обуви и имеет продолговатую форму с закруглённым концом. На противоположном конце корпус бляхи раздваивается, что, по всей вероятности, предназначено для обеспечения механизма фиксации детали обуви. На поверхности бляхи присутствуют следы износа. Близкая по оформлению концевая бляха найдена в кургане № 5 могильника Уландрык III, датированного в пределах VIII – 1-й пол. IX в. [Кубарев 2005: 53, рис. 14, 5; 2021: 309].

При зачистке скопления элементов поясной гарнитуры обнаружено множество оригинальных составных компонентов (рис. 4). Далее проанализируем атрибуты каждого из них и проведём поиск аналогий.

Железная пряжка с подвижным язычком представляет собой монолитную конструкцию с неподвижным щитковым соединением и рамкой овальной формы. Общая длина пряжки – 3.3 см, ширина рамки 1.4 см, длина рамки 2.4 см, ширина щитка 1.6 см, длина щитка – 2 см. Щиток пряжки с округлым концом вытянут по продольной оси. Крепление пряжки к ремню осуществлялось при помощи трёх шпеньков, проходивших сквозь щиток с выпуклыми шляпками, которые, в свою очередь, служили декоративными элементами. Верхняя часть щитка характеризуется наличием выреза, вероятно, предназначенного для основания язычка. Подобные пряжки использовались ещё в хуннскую эпоху и оставались в употреблении на протяжении всего I тыс. н.э. [Савинов 1984: 137-138]. Ряд исследователей распространение пряжки рассматриваемого типа относят к VIII-IX векам [Овчинникова 1990: 28-29; Ковалевская 1979: 15-16].

Остальные бляхи-накладки можно разделить на геометрические и фигурные в соответствии с их морфологическими особенностями. К фигурным бляхам-накладкам относятся две сердцевидной формы. Размеры: длина 1.7-1.8 см, ширина 1.8-1.9 см, высота бортиков 0.3-0.4 см. Каждая выполнена из пластины с бортиками, которые слегка расширяются от основания к верхнему краю. Поверхность неорнаментированная, в центральной части с округлой прорезью диаметром 0.6-0.7 см, немного смещённой к верхнему краю. На тыльной стороне изделий расположено по три шпенька в виде цилиндрических стержней. На них надевались дополнительные крепёжные элементы – фиксаторы, изготовленные из тонкой пластины, которые повторяли очертания корпуса. Аналогичные сердцевидные бляхи-накладки, как правило, использовались для декорирования концов ремней и фиксации язычка пряжки [Кубарев 2005: 54]. В некоторых случаях встречаются пояса, украшенные только такими накладками [Евтюхова 1952: 88-89, рис. 26]. Кроме того, они широко применялись в комплектации стрелковых поясов, обеспечивая крепление ремней к распределителям [Горбунов 2009: 126]. Образцы накладок аналогичной формы обнаружены в Пенджикенте в слое, относящемся к середине VIII века [Распопова 1980: 89-90]. В период владычества кимако-кыпчакского объединения население Алтая, Казахстана и Южного Урала отдавало предпо-

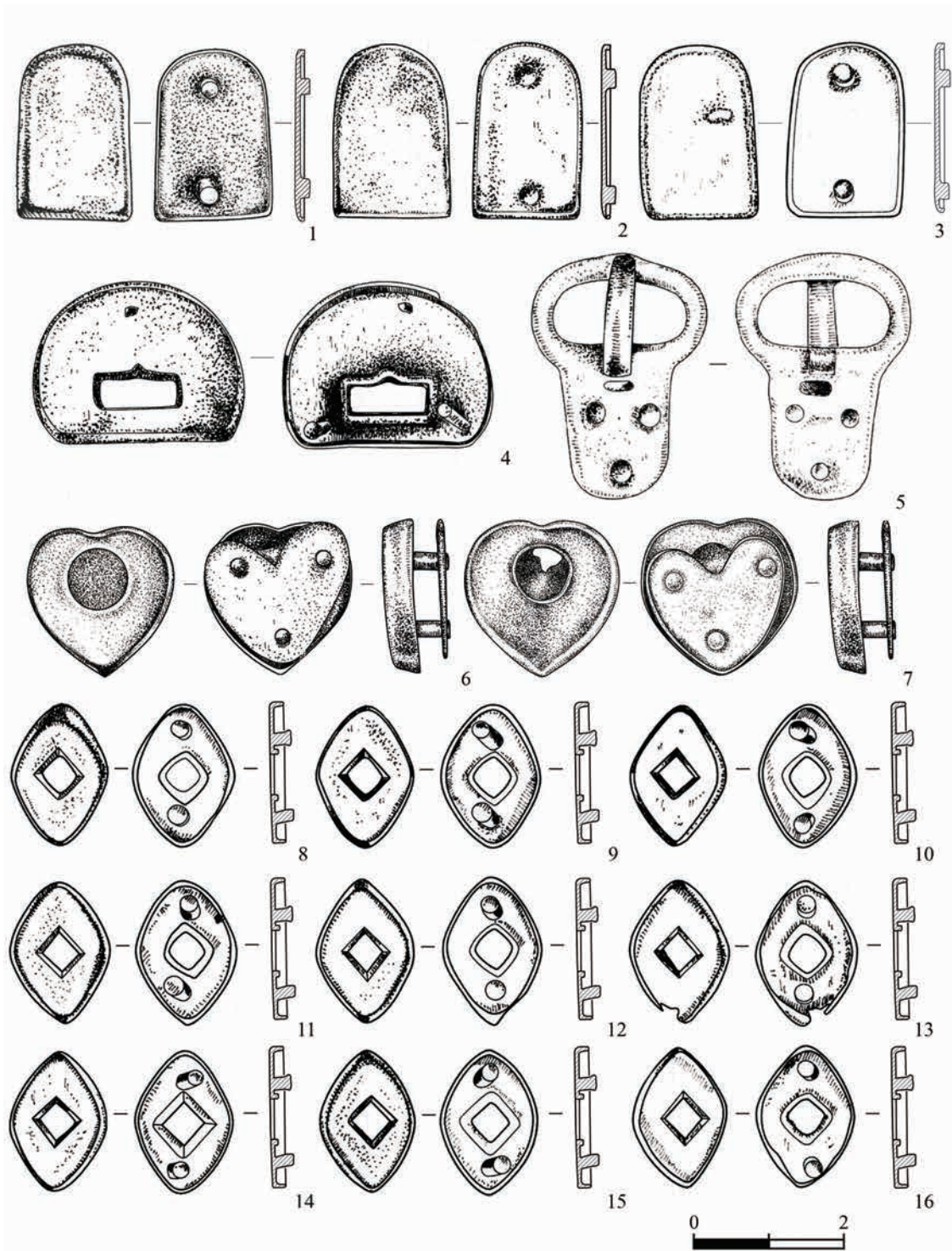

Рис. 4. Елеке сазы, курган № 3: 1–16 – элементы поясного набора. Исполнитель: Ерболат Рахманкулов
4-сур. Елеке сазы, № 3 оба: 1–16 – белдік жиынтығының элементтері. Орындаған: Ерболат Рахманқұлов
Fig. 4. Eleke sazy, mound no. 3: 1–16 – elements of the belt set. Performer: Erbolat Rakhmankulov

чение поясам с бляхами в виде растительных мотивов и сердец [Чариков 1980: 217-218; Могильников 2002: 31; Добжанский 1990: 40, 44; Мажитов 1977: 34].

В анализируемом ассортименте наборного пояса преобладают весьма редкие ромбовидные бляхи-накладки. Зафиксировано девять единиц размерами 1.8×1.4 см, высота бортиков варьирует в пределах 0.2-0.3 см. В середине каждой присутствует прорезь, имитирующая очертания внешнего периметра накладок. Рассматриваемые бляхи-накладки не имеют прямых аналогий в находках поясных гарнитур из памятников древнетюркского времени. Однако схожие по форме, но имеющие конструктивные различия, ромбовидные накладки обнаружены в могильнике сrostкинской культуры Иня-1 (к. № 16). Памятник расположен на территории Алтайского края и датируется периодом 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. [Горбунов 2009: 125; 2020; Неверов, Горбунов 2001: 176]. Другая находка ромбовидной накладки с округлой прорезью в центре была найдена в позднекочевническом могильнике Бирский (IX-X вв.) на территории Южного Урала [Мажитов 1977: 190].

К группе геометрических относятся три бляхи-накладки, характеризующиеся гладкой поверхностью, прямыми верхними срезами и овальными концами. Рассматриваемые образцы демонстрируют идентичные параметры: длина 2 см, ширина 1.3 см, высота бортиков 0.3-0.4 см. На тыльной стороне каждого изделия присутствовали одинаковые крепёжные элементы в виде двух шпеньков. На основе морфологических характеристик анализируемые типы изделий определяются как наконечники поясного ремня или привесок. Впрочем, существует вероятность и того, что некоторые из них служили в качестве декоративных накладок. К примеру, в Пенджикенте, на одной из стен парадного зала (помещение 1) объекта XXIV представлена сцена застолья, при этом возле одного из персонажей изображён снятый пояс. На этом поясе между прямоугольными пластинами с прямоугольным вырезом находятся накладки без вырезов, один конец которых выполнен прямым, а второй овальным [Распопова 1980: 97, рис. 67, 8]. Широкое распространение рассматриваемых компонентов поясной гарнитуры на территории Южной Сибири и Центральной Азии приходится на VII–IX века [Кубарев 2005: 49; Торгоев 2011: 445].

Поясной набор дополняет бляха-накладка сегментовидной конфигурации, найденная под насыпью юго-западного сектора кургана. Обстоятельства обнаружения данного предмета не исключают его принадлежность к поясной гарнитуре погребённого. Изделие полукруглой формы с отсечённой нижней частью и продольной узкой прорезью с мыском в верхней части. Размеры: длина 2.1-2.2 см, ширина 2.2-2.3 см, высота бортика 0.3-0.4 см. В верхней части накладки прослеживается отверстие, а на обратной стороне корпуса – крепёжные шпеньки. Анализируемый предмет находит широкие соответствия в наборе поясных принадлежностей, происходящих из археологических комплексов VII-VIII вв. Прямые аналогии бляхе-накладке нередко фиксируются на изваяниях раннетюркского времени [Распопова 1980: 89-90; Евтюхова 1952].

Подводя итог анализу поясного набора, следует подчеркнуть следующее. Все бляхи-накладки пояса литые, не имеют орнаментации и прикреплялись к основе при помощи шпеньков (в количестве от двух до трёх на каждую пластину). Причём концы отдельных из них демонстрируют признаки изгиба и сплющивания, что может указывать на их длительное использование. Отличительной особенностью данного комплекта является интеграция разнообразных по оформлению компонентов в едином ансамбле. К тому же набор включает в себя составляющие, которые выделяются своей оригинальностью и отсутствием прямых сопоставимых аналогов. Упомянутые особенности придают этому поясу уникальный характер, что отражает достаточно высокий статус погребённого.

Анализ инвентаря и радиоуглеродные даты позволяют установить хронологические рамки сооружения кургана в пределах VIII-IX веков. Выявленные элементы обряда отражают особенно-

сти погребальной практики, характерные для одной из тюркоязычных групп. Исходя из имеющейся информации, вопрос этнокультурной принадлежности памятника остаётся неразрешённым и нуждается в дополнительных сведениях. В то же время, упоминания о кимаках и карлуках в письменных источниках соответствующего периода на рассматриваемой территории предоставляют основание сузить круг поиска.

4 Заключение (Самашев З., Айткали А.)

Материалы кургана № 3 археологического комплекса Елеке сазы, представленные в данной статье, являются значимым дополнением к уже существующему корпусу археологических исследований памятников Тарбагатая, расширяя наше понимание исторической динамики и культурного разнообразия данной территории. Предстоящие археологические работы в регионе предусматривают выполнение комплекса задач, направленных на детальное изучение и документирование археологических находок, что несомненно будет способствовать углублению знаний о древнетюркской культуре.

Первостепенное значение придаётся проведению археологических раскопок и аккумуляции данных для последующего научного анализа, что позволит выявить не только культурные и исторические особенности, но и социально-экономическую организацию раннесредневековых обществ. Важной составляющей предстоящих исследований является применение естественнонаучных методов для датировки археологических объектов, что в сочетании с картографированием значительно усилит точность определения хронологических рамок и географического расположения изучаемых памятников.

Кроме того, особое внимание будет уделено сопоставительному анализу с археологическими памятниками из других регионов, таких как Алтай, Жетысу и Монголия. Это направление работы позволит на более широком материале реконструировать миграционные маршруты, расширить представления о границах расселения и взаимодействиях между различными этнокультурными группами. Интеграция данных из различных источников, включая наскальные изображения, тамги, письменные свидетельства, будет способствовать комплексному подходу к вопросу определения этнической и культурной идентичности тюркоязычных кочевников, их социальной структуры, экономической основы и культурных взаимодействий.

Таким образом, дальнейшие исследования не только укрепят наше понимание исторического и культурного наследия Тарбагатая, но и откроют новые горизонты для будущих открытий, способствуя развитию и углублению междисциплинарных исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56-76.
- 2 Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. МИАК. Т. III / Под общ. ред. З. Самашева. Сост. Б.М. Хасенова. Астана: Изд. гр. ФИА, 2013. 405 с.
- 3 Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Наука, 1987. С. 122-134.
- 4 Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.
- 5 Горбунов В.В. Поясные бляхи-накладки сrostкинской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 120-130.
- 6 Горбунов В.В. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. С. 34-40.

- 7 Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сроткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. 320 с.
- 8 Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- 9 Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии / Материалы и исследования по археологии Сибири. Вып. 24 / Отв.ред. С.В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72-120.
- 10 Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки / Свод археологических источников. Вып. Е1-2. М.: Наука, 1979. 112 с.
- 11 Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2005. 400 с.
- 12 Кубарев Г.В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб: ИИМК РАН, 2021. С. 305-323.
- 13 Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- 14 Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- 15 Могильников В.А. Кимаки. Сроткинская культура. Карлуки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 43-46.
- 16 Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- 17 Неверов С.В., Горбунов В.В. Сроткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во ТомГУ, 2001. С. 176-178.
- 18 Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1990. 223 с.
- 19 Приймак В.В. Ременные распределители эпохи средневековья // Археологія і давня історія України. 2011. Вып. 7. С. 157-165.
- 20 Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 138 с.
- 21 Савинов Д.Г. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник 1972 / Отв.ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. М.: Наука, 1973. С. 339-350.
- 22 Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- 23 Самашев З.С., Сапашев О., Оралбай Е., Исин А., Толегенов Е., Сайлаубай Е. Памятники монументального искусства Восточного Казахстана. Алматы: ТОО «Археология», 2010. 216 с.
- 24 Самашев З.С., Айткали А.К., Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. № 2. С. 21-34.
- 25 Самашев З.С., Айткали А.К., Жуматаев Р.С. Образ фантастического зверя в искусстве и мифологии древних тюрок // Вестник КазНУ. 2022. № 2. С. 81-88.
- 26 Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Элитное погребение раннетюркского времени из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3. С. 58-69.
- 27 Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115-246.
- 28 Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- 29 Торгоев А.И. О происхождении и времени распространения поясов катандинского типа // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3 / Отв.ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. С. 432-446.
- 30 Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 213-234.
- 31 Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

REFERENCES

- 1 Arslanova, F. K. 1972. In: Akishev, K. A. (ed). *Poiski i raskopki v Kazakhstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 56-76 (in Russian).
- 2 Arslanova, F. K. 2013. Samashev, Z. (ed.), Khasenova, B. (compl.). *Ocherki srednevekovoy arheologii Verhnego Priirtysh'ya (The sketches of medieval archaeology of the Upper Irtysh river region)*. Astana: the branch of the Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 3 Arslanova, F. K., Samashev, Z. S. 1987. In: Kuzev, R. G. (ed). *Problemy srednevekovoy arkheologii Urala i Povolzhya (Problems of medieval archaeology of the Urals and Volga region)*. Ufa: "Nauka" Publ., 122-134 (in Russian).
- 4 Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaja v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatelnoe vooruzhenie (oruzhie) (Military affairs of the population of Altai in the 3rd–14th centuries. Part I: Offensive weapons (weapons))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- 5 Gorbunov, V. V. 2009. In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 5, 120-130 (in Russian).
- 6 Gorbunov, V. V. 2020. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhraneniye i izucheniye kulturnogo naslediya Altayskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai region)*. Vol. XXVI. Barnaul: Altai State University Publ., 34-40 (in Russian).
- 7 Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2022. *Kurgany srostkinskoy kultury na Priobskom plato (Mounds of the Srostkinsk culture on the Priobsky plateau)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- 8 Dobzhanskiy, V. N. 1990. *Nabornyye poyasa kochevnikov Azii (Stacked belts of Asian nomads)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
- 9 Evtyukhova, L. A. 1952. In: Kiselev, K. A. (ed). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri (Materials and research on the archaeology of Siberia)*. Issue. 24). Moscow: USSR Academy of sciences, 72-120 (in Russian).
- 10 Kovalevskaya, V. B. 1979. *Poyasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Pryazhki (Belt sets of Eurasia 4th–9th centuries. Buckles)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 11 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) (Culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from funeral monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ. (in Russian).
- 12 Kubarev, G. V. 2021. In: Smirnov, N. Y. (ed). *Tvoretz kultury. Materialnaya kultura i dukhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii (Creator of Culture. Material culture and spiritual space of man in the light of archaeology, history and ethnography)*. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 305-323 (in Russian).
- 13 Kumekov, B. Y. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–X vv. po arabskim istochnikam (Kimak state of the 9th–10th centuries. according to Arabic sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 14 Mazhitov, N. A. 1977. *Yuzhnyy Ural v VII–XIV vv. (Southern Urals in the 7th–14th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 15 Mogilnikov, V. A. 1981. In: Pletneva, S. A. (ed). *Stepi Yevrazii v epokhu Srednevekovya (Steppes of Eurasia in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 43-46 (in Russian).
- 16 Mogilnikov, V. A. 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh (Nomads of the northwestern foothills of Altai in the 9th–11th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 17 Neverov, S. V., Gorbunov, V. V. 2001. In: Chindina, L. A. (ed). *Prostranstvo kultury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir i sopredelnyye territorii (Space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories)*. Tomsk: Tomsk State University, 176-178 (in Russian).
- 18 Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tyurkskiye drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh (Turkic antiquities of Sayan-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University Publ. (in Russian).
- 19 Priymak, V. V. 2011. In: *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and early history of Ukraine)*, 7, 157-165 (in Russian).

- 20 Raspopova, V. I. 1980. *Metallicheskiye izdeliya rannesrednevekovogo Sogda (Metal products of early medieval Sogd)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 21 Savinov, D. G. 1973. In: Konopatsky, A. K. (ed). *Tyurkologicheskiy sbornik 1972 (Turkological collection 1972)*. Moscow: “Nauka” Publ., 339-350 (in Russian).
- 22 Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyurykskuyu epokhu (Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era)*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (in Russian).
- 23 Samashev, Z. S., Sapashev, O., Oralbay, Y., Isin, A., Tolegenov, Y., Saylaubay, Y. 2010. *Pamyatniki monumentalnogo iskusstva Vostochnogo Kazakhstana (Sites of monumental art of Eastern Kazakhstan)*. Almaty: TOO “Arkheologiya” Publ. (in Russian).
- 24 Samashev, Z. S., Aitkali, A. K., Tolegenov, E. 2022. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 2, 21-34 (in Russian).
- 25 Samashev, Z. S., Aitkali, A. K., Zhumataev, R. S. 2022. In: *Vestnik KazNU (Bulletin of history KazNU)*, 2, 81-88 (in Russian).
- 26 Tkachev, A. A., Tkachev, Al. Al. 2022. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 3, 58-69 (in Russian).
- 27 Trifonov, Y. I. 1987. In: Akishev, K. A. (ed). *Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy GES (Archaeological monuments in the flood zone of the Shulbinskaya hydroelectric power station)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 115-246 (in Russian).
- 28 Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaya kultura v Novosibirskom Priobiye (Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob river region)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (in Russian).
- 29 Torgoev, A. I. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Kazakhstan archaeology)*. Issue. 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola” Publ., 432-446 (in Russian).
- 30 Charikov, A. A. In: Pletneva, S. A. (ed). 1980. *Srednevekovyye drevnosti yevraziyskikh stepey (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: “Nauka” Publ., 213-234 (in Russian).
- 31 Sher, Y. A. 1980. *Petroglify Sredney i Tsentralnoy Azii (Petroglyphs of Central and Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.04.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.05.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.27.43>

Архитектурные традиции элитных комплексов поздней бронзы Сарыарки

© 2024 г. Рысбергенов М.А., Хабдулина М.К., Брынза Т.В.

Keywords: Saryarka, the Late Bronze Age, Fedorov culture, elite burial complexes, mound-fences

Түйін сөздер: Сарыарқа, кейінгі қола дәуірі, фёдоров мәдениеті, элиталық жерлеу кешендері, обалы қоршаулар

Ключевые слова: Сарыарка, эпоха поздней бронзы, фёдоровская культура, элитные погребальные комплексы, курган-ограда

Mussa Rysbergenov^{1*}, Maral Khabdulina¹ and Tatyana Brynza¹

^{1*}Corresponding author, Master's Degree student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. ORCID: [0009-0009-5797-8054](https://orcid.org/0009-0009-5797-8054) E-mail: rysbergenov.mussa@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-7195-5723](https://orcid.org/0000-0002-7195-5723) E-mail: mk_khabdulina@mail.ru

¹Master of Arts, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-7921-6642](https://orcid.org/0000-0002-7921-6642) E-mail: tanechka83-83@mail.ru

Architectural traditions of elite burial complexes of the Late Bronze Age of Saryarka

The work is devoted to the analysis of elite burial structures of Saryarka – the so-called mound-fences. In the 20th century, it was believed that elite burial complexes of this type did not belong to the sites of the Andronovo community, and were considered as early Begazy, or as sites of a special transitional time. In the last ten years, the study of socially stratified sites has resumed on the territory of Saryarka. In connection with the emergence of new data, there is an opportunity to reconsider the interpretation of the mound-fences. In this article, based on a detailed description and general analysis, we substantiate the Fedorov affiliation of these structures. In addition, the analysis of all the main features allowed us to divide these complexes into two chronological groups – early (17th – first half of the 16th centuries BC) and late (second half of the 16th – first half of the 15th centuries BC).

Source of financing: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2024–2026, IRN project AP23488195.

For citation: Rysbergenov, M., Khabdulina, M., Brynza, T. 2024. Architectural traditions of elite burial complexes of the Late Bronze Age of Saryarka. *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 27–43 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.27.43](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.27.43)

**Мұса Ахатұлы Рысбергенов¹,
Марал Қалымжанқызы Хабдулина¹,
Татьяна Васильевна Брынза¹**

¹корреспондент авторы, магистрант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан

¹гуманитарлық ғылымдар магистрі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан

**Муса Ахатұлы Рысбергенов¹,
Марал Калымжановна Хабдулина¹,
Татьяна Васильевна Брынза¹**

¹автор-корреспондент, магистрант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

¹кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

¹магистр гуманитарных наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Сарыарқадағы кейінгі қола дәуірінің элиталық кешендерінің архитектуралық дәстүрлері

Жұмыс обалы қоршаулар деп аталатын Сарыарқаның элиталық жерлеу құрылыстарын талдауға арналған. XX ғасырда осы типтегі элиталық жерлеу кешендері андронов қауымдастығының ескерткіштеріне жатпайды деп есептелді және ерте беғазы немесе ерекше өтпелі кезеңнің ескерткіштері ретінде қарастырылды. Соңғы он жылда Сарыарқа аумағында әлеуметтік-стратификацияланған ескерткіштерді зерттеу қайта жанданды. Жаңа деректердің жариялануына байланысты обалы қоршаулардың интерпретациясын қайта қарау мүмкіндігі пайда болды. Бұл мақалада егжей-тегжейлі сипаттама мен жалпылама талдау негізінде осы құрылыстардың фёдоровтық ескерткіштер қатарына жататындығы негізделіп отыр. Сонымен қатар барлық негізгі белгілерді талдау осы кешендерді екі хронологиялық топқа бөлуге мүмкіндік берді, ол – ерте (б.д.д. XVII ғ. – XVI ғ. 1 жарт.) және кейінгі (б.д.д. XVI ғ. 2 жарт. – XV ғ. 1 жарт.).

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2024–2026 жж. гранттық қаржыландыруы, ЖТН АР23488195 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Рысбергенов М.А., Хабдулина М.Қ., Брынза Т.В. Сарыарқадағы кейінгі қола дәуірінің элиталық кешендерінің архитектуралық дәстүрлері. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 27–43-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.27.43](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.27.43)

Архитектурные традиции элитных комплексов поздней бронзы Сарыарки

Работа посвящена анализу элитных погребальных конструкций Сарыарки – так называемых курган-оград. В XX столетии считалось, что элитные погребальные комплексы данного типа не относятся к памятникам андроновской общности и рассматривались как раннебегазинские или как памятники особого переходного времени. В последние десять лет на территории Сарыарки возобновилось изучение социально-стратифицированных памятников. В связи с появлением новых данных наметилась возможность пересмотреть интерпретацию курган-оград. В представленной статье на основе подробной характеристики и осуществления обобщающего анализа обосновывается принадлежность этих сооружений фёдоровской культуре. Помимо этого, анализ всех основных признаков позволил разделить комплексы на две хронологические группы – ранние (XVII – 1 пол. XVI в. до н.э.) и поздние (2 пол. XVI – 1 пол. XV в. до н.э.).

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2024–2026 гг., ИРН проекта АР23488195.

Для цитирования: Рысбергенов М.А., Хабдулина М.К., Брынза Т.В. Архитектурные традиции элитных комплексов поздней бронзы Сарыарки. *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 27–43.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.27.43](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.27.43)

Введение (Рысбергенов М.А., Хабдулина М.К., Брынза Т.В.)

Сарыарқа – название крупной орографической единицы, протяжённой с севера на юг между Западно-Сибирской и Туранской равнинами, с запада на восток – между равнинами Торгая и Прииртышья. Под термином «Сарыарқа» следует понимать территорию, имеющую географическое название «Казахский мелкосопочник» («Казахская складчатая страна») [Вилесов и др. 2009: 118].

В эпоху поздней бронзы Сарыарқа становится одним из главных очагов развития культуры. Планомерное и масштабное археологическое изучение древностей региона, в частности Центрального Казахстана, было начато во второй половине 40-х годов XX века. За 20 лет было открыто и изучено большое количество разнообразных видов археологических памятников эпохи бронзы, на основе чего исследователи пришли к заключению, что «по наличию многочисленных поселений, древних выработок, остатков оросительных сооружений, а также множеству погребальных памятников, Центральный Казахстан – самая густонаселенная страна в эпоху бронзы. Он был не только обжитой страной, но главным пунктом зарождения и развития культуры бронзы, центром древней металлургии» [Маргулан и др. 1966: 198].

Одним из важных элементов культуры эпохи бронзы Сарыарки, на котором акцентировали внимание казахстанские исследователи, подкрепляя свою точку зрения, были элитные погребальные сооружения, которые представлены двумя типами – курганы-ограды и мавзолеи. Курганы-

ограды интерпретировались как «особая группа памятников, характерная только для Центрального Казахстана», отражавшая «ту перемену, которая произошла в культуре и экономике андроновских племен Центрального Казахстана при переходе от позднего андрона к бегазы-дандыбаевской культуре» [Маргулан и др. 1966: 54, 119].

За последние десять лет в Сарыарке, а именно в Центральном Казахстане, были открыты социально-стратифицированные погребальные комплексы эпохи поздней бронзы, которые позволяют вернуться к теме об элитных сооружениях этого периода.

Элитные курганы-ограды Сарыарки – это уникальные комплексы, отличительные особенности которых заключаются в больших размерах, сложной структуре и в монументальном характере архитектуры. К настоящему времени составлены обобщенные представления о таких памятниках позднебронзового века Сарыарки [Kukushkin et al. 2019], семантическое толкование архитектуры курган-оград [Кукушкин 2017], подсчёт трудозатрат на их строительство [Кукушкин И.А. и др. 2018].

Новизной данного исследования является обобщающий анализ этих сооружений, подробная характеристика с целью определения и обоснования их культурной принадлежности, а также выявления хронологических различий. Актуальность исследования связана с открытием новых памятников, которые позволяют на основе сравнения старого и нового материала пересмотреть сложившуюся в историографии интерпретацию элитных курган-оград.

В результате осуществленной работы выдвигаем следующие положения:

1. Архитектурная традиция социально-стратифицированных комплексов эпохи поздней бронзы Сарыарки типа «курганов-оград» восходит к фёдоровскому населению, почти во всех случаях по совокупности черт погребально-поминальной обрядности и сопроводительного инвентаря они принадлежат к памятникам фёдоровской культуры;

2. Исходя из определяющих признаков эти комплексы можно разделить на две хронологические группы – ранние (XVII – 1-я пол. XVI в. до н.э.) и поздние (2-я пол. XVI – 1-я пол. XV в. до н.э.).

Историографический обзор

Первый элитный курган-ограда был изучен К.А. Акишевым в середине 50-х годов XX века в Северном Казахстане на берегу озера Айдабул. По характерному инвентарю (псалли с вытянутой планкой и отверстием в центре дисковидного щитка, форма и орнамент сосудов) курган-ограда № 1 был отнесён им к развитому алакульскому этапу андроновской культуры [Акишев 1959: 15-16]. Следует подчеркнуть, что на тот момент еще не были выделены памятники алакульско-фёдоровского амангельдинского типа, к числу которых относится могильник Айдабул I. Смешанный характер амангельдинского типа имеет значение в дальнейшей интерпретации авторами айдабульского кургана-ограды.

Достаточно запутанной вышла ситуация с памятником Сарыколь-1. Изученные здесь к концу 50-х годов XX века пять рядовых курганов изначально были справедливо отнесены А.Г. Максимовой к фёдоровскому этапу [Максимова 1959: 101-102]. Иначе к интерпретации памятника подошел С.С. Черников. Располагая теми же материалами, что и А.Г. Максимова, он акцентирует внимание на центральной элитной кургане-ограде. Поскольку подобное сооружение было исследовано только в памятнике Айдабул I, С.С. Черников счёл необходимым отнести Сарыколь-1 к развитому этапу андроновской культуры. Алакульские памятники в Восточном Казахстане тогда были неизвестны, поэтому в схеме С.С. Черникова развитый алакульский этап заменяется синхронным ему малокрасноярским. Однако малокрасноярский этап является переходным этапом от канайских (фёдоровских) памятников к трушниковским, который сочетает в себе черты фёдоровской и валиковой культур. Развитый этап (алакульский в схеме К.В. Сальникова, малокрасноярский в схеме С.С. Чер-

никова) андроновской культуры, по мнению С.С. Черникова, характеризуется началом сложения социального неравенства, что отражено в сарыкольских курганах, выделяющихся своей величиной и конфигурацией [Черников 1960: 99, 115-116].

К середине 1960-х гг. большинство обнаруженных и исследованных курганов-оград происходили из Центрального Казахстана. Они были отнесены к атасускому этапу (Айшрак Б) и ранне-бегазинскому времени (Аксу-Аюлы II, Ортау II, Байбала II, Бугулы II). Повторяя логику суждения С.С. Черникова об имущественной дифференциации и о сооружении больших гробниц для выдающихся членов общества, казахстанские археологи выделяют курганы-ограды из алакульского этапа андроновской культуры и заключают, что «в курганах с кольцевой оградой нет ничего присущего андроновской культуре. Это особые памятники, типичные только для Центрального Казахстана, знаменующие собой переход от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени» [Маргулан и др. 1966: 160–163].

В конце 1970-х гг. сформировалась интерпретация курган-оград, которая была актуальна вплоть до первой половины десятих годов XXI века. А.Х. Маргуланом все известные центрально-казахстанские курганы-ограды были отнесены к отдельному переходному этапу от андроновского времени к бегазинскому [Маргулан 1979: 25-26, 57-58].

В 1999, 2000 и 2002 гг. были продолжены раскопки на могильнике Сарыколь-1. Материалы новых исследований подтвердили заключение А.Г. Максимовой о принадлежности данного памятника к фёдоровской культуре [Исин 2004: 41–50, 53–60, 62]. Однако центральная курган-ограда № 1 была датирована предбегазинским временем (завершающим этапом андроновской культуры) – XIII–XII вв. до н.э. Аргументом в пользу подобного заключения служила, в первую очередь, архитектурная близость с центрально-казахстанскими курган-оградами [Исин 2004: 60].

Однако с этим заключением вряд ли можно согласиться, поскольку центральная курган-ограда № 1 занимает некрополеобразующую позицию и окружена рядовыми погребальными сооружениями, давшими фёдоровский материал. Кроме того, на единственном обломке сосуда с орнаментом, который был найден в этом кургане-ограде, мы видим геометрические фигуры в виде заштрихованных косых треугольников и линейных меандров. В то же время наблюдаемых в данном фрагменте признаков (качественный равномерный обжиг, светлый внешний вид, лощение поверхности, ровно нанесённый зубчатый орнамент), вопреки мнению авторов, недостаточно для омоложения датировки курган-ограды № 1 [Исин 2004: 61–63].

Первым курганом-оградой, безоговорочно отнесённым к фёдоровской культуре, является сооружение № 39 могильника Атасу I, в котором были найдены кальцинированные останки человека в грунтовой яме, а также сосуды фёдоровского облика [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 105–108, 222]. Как фёдоровский был определён курган-ограда из могильника Аккойтас V, в котором были найдены сосуды с геометрическим орнаментом и серьги с раструбом. Памятник был отнесен к позднему этапу фёдоровской культуры и датирован XIV–XII вв. до н.э. Однако основанием для таких поздних датировок была высказываемая авторами архитектурная схожесть с исследованными в прошлом столетии курганами-оградами Центрального Казахстана [Байтанаев и др. 2014: 663–665]. Судя по всему, в этом можно усмотреть влияние взглядов А.Х. Маргулана и попытку приблизить даты Аккойтас V к переходному этапу.

Наконец, в последние десять лет были изучены курганы-ограды в могильниках Бесоба, Шерубай-1 и Талдинский-1, которые, с одной стороны, дали бесспорно фёдоровский материал [Кукушкин, Дмитриев 2017; 2018; Кукушкин 2020], а с другой, продемонстрировали близость в архитектурном плане с сооружениями из Атасу I, Сарыколь-1, Аккойтас V, тем самым позволив провести нити между курган-оградами «фёдоровской» и «переходной» групп (Аксу-Аюлы II, Ортау II, Байбала II, Бугулы II, Бельсар Б, Айшрак Б).

2 Методы и материалы исследования (Рысбергенов М.А., Брынза Т.В.)

2.1 Методы исследования

В данной работе нами использованы такие методы, как анализ (для расчленения структуры курган-оград на составляющие элементы и последовательного их рассмотрения), картографирование, типологический метод (для упорядочивания объектов по внешним признакам), сравнительный анализ (для выявления культурных и хронологических различий/сходства), метод радиоуглеродной датировки (привлечение результатов радиоуглеродных датировок для обоснования хронологических разграничений).

2.2 Характеристика материала

Источниковую базу нашего исследования составляют опубликованные материалы об элитных комплексах типа курган-оград. Поскольку ограды, перекрытые курганной насыпью, не редкость для Сарыарки в эпоху бронзы, к числу статусных мы причисляем курганы с диаметром от 10 м, имеющие ограду из больших массивных плит или уложенных методом кладки камней, а также обладающие сложной структурой (вписанные ограды, дополнительные архитектурные элементы).

Таким образом, для рассмотрения были отобраны 20 курган-оград, содержащих 25 погребений (учтены только основные погребения): *Айдабул I*, № 1 [Акишев 1959]; *Айшрак Б*, № 6; *Аксу-Аюлы II*, № 2-3, *Ортау II*, № 1–3, *Байбала II*, № 1, *Бугулы II*, № 8 [Маргулан и др. 1966]; *Бельсасар Б*, № 2 [Маргулан 1979]; *Амасу I*, № 39 [Кадырбаев, Курманкулов 1992]; *Сарыколь-1*, № 1, 4 [Исин 2004]; *Аккойтас V*, № 1 [Байтанаев и др. 2014]; *Бесоба*, № 3-4 [Кукушкин, Дмитриев 2017]; *Шерубай-1*, № 1 [Кукушкин, Дмитриев 2018]; *Талдинский-1*, № 1–3 [Кукушкин 2020].

Основная часть известных курган-оград находится в Восточной Сарыарке и приурочена к району главной водораздельной низкогорно-мелкосопочной возвышенности Сарыарки. Самый северный исследованный памятник находится на Кокшетауской возвышенности (рис. 1).

Характеристика курган-оград. Надмогильные сооружения

Диаметр исследованных курган-оград составляет от 11 до 36 м, высота – от 0.35 до 3.2 м. В архитектуре курганов общим является наличие курганного перекрытия и кольцевых оград, сооружённых из массивных каменных плит, врытых на ребро. Кольцевая ограда может быть расположена по основанию насыпи или на подкурганной площадке. Во втором случае каменное кольцо отступает от края насыпи к её центру на 5–13 м.

В наиболее сохранившихся больших курганах-оградах имелись 54 и 79 массивных плит (Байбала II, № 1; Сарыколь-1, № 1). По приведённым данным в источниках, высота каменных плит варьируется в пределах 0.8–2.0 м, ширина 0.6–1.5 м, толщина 0.1–0.2 м. Зачастую они наклонены внутрь и поддерживаются крупными каменными подпорками.

Для подобных курганов характерно наличие нескольких (обычно двух) концентрических оград, вписанных друг в друга (в 15-ти случаях). Внешняя ограда, в основном, сооружалась из вертикально поставленных плит. Методом кладки воздвигались, главным образом, внутренние ограды (размеры в пределах 3.5–6.0×3.4–4.8 м). В противоположность округлым (иногда овальным) в плане каменным кольцам из массивных плит, ограды, возведённые методом кладки, бывают разных форм: подквадратные, подпрямоугольные, овальные (Аксу-Аюлы II, Ортау II, Байбала II, Бугулы II, Бесоба, № 4).

В насыпи трёх курган-оград зафиксирован каменный панцирь, в одном случае представленный плашмя уложенными плитками (Бельсасар Б, № 2), в другом – состоящий из сплошного слоя мелких и средних камней (Талдинский-1, № 3). Каменно-земляная насыпь встречена в Айшрак Б

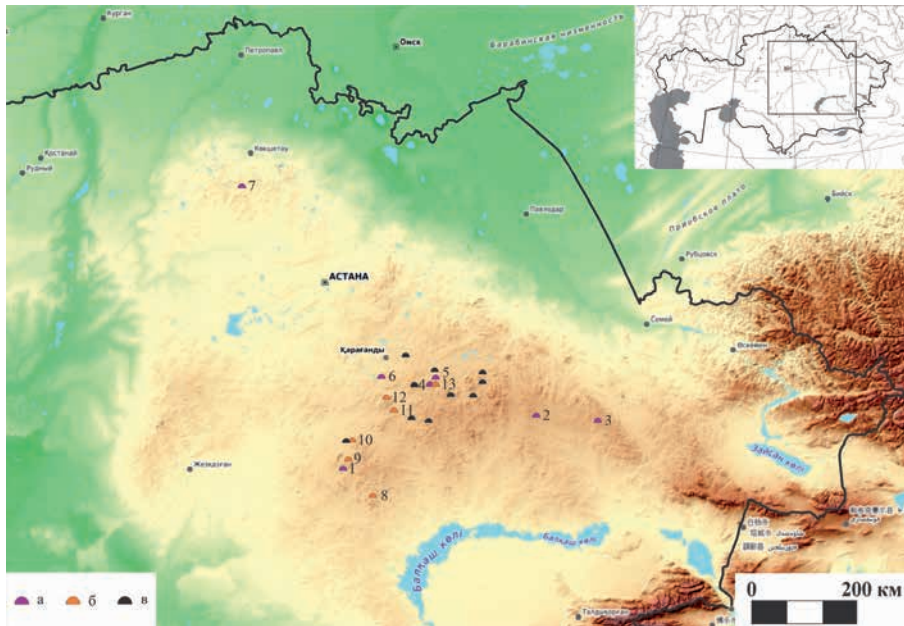

Рис. 1. Курганы-ограды Сарыарки: а – ранние; б – поздние; в – другие известные курган-ограды (по: [Маргулан и др. 1966: рис. 76]). 1 – Атасу I; 2 – Аккойтас V; 3 – Сарыколь-1; 4 – Талдинский-1; 5 – Бесоба; 6 – Шерубай-1; 7 – Айдабул I; 8 – Бельасар Б; 9 – Айшрак Б; 10 – Ортау II; 11 – Аксу-Аюлы II; 12 – Бугулы II; 13 – Байбала II

1-сур. Сарыарқаның обалы қоршаулары: а – ерте; б – кейінгі; в – басқа белгілі обалы қоршаулар ([Маргулан и др. 1966: рис. 76] бойынша). 1 – Атасу I; 2 – Аққойтас V; 3 – Сарыкөл-1; 4 – Талды-1; 5 – Бесоба; 6 – Шерубай-1; 7 – Айдабол I; 8 – Беласар Б; 9 – Айшырақ Б; 10 – Ортау II; 11 – Аксу-Аюлы II; 12 – Бұғылы II; 13 – Байбала II

Fig. 1. Mound-fences of Saryarka: a – early; b – late; v – other famous mound-fences – after – Margulan et al. 1966: fig. 76. 1 – Atasu I; 2 – Akkoitas V; 3 – Sarykol-1; 4 – Taldinsky-1; 5 – Besoba; 6 – Sherubai-1; 7 – Aidabul I; 8 – Belasar B; 9 – Aishrak B; 10 – Ortau II; 11 – Aksu-Ayuly II; 12 – Buguly II; 13 – Baibala II

и Аккойтас V. В двух случаях зафиксированы остатки перекрытия внутренней ограды в виде бревенчатой (Байбала II, № 2) и пирамидально-ступенчатой (Аксу-Аюлы II, № 3) рамы из брёвен. Возможно, в Бугулы II (№ 8) внутренняя ограда имела каменное перекрытие.

В ряде курганов-оград использованы такие приёмы строительства, как забутовка, утрамбовка и вымостка. В частности, в Аксу-Аюлы II (№ 3) вся площадка второй внутренней ограды была утрамбована и покрыта смесью глины, гравия, песка и щебня слоем около 0.5 м. Устойчивость наружных и внутренних стен обеспечивалась забутовкой пола обходного коридора. Вымосткой из гравия, щебня и глины был покрыт и пол погребальной камеры. Боковые стены ящика кургана № 2 могильника Ортау II, подобно аксу-аюлинскому кургану, закреплены забутовкой из обломков мелких камней, гравия и щебня.

Дополнительные сооружения во внешнем и внутреннем пространстве курган-оград

Пространство между внешними и внутренними оградами, так называемый «обходной коридор», зачастую свободен от построек. Однако есть несколько примеров наличия дополнительных архитектурных элементов, располагавшихся во внутреннем и внешнем пространстве кольцевых оград. Это: ров, расположенный с внешней стороны кольцевой ограды под насыпью (Атасу I, № 39; Шерубай-1, № 1); заполненный камнями ров, расположенный с внутренней стороны внешней ограды (Бесоба, № 3); пояс в виде каменной выкладки или наброса, который изнутри опоясывает внеш-

ную ограду (Сарыколь-1, № 1, 4); некое сооружение из камней во внутренней ограде (Бесоба, № 3). В одном случае отмечено сооружение отдельной внутренней ограды, окаймлявшей только одно погребение, тем самым отделяя его от соседнего погребения (Талдинский-1, № 3).

Элементы погребально-поминальной обрядности. Вертикально установленные каменные столбы

Характерной чертой рассмотренных курганов-оград является наличие вертикально установленных каменных стел. Остановимся на каждой ситуации отдельно:

1. Аксу-Аюлы II, № 2. В 14 м на северо-восток от кургана вкопан «сторожевой камень» прямоугольной формы размерами 0.5×0.6 м, с небольшим наклоном к югу [Маргулан и др. 1966: 167].

2. Аксу-Аюлы II, № 3. В 17 м от кургана, на северо-востоке находилось каменное антропоморфное изваяние с неясными чертами человеческого лица (высота 1.2 м, ширина головы 0.35 м, туловища – 0.66 м, у основания – 0.6 м). Изваяние сделано грубо, без деталей человеческой фигуры и стояло лицом к кургану. Перед ним была врыта на ребро очень массивная каменная плита (менгир) размерами 1.2×0.69×0.3 м [Маргулан и др. 1966: 168].

3. Байбала II, № 2. Судя по чертежу, в восточной части, с внутренней стороны внешнего кольца был вкопан менгир [Маргулан и др. 1966: 180].

4. Сарыколь-1, № 1. В данном кургане-ограде были обнаружены две стелы. До раскопок, в северной половине кургана, на дне воронки диаметром 5 м лежала каменная стела (высота 2.07 м, ширина 0.56-0.57 м) с лункообразной выемкой сверху диаметром 0.21 м. Вторая стела была обнаружена в западной части внутренней ограды, вдоль южной стены поминальной камеры. Высота стелы 1.75 м, ширина средней части 0.45 м, нижней – 0.33 м, верхней – 0.15–0.18 м [Исин 2004: 47-48].

5. Сарыколь-1, № 4. В центре кургана-ограды обнаружена четырехгранная стела высотой 1.3 м с лункообразной выемкой сверху. Стела была найдена разломленной посередине на две части [Исин 2004: 14].

6. Аккойтас V, № 1. В 7 м от насыпи лежала поваленная стела, на вершине насыпи стояли две вертикально установленные каменные плиты [Байтанаев и др. 2014: 663].

7. Талдинский-1, № 3. Между захоронениями обнаружена вертикально поставленная стела размерами 1.2×0.35×0.3 м [Кукушкин 2020: 80].

Стоит отметить, что в двух оградах фёдоровской культуры Сарыколь-1 также были найдены каменные стелы [Исин 2004: 41, 44].

Могильные конструкции. Способ захоронения

Все могильные конструкции впущены в земляную камеру. В 23-х случаях из 25-ти они представлены каменными ящиками, ориентированными, в основном, по линии З–В. Стандартным является наличие одного-двух погребений, во втором случае погребения располагаются длинной осью параллельно друг к другу.

В мог. Ортау II (№ 1) и Аксу-Аюлы II (№ 3) каменный ящик, закреплённый бутовкой, стоит в широкой земляной яме, заметно выступая из неё. К тому же в Ортау II сама земляная камера овальной формы, глубиной 1.8 м, была обложена каменной кладкой. В целом, для курганов-оград из Аксу-Аюлы II, Ортау II, Байбала II, Бугулы II характерно наличие свободного пространства, своего рода еще одного обходного коридора между каменными ящиками и внутренней оградой. В Айшрак Б встречены спаренные каменные ящики.

В опубликованных работах содержатся сведения о 25 случаях обнаружения остатков умерших. Преимущественно захоронения одиночные, господствует обряд труположения (18). Зафиксирован биритуализм в одной могиле (Шерубай-1, № 1), в одном кургане (Талдинский-1, № 1), а также в рамках могильника (Аксу-Аюлы II, Сарыколь-1, Бесоба). Обнаружено захоронение в положении сидя (Бугулы II, № 8).

3 Обсуждение (Рысбергенов М.А., Брынза Т.В.)

Культурная принадлежность курган-оград

Судя по всем основным характерным чертам, элитные курганы-ограды Сарыарки можно отнести к числу памятников фёдоровской культуры. Данный вывод можно аргументировать несколькими положениями:

1. Разнообразие надмогильных сооружений по форме и способу строительства является характерной чертой фёдоровской архитектуры, которая в курганах-оградах реализованы максимально. Особенно стоит отметить высокий уровень строительства кольцевых оград методом кладки;

2. В данных сооружениях, в отличие от традиции петровского и алакульского населения, статусность выражается через монументальную архитектуру надмогильных сооружений, а не через сложное устройство могильной конструкций и богатый инвентарь. Данное положение становится убедительнее если вспомнить, что для фёдоровских памятников, в целом, не характерен богатый и разнообразный сопроводительный инвентарь;

3. Вертикально установленные каменные объекты (столб, стела, менгир);

4. Нахождение такого характерного для населения фёдоровской культуры украшения, как серьги с раструбом в мог. Аксу-Аюлы II [Кукушкин, Дмитриев 2017: 208], Аккойтас V [Байтанаев и др. 2014: 664], Бесоба, № 3 (впускное погребение) и № 4 [Кукушкин, Дмитриев 2017: 200, 202], Талдинский-1, № 1 [Кукушкин 2020: 78];

5. Керамический комплекс, который главным образом состоит из плавно профилированных сосудов с геометрическим орнаментом.

Единственный памятник, который не может быть полностью признан как фёдоровский – это могильник Айдабул I, относящийся к числу смешанных алакульско-фёдоровских памятников амангельдинского типа. Вопрос периодизации амангельдинских древностей ещё не разрабатывался с помощью привлечения современных методов. Однако с учетом того, что радиоуглеродные датировки удревнили хронологическую позицию алакульской культуры, которая для Сарыарки охватывает промежуток 2-й пол. XVII – XVI в. до н.э. [Кукушкин, Дмитриев 2020: 95-96], представляется, что формирование немногочисленных амангельдинских древностей в Северном Казахстане происходило в этих временных рамках.

Стоит сказать, что Северная Сарыарка (которая является частью Северного Казахстана) входит в ареал фёдоровской культуры [Оразбаев 1958: 220–251], и там есть не раскопанные элитные курганы-ограды помимо айдабульского (например, Карсак III) [Свод памятников... 2008: 400]. Тот факт, что в Северной Сарыарке, в степной зоне, есть курган-ограда, алакульский по инвентарю, в то же время фёдоровский по архитектуре надмогильного сооружения, говорит о смешанности населения, воспринявшего в погребальной практике фёдоровскую традицию элитной архитектуры.

Между тем, по данному единичному случаю нельзя полагать, будто бы все курганы-ограды Северной Сарыарки амангельдинские. Поскольку носителями этой архитектурной традиции являются «фёдоровцы», стоит ожидать, что в Северной Сарыарке будут изучены курганы-ограды во всех отношениях фёдоровского облика.

Сравнительная характеристика

Исходя из всех признаков, элитные курганы-ограды Сарыарки можно разделить на две хронологические группы – ранние и поздние. В первую очередь различия между этими группами наблюдаются в архитектуре сооружений (рис. 2-3).

Для курганов поздней группы не характерно наличие только одного каменного кольца, тогда как в ранней группе почти у половины курганов (5/11) имеется лишь одна ограда. В памятниках ранней группы размеры внешней ограды находятся в интервале 9–15 м (7/11). В этих комплексах

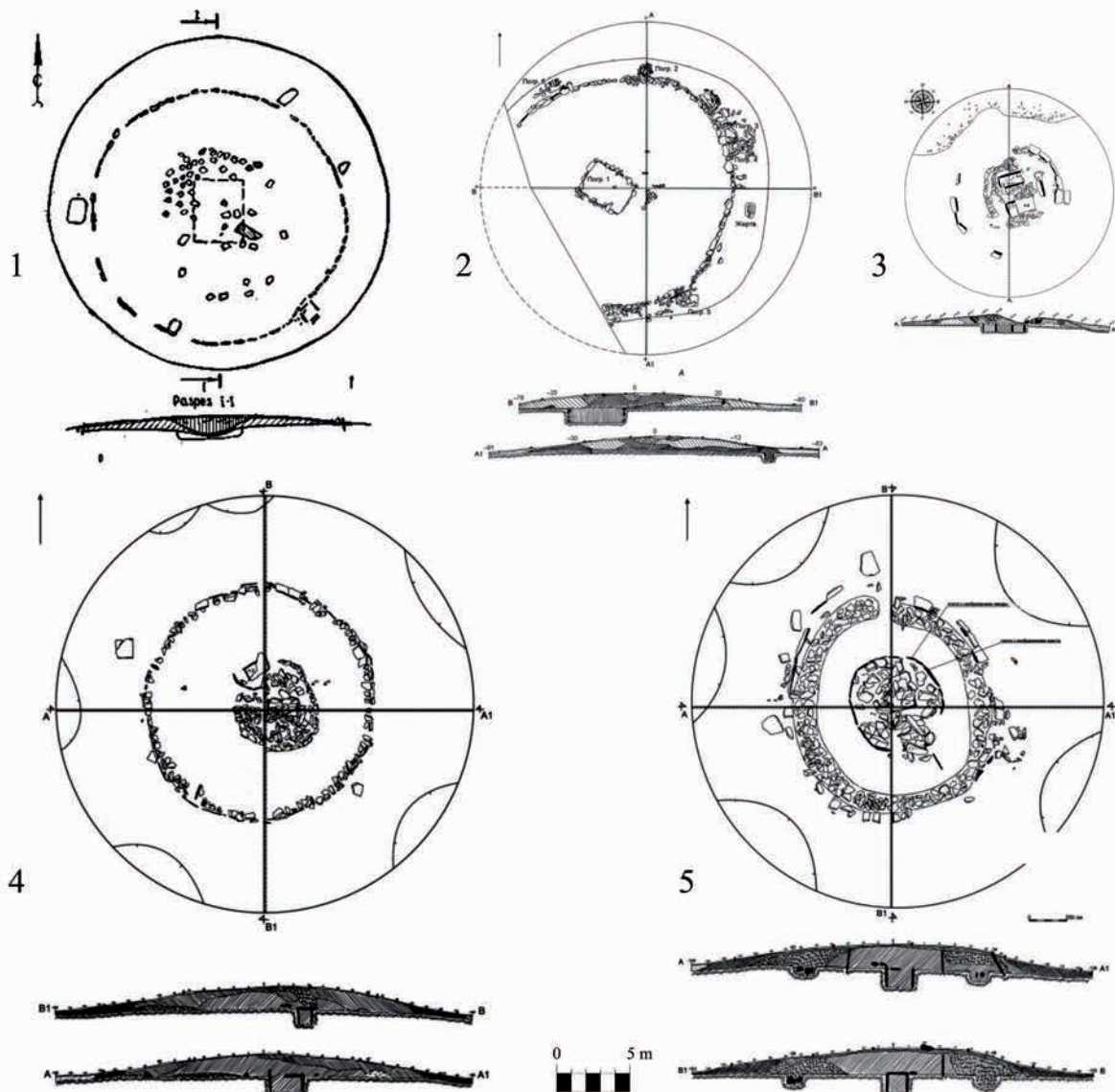

Рис. 2. Курганы-ограды ранней группы: 1 – Атасу, № 39 (по: [Кадырбаев, Курманкулов 1992: рис. 78]); 2 – Шерубай-1, № 1 (по: [Кукушкин, Дмитриев 2018: рис. 2]); 3 – Талдинский-1, № 3 (по: [Кукушкин 2020: рис. 2]); 4 – Бесоба, № 4 (по: [Кукушкин, Дмитриев 2017: рис. 7]); 5 – Бесоба, № 3 (по: [Кукушкин, Дмитриев 2017: рис. 3])

2-сур. Ерте топтағы обалы қоршаулар: 1 – Атасу, № 39 ([Кадырбаев, Курманкулов 1992: рис. 78] бойынша); 2 – Шерубай-1, № 1 ([Кукушкин, Дмитриев 2018: рис. 2] бойынша); 3 – Талды-1, № 3 ([Кукушкин 2020: рис. 2] бойынша); 4 – Бесоба, № 4 ([Кукушкин, Дмитриев 2017: рис. 7] бойынша); 5 – Бесоба, № 3 ([Кукушкин, Дмитриев 2017: рис. 3] бойынша)

Fig. 2. Mound-fences of the early group: 1 – Atasu, № 39 – after – Kadyrbaev, Kurmankulov 1992: fig. 78; 2 – Sherubai-1, no. 1 – after – Kukushkin, Dmitriev 2018: fig. 2; 3 – Taldinsky-1, no. 3 – after – Kukushkin 2020: fig. 2; 4 – Besoba, no. 4 – after – Kukushkin, Dmitriev 2017: fig. 7; 5 – Besoba, no. 3 – after – Kukushkin, Dmitriev 2017: fig. 3

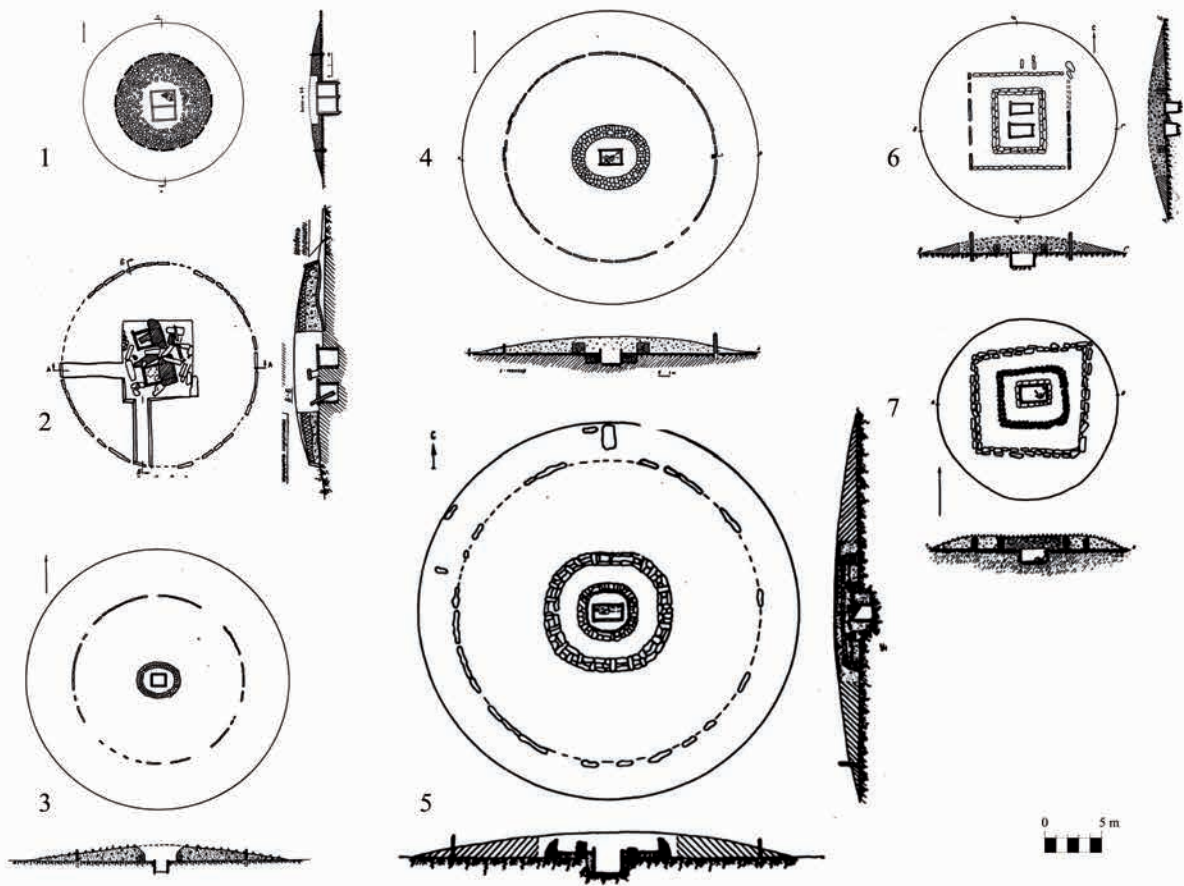

Рис. 3. Курганы-ограды поздней группы: 1 – Айшрак Б, № 6 (по: [Маргулан и др. 1966: рис. 30]; 2 – Бельсар Б, № 2 (по: [Маргулан 1979: рис. 22]); 3 – Ортау II, № 2; 4 – Байбала II, № 1; 5 – Аксу-Аюлы II, № 3; 6 – Аксу-Аюлы II, № 2; 7 – Бұғылы II, № 8 (по: [Маргулан и др. 1966: рис. 78, 80, 88, 89, 97])
3-сур. Кейінгі топтағы обалы қоршаулар: 1 – Айшырақ Б, № 6 ([Маргулан и др. 1966: рис. 30] бойынша); 2 – Беласар Б, № 2 ([Маргулан 1979: рис. 22] бойынша); 3 – Ортау II, № 2; 4 – Байбала II, № 1; 5 – Аксу-Аюлы II, № 3; 6 – Аксу-Аюлы II, № 2; 7 – Бұғылы II, № 8 ([Маргулан и др. 1966: рис. 78, 80, 88, 89, 97] бойынша)

Fig. 3. Mound-fences of the late group: 1 – Aishrak B, no. 6 – after – Margulan et al. 1966: fig. 30; 2 – Belasar B, no. 2 – after – Margulan 1979: fig. 22; 3 – Ortau II, no. 2; 4 – Baibala II, no. 1; 5 – Aksu-Ayuly II, no. 3; 6 – Aksu-Ayuly II, no. 2; 7 – Buguly II, no. 8 – after – Margulan et al. 1966: fig. 78, 80, 88, 89, 97

встречаются дополнительные архитектурные элементы во внешнем или внутреннем пространстве внешней ограды (ров, пояс из каменной выкладки или наброса), тогда как комплексы поздней группы выделяются чёткостью архитектурно-планировочной основы.

Вместе с тем, в курганах-оградах ранней группы есть ряд архитектурных черт (использование подпорок, кладка с напуском), которые в свое время считались особенностью сооружений переходного этапа и бегазинского времени [Маргулан и др. 1966: 164, 173]. Подпорки массивных каменных плит использовались в таких памятниках ранней группы, как Сарыколь-1, Бесоба, Талдинский-1. Наличие кладки с напуском для сооружения сводчатого купола предполагается для кургана-ограды № 4 могильника Бесоба [Кукушкин, Дмитриев 2017: 198].

Курган-ограды поздней группы, в особенности Аксу-Аюлы II, № 3, Ортау II, № 1–3, Байбала II, № 1 выделяются циклопичностью двойных оград, мощным курганным перекрытием. Среднее значение диаметра насыпи этих пяти курганов составляет 30 м, каменного кольца – 21.4 м, высоты – 2 м. Также для памятников поздней группы характерно строительство массивных каменных стен методом цистовой кладки (ширина 0.5–2.0 м, сохранившаяся высота 0.5–1.5 м), которые, в отличие от круглых каменных колец ранней группы, бывают разнообразных форм.

Особо стоит отметить наличие перекрытия внутренней ограды в мог. Байбала II (№ 2), Аксу-Аюлы II (№ 3) и Бугулы II (№ 8). Судя по реконструкциям, пирамидально-ступенчатое перекрытие кургана-ограды из Аксу-Аюлы [Маргулан 1998: рис. 62] весьма схоже с таким же деревянным перекрытием мавзолея № 1 из мог. Бегазы [Маргулан 1979: 352]. Каменное перекрытие бугулинского кургана-ограды, исходя из описания, изначально состояло из обставленных по периметру больших каменных плит наподобие мавзолея Бегазы.

В комплексах поздней группы встречаются такие приёмы строительства, как трамбовка площадки внутренней ограды, забутовка основания стен, использование сухого раствора, заполнение междурядных ямок и пустот мелкими обломками камней и глиной (Аксу-Аюлы II, № 3; Ортау II, № 2, Байбала II, № 2).

За исключением курган-оград Айдабул I, № 1 (могильные конструкции уничтожены) и Сарыколь-1, № 4 (сведения не полные), почти в половине сооружений ранней группы (4/9) обнаружено несколько погребений, тогда как для поздней группы характерно одно погребение в центре (6/9). Различия также наблюдаются в самих могильных конструкциях. Каменные ящики ранней группы имеют стандартную прямоугольную форму (продолговатые пропорции), тогда как ящики поздней группы имеют подквадратную форму, создают впечатление массивности за счёт больших размеров и стремления к соразмерности сторон, а также большой глубиной (в пяти погребениях глубина более 1.5 м). Все эти различия представлены в таблице 1.

*Таблица 1 – Сравнительная характеристика курганов-оград ранней и поздней групп
1-кесте – Ерте және кейінгі топтардың обалы қоршауларының салыстырмалы сипаттамасы
Table 1 – Comparative characteristics of the mound-fences of the early and late groups*

	Ранние	Поздние
№	Айдабул I, № 1; Атасу I, № 39; Сарыколь-1, № 1, 4; Аккойтас V, № 1; Бесоба, № 3-4; Шерубай-1, № 1; Талдинский-1, № 1–3 (Всего: 11 сооружений)	Айшрак Б, № 6; Аксу-Аюлы II, № 2-3, Ортау II, № 1–3, Байбала II, № 1, Бугулы II, № 8; Бельасар Б, № 2 (Всего: 9 сооружений)
1.	Имеются сооружения с одним каменным кольцом (5/11);	Во всех курганах-оградах есть два каменных кольца, в одном случае – три;
2.	Надмогильные сооружения курганов-оград ранней группы менее масштабные по своим размерам по сравнению с курганами-оградами поздней группы;	Имеют более крупные размеры надмогильных сооружений по сравнению с курганами-оградами ранней группы;
3.	В основном, округлые каменные кольца;	Помимо оград округлой формы, встречаются овальные, подквадратные и подпрямоугольные;
4.	Кольцевые ограды, сооружённые методом кладки, для ранней группы не характерны;	Высокий уровень строительства кольцевых оград методом кладки. Использование сухого раствора, заполнение пустот кладки;
5.	В курганах-оградах ранней группы не наблюдается использование таких приемов как забутовка, утрамбовка, вымостка;	В курганах-оградах поздней группы используются строительные приёмы как забутовка, утрамбовка, вымостка;

Окончание таблицы 1
1-кестенің соңы
End of table 1

6.	Наличие дополнительных архитектурных элементов, располагавшихся во внутреннем и внешнем пространстве кольцевых оград;	Свободный обходной коридор, чёткость архитектурно-планировочной основы, отсутствие дополнительных построек;
7.	Не характерно каменное перекрытие оград	Перекрытие внутренней ограды;
8.	Почти в половине случаев содержали несколько погребений в центре (4/9);	Одно погребение в центре (6/9);
9.	Прямоугольные (продолговатые) каменные ящики;	Подквадратные большие ящики;
10.	Классические сосуды фёдоровской культуры с плавным профилем и геометрическим орнаментом.	Сосуды с поздними чертами: - с приземистыми пропорциями и шаровидным туловом; - техника орнаментации в виде крупного гребенчатого штампа с поперечными зарубками; - круглые ямки, расположенные по горизонтальной линии или обводящие другие фигуры.

Керамический комплекс имеет немаловажную роль в хронологическом разграничении курганов-оград. Керамика ранней группы традиционна для фёдоровской культуры – плавные формы, характерный геометрический орнамент (рис. 4, 1–9).

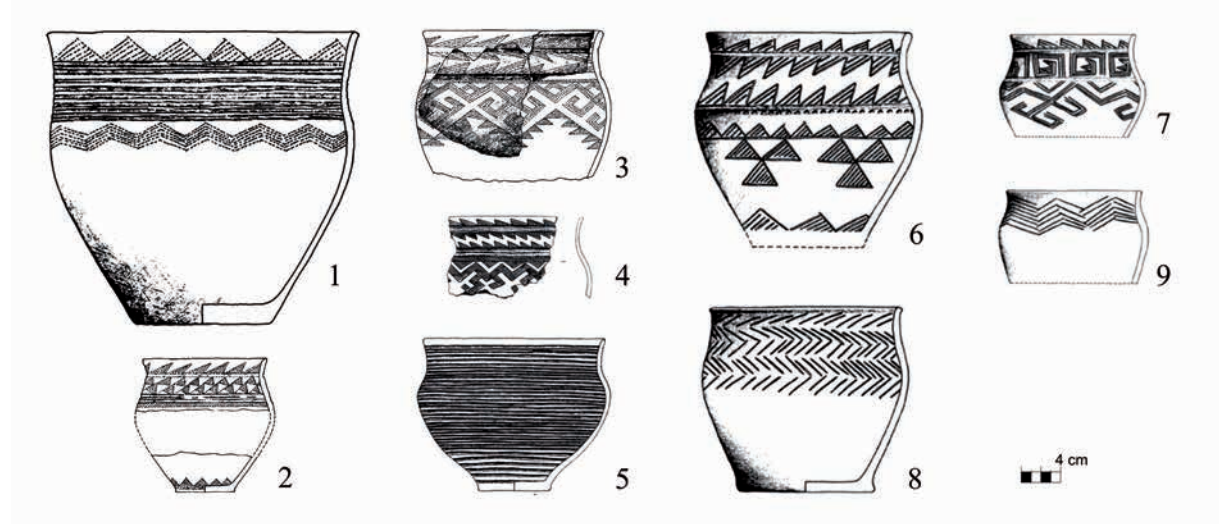

Рис. 4. Керамические сосуды ранней группы: 1, 2 – Бесоба, № 3; 3 – Бесоба, № 4 (по: [Кукушкин, Дмитриев 2017: рис. 5, 8]); 4, 5 – Шерубай-1, № 1 (по: [Кукушкин, Дмитриев 2018: рис. 3]); 6 – Талдинский-1, № 1; 7, 8 – Талдинский-1, № 2; 9 – Талдинский-1, № 3 (по: [Кукушкин 2020: рис. 1])

4-сур. Ерте топтағы керамикалық ыдыстар: 1, 2 – Бесоба, № 3; 3 – Бесоба, № 4 ([Кукушкин, Дмитриев 2017: рис. 5, 8] бойынша); 4, 5 – Шерубай-1, № 1 ([Кукушкин, Дмитриев 2018: рис. 3] бойынша); 6 – Талды-1, № 1; 7, 8 – Талды-1, № 2; 9 – Талды-1, № 3 ([Кукушкин 2020: рис. 1] бойынша)

Fig. 4. Ceramic vessels of the early group: 1, 2 – Besoba, no. 3; 3 – Besoba, no. 4 – after – Kukushkin, Dmitriev 2017: fig. 5; 8; 4, 5 – Sherubay-1, no. 1 – after – Kukushkin, Dmitriev 2018: fig. 3; 6 – Taldinsky-1, no. 1; 7, 8 – Taldinsky-1, no. 2; 9 – Taldinsky-1, no. 3 – after – Kukushkin 2020: fig. 1

Подробнее остановимся на керамике поздних сооружений, в которых появляется ряд поздних черт, отмеченный в свое время А.Х. Маргуланом:

– сосуды с приземистыми пропорциями и шаровидным туловом (рис. 5, 1–3, 5, 6, 42, 43) [Маргулан 1979: 25, 27];

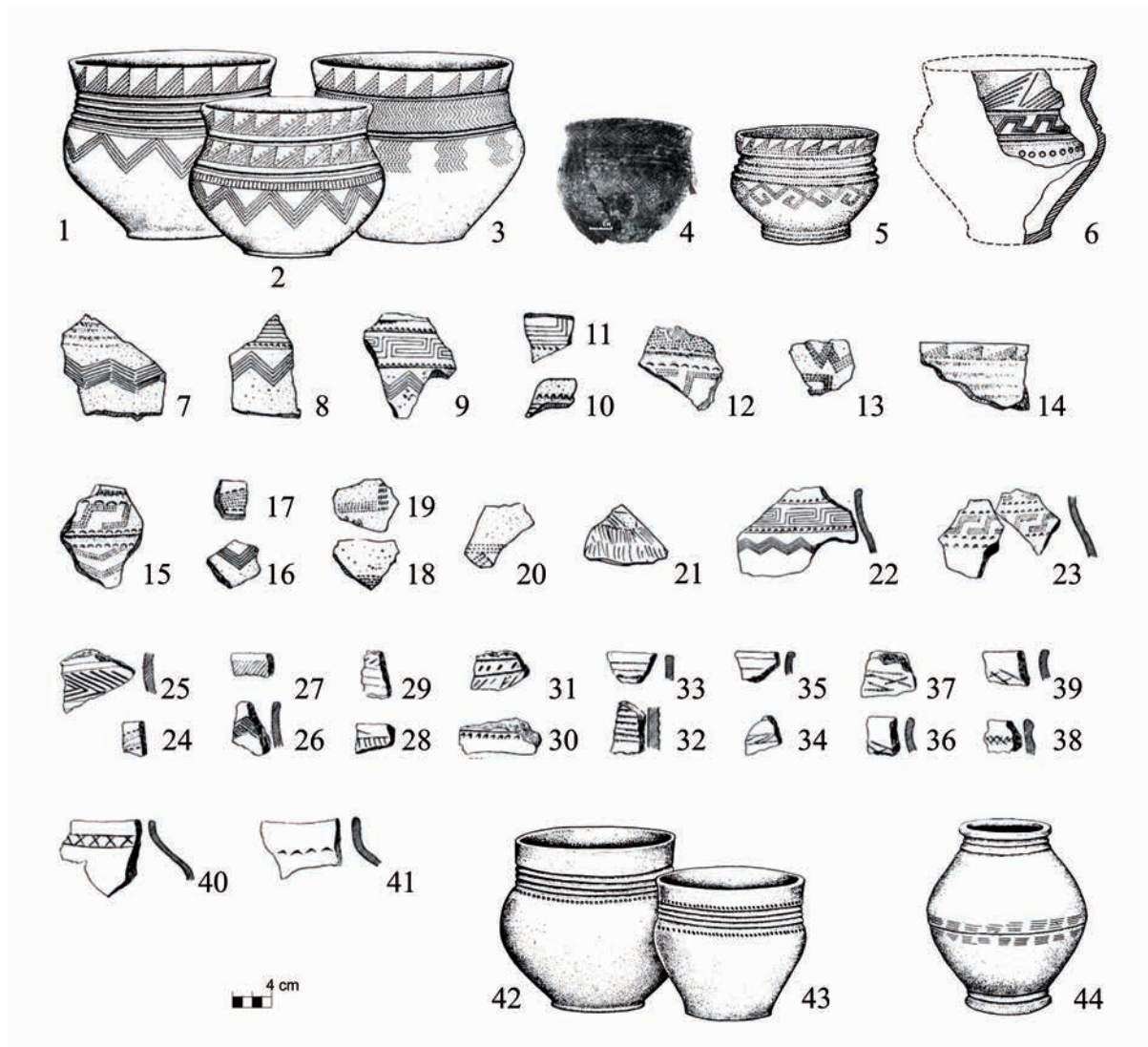

Рис. 5. Керамические сосуды поздней группы: 1–3 – Айшрак Б, № 6; 4 – Ортау II, № 3; 5 – Аксу-Аюлы II, № 2; 6 – Аксу-Аюлы II, № 3; 7–41 – Ортау II (по: [Маргулан и др. 1966: рис. 7, 83, 87; табл. XVI-XVII]); 42–44 – Бельсар Б, № 2 (по: [Маргулан 1979: рис. 23, 24])

5-сур. Кейінгі топтағы керамикалық ыдыстар: 1–3 – Айшырақ Б, № 6; 4 – Ортау II, № 3; 5 – Аксу-Аюлы II, № 2; 6 – Аксу-Аюлы II, № 3; 7–41 – Ортау II ([Маргулан и др. 1966: рис. 7, 83, 87; табл. XVI-XVII] бойынша); 42–44 – Беласар Б, № 2 ([Маргулан 1979: рис. 23-24] бойынша)

Fig. 5. Ceramic vessels of the late group: 1–3 – Aishrak B, no. 6; 4 – Ortau II, no. 3; 5 – Aksu-Ayuly II, no. 2; 6 – Aksu-Ayuly II, no. 3; 7–41 – Ortau II – after – Margulan et al. 1966: fig. 7, 87, 83; table XVI-XVII; 42–44 – Belasar B, no. 2 – after – Margulan 1979: fig. 23, 24

– техника орнаментации в виде крупного гребенчатого штампа с поперечными зарубками (рис. 5, 4, 6);

– круглые ямки, расположенные по горизонтальной линии (рис. 5, 6, 42) или обводящие другие фигуры (рис. 5, 2; сосуд № 3, 4 из Бельсар Б) [Маргулан 1979: 48-49].

К признакам, которые подкрепляют поздний характер этих комплексов, можно прибавить формовку способом выдавливания из цельного комка глины (рис. 5, 42) [Маргулан 1979: 48] и наличие в керамическом комплексе мог. Ортау II фрагментов керамики с орнаментом в виде косоугольной сетки, а также больших обломков двух сосудов с характерным для валиковых горшков профилем (рис. 5, 37–41).

В то же время наличие геометрического орнамента (заштрихованные косые треугольники, линейные и ковровые меандровые фигуры, зигзагообразные линии), часто встречающиеся каннелюры, в сочетании с формой сосудов, говорят о принадлежности курганов-оград поздней группы к позднему этапу фёдоровской культуры.

4 Результаты (Рысбергенов М.А., Хабдулина М.К.)

Фёдоровские памятники Сарыарки, судя по последним радиоуглеродным данным, датируются в пределах XVIII – 1-й пол. XV в. до н.э. [Кукушкин 2020; Сакенов и др. 2022]. Опираясь на калиброванное значение радиоуглеродной даты кургана-ограды Шерубай-1 [Кукушкин, Дмитриев 2018: 47], раннюю группу можно датировать XVII – 1-й пол. XVI в. до н.э. В эти рамки также укладывается заключение исследователей по дате курганов-оград из могильника Бесоба, которые были отнесены к постпетровскому времени [Кукушкин, Дмитриев 2017: 208].

Нижняя граница поздней группы, по нашему мнению, совпадает со временем поглощения фёдоровским населением алакульского в конце XVI в., о чём пишет И.А. Кукушкин: «Мы не знаем, в отличие от позднефёдоровских, позднеалакульские памятники. Они просто неизвестны, так как к концу XVI в. до н.э. фёдоровка постепенно поглощает алакуль, что в целом подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования» [Кукушкин 2023: 295].

Таким образом, сооружения поздней группы, видимо, маркируют превосходство фёдоровской элиты и фёдоровской традиции элитной архитектуры во 2-й пол. XVI – 1-й пол. XV в.

Стоит отметить, что эти хронологические разграничения касаются курганов-оград, а не всех памятников фёдоровской культуры. Поскольку радиоуглеродная датировка фёдоровских памятников Сарыарки начала осуществляться лишь в последние десять лет, и с учетом того, что внутренняя периодизация их ещё не разработана, возможно, что предложенные нами ориентировочные даты ранней и поздней групп курганов-оград будут корректироваться. Для этого требуется решение вопроса о месте формирования памятников фёдоровской культуры, установление их нижней границы, разработка внутренней периодизации на основе массовой серии радиоуглеродных дат. Когда эти задачи будут решены, представляется возможным более доказательное обоснование периодизации курган-оград.

5 Заключение (Рысбергенов М.А., Хабдулина М.К.)

Элитные сооружения типа курганов-оград демонстрируют сложную социальную стратификацию фёдоровских племен. Вследствие того, что исследованные в прошлом столетии курганы-ограды относились, по нашему делению, к поздней группе, фёдоровские черты которой для того времени были не столь очевидны, исследователи были склонны считать их памятниками переходного этапа. Однако открытия последних десяти лет, благодаря более выразительным признакам, убеждают нас в принадлежности элитных курган-оград к фёдоровской культуре.

Предварительно намеченные даты, как уже было сказано, могут корректироваться, но приведённые различия курганов-оград, с точки зрения авторов, свидетельствуют об их хронологическом разграничении.

В последующем периоде архитектура элитных комплексов претерпевает значительные изменения. На смену курганам-оградам приходят пирамидально-ступенчатые мавзолеи. Лишь в крупнейших из них (напр., мог. Каражартас, Айбас-Дарасы) имеются курганные перекрытия, что, видимо, является подражанием элите фёдоровской культуры. Однако традиция строительства курганов со сложной структурой наземной погребальной архитектуры не прерывается, и, как писал А.Х. Маргулан: «Возникнув в конце средней бронзы, этот тип сооружений продолжает существовать и в раннескифское время, принимая еще более грандиозные размеры» [Маргулан 1979: 56].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. VII: Археология. С. 3-31.
- 2 Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культурно-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долины батыров» // Восхождение к вершинам археологии: сб. м-лов Междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. С. 659-668.
- 3 Вилесов Е.Н., Науменко А.А., Веселова Л.К., Аубекеров Б.Ж. Физическая география Казахстана: учебное пособие. Алматы: Қазақ университеті, 2009. 362 с.
- 4 Исин А.И. Шынғыстау, Берел, Шиликти, Абралы: Археологические исследования. 1999–2003 гг. Семей: Эзербаева К., 2004. 184 с.
- 5 Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы: Гылым, 1992. 247 с.
- 6 Кукушкин И.А. Семантика социально-стратифицированных погребальных комплексов нурунско-федоровской культуры Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. 2017. Вып. 5. С. 18-23.
- 7 Кукушкин И.А. Федоровские захоронения могильника Талдинский-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. А.А. Тишкин. Вып. 26. Барнаул: АлтГУ, 2020. С. 76-83.
- 8 Кукушкин И.А. Этнокультурные процессы на территории Центрального Казахстана в эпоху поздней бронзы // Stratum Plus. 2023. № 2. С. 291-317.
- 9 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. В 2-х т. Т. 2 / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 196-210.
- 10 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Результаты исследований могильника Шерубай-1 андроновской (федоровской) культуры Центрального Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 4. С. 42-48.
- 11 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Алакульские захоронения могильника Сенкибай-2 // Маргулановские чтения–2020: м-лы Междунар. научн.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). В 2-х т. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. Т. 2. С. 84-98.
- 12 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Маркеры социальной стратификации в эпоху бронзы // Маргулановские чтения–2018: сб. м-лов Междунар. научн.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19-20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Актобе: Алматы: ИА КН МОН РК, 2018. С. 98-100.
- 13 Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. VII: Археология. С. 86-150.
- 14 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

- 15 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Собрание сочинений в 14-ти томах. Т. 1. Алматы: Атамұра, 1998. 400 с.
- 16 Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
- 17 Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. V: Археология. С. 216-283.
- 18 Сакенов С.К., Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н. Архитектура каменных сооружений эпохи бронзы в окрестностях Бурабая // Вестник Карагандинского ун-та. Серия «История. Философия». 2022. № 4 (108). С. 152-163.
- 19 Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область. Алматы: Аруна, 2009. 568 с.
- 20 Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: АН СССР, 1960. № 88. 196 с.
- 21 Kukushkin I.A., Tishkin A.A., Dmitriev E.A. Sacred monuments of ancient Saryarka and modern researches // Вестник Карагандинского ун-та. Серия «История. Философия». 2019. № 2 (94). С. 58-64.

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. 1959. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii Nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the KazSSR Academy of Sciences)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 3-31 (in Russian).
- 2 Baitanaev, B. A., Ahatov, G. A., Kazizov, E. S. 2014. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Voskhozhdenie k vershinam arheologii (Climbing to the heights of archaeology)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 659-668 (in Russian).
- 3 Vilesov, E. N., Naumenko A. A., Veselova L. K., AubekeroV B. Zh. 2009. *Fizicheskaya geografiya Kazahstana: uchebnoe posobie (Physical geography of Kazakhstan: textbook)*. Almaty: “Kazakh University” Publ. (in Russian).
- 4 Isin, A. I., 2004. *Shyngystau, Berel, Shilikti, Abraly: Arheologicheskie issledovaniya. 1999–2003 gg. (Shyngystau, Berel, Shilikti, Abraly: Archaeological research. 1999–2003)*. Semey: “Azerbaev K.” Publ. (in Kazakh, Russian).
- 5 Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Z. K. 1992. *Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki (Culture of ancient cattle breeders and metallurgists of Sary-Arka)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
- 6 Kukushkin, I. A. 2017. In: *Istoriya i arkheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechye)*, 5, 18-23 (in Russian).
- 7 Kukushkin, I. A. 2020. In: Tishkin, A. A. *Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altayskogo kraja (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai territory)*, 26, 76-83 (in Russian).
- 8 Kukushkin, I. A. 2023. In: *Stratum Plus*, 2, 291-317 (in Russian).
- 9 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman V. G. (ed.) *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 196-210 (in Russian).
- 10 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2018. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)*, 46/4, 42-48 (in Russian).
- 11 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 84-98 (in Russian).
- 12 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2018. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2018 (Margulan readings–2018)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 98-100 (in Russian).
- 13 Maksimova, A. G. 1959. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii Nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the KazSSR Academy of Sciences)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 86-150 (in Russian).
- 14 Margulan, A. K. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

- 15 Margulan, A. K. 1998. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazahstana. Sobranie sochinenij v 14-ti tomah. T. 1 (Begazy-Dandybaev culture of Central Kazakhstan. Collected works in 14 volumes. Vol. 1)*. Almaty: "Atamura" Publ. (in Russian).
- 16 Margulan, A. K., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" (in Russian).
- 17 Orazbayev, A. M. 1958. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii Nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the KazSSR Academy of Sciences)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 216-283 (in Russian).
- 18 *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Akmolinskaya oblast (The official list of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Akmola region)*. 2009. Astana: "Aruna" Publ. (in Russian).
- 19 Sakenov, S. K., Yarygin, S. A., Ilderyakov, N. N. 2022. In: *Vestnik Karagandinskogo un-ta. Seriya «Istoriya. Filosofiya» (Bulletin of Karaganda University. Series «History. Philosophy»)*, 4/108, 152-163 (in Russian).
- 20 Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazahstan v epohu bronzy (East Kazakhstan in the Bronze Age)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 21 Kukushkin, I. A., Tishkin, A. A., Dmitriev, E. A. 2019. In: *Vestnik Karagandinskogo un-ta. Seriya «Istoriya. Filosofiya» (Bulletin of Karaganda University. Series «History. Philosophy»)*, 2/94, 58-64 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 21.02.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 29.03.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.04.2024.

УДК 902.904 (470.56)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69>

Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья

© 2024 г. Файзуллин И.А.

Keywords: The Late Bronze Age, building traditions, Orenburg Cis-Urals, ground-based constructions

Түйін сөздер: кейінгі қола дәуірі, құрылыс дәстүрлері, Орынбор Урал маңы, жерүсті құрылысы

Ключевые слова: поздний бронзовый век, строительные традиции, Оренбургское Предуралье, наземные постройки

Ildar Faizullin¹

¹Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia.
ORCID: [0000-0002-0243-8183](https://orcid.org/0000-0002-0243-8183) E-mail: ildar-1988@mail.ru

Building traditions of the population of the Late Bronze Age in the territory of the Orenburg cis-Urals

The article is devoted to the buildings of the Late Bronze Age on the territory of the Orenburg cis-Urals. Thirteen settlements were excavated on the studied territory, of which only seven buildings were discovered. The dimensional characteristics of the buildings are comparable to monuments in neighboring regions, however, larger buildings have also been studied on them, which are absent in our region. The ground-based constructions without poles are represented by 7 buildings. This group dominates and is a distinctive feature of the territory under consideration. The predominance of land-based buildings in the region may reflect the way of farming. Sufficiently mobile cattle breeding did not involve the construction of heavy dwellings and domestic constructions. It was important to fix constructions very fast to make them available for living again in case of frequency changes the residential places.

Source of funding: The work was supported by the RNF grant № 23-68-10006 “Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Age in the light of interdisciplinary research in the Southern Urals”.

For citation: Faizullin, I. 2024. Building traditions of the population of the Late Bronze Age in the territory of the Orenburg cis-Urals. *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 44–69 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.44.69](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69)

Ильдар Асхатович Файзуллин¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, аға ғылыми қызметкер, Орынбор мемлекеттік педагогикалық университеті, Орынбор қ., Ресей

Орынбор Урал маңы аумағындағы кейінгі қола дәуірі тұрғындарының құрылыс дәстүрлері

Мақала Орынбор Урал маңы аумағындағы кейінгі қола дәуірі құрылыстарына арналған. Зерттелген аумақта 13 қоныста қазба жұмыстары жүргізіліп, солардың тек жетеуінен ғана жерүсті құрылыстары табылды. Құрылыстардың өлшем сипаты көрші өңірлердегі ескерткіштерге сәйкес келеді, десе де арасында біздің өңірде кездеспейтін ірі құрылыстар да зерттелді. Бағанасыз салынған жерүсті құрылыстар

Ильдар Асхатович Файзуллин¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья

Статья посвящена постройкам позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья. На исследованной территории раскопкам было подвергнуто 13 поселений, из них только на семи были обнаружены постройки. Размерные характеристики построек сопоставимы с памятниками в соседних регионах, однако на них исследованы и более крупные сооружения, которые в нашем регионе отсутствуют.

жеті құрылыстан тұрады. Қарастырып отырған аумақта осы топ басым және оның ерекше сипаты болып отыр. Өңірдегі жерүсті құрылыстарының көп болуы шаруашылық жүргізу тәсілдерін көрсетуі мүмкін. Жайылымды жиі ауыстыратын малшаруашылығында үлкен тұрғын үйлер мен шаруашылық құрылыстар салынбайды. Жиі көшіп-қонып жүрген кезде қайта қоныстану үшін құрылыстың жылдам жөнделетін болуы маңызды рөл атқарады.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс РҒҚ №23-68-10006 «Оңтүстік Урал маңындағы пәнаралық зерттеулер тұрғысындағы қола және ерте темір дәуіріндегі этномәдени процестер» грантының қолдауымен орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Файзуллин И.А. Орынбор Урал маңы аумағындағы кейінгі қола дәуірі тұрғындарының құрылыс дәстүрлері. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 44–69-бб.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.44.69](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69)

Бесстолбовые строения наземного типа представлены семью постройками. Данная группа доминирует и является отличительной чертой рассматриваемой территории. Преобладание наземных построек в регионе может отражать способ ведения хозяйства. Достаточно подвижное скотоводство не предполагало возведения мощных жилых и хозяйственных строений. При частой смене места проживания ключевую роль играла возможность быстрого ремонта построек для повторного заселения.

Источник финансирования: Работа выполнена при поддержке гранта РФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

Для цитирования: Файзуллин И.А. Строительные традиции населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья. *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 44–69. [DOI: 10.52967/akz2024.2.24.44.69](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.44.69)

1 Введение

Жилые и хозяйственные постройки являются важным и неотъемлемым компонентом традиционной материальной культуры, тесно связанным с различными сторонами общественной жизни. В то же время необходимо отметить, что тип сооружения во многом зависит от природно-климатических условий, в которых проживали представители той или иной археологической культуры. Постройки являются источником познания традиций и новаций в хозяйственной деятельности человека. Е.Е. Кузьмина отмечала, что тип жилища в древних социумах зависел от ряда причин. Это, прежде всего, – степень оседлости населения, его хозяйственно-культурный тип, природные условия и имеющийся в распоряжении материал для строительства. Формирование типа жилищ шло опытным путём на протяжении довольно длительного времени [Кузьмина 1994: 64].

Этнографические данные показывают, что тип жилища зависит не только от природно-климатических условий и экономической целесообразности, но и от традиций домостроительства, которые могли сохраняться довольно долгое время у определённой группы населения.

Целью данной работы является обобщение всех построек позднего бронзового века Оренбургского Предуралья. Исходя из этого, были поставлены следующие задачи: описание всех построек в регионе; анализ морфологических характеристик (размеры, внутренние конструкции); соотнесение рассматриваемых объектов с постройками в соседних регионах; попытка их реконструкции на основе уже имеющихся примеров воспроизведения на поселениях Волго-Уралья; определение функционального назначения построек.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследований

На территории Западного Оренбуржья раскопками было исследовано тринадцать поселений, из них только на семи были обнаружены постройки: на II Кузьминковском, Родниковом, Покровском, Токском, Ивановском, Горном и Малоюлдашевском (рис. 1)* (*Все иллюстрации к статье подготовлены автором). Анализу были подвергнуты 11 построек с территории Оренбургского Предуралья. Данные о постройках получены из научных отчётов, хранящихся в архиве ИА РАН, а также в

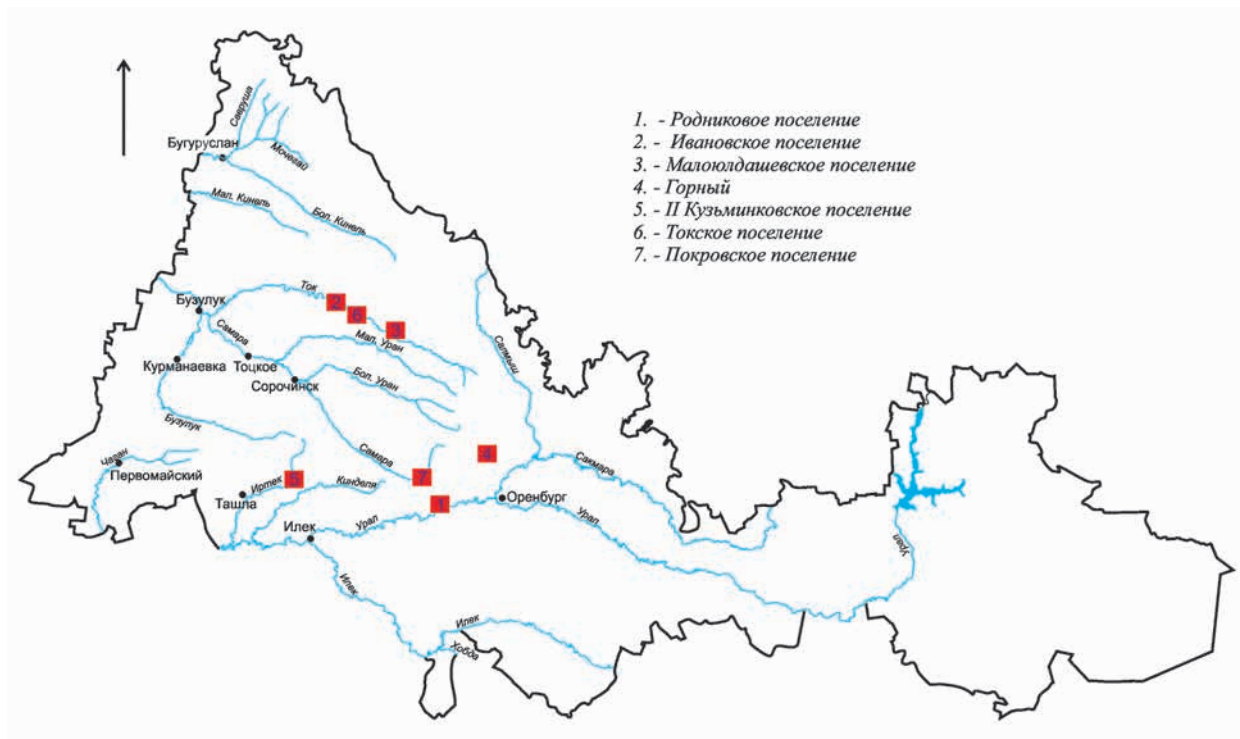

Рис. 1. Схема распространения поселений эпохи поздней бронзы Оренбургского Предуралья
1-сур. Орынбор Урал маңындағы кейінгі қола дәуірі қоныстарының таралу сызбасы
Fig. 1. Scheme of distribution of settlements of the Late Bronze Age of the Orenburg cis-Urals

архиве археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, из публикаций материалов раскопок.

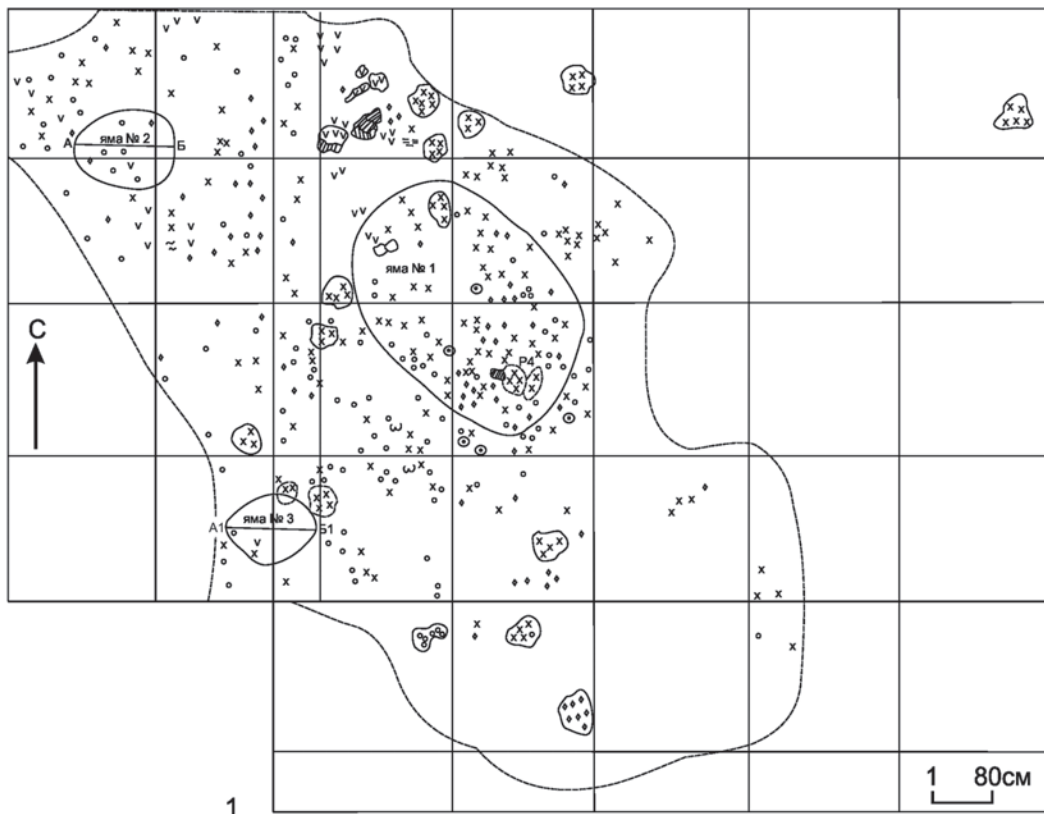
2.2 Характеристика материала

Источником исследования являются 11 построек с территории Оренбургского Предуралья:
Родниковое поселение.

В ходе двух полевых сезонов было исследовано 1168 кв. м поселения. На его территории изучено два сооружения [Купцова, Файзуллин 2012: 70–100].

Постройка 1 (рис. 2, 1) имеет котлован подпрямоугольной формы размерами 13×5 м и глубиной 25 см от уровня материка. Жилище длинной стороной было обращено к ручью, выходы из сооружения не прослежены, следы деревянных конструкций отсутствуют.

Интересной и сложной по своему устройству являлась хозяйственная яма, которая служила погребом (рис. 2, 2). Она была вырыта возле восточной стенки жилища, имела овальные очертания, её диаметр составлял около 3 м у поверхности. На глубине 90 см яма резко сужалась, образуя ступеньку. Диаметр дна ямы – 1.2 м, глубина от уровня материка – 3.1 м. Авторы раскопок интерпретировали данное сооружение как погреб для хранения продуктов, исходя из большого количества раздавленных сосудов, костей животных и птиц, которые были обнаружены на уступе. Однако, исходя из конструкции, мы можем также интерпретировать его как колодец. Вероятно, данная конструкция изначально могла создаваться как колодец, но затем могла использоваться как погреб.

- Условные обозначения:
- — - контур ямы на гл. -184
 - С₁ - развалы сосудов
 - кости животных
 - 1, 2 - следы от столбов
 - материк
 - красная глина
 - темно-серая глина
 - угли
 - камни
 - скопление камней
 - керамика
 - уголь
 - кость
 - медный шлак
 - кальцинированная кость
 - раковина

Рис. 2. Родниковое поселение: 1 – постройка 1; 2 – яма-погреб
 2-сур. Родниковое қонысы: 1 – құрылыс 1; 2 – жерқойма шұңқыры
 Fig. 2. Spring settlement: 1 – building 1; 2 – pit cellar

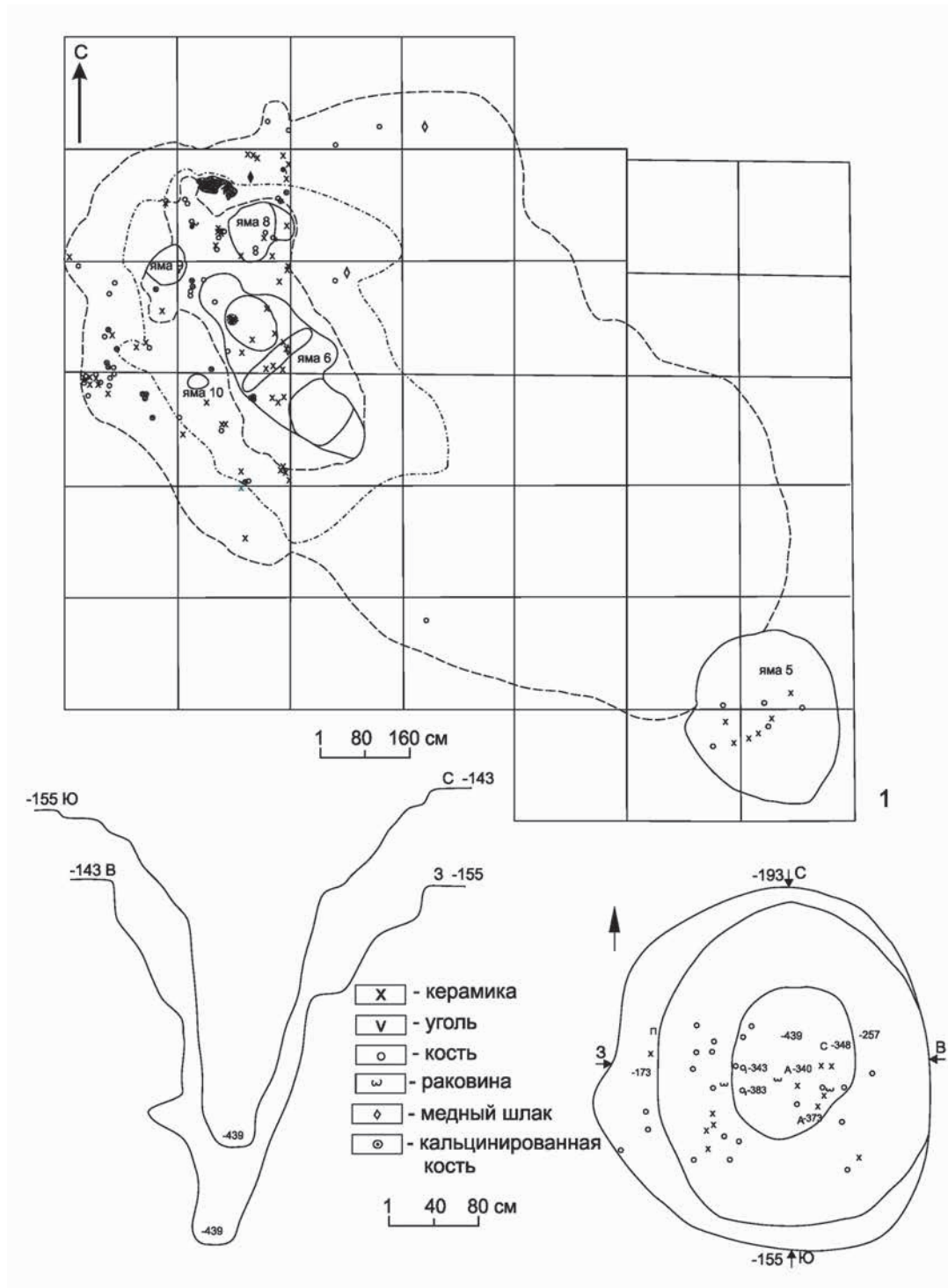

Рис. 3. Родниковое поселение: 1 – постройка 2; 2 – яма 5 – колодец
3-сур. Родниковое қонысы: 1 – құрылыс 2; 2 – шұңқыр 5 – құдық
Fig. 3. The spring settlement: 1 – building 2; 2 – pit 5 – well

Постройка 2 располагалась в 14 м к северо-западу от сооружения № 1. Постройка представляла собой прямоугольный котлован, продольной осью ориентированный по линии ЮВ–СЗ (рис. 3). Размеры 14×7 м, глубина от материка 20–30 см. В северо-западной части котлована выявлено четыре ямы. Яма № 6 занимала центральное положение среди остальных. Она имела вытянутую овальную форму, размеры 2.05×0.85 м. Дно неровное, максимальная глубина от материка 0.9 м. Вероятно, данная яма была небольшим погребом. К юго-восточной стенке сооружения примыкала яма № 5, служившая на поселении колодцем. На уровне материка яма имела округлые очертания диаметром 2.3–3.0 м. На глубине 0.9 м от материка она сужалась, приобретая диаметр 80–90 см, а у дна – около 40 см. Глубина колодца 4.39 м от нуля или 2.96 м в материке.

Кузьминковское поселение (рис. 4). Котлован имел подпрямоугольную форму, длинной стороной вытянутой по линии СВ–ЮЗ. Размеры котлована 20×7.5 м, глубина в материке 13–30 см. Стенки котлована пологие, оплывшие. В северо-восточной части, по краю котлована на уровне материка тянулась полоса прокаленной красноватой глины шириной 30–60 см, мощностью 3–15 см и пятна

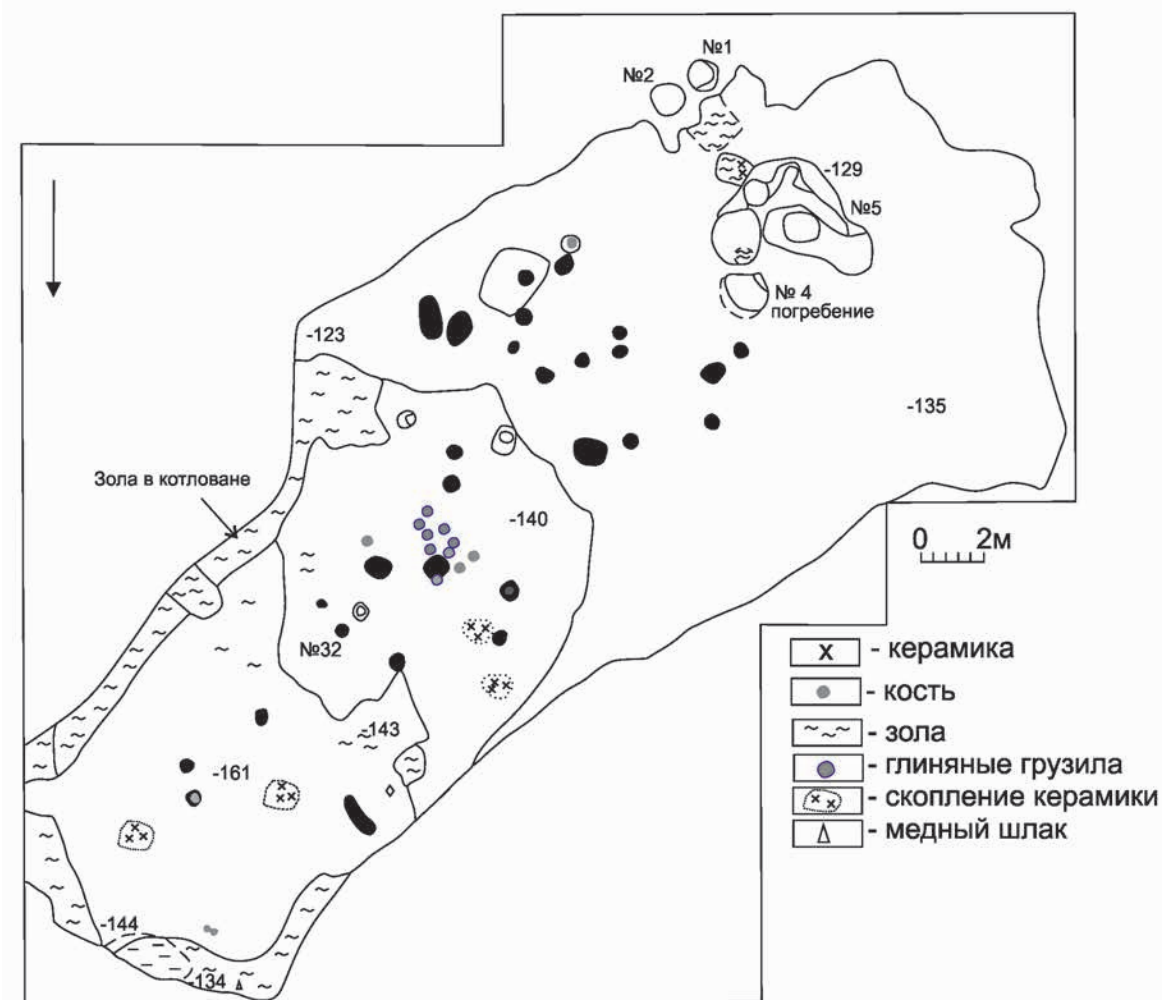

Рис. 4. Кузьминковское поселение: 1 – постройка
4-сур. Кузьминковское қонысы: 1 – құрылыс
Fig. 4. Kuz'minkovskoye settlement: 1 – building

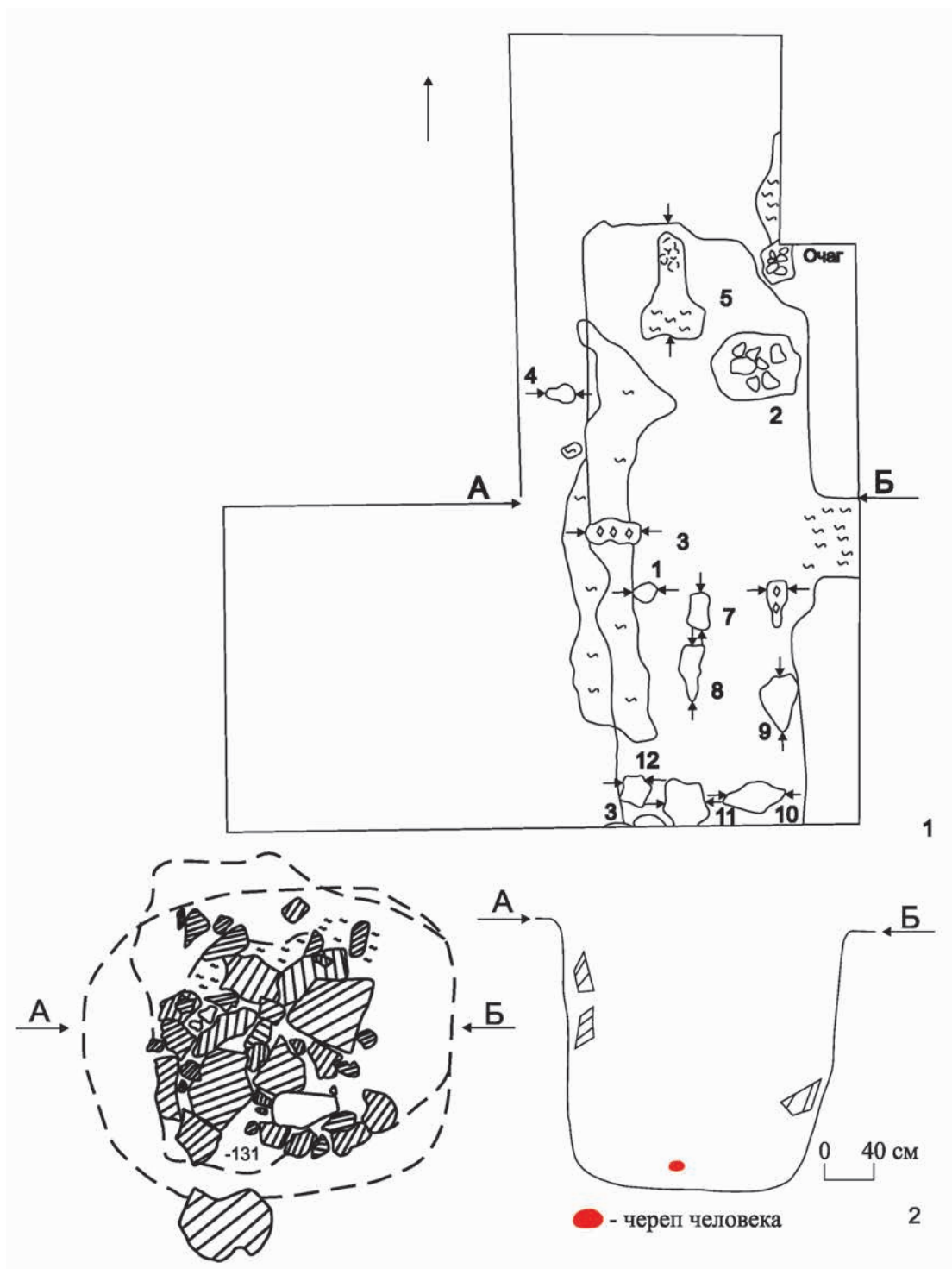

Рис. 5. Покровское поселение: 1 – постройка 1; 2 – яма 2 – колодец
5-сур. Покровское қонысы: 1 – құрылыс 1; 2 – шұңқыр 2 – құдық
Fig. 5. Pokrovskoye settlement: 1 – building 1; 2 – pit 2 – well

золы и угля. Возможно, материковой глиной было присыпано основание стен жилища [Моргунова и др. 2001]. Отметим, что в данной постройке были обнаружены многочисленные следы металлообработки в виде шлаков, заготовок изделий из металла, а также литейные формы [Ankushev et al. 2023: 244–247].

Покровское поселение

Постройка 1 (рис. 5, 1). Котлован имел вытянутую с севера на юг овальную форму размерами 18.5×7.5 м и глубину в материк 55–60 см. В заполнении котлована вдоль западной его стенки тянулась полоса золы вперемешку с грунтом шириной 1.5 м и мощностью 55–60 см. Возможно, это часть сгоревшей постройки. Самым большим сооружением в постройке была яма 2 размерами 2.6×3.0 м и глубиной 2.6 м от уровня материка (рис. 5, 2).

Постройка 2 (рис. 6, 1). На территории раскопа II было выявлено пять глубоких ям, служивших, видимо, колодцами или погребями. Ямы располагались по одной линии в направлении ЮЗ–СВ, на расстоянии от 1.0 до 8.5 м друг от друга, только яма 1 находилась западнее этого ряда. Яма 2 имела массивную каменную кладку (рис. 6, 2), на уровне материка имела размеры 300×300 см и углублялась в материк на 275 см. На уровне 160 см от края она сужалась, образуя в северо-западной части ступеньку шириной 0.8–1.6 м.

Яма 3 (рис. 6, 2), находившаяся в северо-восточной части раскопа, имела сохранившуюся каменную кладку и была идентична по размерам и конструкции яме 2 в раскопе I. На уровне материка она имела неправильные овальные очертания 330×250 см [Порохова 1989].

Токское поселение

В центральной части раскопа исследована постройка (рис. 7), котлован её прорезал предматериковый слой и углублялся в материк на 30–40 см. Котлован имел форму вытянутого прямоугольника с округлыми углами, ориентированного по линии ЮВ–СЗ. Длина исследованной части 13 м, ширина 4.3–5.8 м. Стенки в материке пологие, оплывшие, выявлялись не всегда достаточно чётко.

В центре постройки изучен колодец с хорошо сохранившейся кладкой из камня (рис. 8). Кладка имела округлую в плане форму размерами 1.97×2.27 м. У стен яма была забутована почвенным грунтом вперемешку с материковым суглинком. Забутовка укрепляла каменную кладку в центре ямы – жерло колодца (-287 см) [Ankushev et al. 2022: 41–44].

Ивановское поселение

Постройка 1 обнаружена на глубине 156–160 см от нулевой отметки на уровне перехода от энеолитического слоя к неолитическому. Пятно имело овально вытянутые очертания и хорошо оконтуривалось полосой чистой золы, в которой встречались кусочки угля. Размеры жилища 10.8×6.2 м.

Постройка 2 была углублена в нижележащий слой, пятно выделялось на его фоне жёлтым цветом. Оно имело вытянутые подпрямоугольные очертания, вытянутые по оси Ю–С. Длина 6 м, ширина 3.2 м. На глубине 108–110 см от нулевой линии пятно уменьшилось до размеров 2.4×2.6 м. Оно уходило под северную стенку раскопа.

В целом, Ивановское поселение заселялось неоднократно. Самым древним населением посёлка являлось население периода неолита и энеолита. Рассматриваемые постройки, судя по стратиграфии и керамическому материалу, были оставлены носителями срубной культуры [Моргунова, Порохова 1989: 160–172].

Поселение у хутора Горного

Постройка площадью 115–120 м² характеризуется формой неправильного прямоугольника (примерно 13×9 м), вытянутого по линии запад–восток [Черных и др. 1999: 77].

В жилом отсеке постройки полы были плотно утопаны, толщина этого слоя варьировалась от 1 до 3 см. В своей основе это суглинок, в котором присутствовали следы золы, угольной пыли и малахитовой крошки.

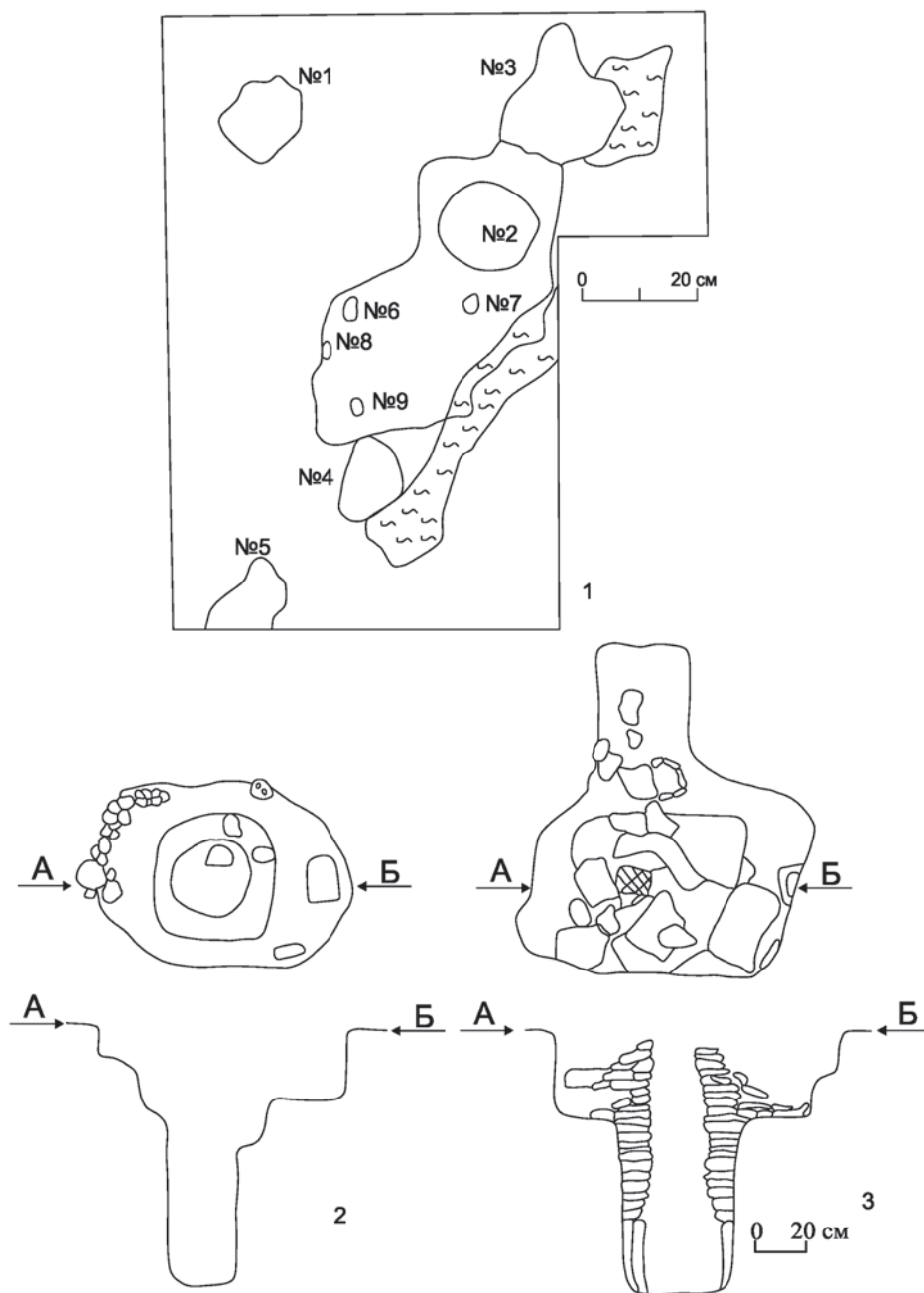

Рис. 6. Покровское поселение: 1 – постройка 2; 2 – колодец 2; 3 – яма-погреб 6-сур. Покровское қонысы: 1 – құрылыс 2; 2 – құдық 2; 3 – жерқойма шұңқыры
Fig. 6. Pokrovskoye settlement: 1 – building 2; 2 – well 2; 3 – pit cellar

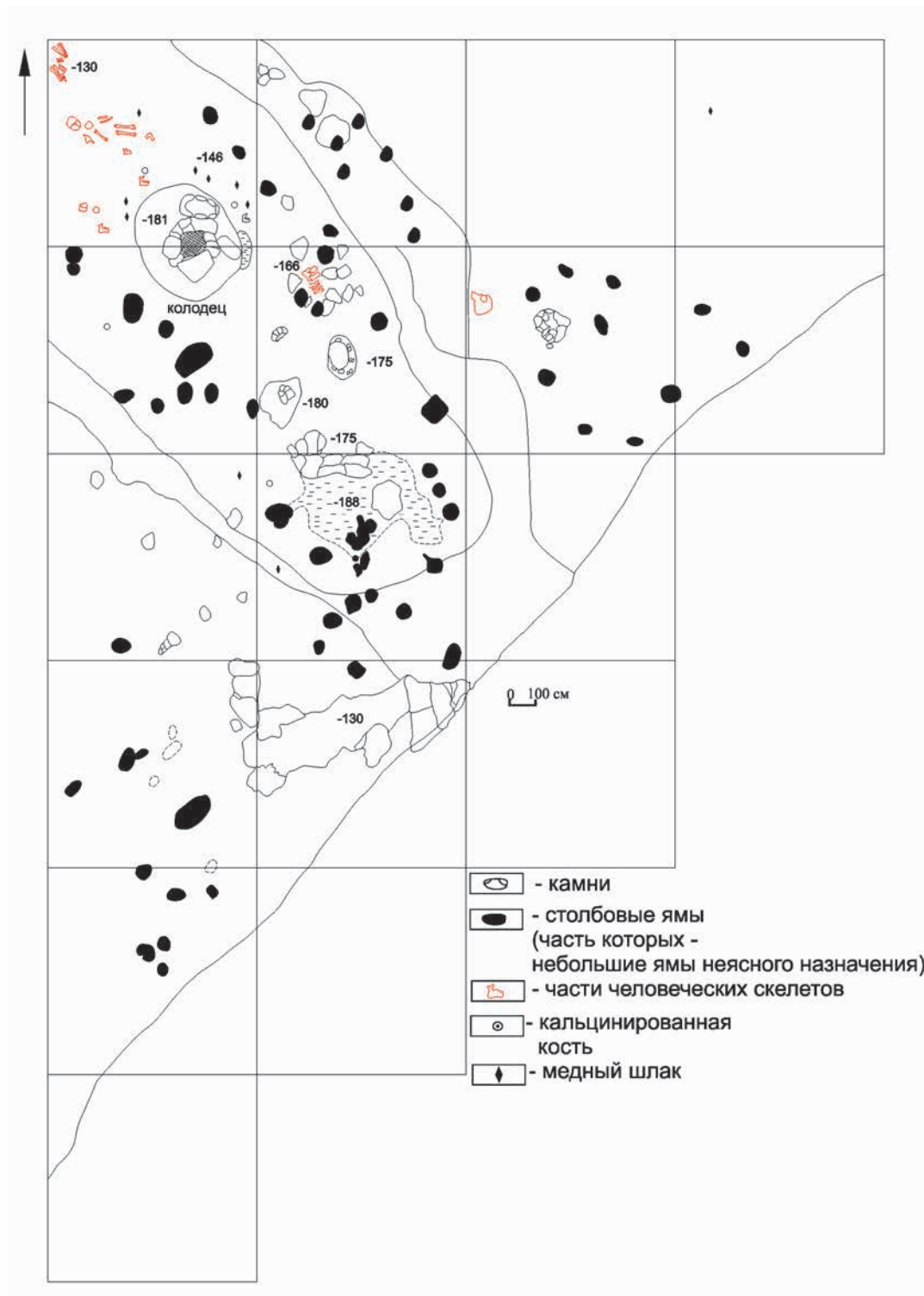

Рис. 7. Токское поселение. Постройка 7-сур. Токское қонысы. Құрылыс
 Fig. 7. Tokskoye settlement. Construction

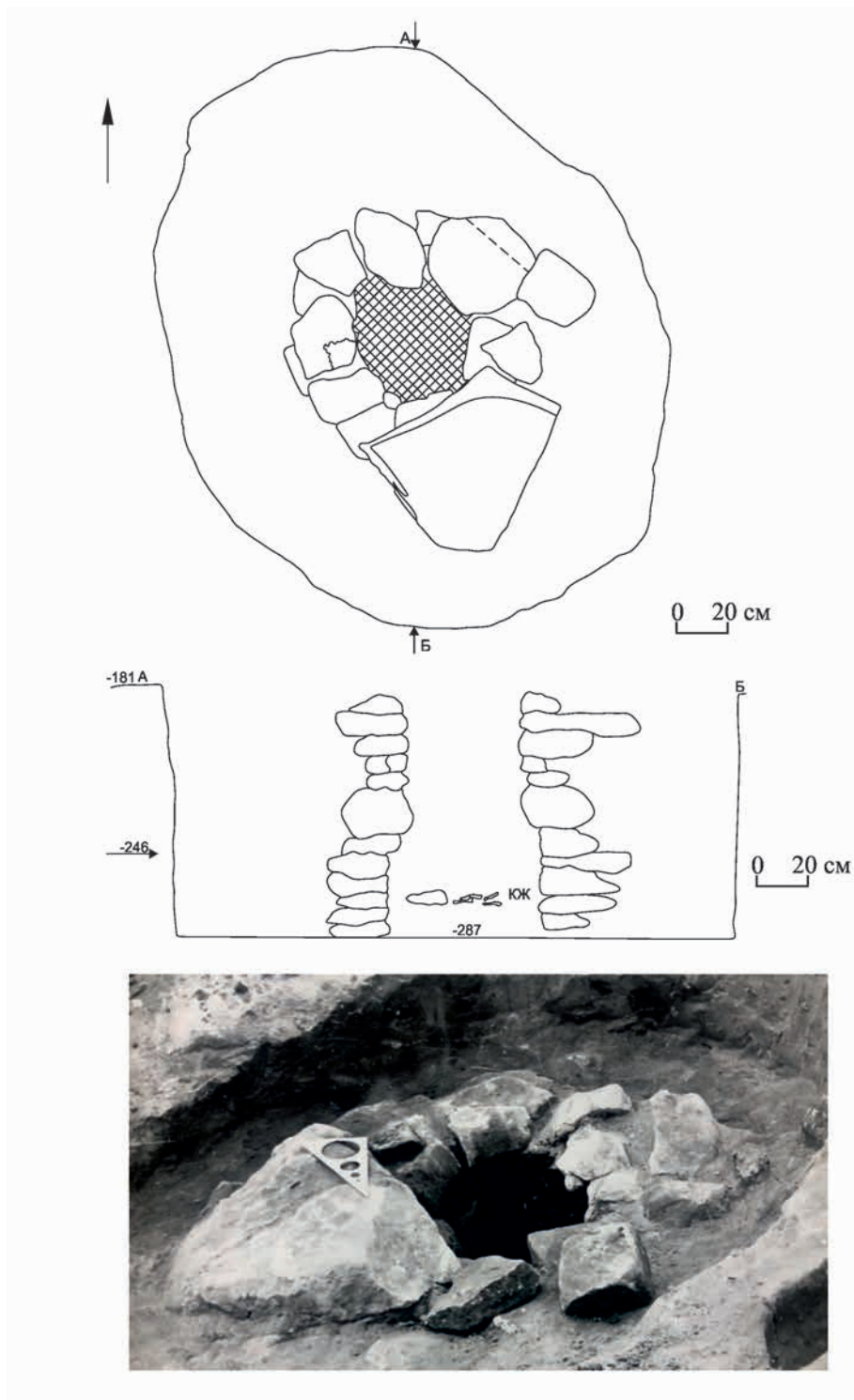

Рис. 8. Токское поселение. Колодец
8-сур. Токское қонысы. Құдық
Fig. 8. Tokskoye settlement. Well

Неподалеку от центра, но слегка смещённая к восточной части жилого помещения, располагалась большая округлая в плане печь диаметром 1.6–1.8 м. Внутри печи обнаружена большая масса золы и пепла. Основу хозяйственной части постройки составил плавильный двор, который примыкал к жилому помещению с запада.

Малоюлдашевское поселение

На территории поселения исследовано две постройки с каменным основанием [Евгеньев и др. 2016: 26–37].

Постройка 1 (рис. 9). На западных участках поселения выявлены остатки каменного сооружения, представлявшие собой систематическую кладку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную в меридиональном направлении, состоящую из камней различной формы и размеров.

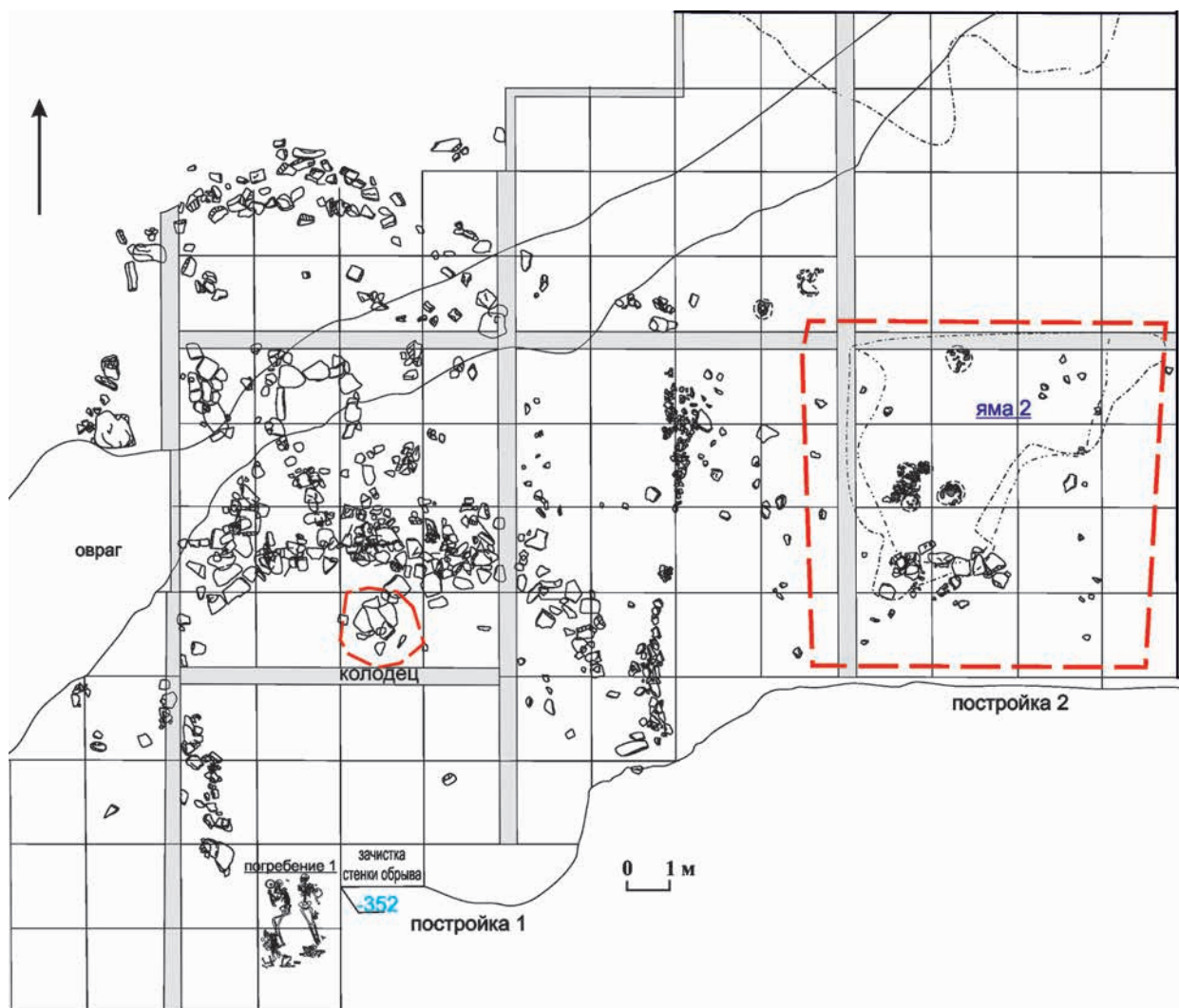

Рис. 9. Поселение Малоюлдашево I. Постройки 1 и 2
 9-сур. Малоюлдашево I қонысы. Құрылыс 1 және 2
 Fig. 9. Settlement of Maloyuldashevo I. Buildings 1 and 2

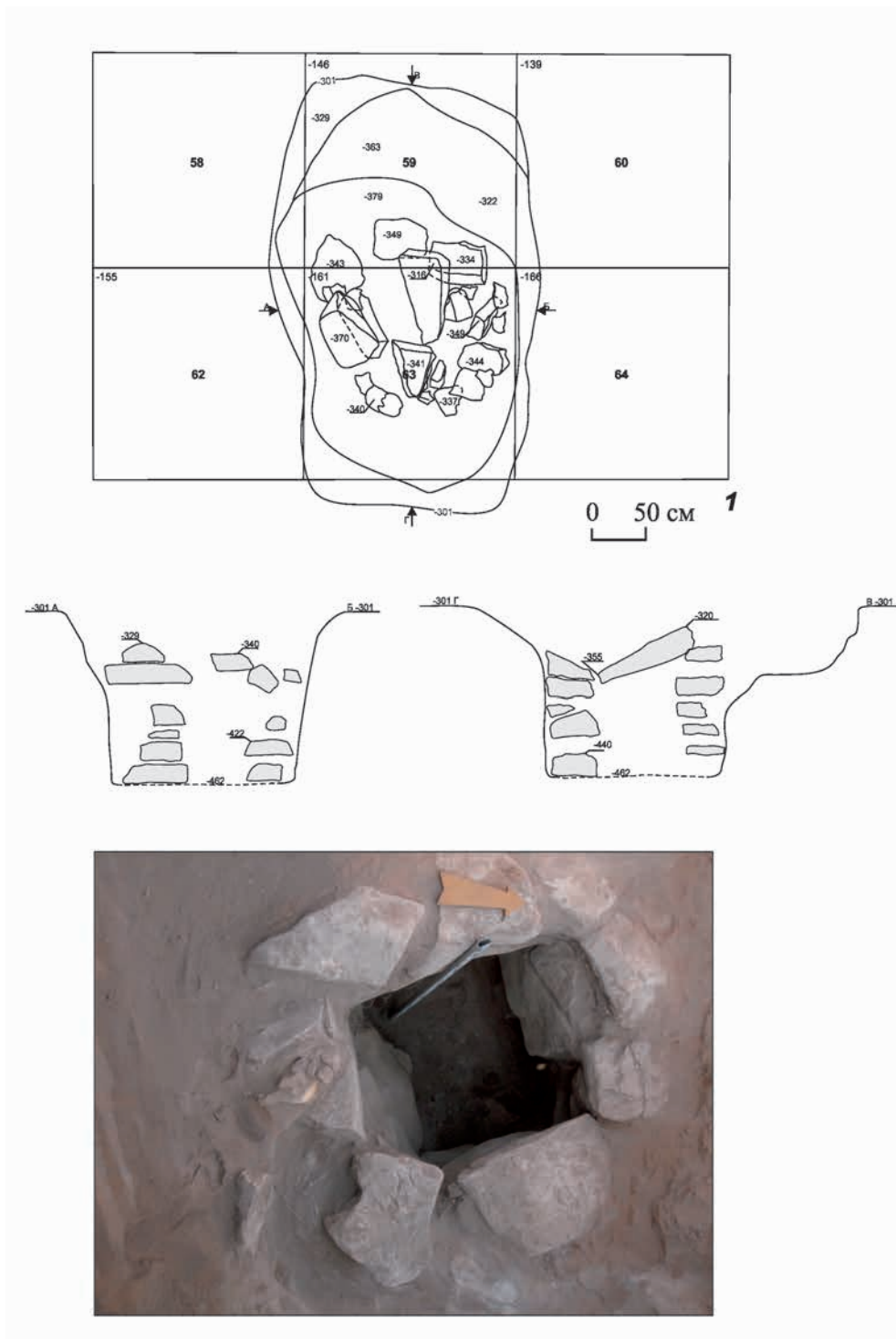

Рис. 10. Поселение Малоюлдашево I. Яма 1. Колодец
10-сур. Малоюлдашево I қонысы. Шұңқыр 1. Құдық
Fig. 10. Settlement of Maloyuldashevo I. Pit 1. Well

Глубина залегания камней, составляющих каменную конструкцию – от -126 до -267 см от 0, что связано с естественным понижением рельефа поселения с севера на юг. Между некоторыми камнями отмечена обмазка из белой глины, использовавшейся в качестве связующего раствора. Общая площадь раскопа, на которой зафиксированы остатки каменного сооружения, – 14×18 м.

В южной части постройки была обнаружена яма 1 (рис. 10) неправильной округлой формы. В глубину конструкция достигала 1.7 м. Она сложена следующим образом: в верхней части располагались плоские плиты, внутри – массивные необработанные булыжники. Заполнение между камнями состояло из грунта, щебня, золы, угля. Вероятно, данное сооружение являлось колодцем. По причинам, не зависящим от археологов, изучить его до конца не удалось, исследование было остановлено на глубине 160 см от уровня материка.

Постройка 2. Исходя из скопления материала и концентрации камня восточнее постройки 1, можно предположить наличие на поселении второй постройки. Она, так же, как и первая, представляла собой наземное сооружение. Скопление камней от постройки ориентировано по линии запад-восток. В ходе работ на глубине -183 см от 0 была выявлена яма 2 неправильных очертаний, размерами 5×6 м. Вероятно, яма 2 являлась котлованом постройки, практически незаглубленной в материк.

3 Результаты и обсуждение

По своим параметрам постройки позднего бронзового века Оренбургского Предуралья можно разделить на две группы:

- большие, размер которых превышает 100 кв. м;
- малые, размер которых варьируется от 35 до 73 кв. м.

К первой группе отнесено пять построек (пос. Родниковое, строение 2; постройка Кузьминское пос; пос. Покровское, строение 1; постройки пос. Горный; пос. Малоюлдашево строение 1).

К числу больших построек относится постройка 1 Малоюлдашевского поселения, её площадь составила около 250 кв. м. Данная конструкция сильно выбивается из размерного ряда построек в регионе. Однако при этом необходимо отметить, что у данной постройки отсутствовало заглубление в материк, а сам материк представлял собой песок. Размеры постройки были определены по контуру камней, которые были частью основания и, возможно, стен данного строения. Столь большие размеры могут быть объяснены тем, что при разрушении строения камень распространился на некоторое расстояние от стен, существующих в древности.

Ко второй группе отнесено шесть строений (пос. Родниковое строение 1; пос. Ивановское строения 1 и 2; постройка Токского пос.; пос. Покровское строение 2; пос. Малоюлдашевское строение 2). При этом размер построек никак не отражает функциональное назначение и разнообразие внутрижилищных конструкций. Так, к примеру, в постройке с Токского поселения, размер которой составлял 73 кв.м, был расчищен колодец, а также две хозяйственные ямы, заполненные медными шлаками. Кроме того, постройка имела столбовую конструкцию.

Размерные характеристики построек сопоставимы с памятниками в соседних регионах, однако на них исследованы и более крупные постройки, которые в нашем регионе отсутствуют.

Так, в Башкирском Зауралье отмечены две постройки, характеризующиеся значительными размерами. Это строения на поселениях Сактар (постройка 420 кв. м) и Тавлыкаевское (строение 429 кв. м) [Бахшиев 2014: 14]. Все остальные размерные группы соотносятся с материалами Оренбургского Предуралья и имеют похожее культурное наполнение в слое поселений.

В Самарском Поволжье также отмечены постройки как малых размеров, так и больших, площадь которых превышает 100 кв. м [Васильев 2010: 74–77]. Помимо этого, в данном регионе

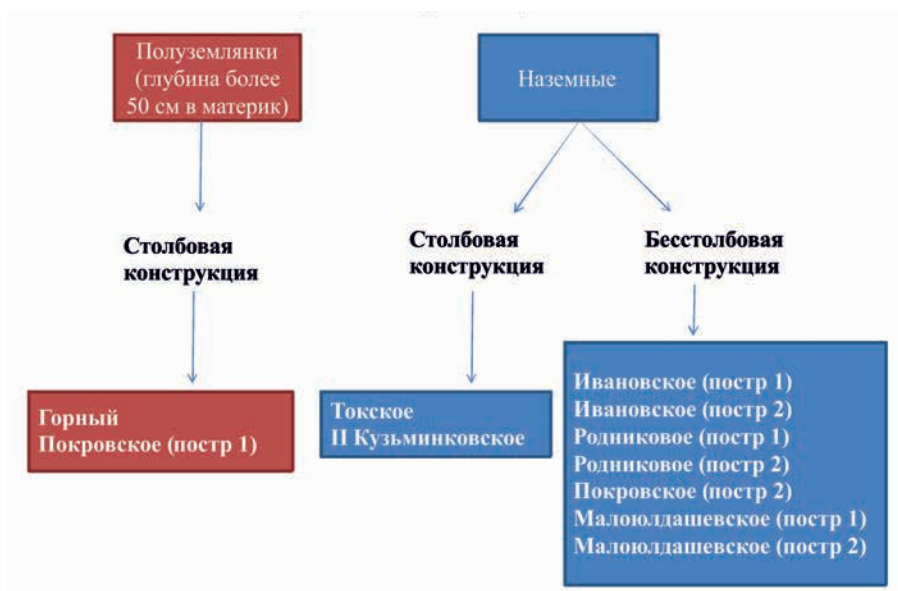

изучена постройка I Сусканского поселения, площадь которой составляет 336 кв. м [Мерперт 1958: 115-116].

По глубине жилых котлованов все постройки были разделены на две группы (табл. 1):

- наземные;
- полуземлянки.

Таблица 1 – Классификация построек по глубине жилых котлованов
1-кесте – Құрылыстарды тұрғын қазаншұңқырлардың тереңдігі бойынша жіктеу
Table 1 – Classification of buildings by depth of residential pits

К *полуземлянкам* были отнесены постройки с заглублением котлованов в материк более чем на 50 см. В данном случае сам котлован мог использоваться как часть стены строения. Наземные постройки практически не имеют углублений в материк, и основная часть стен в подобных строениях возводилась отдельно и была самостоятельной конструктивной единицей.

Сходный принцип классификации построек был применен для территории Башкирского Зауралья [Бахшиев 2014: 14–16] и Волго-Камья [Чижевский 2007: 103-104].

Среди изученных построек к полуземлянкам можно отнести только две: строение 1 Покровского поселения и жилищно-хозяйственный комплекс с поселения Горный на Каргалы. Заглубление котлованов построек в данном случае превышало 50 см в материк.

В обеих полуземлянках были выявлены опорные столбы. На поселении Горный они располагались хаотично и имели различный диаметр, что затрудняет реконструкцию комплекса. На Покровском поселении также были обнаружены столбовые ямки, расположенные бессистемно.

К *наземным* отнесено девять построек. Во всех этих строениях глубина котлована в материке была меньше 50 см, в ряде случаев заглубление в материк являлось незначительным. Иногда контур построек условен, зачастую определяется по концентрации материала и внутрижилищным конструкциям, в виде хозяйственных ям, погребов и колодцев.

Все наземные постройки подразделяются на *столбовые* и *бесстолбовые*. К столбовым относятся две, это постройки с Токского и II Кузьминковского поселений.

На II Кузьминковском поселении в постройке зафиксирована одна основная осевая линия столбов, которая проходила вдоль по центру жилой части жилища – это основная несущая линия, на которую вероятно опирались коньковые балки. Столбы, которые поддерживали нижние края стропил северо-восточного и юго-западного скатов крыши, не обнаружены, но на месте их нахождения, по этому же периметру, зафиксирована золистая прослойка.

На Токском поселении было выявлено 25 столбовых ям, расположенных вдоль стен, что предполагает иное строение крыши, чем на II Кузьминковском поселении. Здесь, вероятнее всего, упор делался на несущие стены, а варианты сооружения крыши могли быть очень разнообразны. Постройки подобного типа имеют широкие аналогии на территории Евразии [Мерперт 1958: 99–110; Морозов 2017: 171–187].

Бесстолбовые постройки наземного типа представлены в регионе семью постройками (Малоюлдашевское поселение строения 1 и 2; Ивановское поселение строения 1 и 2; Родниковое поселение, строения 1 и 2; Покровское поселение строения 2). Все постройки практически не заглублялись в материк.

На территории степной Евразии отмечено достаточно большое количество наземных бесстолбовых построек. Возможность их использования для проживания и хозяйственной деятельности отмечена на территории Самарского Поволжья [Васильев 2010: 76]. В Башкирском Зауралье известны жилища без столбовых конструкций на I Береговском, Тавлыкаевском поселения [Горбунов 1989: 60–82], схожие постройки на поселениях срубной культуры отмечены и на Дону [Гак 2011: 8–16].

Реконструкция построек

К настоящему времени в литературе, посвященной бытовым памятникам позднего бронзового века, высказано множество вариантов реконструкции построек со столбовыми конструкциями [Мерперт 1958; Березанская 1990; Лопатин 2002; Морозов 2017]. Наличие ямок от столбов и глубина котлована, если он есть, во многом определяет воссоздаваемую авторами постройку. Широкую известность получила реконструкция Н.Я. Мерпертом постройки Сусканского поселения. Было отмечено, что постройка представляла собой большую прямоугольную полуземлянку, со значительной и сложной наземной конструкцией. Основу наземной конструкции составляла большая двускатная кровля, каждая сторона которой опиралась на продольную балку, поддерживаемую рядом столбов. Из-за того, что ширина котлована была достаточно широкой, перекрыть её путём установки одной коньковой балки было достаточно сложно. Нижние концы балок кровли опирались на землю, верхние перекрещивались выше опорных лаг [Мерперт 1958: 115–117].

Единственной постройкой, которую можно реконструировать по схожей модели, является постройка с Токского поселения. Там также выявлены столбовые ямы в два ряда, при установке балок, как на реконструкции Сусканского строения, вполне можно повторить двускатную кровлю. Однако постройка с Токского поселения не была сильно углублена в материк, там он был слегка подрезан. Несмотря на это различие, можно реконструировать данную постройку таким же образом.

В остальных случаях столбы располагались хаотично, что предполагает самые разные варианты их использования, а также реконструкции крыши построек. Больше вопросов вызывает реконструкция наземных бесстолбовых строений. Исходя из имеющихся данных, судить о конструкции построек можно лишь предположительно. Для оформления пола был выбран грунт от уровня древней поверхности до материка. Небольшое заглубление, видимо, имело чисто утилитарную цель, и должно было обеспечить более комфортное проживание.

Фундамент, если он был, можно выделить только на постройках с Малоюлдашевского поселения. Фундаментом сооружений служили крупные камни, которые равномерно укладывались по периметру строения.

Стены могли быть изготовлены из дерновых блоков или мазаного плетня, следы которых не сохранились до нашего времени. На поселении Саргары Г.Б. Здановичем была исследована постройка, в конструкции стен которой применялись плетнёвые стены [Зданович 1983: 71-72]. Еще одним вариантом сооружения стен мог быть деревянный сруб или какой-либо другой вариант конструкции из этого материала. Ранее уже высказывалось предположение об использовании дерева для наземных построек Оренбургского Предуралья в эпоху бронзы на основании наличия сложных надмогильных и внутримогильных деревянных сооружений в могильниках срубной культуры [Файзуллин И. 2015: 80–86; Файзуллин И. и др. 2021: 79–89].

При этом хочется отметить, что еще в эпоху ранней и средней бронзы на рассматриваемой территории население обладало всеми возможностями для высококлассной обработки дерева. Артефакты из меди выявленные в захоронениях, интерпретируются как плотницкий инвентарь [Моргунова, Файзуллин А. 2018: 35–60]. Приведённые данные свидетельствуют о давней традиции обработки дерева, которая получила дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы.

Ю.А. Морозов предполагает, что заготовкой строительного материала население занималось в зимнее время, так как срубленный зимой лес более прочный и дольше не подвергается гниению [Морозов 2017: 171–175]. Также хочется отметить Курманаковское поселение на территории Республики Татарстан. На многослойном поселении были обнаружены хорошо сохранившиеся брёвна, которые были частью конструкции, представлявшей из себя переход между двумя постройками [Лыганов 2021: 31–34, рис. 4А]. И.Л. Кызласов отмечает, что со временем от бревенчатой избушки остаётся такое же ровное место, как и от войлочной юрты [Кызласов 2005]. Он также обосновал возможность использования наземных сооружений из дерева, доказывая это тем, что в эпоху раннего железа на рассматриваемой им территории существовали сложные надмогильные и внутримогильные конструкции в виде срубов из дерева.

Этнография дает ряд примеров использования легких каркасных строений у кочевников. Так, тувинцы в XVIII-XIX вв. практиковали применение нескольких вариантов наземных строений, среди которых были как деревянные срубы, так и каркасные строения [Вайнштейн 1991: 31].

Вопрос о форме крыши наземных построек поднимался неоднократно. М.П. Грязнов единственно возможным способом оформления крыши считал опирающийся на края котлованов пирамидальный сруб с плоским верхом [Грязнов 1953: 137–148].

В дальнейшем В.А. Ромашко, отмечал, что нагрузка действительно ложилась на края котлована, однако в устройстве самой кровли применялась не система пирамидального сруба, а более конструктивно целесообразная стропильная шатровая конструкция, обычная для традиционного домостроительства многих древних и современных народов Восточной Европы [Ромашко 2001: 133].

Как уже отмечалось ранее, интересной по своей каменной конструкции являются постройки с Малоюлдашевского поселения. В поисках аналогий представленным постройкам были изучены бытовые памятники бронзового века как с территории Оренбургского Предуралья, так и с сопредельных территорий. Ни на одной из известных построек Оренбургского Предуралья камень не был основным строительным материалом, лишь изредка он использовался для обрамления кострищ и очагов, либо для укрепления колодцев и хозяйственных ям. Наиболее интересными в этом плане являются хозяйственные ямы-погребца с Родникового и Покровского поселений, которые были очень качественно укреплены камнем по периметру [Купцова, Файзуллин И. 2012: 73–76, рис. 4]. До исследования Малоюлдашевского поселения в регионе полностью отсутствовали постройки, характеризующие традицию каменного домостроения, однако, как мы видим, камень использовался в ряде случаев для обустройства некоторых конструкций.

В памятниках Самарского Поволжья практически не было отмечено применение камня при возведении построек эпохи позднего бронзового века [Васильев, 2010: 74–77]. Лишь один памятник с указанной территории демонстрирует достаточно сходные строительные приемы. На поселении Михайло-Овсянка, исследованном Г.И. Матвеевой, была изучена постройка I на раскопе III [Матвеева и др. 2004: 75–77]. Изученное строение представляло собой котлован шириной 6.5 м, длиной, по мнению авторов, не менее 9 м. Глубина котлована достигала 1.1 м. Авторами раскопок были изучены каменные стены вдоль северного и южного бортов котлована. Для выкладки использовался известняк различных форм и без видимой обработки, схожий с тем, который был найден в рассматриваемой постройке. Отметим, что постройка 1 с Малоюлдашевского поселения всё же больше по размерам и не имеет столь значительного заглубления в грунт.

Несмотря на небольшие различия в постройках, объекты с Михайло-Овсянки являются наиболее близкими к Малоюлдашевским как в культурном наполнении, так и в строительных приемах. Авторы раскопок подчёркивали, что поселений с каменным домостроением в регионе больше не отмечено.

Бытовые памятники Башкирского Приуралья и Зауралья также очень близки в культурном плане рассматриваемым поселениям. Однако ни на одном из раскопанных поселений не было встречено каменного домостроения [Морозов 1983: 19–40; Горбунов 1989: 60–82; Бахшиев 2014].

На территории Восточного Оренбуржья отмечены постройки алакульской культуры, в строительстве которых активно применялся камень. На поселениях Ушкатты, Шандаша, Тасты-Бутак из камня возводились перегородки, сооружались очаги, и в некоторых случаях из него делали основания стен [Кузьмина 1994; Зданович 1988: 141]. Схожие традиции отмечаются и в Центральном Казахстане [Маргулан и др. 1966; Goryachev, Frachetti 2022].

При всей схожести с постройками Малоюлдашевского поселения, культурологическое содержание материала в данных памятниках значительно отличается: в их основе содержатся материалы, характерные для андроновских культур.

Ранее именно с андроновским влиянием связывали использование камня, который являлся достаточно распространённым материалом для перекрытия могил [Горбунов, Морозов 1991:91; Обыденнов, Обыденнова 1992: 146]. В последующем, с накоплением материала в регионе, было отмечено, что камень в погребальной практике срубной культуры начинает использоваться ещё до первых контактов населения срубной культуры с андроновскими племенами [Купцова 2014: 65–74]. В этой связи и постройки с каменным основанием Малоюлдашевского поселения достаточно сложно связывать с восточным влиянием. При этом на поселении отмечена немногочисленная группа сосудов срубно-андоновского облика, технология изготовления которых в основном тяготеет к срубным гончарным традициям, что говорит о культурной доминанте населения срубной культуры.

Наиболее близкие в культурном плане памятники срубной культуры с применением камня в домостроительстве известны на территории Левобережной Украины [Шарафутдинова 1982: 11–42], в частности – в Северо-Восточном Приазовье [Горбов, Привалова 1989; Горбов 1997], и на Нижнем Дону [Ларенок 2000; Цыбрий 2013]. Традиция возведения построек с каменным основанием и стенами отмечается на данной территории с конца средней – начала поздней бронзы. Данный приём в домостроительстве характеризует некоторые постройки бабинской культуры, однако максимального расцвета он достигает в срубное время и в памятниках финальной бронзы [Горбов 1997: 148–149].

Сооружения, близкие постройкам поселения Малоюлдашево I, были исследованы на территории Донецкого края. На Степановском поселении срубной культуры была изучена серия построек, каменные основания которых не были сильно заглублены в материк и представляли собой большие конструкции [Бровендер 2012: 89–95].

Несмотря на достаточную удаленность от территории Оренбургского Предуралья, памятники указанных регионов максимально близки исследуемым постройкам. Так же, как и на Малоюлдашевском поселении, значительное число построек не заглублено в материк, в ходе строительства используется камень разных размеров. Кроме того, на указанных поселениях доминирует срубная культурная традиция. Таким образом, постройки с Малоюлдашевского поселения и постройки с Михайло-Овсянки в настоящее время являются немногими примерами каменного домостроительства у населения срубной культуры в Волго-Уральском регионе.

Конструкции внутри построек

Внутренние конструкции наряду с архитектурными приёмами при возведении стен и крыши постройки определяют её назначение и характеризуют хозяйственные предпочтения населения. Наиболее важными элементами в каждой постройке являются следующие:

Очаги и кострища

Кострища фиксируются в виде прокала грунта в местах расположения костров; очаги – в виде выложенных из камней площадок. На II Кузьминковском и Токском поселениях на территории построек выявлено по одному кострищу. На Покровском поселении зафиксирован очаг, который располагался в северной части жилища и имел вытянутую овальную форму. Южная часть углубления была покрыта тонким слоем золы с углями. На остальной части плоского дна ямы вертикально поставленными небольшими песчаниковыми камнями выложены четыре ячейки различного диаметра (от 30 до 70 см), перекрытые сверху каменными плитками. На камнях сохранился нагар. Другой очаг этого же поселения располагался за пределами жилища. Диаметр очажной ямы 1.6 м, глубина 0.7 м, она была заполнена мелкими камнями и золой. Ещё один очаг, располагавшийся вне постройки, обнаружен на Ивановском поселении. Он представляет собой сооружение, сложенное из бесформенных известняковых камней, которые, видимо, скреплялись раствором глины.

На поверхности глиняной платформы поселения Горного были обнаружены следы двух очагов – печей, где проводились разогрев и расплавление меди. Один из них представлял собой относительно крупную, прокаленную по дну и бокам плоскую ямку овально-округлой формы, размером 70×80 см, внутри которой, равно как и вокруг нее, оказалось большое количество древесного угля, а также обломков толстостенных ошлакованных плавильных тиглей. Другой очаг представлял собой скопление пережженных обломков песчаника с подмазками в несколько слоев из сильно обожженной глины или суглинка и напоминает корытообразное углубление.

Очаги и кострища с территории Западного Оренбуржья различаются по форме и функциональному назначению. Очаги со II Кузьминковского и Токского поселений представляют из себя круглые или близкие к овальным кострища открытого типа, известные как в срубных, так и андроновских древностях. Этот тип очага известен в Средней Азии, прежде всего у ираноязычных таджиков и памирцев, и устраиваются в домах мужских собраний [Кузьмина 1994: 80]. На Покровском поселении исследовано более сложное сооружение, двухкамерный очаг. Очаги подобного типа Е.Е. Кузьмина относит к очагам IV типа, используемых в производстве. Однако наиболее сложный по конструкции очаг был исследован на поселении у хутора Горный. Подобные очаги могли быть примитивными горнами, если принять во внимание тот факт, что данное поселение было местом бытования и работы профессиональных металлургов, наличие такого очага и интерпретация его как горна или металлургической печи не вызывает сомнений.

Как один из общих признаков жилища степной и лесостепной зоны Евразии, очаг универсален в основных своих показателях. Это открытый костёр, который разводили и, может быть, постоянно поддерживали в специальном углублении – костровой яме. Пологие стенки сильно прокалены. Огонь просушивал земляночный котлован и в какой-то мере предохранял жителей от кровососущих насекомых.

Колодцы. На поселениях Оренбургского Предуралья колодцы выявлены в пяти постройках (Родниковое – сооружение 2, Покровское сооружения 1 (рис. 4, 2) и 2 (рис. 5, 1), Токское (рис. 7) и Малоюлдашевское поселения (рис. 9). Колодцы встречены как в наземных бесстолбовых постройках, так и в полуземлянках и наземных строениях с использованием столбовой конструкции. Отсутствие закономерности в нахождении колодцев в постройках разных типов может говорить о стандартности применения данного элемента в постройках.

На уровне материка они имели неправильные овальные очертания в пределах 300×250 см. Верхняя часть была сложена из камней различных размеров, а в центре правильное квадратное или круглое отверстие. Камни плотно примыкали друг к другу и представляли собой кладку. В двух случаях отмечены следы деревянных конструкций, которые её подпирали. Принципиальных отличий в конструкции колодцев не отмечено, различия касаются только размеров. Лишь в одном случае, на Родниковом поселении в постройке 2 колодец не был укреплен камнем, возможно для укрепления стенок использовалось дерево, которое не сохранилось.

Обеспечение водой – одна из важнейших потребностей человека. Исследователи выделяют две стратегии по добыче водных ресурсов: пассивную (сбор дождевой воды, использование воды из водоёмов) и активную (сохранение воды и её активная добыча) [Корякова, Пантелеева 2019: 17]. К числу действий, характеризующих активную стратегию, относится строительство колодцев, самых доступных для древнего населения гидротехнических сооружений.

В обобщающей работе по колодцам позднего бронзового века Урало-Казахстанского региона И.П. Алаева отмечает, что они впервые появляются на поселениях синташтинской культуры [Алаева 2002: 7–9]. Данные сооружения долгое время интерпретировались исключительно как приспособления для водоснабжения населения. В дальнейшем, после публикации большого массива данных по синташтинским поселениям, появились исследования, которые связывали колодцы с металлургическим производством [Григорьев 2000: 448]. Такой вывод был сделан по выборке колодцев, к которым либо примыкали, либо находились близко печи или очаги. Так, в 43 постройках было выделено 45 комплексов колодец-очаг (печь) [Алаева 2002: 7–9]. Отметим, что на Токском поселении колодец также располагался вблизи очага, и в его заполнении были встречены шлаки.

Однако в последующем данная гипотеза была подвергнута сомнению. Так, на укрепленном поселении Каменный Амбар исследователи изучили 15 колодцев синташтинской культуры и не нашли прямой взаимосвязи между колодцами и металлургическим производством [Корякова, Пантелеева 2019: 24].

Для населения срубной и алакульской культур И.П. Алаевой было доказано применение колодцев только для водоснабжения. Аргументируется это тем, что колодцы не связаны с печами, никак не связаны с металлургическим производством и имеются не во всех постройках [Алаева 2002: 9].

В связи с тем, что большинство колодцев с поселений Оренбургского Предуралья не было связано с печами, встречаются они только в половине изученных построек и оставлены населением срубной и срубно-алакульской культурных групп, мы можем предположить их использование исключительно как средства водоснабжения.

Хозяйственные ямы. На территории поселений было обнаружено 35 хозяйственных ям. Формы ям разнообразны: овальные, круглые, подпрямоугольные.

Наибольший интерес представляют две хозяйственные ямы, глубина которых вполне сопоставима с колодцами, однако большое количество инвентаря в конструкциях, а также наличие ступенек в виде полок, могут говорить об их использовании в качестве погребов. Особый интерес вызывают погреба с Родникового (рис. 2, 2) и Покровского (рис. 5, 3) поселений. Яма овальных очертаний, диаметром около 3 м у поверхности. На глубине 0.9 м стенки ямы резко сужались, образуя ступеньку.

Погреба можно было использовать для хранения любых групп продуктов питания. Малые ямы, диаметр которых иногда составлял лишь 20–30 см и глубину в материке 10–20 см, могли использоваться для различных хозяйственных нужд. Они могли служить как место хранения, являться частью конструкции стен и опор жилища, а также использоваться в ритуалах.

М.Ф. Косарев отмечает, что во многих случаях эти ямы содержат не хозяйственные запасы и не бытовые отходы, а приношения, адресованные «нижним» духам, чтобы снискать их расположение и тем самым обезопасить жилище и его обитателей. Зарывание в землю, равно как и намеренная порча («умерщвление») зарываемых вещей, являлось, по сибирско-языческим верованиям, самым верным и надёжным способом отправление «посылки» в Нижний мир, в том числе в Страну мертвых. Поэтому истинное назначение древних «хозяйственных ям», на его взгляд, скорее всего, может быть по-настоящему раскрыто прежде всего с учётом семантики традиционной жертвенной и погребальной обрядности [Косарев 2008: 6].

Функциональное назначение строений

Рассматриваемые постройки были разделены по функциональному назначению на две группы:

- хозяйственно-производственные (мастерские);
- жилищно-хозяйственные.

Конструктивные особенности, внутрижилищные конструкции и материалы с площади построек стали критериями включения построек в ту или иную группу.

В первую группу вошли строения с узкой специализацией (металлургическое, керамическое, кожевенное производства и др.), к ним отнесены постройки с Горного и Токского поселений. Они являлись специализированными постройками (мастерскими) – сооружениями, выполняющими производственно-ремесленные функции.

Основными критериями их выделения являются следы металлургической деятельности. В представленных постройках в большом количестве найдены куски медной руды, медного шлака, оплавленные камни песчаника. На Токском поселении рядом с каменной кладкой колодца были найдены две каменные ванны [Ankushev et al. 2022: 41–44]. Одна из них представляла собой монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Аналогичные находки были обнаружены на поселении металлургов эпохи бронзы на Донбассе [Татаринов 1988: 99]. Обычно они интерпретируются исследователями как ванны для промывки и обогащения медной руды. На поселении Горный производственным сооружением является глиняная платформа, которая представляет в какой-то мере уникальное для срубной культуры глинобитное сооружение, служившее базой для размещения двух очагов или печей для обработки металла достаточно простой конструкции [Черных 1999].

Ко второй группе сооружений отнесены постройки, которые, по всей видимости, являлись в эпоху бронзы наиболее массовыми. Жилищно-хозяйственные постройки представляют собой сооружения, в которых совмещены функции жилого и хозяйственно-бытового назначения. Основными критериями для их выделения является наличие жилого помещения и части строения, специально отведенной для хозяйства. В хозяйственной части постройки часты находки заготовок костяных, керамических, каменных или металлических изделий. В ряде случаев удалось проследить следы осветительного кострища, а также хозяйственные ямы. К постройкам этой группы относятся два сооружения на II Кузьминковском и Покровском поселениях, которые являются самыми большими по площади. В обеих постройках зафиксированы столбовые ямки, которые располагались, в большинстве своем, в жилой части помещения по периметру и в центре. Хозяйственная же часть, вероятно, имела легкую каркасную конструкцию, следы от которой не сохранились.

4 Заключение

Большинство исследованных построек было оставлено населением срубной культуры. По своим основным характеристикам все постройки являлись хорошо приспособленными для проживания в степной зоне строениями. По размерным показателям постройки с рассматриваемой территории имеют полный набор вариантов, от небольших до крупных. Такая картина наблюдается и в сопредельных регионах. В Оренбургском Предуралье строительные традиции отличаются тем, что большинство построек носило наземный характер.

Преобладание наземных построек в регионе может отражать способ ведения хозяйства. Достаточно подвижное скотоводство не предполагало возведение мощных жилых и хозяйственных построек. При частой смене места проживания ключевую роль играла возможность быстрого ремонта построек для повторного заселения [Файзуллин, Рослякова 2016: 249–260]. В то же время, практически все наземные постройки имели сложные внутренние конструкции, такие как колодцы, очаги, погреба, которые позволяли населению заниматься и другими видами хозяйства. Так, на всех рассмотренных поселениях отмечены следы металлообработки, косторезного дела и других сфер хозяйственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алаева И.П. Колодцы бронзового века Урало-Казахстанского региона // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2002. С. 7-9.
- 2 Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): м-лы междунар. науч. конф. (г. Самара, 12–14 мая 2014 г.) / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Самара: ПГСГА, 2014. С. 11-24.
- 3 Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.
- 4 Бровендер С.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск: ДонГТУ, 2012. 234 с.
- 5 Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- 6 Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Отв. ред. Л.Н. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 64–86.
- 7 Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. 224 с.
- 8 Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. 1997. № 6. С. 145-162.
- 9 Горбов В.Н. Привалова О.Я. Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. обл. научн.-практ. семинара. Донецк: [б.и.], 1989. С. 35-38.
- 10 Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев: КГПИ, 1989. 134 с.
- 11 Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское книжн. изд-во, 1991. 160 с.
- 12 Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Рифей, 2000. С. 444-531.
- 13 Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева // КСИИМК. 1953. Вып. L. С. 137-148.
- 14 Евгеньев А.А., Куцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: изд. центр Оренб. гос. аграрн. ун-та, 2016. 196 с.
- 15 Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1983. С. 48-68.
- 16 Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей. Свердловск: изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.

- 17 *Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е.* Колодцы укрепленного поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 17-28.
- 18 *Косарев М.Ф.* Жилище и его место в системе традиционных миропредставлений // Поселения как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): тез. докл. междунар. конф. (г. Москва, 25-26 ноября 2008 г.). М: ИА РАН, 2008. С. 6-8.
- 19 *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М: Восточная литература, 1994. 464 с.
- 20 *Купцова Л.В.* Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. 2014. Вып. 11. С. 177-195.
- 21 *Купцова Л.В., Файзуллин И.А.* Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. 2012. Вып. 10. С. 70-100.
- 22 *Кызласов И.Л.* Пратюркские жилища. М.; Самара: ИА РАН, 2005. 96 с.
- 23 *Ларенок В.А.* Планиграфия и архитектура Мокро-Чалтырского поселения // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 26-28.
- 24 *Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов: изд-во Саратовск. гос. ун-та, 2002. 136 с.
- 25 *Лыганов А.В.* Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Черемша // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 29-46.
- 26 *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
- 27 *Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И.* Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: изд-во СГПУ, 2004. Вып. 2. С. 75-77.
- 28 *Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 61. С. 45-157.
- 29 *Моргунова Н.Л., Порохова О.И.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж: ВГУ, 1989. С. 160-172.
- 30 *Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А.* Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест: Stratumplus. 2018. № 2. С. 35-60.
- 31 *Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А.* П Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Издательство ОГПУ. 2001. Вып. 5. С. 99-126.
- 32 *Морозов Ю.А.* Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19-40.
- 33 *Морозов Ю.А.* Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. Уфа: УНЦ РАН, 2017. 231 с.
- 34 *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Саратовский университет, Самарский филиал, 1992. 176 с.
- 35 *Порохова О.И.* Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья / Под ред. Ю.А. Морозова, А.Х. Пшеничнюка. Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 60-71.
- 36 *Ромашко В.А.* Опыт реконструкции домовых форм срубно-белозерской культуры Украины. Домовые ландшафты и ландшафты домовых форм // Проблемы археологии и архитектуры. В 2-х томах. Т. 1: «Археология». Донецк; Макеевка: журнал «Донбасс», 2001. С. 132-145.
- 37 *Татаринов С.И.* Сезонное жилище горняков-металлургов эпохи бронзы у села Пилипчатино в Донбассе // Советская археология. 1988. № 4. С. 96-113.
- 38 *Файзуллин И.А.* К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 80-86.
- 39 *Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Афонин А.С., Григорьев А.П., Евгеньев А.А., Капинус Ю.О., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Сверчкова А.Э., Файзуллин А.А.* Комплексы эпохи поздней бронзы и раннего железного века I курганного могильника у села Твердилово (Оренбургская область) // Археологические памятники Оренбуржья. 2021. Вып. 15. С. 79-123.
- 40 *Файзуллин И.А., Рослякова Н.В.* К вопросу о подвижности животноводства у населения Оренбургского Предуралья в эпоху поздней бронзы // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху

- поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия: м-лы Всерос. научн.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто / Отв. ред. И.И. Бахшиев. Уфа: Диалог, 2016. С. 61-67.
- 41 Цыбрий Т.В. Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на Нижнем Дону в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
- 42 Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие.) // Российская археология. 1999. № 1. С. 77–102.
- 43 Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II–I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. Казань: Алма–Лит, 2007. С. 93-112.
- 44 Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 160 с.
- 45 Ankushev M., Faizullin I., Artemyev D., Blinov I. // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2020. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences.* Springer, Cham. 2022. Pp. 41-52. DOI: [10.1007/978-3-030-86040-0_4](https://doi.org/10.1007/978-3-030-86040-0_4)
- 46 Ankushev, M. N., Faizullin, I. A., Blinov, I. A., Artemyev, D. A. Metallurgical Slags of the II Kuzminkovskoe Bronze Age Settlement (Southern Cis-Urals) // Ankusheva, N., Chechushkov, I.V., Epimakhov, A., Ankushev, M., Ankusheva, P. (eds) *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences.* Springer, Cham. 2023. Pp. 244-252. DOI: [10.1007/978-3-031-46424-9_23](https://doi.org/10.1007/978-3-031-46424-9_23)
- 47 Goryachev, A. A., Frachetti, M. D. Traditions of Settlement in Bronze Age Zhetysu (Kazakhstan) // *Kazakhstan Archeology.* 2022. 2 (16). Pp. 24–56. DOI: [10.52967/akz2022.2.16.24.56](https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.24.56)

REFERENCES

- 1 Alaeva, I. P. 2002. In: Kiryushin, Y. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Severnaya Evraziya v epohu bronzy (Northern Eurasia in the Bronze Age)*. Barnaul: Altai State University, 7-9 (in Russian).
- 2 Bahshiev, I. I. 2014. In: Kuznetsov, P. F. (ed.). *Protseess kulturogeneza nachalnoy pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Uralskogo regiona (The process of cultural genesis of the initial period of the Late Bronze Age of the Volga-Ural region)*. Samara: Volga river Region State Academy of Social Sciences and Humanities, 11-24 (in Russian).
- 3 Berezanskaya, S. S. 1990. *Usovo ozero. Poselenie srubnoy kultury na Severskom Dontse (Usovo Lake. Settlement of a log cabin culture on the Seversky Donets)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- 4 Brovender, S. M. 2012. *Stepanovskoe poselenie srubnoy obshchnosti na Donetskoy kryazhe (Stepanovskoye settlement of the log cabin community on the Donetsk ridge)*. Alchevsk: Donbass State Technical University (in Russian).
- 5 Weinstein, S. I. 1991. *Mir kochevnikov tsentra Azii (The world of the nomads of Central Asia)*. Moscow: “Nauka” (in Russian).
- 6 Vasiliev, I. B. 2010. In: Kuznetsova, L. N. (ed.). *40 let Srednevolzhskoy arheologicheskoy ekspeditsii (40 years of the Middle Volga Archaeological expedition)*. Samara: “Ofort” Publ., 64–86 (in Russian).
- 7 Gak, E. I. 2011. *Poseleniya epohi bronzy na severnoy okraine donskoy lesostepi (Bronze Age settlements on the northern edge of the Don forest steppe)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- 8 Gorbov, V. N. 1997. In: *Arheologicheskyy almanakh (The Archaeological Almanac)*, 6, 145-162 (in Russian).
- 9 Gorbov, V. N., Privalova, O. Y. 1989. In: *Problemy ohrany i issledovaniya pamyatnikov arheologii v Donbasse (Problems of protection and research of archaeological monuments in Donbass)*. Donetsk, 35-38 (in Russian).
- 10 Gorbunov, V. S. 1989. *Poselencheskie pamyatniki bronzovogo veka v lesostepnom Priuralie (Settlement monuments of the Bronze Age in the forest-steppe Urals)*. Kuybyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).
- 11 Gorbunov, V. S., Morozov, Y. A. 1991. *Nekropol epohi bronzy Yuzhnogo Priuraliya (The Bronze Age necropolis of the Southern Urals)*. Ufa: “Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo” Publ. (in Russian).
- 12 Grigoriev, S. A. 2000. In: *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zauraliya (The ancient history of the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: “Rifey” (in Russian).
- 13 Gryaznov, M. P. 1953. In: *KSIMK (Brief communications of the Institute of Archaeology)*, 50, 444-531 (in Russian).

- 14 Evgeniev, A. A., Kuptsova, L. V., Muhametdinov, V. I., Roslyakova, N. V., Usachuk, A. N., Faizullin, I. A., Khokhlov, A. A. 2016. *Poselenie Maloyuldashevo I epohi neolita i pozdney bronzy v Zapadnom Orenburzhie (The settlement of Maloyuldashevo I of the Neolithic and Late Bronze Age in the Western Orenburg region)*. Orenburg: Publishing center of the Orenburg State Agrarian University (in Russian).
- 15 Zdanovich, G. B. 1983. In: Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzovyi vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (The Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluvium)*. Ufa: Bashkir State University, 48-68 (in Russian).
- 16 Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-kazahstanskih stepej (The Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes)*. Sverdlovsk: Ural University (in Russian).
- 17 Koryakova, L. N., Panteleeva, S. E. 2019. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Bulletin)*, 1 (62), 17-28 (in Russian).
- 18 Kosarev, M. F. 2008. In: Lopatina, O. A. (compl.). *Poseleniya kak istoricheskiy istochnik (teoreticheskie i metodicheskie podhody k izucheniyu poseleniyu v sovremennoy arheologii) (Settlements as a historical source (theoretical and methodological approaches to the study of settlements in modern archaeology))*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 6-8 (in Russian).
- 19 Kuzmina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Materialnaya kultura plemyon andronovskoy obshchnosti I proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).
- 20 Kuptsova, L. V. 2014. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhiya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 11, 177-195 (in Russian).
- 21 Kuptsova, L. V., Faizullin, I. A. 2012. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzhiya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 10, 70-100 (in Russian).
- 22 Kyzlasov, I. L. 2005. *Pratyurkskie zhilishcha (Pre-Turkic dwellings)*. Moscow; Samara: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 23 Larenok, V. A. 2000. In: Usachuk, A. N. (ed.). *Arheologiya i drevnyaya arhitektura Levoberezhnoj Ukrainy i smezhnykh territoriy (Archaeology and ancient architecture of Left-Bank Ukraine and adjacent territories)*. Donetsk: "Skhidnij vidavnichij dim" Publ., 26-28 (in Russian).
- 24 Lopatin, V. A. 2002. *Srubnye poseleniya stepnogo Volgo-Uraliya (Srubnaya culture settlements of the Volga-Ural Steppe)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
- 25 Lyganov, A. V. 2021. *Arheologiya Evrazijskih stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 2, 29-46 (in Russian).
- 26 Margulan, A. K., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966 *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazahstana (The ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 27 Matveeva, G. I., Kolev Y. I., Korolev A. I. 2004. In: Stashenkov, D. A. (ed.). *Voprosy arheologii Urala i Povolzhiya (Issues of the archaeology of the Urals and the Volga region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 75-77 (in Russian).
- 28 Merpert, N. Y. 1958. In: *Materialy i issledovaniya po arheologii USSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)*, 61, 45-157 (in Russian).
- 29 Morgunova, N. L., Porokhova, O. I. 1989. *Poseleniya srubnoj obshchnosti (Settlements of the Srubnaya culture)*. Voronezh: Voronezh State University, 160-172 (in Russian).
- 30 Morgunova, N. L., Faizullin, A. A. 2018. In: *Stratum plus*, 2, 35-60 (in Russian).
- 31 Morgunova, N. L., Halyapin, M. V., Halyapina, O. A. 2001. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 5, 99-126 (in Russian).
- 32 Morozov, Y. A. 1983. In: Pshenichnyuk, A. K., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniya i zhilishcha drevnikh plemyon Yuzhnogo Urala (Settlements and dwellings of ancient tribes of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences, 19-40 (in Russian).
- 33 Morozov, Y. A. 2017. *Aitovskoe poselenie epohi bronzy v Bashkirskom Priuralie (Aitovo settlement of the Bronze Age in the Bashkir Urals)*. Ufa: Ufa Scientific Center of the RAS (in Russian).
- 34 Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1992. *Severo-vostochnaya periferiya srubnoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti (The north-eastern periphery of the srubnaya cultural and historical community)*. Samara: Saratov University, Samara branch (in Russian).
- 35 Porohova, O. I. 1989. In: Morozov, Y. A., Pshenichnyuk, A. K. (eds.). *Materialy po epohe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzhiya (Materials on the Bronze Age and Early Iron of the Southern Urals and the Lower Volga region)*. Ufa: Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences, 60-71 (in Russian).

- 36 Romashko, V. A. 2001. *Problemy arheologii i arhitektury. V 2-h tomah. T. 1: Arheologiya (Problems of archaeology and architecture. In 2 vol. Vol. 1: Archaeology)*. Donetsk, Makeevka: Zhurnal «Donbass», 132-145 (in Russian).
- 37 Tatarinov, S. I. 1988. In: *Sovetskaya φrheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 96-113 (in Russian).
- 38 Faizullin, I. A. 2015. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 2 (29), 80-86 (in Russian).
- 39 Faizullin, I. A., Kuptsova, L. V., Afonin, A. S., Grigoriev, A. P., Evgeniev, A. A., Kapinus, Y. O., Kryukova, E. A., Muhametdinov, V. I., Roslyakova, N. V., Sverchkova, A. E., Faizullin, A. A. 2021. In: *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of Orenburg region)*, 15, 79-123 and 61-67 (in Russian).
- 40 Faizullin, I. A., Roslyakova, N. V. 2016. In: Bakhshiyev, I. I. (ed.). *Istoriko-kulturnye protsessy na Yuzhnom Urale v epohu pozdney bronzy: sovremennyye problemy izucheniya i sohraneniya kulturnogo naslediya (Historical and cultural processes in the Southern Urals in the Late Bronze Age: modern problems of studying and preserving cultural heritage)*. Ufa: "Dialog" Publ., 61-67 (in Russian).
- 41 Tsybriy, T. V. 2013. *Poselenie Yagodinka 2 i nekotorye voprosy domostroitelstva na Nizhnem Donu v epohu pozdney bronzy (The settlement of Yagodinka 2 and some issues of housing construction on the Lower Don in the Late Bronze Age: abstract of Thesis PhD)*. St. Peterburg (in Russian).
- 42 Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Lebedeva, E. Y., Agapov, S. A., Lunkov, V. Y., Orlovskaya, L. B., Teneyshvili, T. O., Valkov, D. V. 1999. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 1, 77-102 (in Russian).
- 43 Chizhevskiy, A. A. 2007. *Arheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana. Problemy izucheniya pervobytnosti i golocena v Volgo-Kam'e (Archaeology and natural sciences of Tatarstan. Problems of studying primitiveness and Holocene in the Volga-Kamye)*. Kazan: "Alma-Lit" Publ., 93-112 (in Russian).
- 44 Sharafutdinova, I. N. 1982. *Stepnoe Podneprovie v epohu pozdney bronzy (Steppe Dnieper region in the Late Bronze Age)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- 45 Ankushev, M., Faizullin, I., Artemyev, D., Blinov, I. 2022. In: *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2020. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Springer, Cham, 41-52 (in English).
- 46 Ankushev, M. N., Faizullin, I. A., Blinov, I. A., Artemyev, D. A. 2023. *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2022. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Springer, Cham, 244-252 (in English).
- 47 Goryachev, A. A., Frachetti, M. D. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (16), 24-56 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 29.08.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.12.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.12.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.70.99>

Транспортные средства в петроглифах Казахстана эпохи бронзы: мобильность и элитарность

© 2024 г. Новоженев В.А.

Keywords: Central Asia, Betpakdala, Shunak, Shimaily, Yeshkiolmes, Middle Bronze Age, wheeled transport, sleds, visual communications, chariots, spoked wheels, connected wagons

Түйін сөздер: Орталық Азия, Бетпақдала, Шұнақ, Шимайлы, Ешкіөлмес, орта қола дәуірі, дөңгелекті көлік, нарттар, визуалды коммуникациялар, екі дөңгелекті арбалар, шабақты дөңгелектер, жегілген арбалар

Ключевые слова: Центральная Азия, Бетпақдала, Шұнақ, Шимайлы, Ешкіольмес, эпоха средней бронзы, колёсный транспорт, нарты, визуальные коммуникации, двуколки, колёса со спицами, сочленённые телеги

Victor Novozhenov¹

¹Leading Researcher, International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Almaty, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-4727-790X](https://orcid.org/0000-0002-4727-790X) E-mail: vnovozhenov@gmail.com

Vehicles in the Bronze Age petroglyphs of Kazakhstan: mobility and elitism

Images of battle and transport vehicles of the Middle Bronze Age are of great interest in petroglyphs of Kazakhstan. More than two dozen wagons have recently been published, varying in design and in their probable purpose. The technique of execution – carving with polished patina is very informative, the artists' close attention to the details and design features of the depicted carts to highlight very important typological and iconographic features that make it possible to concretize their dating around the edge of 3rd and 2nd millennium BCE and structure' details for neighboring areas as well. They also clarify many design features of Bronze Age vehicles from neighboring regions. In addition, a layer of images of chariots associated with the era of the final Bronze Age and early nomads is highlighted.

Source of financing: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN project AR19679947.

For citation: Novozhenov, V. 2024. Vehicles in the Bronze Age petroglyphs of Kazakhstan: mobility and elitism. *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 70–99 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.70.99](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.70.99)

Виктор Александрович Новоженев¹

¹жетекші ғылыми қызметкер, ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы, Алматы, Қазақстан

**Қазақстан петроглифтеріндегі
қола дәуірінің көлік құралдары:
мобильдік пен элитарлық**

Қазақстан петроглифтеріндегі орта қола дәуірінің жауынгерлік арбалары мен тарантастары ерекше қызығушылық тудырады. Жақында ғана құрылымы мен ықтимал қолдану мақсаты

Виктор Александрович Новоженев¹

¹ведущий научный сотрудник, Центр Сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, г. Алматы, Казахстан

**Транспортные средства
в петроглифах Казахстана эпохи бронзы:
мобильность и элитарность**

В петроглифах Казахстана повышенный интерес вызывают изображения боевых и транспортных экипажей эпохи средней бронзы. Недавно опубликовано более двух десятков повозок, различных по кон-

бойынша жиырмадан аса әртүрлі арба жарияланды. Жасалу техникасы – зеңжарды тегістеп, терең емес нүктелер қағымдалған, көп ақпарат береді. Суретшілердің арбалардың бөлшектері мен құрылым ерекшеліктеріне өте мұқият болуы олардың қандай этномәдениетке тиеселі екенін анықтайтын, б.д.д. III–II мыңжылдық межесіне жатқызатын маңызды типологиялық және иконографиялық ерекшеліктерді белгілеуге мүмкіндік береді, шегаралас өңірлердегі қола дәуірі тарантастарының көптеген құрылымдық ерекшеліктерін анықтайды. Сондай-ақ соңғы қола мен ерте көшпенділер дәуірімен байланысты үлкен арбалар бейнесінің қабаты анықталды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған гранттық қаржыландыруы, ЖТН АР19679947 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Новоженов В.А. Қазақстан петроглифтеріндегі қола дәуірінің көлік құралдары: мобильдік пен элитарлық. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 70–99-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.70.99](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.70.99)

струкции и по их вероятному назначению. Техника исполнения – неглубокая точечная выбивка с прошлифовкой патины – очень информативна. Пристальное внимание художников к деталям и особенностям конструкции повозок позволяют выделить важные типологические и иконографические особенности, которые определяют их этнокультурную принадлежность и датировку рубежом III – II тыс. до н.э., а также проясняют многие конструктивные особенности экипажей эпохи бронзы из сопредельных регионов. Кроме того, выделен пласт изображений колесниц, связанный с эпохой финальной бронзы и ранними кочевниками.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта АР19679947.

Для цитирования: Новоженов В.А. Транспортные средства в петроглифах Казахстана эпохи бронзы: мобильность и элитарность. *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 70–99.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.70.99](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.70.99)

Введение. Петроглифы урочища Молдажар, в самом центре водораздела гор Тарбагатай, на востоке Казахстана, открыты А.Е. Рогожинским [Рогожинский 2011: 93–103; Rogozhinskiy 2011: 9–43], частично опубликованы и описаны З. Самашевым [Самашев 2018] под названием Шимайлы I. Наиболее информативные разновременные петроглифы расположены на вершине и склонах куполообразной сопки Сардонгал, на округлых валунах, покрытых «пустынным загаром» глыбах песчаника моренного происхождения (рис. 1).

В многообразии разновременного репертуара этого уникального памятника выделяется изобразительный пласт эпохи бронзы с богатым набором вооружённых антропоморфных персонажей: лучников, противостоящих палиценосцев, колесничих; зооморфных: быков, декорированных коней, антилоп, показанных в батальных и охотничьих композициях, а также в хорошо знакомых в центральноазиатских петроглифах сценах с условным названием «повелитель коней» [Шер 1980; Савинов 2021: 243–249]. Объект данного исследования – коллекция изображений транспортных средств эпохи средней бронзы, зафиксированная на этом памятнике, которая может стать ключевой для понимания колесничных сюжетов как для других регионов Казахстана, так и для всего ареала наскального искусства Центральной Азии в целом.

Методы. Для анализа и копирования изображений использовался метод обработки цифровых фотографий, распознавания и 3D компьютерного моделирования изображений, основанный на автоматическом отделении точек (пикселей) выбивки или прорисовки от аналогичных следов, имеющих природное происхождение. В сочетании с современными мощными графическими редакторами и компьютерным моделированием данный метод полностью исключает субъективный фактор в процессе создания копии изображения и может считаться объективным источником, полученным на основании аппаратных данных и фотограмметрии [Новоженов, Ильин 2021]. Этот метод используется наряду с другими традиционными методиками археологических исследований, применяемых для датировки, классификации и типологии артефактов, поиска системных аналогий и определения культурной принадлежности исследуемых объектов.

Кроме того, изобразительную, фигуративную (статуарную), орнаментальную и мегалитическую традиции в пространстве и во времени мы относим к изобразительным, визуальным комму-

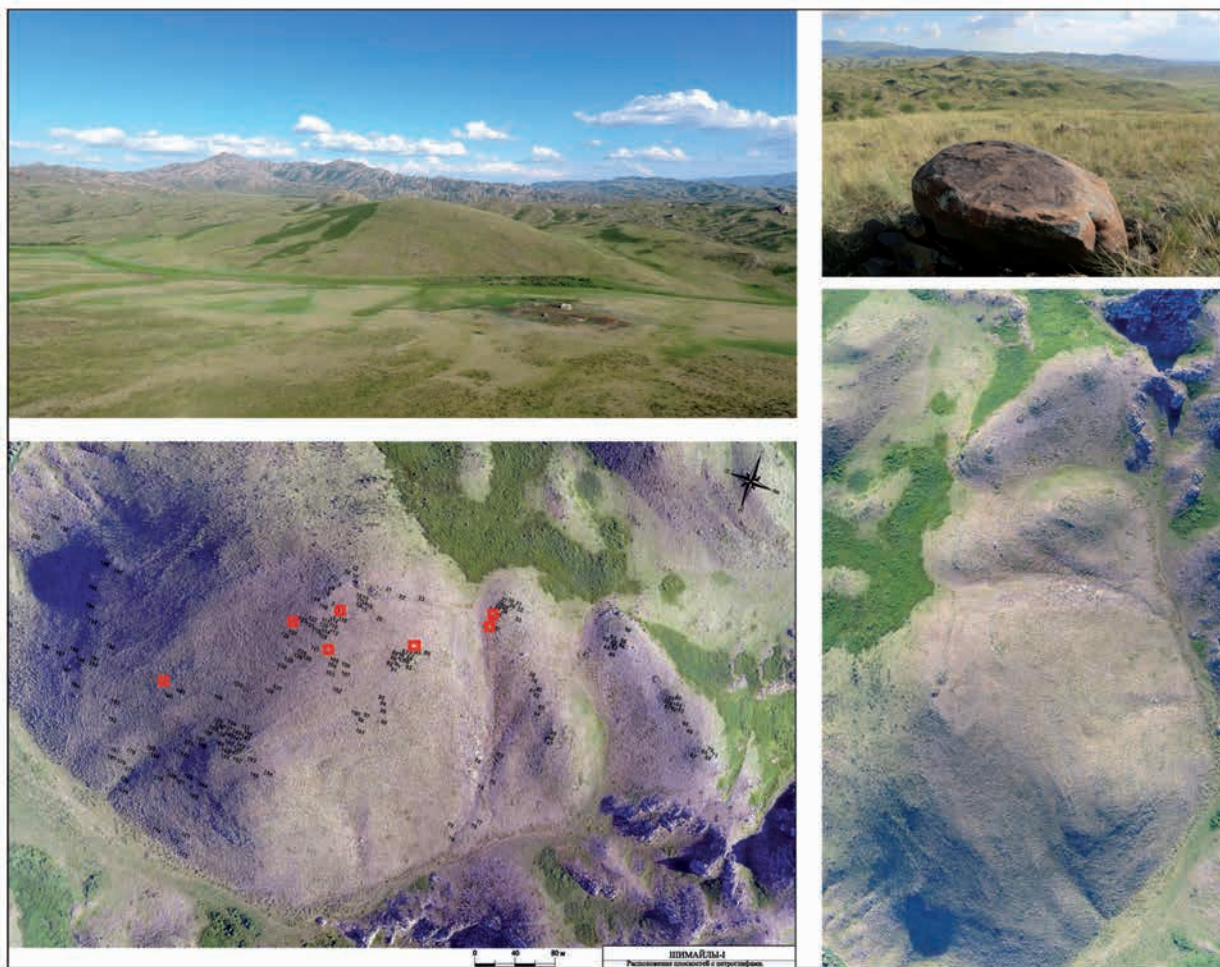

Рис. 1. Горы Тарбағатай, урочище Молдажар (Шимайлы). Общий вид и индексированная панорама памятника. Красным цветом обозначены валуны с колесничными петроглифами (по: [Самашев 2018: 60-61] 1-сур. Тарбағатай таулары, Молдажар (Шимайлы) шатқалы. Ескерткіштің жалпы көрінісі мен индекстелген панорамасы. Қызыл түспен үлкен арба петроглифтері бар тастар белгіленген ([Самашев 2018: 60-61] бойынша)

Fig. 1. Tarbagatai Mountains, Moldazhar tract (Shimaily). General view and indexed panorama of the monument. Boulders with chariot petroglyphs are marked in red – after – Samashev 2018: 60-61

никациям согласно постулатам коммуникационной теории. Эти изобразительные традиции стали важным средством внутренней и внешней активности местных коллективов, которые зафиксированы археологическими методами в виде выделенных археологических культур и культурно-исторических общностей. Они стали надёжным индикатором самоидентификации этих сообществ (кланов), а их изучение и анализ позволяют прояснить многие спорные вопросы этнокультурной истории.

В данном исследовании также используется метод научной реконструкции, компьютерного и макетного моделирования, основанный на комплексном анализе материалов и древних технологий, разработанный в реставрационной лаборатории «Остров Крым» и защищённый Авторскими свидетельствами РК.

Материалы и их характеристика. Валун 1 расположен на вершине сопки Сардонгал и представляет собой округлый блок песчаника, на горизонтальную и две торцевые грани которого (правую и левую) нанесены многочисленные изображения (рис. 2; 3).

На горизонтальной плоскости камня основу композиции составляют четыре фигуры крупных быков, где всё свободное пространство вокруг них, внутри их огромных рогов и между ногами занято фигурами различных животных, птиц, лучников, группирующихся в отдельные сюжеты: сцену охоты человека с двумя луками на быка, поединка палиценосцев, сцену загонной охоты на степных антилоп с использованием собак и ряд других сюжетов [Самашев 2018: 63–87, рис. 18–47].

На валуне также изображены три транспортных средства, два из которых представляют собой стандартные пароконные колесницы, показанные с колёсами со спицами, в одном случае изображён возничий, управляющий повозкой и вооружённый копьём. У колесниц изображено центральное дышло, снабжённое специальными треугольными распорками, фиксирующими ярмо-поперечину в жёсткой позиции, поскольку при маневрировании такого экипажа центробежные силы и основное напряжение передаётся именно на этот узел конструкции (см. далее). Перед мордами лошадей показана линия, обозначающая элемент колесничного оголовья – аркан (?), связывающий крайние псалии упряжных лошадей с внутренней стороны для удобства и большей эффективности системы управления повозкой. При этом уверенно «читаются» вожжи, отходящие от голов лошадей с внешней стороны. Такой способ управления позволяет использовать не четыре, а только две вожжи для управления колесницей. Подобная, но более сложная система управления, зафиксирована и подробно описана у колесниц карасукского или бегазы-дандыбаевского времени, изображённых на скалах в долине реки Коксу на юге Казахстана [Новоженов, Рогожинский 2019].

Третье транспортное средство (рис. 3) расположено на изгибе валуна и изображено в типичных стандартах, характерных для центральноазиатской наскальной колесничной традиции: это пара упряжных коней, спинами друг к другу в «плановой проекции», центральное дышло, вожжи, стоящий на платформе возничий с колчаном за спиной, в который упакован лук.левой рукой колесничий держится за верёвку, привязанную к основанию прямоугольной платформы с D-образной передней частью (возможно, вертикальному поручню), а правой — управляет движущимся транспортным средством посредством вожжей. Перед пароконной упряжкой изображён пеший лучник с колчаном за спиной, а стрела его лука направлена на противостоящий ему экипаж, наличие у которого явно выраженных полозьев вместо традиционных колёс заставляет предполагать изображение здесь саней, используемых в качестве боевого транспортного средства. Батальный характер этой сцены не вызывает сомнений и типичен для очень многих колесничных сюжетов Древнего мира [Новоженов 2012; 2021].

На валуне 34 (рис. 4) в составе другой многофигурной композиции с участием охотников, горных баранов, лошадей и быка с извилистыми рогами изображены две пароконные колесницы, одна из которых показана со стреляющим из лука возничим и тщательно проработанными деталями конструкции повозки, другая изображена в более условной манере без колесничего [Самашев 2018: рис. 133–142].

Среди особенностей конструкции первой колесницы отметим наличие параллельных центральному дышлу рядов ремней или верёвок, соединяющих переднюю кромку подквадратной платформы повозки и ярмо-перекладину, фиксирующие его в строго перпендикулярном положении к центральному дышлу и параллельно оси колесницы, подобно натянутым «струнам» и усиливающие прочность этого главного для такой повозки конструктивного узла при выполнении экипажем маневрирования на скорости. Из не менее девяти таких натянутых «струн» две могут быть вожжами, и они изображены привязанными к передней части ездовой платформы, тем самым высвобождая руки колесничего.

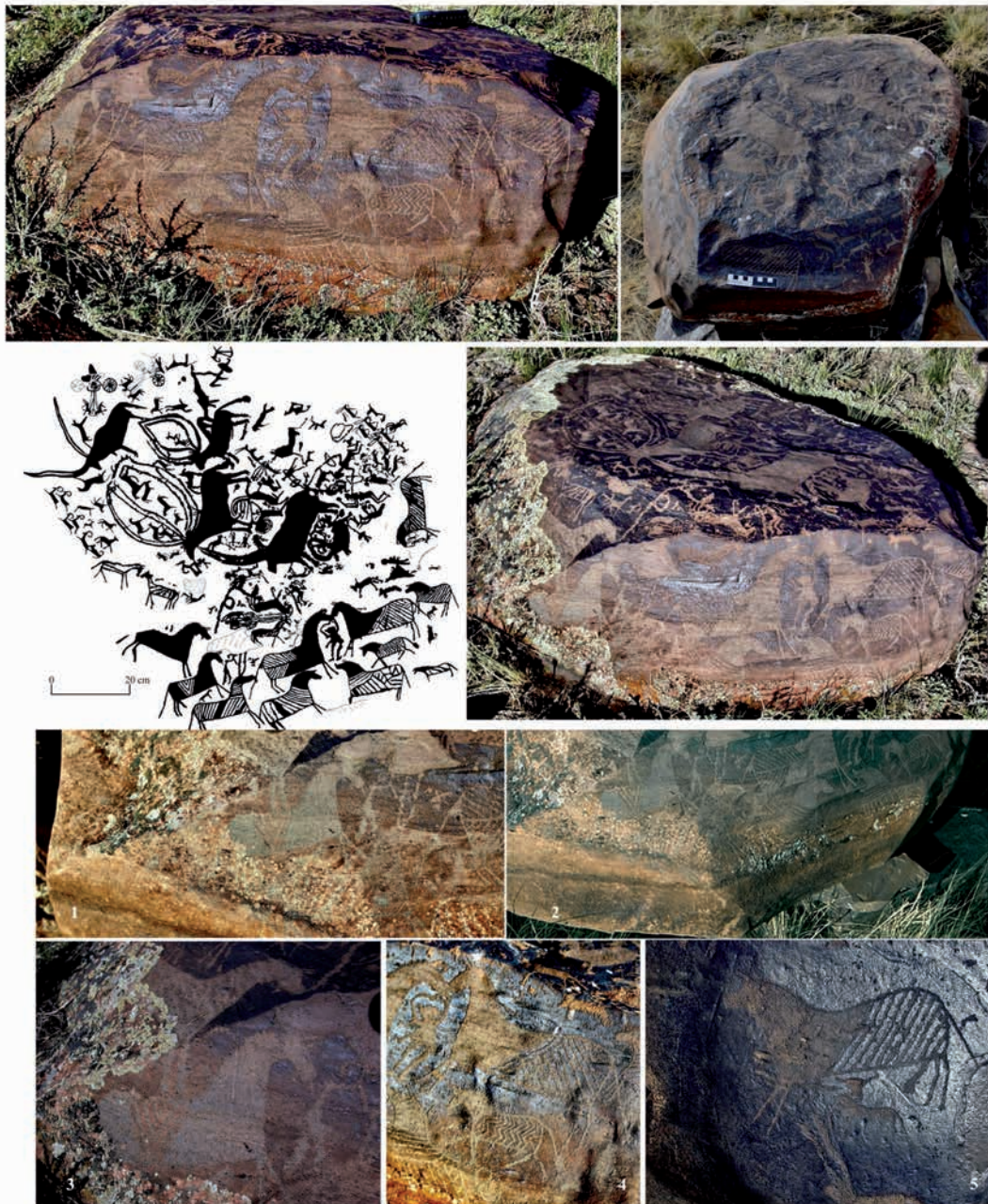

Рис. 2. Валун 1. Левая, правая грани камня и горизонтальная плоскость с петроглифами. Фото и прорисовка (по: [Самашев 2018: 63–87, рис. 18–47]). Левая грань (нижняя часть таблицы). Фрагменты композиции «Повелитель коней» и орнаментированные фигуры лошадей. Фото: Алексей Рогожинский
2-сур. 1-тас. Тастың сол жақ, оң жақ қырлары мен петроглифтері бар көлденең бет. Фотосуреті мен сұлба сурет ([Самашев 2018: 63–87, 18–47 сур.] бойынша). Сол жақ қыры (кестенің төменгі бөлігі). «Жылқылар әміршісі» композициясының фрагменттері мен аттардың бедерлі фигуралары. Фото: Алексей Рогожинский

Fig. 2. Boulder 1. The left and right sides of the stone and the horizontal plane with petroglyphs. Photo and drawing – after – Samashev 2018: 63–87, fig. 18–47. The left side (the lower part of the table). Fragments of the composition «The Lord of Horses» and ornamented figures of horses. Photo: Alexey Rogozhinskiy

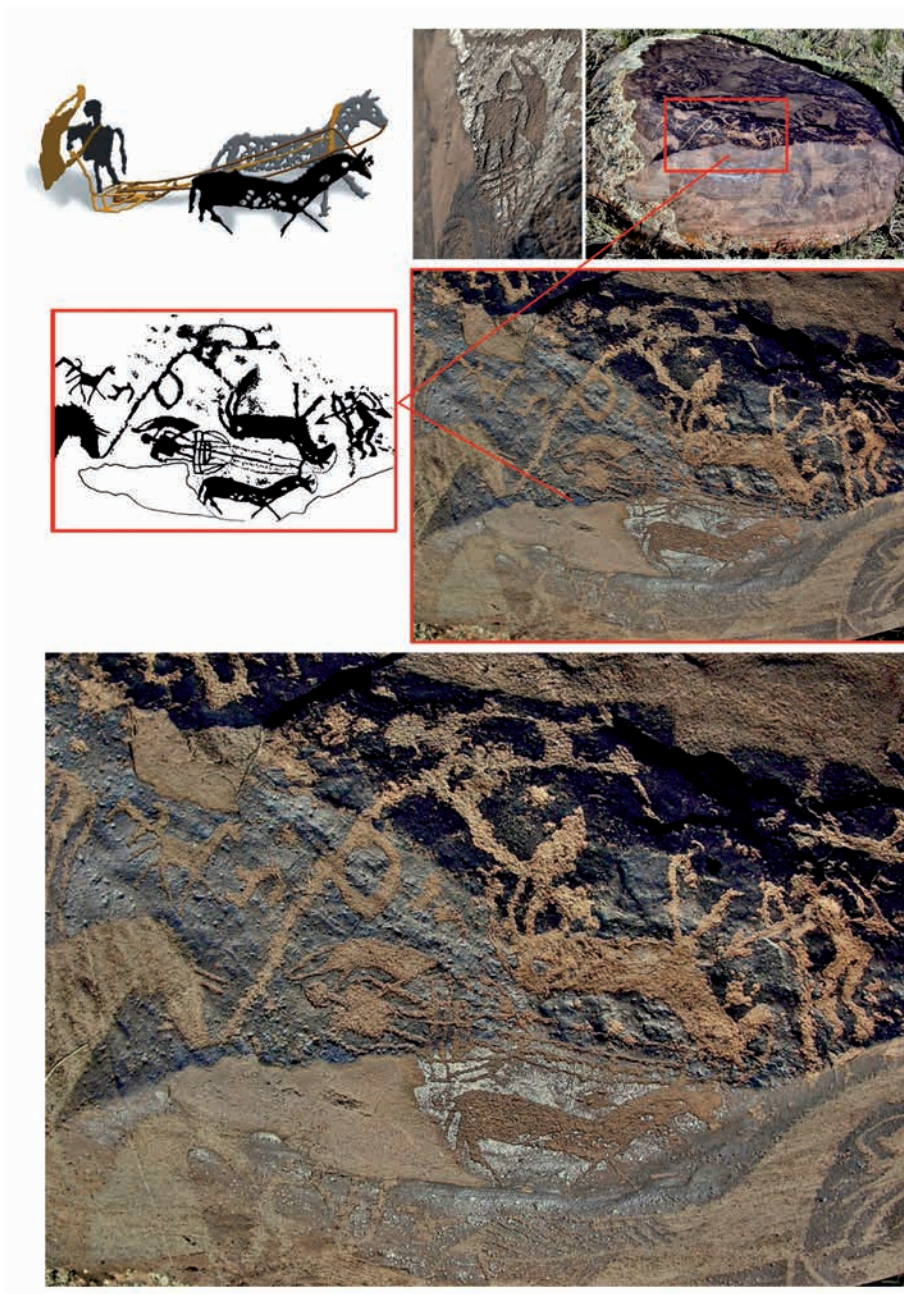

Рис. 3. Валун 1. Третье транспортное средство – боевые сани, возничий и противостоящий лучник.
Месторасположение на камне, фрагменты, графическая прорисовка автора и 3-D проекция.

Фото: Алексей Рогожинский

3-сур. 1-тас. Үшінші көлік құралы – жауынгерлік шаналар, арбакеш пен қарама-қарсы тұрған садақшы.
Тастағы орналасқан орны, фрагменттер, автордың графикалық сұлба суреті мен 3D проекциясы.

Фото: Алексей Рогожинский

Fig. 3. Boulder 1. The third vehicle is a combat sled, a charioteer and an opposing archer. The location on the stone, fragments, graphic drawing of the author and 3-D projection. Photo: Alexey Rogozhinskiy

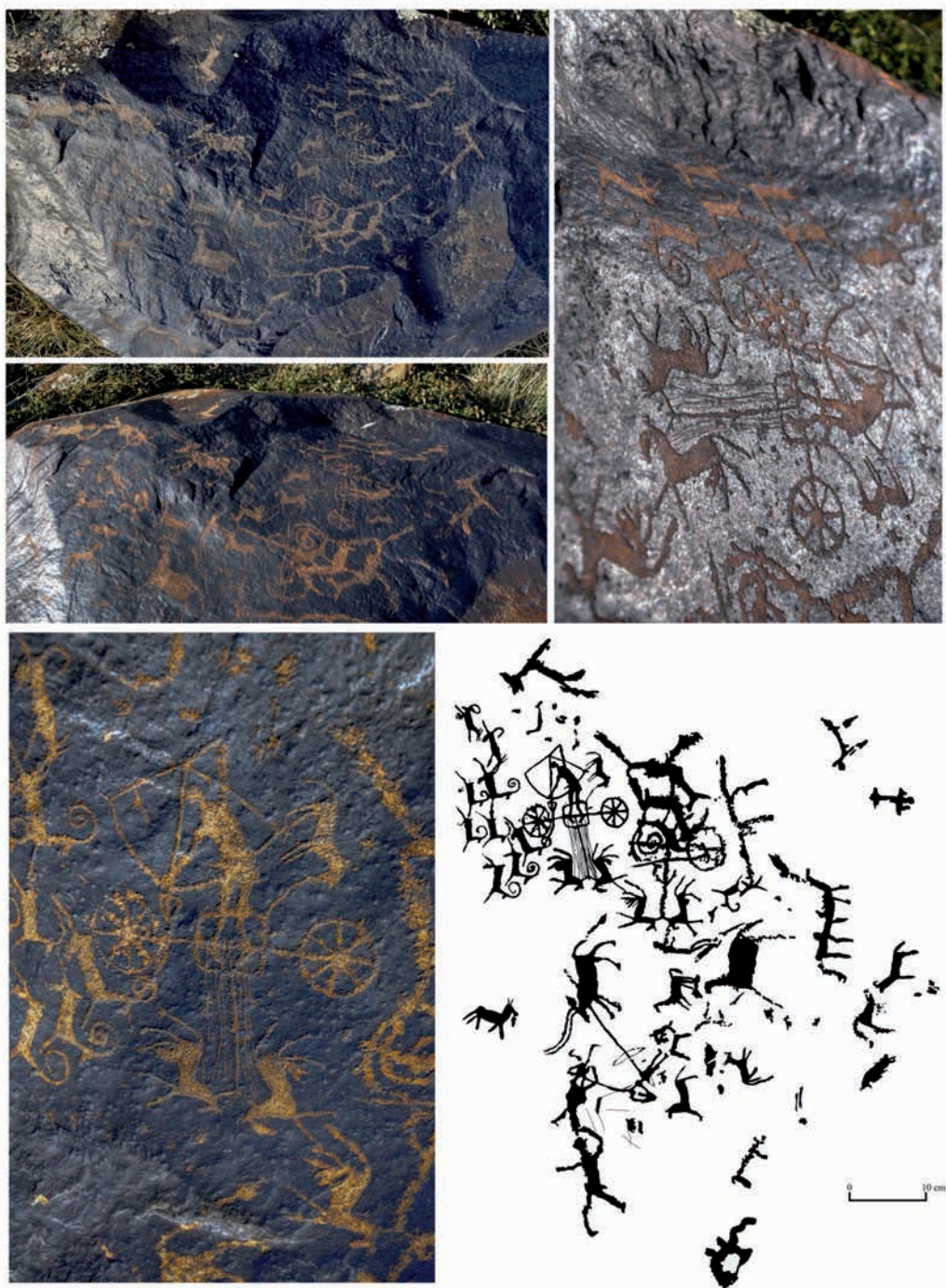

Рис. 4. Валун 34. Фрагменты и прорисовка композиции с колесницами
(по: [Самашев 2018: 236–238, рис. 133–142])
4-сур. 34-тас. Үлкен арбалы композицияның фрагменттері мен сұлба суреті
([Самашев 2018: 236–238, 133–142 сур.] бойынша)

Fig. 4. Boulder 34. Fragments and drawing of a composition with chariots –
after – Samashev 2018: 236–238, fig. 133–142

Возничий стоит на платформе колесницы, он запечатлён в момент охоты – стрельбы из большого лука в дикого быка, которого также преследуют пешие лучники. Данное обстоятельство определяет рассматриваемую сцену как исключительно охотничью. Любопытной деталью является привязанный позади колесницы жеребёнок (сменная лошадь?).

Необходимость фиксации ног колесничего на ездовой платформе движущейся колесницы во время охоты – единственный способ сделать прицельный выстрел из лука, когда используются обе руки и нет никакой иной возможности удержаться на подвижной повозке. Возможно, здесь применялись особые петли-ремни для ступней колесничего, крепившиеся на ездовой платформе.

Валун 35 (рис. 5, 1). Схематическое одиночное изображение пароконной колесницы с возничим, стоящим на платформе.

Валун 81. На продолговатом блоке изображены две пароконные колесницы с возничими и пеший лучник.

Валун 105 (рис. 5, 2). Большой камень, расколотый на несколько частей, покрытых лишайником. На самой крупной плоскости выбито множество петроглифов, образующих некую композицию, основой которой по мнению З. Самашева [Самашев 2018: рис. 236–238], является сцена загонной охоты пеших лучников с использованием собак. Мы не исключаем трактовку данной композиции как противостояние двух пар пеших лучников с участием собак и боевой пароконной колесницы, управляемой возничим, за обладание охотничьей добычей в виде архаров и других трофеев. Во всяком случае, две пары лучников здесь изображены противостоящими друг другу, их луки направлены в сторону пары соперников-лучников и, вероятно, они стреляют друг в друга, а не в окружающих их животных.

На плоскости изображены две колесницы, одна из которых стандартной конструкции и показана распряжённой. Рядом с ней изображены фигура лежащего (?) человека и неопределённых животных; вторая, более крупная повозка, запряжена парой лошадей, имеет длинное центральное дышло и стоящего на платформе возничего, правая рука которого поднята вверх и соединена с фигурой другого человека, а левая – опущена вниз и держит неопределённый предмет или вожжи. Рядом с колесничим на ездовой платформе изображены неопределённые предметы и бесформенные пятна выбивки.

Правое колесо повозки показано сплошной выбивкой, а левое – с большим количеством расположенных по кругу и оставленных невыбитыми пятнами исходной поверхности патинизированной скалы на фоне сплошной мелкоточечной выбивки, что создаёт визуальный эффект наличия множества спиц в этом колесе. К сожалению, именно этот элемент колесницы покрыт колонией лишайников, что затрудняет более детальное определение точных границ оригинальной патины поверхности камня.

Упряжные лошади этой повозки показаны схематично, на крупе левой лошади имеется выступ (или близко расположенное неопределённое животное), а над дышлом – фигура лошади с нависающей над головой «чёлкой», изображённая в сейминско-турбинском стиле. Под ногами левой упряжной лошади изображена фигура лежащего (поверженного?) человека и бесформенное пятно выбивки. Если это так, то здесь изображён популярный для анатолийских колесничных сюжетов образ поверженного и растоптанного колесничной лошадей врага, известный в многочисленных колесничных каменных рельефах из Каргамиша (Казантип) и Зинджерли времен Новохеттского царства, IX–VII вв. до н.э. [Novozhenov 2020: 284-285].

Валун 122 (рис. 5, 3). На краю отдельно лежащего камня изображены два быка и схематичная пароконная повозка-двуколка. Колеса показаны сплошной выбивкой без спиц. Рядом на плоскости изображены фигуры двух быков, трёх горных баранов и неопределённое зооморфное изображение.

Рис. 5. Валуны 35, 105, 122, 160. Композиции с колесницами: 1 – валун 35; 2 – валун 105; 3 – валун 122. Фото и прорисовки – по: [Самашев 2018: 236–238; 252-253; 316; 334, рис. 133–142; 143; 281–284; 307–309; 405]; 4 – валун 160. Прорисовка и трёхмерная графическая проекция колесницы с возничим на валуне 160. Авторы: Виктор Новоженев и Элина Алтынбекова

5-сур. 35, 105, 122, 160 – тастар. Үлкен арбалы композициялар: 1 – 35-тас; 2 – 105-тас; 3 – 122-тас. Фотосуреті мен сұлба суреттер ([Самашев 2018: 236–238; 252-253; 316; 334, 133–142-сур.; 143; 281–284; 307–309; 405 сур.] бойынша); 4 – 160-тас. 160-тастағы арбакеші бар үлкен арбаның сұлба суреті және үшөлшемді графикалық проекциясы. Авторлар: Виктор Новоженев және Элина Алтынбекова

Fig. 5. Boulders 35, 105, 122, 160. Compositions with chariots: 1 – boulder 35; 2 – boulder 105; 3 – boulder 122. Photos and drawings – after – Samashev 2018: 236–238; 252-253; 316; 334, fig. 133–142; 143; 281–284; 307–309; 405; 4 – boulder 160. Drawing and three-dimensional graphic projection of a chariot with a charioteer on a boulder 160. Authors: Victor Novozenov and Elina Altynbekova

Валун 160 (рис. 5, 4). Схематичное изображение пароконной колесницы с возничим, стоящим на повозке с разведёнными в стороны руками. Показаны центральное дышло, ярмо-перекладина и очень длинная ось – для бóльшей устойчивости экипажа при маневрировании. Под руками колесничего изображена фигура в виде двойного круга с вписанными между кругами поперечинами. Возможно, таким образом в плановой проекции согласно петроглифической колесничной традиции показан округлый кузов колесницы с решётчатыми невысокими бортами, ровно такими, как найдены у раскопанных в могилах реальных шанских колесниц в Китае [Wu 2013]. Позади повозки изображены ещё две фигуры людей и животные неопределённого вида, возможно, горные бараны.

В целом, наряду с реалистическими и хорошо детализированными изображениями колесниц, в урочище Молдажар (Шимайлы) обнаружены более условные, схематичные конструкции запряжённых и распряжённых повозок разных типов (рис. 6) с возничими и без, в том числе – двуколок на дисковых колёсах и сочленённых (прицепленных друг за другом двухколесных повозок), широко известных в синхронных петроглифах из других регионов Евразии [Новоженов 2012: 101-102]. Четырёхколесные телеги или явно выраженные грузовые фургоны не зафиксированы. Упряжные животные – исключительно пара лошадей, в одном случае изображён двугорбый верблюд, тянущий посредством двух ремней (верёвок) прямоугольную транспортную платформу без колёс (сани?) с человеком-возничим (?) на борту, который, вероятно, посредством вожжей управляет верблюдом.

Обсуждение материалов. Парадоксальная особенность очень детализированного изображения третьего транспортного средства на валуне 1 – отсутствие каких-либо попыток выбить колёса у этой «колесницы». Вместо них изображены симметрично расположенные по обеим сторонам ездовой платформы полозья, показанные в плановой проекции (аналогично колёсам со спицами в лучших традициях воплощения колесничных петроглифов на скалах Центральной Азии), которые напоминают сделанные из изогнутых жердей боковые детали нарт – саней, до сих пор используемых в упряжках народами Крайнего Севера [Nefedkin 2020].

При этом передние верхние края этих полозьев присоединены к центральному дышлу арканами (?) в целях более надёжной эксплуатации и общего укрепления всей конструкции таких саней и дополнены диагональными планками, известными у особого типа нарт для перевозки дров, где конструкция испытывала значительные нагрузки на полозья и требовала усиления. Возничий управлял такими санями стоя на платформе, подобно тому, как это принято при использовании традиционных русских саней-розвальней (рис. 7–12).

Аналогичные конструкции в петроглифах нам не известны, при том, что довольно широко фигуры людей на лыжах представлены в петроглифах Скандинавии, Южной Сибири, Забайкалья, Монголии, Китая (Алтайские горы) и на юге Казахстана [Petroglyphes... 2017: 121, fig. 4a; b], а также в мелкой пластике – на навершии сейминско-турбинского кинжала из могильника Ростовка в Южной Сибири (рис. 7). Кроме того, костяные коньки (?) известны в материалах андроновских поселений в Казахстане, Южной Сибири и в Сынцзяне.

Использование саней в качестве упряжек оправдано в зимних климатических условиях центра Азии и, судя по этнографическим параллелям, имело место в межсезонье и даже в летнее время. Злаково-ковыльная поверхность большинства регионов евразийского пояса степей, на наш взгляд, благоприятствовала распространению подобного типа экипажей, более простых в изготовлении и более надёжных в эксплуатации, чем колесницы. Этнографические данные свидетельствуют о круглогодичном использовании нарт народами Крайнего Севера в условиях тундры. При этом все боевые и прочие транспортные функции таких экипажей, очевидно, сохранялись в полной мере, включая колесничную тактику их использования на поле боя [Nefedkin 2020].

Бесколесные транспортные средства следует признать наиболее архаичными и простыми в процессе перевозки тяжёлых грузов. Сделанные из двух жердей индейские волокуши и транспортные платформы – тобоганы – не требовали особых навыков и технологий для их изготовления и

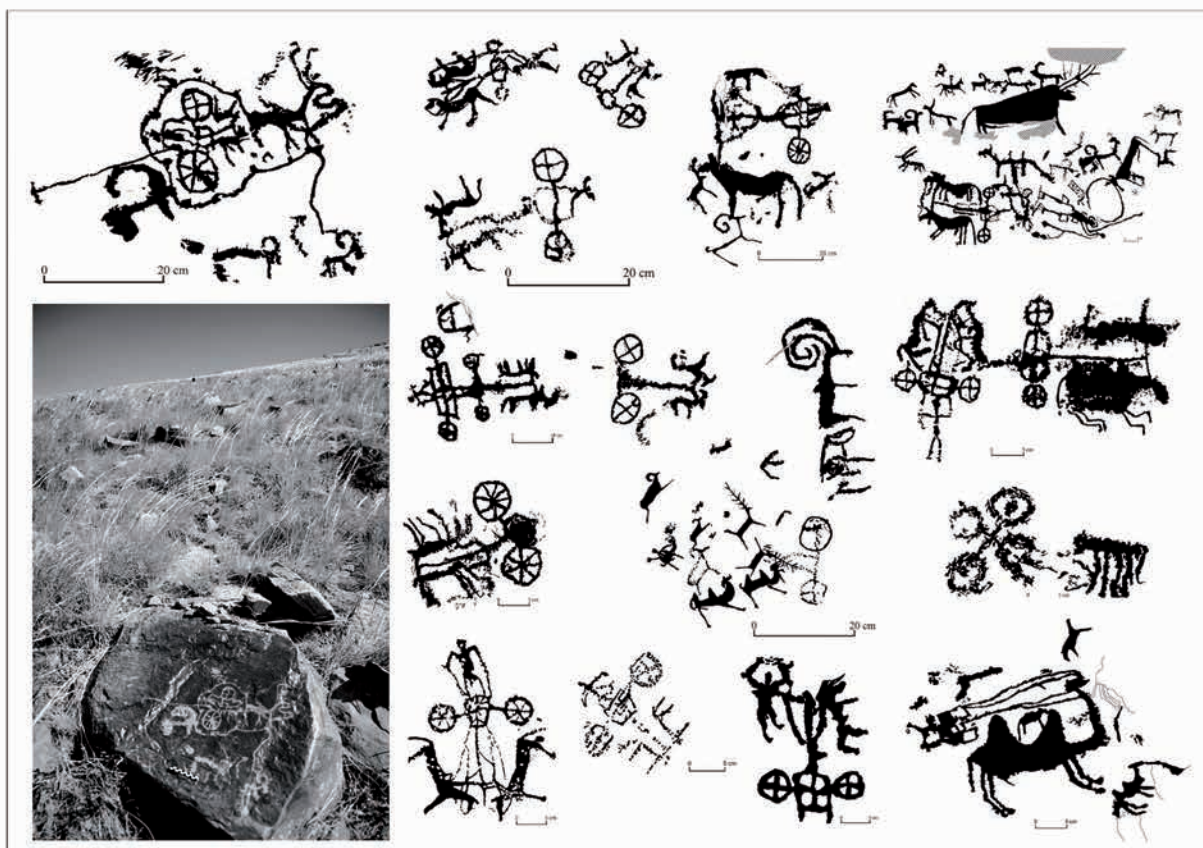

Рис. 6. Изображения повозок из урочища Молдажар (Шимайлы).
Фото и прорисовки – по: Самашев 2018: 334; 348–354; 362, рис. 430

6-сур. Молдажар (Шимайлы) шатқалындағы арбалардың бейнесі.
Фотосуреті мен сұлба суреттер ([Самашев 2018: 334; 348–354; 362, 430-сур.] бойынша)

Fig. 6. Images of wagons from the Moldazhar tract (Shimaily). Photos and drawings –
after – Samashev 2018: 334; 348–354; 362, fig. 430

повсеместно применялись индейцами Северной Америки. Сани с изогнутыми полозьями – более сложная конструкция в плане технологий, поскольку их изготовление требовало развитых навыков изгиба деревянных жердей под нагревом, специального плотницкого инструмента и умения им пользоваться. Потребность не только в транспортировке тяжёлых грузов, но также в стремлении улучшить результативность охоты и, очевидно, внести инновации в военное дело, стали побуждающими мотивами в эволюции бесколёсных транспортных средств. Сани (нарты) в этом смысле являются вершиной этого эволюционного ряда.

Следующий этап в истории древнейших транспортных средств уже связан с использованием колеса и попытками его облегчить. Параллельно решался вопрос маневренности колёсных экипажей, поскольку, возникнув от грузовой платформы, под которую подкладывалось не менее двух круглых брёвен, первые повозки были четырёхколёсными и двухосными [Piggott 1992]. Развернуться на такой повозке или просто её повернуть было очень сложно. Изобретение передней поворотной оси в четырёхколёсных повозках произошло достаточно поздно – только в античное время.

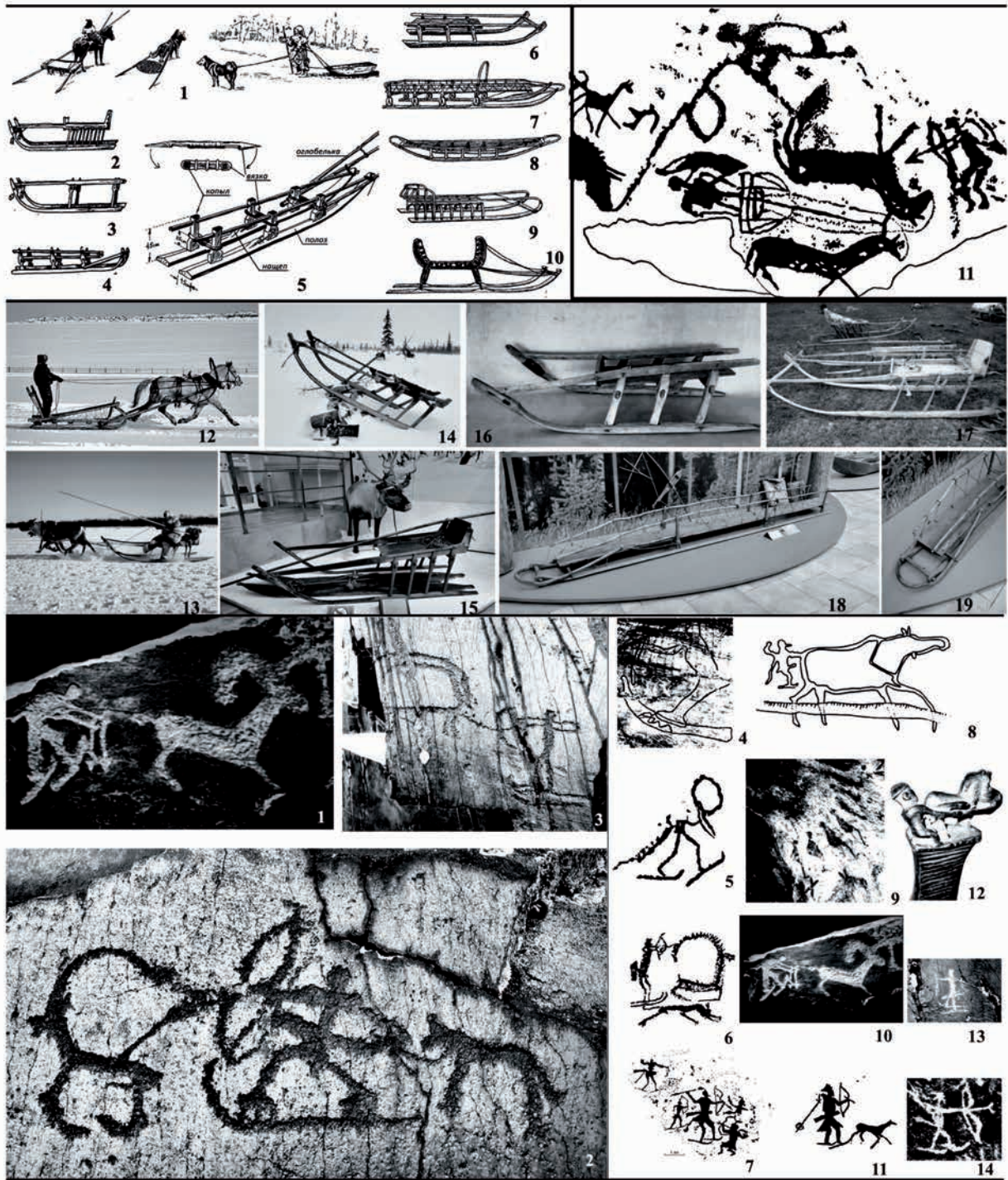
В эпоху бронзы проблема маневренности колёсных экипажей решалась путём использования двух одноосных двухколёсных повозок (на разных типах колёс – двуколки и колесниц) путём их сочленения – сцепки двух одноосных повозок при помощи специального подвижного узла, наподобие фаркопа у современных автомобилей. Выгоды были очевидны – такая «четырёхколесная» телега, состоящая из двух повозок (иногда – из трёх и более), могла легко разворачиваться и маневрировать на дороге при солидной грузоподъёмности в сравнении с любым двухколёсным экипажем.

Кроме того, с улучшением маневренности связаны зафиксированные здесь конструктивные способы укрепления узла соединения центрального дышла и перекладины ярма путём использования специальных треугольных распорок (валун 1, колесницы 1 и 2) или дополнительных растяжек, как на колеснице, изображённой на валуне 34. Этот конструктивный элемент (место соединения ярма и дышла) весьма важен при маневрировании и разворотах, поскольку более эффективно передаёт тягловую силу упряжных животных именно в моменты наивысшего усилия, приходящегося на ярмо и дышло такой повозки при разворотах. Необходимость такого конструктивного узла, видимо, была настолько важной, что требовала её фиксации на скале в виде своеобразного «чертежа». От крепости и надёжности этого соединения зависела собственно ездовая способность колесницы, её скорость и эффективность передачи тяглового усилия упряжных животных, что, в свою очередь, приводило к мифологизации самих элементов ярма, известных по материалам раскопанных китайских могил с колесницами (че-ма-кенов) шанского и чжоусского времени, когда захоронение частей ярма зачастую символизировало собой погребение целой колесницы и имело явный культовый характер [Wu 2013].

Аналогии такой конструкции с треугольными распорками известны в петроглифах гор Хантая, в Бетпакале [Novozhenov 2020: 424; Rock Art ... 2020: 21; 550-551], расположенных в сходном ландшафте, где такие колесницы изображены распряжёнными с явным акцентом на эту особенность их конструкции. Подобные элементы укрепления ярма и дышла зафиксированы в изображениях и в других регионах степной полосы Евразии: на Каратау (Койбагар, Арпаузен), в Тыве, в Монголии и на Алтае, известны в некоторых китайских памятниках IX–VII вв. до н.э. (могильник Наншаньгэнь, могила 102). Так, например, во второй группе петроглифов Шунак в Северном Прибалхашье на отдельной плоскости изображена колесница классической конструкции на двух колёсах со спицами, с центральным дышлом и ярмом, с треугольно расположенными поперечинами, укрепляющими всю конструкцию при маневрировании и при разворотах повозки. Показана ось и D-образная в плане платформа колесницы. Упряжные животные – лошади – изображены спинами друг к другу. У нижней лошади показано четыре ноги с копытами (?), хвост и уши; верхняя изображена более схематично, но показаны уши и ноги. Позади повозки имеется крупная фигура человека, который обращён лицом вправо (смотрит назад), а руки у него вытянуты в противоположном от колесницы направлении (рис. 8).

Исходя из вышеизложенного, в коллекции транспортных средств в урочище Молдажар зафиксированы наиболее архаичные виды транспортных средств: грузовые транспортные платформы, сани, двуколки, колесницы и сочлнённые телеги; о датировке рассматриваемых изображений наглядно свидетельствуют достаточно архаичные конструкции исключительно одноместных (персональных) саней и колесниц; изображение лошадей в сейминско-турбинском стиле и, главное, – наличие орнаментов в декоре корпусов животных: заштрихованных треугольников и вертикальных зигзагов, а также их зонирование.

При этом примечательно, что на других валунах с петроглифами этого памятника (25; 131; 132), но без изображений колесниц, лошади декорированы иными видами орнамента. Случаи декорирования туловища упряжных лошадей в колеснице известны в петроглифах Алтая и Южной Сибири (Оглахты) и датируются чаще всего карасукским/бегазы-дандыбаевским временем (рис. 8; 9). Здесь в эпоху поздней бронзы используется совсем иная система орнаментации и знаков, основан-

ная на квадратах и прямоугольниках и только в тагарской культуре сохраняется треугольная система орнаментации верховых коней с элементами вертикального зигзага [Миклашевич, Мухарева 2011: 233–246; Миклашевич 2021].

Если треугольные элементы декора характерны для всей андроновской керамики, то вертикальные зигзаги показательны скорее для посуды и псалиев синташтинско-петровского облика, найденных в могилах, однозначно связанных с колесничной темой. Важно, что только эти орнаментальные мотивы декорируют коней на валуне 1 в сочетании с изображениями повозок. Здесь туловища лошадей также имеют ярко выраженное зонирование: орнаменты нанесены на весь корпус животных или на его часть, но не на голову и не на шею лошади.

Возможно, таким образом отмечалась степень дрессировки и сам факт приручения лошади, а также очевидные культовые особенности (культ коня) и позиция конкретной лошади в каком-то мифологическом нарративе, системе жертвоприношений или ритуале [Шер 1980; Kuzmina 2007; Савинов 2021], но в любом случае это может быть знак идентичности.

Керамика погребений с колесничной тематикой (рис. 9), зафиксированная в Синташтинском могильнике (погр. 11; 12; 30) и в могильнике Каменный Амбар 5 (погр. 5 и 8) на Южном Урале имеет повторяющийся и ограниченный набор орнаментальных мотивов (в т. ч. – вертикальный зигзаг) и ярко выраженную зональность нанесения орнаментов [Зданович 1988; Генинг и др. 1992;

Рис. 7. Нарты и лыжники. Верхняя часть таблицы – древнейшие типы транспортных средств: 1 – волокуши, тобоган (грузовая платформа без колес); 2 – легкие нарты; 3 – грузовые нарты; 4 – нарты для перевозки дров с усилителем полозьев; 5 – базовая конструкция нарт; 6–10 – нарты разных видов; 11 – петроглифы Молдажар, прорисовка сцены с боевыми санями; 12 – традиционные русские сани-розвальни; 13 – оленья упряжка; 14–19 – этнографические экспонаты из музеев. Фото: Виктор Новоженев и Стефания Докучаева
Нижняя часть таблицы – лыжники в петроглифах Северной Евразии: 1, 10 – Тахиртубек (Китайский Алтай); 2, 3 – Коктас, группа 1 (Южный Казахстан); 4 – Бола (Норвегия); 5 – Томская писаница (Южная Сибирь); 6 – Байга Ойгор II (Монгольский Алтай); 7, 11 – Сундык IV (Минусинская котловина); 8 – Каменный остров II (Ангара); 9 – Дундыбулак (Китайский Алтай); 12 – могильник Ростовка (окрестности Омска); 13 – Белкудук (Китайский Алтай); 14 – Шалаболино (Минусинская котловина) – по: [Rock Art Chronicles ... 2020: 130–149, fig. 8-9; Petroglyphes ... 2017: 121, fig. 4, a, b]

7-сур. Нарттар мен шаңғышылар. Кестенің жоғарғы бөлігі – көлік құралдарының ең көне түрлері: 1 – сүйретпелер, тобоган (дөңгелексіз жүк таситын платформа); 2 – жеңіл нарттар; 3 – жүк таситын нарттар; 4 – отын тасуға арналған табанында күшейткіш бар нарттар; 5 – нарттардың жалпы құрылымы; 6–10 – әртүрлі нарттар; 11 – Молдажар петроглифтері, жауынгерлік шаналар көрінісінің сұлба суреті; 12 – дәстүрлі орыс жайдақ шанасы; 13 – бұғыға жегетін шана; 14–19 – музейдің этнографиялық экспонаттары. Фото: Виктор Новоженев және Стефания Докучаева

Кестенің төменгі бөлігі – Солтүстік Еуразия петроглифтеріндегі шаңғышылар: 1, 10 – Тахиртубек (Қытай Алтайы); 2, 3 – Көктас, 1 топ (Оңтүстік Қазақстан); 4 – Бола (Норвегия); 5 – Томская писаница (Оңтүстік Сібір); 6 – Байга Ойгор II (Моңғол Алтайы); 7, 11 – Сундык IV (Минусинск қазаншұңқыры); 8 – Каменный остров II (Ангара); 9 – Дундыбулак (Қытай Алтайы); 12 – Ростовка қорымы (Омск аймағы); 13 – Белқұдық (Қытай Алтайы); 14 – Шалаболино (Минусинск қазаншұңқыры) ([Rock Art Chronicles ... 2020: 130–149, fig. 8-9; Petroglyphes ... 2017: 121, fig. 4, a, b] бойынша)

Fig. 7. Sleds and skiers. The upper part of the table shows the most ancient types of vehicles: 1 – travois, toboggan (cargo platform without wheels); 2 – passenger sleds; 3 – cargo sleds; 4 – sleds for transporting firewood with a skid booster; 5 – basic design of sleds; 6–10 – sleds of different types; 11 – petroglyphs of Moldazhar, drawing of the scene with combat sledges; 12 – traditional Russian sledges; 13 – reindeer sled; 14–19 – ethnographic exhibits from museums. Photo: Victor Novozhenov and Stefaniya Dokuchaeva

The lower part of the table – skiers in petroglyphs of Northern Eurasia: 1, 10 – Takhirtubek (Chinese Altai); 2, 3 – Koktas, group 1 (Southern Kazakhstan); 4 – Bola (Norway); 5 – Tomskaya pisanitsa (Southern Siberia); 6 – Baiga Oygor II (Mongolian Altai); 7, 11 – Sundyk IV (Minusinsk basin); 8 – Kamenny ostrov II (Angara); 9 – Dundybulak (Chinese Altai); 12 – Rostovka burial ground (near Omsk); 13 – Belkuduk (Chinese Altai); 14 – Shalabolino (Minusinsk Basin) – after – Rock Art Chronicles ... 2020: 130–149, fig. 8-9; Petroglyphes ... 2017: 121, fig. 4, a, b

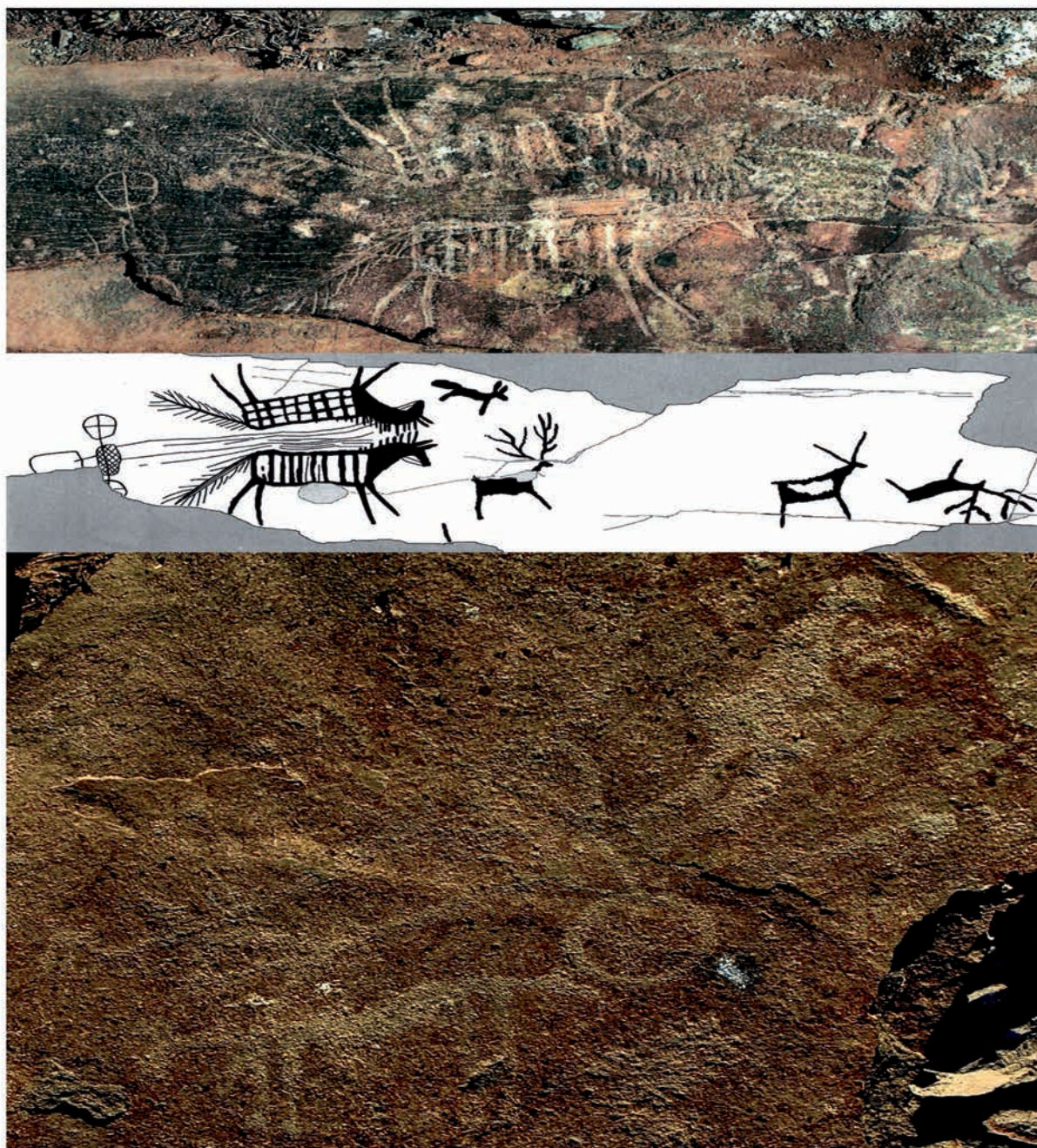

Рис. 8. Особенности изображения колесниц: конструктивные детали и орнаментация фигур упряжных животных. Вверху – Горный Алтай. Калбак Таш. Фото и прорисовка – по: [Миклашевич, Мухарева 2011: 233–246]. Орнаментированные колесничные лошади. Карасукская (бегазы-дандыбаевская) изобразительная традиция. 1-я пол. II – 1-я пол. I тыс. до н.э. Внизу – Бетпақдала. Шунақ, группа 2. Изображение пароконной колесницы с распорками в виде треугольника в месте соединения центрального дышла с перекладиной ярма. Андроновская изобразительная традиция. 1-я пол. II тыс. до н.э. Фото: Виктор Новоженев

Епимахов 2002; Виноградов 2011]. Похожая ситуация наблюдается в синташтинских и петровских памятниках в Центральном и Северном Казахстане (рис. 10). Здесь в курганах с колесничной тематикой также присутствуют сосуды и псалии со сходными орнаментальными мотивами [Ткачев 2007; Kuzmina 2007; Кукушкин 2011а; 2011б; Кукушкин, Дмитриев 2019; Логвин, Шевнина 2011].

Захоронения с колесничной тематикой зафиксированы также в Потаповском курганном могильнике (Поволжье) в центральном погребении 4 (объединенном с 1, 2, 5 и 10 погребениями) кургана № 3 и в погребении 8 в кургане № 5 [Васильев и др. 1994]. Здесь в орнаментации найденных сосудов наблюдается сходная ситуация (рис. 11). Так, например, сосуд (курган № 3, центральная группа погребений), декорированный по всему тулову вертикальными зигзагами, несколько раз ремонтировался в древности бронзовыми скрепками, что может свидетельствовать о его культовом предназначении и особой значимости. В погребении 1 череп человека заменён на череп лошади, что может указывать, в сочетании с устроенными здесь конскими жертвенниками, на некий семантический узел, связанный с зооморфным мифологическим персонажем и явно выраженным культом коня. В погребении 8 (курган № 5) также устроено несколько конских жертвенников, при том, что орнаментация посуды более разнообразная.

В целом, авторы раскопок выделили в коллекции керамики Потаповского могильника 21 орнаментальный мотив на основе двойной, реже – тройной комбинации элементов. Ёлочный орнамент – основной, им покрывалось собственно тулово сосудов. Выделены пять основных мотивов: горизонтально-разделительные линии и насечки; ломаные линии, соединяющие вертикальные и горизонтальные ёлочки; меандровые фигуры в виде пирамид и «уточек»; шагающей «гребёнки» и налпных шишечек в сочетании с горизонтально заштрихованными треугольниками [Васильев и др. 1994: 72-73]. Такая орнаментация представляется типичной для керамики и псалиев синхронных колесничных культур Евразийских степей: полтавкинской (частично), абашевской, синташтинской, петровской, раннесрубной и раннеалакульской, особенно, для конкретных погребений с однозначными колесничными артефактами.

Вопросы хронологии. Датировка таких колесничных погребений достаточно хорошо разработана на основании крупных серий калиброванных радиоуглеродных датировок [Hanks et al. 2007: 353–367; Черлёнок 2021], при том, что согласно Байесовской модели AMS-датирования для отобранных погребений курганов № 2 и 4 могильника Каменный Амбар 5 (Южный Урал) особое значение имеет дата могилы 8 в кургане № 2 [Lindner 2020: 374].

Радиоуглеродный анализ даёт более вероятный диапазон дат для этого захоронения: 1950–1880 гг. до н.э. (достоверность 95,4%). Хотя комплекс погребения 8 указывает на позднюю фазу синташтинской культуры, его дата – 2-я пол. XX в. до н.э. Кроме того, есть веские доказательства

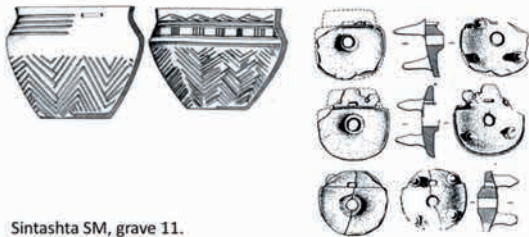

8-сур. Үлкен арбалар бейнесінің ерекшеліктері: құрылымдық бөлшектер мен арбаға жегілетін жануарлар фигурасының бедері. Жоғарғы жағында – Таулы Алтай. Калбак Таш. Фотосуреті мен сұлба суреті ([Миклашевич, Мухарева 2011: 233–246]) бойынша. Үлкен арба жегілген аттардың бедері.

Қарасу (бегазы-дәндібай) бейнелеу дәстүрі. Б.д.д. II мыңж. екінші жартысы – I мыңж. бірінші жартысы. Төменгі жағында – Бетпақдала. Шұнақ, 2 топ. Ортаңғы оқ ағаштың мойынағаш кермесіне жалғасқан тұсында үшбұрыш түріндегі кергісі бар қос ат жегілетін үлкен арбаның суреті. Андронов бейнелеу дәстүрі.

Б.д.д. II мыңж. бірінші жартысы. Фото: Виктор Новоженев

Fig. 8. Features of the chariot image: structural details and ornamentation of the figures of sled animals. Above is the Altai Mountains. Kalbak Tash. Photo and drawing – after – Miklashevich, Mukhareva 2011: 233–246. Ornamented chariot horses. The Karasuk (Begazy-Dandybay) pictorial tradition. First half of the 2nd – first half of the 1st millennia BC. Below is Betpakdala. Shunak, group 2. An image of horse chariot with spacers in the form of a triangle at the junction of the central drawbar with the yoke crossbar. The Andronovo pictorial tradition. First half of the 2nd millennia BC. Photo: Victor Novozhenov

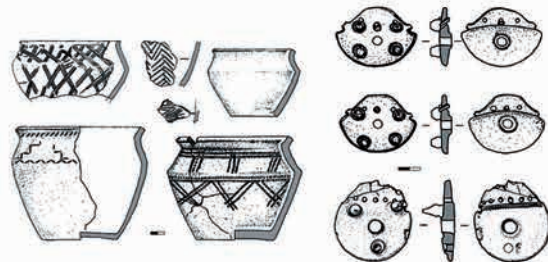
Sintashta SM, grave 11.

Kamennyj Ambar 5, kurgan 2, grave 5.

Sintashta SM, grave 12.

Kamennyj Ambar 5, kurgan 2, grave 8.

Sintashta SM, grave 30.

использования легких колесниц на раннем этапе синташтинской культуры в виде зафиксированных в погребениях канавок для колёс и типологически более древних типов керамики и упряжи из, например, погребений 11 и 12 Синташтинского могильника.

Выделены начальные и конечные границы двух фаз в датировках этих колесничных погребений между 2020 и 1700 гг. до н.э. при достоверности 95,4% (1960–1800 гг. до н.э. при достоверности 68,2%). Погребение 8 кургана № 2 с его колёсными ямками, псалиями, конскими костями и останками четырёх человек разного возраста и пола играет ключевую роль в более точном установлении времени использования лёгких колесниц в пределах 1950–1880 гг. до н.э. при достоверности 95,4% (1930–1890 гг. до н.э. при достоверности 68,2%). Использование вероятностного метода сокращает широкий диапазон почти в два столетия для калиброванной даты от (1970–1770 гг. до н.э. при достоверности 95,4%) до 2-й пол. XX в. до н.э. [Lindner 2020: 377-378].

Таким образом, ранние колесницы и конные упряжки в синташтинско-петровском культурном комплексе, вероятно, появились в течение первых десятилетий II тыс. до н.э. Это обстоятельство позволяет уверенно датировать реалистические изображения колесниц Молдажара рубежом III-II тыс. до н.э., а схематичные изображения повозок более поздним временем — до сер. II тыс. до н.э. в рамках андроновской изобразительной традиции (АИТ), выделенной в петроглифах Центральной Азии.

Элитарность и этнокультурная атрибуция. Согласно Геродоту, ритуальная чаша есть главный атрибут жрецов. Для рассматриваемых колесничных памятников эпохи бронзы семантическая связь «повозка – возничий – ритуальный (некий особый) сосуд» документируется достаточно надёжно. Более того, эта связь проявляется в конкретных артефактах, найденных в могилах (явно культовые сосуды и псалии), на скалах в петроглифах, на каменных изваяниях и свидетельствует об элитарности этих объектов.

Так, глиняные модели повозок-сосудов из Венгрии находят поразительные соответствия на минусинской стеле из с. Усть-Бюрь и с афанасьевскими сосудами-алтарями (курильницами), изображёнными на некоторых «окуневских» стелах и обнаруженных в могилах афанасьевского типа в Южной Сибири, Монголии и Синьцзяне [Есин 2008: 81–98; 2010: 53–73; Qi Xiaoshan, Wang Bo 2008: 22–27, 92]. Эту семантическую связь подтверждает происходящий из Бактрии серебряный кубок (хранится в Лувре), а также находки особых ритуальных бронзовых сосудов в могилах с повозками в царском некрополе Гонур-депе [Сарианиди, Дубова 2010: 210–256], в раннеандоновском могильнике Ащису в Сарыарке [Кукушкин 2011а: 110–116] и в ряде других памятников синташтинско-

Рис. 9. Орнаментация молдажарских коней и синташтинская посуда. Верхняя часть таблицы: фото и прорисовки валунов Молдажара (1; 25; 132) с декорированными фигурами коней: 1 – валун 1; 2 – валун 25; 4 – валун 132; 3 – сосуд из поселения Степное 5 на Южном Урале. Раскопки Е.В. Куприяновой. Нижняя часть таблицы – Южный Урал. Керамика колесничных погребений могильников Синташтинский и Каменный Амбар 5 – по: [Lindner 2020: 374, 377-378, fig. 5-6, 9]

9-сур. Молдажар аттары мен Сынтасты ыдыстарының бедерлемесі. Кестенің жоғарғы жағы: Молдажар аттардың фигураларымен безендірілген тастардың фотосуреті мен сұлба суреттері (1; 25; 132): 1 – 1-тас; 2 – 25-тас; 4 – 132-тас; 3 – Оңтүстік Уралдағы Степное 5 қонысынан табылған ыдыс. Е.В. Куприянованың қазба жұмыстары.

Кестенің төменгі бөлігі – Оңтүстік Урал. Сынтасты және Каменный Амбар 5 қорымдарындағы арбамен жерлеу орындарынан табылған керамика ([Lindner 2020: 374, 377-378, fig. 5-6, 9] бойынша)

Fig. 9. Ornamentation of Moldazharian horses and Sintashta dishes.

The upper part of the table: photos and drawings of boulders of Moldazhar (1; 25; 132) with decorated figures of horses: 1 – boulder 1; 2 – boulder 25; 4 – boulder 132; 3 – vessel from the settlement of Stepyoe 5 in the Southern Urals. Excavations by E. Kupriyanova

The lower part of the table is the Southern Urals. Ceramics of chariot burials of the Sintashta and Kamenny Ambar 5 – after – Lindner 2020: 374, 377-378, fig. 5-6, 9

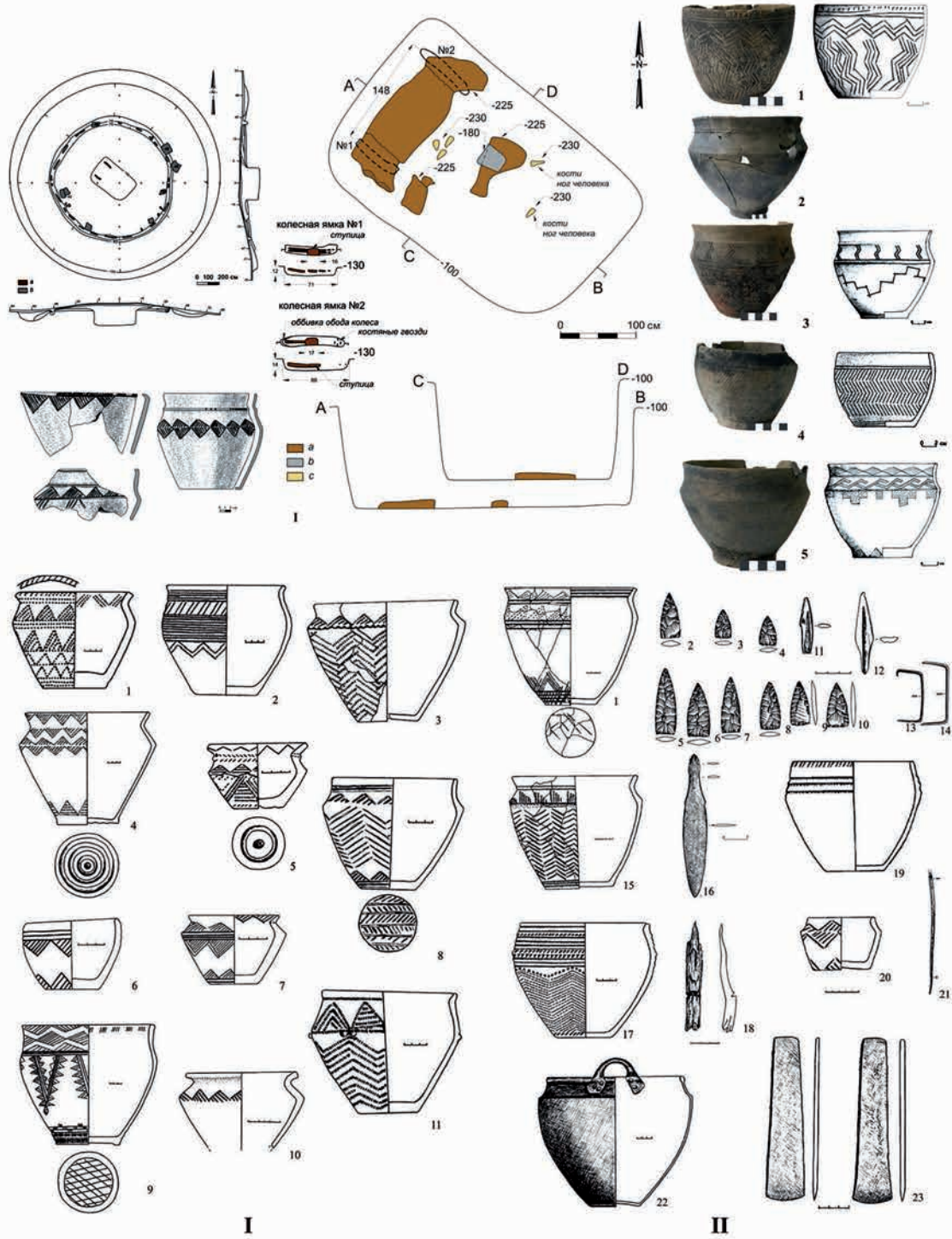

Рис. 10. Центральный и Северный Казахстан. Верхняя часть таблицы – Центральный Казахстан, могильник Сатан, курган № 1 (раскопки В.В. Евдокимова, 1980 г.). План и разрезы кургана, центральная могила и керамика. Реконструкция полевой ситуации и документации на памятнике по материалам полевых фотографий и отчётов, выполненная И.В. Чечушковым в 2022 г.

1–5 – коллекция посуды из колесничных погребений, любезно предоставленная И.А. Кукушкиным и Е.А. Дмитриевым из новых раскопанных памятников в Карагандинской области:

- 1 – мог. Кызылколь (2012 г.), курган-ограда 1, п. 6; 2 – мог. Сенкибай 2 (2014 г.), к. 2, детское захоронение; 3 – мог. Сенкибай 2 (2014 г.), сооружение 1, п. 2; 4 – мог. Талдинский 1 (2021 г.), сооружение 44, п. 2; 5 – мог. Ащису 4

Нижняя часть таблицы – посуда из памятников Северного Казахстана, могильники Бестамак и Каратомар. Культовые сосуды, их положение в погребениях и их содержимое

I: 1–10 – мог. Бестамак; 11 – мог. Каратомар, к. 2. 1 – п. 9. Положение «сосуд вверх дном»; 2 – п. 55.

Положение «сосуд вверх дном»; 3 – п. 17. Сосуд с костями животного; 4, 5 – п. 111. Положение «сосуд в сосуде»; 6, 7 – п. 131. Положение «сосуд в сосуде»; 8 – яма 163. Сосуд с костями животного; 9, 10 – п. 35.

Положение «сосуд в сосуде»

- II: 1–16, 19, 21 – мог. Бестамак; 17, 18, 22, 23 – мог. Каратомар, к. 1. 1–14 – п. 24; 15, 16 – п. 5; 19–21 – п. 21; 17, 18 – п. 3; 22, 23 – п. 4. 1, 15, 17, 19, 20 – керамика; 2–4, 5–10 – камень; 11, 12 – кость; 13, 14, 16, 21–23 – бронза; 18 – дерево (по: [Шевнина, Логвин 2022: 246–259])

10-сур. Орталық және Солтүстік Қазақстан. Кестенің жоғарғы жағы — Орталық Қазақстан, Сатан қорымы, № 1 оба (В.В. Евдокимовтың 1980 ж. қазба жұмыстары). Обаның жоспары мен кималары, ортаңғы қабір мен керамика. И.В. Чечушковтың 2022 ж. жасаған далалық фотосуреттер мен есеп материалдары бойынша ескерткіштегі далалық жағдайды және құжаттаманы реконструкциялау.

1–5 – Қарағанды облысындағы жаңадан қазып алынған ескерткіштерден И.А. Кукушкин мен Е.А. Дмитриев ұсынған арбамен жерлеу орындарынан табылған ыдыстар жинағы:

- 1 – Қызылкөл қорымы (2012 ж.), № 1 оба-қоршау, 6-жерлеу орны; 2 – Сеңкібай 2 қорымы (2014 ж.), № 2 оба, баланың қабірі; 3 – Сеңкібай 2 қорымы (2014 ж.), 1 құрылыс, 2-жерлеу орны; 4 – Талды 1 қорымы (2021 ж.), 44-құрылыс 2-жерлеу орны; 5 – Ащысу 4 қорымы

Кестенің төменгі бөлігі — Солтүстік Қазақстандағы Бестамак және Каратомар қорымдарынан табылған ыдыс-аяқ. Діни ыдыстар, олардың жерлеу орындарындағы қалпы және ішіндегі нәрселер.

I: 1–10 – Бестамак қорымы; 11 – Каратомар қорымы, № 2 оба; 1 – 9-жерлеу орны.

«Төңкеріліп тұрған ыдыс» қалпы; 2 – 55-жерлеу орны. «Төңкеріліп тұрған ыдыс» қалпы; 3 – 17-жерлеу орны.

Жануарлар сүйегі салынған ыдыс; 4, 5 – 111-жерлеу орны. «Ыдыс ішіндегі ыдыс» қалпы;

- 6, 7 – 131-жерлеу орны. «Ыдыс ішіндегі ыдыс» қалпы; 8 – 163-шұңқыр. Жануарлар сүйегі салынған ыдыс; 9, 10 – 35-жерлеу орны. «Ыдыс ішіндегі ыдыс» қалпы

- II: 1–16, 19, 21 – Бестамак қорымы; 17, 18, 22, 23 – Каратомар қорымы, № 1 оба. 1–14 – 24-жерлеу орны; 15, 16 – 5-жерлеу орны; 19–21 – 21-жерлеу орны; 17, 18 – 3-жерлеу орны; 22, 23 – 4-жерлеу орны. 1, 15, 17, 19, 20 – керамика; 2–4, 5–10 – тас; 11, 12 – сүйек; 13, 14, 16, 21–23 – қола; 18 – ағаш ([Шевнина, Логвин 2022: 246–259] бойынша)

Fig. 10. Central and Northern Kazakhstan. The upper part of the table is Central Kazakhstan, Satan burial ground, mound no. 1 (excavations by Valeriy Evdokimov in 1980). Plan and sections of the mound, central grave and ceramics. Reconstruction of the field situation and documentation on the monument based on the materials of field photographs and reports, performer: Igor Chechushkov, 2022

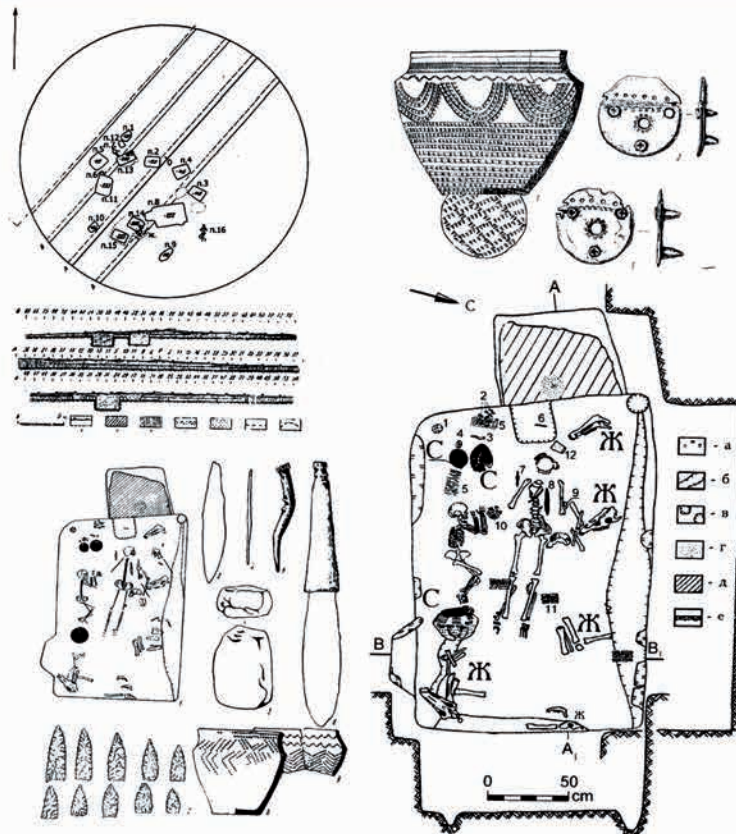
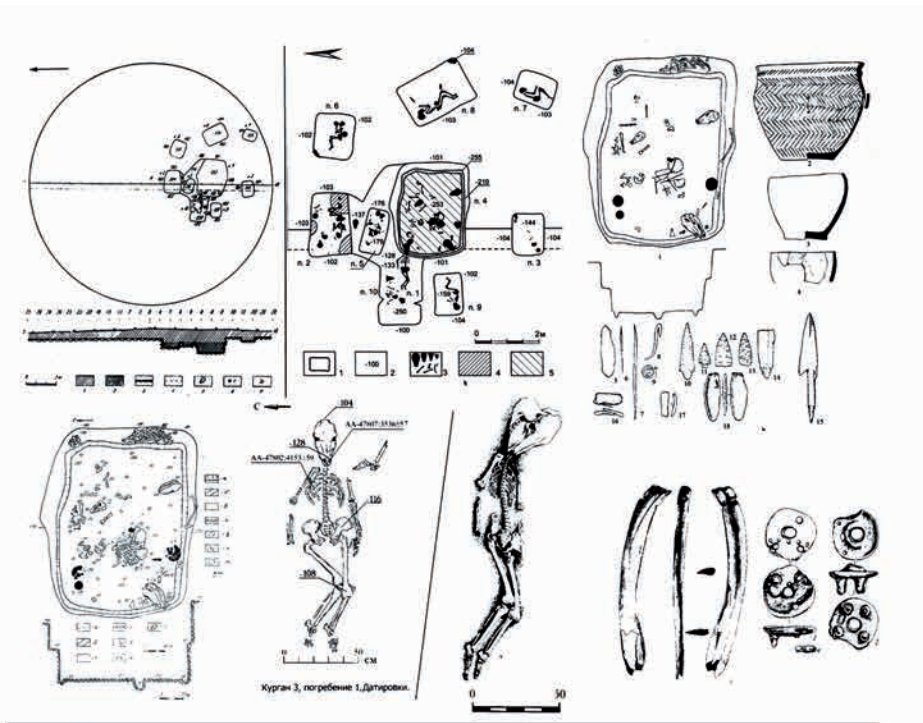
1–5 – collection of dishes from chariot burials, kindly provided by I. Kukushkin and E. Dmitriev from new excavated monuments in the Karaganda region: 1 – Kyzylkol burial ground (2012), kurgan-fence 1, burial 6; 2 – Senkibai burial ground 2 (2014), mound no. 2, children’s burial; 3 – Senkibai burial ground 2 (2014), structure 1, burial 2; 4 – Taldinsky burial ground 1 (2021), structure 44, burial 2; 5 – Ashchisu burial ground 4

The lower part of the table shows dishes from the monuments of Northern Kazakhstan, the Bestamak and Karatomar burial grounds. Cult vessels, their position in burials and their contents.

- I: 1–10 – Bestamak burial ground; 11 – Karatomar burial ground, mound no. 2; 1 – burial 9. Position “vessel upside down”; 2 – burial 55. The position of the “vessel upside down”; 3 – burial 17. A vessel with animal bones; 4, 5 – burial 111. Position “vessel in a vessel”; 6, 7 – burial 131. Position “vessel in a vessel”; 8 – pit 163.

A vessel with animal bones; 9, 10 – burial 35. The “vessel in a vessel” position

- II: 1–16, 19, 21 – Bestamak burial ground; 17, 18, 22, 23 – Karatomar burial ground, kurgan no. 1. 1–14 – burial 24; 15, 16 – burial 5; 19–21 – burial 21; 17, 18 – burial 3; 22, 23 – burial 4. 1, 15, 17, 19, 20 – ceramics; 2–4, 5–10 – stone; 11, 12 – bone; 13, 14, 16, 21–23 – bronze; 18 – wood – after – Shevnina, Logvin 2022: 246–259

петровско-раннеалакульского круга. Культовые сосуды с колесничной тематикой имеют территориально более отдалённые аналогии в Венгрии, Словакии, Причерноморье, на Кипре, в Индии и Китае, а также в местных археологических культурах периода средней бронзы (рис. 12).

В последнее время находки уже значительной по количеству серии крупных, полностью изготовленных из бронзы, сосудов в памятниках синташтинско-петровского и раннеалакульского типа в Северном и Центральном Казахстане естественным образом выделяют их из общей массы прекрасно декорированных и многочисленных коллекций керамических сосудов как совершенно особенные, явно культовые объекты [Шевнина, Логвин 2022], сходные по своему значению с подобными бронзовыми сосудами в других культурах (например, в Бактрийско-Маргианском археологическом комплексе (БМАК) или в Шанском Китае), хорошо знакомых с колёсным транспортом.

Обнаруженная связь орнаментации посуды из колесничных комплексов с декором коней в соответствующих петроглифах может свидетельствовать об этнокультурной принадлежности авторов этих наскальных изображений. Определённые виды орнаментов и их совпадения на скалах и в раскопанных археологических комплексах на керамике и псалиях с большой долей вероятности могут выступать в качестве маркеров идентичности – социальной, этнической принадлежности и сопричастности как к конкретной археологической культуре, так и к колесничному сословию в социальном аспекте [Kupriaynova et al. 2017; Chechushkov et al. 2018; Черлёнок, 2021], подобно родовым тамгам, иным графическим знакам или культовым вещам из могил, свидетельствующим об имущественной, профессиональной и социальной принадлежности их владельцев.

В серии более ранних работ уже выделены и обоснованы главные изобразительные традиции в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии [Rogozhinskiy, Novozhenov 2018; Novozhenov 2020]. Здесь повторим лишь основные признаки выделенных изобразительных традиций для петроглифов эпохи средней и финальной бронзы, которые всё ещё остаются предметом дискуссии.

Андроновская изобразительная традиция (АИТ) развивалась на основе яркой и самобытной ямно-афанасьевской традиции, носители которой во 2-й пол. III тыс. до н.э. расселились по Великому поясу степей севера Евразии. Южный импульс распространения этой изобразительной традиции, сохранившей значительную шумерскую составляющую, распространился в центральные и северные регионы Азии через племена, оставившие памятники БМАК. Влияние и поразительное сходство сюжетов из раскопок Гонура и центральноазиатских петроглифов уже отмечалось исследователями [Марьяшев 2011] и нашло яркое выражение в древнейших петроглифах Саймалы-Таша, Сауыскандыка в виде самобытного «битреугольного» стиля. Соединение этих двух импульсов в Туране, в Урало-Казахстанских степях и предгорьях на рубеже III и II тыс. до н.э. привело к возникновению этой изобразительной традиции [Novozhenov 2020: 399–430].

Рис. 11. Потаповский курганный могильник. Поволжье. Верхняя часть таблицы – курган № 3, группа центральных погребений с конскими жертвенниками, колесничными атрибутами, наконечниками стрел и «конеголовым» погребённым. Нижняя часть таблицы – курган № 5, погребение 8.

Сосуды, псалии, инвентарь, конские жертвенники (по: [Васильев и др. 1994: рис. 8, 9; 14; 15; 41; 48])

11-сур. Потапов оба қорымы. Поволжье. Кестенің жоғарғы бөлігі – № 3 оба, аттардың құрбандық орны, үлкен арба атрибуттары, жебе ұштары мен «атбасты» қабір бар ортаңғы жерлеу орындары тобы.

Кестенің төменгі бөлігі – № 5 оба, 8-жерлеу орны. Ыдыстар, ауыздықтар, құрал-саймандар, аттардың құрбандық орны ([Васильев и др. 1994: рис. 8, 9; 14; 15; 41; 48] бойынша)

Fig. 11. Potapovsky kurgan burial ground. Volga river area. The upper part of the table is mound no. 3, a group of central burials with horse altars, chariot attributes, arrowheads and a “horse-headed” buried.

The lower part of the table is mound no. 5, burial 8. Vessels, cheekpieces, inventory, horse altars – after – Vasiliev et al. 1994: fig. 8, 9; 14; 15; 41; 48

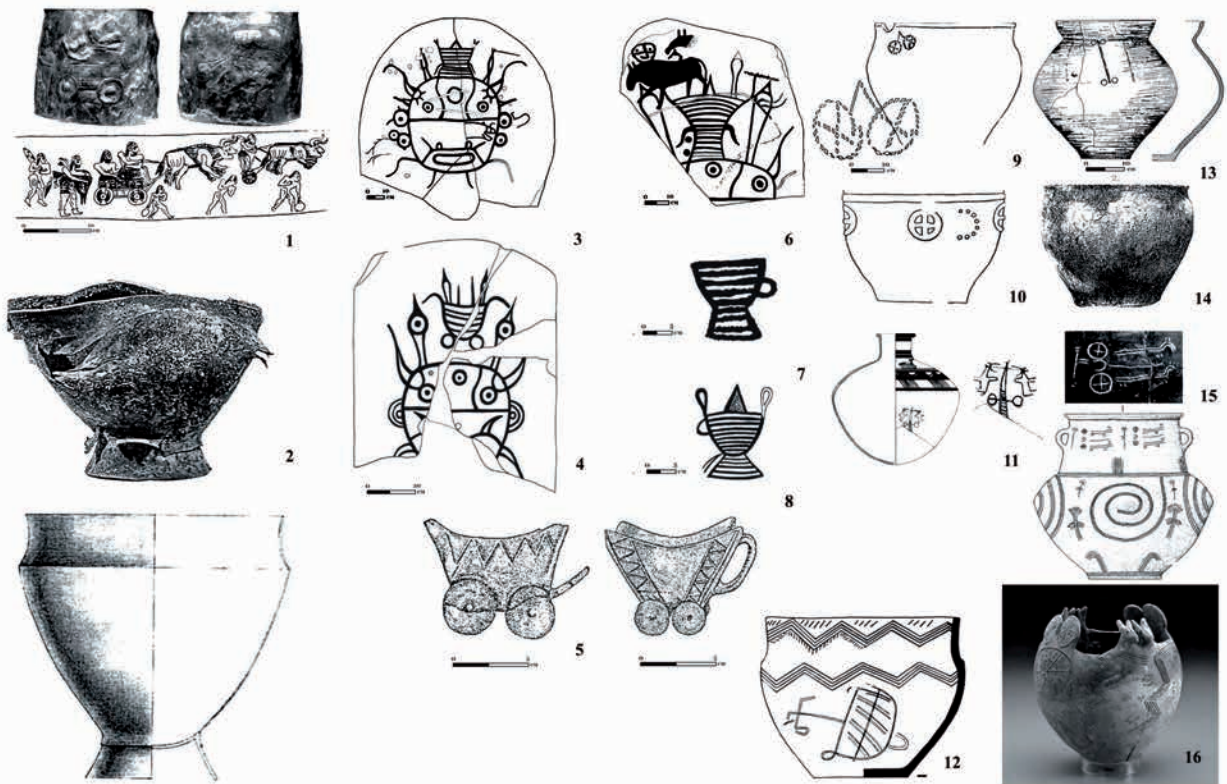

Рис. 12. Ритуальные (культурные) сосуды и их аналоги на скалах и стелах, связанные с колесничной тематикой: 1 – серебряный сосуд из Бактрии, Лувр АО 28518, h – 0.132 м, d – 0.143 м [Foto Musee du Louvre]; 2 – бронзовый сосуд из могильника Ащису (Центральный Казахстан); 3 – стела Уйбат 5 (Южная Сибирь); 4 – стела из Усть Бюрь (Южная Сибирь); 5 – керамические сосуды в форме повозок (Венгрия); 6–8 – афанасьевские курильницы и их изображения на каменных стелах и в петроглифах: Итколь 2; Кызлас (Южная Сибирь); 9 – сосуд из мог. у с. Львово (Нижнее Поднепровье); 10 – сосуд из Ждановского музея (Приазовье); 11 – сосуд из поселения Инамгаон (Индия); 12 – сосуд с изображением транспортной платформы с «фаркопом» из мог. Новоспасское (Южный Урал, прорисовка Стефании Докучаевой); 13 – сосуд из мог. Островец Светокржицкий (Южная Польша); 14 – сосуд с изображением колесницы из мог. Сухая Саратовка (Поволжье); 15 – сосуд из мог. Велики Рашковцы (Словакия); 16 – Кипр, керамический сосуд в виде колесницы. Археологический музей, Кембридж – по: [Rad und Wagen ... 2004: 103; 288; 351, abb. 7; 12; 17; Есин 2008: 81–98; 2010: 53–73; Кукушкин 2011а: 110–116]

12-сур. Жартастар мен стелалардағы арба тақырыбымен байланысты ғұрыптық (діни) ыдыстар мен оның аналогтары: 1 – Бактрияның күміс ыдысы, Лувр АО 28518, h – 0.132 м, d – 0.143 м [Foto Musee du Louvre]; 2 – Ащису қорымынан табылған ыдыс (Орталық Қазақстан); 3 – Уйбат 5 стеласы (Оңтүстік Сібір); 4 – Усть Бюрьдегі стела (Оңтүстік Сібір); 5 – арба пішінді керамика ыдыстар (Мажарстан); 6–8 – афанасьев түтіндеткіштері мен олардың тас стелалар мен петроглифтерге салынған суреттері: Итколь 2; Кызлас (Оңтүстік Сібір); 9 – Львов ауылындағы қорымнан табылған ыдыс (Төменгі Поднепровье); 10 – Жданов музейіндегі ыдыс (Приазовье); 11 – Инамгаон қонысынан табылған ыдыс (Үндістан); 12 – Новоспасск қорымынан табылған «фаркопты» көлік платформасының суреті салынған ыдыс (Оңтүстік Урал, Стефания Докучаеваның сұлба суреті); 13 – Островец Светокржицкий қорымынан табылған ыдыс (Оңтүстік Польша); 14 – Сухая Саратовка қорымынан табылған үлкен арбаның суреті бар ыдыс (Поволжье); 15 – Велики Рашковцы қорымынан табылған ыдыс (Словакия); 16 – Кипр, үлкен арба түріндегі керамика ыдыс. Археология музейі, Кембридж ([Rad und Wagen... 2004:103; 288; 351, abb. 7; 12; 17; Есин 2008: 81–98; 2010: 53–73; Кукушкин 2011а: 110–116] бойынша)

Изобразительные ряды АИТ. «Солнцеголовый», «ряженный» зооморфный герой – ключевой персонаж этой традиции. Солярное божество в андроновских петроглифах соответствует основным функциям космогонии индоевропейцев и ярко выраженному культу коня. Это божество управляет колесницами, присутствует на алтарных композициях изобразительных памятников.

В настоящее время известно более семи сотен колесничных петроглифов – изображений колесниц и повозок на скалах, раскопано более полусотни памятников с остатками реальных колесниц, оружия колесничих и их снаряжения [Чечушков, Епимахов 2010; Чечушков 2014; Anthony 2007; Anthony, Vinogradov 1995; Littauer, Crouwel 1996; Kuznetsov 2006; Wu 2013]. Многие типы вооружения из андроновских могил изображены в композициях на скалах: колесницы, копыя, палиценосцы в сражениях или с палицами-дубинками на плече, с различными типами луков [Новоженов 2012: 137–140].

Фрагменты кода АИТ реконструируются следующим образом:

...=> «солнцеголовый» персонаж в канонизированных позах (или мужчина с подчеркнутым признаком пола и хвостом, иногда с шаром) => колесница (на колёсах со спицами, запряжённая конями в стандартной позиции спинами друг к другу, а сама повозка исключительно в позиции «вид сверху») => разные типы андроновского вооружения => культ коня: лошадь с «чёлкой», детализированной гривой (хвостом) => тучные быки с выгнутыми вперёд большими рогами => верблюды-бактрианы => солярная символика (крестообразные знаки) =>...

Другая, карасукская (бегазы-дандыбаевская) изобразительная традиция (КИТ), развивалась в наскальном искусстве Южной Сибири, Алтая, в степях и предгорьях Казахстана, начиная с эпохи средней бронзы и сосуществовала с АИТ во 2-й пол. II тыс. до н.э., а позднее стала художественной основой формирующегося скифо-сакского звериного стиля в период ранних кочевников [Савинов 2021; Novozenov 2020].

Мы полностью разделяем «колесничную гипотезу», трактующую некоторые конские погребения кургана Аржан 1 как имитацию погребений с колесницами, включая запряжку четвёркой лошадей – квадригу [Смирнов 2012]. Изображение колесницы в своеобразной манере обнаружено на одной из плит кургана Аржан 2 [Чугунов 2008] и на оленном камне из Дарви сомон в Монголии [Волков 2002]. О значительной роли колесничих в карасукском обществе наглядно свидетельствуют теперь уже многочисленные находки собственно изображений колесниц на внутренних стенках каменных ящиков карасукских могил (могильники Хара Хая в Тыве, Северный берег р. Варчи и др.).

Изобразительный ряд КИТ очень похож на андроновский, однако имеет ряд принципиальных отличий. Прежде всего, это касается трактовки образа человека – нет «солнцеголовых» персонажей, которые заменяются условным изображением человека без половых признаков и, вероятно, транс-

Fig. 12. Ritual (cult) vessels and their analogues on rocks and steles related to the chariot theme:
 1 – silver vessel from Bactria, Louvre AO 28518, h – 0.132 m, d – 0.143 m [Foto Musee du Louvre];
 2 – bronze vessel from the Ashchisu burial ground (Central Kazakhstan); 3 – Uybat 5 stele (Southern Siberia);
 4 – stele from Ust Byur (Southern Siberia); 5 – ceramic vessels in the form of wagons (Hungary);
 6–8 – Athanasian censers and their images on stone steles and petroglyphs: Itkol 2; Kyzlas (Southern Siberia);
 9 – a vessel from a burial ground near the village of Lviv (Lower Dnieper region); 10 – a vessel from the Zhdanov
 Museum (Azov region); 11 – a vessel from the settlement of Inamgaon (India); 12 – a vessel depicting
 a transport platform with a “towbar” from the Novospasskoye burial ground (Southern Urals, drawing by Stefania
 Dokuchaeva); 13 – a vessel from the Ostrovets Svetokrzycki burial ground (Southern Poland);
 14 – a vessel depicting a chariot from the Sukhaya Saratovka burial ground (Volga river region);
 15 – a vessel from the burial ground of Veliki Raskovci (Slovakia); 16 – Cyprus, a ceramic vessel in the form
 of a chariot. Archaeological Museum, Cambridge – after – Rad und Wagen ... 2004: 103; 288; 351, abb. 7; 12; 17;
 Esin 2008: 81–98; 2010: 53–73; Kukushkin 2011a: 110–116

формируются в вид антропоморфных мегалитических сооружений – оленные камни, символизирующие предков-колесничих с их передовым вооружением.

Особенность карасукских колесничных петроглифов состоит в изображении упряжных лошадей в профильной проекции (в позиции «одно над другим»), при том, что собственно колесница может быть показана не только в традиционном ракурсе – «вид сверху в плановой проекции». Карасукские колесницы *нередко* показаны распряжёнными, в том числе на плитах, датированных карасукских погребений; очень часто сочетаются с изображениями оленей (Монголия, Минусинская котловина) и сюжетом «кони у мирового дерева». Появляются триги и квадриги. Кони также показаны условно, без дополнительной детализации особенностей экстерьера. Встречаются изображения тучных быков и очень редко – верблюдов.

Фрагменты изобразительного кода КИТ реконструируются следующим образом:

...=> условное изображение человека без половых различий => предметы вооружения (на оленных камнях и в петроглифах) => колесница с особой манерой изображения упряжных коней (или распряжённая) => условное изображение лошади => олень с ветвистыми рогами => массивный бык => разнообразные знаки =>...

Заключение. Коллекция молдажарских колесничных петроглифов существенно дополняет информацию о конструкциях ранних колёсных и иных экипажей населения Евразийских степей периода средней (поздней?) бронзы. Подробно показаны особые детали конструкции колесниц, упряжи, системы управления повозками и орнаментальный декор, аналогичный найденному в датированных археологических материалах из колесничных комплексов Поволжья, Урала и Казахской степи синташтинско-петровского и алакульского времени. Выделение новых конструктивных деталей найденных изображений повозок стало возможным на основании современных методов их цифровой обработки, полевых экспериментов и компьютерного моделирования.

Рассмотренные материалы убедительно свидетельствуют о мобильности и явной элитарности населения, выбивавшего на скалах колесничные петроглифы. Изображение транспортных средств в петроглифах стало не только способом передачи полезной для потомков информации о конкретных и эффективных конструкциях повозок, но и возможностью выразить огромный пласт представлений, мифологем, основанных на глубинных и важных для социума идеях мобильности и элитарности, связанных с использованием колесниц и сформировавшихся в результате их применения в реальной жизни, мифологизированных в коллективном сознании конкретного клана (кланов) в виде известных в историографии и этнографии мифов, преданий, культовых обрядов и действий.

Впервые для петроглифов выделен тип боевых саней, которые показаны в явном батальном контексте. Конструктивные особенности саней, изображённых здесь, находят аналогии в конструкциях нарт народов Крайнего Севера и могли использоваться, согласно этнографическим свидетельствам, не только в зимнее время для охоты, контроля за стадами оленей и для военных действий, но и в период межсезонья и даже летом, чему способствовала обильная злаково-ковыльная растительность степей Евразии.

Классические пароконные колесницы рассматриваемого изобразительного памятника чаще показаны в сценах охоты с собаками на степных антилоп и диких быков в сопровождении пеших лучников. Кроме того, повозки изображены в батальных сценах, в окружении сражающихся людей с палицами, с луками, а также среди различных животных. Возможно, что в петроглифах этого памятника зафиксирована бесколёсная транспортная платформа типа «тобоган», запряжённая бактрианом.

Датировка молдажарских колесничных петроглифов опирается на опубликованные AMS даты для конкретных погребений колесничного комплекса из синташтинских и петровских памятников. Обнаружена некая семантическая связь и поразительное сходство между двухкомпонентными орнаментами на посуде и псалиях (сочетание заштрихованных треугольников и вертикальных

зигзагов) из этих комплексов и в сцене «повелитель коней» на валуне 1 в непосредственной связи с тремя изображёнными на нём транспортными средствами. Это обстоятельство позволяет уверенно датировать реалистические изображения колесниц Молдажара рубежом III-II тыс. до н.э. и связывать их с носителями синташтинской и петровской археологических культур, а схематичные изображения повозок этого памятника датировать более поздним временем — до сер. II тыс. до н.э. в рамках андроновской изобразительной традиции, выделенной в петроглифах Центральной Азии для периода средней бронзы.

Выявленная семантическая связь между определёнными мотивами орнамента, собственно культовыми сосудами, псалями, колесничной тематикой и возникшим может свидетельствовать о наличии специальных графических визуальных маркеров или знаков идентичности и принадлежности к элите, к определённому сословию, клану или касте, подобно родовым знакам – тамгам, практика использования которых активно развивалась в Евразийской степи в значительно более позднее время. Зонирование в петроглифах декора коней может свидетельствовать о стадии прирученности каждой лошади и степени готовности быть запряжённой в повозку, а главное – позицию этой лошади в мифологической картине мира и возможной иерархии конкретных коней как потенциальных жертвенных животных (в обрядах жертвоприношения лошадей, например, подобным ашвамедхе).

Рассмотренные колесничные петроглифы связаны с начальным этапом андроновской изобразительной традиции (АИТ), уже выделенной в наскальном искусстве Центральной Азии, в отличие от недавно опубликованной серии колесниц из долины р. Коксу (Ешкиольмес, Жетысу), датированной карасукским (бегазы-дандыбаевским) временем [Новоженков, Рогожинский 2019]. Анализ колесничных сюжетов всего ареала позволяет выделить в петроглифах эпохи средней и поздней бронзы Центральной Азии два художественных пласта: ранний и поздний, соотносимые с 1-й пол. – 3-й четв. II тыс. до н.э. и 2-й пол. II тыс. – 1-й пол. I тыс. до н.э., которые могут быть связаны, соответственно, с андроновской и карасукской (бегазы-дандыбаевской) изобразительными традициями в наскальном искусстве Центральной Азии.

Благодарности. Выражаю свою искреннюю благодарность Алексею Евгеньевичу Рогожинскому за открытие памятника, любезно предоставленные полевые фотографии петроглифов Молдажара и ценные комментарии в процессе подготовки этих заметок; Крыму и Элине Алтынбековым за многолетние поиски новых и эффективных способов документирования и изучения петроглифов; Зайнолле Самашеву за качественную публикацию материалов памятника; Игорю Алексеевичу Кукушкину и Евгению Александровичу Дмитриеву за любезно предоставленную подборку фотографий и прорисовок сосудов из новых неопубликованных колесничных погребений Сарыарки; Андрею Владимировичу Епимахову, Станиславу Аркадиевичу Григорьеву, Игорю Владимировичу Чечушкову, Эмме Радиковне Усмановой, Илье Викторовичу Мерцу и юной сотруднице Южноуральского краеведческого музея Стефании Докучаевой за ценные рекомендации и комментарии в процессе написания этого текста.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара: Самарский университет, 1994. 208 с.
- 2 Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- 3 Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- 4 Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 407 с.
- 5 Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2002. 170 с.
- 6 Есин Ю.Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропою тысячелетий. Сб. науч. тр., посвящ. юбилею М.А. Дэйлет / Отв. ред. О.С. Советова, Е.А. Миклашевич и др. Кемерово: САИПИ, 2008. С. 81-98.

- 7 *Есин Ю.Н.* Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53-73.
- 8 *Зданович Г.Б.* Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.
- 9 *Кукушкин И.А.* Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису // Российская археология. 2011а. № 2. С. 110-116.
- 10 *Кукушкин И.А.* Археологические комплексы Казахстана с колесничной атрибутикой. Новый аспект в археологии бронзы Казахстана // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). Сб. ст., посвящ. 20-летию Независимости Казахстана. Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011б. С. 97-113.
- 11 *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.* Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 4 (47). С. 43-52.
- 12 *Логвин А.В., Шевнина И.В.* Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. М-лы междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. В 3-х т. Т. 1 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. С. 349-360.
- 13 *Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения Казахстана: итоги 20-летнего изучения и проблемы // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. В 3-х т. Т. 1 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. С. 36-40.
- 14 *Миклашевич Е.А.* Памятники наскального искусства в горах Оглахты: задачи сохранения, изучения и презентации потенциального объекта всемирного наследия // Наскальная культура: миф, искусство, мир. Сб. докл. Междунар. научн. семинара (Баку, 7–10 ноября 2019 г.) / Гл. ред. И. Габиббейли, сост. А. Гусейнова. Баку: Элм, 2021. С. 101-106.
- 15 *Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н.* Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-тилетию Д.Г. Савинова. Вып. 7. Кемерово: САИПИ, 2011. С. 233-246.
- 16 *Новожинов В.А.* Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
- 17 *Новожинов В.А.* Наскальные изображения колесниц как источник реконструкции // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: САИПИ, 2021. С. 214-237.
- 18 *Новожинов В.А., Рогожинский А.Е.* Новые колесничные сюжеты в петроглифах долины р. Коксу // История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы: ИА КН МОН РК, 2019. С. 170-196.
- 19 *Новожинов В.А., Ильин Р.В.* Цифровая технология копирования изобразительных памятников // Поверив алгеброй гармонию. Сб. ст. памяти Я.А. Шера / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, К.В. Чугунов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 192-206.
- 20 *Рогожинский А.Е.* Петроглифы гор Тарбагатай // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана / Отв. ред. И.В. Ерофеева В 3-х т. Т. 1. Алматы: КазНИИ культурного наследия номадов, 2011. С. 93-103.
- 21 *Савинов Д.Г.* На пути раскрытия содержания памятников наскального искусства // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: САИПИ, 2021. С. 238-249.
- 22 *Самашев З.* Петроглифы Тарбагатая. Шимайлы. Астана: КазНИИ культуры, 2018. 250 с.
- 23 *Сарианиди В.И., Дубова Н.А.* Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции / Отв. ред. Н.А. Дубова. СПб.: Наука, 2010. С. 210-256.
- 24 *Смирнов Н.Ю.* На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова / Ред. кол. В.А. Алёкшин, Е.В. Бобровская и др. СПб.: ИИМК РАН, 2012. Т. 2. С. 424-431.
- 25 *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- 26 *Черлёнок Е.А.* Колесничная запряжка начала поздней бронзы в Волго-Донском регионе: относительная хронология погребального обряда и орнаментации псалиев // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посвящ. 80-тилетию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 87-100.

- 27 Чечушков И.В. Распространение колесного транспорта в свете радиоуглеродной хронологии // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. / Отв. ред. А.В. Епимахов. Алматы: «Остров Крым», 2014. С. 274–285.
- 28 Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесницы и упряжь как культурный индикатор эволюции коневодства. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург: Ин-т экологии растений и животных УрО РАН, 2010. С. 182–229.
- 29 Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан 2 (к хронологии аржано-маэмирского стиля) // Тропой тысячелетий. Сб. науч. тр., посвящ. юбилею М.А. Дзвлет / Отв. ред. О.С. Советова, Е.А. Миклашевич и др. Кемерово: САИПИ, 2008. С. 53–69.
- 30 Шевнина И.В., Логвин А.В. «Приходящий в мир умерших приносит дары ...» (о содержимом сосудов из синташтинских погребений Тургая) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. М-лы V междунар. конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгарулы. В 5-ти т. Т. 1. Алматы; Туркестан: ИА КН МОН РК, 2022. С. 246–259.
- 31 Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- 32 Anthony D.W. The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. 553 p.
- 33 Anthony D. W., Vinogradov N. B. Birth of the chariot // Archaeology, March/April. 1995. Pp. 36–41.
- 34 Chechushkov I., Epimakhov A., Bersenev A. Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: An experimental and statistical study // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 97. Pp. 125–136.
- 35 Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // Antiquity. 2007. Vol. 81. Pp. 353–367.
- 36 Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., Bersenev A. Bronze Age charioteers of the Eurasian steppe: a part-time occupation for select men? // Praehistorische Zeitschrift. 2017. Vol. 1. Pp. 40–65.
- 37 Kuzmina E.E. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden, Boston, 2007. 766 p.
- 38 Kuznetsov P.F. The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe // Antiquity. 2006. Vol. 80. Pp. 638–645.
- 39 Lindner St. Chariots in the Eurasian Steppe: a Bayesian approach to the emergence of horse-drawn transport in the early second millennium BCE // Antiquity. 2020. Vol. 94 (374). Pp. 361–380. DOI: 10.15184/aqy.2020.37
- 40 Littauer M.A., Crowell J.H. The origin of the true chariot // Antiquity. 1996. Vol. 70 (270). Pp. 934–939.
- 41 Nefedkin A.K. Warfare in the Russian Arctic: The Military History of Chukotka from the Early First Millennium to the Nineteenth Century / Transl. by Richard L. Bland. Washington; London: Academica Press, 2020. 448 p.
- 42 Novozhenov V.A. The Rock Art Chronicles of Golden Steppe: model of communication in Antiquity and Middle Ages. Vol. 1. Алматы: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. 780 p.
- 43 Petroglyphes of Central Asia and North China / Ts. Turbat and N. Batbold (Eds). Russia-Mongolia-China Archaeological Forum. Ulaan Baatar, 2017. 23 p.
- 44 Piggott St. Wagon, chariot, and carriage: symbol and status in the history of transport. London: Thames & Hudson, 1992. 184 p.
- 45 Rock Art Chronicles of Golden Steppe: from Karatau to Altai / E. Jacobson-Tepfer, V. Novozhenov (eds.) Vol. 2. Алматы: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. 670 p.
- 46 Rogozhinskiy A.Y. Rock Art Sites in Kazakhstan // Rock Art in Central Asia. A Thematic Study / J. Clottes (ed.). Paris: ICOMOS, 2011. Pp. 9–43.
- 47 Rogozhinskiy A.Y., Novozhenov V.A. Cultural landscapes with petroglyphs of Central Asia: questions and answers. Samarkand: IICAS, 2018. 252 p.
- 48 Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road. Urumqi: Xinjiang, XUARICEA, 2008. 304 p.
- 49 Wu Hsiao-yun. Chariots in Early China: Origins, cultural interaction and identity // BAR Int. Series (S2457). Oxford: Archaeopress, 2013. 137 p.

REFERENCES

- 1 Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semyonova, A. P. 1994. *Potapovskii kurgannyi mogilnik indoiranskikh plemyon na Volge (Potapovsky burial mound of Indo-Iranian tribes on the Volga)*. Samara: Samara Univ. press. (in Russian).
- 2 Vinogradov, N. B. 2011. Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. (pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) (Steppes of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd millennium BC (monuments of the Sintashta and Petrovka type)). Chelyabinsk: “Abris” Publ. (in Russian).
- 3 Volkov, V. V. 2002. *Olennye kamni Mongolii (Deer Stones of Mongolia)*. Moscow: “Nauchnyi mir” Publ. 2-nd ed. (in Russian).

- 4 Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Archaeologicheskii pamaytnik ariiskikh plemyon Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Sintashty. The Archaeological Monument of the Arian Tribes of the Ural – Kazakh's steppes)*. Chelyabinsk: South Ural books publisher (in Russian).
- 5 Epimakhov, A. V. 2002. *Yuzhnoie Zauralie v epokhu srednei bronzy (South Ural in the Middle Bronze Age)*. Chelyabinsk: Library of A. Miller (in Russian).
- 6 Esin, Y. N. 2008. In: Sovetova, O. S., Miklashevich, E. A. et al. (eds.). *Tropoyu tysaycheletii (The path of millennia)*. Kemerovo: Siberian association of researchers of primitive art, 81-98 (in Russian).
- 7 Esin Y. N. 2010. In: Stepanova, N. F., Polyakov, A. V. (eds.). *Afanasievskii sbornik (Afanasievo collection)*. Barnaul: "Azбука" Publ., 53-73 (in Russian).
- 8 Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Bronze Age of Ural-Kazakhstan's steppes)*. Sverdlovsk: University press (in Russian).
- 9 Kukushkin, I. A. 2011a. In: *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 2, 110-116 (in Russian).
- 10 Kukushkin I. A. 2011b. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Svideteli tysaycheletii: archeologicheskaya nauka Kazakhstana za 20 let (Witnesses of Millennia: Archaeological science of Kazakhstan for 20 years)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 97-113 (in Russian).
- 11 Kukushkin, I. A., Dmitriev, Y. A. 2019. In: *Arkheologiya, ethnographiya, i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)*, 4 (47), 43-52 (in Russian).
- 12 Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi i perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: results and prospects)*. In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 349-360 (in Russian).
- 13 Maryashev, A. N. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi i perspektivy. (Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: results and prospects)*. In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 36-40 (in Russian).
- 14 Miklashevich, E. A. 2021. In: Habibbeyli, A. (ed.), Guseinova, A. (compl.). *Naskalnaya kultura: mif, khudozhestvo, mir (Rock culture: myth, art, world)*. Baku: "Elm" Publ., 101-106 (in Russian).
- 15 Miklashevich, E. A., Mukhareva, A. N. 2011. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arheologii. (Ancient art in the mirror of archaeology)*. Vol. 7. Kemerovo: Siberian association of researchers of primitive art, 233-246 (in Russian).
- 16 Novozhenov, V. A. 2012. *Chudo kommunikatsii i drevneishiy koliosnyi transport Evrazii (A Miracle of Communication and the Earliest Wheeled Transport in Eurasia)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
- 17 Novozhenov, V. A. 2021. In: *Drevnee iskusstvo v kontekste kulturno-istoricheskikh protsessov v Evrazii: k 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi Pisanitsy (Ancient art in the context of cultural and historical processes of Eurasia: to the 300th anniversary of the scientific discovery of the Tomskaya Pisanitsa)*. Kemerovo: Siberian association of researchers of primitive art, 214-237 (in Russian).
- 18 Novozhenov, V. A., Rogozhinskiy, A. Y. 2019. In: *Istoriyai i arheologiya Semirechiya (History and Archaeology of Semirechye)*, 6. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 170-196 (in Russian).
- 19 Novozhenov, V. A., Iliin, R. V. 2021. In: Vishnyatskiy, L. B., Chugunov, K. V. (eds.). *Poveriv algebroi garmoniyu (Having verified harmony with algebra)*. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the RAS, 192-206 (in Russian).
- 20 Rogozhinskiy, A. Y. 2011. In: Erofeeva, I. V. (ed.). *Ot Altaya do Kaspiya (From Altai to the Caspian Sea)*. In 3 vol. Vol. 1. Almaty: Kazakh Research Institute of Cultural Heritage of Nomads, 93-103 (in Russian).
- 21 Savinov, D. G. 2021. In: *Drevnee iskusstvo v kontekste kulturno-istoricheskikh protsessov Evrazii: k 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi Pisanitsy (Ancient art in the context of cultural and historical processes of Eurasia: to the 300th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk Pisanitsa)*. Kemerovo: Siberian association of researchers of primitive art, 238-249 (in Russian).
- 22 Samashev, Z. 2018. *Petroglyphy Tarbagataya. Shimaily (Petroglyphes of Tarbagatay. Shimaily)*. Astana: Kazakh Institute of Culture (in Russian).
- 23 Sarianidi, V. I., Dubova, N. A. 2010. In: Dubova, N. A. (ed.). *Na puti otkrytiya tsivilizatsii (On the path to the discovery of civilization)*. St. Petersburg: "Nauka" Publ., 210-256 (in Russian).
- 24 Smirnov, N. Y. 2012. In: Alekshin, V. A., Bobrovskaya, E. V. et al. (eds.). *Cultury stepnoi Evrazii i ikh vzaimod-eistvie s drevnimi tsivilizatsiyami (Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations)*. Vol. 2. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the RAS, 424-431 (in Russian).
- 25 Tkachyov, V. V. 2007. *Stepi Yuzhnogo Priuraliya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epoch srednei i pozdnei bronzy (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Ages)*. Aktobe: Aktobe regional Center of history, ethnography and archaeology (in Russian).

- 26 Cherlionok, E. A. 2021. In: Smirnov, N. Y. (ed.). *Tvoret's culture (Creator of culture)*. Material culture and spiritual space of man in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific articles dedicated to the 80th anniversary of Professor D.G. Savinov. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the RAS, 87-100 (in Russian).
- 27 Chechushkov, I. V. 2014. In: Epimakhov, A. V. (ed.). *Tainstvo etnicheskoi istorii drevneishikh nomadov stepnoi Evrazii (The mystery of the ethnic history of the ancient nomads of steppe Eurasia)*. Almaty: "Ostrov Krym", 274-285 (in Russian).
- 28 Chechushkov, I. V., Epimakhov, A. V. 2010. In: Kuznetsov, P. F. (ed.). *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepei Evrazii (Horses, chariots and charioteers of the Eurasian steppes)*. Ekaterinburg: Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS, 182-229 (in Russian).
- 29 Chugunov, K. V. 2008. In: Sovetova, O. S., Miklashevich, E. A. et al. (eds.). *Tropoyu tysaycheletii (The path of millennia)*. Kemerovo: Siberian association of researchers of primitive art, 53-69 (in Russian).
- 30 Shevnina, I. V., Logvin, A. V. 2022. In: Onggaruly, A. (ed.). *Evraziiskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kulturnaya sreda (Eurasian steppe civilization: Human and Historical and Cultural environment)*. In 5 vol. Vol. 1. Almaty; Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 246-259 (in Russian).
- 31 Sher, Y. A. 1980. *Petroglyphy Srednei i Tsentralnoi Azii (Petroglyphes of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 32 Anthony, D. W. 2007. *The horse, the wheel and language. How Bronze-Age riders from the steppes shaped the modern world*. Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press. (in English).
- 33 Anthony, D. W., Vinogradov, N. B. 1995. In: *Archaeology*, March/April, 36-41 (in English).
- 34 Chechushkov, I., Epimakhov, A., Bersenev, A. 2018. In: *JAS*, 97, 125-136 (in English).
- 35 Hanks, B. K., Epimakhov, A. V., Renfrew, C. 2007. In: *Antiquity*, 81, 353-367 (in English).
- 36 Kupriyanova, E., Epimakhov, A., Berseneva, N., Bersenev, A. 2017. In: *Praehistorische Zeitschrift*, 1, 40-65 (in English).
- 37 Kuzmina, E. E. 2007. *The Origin of the Indo-Iranians*. Leiden, Boston: Brill. (in English).
- 38 Kuznetsov, P. F. 2006. In: *Antiquity*, 80, 638-645 (in English).
- 39 Lindner, St. 2020. In: *Antiquity*, 94 (374), 361-380 (in English).
- 40 Littauer, M. A., Crouwel, J. H. 1996. In: *Antiquity*, 70 (270), 934-939 (in English).
- 41 Nefedkin, A. K. 2020. *Warfare in the Russian Arctic: The Military History of Chukotka from the Early First Millennium to the Nineteenth Century*. Washington; London: Academica Press. (in English).
- 42 Novozhenov, V. A. 2020. *The Rock Art Chronicles of Golden Steppe: model of communication in Antiquity and Middle Ages*. Vol. 1. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures (in English).
- 43 *Petroglyphes of Central Asia and North China*. 2017. Ts. Turbat and N. Batbold (eds). Russia-Mongolia-China Archaeological Forum. Ulaan Baatar (in English).
- 44 Piggott, St. 1992. *Wagon, chariot, and carriage: symbol and status in the history of transport*. London: Thames & Hudson. (in English).
- 45 *Rock Art Chronicles of Golden Steppe: from Karatau to Altai*. 2020. E. Jacobson-Tepfer, V. Novozhenov (eds). Vol. 2. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures (in English).
- 46 Rogozhinskiy, A. Y. 2011. In: J. Clottes (ed.). *Rock Art in Central Asia. A Thematic Study*. Paris: ICOMOS, 9-43 (in English).
- 47 Rogozhinskiy, A. Y., Novozhenov, V. A. 2018. *Cultural landscapes with petroglyphs of Central Asia: questions and answers*. Samarkand: IICAS (in English).
- 48 Qi Xiaoshan, Wang Bo. 2008. *The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road*. Urumqi: Xinjiang, XUARI-CEA (in English).
- 49 Wu Hsiao-yun. 2013. *Chariots in Early China: Origins, cultural interaction and identity*. BAR Int. Series (S2457). Oxford: Archaeopress (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
 Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
 Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
 Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
 Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.10.2024.
 Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.05.2024.
 Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.05.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.100.123>

Новые находки фибул из Алтынказганского микрорайона (полуостров Мангышлак)

© 2024 г. Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.

Keywords: archaeology, Mangyshlak, Altynkazgan microdistrict, Karakabak, fibula, cultural contacts, trade and craft center, 2nd–6th centuries

Түйін сөздер: археология, Маңғышлақ, Алтынқазған шағынауданы, Қарақабак, фибула, мәдени байланыстар, сауда-қолөнер орталығы, II–VI ғғ.

Ключевые слова: археология, Мангышлак, Алтынказганский микрорайон, Каракабак, фибула, культурные контакты, торгово-ремесленный центр, II–VI века

Igor Gavritukhin¹, Andrey Astafiev² and Evgeniy Bogdanov^{3*}

¹Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: [0009-0002-2209-0644](https://orcid.org/0009-0002-2209-0644) E-mail: gavritukhinio@yandex.ru

²Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktau, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0001-7632-5819](https://orcid.org/0009-0001-7632-5819) E-mail: aasta@list.ru

^{3*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

ORCID: [0000-0001-7073-8914](https://orcid.org/0000-0001-7073-8914) E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

New finds of fibulae from the Altynkazgan microdistrict (Mangyshlak peninsula)

This work is a continuation of our 2019 article about 20 brooches from the Karakabak settlement (2nd–6th centuries). New finds are represented by 24 specimens from the same settlement and three from other points of the Altynkazgan microdistrict. Fibulae 1–7 correspond to period of the first economic activity at the Karakabak settlement (second half of the 2nd/first half of the 3rd – first quarter of the 4th century). They indicate contacts with the North Caucasus, and to a lesser extent with the east of the Late Sarmatian culture. The analogue in Jetysar culture is an indicator of direct connections or a common source of innovation. The originality of brooches 2–4, 6 can be explained by their local production. The remaining brooches are comparable to the period of the second economic activity at the settlement of Karakabak (fourth quarter of the 4th – mid-6th century). Fibulae 10–12 reflect the interregional “fashion” of the Hunnic era. Fibulae 8 and 9 could belong to this or a later context. Fibulae 13–26 date back no earlier than the mid-5th century, i.e. mainly the post-Hunns (Shipovo) time, which accounted for the highest economic and cultural flourishing of the Altynkazgan microdistrict. They belong to the subgroup of two-plate fibulae known in the North Caucasus, the Kama region and the Jetysar culture. At the same time, the collection from Karakabak is the largest of those originating from a single site, and the stands of brooches 21, 22 and three more from earlier finds allow us to speak about local production (for the rest, this question is open). Analysis of fibulae confirms the conclusion that the settlement of Karakabak (the largest for its era in the Aral-Caspian region), associated with the port area on the Mangyshlak peninsula, was an important trade and craft center on the routes connecting the Bosphorus (and through it the Roman Empire) and the North Caucasus with a number of regions of Asia, with branches into the steppe, to the Kama region in the north.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175; Research work “Panorama of historical and cultural processes on the territory of Eastern Europe in Roman times and the era of the Great Migration of Peoples according to archaeological data (1st–7th centuries)” (No. NIOKTR 122011200267-0); Research work “Comprehensive studies of ancient cultures of Siberia and adjacent territories: chronology, technology, adaptation and cultural connections” (FWZG-2022-0006).

For citation: Gavritukhin, I., Astafiev, A., Bogdanov, E. 2024. New finds of fibulae from the Altynkazgan microdistrict (Mangyshlak peninsula). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 100–123 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.100.123](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.100.123)

**Игорь Олегович Гавритухин¹,
Андрей Евгеньевич Астафьев²,
Евгений Сергеевич Богданов^{3*}**

¹аға ғылыми қызметкер, РҒА Археология институты,
Москва қ., Ресей

²ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Ақтау қ.,
Алматы қ., Қазақстан

^{3*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, аға ғылыми қызметкер, РҒА СБ
Археология және этнография институты,
Новосибирск қ., Ресей

**Алтынқазған шағынауданынан
(Маңғышлақ түбегі)
табылған жаңа фибулалар**

Бұл еңбек Қарақабак қаласынан табылған 20 фибула туралы (II–VI ғғ.) 2019 жылы шыққан мақаламыздың жалғасы. Сол қоныстан және Алтынқазған шағынауданының басқа үш пунктiнен 24 дана жаңа олжа табылды. Қарақабак қаласындағы 1-ші экономикалық белсенділік кезеңіне (II ғ. 2-жартысы/III ғ. 1-жартысы – IV ғ. 1-ширегі) 1–7 фибулалар жатады. Олар Солтүстік Кавказбен, кей-кейде кейінгі сармат мәдениетінің шығысымен байланысы болғанын дәлелдейді. Жетіасар мәдениетімен ұқсастығы тура байланыс немесе инновацияның ортақ көзі болғанын көрсетеді. 2–4, 6 фибулалардың ерекшелігі олардың жергілікті өндірісте жасалғанымен түсіндіріледі. Басқа фибулалар Қарақабак қонысындағы 2-ші экономикалық белсенділік кезеңімен (IV ғ. 4-ширегі – VI ғ. ортасы) сәйкес келеді. 10–12 фибулалар ғұн дәуірінің өңіраралық «сәнін» бейнелейді. 8 және 9 фибулалар осы немесе кейінгі контекстке тән болуы мүмкін. 13–26 фибулалар V ғ. ортасынан ерте емес, негізінен Алтынқазған шағынауданының экономикасы мен мәдениеті өркендеген ғұндардан кейінгі (шиповский) дәуірмен мерзімделеді. Олар Солтүстік Кавказ, Кама маңы және жетіасар мәдениетінде белгілі екі пластиналы фибулалардың ішкі тобына жатады. Бұл ретте Қарақабак коллекциялары бір ескерткіштен табылған ең ірі олжа, ал 21, 22-ші фибулалардың және бұрынырақ табылған үш олжа тағаның жергілікті өндіріске жататынын көрсетіп тұр (қалғандарына қатысты бұл сұрақ әлі ашық). Фибулалар талдамасы Маңғышлақ түбегіндегі айлақ аймағымен байланысты Қарақабак қаласы (Арал-Каспий өңіріндегі өз дәуіріндегі ең ірі) Боспор (ол арқылы Рұм империясына) мен Солтүстік Кавказды Азияның жақын өңірлерімен байланыстыратын, солтүстікте Каманың маңына дейінгі далаларда тармақталған жолдағы маңызды сауда-қолөнер орталығы болған деген қорытындыны растайды.

**Игорь Олегович Гавритухин¹,
Андрей Евгеньевич Астафьев²,
Евгений Сергеевич Богданов^{3*}**

¹старший научный сотрудник, Институт археологии
РАН, г. Москва, Россия

²научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Ақтау, г. Алматы, Казахстан

^{3*}автор-корреспондент, кандидат исторических
наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск, Россия

**Новые находки фибул
из алтынказганского микрорайона
(полуостров Мангышлак)**

Данная работа является продолжением нашей статьи 2019 г. о 20 фибулах с городища Каракабак (II–VI вв.). Новые находки представлены 24 экз. с того же памятника и тремя из других пунктов Алтынказганского микрорайона. С периодом 1-й экономической активности на городища Каракабак (2-я пол. II / 1-я пол. III – 1-я четв. IV в.) соотносятся фибулы 1–7. Они свидетельствуют о контактах с Северным Кавказом, в меньшей степени – с востоком ареала позднесарматской культуры. Аналог находкам в джетыасарской культуре – показатель прямых связей или общего источника инноваций. Своеобразие фибул 2–4, 6 объяснимо их местным производством. Остальные фибулы сопоставимы с периодом 2-й экономической активности на поселении Каракабак (4-я четв. IV – сер. VI в.). Фибулы 10–12 отражают интеррегиональную «моду» гуннской эпохи. Фибулы 8 и 9 могли принадлежать этому или же более позднему контексту. Фибулы 13–26 датируются не ранее середины V в., т. е. в основном постгуннской (шиповской) эпохой, на которую приходится наивысший экономический и культурный расцвет Алтынказганского микрорайона. Они относятся к подгруппе двупластинчатых фибул, известных на Северном Кавказе, в Прикамье и джетыасарской культуре. При этом коллекция с городища Каракабак – крупнейшая из происходящих с одного памятника, а стойки фибул 21, 22 и еще трёх из более ранних находок позволяют говорить о местном производстве (в отношении остальных этот вопрос открыт). Анализ фибул подтверждает вывод о том, что городище Каракабак (крупнейшее для своей эпохи в Арало-Каспийском регионе), связанное с портовой зоной на полуострове Мангышлак, являлось важным торгово-ремесленным центром на путях, соединяющих Боспор (а через него Римскую империю) и Северный Кавказ с рядом регионов Азии, имея ответвления в степь, до Прикамья на севере.

Қаржыландыру көзі: Мақала мына жобалар аясында дайындалды: ҚР ҒЖБМ ғылым комитетінің 2023–2024 жж. арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН BR 18574175; «Археологиялық деректер бойынша рұм кезеңіндегі және халықтардың Ұлы көш дәуіріндегі Шығыс Еуропа аумағындағы тарихи-мәдени процестер панорамасы (I–VII ғғ.)» ҒЗЖ (№ ҒЗТҚЖ 122011200267-0); «Сібір мен оған іргелес аумақтардағы көне мәдениетті кешенді зерттеу: хронология, технологиялар, бейімделу және мәдени байланыстар» ҒЗЖ (FWZG-2022-0006).

Сілтеме жасау үшін: Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Алтынқазған шағынауданынан (Маңғышлақ түбегі) табылған жаңа фибулалар. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 100–123–6б. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.100.123](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.100.123)

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках проектов: программно-целевого финансирования КН МНВО РК 2023-2024, ИРН BR 18574175; НИР «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0); НИР «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Для цитирования: Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Новые находки фибул из алтынказганского микрорайона (полуостров Мангышлак). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 100–123. DOI: [10.52967/akz2024.2.24.100.123](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.100.123)

Введение (Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

Данная работа является продолжением нашей статьи, посвященной 20 фибулам и их фрагментам, найденным на городище Каракабак (Тупкараганский р-н, Мангистауская обл., РК) в 2017–2018 гг. [Гавритухин и др. 2019]. Теперь речь пойдет о 24 новых артефактах на этом же памятнике, полученных в 2019–2023 гг., и дополненных тремя экземплярами с местонахождений в том же микрорайоне (рис. 1, 3, 6–8)* (Все иллюстрации подготовлены авторами). Нынешняя статья связана с прошлой не только единством материала, но и по структуре его подачи.

Напомним, что комплекс Каракабак (городище и 14 могильников) расположен близ мелководного залива Кочак (Кошак), выходящего через Мангышлакский залив в Каспийское море, и является частью Алтынказганского микрорайона II/III–VI вв. (рис. 1; подробнее см.: [Астафьев, Богданов 2023а: 209–231, табл. 3]). Поселение Каракабак, крупнейшее для своей эпохи в Арало-Каспийском регионе, является важным торгово-ремесленным центром на трансевразийских путях. Оно занимает часть скального останца (720×310 м), возвышающегося на 100–110 м над морем. В 5,6 км на юго-восток от поселения располагается «вал Байлама» длиной более 500 м [Астафьев, Богданов 2023б]. Каракабакский комплекс соседствует с древней береговой линией Каспийского моря (южное побережье залива Кочак), которая на протяжении 5–6 км использовалась в качестве места выгрузки и торговли товарами. Это место было известно по архивным свидетельствам как Караганская, Мангышлакская или Сарыташская пристань, активно функционировавшая в XII–XVIII вв. [Астафьев, Богданов 2020: 126–127], но использовавшаяся и в более раннее время, что подтверждает находка медной монеты римского императора Аркадия (395–408 гг.) [Астафьев, Богданов 2019: 31].

Комплекс Каракабак датируется в пределах 2-й пол. II / 1-й пол. III – сер. VI в. по сочетанию монет, фибул, элементов ремесленных гарнитур, керамической посуды и др. находок [Астафьев, Богданов 2019; 2023а, 211–219, рис. 403–413, 415–420, 423, 424]. Почти все публикуемые сейчас и все опубликованные в 2019 г. фибулы происходят из сборов на городище, не образуя зон концентрации находок. Лишь три из 44 фибул и их фрагментов связаны с раскопами 1 и 2 (см. план городища с раскопами [Гавритухин и др. 2019: рис. 1; Астафьев, Богданов 2019: рис. 3]).

На западе городища в раскопе 1 при разборке отложений мусорного отвала найдена сильно профилированная фибула причерноморских типов (№ 1 по каталогу, см. его ниже). Эти нижние мусорные горизонты соотносятся с ранней фазой функционирования памятника, финал которой датируется лакуной в наборе монет с памятника около 2-й – 3-й четв. IV в. [Астафьев, Богданов 2023а: 215, табл. 52].

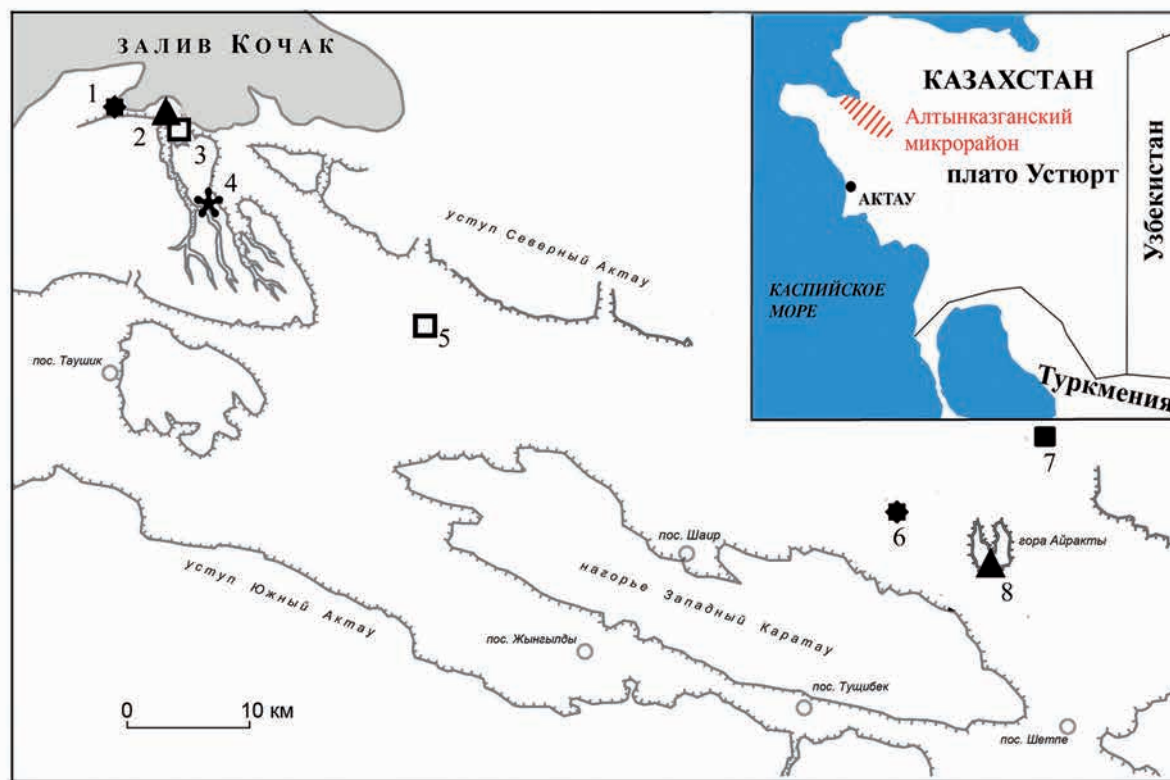

Рис. 1. Алтынказганский микрорайон II/III–VI вв.: 1 – пристань и торжище Караган; 2 – городище Каракабак; 3 – могильники в каньоне Каракабак; 4 – вал Байлама; 5 – ритуально-погребальный комплекс Алтынказган; 6 – торжище Шеркала; 7 – могильник Кумыра; 8 – поселение Айрақты

1-сур. Алтынқазған шағынауданы II/III–VI ғғ.: 1 – Қараған айлағы және сауда алаңы; 2 – Қарақабак қаласы; 3 – Қарақабак шатқалындағы қорымдар; 4 – Байлама дуалы; 5 – Алтынқазған ғұрыптық-жерлеу кешені; 6 – Шерқала сауда алаңы; 7 – Құмыра қорымы; 8 – Айрақты қонысы

Fig. 1. Altynkazgan microdistrict 2nd/3rd–6th centuries AD: 1 – pier and marketplace Karagan; 2 – Karakabak settlement; 3 – burial grounds in the Karakabak canyon; 4 – Baylam shaft; 5 – ritual and burial complex of Altynkazgan; 6 – marketplace of Sherkala; 7 – Kумыра burial ground; 8 – settlement of Airakty

В раскопе 2, расположенном на юго-востоке городища, где на настоящий момент исследовалось четыре жилых строения (рис. 2), стойка двухпластинчатой фибулы (№ 23 по каталогу) происходит из придомовой территории строений 1–3. В этом раскопе найдены медные монеты хорезмийского чекана типов Б²17, Б²14 и Б²15 [Вайнберг 1977: 56-57], правителя Асбара Бухарского Согда, пашиз Пероза I и подражание медному чекану Васудевы I, что соотносится со второй фазой экономической активности на поселении, которая начинается с конца IV в. [Астафьев, Богданов 2023а: 215, табл. 52].

Из нераскопанного участка близ границ раскопа 2, западнее исследованной части строения 3А и южнее строения 4 (рис. 2) происходит двучленная фибула со сплошным приёмником (№ 11 по каталогу). По-видимому, она относится к той же (поздней) фазе жизни на городище, что и фибула № 23.

На ещё трёх пунктах Алтынказганского микрорайона найдено по одной фибуле. Кратко остановимся на связанных с ними находках (уточнение датировок см. ниже, в части "Анализ фибул").

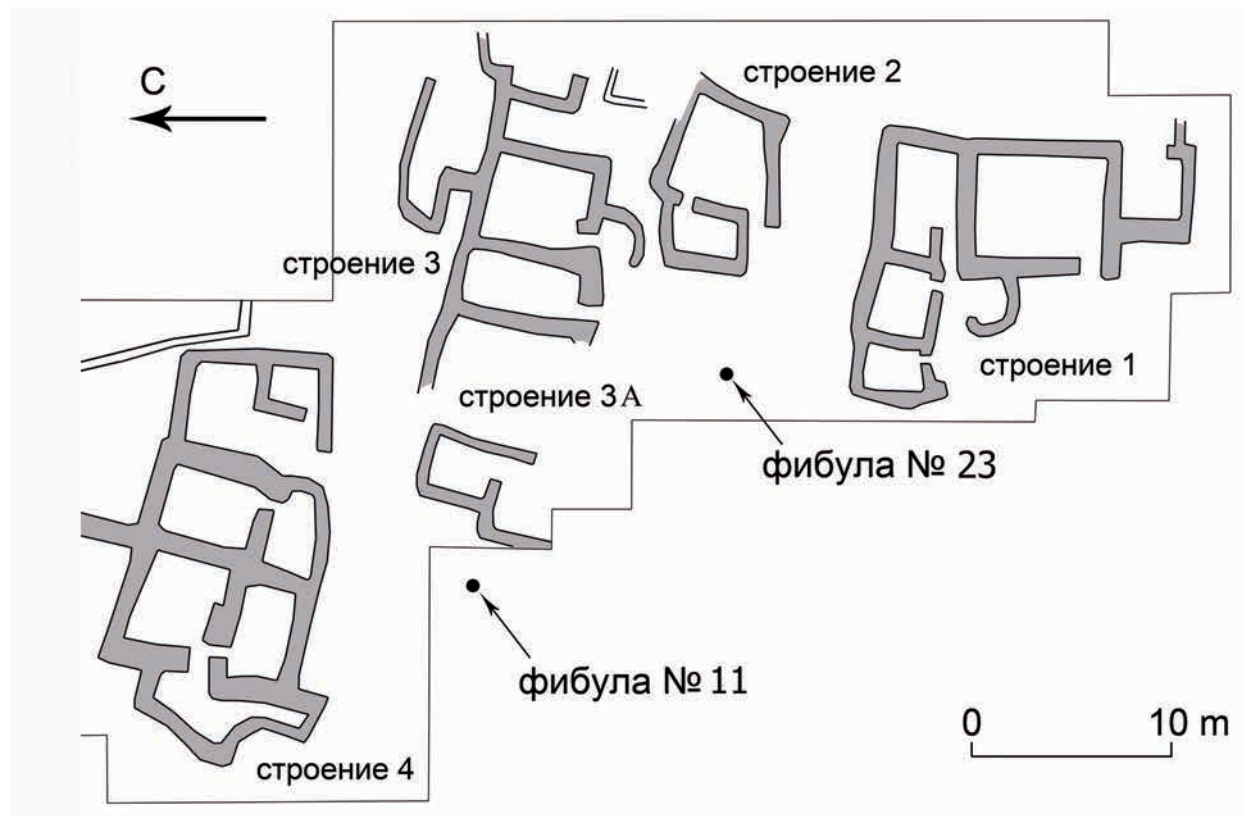

Рис. 2. Поселение Каракабак. Планы строений в раскопе 2 и места находок фибул 2-сур. Қарақабак қонысы. 2-ші қазбадағы құрылыс жоспары мен фибулалар табылған жерлер
Fig. 2. Settlement of Karakabak. Plans of buildings in excavation 2 and locations of fibulae found

Из могильника в местности Кумыра рядом с дорогой между пос. Шетпе и пос. Кызан (рис. 1, 7) происходит одночленная лучковая проволочная фибула (№ 7 по каталогу). На нём раскопаны две подбойные могилы с каменными закладами, которые можно датировать в пределах IV–II вв. до н.э., и девять катакомбных могил позднесарматского времени¹. Анализ обряда и культурного контекста могильника – тема отдельной работы, здесь мы ограничимся краткими сведениями об инвентаре катакомбной могилы 2, полезными для понимания контекста фибулы. Последняя лежала пружиной вниз на правом плече погребённого (рис. 3, 8). В верхней части его груди располагалась 14-гранная бусина, нанизанная на бронзовую проволоку, переходящую в спиральные пронызы (рис. 3, 9); близ локтей зафиксированы по низке из стеклянных бус (рис. 3, 10, 11); между головой и стенкой погребальной камеры находились два керамических сосуда и каменный предмет шайбовидной формы с отверстием (рис. 3, 4, 6, 7); ещё один подобный артефакт (рис. 3, 5) мог быть связан или с сосудом (рис. 3, 6; ср. рис. 3, 4 и 7) или с верхней частью убора погребённого.

На столовой горе Айрақты (рис. 1, 8), принадлежащей системе рельефных образований Каратауского нагорья центрального Мангистау (Мангышлака) найден обломок одночленной фибулы с широкой (вероятно, ромбовидной) спинкой (№ 5 по каталогу). Именно в этом месте встречаются

¹ Результаты раскопок не опубликованы.

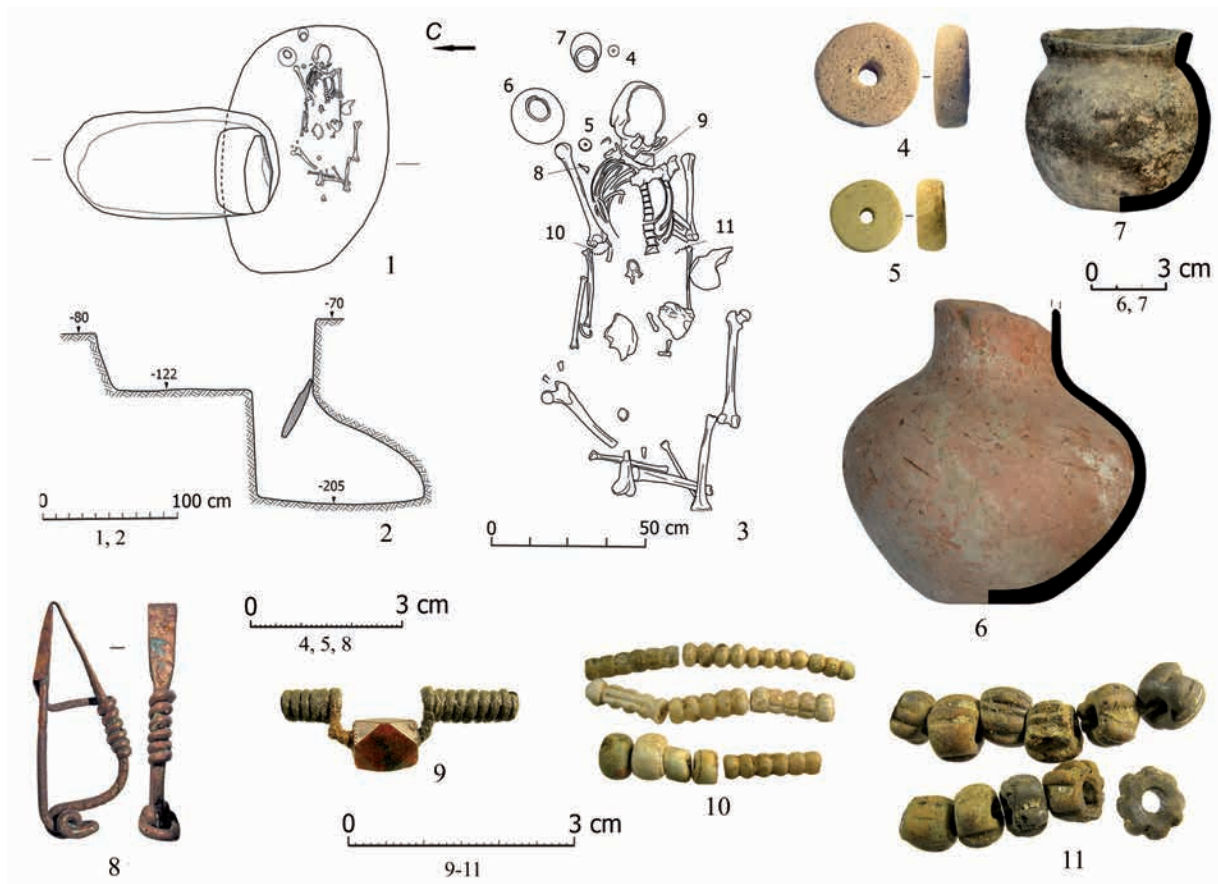

Рис. 3. Могильник Кумыра, погребение 2: 1, 2 – план и разрез могилы; 3 – план расположения инвентаря; 4–11 – погребальный инвентарь, его нумерация соответствует номерам на плане

3-сур. Құмыра қорымы, 2-ші жерлеу орны: 1, 2 – қабірдің жоспары мен қимасы; 3 – бұйымдардың орналасу жоспары; 4-11 – жерлеу бұйымдары, олардың нөмірі жоспардағы нөмірлерге сәйкес келеді

Fig. 3. Kумыra burial ground, burial 2: 1, 2 – plan and section of the grave; 3 – inventory layout plan; 4–11 – grave goods, their numbering corresponds to the numbers on the plan

многочисленные следы обитания (вероятно, сезонного) на протяжении длительного периода. Среди разнообразного подъёмного материала присутствуют четыре хорезмийские монеты, относящиеся к типам Б, В/2, Б²В/4, Б²В/3 (конец I – III в.), Б²VIII/8 (точно не датируется) [Вайнберг 1977: 54-55, 58], кушано-сасанидское подражание монетам Васудевы третьего периода [Зеймаль 1983: 242, 243, рис. 5, IV] и другие находки [Астафьев, Богданов 2023а: 137, 138, рис. 250²].

С горой Айрақты соседствует останцовая гора Шеркала, близ которой расположено древнее торжище (рис. 1, б). На его территории найдена уникальная фибула, имевшая вставку (№ 3 по каталогу). В XII-XIII вв. здесь функционировала базарная площадка, сопряжённая с остатками караван-сарая и большого водохранилища [Астафьев, Петров 2017: 102-103]. Отсюда же проис-

² В эту публикацию вкралась ошибка, и ряд находок с горы Айрақты описан в контексте расположенного неподалеку ритуального комплекса Айрақты I. Кроме того, ныне несколько уточнён состав монет, происходящих с поселения Айрақты и торжища Шеркала.

ходят хорезмийские монеты типов Б²20, Б²V/1, Б²V/3 (около начала II – III в.) и Б²13 (чуть более поздняя) [Вайнберг 1977: 54, 56, 58, 64], т. е. набора, схожего с тем, что представлен хорезмийскими монетами с горы Айрақты [Астафьев, Богданов 2023а: 138].

Каталог фибул³ (Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

Почти все фибулы и их детали сделаны из цветных металлов (анализ не производился), кроме сохранившихся остатков оси пружины у № 9 и стойки у № 23 (см. описание ниже). Нумерация – сплошная, выделена жирным курсивом, соответствует номерам на рисунках 4–7.

А. Сильно профилированные причерноморских типов (группа 11) и гибридные.

А.1. С бусиной на головке, без крючка для тетивы (серия II).

1. Корпус, длина 46 мм. Вероятнее, одночленная. Спинка незначительно расширена по середине (до 4 мм), в сечении близка прямоугольнику, со сглаженными гранями на внешней стороне; окаймлена уплощёнными биконическими бусинами. Кнопка биконическая.

А.2. Единичные серии II и гибридные формы.

2. Корпус, длина 32 мм. Двучленная. Спинка с расширением по середине (до 9 мм), плоская, массивная, со скошенными боками. Кнопка дисковидная, на массивном основании.

3. Корпус (длина 28 мм), часть пружины и тетива (длина 22 мм). Одночленная. Спинка почти равномерно расширена, округлая в сечении (диаметр до 3 мм). Кнопка с её основанием имеют вид усечённого конуса; на их широком (внешнем) конце/торце – гнездо для вставки.

4. Корпус, длина 59 мм. Одночленная. Спинка ромбическая (ширина 21 мм), плоская, тонкая, первоначально была согнута под углом. Кнопка дисковидная, на массивном основании.

Б. Фрагменты, не исключают принадлежность типам блока А.

5. Часть корпуса и пружины сохранились на длину 26 мм. Одночленная. Спинка, судя по аналогиям, ромбическая, хотя нельзя исключить и сглаженный абрис боков (как, напр., у № 2), плоская, тонкая.

6. Ножка и деформированная часть спинки, длина 50 мм. Спинка равномерно расширена, округлая в сечении (диаметр 1,2 мм). Кнопка асимметрично-биконическая.

В. Лучковые подвязные, проволочные одночленные (группа 15, серия I).

7. Сохранилась полностью, длина 48 мм. Тетива верхняя; подвязка приёмника охватывает почти половину спинки; ножка плоская, расширяется по мере приближения к переходу в приёмник с 4 до 5,5 мм.

Г. Двучленные прогнутые подвязные, с узкой ножкой и кольцом для удержания оси пружины (группа 16, подгруппа 3).

8. Корпус, длина 40 мм. Ленточный, без выреза для крепления приёмника, равномерно расширен (ширина до 6 мм).

9. Корпус, длина 45 мм. Ось пружины железная. Корпус ленточный, без выреза для крепления приёмника; спинка плавно расширяется от места подвязки приёмника к головке (ширина до 6 мм), ножка равномерно расширена. Бока ножки и условных площадок на слабо фасетированной спинке имеют декоративные пропилены.

10. Корпус, длина 44 мм. Ленточный, с вырезом для крепления приёмника, равномерно расширен (ширина до 5,5 мм). Фасетирован, площадки (две на спинке, одна на ножке) по бокам украшены короткими глубокими фасетками.

Д. Двучленные «воинские» (со сплошным приёмником) с узкой ножкой и кольцом для удержания оси пружины (группа 17, подгруппа 1, серия II).

11. Корпус (длина 54 мм), пружина (длина 29 мм) и часть тетивы. Корпус ленточный; спинка равномерно расширена (ширина 4,5 мм), фасетирована; ножка слабо расширяется к концу. Приёмник равен по длине ножке, образован загибом от правого бока ножки.

³ Типологические определения без ссылок даны по типологии А.К. Амброза [Амброз 1966].

Е. Двупластинчатые, небольшие, с продолговатой ножкой, расширенной посередине (группа 21, подгруппа I, вариант IBA), или дериват двучленных «воинских» (со сплошным приёмником) с ромбической ножкой (группы 17, подгруппы 3).

12. Часть ножки и дужка, длина 43 мм. Дужка полукруглая в сечении. Ножка, по-видимому, была миндалевидная (ширина 16 мм), сегментовидная в сечении; литой приёмник короткий, расположен в центре ножки близ дужки, загнут вправо.

Ж. Двупластинчатые с расширением ножки ближе к дужке (группа 21, подгруппа II). С цельным корпусом из тонкой пластины. У всех прослеживаются следы припоя на местах крепления приёмника и пружинного механизма.

13. Корпус, длина 55 мм. Головная пластина (23×19 мм) плоская. Дужка полая, дуговидно выгнутая, дуговидная в сечении. Ножка (27×21 мм) плоская, с «плечиками» у перехода к дужке; имеет максимальное расширение на расстоянии 15,5 мм от её скругленного конца.

14. Часть корпуса, длина 23 мм. Головная пластина (22×14 мм) плоская. Дужка не выгнутая, полая, дуговидная в сечении.

15. Часть корпуса, длина 26 мм. Головная пластина сохранилась наполовину (реконструируемый размер 24×14 мм), чуть выгнута (возможно, деформирована). Дужка выгнутая, полая, дуговидная в сечении.

16. Часть корпуса, длина 28 мм. Головная пластина имеет утраты углов (26×23 мм), плоская. Дужка выгнутая, полая, дуговидная в сечении.

17. Часть корпуса, длина 48 мм. Дужка полая, слабо выгнутая, дуговидная в сечении. Ножка (34×21 мм) плоская, с «плечиками» у перехода к дужке; имеет максимальное расширение на расстоянии 23 мм от её скругленного конца.

18. Часть корпуса, длина 34 мм. Дужка полая, слабо выгнутая, дуговидная в сечении. Ножка (31×21 мм) плоская, с «плечиками» у перехода к дужке; имеет максимальное расширение на расстоянии 24 мм от её скругленного конца.

19. Часть ножки, длина 25 мм. Плоская, ширина 15 мм; имеет максимальное расширение на расстоянии 21 мм от её скругленного конца.

20. Часть ножки, длина 28 мм. Плоскости слегка понижаются к бокам от вертикального ребра, выделенного полым валиком, ширина 21 мм; имеет максимальное расширение на расстоянии 18 мм от её скругленного конца.

З. Детали пружинящих механизмов и их крепления.

21. Пружина с тетивой и иглой (длина иглы 24,5 мм) посажены на ось (длина 33 мм), обёрнутую тонкими пластинами, соединяющую пружину с Р-образной стойкой (длина 16 мм). На концы пружины и стойки насажены кнопки.

22. Виток пружины с иглой (длина иглы 26 мм) посажены на ось (длина 10 мм), соединяющую пружину с Р-образной стойкой (длина 16 мм). С другой стороны от стойки ось зафиксирована насаженной на нее кнопкой.

23. Пружина с тетивой и иглой (длина остатка иглы 33 мм) посажены на ось (длина 46 мм), имеющую обмотку, соединяющей её концы с концами аналогичной оси. Обе оси крепятся в отверстия на небольшом расширении стойки (длина 29 мм). В отличие от других стоек, в данном случае она сделана из железа.

24. Пружина с тетивой и иглой (длина иглы 23 мм) посажены на ось (длина 28 мм), обёрнутую тонкими пластинами, соединяющую пружину со стойкой, Т-образно согнутой из отрезка металлической ленты. На концы пружины насажены кнопки.

25. Пружина с частью тетивы посажены на ось (длина 8 мм), соединяющую пружину со стойкой, Т-образно согнутой из отрезка металлической ленты.

26. Сохранившиеся виток пружины с фрагментом иглы (длина 14 мм) посажены на ось (длина 9 мм), соединяющую пружину с деформированной стойкой, согнутой из отрезка металлической ленты.

27. Часть пружины с тетивой и иглой (длина иглы 36 мм).

Анализ фибул (Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

А. Сильно профилированные причерноморских типов (группа 11) и гибридные (рис. 4, 1–4).

Фибула 1 относится к группе 11, скорее всего, к варианту 2 серии II, датированному II–III вв. [Амброз 1966: 42]; с учётом новых материалов – не ранее III в., а некоторые вариации существуют и в части IV в. [Гавритухин 2010а: 53–54]. Однако нельзя полностью исключить того, что у этой застёжки был крючок для тетивы, т. е. её принадлежность варианту 2 серии I, появившемуся во II в. и бытовавшему в 1-й пол. III в. [Амброз 1966: 40–41; Кропотов 2010: 229–231; Габуев, Малашев 2009: 134–135].

В.В. Кропотов вслед за М.П. Абрамовой пришёл к выводу, что выделение drobных вариантов для датировки рассматриваемых фибул малоперспективно [Кропотов 2010: 229–231]. Этот скептицизм представляется чрезмерным. Варианты вполне диагностичны для датировок более узких, чем для группы в целом, если опираться на грамотно построенные локальные хронологические шкалы, что демонстрируют разработки В.Ю. Малашева по материалам аланской культуры центральной части Северного Кавказа [Габуев, Малашев 2009: 134–135, рис. 137: столбцы 4, 9, 11]. Имеет пер-

Рис. 4. Фибулы: 1, 2, 6 – городище Каракабак; 3 – торжище Шеркала; 5 – поселение Айрақты; 7 – Кумыра, погребение 2. Номера соответствуют нумерации в каталоге
4-сур. Фибулалар: 1, 2, 6 – Қарақабақ қаласы; 3 – Шерқала сауда алаңы; 5 – Айрақты қонысы; 7 – Құмыра, 2-ші жерлеу орны.
Нөмірлер каталогтағы нөмірлерге сәйкес келеді

Fig. 4. Fibulae: 1, 2, 6 – Karakabak settlement; 3 – market place of Sherkala; 5 – settlement of Airakty; 7 – Kумыра, burial 2.
The numbers correspond to the numbering in the catalog

спективы и более детальная работа с признаками, по которым варианты выделяются. Практически неисследованным остается вопрос о локальных вариациях сильно профилированных фибул причерноморских серий. Выделение В.Ю. Малашевым центральнокавказской серии [Габуев, Малашев 2009: 134-135] – к сожалению, единичный пример работы в этом направлении.

Интересующий нас экземпляр имеет спинку прямоугольного сечения, не сильно расширенную посередине. Схожие по этим характеристикам экземпляры известны на Нижнем Дону, в Крыму, центральной части Северного Кавказа (напр., рис. 8, 1; [Кропотов 2010: рис. 65, 2, 8; Гавритухин 2010а: рис. 3, 14; 4, 9]). Правда, все эти экземпляры отличаются от публикуемой фибулы 1 по некоторым другим характеристикам, и точных аналогий рассматриваемой каракабакской застежке мы не нашли. Вероятно, круг аналогий для неё шире, но в какой степени это так – по доступным нам изображениям судить трудно. К сожалению, систематическая работа с важными для выделения вариаций признаками затруднена тем, что нередко фибулы публикуют без показательных сечений, в ряде случаев вызывает сомнение и точность передачи деталей изделия.

Фибула 2 характеризуется отсутствием бусин на широкой пластинчатой спинке, что в сочетании с небольшими размерами (длина 32 мм) позволяет отнести её в соответствии с недавними работами В.Ю. Малашева и З.Л. Кадзаевой к варианту 3 серии II группы 11, датируемому 2-й пол. III – IV в. [Малашев, Кадзаева 2021: 66–67]. Нижнюю хронологическую границу не ранее 2-й пол. III в. подтверждает и наличие двучленной конструкции у застёжки рассматриваемого круга [Гавритухин 2010а: 54]. Дисковидная форма кнопки тоже наиболее характерна для поздних вариаций серии II (напр., [Гавритухин 2010а: рис. 4, 10, 15, 17, 20, 24, 25; Малашев, Кадзаева 2021: рис. 1, 12; 2, 1, 2, 11; 3, 4, 9; 4, 1, 8; 5, 2; 6, 1, 3]).

Для фибул варианта 3 (по Малашеву и Кадзаевой) широкая спинка необычна. Однако у поздних вариаций/дериватов сильно профилированных фибул эта характеристика в разном исполнении встречается (какие из них относить к варианту 3 – особый вопрос, здесь не важный). Известные нам показательные экземпляры таких изделий связаны с Северной Осетией [Гавритухин 2010а: рис. 4, 2–5]. Однако область их прототипов намного шире. К ним можно отнести некоторые вариации (напр., рис. 8, 2) формы 7 «гибридных» фибул (по В.В. Кропотову), представленной от лесостепного Поднепровья и Крыма до Нижнего Дона, Адыгеи, Северной Осетии, но нигде не образующих область концентрации находок [Кропотов 2010: 250, 254, 256]. Нельзя сбрасывать со счетов и сильно профилированные фибулы серии I (с крючком для тетивы), в которой варианты с расширенной спинкой известны многими десятками (если не сотнями) находок. Правда, на этом фоне необычно то, что широкая пластинчатая спинка у рассматриваемой фибулы при небольших размерах весьма массивная.

Отметим и стойку для крепления оси пружины, имеющую уступчик при переходе к спинке, что необычно для двучленных фибул рассматриваемой серии. Прототип такого уступчика можно найти у сильно профилированных фибул западных типов, где он является дериватом крючка для фиксации верхней тетивы (напр.: [Амброз 1966: табл. 7, 12, 13]). У фибулы 2 уступчик, конечно, не мог фиксировать тетиву, но вполне может рассматриваться в качестве рудимента такой конструкции. Правда, остаются не ясными опосредующие звенья предполагаемой эволюции от уступчиков у упомянутых фибул западных типов к рассматриваемой детали фибулы 2. В этой связи отметим находку из могильника Алтынасар 4л джетыасарской культуры (рис. 8, 3). У неё стойка имеет два уступчика, каждый из которых мог удерживать тетиву пружины, но они могли быть и рудиментом такой конструкции, если эта фибула имела нижнюю тетиву, которая не сохранилась (см. об этой фибуле и ниже, в связи с анализом фибулы 4).

К деталям редких форм относится и приёмник. Он имеет прямые (не прогнутые) параллельные друг другу бока, а загиб приёмника образовывал с иглой тупой угол. Среди близких аналогий – находка из Кумбулты (рис. 8, 1), упомянутая при рассмотрении фибулы 1 в связи с близким прямоугольнику (здесь – подквадратным) сечением спинки.

Фибула 3, как и фибула 2, может быть отнесена к варианту 3 серии II группы 11, тоже выделяясь на общем фоне некоторыми деталями. Для начала отметим редкую форму приёмника, что

уже обсуждалось в связи с фибулой 2. Необычно наличие у длинной пружины верхней тетивы при отсутствии крючка (ср. фибулы серии I группы 11) или другого способа её фиксации.

Главное же – кнопка на ножке, которая вместе с её основанием имеют вид усечённого конуса с гнездом для вставки на широком внешнем торце. Фибулы серии II группы 11 с ножкой, украшенной вставкой известны, хоть и редки. Укажем на многократно обсуждавшуюся находку из кургана у с. Большая Дмитриевка в степном Поволжье и экземпляр из Левоподкумского могильника в Кисловодской котловине на Северном Кавказе [Гавритухин 2010а: рис. 4, 19; Малашев, Кадзаева 2021: рис. 1, 2; 4, 11]. Однако в этих случаях мы имеем дело с накладными вставками, аналогии чему хоть и не часто, но встречаются у фибул других групп. Вставка же в гнездо, углубленное в корпус (как у фибулы 3), нередко встречается у перстней, иногда и у изделий других категорий, но фибулам чуждо. По-видимому, перед нами пример индивидуального творчества или пока неизвестной вариации, т. е. особой мастерской, а может быть и традиции. Дату фибулы ориентировочно можно определить в пределах III–IV вв., что, конечно же, требует уточнения и, вероятно, корректировки.

Среди находок с торжища близ горы Шеркала с публикуемой фибулой вполне соотносим набор монет, указывающий на дату фибулы скорее в рамках III в., а также позволяющий синхронизировать этот период на памятнике с ранними горизонтами Айракты и Каракабака (см. выше, введение, и ниже, о фибуле 5). Если это подтвердится при более детальном исследовании вышеуказанных памятников, то верхнюю дату фибулы можно ограничить временем, не позднее начала IV в.

Фибула 4 имеет довольно широкую ромбическую спинку, как у некоторых фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника (группы 13) варианта 8 («поволжско-сарматского», с коленчато изогнутой спинкой), интересующая нас разновидность которого (с ромбическим очертанием спинки) рассматривалась как прототип варианта 9, характерного для мазунинской культуры Прикамья [Амброз 1966: 46].

Такие фибулы А.К. Амброз датировал концом III – началом IV в., с чем согласился А.С. Скрипкин, продлив время их бытования на весь IV в. [Скрипкин 1977: 115, 116]. Однако по наблюдениям М.Г. Мошковой, уточнёнными разработками В.Ю. Малашева, фибулы варианта 8 появляются уже в 1-й пол. III в., а их поздняя разновидность с ромбической спинкой, согласно В.Ю. Малашеву, может датироваться сер. – 2-й пол. III в. [Малашев, Яблонский 2008: 60–63, рис. 210, 12; 211, 12]. Здесь следует иметь в виду то, что эти выводы получены главным образом по позднесарматским могильникам южноуральского региона, где не было известно комплексов IV в. Это оставляет открытым вопрос о верхней хронологической границе фибул с ромбической спинкой.

Пять находок фибул с ромбической спинкой в мазунинских могильниках, учтённые Т.М. Сабировой [Сабирова 2019: рис. 35, 4, № 20, 21, 62, 307, 316], к сожалению, не снимают вопроса о датировке из-за недостатка надёжных хронологических индикаторов в важных для нашей темы комплексах. Фибула этого варианта известна и в джетыясарской культуре низовий р. Сырдарьи. К сожалению, она опубликована без комплекса [Левина 1996: рис. 139, 3], но выразительных хронологических индикаторов, более ранних, чем IV в., среди сотен находок в джетыясарских могильниках не представлено.

Важно отметить, что интересующий нас образец из городища Каракабак, в отличие от фибул с ромбической спинкой группы 13, о дате которых шла речь, имеет на конце приёмника не завиток, а кнопку, причём прямые бока его приёмника напоминают рассмотренные выше фибулы 3 и 2. С фибулой 2 его сближает также форма кнопки в сочетании с пластинчатой спинкой, расширенной в средней части.

Обращает на себя внимание уже упомянутая джетыясарская застёжка с ромбической спинкой (рис. 8, 3). Конец её ножки напоминает кнопку, но он тонкий, т. е. здесь мог быть завиток, как у фибул группы 13, но утраченный (ещё в древности или при раскопках – по публикации не понятно). Утрата завитка в древности – не редкость, т. е. подобный случай вполне мог быть образцом, исходя из которого мастер закончил ножку фибулы не крючком, а кнопкой. У вышеописанной джетыясарской фибулы отметим и широкую ножку, сливающуюся с ромбической спинкой, также, как у фибул 2 и 4 из Каракабака; сближает её с фибулой 2 и стойка для крепления оси пружины, имеющая

уступчик (см. подробнее при анализе фибулы 2). Находок слишком мало, чтобы решить вопрос: карабабские фибулы в данном случае повлияли на джетыясарскую или наоборот, или у тех и у других был общий (пока не известный) прототип? Возможно, новые находки позволят выделить локальную серию, включающую эти пока единичные вариации.

Исходя же строго из имеющегося материала, сказанное позволяет рассматривать фибулу 4 как гибрид групп 11 и 13, причём изготовленный, скорее всего, мастерами городища Каракабак. Его можно отнести как ко 2-й пол. III в., так и части (не ясно, насколько ранней) IV в.

Б. Фрагменты, не исключаяющие принадлежность типам блока А (рис. 4, 5, 6).

Фибула 5 сохранилась менее, чем наполовину, а доступная нам её часть имеет характеристики, сопоставимые с фибулой № 4. Однако нельзя сказать, имела ли она ножку, такую же, как фибула № 4, что позволило бы отнести её к предполагаемой продукции Каракабака, или же завиток на конце сплошного приёмника, показательный для фибул группы 13 с ромбической спинкой, известных от степей Поволжья до юга камских лесов и низовий р. Сырдарьи (см. публикации при рассмотрении фибулы № 4).

Строго говоря, для этого фрагмента нельзя исключить и другие типологические реконструкции. Тем не менее, ничто не указывает на то, что его дата отличается от предложенной для фибулы № 4 и её аналогий из группы 13, т. е. в пределах сер. / 2-й пол. III в. – части (не ясно, насколько ранней) IV в.

Находки на горе Айракты, откуда происходит рассматриваемая фибула, не позволяют уточнить её дату. Здесь представлены монеты конца I – IV в. (см. выше, введение) и керамика, аналогии которой есть в раннем периоде экономической активности на поселении Каракабак [Астафьев, Богданов 2023а: 138], т. е. 2-й пол. II / 1-й пол. III – начала IV в. (см. введение).

Фибула 6 имеет коническую кнопку на конце сплошного приёмника, что в сочетании с гладким корпусом показательны для групп 12 (пружинные, с гладким корпусом и кнопкой на конце сплошного приёмника) и 11 (сильно профилированные причерноморских типов). Однако для вариантов группы 12 показательна ленточная, реже выпуклая или сужающаяся к ножке спинка. Спинка округлого сечения – не редкость для группы 11, но если она узкая и/или длинная, то сочетается с бусинами на корпусе (в рамках серии I или вариантов 1 и 2 серии II), а если спинка не имеет бусин, то она небольших размеров и массивная (напр., как фибула 3 и ряд других вариантов 3 серии II).

Отметим и то, что фибула 6 явно деформирована. Если попробовать её реконструировать, добавляя от места слома на спинке пружинящий аппарат, то получится экземпляр, весьма странный по пропорциям. Однако можно предположить, что часть её «спинки», противоположная приёмнику, могла предназначаться для изготовления пружинящего аппарата, как у ряда полуфабрикатов, отмеченных А.К. Амброзом по находкам в Танаисе (рис. 8, 4, 5; [Амброз 1969: 257, 258, табл. VII, 1–3]).

По-видимому, фибулу 6 следует отнести к, вероятно, местной вариации группы 11 или единичным гибридным формам. Дата её может варьировать широко, но в данном случае в пределах раннего этапа экономической активности на Каракабаке (см. выше, введение), т. е. 2-й пол. II / 1-й пол. III – начала IV в.

В. Лучковые подвязные, проволочные одночленные (группа 15, серия I) (рис. 4, 7).

Фибула 7 относится по классификации А.К. Амброза к варианту 4, датированному 2-й пол. II в., с заходом в начало III в. [Амброз 1966: 50]. В большинстве более поздних исследований (см. обзор [Гавритухин 2022б]) такие фибулы соотносят с ранней частью позднесарматского времени (сер./2-я пол. II – 1-я пол. III в.), хотя и отмечается, что профилировка, характерная для варианта 4 (с дужкой, круто спускающейся к пружине), не всегда отличима от той, что может быть показателем появившегося раньше варианта 3 (с дужкой, полого спускающейся к пружине). Часть исследователей считает, что вариант 4 не сменяется вариантом 5 (у него часть дужки близ пружины имеет прогиб и может как бы нависать над пружинной), а они практически одновременно выходят из употребления в сер. III в. И.О. Гавритухиным был проделан анализ фибул этого типа по весьма представительной выборке находок из могильника Фронтное 3 в Крыму, даты которых подтверждаются планиграфическим анализом. Оказалось, что фибулы небольших размеров, с профилиров-

кой, близкой вариантам как 3, так и 4, появляются не позднее 1-й пол. II в. (зоны/горизонты ФЛ-2 и ФЛ-3), хотя «несомненный» вариант 4, как и вариант 5, характерны для фибул зоны ФЛ-4, т. е. 2-й пол. (конца?) II – сер./3-й четв. III в. [Гавритухин 2022а: 23, 24, 32–34, рис. 1, 2–5, 7, 8; 5, 1-1-Б, 1-1-В, 1-1-Г, 1-1-Д, 1-1-Е, 1-2-Б).

Для датировки могилы 2 из могильника Кумыра, где найдена рассматриваемая фибула, показательна и 14-гранная бусина, нанизанная на бронзовую проволоку, переходящую в спиральные пронизы (рис. 3, 9). В позднесарматской культуре Южного Приуралья, согласно разработкам В.Ю. Малашева, сочетание таких пронизей с лучковыми фибулами вариантов 4 или 5 показательна для хронологической группы 2, датированной 1-й пол. – сер. III в. [Малашев, Яблонский 2008: 60–62, 64, рис. 210, 211]. По его же хронологической схеме ранней части культуры алан Северного Кавказа аналогичные пронизы отнесены к индикаторам группы 4 (сер. – 2-я пол. III в.), а лучковые фибулы варианта 4 – к группам 3 (конец II – 1-я пол. III в.) и, единично, 2 (сер. II – нач. III в.) [Габуев, Малашев 2009: 132, 133, 135, 137, рис. 137]. Здесь следует иметь в виду, что отнесение в таблице сериации [Габуев, Малашев 2009: рис. 137] пронизей (признак/колонка 15) к группе 4 весьма произвольно. Они зафиксированы только два раза и сочетаются в учтённых комплексах с признаками 11 и 12, которые неоднократно встречены и в группе 3, а вот с признаками 14, 16 и 17, специфичными только для группы 4, не сочетаются. Да и в тексте В.Ю. Малашев пишет, что выборка таких пронизей на Кавказе очень мала, а, в целом, датируются они в пределах всего III в. [Габуев, Малашев 2009: 137], т. е. могут быть индикатором как группы 3, так и 4 (см. также [Малашев, Кадзаева 2021: 64]). Таким образом, дата могилы 2 из Кумыры по восточноевропейским шкалам может быть определена в пределах 1-й пол. – сер. III в.

Другие фибулы этого же варианта могут иметь более раннюю нижнюю хронологическую границу (2-я пол. II в.), а вариации с профилировкой, переходной от варианта 3 к варианту 4, появились в 1-й пол. II в. Отметим и то, что верхнюю хронологическую границу одночленных лучковых проволоочных фибул с треугольной ножкой вариантов 3, 4 и 5 в Европе определяет их смена двучленными лучковыми застёжками или одночленными с прямоугольной ножкой. Однако таковые в Азии пока не найдены, возможно, «классические» лучковые одночленные фибулы бытовали здесь несколько дольше, чем в Европе. Впрочем, прямых доказательств этому нет.

Г. Двучленные прогнутые подвязные, с узкой ножкой и широким кольцом для удержания оси пружины (группа 16, подгруппа 3) (рис. 5, 8–10).

Фибула 8, как и экземпляры подгруппы 16-3 с Каракабака, опубликованные нами в 2019 г. под № 5 и 6, имеют ленточный равномерно расширенный, как правило, гладкий (иногда – скупко фасетированный) корпус, что и послужило основанием для выделения их в серию/блок серий I, в отличие от застёжек других серий этой же подгруппы. Напомним, что они имеют ближайšie аналогии на Северном Кавказе, хотя известны до Боспора, Окско-Камского региона, Закавказья, и датируются от 2-й (вероятнее, 3-й) четв. IV и до, по крайней мере, VI в. [Гавритухин 2015: 217–221, 234–240; Гавритухин и др. 2019: 177–179]. По наблюдениям В.Ю. Малашева, их находки из датированных комплексов центральных и восточных районов Северного Кавказа принадлежат к гуннскому времени, т. е. последней четверти IV – сер. V в. [Малашев и др. 2015: 89; Малашев, Кадзаева 2021: 63]. Из новых данных укажем находку в Юго-Западном Крыму, относящуюся к поздней части позднеримского времени [Свиридов, Язиков 2023: рис. 155, б], что не уточняет датировку, но несколько расширяет ареал фибул серии I.

Фибула 9 имеет спинку, плавно расширяющуюся от места подвязки приёмника к головке, т. е. относится к блоку серий II, появившемуся одновременно с блоком серий I или несколько позже, и бытовавшему, как минимум, до сер. VI в. [Гавритухин 2015: 219]⁴. В рамках серии II, с учётом ор-

⁴ Указанный тогда пример бытования таких фибул в VII в. (катакомба 25 в Чми) – не совсем точен, т. к. найденная там фибула имеет шарнирную конструкцию. Однако по другим параметрам она полностью соответствует рассматривавшимся застёжкам, да и крепление оси пружины широким кольцом продолжало использоваться до времени бытования салтовской культуры.

наментации короткими пропилами/врезками по бокам корпуса, фибуле 9 можно указать аналоги на Северном Кавказе и в Верхнем Подонье (единично – на Боспоре), где такая орнаментация, судя по всему, отражает северокавказские влияния (напр., рис. 8, б; [Гавритухин 2015: 219, 220, рис. 229, 4–9, 11; 2010б: 52, рис. 14, 7; 17, 1–3, 10, 17, 48]). При рассмотрении упомянутых донских находок было отмечено, что они не идентичны кавказским на уровне «узкого варианта», и это можно рассматривать как свидетельство местного производства по привозным образцам. То же самое можно сказать и о публикуемой фибуле 9.

Фибула 10 обильно фасетирована в стилях, обычных для фибул черняховского круга, что позволяет отнести её к блоку вариантов III, неплохо представленному в конце IV – V в. как на Нижнем,

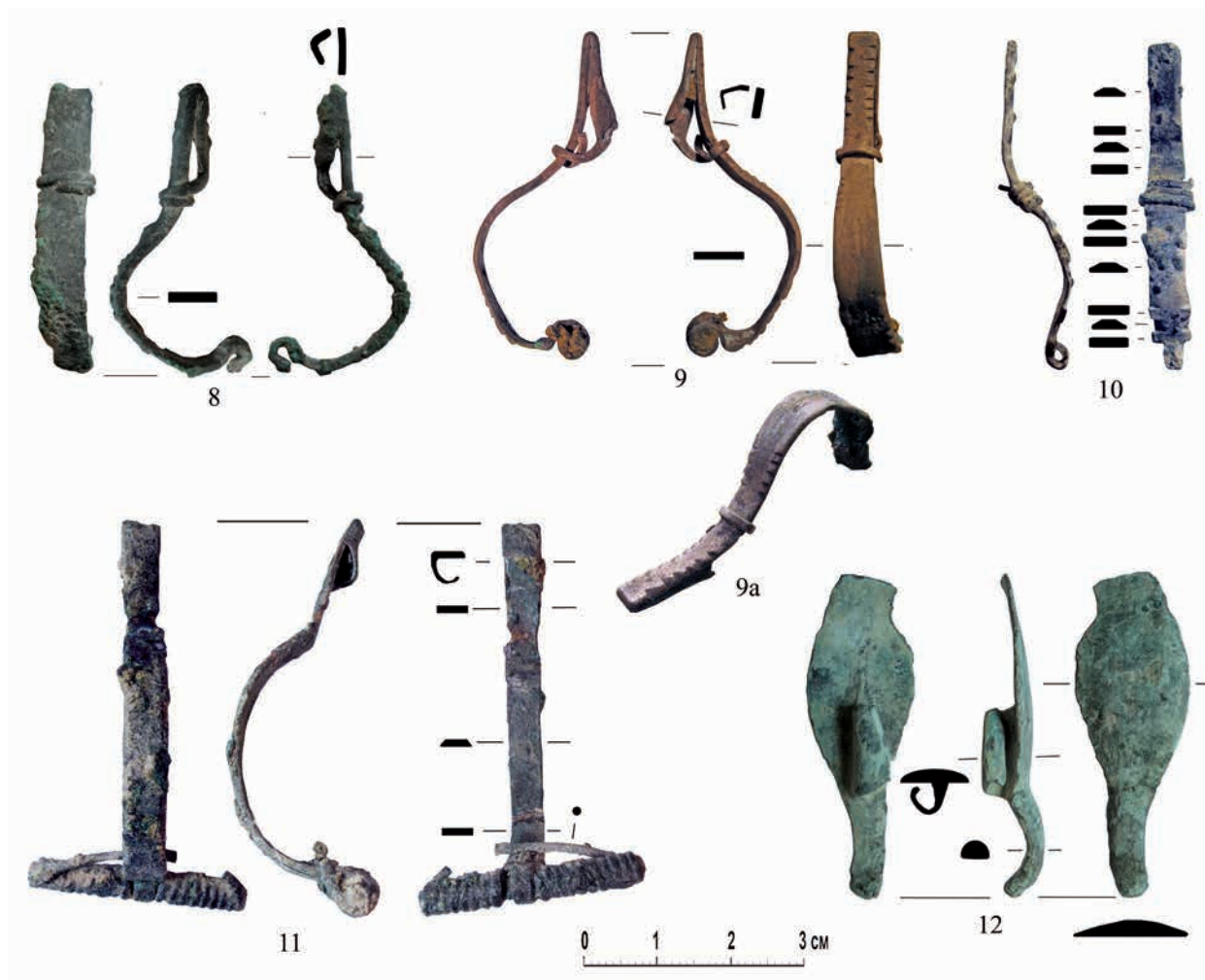

Рис. 5. Фибулы. Городище Каракабак.
Номера соответствуют нумерации в каталоге
5-сур. Фибулалар. Қарақабақ қаласы.
Нөмірлер каталогтағы нөмірлерге сәйкес келеді

Fig. 5. Fibulae. Karakabak Settlement.
The numbers correspond to the numbering in the catalog

так и на Верхнем Дону, а также с III в. в Подунавье [Гавритухин 2015: 220, 221]. При рассмотрении соотношения этих массивов было отмечено, что предположению об избирательных дунайских влияниях далеко на восток предпочтительнее другая реконструкция. Такие фибулы на Дону вполне могли возникнуть самостоятельно как комбинация хорошо известных в этом регионе обычных фибул черняховского круга (с аналогичным корпусом, но узкой стойкой для крепления оси приёмника) и фибул с широким кольцом для крепления оси пружины. Недавняя находка такой фибулы в Юго-Западном Крыму, датируемая около конца IV в. [Свиридов, Язиков 2024: рис. 183, 15], может рассматриваться как аргумент в пользу дунайско-донских контактов, но не исключает связи либо только с дунайским, либо только с донским (особенно с Танаисом в устье р. Дон) регионом.

Фибулу 10 совсем не обязательно считать привозной из зон, где она имеет аналогий больше, чем в других регионах, т. е. с Дона или м. б. через Крым из Подунавья. Компоненты, на основе которых могли сложиться фибулы блока вариантов III, отмеченные для Дона, присутствуют также на Северном Кавказе и в Прикамье, где тоже существовали местные школы изготовления фибул⁵. В них вполне могли делать застёжки, аналогичные фибуле 10, как единичные модификации, хоть и не получившие здесь широкого распространения. Вывозиться же могла не только массовая продукция, но и единичные изделия, а, как неоднократно отмечалось, связи Каракабака с Северным Кавказом были весьма интенсивными, не исключены они и с Прикамьем через степь.

Наконец, ещё раз отметим «странную» находку из городища Каракабак [Гавритухин и др. 2019: рис. 2, 7, с. 174-175, 179-180] – единичную (вероятно, местную) имитацию фибулы с узкой стойкой для крепления оси приёмника и корпусом с площадками, украшенными короткими фасетками (как и фибула 10), т. е. элементами, обычными для фибул черняховского круга. Таким образом, с учётом прогнутых фибул с кольцом для крепления оси пружины серий I и II (см. о фибулах 8 и 9), мы имеем на Каракабаке все элементы, на основе которых могли сложиться интересующие нас застёжки блока серий III подгруппы 16-3, представленного фибулой 10. Все же, для однозначного решения вопроса о месте изготовления этой фибулы материала недостаточно.

Д. Двучленные «воинские» (со сплошным приёмником) с узкой ножкой и кольцом для удержания оси пружины (группа 17, подгруппа 1, серия II) (рис. 5, 11).

Фибула 11 имеет корпус, аналогичный многим застёжкам черняховской традиции, для которой не раз отмечалось сходство в оформлении корпуса у фибул с подвязным и со сплошным приёмником. Отличие фибул этого круга от рассматриваемой – в схеме крепления оси пружины, т. е. мы имеем дело с сочетанием элементов таким же, как у только что рассмотренной фибулы 10. Это позволяет предложить для фибулы 11 аналогичную дату (скорее всего, конец IV – V в.) и рассматривать её как редкую вариацию, которая может быть связанной с весьма обширным кругом культур (ближайшая из них – аланская Северного Кавказа), лишь теоретически не исключая и производство на городище Каракабак.

Е. Двупластинчатые, небольшие, с продолговатой ножкой, расширенной посередине (группа 21, подгруппа I, вариант БА), или двучленные «воинские» (со сплошным приёмником) с ромбической ножкой (группа 17, подгруппа 3) (рис. 5, 12).

Фибула 12 дошла до нас с утраченными головкой и пружинящим аппаратом. Судя по ножке и спинке, она могла принадлежать одной из подгрупп двух разных групп.

Если она имела полукруглую головную пластину, то относится к вариациям двупластинчатых фибул длиной 7–9 см, с узкой ножкой, расширенной около её середины⁶, представленным в гуннское

⁵ Об этом свидетельствует многочисленность в этих регионах фибул, имеющих местное своеобразие (см. хотя бы ряд примеров, приведённых в связи с нашим анализом фибул Каракабака, а также упомянутую при этом литературу). Правда, здесь пока не открыто мастерских, где фибулы изготавливались. У алан Северного Кавказа, скорее всего, они связаны с мощными центрами раннегородского характера [Arzhantseva et al. 2000; Габуев, Малашев 2009: 161-162], исследованными пока, к сожалению, небольшими раскопами.

⁶ Уместные для таких фибул аналогии по схеме пружинящего механизма и форме стойки для его крепления, к сожалению, не возможны, т. к. эти детали у фибулы 12 не сохранились.

время (4-я четверть IV – 1-я пол./сер. V в.) в Крыму (более всего), причерноморской и южнобужско-днепровской зонах черняховской культуры, связанном с ним Танаисе в низовьях Дона, Подунавье, до Северной Италии на западе (рис. 8, 9, 10; [Gavritukhin 2003: fig. 8, 1, 4, 13, 14, 24, 29; 9, 7; 10, 21, 22, 25, 29; 11, 8, 9, 15–17; 13, 1–3, 5; 15, 13–21]).

Из этой картины нельзя исключать и более восточные регионы. Двупластинчатые фибулы, зародившиеся в черняховской культуре, известны на Оке, в гуннское время на северо-востоке они достигали Южного Приуралья, напр., поздние вариации, найденные в г. Уфе [Gavritukhin 2003: fig. 7, 10, 11). Не единичны они на Кавказе, в т. ч., судя по местным переработкам (см. ниже, о фибулах 13–20), интересующих нас или близких им вариаций [Gavritukhin 2003: fig. 14, 1, 2, 17; Гавритухин и др. 2019: рис. 6, 15, 33]. Наконец, отметим находку из мог. Томпакасар в джетыасарской культуре низовий Сырдарьи (рис. 8, 8), с узкой ножкой, отличающейся от сохранившегося фрагмента фибулы 12 лишь местом наибольшего расширения.

Если же фибула 12 головной пластины не имела, то она относится к поздним вариациям застёжек с ромбической ножкой и коротким сплошным приёмником, обычно имеющим узкую стойку для крепления оси пружины. Такие фибулы выделены в тип Киев – Тайманово, причём ближайшие соответствия фибуле 12 можно найти у вариаций, датированных гуннским временем или не исключаяющим этого (рис. 8, 7; [Гавритухин 2007: 21, рис. 11, 7, 17–20, 24–26]). Судя по выборке в статье И.О. Гавритухина, более всего таких фибул известно с черняховских памятников Поднепровья, не чужды они и юго-западной (карпато-дунайской) части этой культуры, встречаются на юге лесного Поднепровья в киевской культуре, зафиксированы и на Северном Кавказе. Недавно такие застёжки стали известны в Окско-Донском регионе⁷⁷, где, как и в киевской культуре, черняховские влияния прослеживаются не только по этим находкам.

Как мы видим, при любой атрибуции фибулу 12 следует рассматривать в контексте черняховских влияний на восток в гуннское время. Едва ли оно было в Каракабаке прямым, скорее всего – опосредованным, как элемент многокомпонентных интеррегиональных стилей гуннской эпохи. Учитывая, что кочевники эпохи Великого переселения народов фибул не носили, этот элемент убора мог попасть в далёкие края через «взятых со стороны» некоторых жён степняков (напр., у гуннов жёны германского происхождения известны по письменным источникам) или через контакты оседлого населения, включенного в зону распространения «моды» гуннской эпохи, что так или иначе связано с номадами. В последнем случае, наиболее вероятно северокавказское происхождение фибулы 12.

Ж. Двупластинчатые с расширением ножки ближе к дужке (группа 21, подгруппа II), с цельным корпусом из тонкой пластины, к которому крепились сделанные отдельно приёмник и стойка пружинного механизма (рис. 6, 13–20).

Фибулы 13–20 по форме пластин, профилировке дужки и другим параметрам не выходят за спектры варьирования этих деталей у опубликованных ранее находок с Каракабака [Гавритухин и др. 2019: рис. 3; 4, 13–15]. Это позволяет распространить на них полученные нами ранее выводы: датировку в рамках сер. V – 1-й пол. VI в., наибольшую близость набору с Северного Кавказа, несколько меньшую – набору из Южного Приуралья, что может быть объяснено как контактами, так и наличием общих кавказских прототипов [Гавритухин и др. 2019: 180–182]. В тех случаях, когда находки с городища Каракабак имеют археологический контекст (см. во введении), они подтверждают указанную дату, но не уточняют её.

Фибулы 13–20 представлены одним корпусом, сохранившимся полностью, и семью крупными фрагментами не менее, чем от ещё 5 экз., если предположить, что некоторые фрагменты могли принадлежать одной и той же фибуле (напр., фибулы 14 или 15 и 19 или 20; 16 и 17 или 18). Учитывая опубликованные ранее 8 экз. (часть из них – фрагменты, но явно от разных фибул), получаем не менее 14 фибул, представленных корпусами или их фрагментами. Скорее, таких фибул мы имеем

⁷⁷ Не опубликованы, работа о них готовится И.О. Гавритухиным.

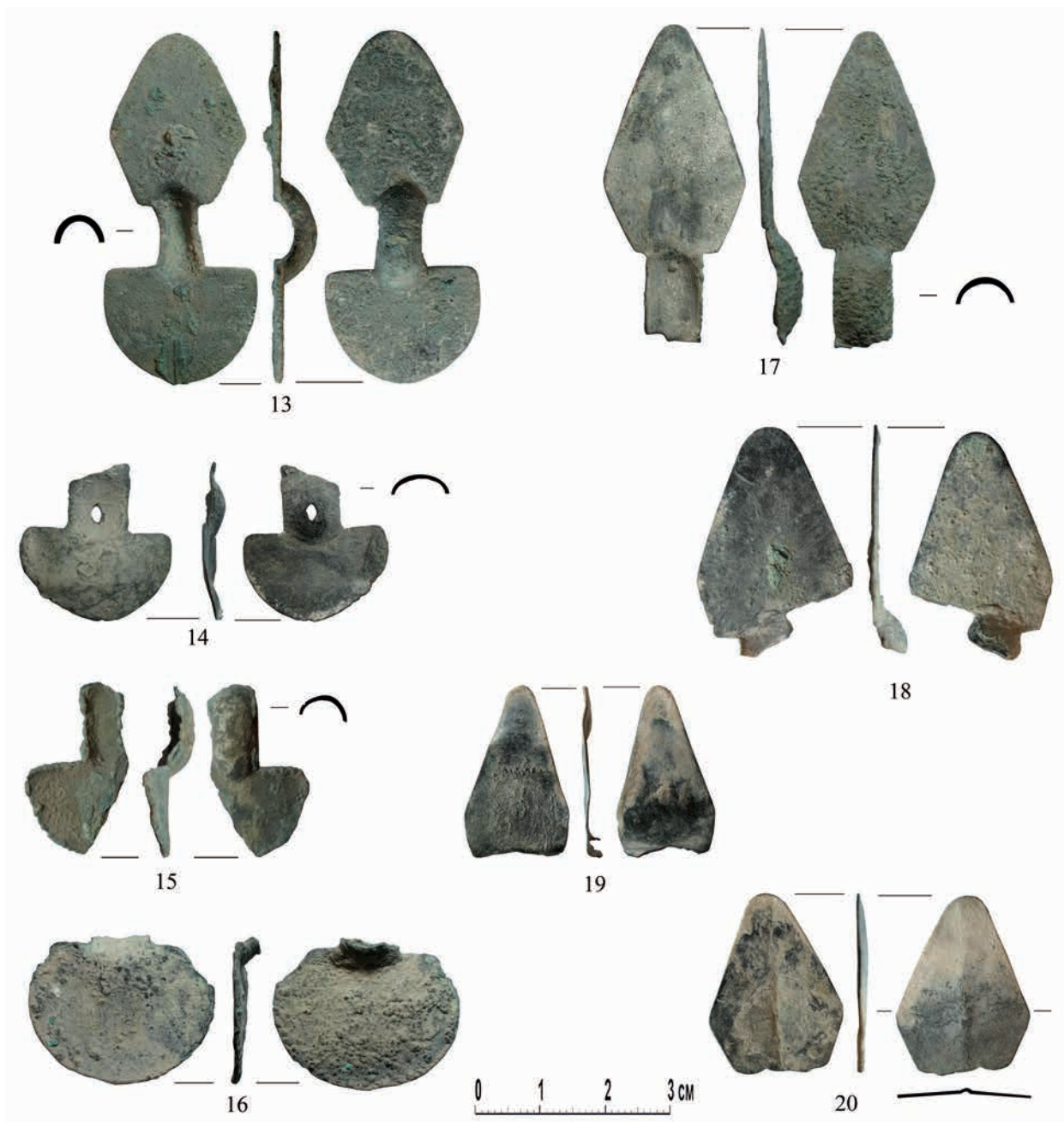

Рис. 6. Фибулы. Городище Каракабак.
Номера соответствуют нумерации в каталоге
6-сур. Фибулалар. Қарақабак қаласы.
Нөмірлер каталогтағы нөмірлерге сәйкес келеді
Fig. 6. Fibulae. Karakabak Settlement.
The numbers correspond to the numbering in the catalog

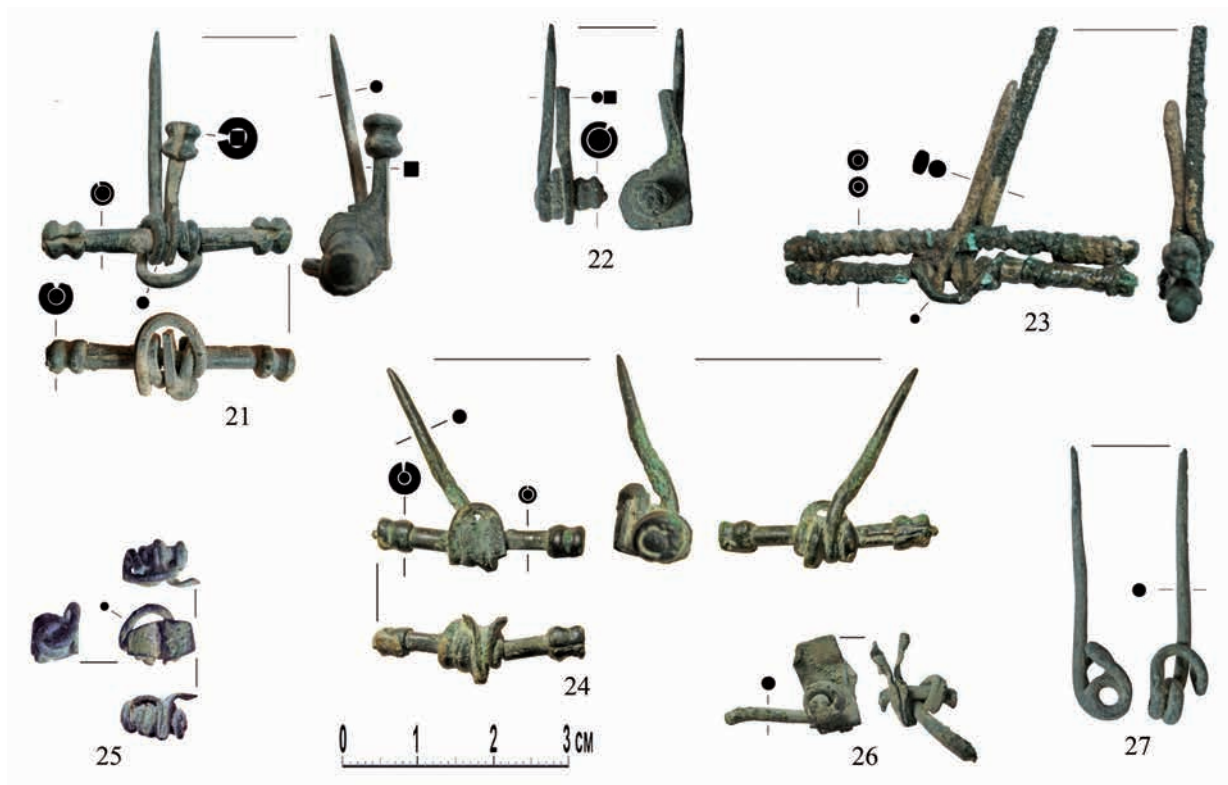

Рис. 7. Фибулы. Городище Каракабак. Номера соответствуют нумерации в каталоге 7-сур. Фибулалар. Қарақабақ қаласы. Нөмірлер каталогтағы нөмірлерге сәйкес келеді
Fig. 7. Fibulae. Karakabak Settlement. The numbers correspond to the numbering in the catalog

заметно больше, ведь, наверное, далеко не все 11 деталей пружинящих механизмов таких фибул, найденные на Каракабаке (фибулы 21–26 каталога и см. [Гавритухин и др. 2019: рис. 4, 16–20]) относятся к тем же изделиям, что и указанные корпуса. В итоге, даже при подсчёте по минимуму (явно заниженному), следует признать очень важный факт: коллекция двухпластинчатых фибул с цельным корпусом из тонкой пластины, полученная на городище Каракабак, ныне – крупнейшая из происходящих с одного памятника.

3. Детали пружинящих механизмов и их крепления (рис. 7, 21–27).

Фибулы 21 и 22 представлены Р-образной стойкой для крепления оси пружины, которую можно соотнести только с двухпластинчатыми фибулами, имеющими цельный корпус из тонкой пластины (как фибулы 13–20). Аналогичные детали известны на Каракабаке по ещё трём находкам, опубликованным в 2019 г., а сделанный тогда вывод, что они своеобразны на фоне стоек той же схемы с других территорий и могут рассматриваться как показатель местного производства [Гавритухин и др. 2019: рис. 4, 18–20, с. 175, 183] – остаётся в силе. То есть сейчас можно говорить, что не менее пяти двухпластинчатых фибул из городища Каракабак принадлежат местной серии. Ранее мы писали, что речь может идти и о местном ремонте, а не обязательно о производстве. Теперь, когда таких стоек известно уже пять, такая осторожность представляется чрезмерной.

Фибула 23 представлена очень длинной (46 мм) стойкой в виде стержня с небольшим возвышением в месте крепления двух осей пружины. Нам известна лишь одна аналогия такой стойке у изделий того же круга, что фибулы 13–20, – у застёжки из могильника джетыясарской культуры Алтынасар 4 (рис. 8, 12). Отметим в этой культуре и находки, по которым видны этапы эволю-

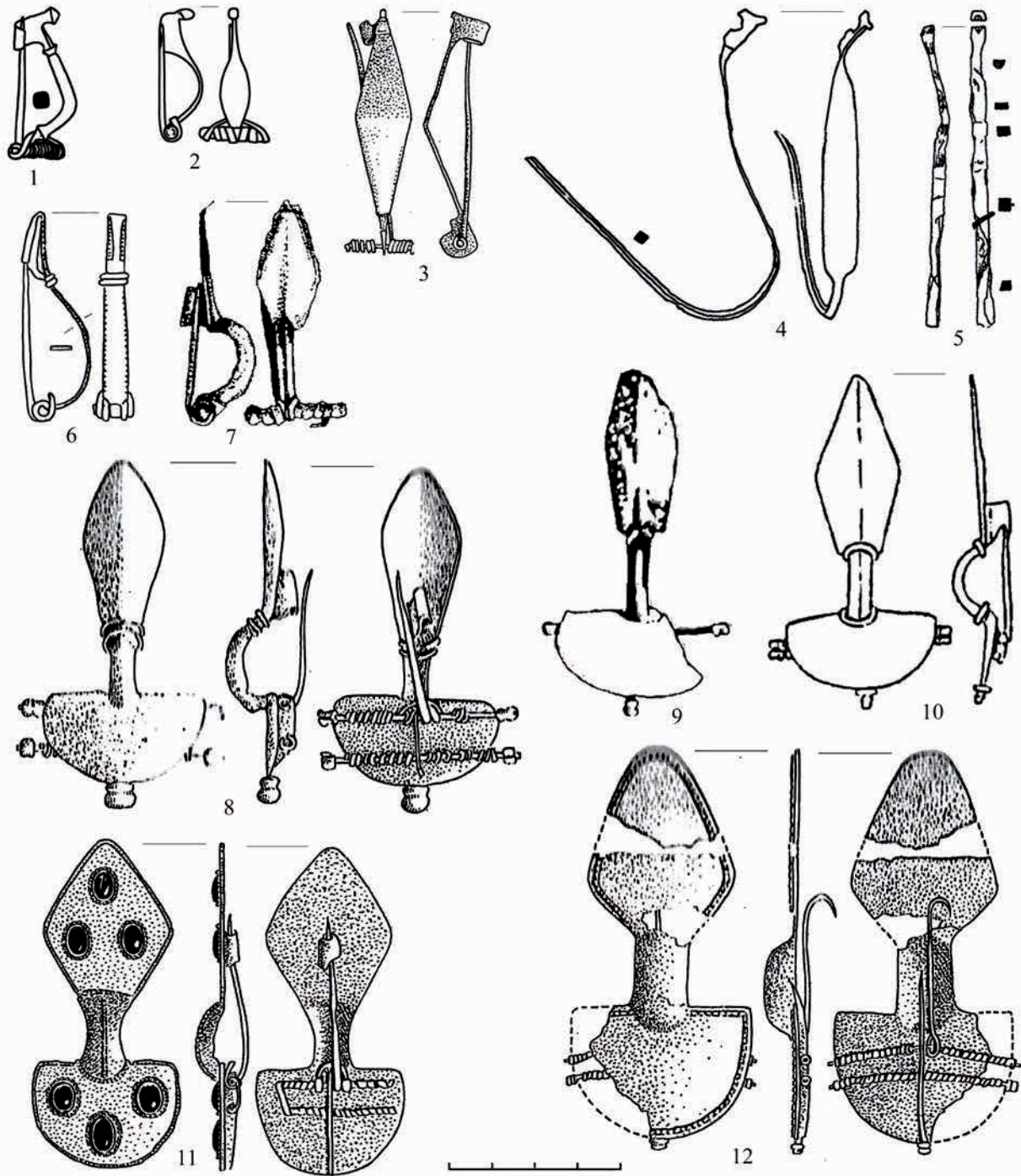

Рис. 8. Аналогии фибулам из Алтынказанского микрорайона: 1 – Кумбулта; 2 – Новоалександровка I, кург. 20; 3, 11, 12 – Алтынасар (3 – 4л, кург. № 247, мог. 2; 11 – 4, кург. № 236; 12 – 4, кург. № 93); 4, 5 – Танаис; 6 – Дюрсо, мог. 483; 7 – Филиппова; 8 – Томпекасар, мог. 27; 9 – Керчь; 10 – Курники, мог. 26. 1 – по: [Гавритухин 2010а: рис. 3, 14]; 2 – по: [Кропотов 2010: рис. 71, 3]; 3, 8, 11, 12 – по: [Левина 1996: рис. 139, 4; 140, 10–12]; 4, 5 – по: [Амброз 1969: табл. VII, 1, 2]; 6 – по: [Гавритухин 2010б: рис. 14, 7]; 7 – по: [Гавритухин 2007: рис. 11, 17]; 9, 10 – по: [Gavritukhin 2003: fig. 8, 14; 11, 9]

ции стойки для двух осей пружины, приведшие к формированию рассматриваемой формы, причём среди них и черняховская двупластинчатая фибула, которая упоминалась при анализе фибулы 12. Эта фибула (рис. 8, 8) или её аналоги могли быть в начале вероятного типологического ряда. Эволюция шла в направлении увеличения длины и уменьшения высоты стойки (рис. 8, 11), завершаясь интересующими нас вариациями (рис. 7, 23; 8, 12).

Двупластинчатые фибулы с пружиной на двух осях появились в черняховской культуре и получили широкое распространение в эпоху Великого переселения народов. Однако ближайшая к Мангышлаку зона, где они хорошо представлены, если не считать джетысарскую культуру, – западные районы Кавказа. Даже если предполагать неоднократные заимствования с запада в Приаралье, следует признать своеобразие (наверное, местное изготовление) хотя бы упомянутой стойки фибулы из Алтыназара 4, которой рассматриваемая стойка фибулы 23 наиболее близка. Правда, эти вещи не тождественны, и для фибулы 23 не исключено карабабское производство, но и в этом случае, скорее всего, по джетысарским образцам.

Фибулы 24–26 представлены пружинящим механизмом или его деталями, крепящимися на Т-образной стойке, выгнутой из пластины. Аналогии им были известны и по более ранним находкам из Карабаба [Гавритухин и др. 2019: 175, рис. 4, 16, 17]. Их оценку нет оснований пересматривать – они известны в связи с двупластинчатыми фибулами, корпус которых сделан из тонкой пластины (как фибулы 13–20), на Северном Кавказе, в Прикавказье, джетысарской культуре [Гавритухин и др. 2019: 181, 182; Гавритухин 2023: 162, рис. 9А).

Фибула 27 – т. е. игла, тетива и часть пружины – могла быть деталью застёжки практически любой из групп, известных по находкам в Алтынказганском микрорайоне.

Заключение (Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С.)

По сравнению с выборкой, опубликованной в 2019 г., массив фибул и их фрагментов, найденных на Мангышлаке, увеличился более, чем вдвое: до 47 экз., из которых 44 происходят с городища Карабаб. В ходе исследований последних лет уточнились и наши данные о памятниках Алтынказганского микрорайона. Всё это не отменило практически ни одного из выводов, полученных ранее, но позволило их подтвердить, уточнить и существенно дополнить.

С первым периодом экономической активности, зафиксированном на городище Карабаб (2-я пол. II / 1-я пол. III – 1-я четв. IV в.) можно связать публикуемые фибулы 1, 2, 4, 6. Их рассмотрение подтверждает наличие контактов местного населения с Северным Кавказом, в меньшей степени с восточными группами позднесарматской культуры. Единичная, но близкая по нескольким признакам аналогия в джетысарской культуре (рис. 8, 3) свидетельствует о связи Карабаба

8-сур. Алтынқазған шағынауданынан табылған фибулалардың аналогтары: 1 – Кумбулта; 2 – Новоалександровка I, 20-оба; 3, 11, 12 – Алтынасар (3 – 4л, 247-оба, 2-қорым; 11 – 4, 236-оба; 12 – 4, 93-оба); 4, 5 – Танаис; 6 – Дюрсо, 483-қорым; 7 – Филиппова; 8 – Томпекасар, 27-қорым; 9 – Керчь; 10 – Курники, 26-қорым. 1 – [Гавритухин 2010а: 3, 14 сур.] бойынша; 2 – [Кропотов 2010: 71, 3 сур.] бойынша; 3, 8, 11, 12 – [Левина 1996: 139, 4; 140, 10-12 сур.] бойынша; 4, 5 – [Амброз 1969: VII кест., 1, 2] бойынша; 6 – [Гавритухин 2010б: 14, 7 сур.] бойынша; 7 – [Гавритухин 2007: 11, 17 сур.] бойынша; 9, 10 – [Гавритухин 2003: fig. 8, 14; 11, 9] бойынша

Fig. 8. Analogies to brooches from the Altynkazan microdistrict: 1 – Kumbulta; 2 – Novoaleksandrovka I, mound 20; 3, 11, 12 – Altynasar (3 – 4l, mound 247, grave 2; 11 – 4, mound 236; 12 – 4, mound 93); 4, 5 – Tanais; 6 – Durso, grave 483; 7 – Filippova; 8 – Tompekasar, grave 27; 9 – Kerch; 10 – Kurniki, grave 26. 1 – after – Gavritukhin 2010a: fig. 3, 14; 2 – after – Kropotov 2010, fig. 71, 3; 3, 8, 11, 12 – after – Levina 1996: fig. 139, 4; 140, 10–12; 4, 5 – after – Ambrose 1969: table VII, 1, 2; 6 – after – Gavritukhin 2010b: fig. 14, 7; 7 – after – Gavritukhin 2007: fig. 11, 17; 9, 10 – after – Gavritukhin 2003: fig. 8, 14; 11, 9

с ней или об общем источнике некоторых инноваций. Бóльшая часть рассмотренных находок в той или другой степени обладает своеобразием, позволяющим говорить о местном производстве фибул, даже о формировании некоторых черт, присущих карабабским «школам» мастеров. К этому же времени относятся все три фибулы с Мангышлака, найденные вне Карабаба, причём две из них (3 и 5) вполне вписываются в карабабский контекст. Лишь фибула 7 (проволочная лучковая) принадлежит группе, на Карабабе пока не представленной, и только она происходит не с поселений или стоянок, а из могильника, причем расположенного на восточной периферии Алтынказганского микрорайона (рис. 1, 7). Однако единичный факт, конечно, не достаточен для выводов – проработка возникающих вопросов требует новых материалов.

Спад первого периода экономической активности на Карабабе, судя по монетам, приходится на 2-ю и 3-ю четверти IV в. В принципе, бытование некоторых упомянутых выше фибул, как и наиболее ранних из отнесённых к следующему периоду, не исключает этот хронологический отрезок. Однако нет и фибул, которые можно датировать именно этим временем. Т. е. анализ фибул не противоречит наличию лакуны, реконструируемой по данным нумизматики, но и не подтверждает её наличие безусловно.

Со вторым периодом экономической активности на поселении Карабаб (4-я четв. IV – сер. VI в.) можно связать бóльшую часть фибул, опубликованных сейчас (фибулы 8–26) и в 2019 г. (фибулы 5–20 [Гавритухин и др. 2019]). Все они относятся к группам, новым для интересующего нас региона, но не только для него. Это – показатель новой эпохи, но совсем не обязательно смены экономических приоритетов, а тем более населения. Наиболее ранние образцы (не позднее V в., вероятно, его 1-й пол.), т. е. фибулы 10–12, как и 7/2019 можно связать с интеррегиональной «модой» гуннской эпохи. Распространение в ней фибул могло быть опосредовано представителями оседлых народов, инкорпорированных в степную среду (напр., некоторых жён кочевников), или прямыми контактам групп оседлого населения, так или иначе связанного с кочевниками, игравшими в общей ситуации ведущую военно-политическую роль. Фибулы 8 и 9, как и две более ранние находки, аналогичные фибуле 8, могли принадлежать этому или же более позднему контексту.

Фибулы 13–26 и их аналогии из выборки, опубликованной в 2019 г. (всего – 27 фр., представляющих не менее 14, а скорее всего, более 20 целых фибул), относятся к сер. V – 1-й пол. VI в., т. е. финалу гуннского, а в основном к постгуннской (шиповской) эпохе. Эти фибулы имеют многие переклички с теми, что известны на Северном Кавказе, в Прикамье и джетыясарской культуре низовий Сырдарьи. Наивысшая концентрация таких фибул приходится на аланскую культуру Северного Кавказа, в которой прослеживаются и все ступени их эволюции, а менее всего аналогий выборке с Карабаба, если судить только по ряду особенностей корпусов фибул, зафиксировано в джетыясарской культуре. При этом, если судить по стойкам для крепления оси пружины, то из 11 их находок на Карабабе пять (как фибулы 24–26) имеют широкий круг аналогий, пять (как фибулы 21 и 22) принадлежат местной серии, одна (фибула 23) связана, скорее всего, с джетыясарской культурой.

Напомним, что, судя по ряду находок (ременные гарнитуры, конское снаряжение, монеты и др.), к шиповскому времени относится расцвет Карабабского торгово-ремесленного центра и связанного с ним Алтынказганского микрорайона [Астафьев, Богданов 2023а]. Наличие на Карабабе в это время, как представительной местной серии фибул, так и изделий, имеющих широкий спектр аналогий, являются весомыми аргументами в пользу этого вывода. О значимости этого центра и в более раннее время свидетельствует выделение среди фибул Мангышлака вариаций III – начала IV в., соотносимых с местным (судя по всему, карабабским) производством, сложившимся в контексте контактов с Северным Кавказом, сарматским миром и другими регионами.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966. 116 с. (САИ. Вып. Д1-30).
- 2 Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья – Приазовья / Отв. ред. Д.Б. Шелов (МИА. № 154). М.: Наука, 1969. С. 248-272.
- 3 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на Восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17-38.
- 4 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. К вопросу о существовании восточно-каспийского ответвления Великого Шелкового пути // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов. Диалог культур. М-лы VIII Междунар. научн. конф. / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2020. С. 126-133.
- 5 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.). Алматы: ИА КН МНВО РК, 2023а. 384 с. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XVIII.)
- 6 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Вал Байлама // *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)*. 2023б. № 2. С. 117-130.
- 7 Астафьев А.Е., Петров П.Н. Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды // *Археология евразийских степей. Нумизматика и эпиграфика*. 2017. № 6. С. 101-115.
- 8 Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука; гл. ред. Вост. лит., 1977. 220 с.
- 9 Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН; ТАУС, 2009. 468 с.
- 10 Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры // *Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э.* / Ред.: И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. (Раннеславянский мир. 9). С. 9-24, 39-43, 46-59, 65, 410-411.
- 11 Гавритухин И.О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1* / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2010а. С. 49-68.
- 12 Гавритухин И.О. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // *Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы* / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010б. С. 35-89. (Раннеславянский мир. Вып. 13)
- 13 Гавритухин И.О. Глава 10. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.)* / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 212-240, 570-574. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
- 14 Гавритухин И.О. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтное 3 (типология и хронология) // *Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи* / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022а. С. 22-42.
- 15 Гавритухин И.О. Из истории изучения подвязных лучковых фибул // *Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи* / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022б. С. 229-238.
- 16 Гавритухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // *Нижеволжский археологический вестник*. 2023. Т. 22. № 1. С. 139-202.
- 17 Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фибулы с поселения Каракабак // *Поволжская археология*. 2019. № 3 (29). С. 170-189.
- 18 Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983. 310 с.
- 19 Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДФ-Украина, 2010. 384 с.
- 20 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Вост. лит., 1996. 396 с.
- 21 Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону* / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194-232. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1)

- 22 Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
- 23 Малашев В.Ю., Кадзаева З.П. Сильно профилированные фибулы середины III – IV в. н.э. // РА. 2021. № 2. С. 54-72.
- 24 Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
- 25 Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. Ижевск: Шелест, 2019. 238 с.
- 26 Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Ч. 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2023. 460 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 1).
- 27 Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Ч. 2 / Отв. ред. А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2024 (в печати). (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 2).
- 28 Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100-120.
- 29 Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: an Early Alan Proto-city of the First Millenium AD on the Boundary Between Steepe and Hill Country // Colloquia Pontica. 2000. Vol. 5. Pp. 211-250.
- 30 Gavritukhin I. Double-plate fibels of subgroup I // A nyiregyházi Jós András Múzeum Évkönyve. XLIV. Nyiregyháza, 2003. Pp. 113-184.

REFERENCES

- 1 Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly yuga yevropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n. e. (Fibulae from the south of the European part of the USSR, 2nd century BC – 4th century AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (SAI. Vol. D1-30) (in Russian).
- 2 Ambroz, A. K. 1969. In: *Antichnyye drevnosti Podoniya–Priazoviya (Ancient antiquities of the Don region - Azov region)*. Moscow: “Nauka” Publ, 248-272 (MIA. No. 154) (in Russian).
- 3 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2019. In: *Stratum plus*, 4, 17-38 (in Russian).
- 4 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2020. In: Botalov, S. G. (ed.). *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoye pereseleniye narodov. Dialog kultur (Ethnic interactions in the Southern Urals. The Great Migration of Peoples. Dialogue of cultures)*. Chelyabinsk: Gosudarstvennyi istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala, 126-133 (in Russian).
- 5 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2023a. *Pogrebalno-pominalnyi kompleks Altynkazgan (III – pervaya polovina VI v.) (Funeral and memorial complex Altynkazgan (3th – first half of the 6th century AD)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. Vol. XVIII) (in Russian).
- 6 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2023b. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2, 117-130 (in Russian).
- 7 Astafiev, A. Y., Petrov, P. N. 2017. In: *Arkheologiya evraziyskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 6, 101-115 (in Russian).
- 8 Weinberg, B. I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Coins of ancient Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 9 Gabuyev, T. A., Malashev, V. Y. 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza (Sites of the early Alans of the central regions of the North Caucasus)*. Moscow: Institute archaeology RAN; “TAUS” publ. (in Russian).
- 10 Gavritukhin, I. O. 2007. In: Gavritukhin, I. O., Oblomsky, A. M. (eds.). *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e. (Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD)*. (Rannelslavyanskiy mir. 9 (Early Slavic world. 9)). Moscow: Institute of Archaeology RAS, 9-24, 39-43, 46-59, 65, 410-411 (in Russian).
- 11 Gavritukhin, I. O. 2010a. In: Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe during the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples)*. Tula: Institute of Archaeology RAS, 49-68 (in Russian).
- 12 Gavritukhin, I. O. 2010b. In: Islanova, I. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoy Yevropy v I tysyacheletii n.e. Problemy i materialy (Archaeology of Eastern Europe in the 1st millennium AD. Problems and materials)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 35-89 (in Russian).

- 13 Gavritukhin, I. O. 2015. In: Oblomskiy, A. M. (ed.). *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arkheologicheskiy kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V vv.). (Ostraya Luka of the Don river in ancient times. Archaeological complex of monuments of the Hunnic period near the village. Ksizovo (late 4th – 5th century).* Moscow: Institute of Archaeology RAS, 212-240, 570-574 (in Russian).
- 14 Gavritukhin, I. O. 2022a. In: Mastykova, A. V., Khairedinova, E. A. (eds.). *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoye 3: varvary na granitsakh Imperii (Roman burial ground Frontline 3: barbarians on the borders of the Empire).* Moscow: Institute of Archaeology RAS, 22-42 (in Russian).
- 15 Gavritukhin, I. O. 2022b. In: *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoye 3: varvary na granitsakh Imperii (Roman burial ground Frontline 3: barbarians on the borders of the Empire).* Moscow: Institute of Archaeology RAS, 229-238 (in Russian).
- 16 Gavritukhin, I. O. 2023. In: *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik (The Lower Volga archaeological bulletin),* 1 (22), 139-202 (in Russian).
- 17 Gavritukhin, I. O., Astaf'yev, A. Ye., Bogdanov, Ye. S. 2019. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga river region archaeology),* 3 (29), 170-189 (in Russian).
- 18 Zeymal, Y.V. 1983. *Drevniye monety Tadjikistana (Ancient coins of Tajikistan).* Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).
- 19 Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi (Fibulae of the Sarmatian epoch).* Kyiv: "ADEF-Ukraine" Publ. (in Russian).
- 20 Levina, L. M. 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaraliya. I tysyacheletiyе do n. e. – I tysyacheletiyе n. e. (Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. 1st millennium BC – 1st millennium AD).* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- 21 Malashev, V. Y. 2000. In: *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and their neighbors on the Don).* Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194-232 (in Russian).
- 22 Malashev, V. Y., Kadzayeva, Z. P. 2021. In: *Rossiyskaya arheologia (Russian archaeology),* 2, 54-72 (in Russian).
- 23 Malashev, V. Y., Gadzhiyev, I. S., Ilyukov, L. S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III – V vv. n. e. (Country of the Maskuts in the Western Caspian region. Kurgan burial grounds of Caspian Dagestan 3rd–5th centuries AD).* Makhachkala: "Mavrayev" Publ. (in Russian).
- 24 Malashev, V. Y., Yablonskiy, L. T. 2008. *Stepnoye naseleniye Yuzhnogo Priuraliya v pozdnesarmatskoye vremya. Po materialam mogilnika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the late Sarmatian period. Based on materials from the Pokrovka 10 burial ground).* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- 25 Sabirova, T. M. 2019. *Fibuly Srednego Prikamiya pervoy poloviny I tys. n. e. (Fibulae of the Middle Kama region of the first half of the 1st millennium AD).* Izhevsk: "Shelest" Publ. (in Russian).
- 26 Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2023. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoye 3 v Yugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastyakh. Vol. 1 (Roman-era burial ground Frontovoye 3 in South-Western Crimea: in three parts).* Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 27 Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2023b. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoye 3 v Yugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastyakh. Vol. 2 (Roman-era burial ground Frontovoye 3 in South-Western Crimea: in three parts).* Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 28 Skripkin, A. S. 1977. In: *Sovetskay arheologia (Soviet archaeology),* 2, 100-120 (in Russian).
- 29 Arzhantseva, I., Deopik, D., Malashev, V. 2000. In: *Colloquia Pontica,* 5, 211-250 (in English).
- 30 Gavritukhin, I. 2003. In: *Yearbook of the András J6sa Museum in Nyiregyh6za.* LIV, 113-184 (in Hungarian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.05.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.06.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.06.2024.

УДК 902(092)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.124.138>

Неопубликованные материалы к обсуждению «Истории Казахской ССР» 1943 года: выступление А.Х. Маргулана (к 120-летию со дня рождения академика)

© 2024 г. Жумашев Р.М., Бедельбаева М.В.

Keywords: archaeology,
A. Margulan, history of Kazakhstan,
archive, biographical research,
Betpakdala, Kipchaks

Түйін сөздер: археология,
Ә.Х. Марғұлан, Қазақстан тарихы,
архив, өмірбаяндық зерттеу,
Бетпақдала, қыпшақтар

Ключевые слова:
археология, А.Х. Маргулан,
история Казахстана, архив,
биографические исследования,
Бетпақдала, кыпчаки

Rymbek Zhumashev¹ and Marina Bedelbayeva^{1*}

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archaeology, Ethnology and National History,
Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0004-9806-3997](https://orcid.org/0009-0004-9806-3997) E-mail: zhumashev_rymbek@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Head of the Museum of Archaeology
and Ethnography, Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-3740-9179](https://orcid.org/0000-0003-3740-9179) E-mail: bm_v_1967@mail.ru

Unpublished materials for the discussion of “History of the Kazakh SSR” of 1943: speech by A. Margulan (to the 120th anniversary of the birth of Academician)

The personality of academician A. Margulan, whose 120th birthday is celebrated this year, is a landmark for Kazakhstani science and arouses close interest among researchers due to its versatility. This article analyzes a previously unpublished archival document containing a transcript of A. Margulan’s speech at a meeting of the Academic Council of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences (Moscow, 1945) regarding the discussion of the book “History of the Kazakh SSR from Ancient Times to the Present Day,” published in 1943. The country’s top party leadership condemned the concept of the history of Kazakhstan, accusing the team of authors of manifestations of bourgeois nationalism and a departure from Marxist-Leninist theory. A. Margulan, one of the authors who wrote a section on the history of the Golden Horde, was the only scientist to defend his position and scientific conclusions. This document confirms the characterization of A. Margulan as a scientist who was irreconcilable to power pressure and capable of defending fundamental postulates. The materials in the article concretize the academician’s scientific biography and the process of his formation as an archaeologist.

Source of financing: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN project AR19679947.

For citation: Zhumashev, R., Bedelbayeva, M. 2024. Unpublished materials for the discussion of “History of the Kazakh SSR” of 1943: speech by A. Margulan (to the 120th anniversary of the birth of Academician). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 124–138 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.124.138](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.124.138)

**Рымбек Мұратұлы Жұмашев¹,
Марина Васильевна Бедельбаева^{1*}**

¹тарих ғылымдарының докторы,
Археология, этнология және Отан тарихы
кафедрасының профессоры, Е.А. Бөкетов атындағы
Қарағанды университеті, Қарағанды қ., Қазақстан
^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының

**Рымбек Муратович Жумашев¹,
Марина Васильевна Бедельбаева^{1*}**

¹доктор исторических наук, профессор кафедры
археологии, этнологии и Отечественной истории,
Карагандинский университет имени Е.А. Букетова,
г. Караганды, Казахстан
^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук,

кандидаты, Археология және этнография музейінің меңгерушісі, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды қ., Қазақстан

**1943 жылғы «Қазақ КСР тарихын» талқылауға арналған жарияланбаған материалдар:
Ә.Х. Марғұланның баяндамасы
(академиктің туғанына 120 жыл толуына орай)**

Биыл туғанына 120 жыл толатын академик Ә.Х. Марғұланың Қазақстан ғылымы үшін айрықша адам, ғалымның тұлғасы сан қырлы болғандықтан үнемі зерттеушілердің назарында. Мақалада Ә.Х. Марғұланның КСРО ҒА Тарих институты Ғылыми кеңесінің (Мәскеу, 1945) отырысында 1943 ж. жарық көрген «Қазақ КСР-інің ежелгі заманнан бүгінгі күнге дейінгі тарихы» атты кітабын талқылауға қатысты сөйлеген сөзінің стенограммасын қамтитын, бұрын жарияланбаған архивтік құжат талданады. Еліміздің жоғары партия басшылығы Қазақстан тарихының тұжырымдамасын талқылап, авторлар ұжымын буржуазиялық ұлтшылдықтың көріністері мен маркстік-лениндік теориядан алшақтады деп айыптады. Алтын Орданың тарихы туралы бөлімді жазған Ә.Х. Марғұланың өзінің ұстанымы мен ғылыми тұжырымдарын қорғаған жалғыз ғалым болды. Бұл құжат Ә.Х. Марғұланның өзінің ұстанған ойын қорғауға қабілетті болғанын, ғалымның билік қысымына төтеп бере алатын қырын растайды. Мақала материалдары академиктің ғылыми өмірбаяны және археолог ғалым ретінде қалыптасуын нығайта түседі.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыруы, ЖТН АР19679947 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Жұмашев Р.М., Бедельбаева М.В. 1943 жылғы «Қазақ КСР тарихын» талқылауға арналған жарияланбаған материалдар: Ә.Х. Марғұланның баяндамасы (академиктің туғанына 120 жыл толуына орай). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 124–138-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.124.138](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.124.138)

заведующая музеем археологии и этнографии, Карагандинский университет имени Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан

**Неопубликованные материалы к обсуждению «Истории Казахской ССР» 1943 года:
выступление А.Х. Маргулана
(к 120-летию со дня рождения академика)**

Личность академика А.Х. Маргулана, 120-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, является знаковой для казахстанской науки и вызывает пристальный интерес исследователей в силу своей многогранности. В статье анализируется неопубликованный ранее архивный документ, содержащий стенограмму выступления А.Х. Маргулана на заседании Ученого совета Института истории АН СССР (г. Москва, 1945 г.) по поводу обсуждения книги «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», изданной в 1943 г. Высшее партийное руководство страны осудило концепцию истории Казахстана, обвинив коллектив авторов в проявлениях буржуазного национализма и отходе от марксистско-ленинской теории. А.Х. Маргулан, который был одним из авторов и написал раздел об истории Золотой орды, стал единственным учёным, отстаивавшим свою позицию и научные выводы. Данный документ подтверждает характеристику А.Х. Маргулана как учёного, неприимного к властному давлению, способного отстаивать принципиальные постулаты. Материалы статьи конкретизируют научную биографию академика и процесс его становления как учёного-археолога.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта АР19679947.

Для цитирования: Жұмашев Р.М., Бедельбаева М.В. Неопубликованные материалы к обсуждению «Истории Казахской ССР» 1943 года: выступление А.Х. Маргулана (к 120-летию со дня рождения академика). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 124–138. DOI: [10.52967/akz2024.2.24.124.138](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.124.138)

*«В археологии есть все ключи
к пониманию того, кто мы и откуда пришли»
Сара Паркок, египтолог,
Университет Алабамы в Бирмингеме*

1 Введение (Жұмашев Р.М., Бедельбаева М.В.)

В этом году научная общественность Казахстана отмечает юбилейную дату – 120-летие со дня рождения академика А.Х. Маргулана, личность которого является знаковой для казахстанской науки и постоянно вызывает пристальный интерес историков различных исследовательских

направлений. В последние годы были опубликованы статьи, основанные на документах из фондов архива «Гылым ордасы» (г. Алматы, РК), которые ввели в научный оборот новые факты, конкретизирующие биографию А.Х. Маргулана [Бейсенов и др. 2017; и др.]. Ленинградский период, связанный с его учёбой в аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры (далее ГАИМК) в 1931–1934 гг., проанализирован М.В. Медведевой на основании документов и фотографий из Научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее ИИМК) (г. Санкт-Петербург, РФ) [Медведева 2020; 2022].

Основанием для статьи послужил ранее никогда не публиковавшийся текст выступления А.Х. Маргулана на заседании Учёного совета Института истории Академии наук СССР (далее ИИ АН СССР) по поводу обсуждения книги «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» (далее «История Казахской ССР») [История... 1943], изданной в 1943 г. под общей редакцией М. Абдыкалыкова и А.М. Панкратовой. Это был совместный труд казахстанских и московских историков. Коллектив авторов включал 23 человека, среди которых: А.Н. Бернштам, Е.Б. Бекмаханов, А.М. Баевский, Б.Д. Греков, А.А. Миллер, А.Х. Маргулан, М.П. Вяткин и др., а также писатели М.О. Ауэзов, С.М. Муканов, Г.М. Мусрепов, С.Я. Лурье и др. Общая редакция осуществлялась академиком АН СССР А.М. Панкратовой и М. Абдыкалыковым – секретарем ЦК Компартии Казахстана по агитации и пропаганде, отвечавшим за идеологическое руководство и организационную поддержку издания.

После выхода книги большим тиражом (10 тыс. экз.) были опубликованы положительные рецензии: в июле 1943 г. в газете «Правда» [Пясковский 1943: 4] и в октябре в «Историческом журнале» [Обсуждение... 1943: 85–90]. Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов поддержал авторов этого издания [Тихонов 2014: 133]. Книгу читали и активно обсуждали в Казахстане, часть тиража была отправлена в воинские части для казахстанцев – в архиве сохранились отклики, присланные с фронта. 13 января 1944 г. на заседании Учёного совета ИИ АН СССР «Историю Казахской ССР» выдвинули на соискание Государственной премии им. И.В. Сталина [Архив РАН: 7]. За работу над книгой А.М. Панкратова была удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки Казахской ССР» [Абсеметов 2016: 18–22].

Однако позднее в отношении «Истории Казахской ССР» было принято решение о переиздании (подробнее см.: [Жумашев и др. 2022: 56–62]). Мотивировалось это «порочностью» содержания книги и ошибками методологического характера, когда вместо опоры на теорию общественно-экономических формаций и акцента на классовую борьбу трудящихся в центр внимания авторы поставили борьбу казахов за независимость против царских колонизаторов. Эта критика была изложена в рецензии М. Морозова – заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), которая была опубликована на страницах журналов «Большевик» и «Большевик Казахстана» весной 1945 г. Было указано на ошибки в вопросах периодизации истории Казахстана, говорилось о ненаучной трактовке процессов генезиса казахской народности, провозглашался постулат о медленном историческом прогрессе казахского народа вследствие кочевого быта, способствующего сохранению пережитков родового строя [Морозов 1945: 28–35]. В связи с публикацией этой рецензии 14 мая 1945 г. в ИИ АН СССР состоялось специальное заседание Учёного совета, посвящённое переизданию «Истории Казахской ССР».

Заседание Учёного совета проходило под председательством директора ИИМК академика Б.Д. Грекова, который сделал основной доклад. В своем выступлении он, как проводник партийной линии и марксистский историк, однозначно высказался о необходимости переиздания книги с учётом критики и положений, содержащихся в рецензии. А.М. Панкратова, которая активно поддерживала научные изыскания казахстанских учёных и горячо отстаивала позицию авторов кни-

ги в ходе длительных дискуссий, также была вынуждена заявить о готовности переиздать книгу. Выступившие казахстанские учёные (Н. Сауранбаев, М. Вяткин, А. Якунин), выразили полное согласие с положениями рецензии. Так, М.П. Вяткин сказал, что «<...> не во всех частях рецензии равноценна», но признал «<...> для меня совершенно несомненно, что общая значимость рецензии очень велика» [Архив РАН: 38].

В отличие от своих коллег, только А.Х. Маргулан выразил несогласие с основными положениями рецензии и аргументированно отстаивал свою позицию. Это был единственный прецедент открытой конфронтации с официальной позицией партийных органов.

Цель статьи – на основе анализа неизданного ранее документа, характеризующего интеллектуальную биографию А.Х. Маргулана, углубить представление об образе учёного – представителе классической академической школы востоковедения, ставшего впоследствии основоположником казахстанской археологии и организатором крупных экспедиций.

2 Материалы и методы исследования (Жумашев Р.М., Бедельбаева М.В.)

В качестве основного источника использовалась стенограмма выступления А.Х. Маргулана на совещании историков в ЦК ВКП (б) 14 мая 1945 г., которое было посвящено обсуждению «Истории Казахской ССР». Был проведён источниковедческий анализ содержания книги, которая занимает уникальное место в исторической науке Казахстана. По существу, она стала первым опытом изложения академической истории казахского народа и единственным на тот момент систематическим исследованием истории национальной союзной республики, предпринятой в СССР. Сама книга является библиографической редкостью, поскольку в силу противоречивых обстоятельств она была изъята из обращения и попала в засекреченные или редкие фонды библиотек. В 2011 г. она была переиздана (за исключением раздела 1917–1943 гг. – прим. авт.) [История Казахстана 2011] и размещена в сети интернет [Интернет-ресурс].

Методология исследования включает историко-биографические методы, позволившие представить развитие концепта личности в науке, для чего использовались научные статьи по персоналистике и археологических исследованиях А.Х. Маргулана, публикации партийной периодики. Для сравнения уже известных фактов и выявления новых данных в анализируемых архивных документах и научных статьях использовались сравнительно-исторические методы.

Акценты в изучении персональной истории (микроистория, психоистория, модель рационального выбора) позволили сформировать детальное адекватное отображение одного из жизненных этапов интеллектуальной биографии учёного, а также дополнить представления об исторической действительности и осознании культурных реалий периода 40–50-х гг. XX в. Факты биографии академика А.Х. Маргулана, представленные в контексте реалий эпохи, связанной с репрессиями, послевоенным временем и во многом детерминирующих поведенческие стереотипы, проанализированы посредством источниковедческих и культурологических методов исследования.

3 Архивный документ (Жумашев Р.М.)

Выступление А.Х. Маргулана, записанное в стенограмме заседания Учёного совета 14 мая 1945 года, сохранилось в фонде 1577 архива Российской академии наук [Архив РАН: 42–46], было обнаружено и скопировано одним из авторов статьи (Р.М. Жумашев) в рамках выполнения проекта «Национальное историознание – сердцевина интеллектуальной истории Казахстана 40-х – сер. 50-х гг. XX века» (ИРН АР14872088). До этого документ был просмотрен ранее только один раз научным сотрудником Института истории государства К.М. Еримбетовой.

Текст архивного документа публикуется полностью с сохранением особенностей и некоторых недочётов стенограммы.

«Архив А.Н. СССР

Фонд 1577 \

Опись 2 \

№ 104

Институт истории АН СССР

Отдел рукописных фондов.

Стенограмма заседания ученого совета от 14 мая 1945 года

Обсуждение вопросов, связанных с написанием «Истории Казахской ССР»

Маргуланов (так записано в тексте стенограммы – *прим. авт.*). Мне кажется, эти споры вокруг «Истории Казахстана» происходят от того, что некоторые историки неодинаково понимают судьбы казахского народа. Многочисленные черты экономической и политической жизни казахского народа остаются, по моему мнению, в тени. Первоисточники и основные работы по истории Казахстана, написанные на разных восточных языках, до сих пор не использованы. Всё это приводит историков к такому печальному положению и наши историки часто рассуждают огульно, если можно так выразиться, совершенно не принимая во внимание исторических фактов Казахстана. Некоторые историки всё оседлое население Казахстана и земледельческую культуру относят к

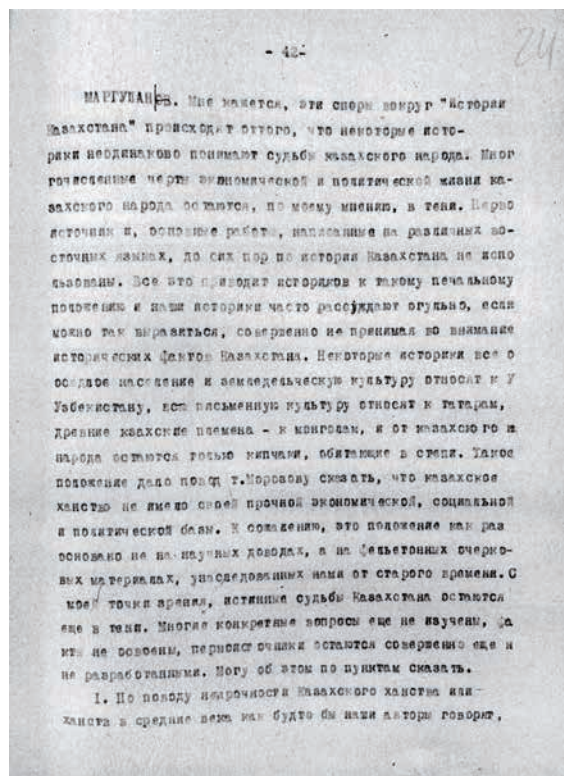
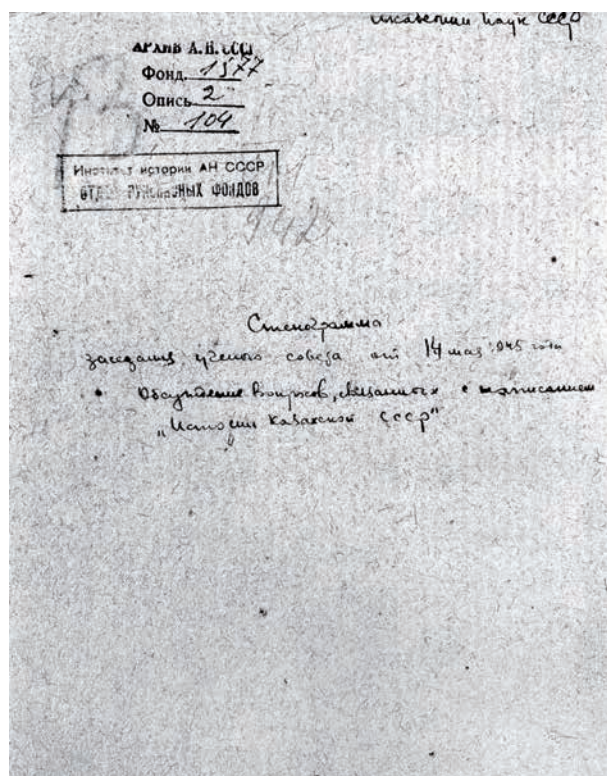

Рис. 1. Первые страницы стенограммы заседания Учёного совета Института истории АН СССР от 14 мая 1945 г. Фото: Рымбек Жұмашев

1-сур. КСРО ғылым академиясы Тарих институты ғылыми кеңесінің 1945 жылғы 14 мамырда өткен отырыс стенограммасының алғашқы беттері. Фотосурет: Рымбек Жұмашев

Fig. 1. The first pages of the transcript from the meeting of the Academic Council of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, dated May 14, 1945. Photo by Rymbek Zhumashev

Узбекистану, всю письменную культуру относят к татарам, древние казахские племена – к монголам, а от казахского народа остаются только кипчаки, обитающие в степи. Такое положение дало повод т. Морозову сказать, что Казахское ханство не имело своей прочной экономической, социальной и политической базы. К сожалению, это положение как раз основано не на научных доводах, а на фельетонных очерковых материалах, унаследованных нами от старого времени. С моей точки зрения, истинные судьбы Казахстана остаются ещё в тени. Многие конкретные вопросы ещё не изучены, факты не освоены, первоисточники остаются совершенно ещё не разработанными. Могу об этом по пунктам сказать.

1. По поводу непрочности Казахского ханства или ханства в средние века как будто бы наши авторы говорят, – что в Казахстане не было такого политического и экономического состояния прочного. Если проследить данные восточных источников, или данные восточных авторов, то увидим, что народы по р. Сырдарье, Зуе (так в тексте, вероятно, Чу – прим. авт.) и некоторые народы Центрального Казахстана, которые неизвестны даже нашим крупным историкам, всё-таки принадлежали к казахскому народу. Это показывают, например, многочисленные развалины древних городов по рекам Сыр-дарье, Ангрену, Келеса, Чу... Куда их отнести? Там была довольно развитая земледельческая культура со времен ещё (в стенограмме пропуск, вероятно, стенографистка не успела записать имя, название государства или политоним в казахском звучании – прим. авт.), не говоря уже о Тюркском каганате. До сих пор они не изучены. Мы знаем только то, что к казахам относятся кипчаки и что там такой культуры не было. Между тем мы видим прекрасную мебель, созданную в 10-11 вв., прекрасные арки, которые и сейчас остаются по р. Чу в развалинах. Свидетели этого – представители наших учёных, которые своими глазами видели, что это действительно факт. Есть, например, прекрасная просодробилка. Она показывает на замечательно развитую культуру проса. Это получилось ведь не случайно, – это передавалось по традиции. Культура проса была в Актюбинской области, в Зайсане, в Центральном Казахстане. Она основывалась на исторической традиции, имеет свою историческую преемственность. Так что я думаю, что этот вопрос надо разрешить как-то иначе.

Затем, с политической точки зрения, М.П. Вяткин говорит, Кокандское ханство было сильнее, чем Казахское. Это не верно. Генерал Перовский говорил, что если завоевать – Киргизскую степь, нам будет легче. Нам надо сделать Киргизскую степь воротами, а там будет легче, потому что казахи в течение 200 лет боролись за степь, вплоть до этого времени, когда отряд генерала Черняева завоевал их, в то время, как Узбекское и Кокандское ханства не могли выдержать натиска одного отряда. Это исторический факт. Такое отношение казахского народа к государству своему выражается и в настоящей Отечественной войне. Наша казахская молодежь дерётся сильнее, чем молодежь какой-нибудь народности из Средней Азии. Вам кажется это наивным?

Б.Д. Греков. Нисколько.

Маргуланов. Я считаю это проявлением старой исторической традиции (реплика с места: Духа, может быть?). Да, духа.

3. Теперь скажу насчёт наименьшего зла, о личности Абдулай хана (здесь и далее неверно записанное имя хана Абулхайра – прим. авт.). Тов. Морозов изображает Абдулай-хана, как дальновидного хана, который добровольно передался русской монархии. Это глубокая ошибка. ...

4. Итак, в основном, поддерживая методологические принципы т. Морозова, я должен сказать, что всё-таки в завоевании царского правительства в середине 19 века и начиная с 17-18 вв., трудно видеть какую-нибудь прогрессивную роль, и тем более, что у нас есть тезис о том, что царизм – это тюрьма народов. Если царизм – тюрьма народов, то почему он в Казахстане вдруг станет культуртрегером? Я не понимаю этого. Как это крепостническая монархия, угнетающая

свою нацию и уничтожающая своих лучших людей, вдруг в Казахстане становится таким добродетельным культуртрегером?

Б.Д. Греков. Тов. Морозов не об этом говорит.

Маргуланов. Тут можно привести в пример меморандум генерала Перовского. Он говорит, что Казахская степь должна остаться только кочевнической. Казахская степь должна давать шерсть, мясо, кожу и т. д. Следовательно, надо уничтожить, – говорит он, – все оседлые поселения. Вам известен меморандум Перовского, а это же повторяют генерал Обри... (пропуск в тексте, имеется в виду В.А. Обручев – *прим. авт.*), – в Омской области и генерал Таубе. В конце 19 в. это положение изменилось в связи с революционной ситуацией в России в конце 19 – и в начале 20 в. Тогда и хозяйственное и политическое положение в Казахстане изменилось в сторону прогрессивную, роль прогресса, – только с этого времени. А раньше трудно нам видеть какую-нибудь прогрессивную роль русской монархии в Казахстане. Вот что я хочу сказать.

5. У нас в истории проводится мысль, что письменность и письменная литература началась в Казахстане только в середине 19 в. Это не совсем точно. Вопрос это такой же, как и хозяйственный вопрос. То, что хранится в архивах Москвы, Ленинграда, Алма-Аты на татарском языке, это не совсем то. Русские привыкли всю письменность казахов характеризовать, только как татарскую, начиная с монголов. А когда вы читаете эти исторические документы в архивах, или какие-нибудь рукописи на татарском языке, это не совсем татарский язык, а тут казахский язык, можно отметить блестящие выражения казахского языка, – но всё это считается за татарский язык. В этом отношении тоже нужно сделать некоторые открытия для наших историков.

А.М. Панкратова. Казахская письменность возникла в 19 веке?

Маргуланов. Нет, она раньше существовала» [Архив РАН: 42–46].

На этом месте стенограммы выступление А.Х. Маргулана заканчивается.

4 Комментарии к тексту выступления А.Х. Маргулана (*Жумашев Р.М., Бедельбаева М.В.*)

В преамбуле своего выступления А.Х. Маргулан говорил о наличии различных точек зрения на историческое прошлое казахского народа, объясняя такую ситуацию неразработанностью ключевых проблем средневековой истории. Отсутствие переводов восточных рукописей не позволяло использовать эти материалы в реконструкции средневековой истории Казахстана, социально-экономической и культурной жизни кочевого социума, что привело, по его мнению, к тому, что автохтонными на территории Казахстана признавались лишь кипчаки. Оазисы оседлой земледельческой культуры были отнесены к узбекам, письменность считалась татарской, а многие племена, вошедшие в состав казахского этноса, причислены к монголам. По существу, выступавший обозначил нерешённость важнейших проблем этногенеза казахского народа, изучения письменности и земледельческой культуры в истории казахов.

Конкретизируя свои научные доводы, А.Х. Маргулан остановился на проблемах истории Казахского ханства, оспаривая тезис оппонента о его непрочности в силу слабого развития производительных сил и неразвитости политических структур. Ссылаясь на неизученность большинства восточных рукописей о кочевниках степи, Алькей Хаканович высказал свои предположения о важном значении присырьдарьинских городов в истории Казахского ханства, что подтвердил позднее своими исследованиями [Маргулан 1950а]. Целый ряд памятников оседлой культуры VIII–XIV вв. был обследован под руководством А.Х. Маргулана в 1948 г. Он собрал доказательную базу о том, что наиболее крупные памятники материальной культуры эпохи раннего средневековья сосредоточены в оазисах или долинах рек, в частности, в среднем течении р. Чу. Эти городища являлись узловыми пунктами, связывающими Центральный Казахстан с Таласско-Чуйским междуречьем

(города Суяб, Баласагун, Кулан и др.), а найденные артефакты свидетельствовали о развитии ремесла и активной торговле.

В последующем, в 1960-е годы, в трудах К.А. Пищулиной, основанных на анализе переведённых персидских и тюркских источников из архивов г. Ленинграда и Ташкента, были освещены вопросы этнополитической и социально-экономической истории Южного Казахстана, показана роль этих городов в истории Казахского ханства [Пищулина 1969: 5–50].

Ряд тезисов, высказанных А.Х. Маргуланом при обсуждении первого издания «Истории Казахской ССР», нашли подтверждение в его собственных исследованиях и доказаны современной наукой. Например, вопрос об обработке проса, затронутый в стенограмме, касался существования земледелия среди кочевых тюркских племен и, позднее, казахов. К настоящему времени есть артефакты и установленные свидетельства, которые демонстрируют использование проса как культурного растения на территории Казахстана уже с эпохи бронзы. Обугленные зёрна проса были обнаружены в горных поселениях середины III тыс. до н.э. [Frachetti et al. 2010: 993–1010] и курганах раннего железного века на юго-востоке Казахстана [Мотузайте Матузевичус 2016]. Методом снятия силиконовых слепков с поверхности керамики идентифицированы следы семян проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) в материалах могильника раннего железного века Тортоба (Хобдинский р-н, Актюбинская обл.) [Сасаки и др. 2020: 116–132].

Полемизуя со своим коллегой М.П. Вяткиным по вопросу политической устойчивости и прочности Казахского ханства, А.Х. Маргулан аргументировал свою позицию фактами о борьбе казахов за свою государственность, продолжавшейся почти 200 лет. Это подтверждалось и А.М. Панкратовой, которая говорила о национально-освободительной борьбе казахов за независимость на протяжении всего XIX века, в то время как в Средней Азии в этом же столетии произошло только одно Андиганское восстание 1898 г. [Стенограмма ... 1996: 74].

Как апологет национально-патриотического нарратива, А.Х. Маргулан далее выразил своё несогласие с тезисом «о наименьшем зле» и историческом значении вхождения казахских земель в состав Российской империи в 30-е гг. XVIII столетия, когда часть степных правителей Младшего жуза перешла в подданство российской короны. Инициатор этого шага, записанный в стенограмме под именем Абдулай хан, по нашему мнению, – это хан Младшего жуза Абулхаир – охарактеризован им негативно. В данном случае А.Х. Маргулан, опираясь на казахский народный эпос, высказал своё личное мнение. Новейшие исследования казахстанских историков показали односторонность приведенного утверждения. И.В. Ерофеева в книге «Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик» отмечала, что «<...> вокруг фигуры Абулхаира сложилось немало разных легенд, стереотипов и всевозможных мистификаций конъюнктурно-идеологического характера» [Ерофеева 2002: 9].

Вопросы развития письменности и языка в исторической ретроспективе Алькей Хаканович выделил отдельно. С детства он был знаком со многими образцами устного народного творчества казахов. С 1925 по 1929 г. обучался в Ленинградском восточном институте, слушая лекции Н.Я. Марра, В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга и других выдающихся российских востоковедов. Работая впоследствии на кафедре среднеазиатских языков Ташкентского университета, он планировал продолжить образование в аспирантуре Института лингвистики АН СССР. В одном из документов, заполненных собственноручно и представленных в Научном архиве ИИМК, он указал, что знает русский, казахский, кумыкский, узбекский, татарский, крымско-татарский, башкирский, хакасский, киргизский, каракалпакский, уйгурский, балкарский, туркменский языки [Медведева 2020]. Поэтому системные знания в области языкознания позволяли ему предметно сравнивать источники и делать правильные выводы о письменности казахов.

Упоминание А.Х. Маргулана о «блестящих выражениях казахского языка», высказанное на заседании Учёного совета, подтверждается и словами В.В. Радлова: «Язык киргизов (казахов – прим. авт.) плавен и красноречив, они остроумны и часто колки и находчивы в вопросах и ответах, иногда даже удивительно ловки, и всякий, даже самый необразованный киргиз владеет языком в той силе, в какой мы в Европе замечаем только у французов и у русских. Если они рассказывают, оборот их речи свеж и приятен. Это ясно обнаруживается в образцах народной литературы, которые мною собраны и издаются Императорской Академией наук» (цит. по: [Хусаинов 1981: 12]).

Стенограмма заканчивается вопросом А.М. Панкратовой о существовании письменности у казахов. Ответ А.Х. Маргулана однозначен. Этот аспект истории актуален поныне и связан не только с наличием и изучением письменных источников XVIII–XX вв., но и в доказанном существовании письменности у племён, населяющих территорию Казахстана в древности и Средневековье. Так, образцы письма государства Кангюй, найденные в Туркестанской области, ставят Казахстан в ряд древних письменных цивилизаций мира. Эпиграфические артефакты керамических кирпичей-таблиц с древними письменами прото-согдийского письма, найденные на городище Культобе, некрополях Культобе и Кылышжар, датируются 2-й пол. I в. н.э. – началом II в. н.э. Данные находки, включая нумизматические материалы и исследования, проведённые палеолингвистами Казахстана, России, Великобритании, Израиля, Франции, доказывают, что в Центральной Азии существовало алфавитное строчное письмо, выполненное арамейской эпиграфикой на одном из восточных диалектов древнеиранского языка, который можно рассматривать как кангюйский язык [Подушкин 2000; Sims-Williams et al. 2007: 1006–1034].

Таким образом, каждое из утверждений А.Х. Маргулана имело под собой серьёзные научные основания и получило доказательную базу последующими исследованиями самого учёного и других историков и археологов.

5 Обсуждение (Бедельбаева М.В.)

Анализируемые события, связанные с критикой книги «История Казахской ССР», решением о её переработке и выпуске 2 издания [История ... 1949], стали тем исходным моментом, с которого начались многолетние археологические исследования А.Х. Маргулана на территории Казахстана, когда он стал признанным лидером отечественной археологии. Сторонник объективности и противник излишней идеологизации науки А.Х. Маргулан после партийного прессинга 2-й пол. 40-х гг. XX в. изменил область исследований, углубив на несколько тысячелетий вектор научных интересов, достигнув выдающихся результатов в археологии. К 1945 г. он был уже сложившимся учёным с широким научным кругозором, теоретическими и методическими наработками, специализированной профессиональной подготовкой археолога.

В ноябре 1931 г., в соответствии с распоряжением Народного комиссариата просвещения об увеличении среди учащихся количества национальных кадров, А.Х. Маргулан был принят в аспирантуру ГАИМК дополнительным набором. Вот что писал он сам 24 октября 1931 г., когда обратился с просьбой о зачислении в сектор археологии ГАИМК: «Получив командировку от среднеазиатского университета в аспирантуру Академии наук, я не имел возможности попасть к ним, так как все места по линии аспирантуры Академии наук переполнены. Поэтому, имея желание специализироваться в одном из научных учреждений Ленинграда, прошу зачислить меня в аспирантуру Вашей Академии по сектору археологии. Расширить квалификацию в Средней Азии невозможно, потому что там нет соответствующих научных учреждений, тем более, что отсутствие на местах литературы по избранной области тоже не даёт возможности специализироваться. А. Маргуланов» (цит. по: [Медведева 2020]).

Обучаясь в аспирантуре, А.Х. Маргулан осваивал теоретическую и практическую археологию, технику ведения раскопок, черчение, фотодело, исторический и диалектический материализм, языковую подготовку (немецкий и английский языки). Он слушал лекции по древнетюркской письменности С.Е. Малова, по археологии Средней Азии А.Ю. Якубовского, по древнему искусству Индии и Восточного Туркестана С.Ф. Ольденбурга. Летом принимал участие в археологических экспедициях и раскопках в России, которыми руководили С.И. Руденко, А.А. Миллер, Н.И. Репников, М.П. Грязнов [Бейсенов и др. 2017: 56].

Несомненно, годы обучения оказали влияние на становление профессионализма А.Х. Маргулана, однако, у него не было опыта ведения полевых работ в Казахстане. Осознавая это и учитывая малочисленность местных научных кадров, он привлекает специалистов научных организаций Москвы и Ленинграда к решению узловых археологических проблем в изучении памятников эпохи бронзы и железа. С целью углубления исследований по разным направлениям археологии Казахстана А.Х. Маргулан ведёт активную переписку с археологами С.В. Киселевым, Б.Н. Граковым, К.В. Сальниковым и др. [Бейсенов и др. 2017: 57–59].

По приглашению А.Х. Маргулана для работы в «Центрально-Казахстанской архитектурно-археологической экспедиции АН КазССР» приезжает студент 4 курса МГУ Л.Р. Кызласов (так указано название экспедиции в его полевом дневнике – *прим. авт.*) [Кызласов 2017а]. Согласно его воспоминаниям, в 1948 г. А.Х. Маргулан ещё не считает себя археологом, хотя созданная им в 1946 г. ЦКАЭ уже проводит исследования. «Парадоксом Маргулана» называет Л.Р. Кызласов его специфическое полевое везение. По его мнению, А.Х. Маргулан планировал найти археологические объекты, напрямую связанные с историей древних и средневековых тюрков – предков казахов [Кызласов 2017б: 72]. Он целенаправленно раскапывал разнообразные по устройству могильные сооружения, но, исследуя их, обнаружил новые памятники эпохи бронзы и открыл могильник Бегазы. В 1950 г. вышла совместная статья Л.Р. Кызласова (уже аспиранта МГУ) и А.Х. Маргулана, подводившая итоги работ 1947–1948 гг. Раскопанные объекты были датированы VII–VI вв. до н.э. и отнесены к кругу памятников плиточных могил Монголии и Забайкалья. Авторы указывали на некоторое сходство с андроновской, карасукской и раннескифской традициями [Кызласов, Маргулан 1950: 18–32]. В последующем на основании этих материалов А.Х. Маргулан выделил новую для науки бегазы-дандыбаевскую культуру [Маргулан 1979].

Так, при непосредственном руководстве и участии А.Х. Маргулана начинается реализация региональных археологических исследований и постепенно формируется потенциал национальной археологической школы. Учёный понимает, что для дальнейшей разработки истории Казахстана актуальным является выяснение хронологических стадий и региональных особенностей культуры древнего населения, их роли в сложении культурно-исторического единства степных племен Евразии (саки, массагеты, даи, гунны, усунь, канглы, кыпчаки, огузы, карлуки и др.), их взаимоотношений с соседними странами. «Это освободит нас от фантастического представления и о “древних кочевниках” вообще, и неточного собирательно термина “скиф” в частности» (цит. по: [Бейсенов и др. 2017: 54]). Перспективы археологического изучения он видел в исследовании наиболее важных и наименее освещённых другими видами источников и предшествующими раскопками проблем – материальная культура племён древности, городская и кочевая культура древних кыпчаков, огузов, карлуков [Маргулан 1948: 3–32].

В 1948 году в журнале «Известия АН Казахской ССР» вышел первый выпуск новой серии – археологической и это стало возможным благодаря, в том числе, и исследованиям А.Х. Маргулана. Опубликованная им в соавторстве с Е.И. Агеевой статья представляла подробную сводку имеющихся данных об археологических работах на территории Казахстана в период с 1926 по

1946 г. [Маргулан, Агеева 1948: 125–135]. Позднее эти материалы, как и итоги широкомасштабной разведки созданной А.Х. Маргуланом Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, в комплексе с другими результатами вошли в «Археологическую карту Казахстана» – первое подобное издание в СССР [АКК 1960].

В 1946 году, т. е. на следующий год после своего выступления на заседании Учёного совета в г. Москве, член-корреспондент АН Казахской ССР А.Х. Маргулан организовал рекогносцировочное обследование древних памятников в Каратау, Бетпақдале, в бассейнах рек Сарысу, Кенгир и Чу, пройдя разведочными маршрутами около 6 тыс. км. Осмотрено большое количество древних архитектурных сооружений (мечети, мазары), остатки оросительных каналов и развалины древних городов X–XV вв. Были сняты планы и собран подъёмный материал [Маргулан, Агеева 1948: 134–135].

Следуя по маршруту древних кочевых путей с юга на север по восточным границам пустыни Бетпақдала, через западное побережье озера Балхаш, от реки Моинты в верховья реки Сарысу, через водоразделы Актау, Ортау, Моинты, Нуры, Тоқырауын до Жезказгана и в местность Теректы, А.Х. Маргулан предметно доказал, что важные археологические объекты лежат неподалеку от караванных путей «Хан жолы», «Каркаралы жолы», «Уанас жолы», «Жеті қоңыр жолы», «Сарысу жолы» [Маргулан 1949: 68–79]. Эти известные в нарративной традиции караванные дороги, которые ранее связывали южные регионы с Центральным Казахстаном, Южным Приуральем, Западной Сибирью, способствовали укреплению культурных и торговых отношений с соседними племенами и государствами. В своих исследованиях А.Х. Маргулан учитывал множество факторов – протяжённость маршрутов, сезонность, наличие пастбищ, колодцев с питьевой водой, необходимость отдыха в степных оазисах и др.

Используя материалы, найденные в ходе разведки, академик анализировал их в сочетании с письменными данными из архивов Ленинграда и Москвы, о чём свидетельствуют многочисленные ссылки на труды путешественников, топографов и геодезистов XIX в. (Ч. Валиханов, Нифантьев, Соболев, Фролов, Лобанов. Ю.А. Шмидт), биологов, зоологов, геологов XX в. (Л.Р. Чермак, В.А. Селевин, Н.Н. Яковлев) [Маргулан 1950б: 61–72]. А.Х. Маргулан проработал огромный пласт источников, например, впервые привлёк данные из архива А.И. Шренка: в документах зафиксирована дата, когда этот материал заинтересовал исследователя – 1949 г. [Архив А.И. Шренка: 48]. Он был первым, кто анализировал этот архив, большая часть которого написана на немецком языке и до сих пор не переведена и не опубликована, с целью поиска упоминаний о древних и средневековых памятниках Казахстана. В 1952 г. его просматривала Е.И. Агеева, в 2016 и 2023 гг. – один из авторов этой статьи (М.В. Бедельбаева).

В результате обследования Бетпақдалы было обнаружено множество интересных артефактов эпохи мезолита, археологических памятников неолит-энеолитического времени, раннего средневековья и найдены доказательства процветания «довольно обширной оседлой культуры, основанной на широком применении оросительных систем и плавки металла, сырьё для которой добывалось в соседних районах Бетпақдалы и около Балхаша» [Маргулан 1950б: 68].

Позиция А.Х. Маргулана по ряду положений изданной в 1943 г. «Истории Казахской ССР», изложенная в стенограмме заседания Учёного совета ИИ АН СССР, является доказательством его глубоких знаний в области истории, восточной лингвистики и нарративных источников. Приведённый архивный документ показывает, что угол зрения А.Х. Маргулана на историю казахов гораздо шире, чем у его оппонентов. Он, как представитель классической академической школы востоковедения, оказался проницательным учёным и был единственным, кто с научных позиций доказывал преимущество истории казахов на протяжении древности, средневековья и Ново-

го времени. Великолепно зная особенности хозяйства и быта казахов, язык, фольклор, мифологию, он видел непрерывную линию развития материальной и духовной культуры в национальной истории с древности до современности.

Целый ряд доказанных современной исторической наукой выводов и положений не могли бы состояться без того творческого и организационного импульса археологии, который был обеспечен научным и профессиональным талантом академика А.Х. Маргулана.

6 Заключение (Жумашев Р.М., Бедельбаева М.В.)

«Когда хорошо знаешь историю, политика – это только политика», – писал Дэвид Хокни (знаменитый современный художник – прим. авт.). Анализируемая ситуация из интеллектуальной биографии А.Х. Маргулана это доказывает. Не желая «усваивать» идеологические уроки и писать то, чего ждали от него власти, учёный углубляется в археологию, охватывая весь хронологический срез бесписьменной истории. Постигание истории по А.Х. Маргулану, нацеленное на погружение в древность и средневековье, исключало идеологические доминанты сталинского периода и позволяло внести элемент альтернативности в существующие научные трактовки. Имевший весомый багаж академических знаний в области археологии, этнографии и фольклора, не обременённый высоким должностным статусом, А.Х. Маргулан работал, основываясь на сугубо научных методах. Археология способствовала творческому самовыражению учёного и конструированию свободного от давления исследовательского пространства.

Ключевые методологические концепты А.Х. Маргулана и фактологический материал, собранный им, стали платформой для написания «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» в 5-томах, изданной в 1977 г. Он входил в состав главной редакционной коллегии. Археологические данные, накопленные к настоящему времени, убеждают нас в истинности высказываний А.Х. Маргулана – в том, что, несмотря на массовые миграции, антропологическую и этническую смену населения, кардинальные изменения в хозяйственной деятельности и идеологических представлениях, на протяжении тысячелетий сохранялась преемственность в культуре населения Казахстана.

Новый архивный документ, представленный в статье, имеет важное значение для углубления интеллектуальной биографии А.Х. Маргулана, показывая предпосылки становления казахстанской археологии, характеризуя его как лидера школы и предоставляя материал для анализа его исследовательской программы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Абсеметов М.О. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Вестник Томского университета. 2016. № 402. С. 18-22.
- 2 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
- 3 Архив Российской Академии наук. Отдел рукописных фондов. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 83.
- 4 Архив А.И. Шренка. Ф. 317, оп. 1, д. 1-54. Санкт-Петербургский филиал архива РАН.
- 5 Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение Сб-к научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА КН МОН РК; НИИЦИА «Бегазы-Тасмола». 2017. С. 11-64.
- 6 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 2002. 336 с.
- 7 Жумашев Р.М., Мырзахметова А.Ж., Едгина Г.Т., Кожабеков Д.С. Советские историки 1944 года в ЦК ВКП(б) и развитие советской историографии истории Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Сер. История. Философия. 2022. № 4. С. 56–62.

- 8 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ. 1943. 656 с.
- 9 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. И.О. Омарова, А.М. Панкратовой. В 2-х т. 2-е изд., испр. и доп. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1949.
- 10 История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 г.) 3-е издание. Алматы: Printexpress, 2011.
- 11 Интернет-ресурс. URL: <https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brId=1152376> (дата обращения: 23.04.2024 г.)
- 12 *Кызласов Л.Р.* Дорожные зарисовки (Центрально-Казахстанская архитектурно-археологическая экспедиция АН КазССР. 18.VII. – I.X. 1948 года). Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017а. 96 с.
- 13 *Кызласов Л.Р.* Слово об Алека Маргулане // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб-к научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017б. С. 70-75.
- 14 *Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 18-32.
- 15 *Маргулан А.Х.* Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 3-32.
- 16 *Маргулан А.Х.* Древние караванные пути через Бетпак-дала // Вестник АН КазССР. 1949. № 1 (46). С. 68-79.
- 17 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950а. 121 с.
- 18 *Маргулан А.Х.* Историко-топографический фон Восточной Бетпак-далы // Вестник АН КазССР. 1950б. № 6 (63). С. 61-72.
- 19 *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- 20 *Маргулан А.Х., Агеева Е.И.* Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 г.) // Известия АН КазССР. Сер. арх. 1948. Вып. 1. С. 125-135.
- 21 *Медведева М.В.* «В упорной борьбе за марксистскую историю материальной культуры ...»: документы аспиранта ГАИМК Алькея Маргуланова из архивного собрания ИИМК РАН // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 5 (91). [Электронный ресурс] URL: <https://histori.jes.su/s207987840010316-6-1> (дата обращения: 23.04.2024 г.)
- 22 *Медведева М.В.* Подготовка национальных кадров в ГАИМК: судьба аспиранта А.Х. Маргуланова // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина; отв. ред. выпуска И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2022. С. 420-430.
- 23 *Морозов М.* Об «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 4-5. С. 28-35.
- 24 *Мотузайте Матусевичус Г.* Рацион питания населения Каратумы, определенный с помощью анализа костного коллагена // Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 623-633.
- 25 Обсуждение в редакции «Исторического журнала» книги «История Казахской ССР» // Исторический журнал. 1943. № 11-12.
- 26 *Пищулина К.А.* Присырдарьинские города и их роль в истории казахских ханств в XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVIII веках (вопросы социально-политической истории) / Отв. ред. Б.С. Сулейменов. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 5-50.
- 27 *Подушкин А.Н.* Арыская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н. э. Туркестан: Изд. центр МКТУ им. А. Яссави, 2000. 201 с.
- 28 *Пясковский А.* История Казахской ССР // Газета «Правда». 1943. 10 июля. С. 4.
- 29 *Сасаки Ю., Рахимжанова С., Онгарулы А., Каирмагамбетов А., Эндо Э., Досумани Дюпюй П., Макулбаева М., Шпенглер Р., Шода Ш.* Отпечатки проса на керамике раннего железного века из кургана Тортоба в Западном Казахстане // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 4 (18). С. 116-132.
- 30 Стенограмма совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47-86.
- 31 *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. 217 с.
- 32 *Хусаинов К.Ш.* В.В. Радлов и казахский язык. Алма-Ата: Наука, 1981. 172 с.
- 33 *Frchetti, Michael D. Spegler, Robert N. Gayle J. Fritz, Alexei N. Maryashev.* Earliest direct evidence for broomcorn millet and wheat in the central Eurasian steppe region // Antiquity. 2010. 84. Pp. 993-1010.
- 34 *Sims-Williams N., Grenet F., Podushkin A.* Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // Academie des Inscripton & Belles. Paris, 2007. Pp. 1006-1034.

REFERENCES

- 1 Absemetov, M. O. 2016. In: *Bulletin of Tomsk University*, 402, 18-22 (in Russian).
- 2 Ageeva, E. I., Akishev, K. A. Kushaev, G. A., Maksimova, A. G., Senigova, T. N. (compl.). 1960. *Arheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).
- 3 In: Archive of the RAS. Department of manuscript collections. F. 1577. Op. 2. D. 83 (in Russian).
- 4 In: Archive of A.I. Shrenk. F. 317. Op. 1. D. 1-54.
- 5 Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z. Loman, V. G. (eds.) *Arkheologicheskoye naslediye Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola", 11-64 (in Russian).
- 6 Erofeeva, I. V. 2002. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel i politik (Khan Abulkhair: commander, ruler and politician)* Almaty: "Sanat" Publ. (in Russian).
- 7 Zhumashev, R. M., Myrzakhmetova, A. Z., Edgina, G. T., Kozhabekov, D. S. 2022. In: *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser. istoriya filosofiya (Bulletin of Karaganda University. Ser. Histories. Philosophy)*, 4, 56–62 (in Russian).
- 8 Abdykalykov, M., Pankratova, A. (eds.). 1943. *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney (History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day)*. Alma-Ata: KazOGIZ Publ. (in Russian).
- 9 Omarov, I., Pankratova, A. (eds.). 1949. *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney (History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day)* / In 2 vol. Alma-Ata: KazOGIZ Publ. (in Russian).
- 10 *Istoriya Kazakhstana (Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Izdaniye 1943 g.) (History of Kazakhstan (History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day. Edition 1943))* 2011. 3 edition. Almaty: "Printexpress" Publ. (in Russian).
- 11 Internet resource. URL: <https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brId=1152376> (accessed: 04/23/2024) (in Russian)
- 12 Kyzlasov, L.R. 2017a. *Dorozhnyye zarisovki (Tsentralno-Kazakhstanskaya arkhitekturno-arkheologicheskaya ekspeditsiya AN KazSSR.) (Road sketches (Central Kazakhstan architectural and archaeological expedition of the Academy of Sciences of the Kaz SSR))*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ. (in Russian).
- 13 Kyzlasov, L. R. 2017b. In: Beisenov, A. Z. Loman, V. G. (eds.) *Arkheologicheskoye naslediye Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. In 2 vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, "Begazy-Tasmola", 70-75 (in Russian).
- 14 Kyzlasov, L. R., Margulan, A. Kh. 1950 In: *Kratkiye soobshcheniya instiuta istorii materialyenyoy klutury (Brief reports from the Institute of the History of Material Culture)*, 32, 18-32 (in Russian).
- 15 Margulan, A. Kh. 1948. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archaeol.)*, 1, 3-32 (in Russian).
- 16 Margulan, A. Kh. 1949. In: *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 1, 68-79 (in Russian).
- 17 Margulan, A. Kh. 1950a. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazakhstana (From the history of the cities of the construction art of ancient Kazakhstan)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences (in Russian).
- 18 Margulan, A. Kh. 1950b. In: *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 6, 61-72 (in Russian).
- 19 Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya cultura Tsentralnogo Kazakhstana (Begazy-dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 20 Margulan, A. Kh., Ageeva, E. I. 1948. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archaeol.)*, 1, 125-135 (in Russian).
- 21 Medvedeva, M. V. 2020. In: *Zhurnal istoriya (History journal)*, vol. 11, 5 (91) URL: <https://histori.jes.su/s207987840010316-6-1> (accessed 23.04.2024) (in Russian).
- 22 Medvedeva, M. V. 2022. In: Gaydukov, P. G., Tunkina, I. V. (eds.) *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii (Essays on the history of Russian archaeology)*, VI. 420-430 (in Russian).
- 23 Morozov, M. 1945. *Bolshevik Kazakhstana*, 4-5, 28-35 (in Russian).
- 24 Motuzaitė Matuzevičius, G. 2016. In: Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zakharov, S. V. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zheleznogo veka v Semirechye (Burial ground of Karatuma. Early Iron Age necropolis in Semirechye)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 622-633 (in Russian).

- 25 In: *Istoricheskiy zhurnal (Historical magazine)*, 1943, 11-12 (in Russian).
- 26 Pishchulina, K. A. 1969 In: Suleimenov, B. S. (ed.). *Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (voprosy sotsialno-politicheskoy istorii) (Kazakhstan in the 15th–18th centuries (issues of socio-political history))*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 5-50 (in Russian).
- 27 Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya cultura Uzhnogo Kazakhstana IV v do n.e. – VI v. n.e. (Arys culture of Southern Kazakhstan 4th century BC – 6th century AD.)*. Turkistan: Khoja Ahmed Yasawi International Kazakh-Turkish University (in Russian).
- 28 Pyaskovsky, A. 1943. In: *Pravda*, July 10 (in Russian).
- 29 Sasaki, Yu., Rakhimzhanova, S., Onggaruly, A., Kairmagambetov, A., Endo, E., Doumani Dupuy, P., Makulbaeva, M., Shpengler, R., Shoda, Sh. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (18), 116-132 (in Russian).
- 30 In: *Voprosi Istorii (Issues of History)*, 1996, 2, 47-86 (in Russian).
- 31 Tikhonov, V. V. 2014. *Istoriki, ideologia, vlast v Rossii XX veka. (Historians, ideology and power in 20th century Russia)*. Moscow: IRI RAN (in Russian).
- 32 Khusainov, K. Sh. 1981. *V.V. Radlov i kazakhskiy yazyk (V.V. Radlov and the Kazakh language)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 33 Frchetti, Michael D., Spegler, Robert N., Gayle, J. Fritz, Alexei N. Maryashev. 2010. In: *Antiquity*, 84, 993-1010 (in English).
- 34 Sims-Williams, N., Grenet, F., Podushkin, A. 2007. In: *Academie des Inscription & Belles*. Paris, 1006-1034 (en Français).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.05.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 04.06.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 04.06.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.139.159>

Изучение памятников энеолита казахстанского Приишимья (1950-е – 1996 гг.)

© 2024 г. Захаров С.В.

Keywords: archaeology, eneolithic, history of study, Botai, Vasilkovka IV, Goluboy Zaliv I, Krasny Yar I, Roshchinskoye, Troitskoye V, Balandino

Түйін сөздер: археология, энеолит, зерттеу тарихы, Ботай, Васильковка IV, Голубой Залив I, Красный Яр I, Роцинское, Троицкое V, Баландино

Ключевые слова: археология, энеолит, история изучения, Ботай, Васильковка IV, Голубой Залив I, Красный Яр I, Роцинское, Троицкое V, Баландино

Sergey Zakharov¹

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. ORCID: 0009-0009-4848-1118 E-mail: zaharov_sv_69@mail.ru

The study of the monuments of the Eneolithic of the Kazakh Ishim river region (1950 s – 1996)

The article examines the history of the identification and field study of the monuments of the Eneolithic of the Botai type in the second half of the 20th century. The analysis of reports on archaeological exploration and excavations from the Scientific archives of the Margulan Institute of Archaeology and the North Kazakhstan Regional Museum of Local History was carried out. The revealed information is arranged in chronological order and logical sequence. The data on the authorship of the discovery and research of monuments have been clarified. Information about the study of monuments is summarized in a table for ease of orientation. The first information about the Eneolithic materials of the Kazakh Ishim river region was obtained by geologists in the 1950s. In the early 1970s, two Eneolithic monuments of the Iman-Burluk 2 site and the village of Troitskoye village (Troitskoye V) were archaeologically identified. A complex was obtained from the Iman-Burluk 2 settlement, which characterizes the Eneolithic of the region in general terms. The studies of both monuments have not been continued. The main stage of the field study took place in 1980–1996 by the team of the North Kazakhstan Archaeological expedition led by V. Zaibert and is associated with the names of T. Danilenko, V. Zaitov, A. Kislenco, O. Martynyuk, A. Pleshakov, N. Tatarintseva. Settlement-type monuments have been identified and studied to varying degrees: Botai, Vasilkovka IV, Goluboy Zaliv I, Iman-Burluk 2, Krasny Yar I, Roshchinskoye, Troitskoye V, Balandino. The Botai settlement was explored during 16 field seasons, the rest of the monuments – during one or two seasons, or were subjected to periodic surveys. There are no reports on excavations at the Botai settlement in 1991–1996 in the archives, information about them is incomplete. There is work to be done to identify documentation about the excavations of these years.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574223.

For citation: Zakharov, S. 2024. The study of the monuments of the Eneolithic of the Kazakh Ishim river region (1950 s – 1996). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 139–159 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.139.159](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.139.159)

Сергей Владимирович Захаров¹

¹корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Қазақстандық Есіл өңіріндегі энеолит ескерткіштерін зерттеу (1950–1996 жж.)

Сергей Владимирович Захаров¹

¹автор-корреспондент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Марғұлана, г. Алматы, Казахстан

Изучение памятников энеолита казахстанского Приишимья (1950-е – 1996 гг.)

Мақалада ХХ ғасырдың екінші жартысындағы Ботай типтес энеолит ескерткіштерін анықтау және далалық зерттеу тарихы қарастырылған. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының және Солтүстік Қазақстан облыстық тарихи-өлкетану музейінің ғылыми архивтеріндегі археологиялық барлау және қазба жұмыстары туралы есептерге талдау жүргізілді. Анықталған ақпарат хронологиялық тәртіппен және логикалық ретпен берілді. Ескерткіштерді табу және зерттеудің авторлығы туралы мәліметтер нақтыланды. Ыңғайлы болу үшін ескерткіштерді зерттеу туралы ақпарат кестеге салынды. Қазақстандық Есіл өңірінің энеолиттік материалдары туралы алғашқы мәліметтерді геологтар 1950-ші жылдары алды. 1970-ші жылдардың басында археологиялық тұрғыда екі энеолит ескерткіші – Троицкое ауылының жанындағы (Троицкое V) және Иман-Бурлук 2 тұрақтары анықталды. Аймақтың энеолитін жалпы сипаттайтын Иман-Бурлук 2 тұрағынан кешен алынды. Екі ескерткішті де зерттеу жалғасқан жоқ. Далалық зерттеудің негізгі кезеңі 1980–1996 жж. қамтиды, зерттеу Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының ұжымы В.Ф. Зайберттің жетекшілігімен жүргізілді. Сондай-ақ бұл зерттеу жұмыстары Т.А. Даниленко, В.И. Заитов, А.М. Кисленко, О.И. Мартынюк, А.А. Плешаков, Н.С. Татаринцева секілді ғалымдардың есімдерімен байланысты. Ботай, Васильковка IV, Голубой Залив I, Иман-Бурлук 2, Красный Яр I, Роцинское, Троицкое V, Баландино сияқты қоныс типтес ескерткіштер анықталып, әртүрлі деңгейде зерттелді. Ботай қонысы 16 далалық маусым бойы, қалған ескерткіштер бір-екі маусым зерттелді немесе мерзімді тексеруден өтті. Ботай қонысындағы 1991–1996 жылдардағы қазба жұмыстары туралы есептер архивтерде жоқ, олар туралы мәліметтер толық емес. Осы жылдардағы қазба жұмыстары туралы құжаттаманы анықтау жұмыстары әлі алда.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023-2024 жж. бағдарламалық нысаналы қаржыландыруы, ЖТН BR18574223 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Захаров С.В. Қазақстандық Есіл өңіріндегі энеолит ескерткіштерін зерттеу (1950–1996 жж.). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 139–159-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.139.159](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.139.159)

В статье исследуется история выявления и полевого изучения памятников энеолита ботайского типа во второй половине ХХ века. Проведён анализ отчетов об археологических разведках и раскопках из научных архивов Института археологии имени А.Х. Марғұлана и Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Выявленная информация выстроена в хронологическом порядке и логической последовательности. Уточнены данные об авторстве обнаружения и исследования памятников. Информация об изучении памятников для удобства ориентации сведена в таблицу. Первые сведения об энеолитических материалах казахстанского Приишимья были получены геологами в 1950-х гг. В начале 1970-х гг. археологически выявлены два энеолитических памятника стоянки Иман-Бурлук 2 и у с. Троицкое (Троицкое V). Со стоянки Иман-Бурлук 2 был получен комплекс, в общих чертах характеризующий энеолит региона. Исследования обоих памятников не получили продолжения. Основной этап полевого изучения происходил в 1980–1996 гг. коллективом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта и связан с именами Т.А. Даниленко, В.И. Заитова, А.М. Кисленко, О.И. Мартынюка, А.А. Плешакова, Н.С. Татаринцевой. Выявлены и в разной степени исследованы памятники поселенческого типа: Ботай, Васильковка IV, Голубой Залив I, Иман-Бурлук 2, Красный Яр I, Роцинское, Троицкое V, Баландино. Поселение Ботай исследовалось в течение 16-ти полевых сезонов, остальные памятники – в течение одного-двух сезонов, либо подвергались периодическим обследованиям. Отчёты о раскопках на поселении Ботай в 1991–1996 гг. в архивах отсутствуют, сведения о них неполны. Предстоит работа по выявлению документации о раскопках этих лет.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.

Для цитирования: Захаров С.В. Изучение памятников энеолита казахстанского Приишимья (1950-е – 1996 гг.). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 139–159.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.139.159](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.139.159)

1 Введение

Научные исследования разворачиваются в определённом временном и пространственном континууме, связаны с деятельностью отдельных личностей, лидеров и коллективов сотрудников, имеют определённые институциональные формы. Разворачиваясь во времени и пространстве, они

реализуются через конкретные действия и этапы, каждый из которых имеет свои итоги. Помноженное на деятельность людей, всё это составляет историю того или иного научного поиска. И как любая история, процесс свершившейся научной деятельности также нуждается в анализе содержания, осмыслении итогов, упорядоченном изложении. В археологической науке изыскания тесно связаны с открытием новых источников и их полевым изучением. Начиная с 1970-х гг., в Северном Казахстане выявлены и исследованы десятки памятников энеолита, что явилось целой эпохой в истории археологической науки Казахстана.

В статье исследуется история открытия и полевых работ на энеолитических поселениях Казахстанского Приишимья, отнесённых к кругу памятников ботайской культуры (Ботай, Васильковка IV, Голубой Залив I, Красный Яр I, Рощинское, Троицкое V), а также на поселении Баландино на территории России (рис. 1). В данной работе не затрагиваются исследования на поселении Кожай I, которое территориально относится к бассейну р. Ишим, но историографически определено в качестве одного из терсекских памятников Тургайской ложбины и Костанайского Притоболья [Калиева, Логвин 1997]. Отдельного исследования протяжённых во времени, масштабных по объёму и вскрытым площадям культурного слоя, количеству полученных находок и материалов, с участием разных коллективов полевых работ ранее не предпринималось.

Рис. 1. Карта энеолитических памятников ботайского типа: 1 – Иман-Бурлук 2; 2 – Ботай; 3 – Троицкое V; 4 – Красный Яр I; 5 – Васильковка IV; 6 – Голубой Залив I; 7 – Рощинское; 8 – Баландино

1-сур. Ботай типтес энеолит ескерткіштерінің картасы: 1 – Иман-Бурлук 2; 2 – Ботай; 3 – Троицкое V; 4 – Красный Яр I; 5 – Васильковка IV; 6 – Голубой Залив I; 7 – Рощинское; 8 – Баландино

Fig. 1. Map of the Eneolithic monuments of the Botai type: 1 – site Iman-Burluk 2; 2 - settlement Botai; 3 – settlement Troitskoye V; 4 – settlement Krasny Yar I; 5 – settlement Vasilkovka IV; 6 – settlement Goluboj Zaliv I; 7 – settlement Roshchinskoye; 8 – settlement Balandino

2 Материал и методы исследований

2.1 Методика исследований

Ввиду насыщенной истории и масштабности полевых работ хронологические рамки исследования ограничиваются временем поступления первых сведений из региона о материалах энеолитического облика и серединой 1990-х гг. – временем завершения исследований на памятниках ботайского круга коллективом сотрудников Северо-Казахстанской археологической экспедиции (СКАЭ), имевшим свои логику, концепцию, внутреннюю динамику и преемственность. Возобновление их в начале 2000-х гг. осуществлялось в иных условиях, другим кадровым составом, имело свои цели, задачи, содержание.

При этом информация о них содержится в многочисленных отчётах, статьях и монографиях в разрозненном и не всегда в полном виде, иногда – с налётом субъективности. Определённая часть полевых работ в отчётах не отражена. Исследование строится на использовании максимально возможного круга источников для последовательного и детального изучения истории полевых работ на памятниках ботайского круга в период 1950-х–1996 гг.

2.2 Описание материалов исследований

Основные этапы изучения памятников ботайского круга рассмотрены ранее нами [Захаров 2009] в рамках историографического исследования, краткий обзор произведён В.Ф. Зайбертом [Зайберт и др. 2007: 10–22]. Подборку сведений о международном научном сотрудничестве в 2000-е гг. сделал А. Оутрам для раздела «История и перспективы комплексного изучения ботайской культуры» коллективной монографии «Сакральные контексты ботайской культуры» [Сакральные контексты ... 2018: 17–19]. Она содержит ряд данных, не включённых в отчёты о полевых исследованиях, либо из отчётов, оказавшихся недоступными для анализа. Опубликован сжатый хронологический перечень работ на ряде памятников в 1980–2014 гг. на основании данных отчётов [Абильмаликов, Курманиязов 2022]. Источниковую основу исследования составили отчёты о полевых работах, хранящиеся в научных архивах Института археологии имени А.Х. Маргулана и Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (СКОМ). По результатам полевых исследований 1991–1996 гг. отчёты в архивах отсутствуют. Недостающие сведения привлечены из опубликованных работ и сообщений, а также интернет-ресурсов.

3 Результаты

Первым открытым памятником энеолита в регионе явилась стоянка Иман-Бурлук 2, исследованная Л.А. Чалой раскопками в 1970 г. В 1972 г. М.К. Хабдулиной выявлена стоянка у с. Троицкое (поселение Троицкое V), определённая в качестве энеолитического памятника значительно позже. В 1980 г. В.И. Зайтовым было открыто поселение Ботай. Оно исследовалось стационарными раскопками в течение 16-ти полевых сезонов, начиная с 1980 по 1996 г., не включая 1988 г. Такая систематичность обуславливалась рядом мотивов: 1) постоянная необходимость проведения охранных работ; 2) выбор памятника в качестве опорного в изучении эпохи энеолита региона; 3) устройство на Ботае полевой базы всех археологических отрядов СКАЭ и места осуществления экспериментальных работ. В археологическом плане поселение к концу 1980-х гг. было изучено хорошо. Последующие полевые работы на нём целесообразно было проводить в охранных целях либо в рамках узкотематических исследований, используя новые аналитические методы и технологии документирования.

Разновременное поселение Роцинское открыто в 1982 г. Исследовалось стационарными раскопками в 1983-1984 гг. Разновременное поселение Баландино обнаружено в 1982 г. Исследовалось

стационарными раскопками в 1983–1985 гг. Поселение Васильковка IV выявлено А.Г. Шалагиным (1988 г.), Красный Яр I – В.Ф. Зайбертом (1986 г.). Их исследование осуществлено рекогносцировочными раскопками в рамках одного сезона. В 1987 г. Л. Гучинской обнаружена стоянка Голубой Залив I, не исследованная раскопками. Данные о проведенных на них полевых работах сведены в таблицу 1. Со всех памятников получены энеолитические комплексы, схожие с материалами поселения Ботай, но их потенциал как самостоятельных энеолитических комплексов не раскрыт.

Стоянка Иман-Бурлук 2 исследована Северо-Казахстанским отрядом Хакасской археологической экспедиции МГУ. Начиная с 1980 г. и по начало 1990-х гг. исследования памятников энеолита осуществляла ранее сложившаяся команда археологов СКАЭ: Т.А. Даниленко, В.И. Зайтов, А.М. Кисленко, О.И. Мартынюк, А.А. Плешаков, Н.С. Татаринцева, возглавляемая кандидатом исторических наук В.Ф. Зайбертом. Организационно СКАЭ формировалась на базе Петропавловского пединститута им. К.Д. Ушинского (ППИ) и СКОМ. Финансирование полевых работ осуществлялось ППИ им. К.Д. Ушинского в рамках хоздоговорных тем, заключённых с Центральным советом Общества Охраны памятников истории и культуры КазССР и СКОМ. В 1990-х гг. источником финансирования стали выступать средства иностранных участников раскопок, полученных ими в виде грантов. Поселение Баландино исследовалось в 1983 г. Н.К. Стефановой (г. Свердловск), в 1984 г. раскапывалось отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции (УКАЭ) под руководством С.Г. Боталова с участием кадрового состава СКАЭ [Боталов 1984].

Таблица 1 – Полевые исследования на памятниках энеолита в 1970–1996 гг.
1-кесте – 1970–1996 жж. энеолит ескерткіштеріндегі далалық зерттеулер
Table 1 – Field studies at Eneolithic sites (1970–1996)

№ п/п	Памятник	Год	Раскоп/Зоны	Участок	Площадь, кв. м	Жилище, №
	Иман-Бурлук 2	1970	Квадраты 1, 2, 11, 12, 15, 16	Западный	-	-
	Иман-Бурлук 2	1970	Квадраты 3, 4, 9, 10	Центральный	-	-
	Иман-Бурлук 2	1970	Квадраты 5–8, 13, 14	Восточный	-	-
	Троицкое V	1972	Выявлено	-	-	-
	Троицкое V	1988	Обследовано	-	-	-
	Ботай	1980	I	Юго-западный	Сборы – 1000 Раскоп – 836	№ 1–12 (№ 8–10 – частично)
	Ботай	1980	II	Северный	100	№ 13
	Ботай	1980	Зоны 1–6	Юго-западный	Около 1000	Исследованы разрушенные культурные слои
	Ботай	1981	III	Юго-западный	826	Завершены – № 8–10; исследованы полностью – № 21, 23, 28; фрагменты жилищ № 22, 24–27, 29; конструкции № 1–3
	Ботай	1981	IV	Юго-восточный	176	№ 19, 20

Продолжение таблицы 1
1-кестенің жалғасы
Continuation of table 1

	Ботай	1981	V	Центральный	400	№ 14–17 и окраины № 18, 30, 31
	Ботай	1981	VI	Северо-восточный	124	№ 40 (не завершено)
	Ботай	1982	VII	Восточная окраина	48	Завершено – № 40
	Ботай	1982	VIII	Северо-западный	259	№ 18, 31, 32, 36 (частично)
	Ботай	1982	IX	Западная окраина	траншея	Не выявлено
	Ботай	1982	X	Западная окраина	256	№ 33
	Ботай	1982	XI	Восточная окраина	280	№ 38, 39 (зафиксированы юго- восточные очертания)
	Ботай	1982	XII	Южный	328	№ 34, 35, 37, 41
	Ботай	1982	Зона № 9	У береговой линии	-	Исследованы разрушенные культурные слои
	Ботай	1982	XIII	Северо-восточный	116	Не выявлено
	Ботай	1983	XIV	Южный	192	№ 45
	Ботай	1983	XV	Центральный	264	№ 43, 44
	Ботай	1983	XVI	Северо-западный	20	Не выявлено
	Ботай	1983	-	Разрешенные участки южной части	-	Зона разрушений
	Ботай	1984	XVII	Южный	144	№ 45 (завершено), 45А (завершено), 46, 47
	Ботай	1984	XVIII	Южный	464	№ 48–58
	Ботай	1984	Зона 10	Южный	-	Зона разрушений
	Ботай	1985	XIX	Центральный	108	№ 59
	Ботай	1985	XX	Юго-восточный	428	№ 60, 61
	Ботай	1985	XXI	Северный	60	№ 62 (частично)
	Ботай	1986	XXI	Северный	Расширен до 64	№ 62 (завершено)
	Ботай	1986	XXII	Юго-западный	208 кв. м непо- тре- воженного куль- турного слоя и 112 кв. м – переотло- женного	№ 27 (завершено); 75; Выявлены частично контуры жилищ № 135, 136
	Ботай	1986	XXIII	Юго-западный	14 и 16	№ 48 (завершено)
	Ботай	1986	XXIV	Центральный	168,5	№ 39
	Ботай	1987	XXV	Центральный	192	№ 138 (частично), 139 (частично), 140
	Ботай	1989	XXVI	Юго-западная береговая	324	Выявлены нечёткие очертания 2-х жилищ, б/н (согласно отчету) № 143, 144, 147, 148 (согласно топоплану 1992 г.)

Окончание таблицы 1
1-кестенің соңы
End of table 1

	Ботай	1990	XXVIII	Юго-западная береговая	40	Не выявлено (согласно отчёта); № 142 (согласно топоплану 1992 г.)
	Ботай	1990	XXIX	Северо-восточная	256	№ 141
	Ботай	1991	XXX	Северо-восточная	108	Раскоп не завершён, законсервирован (согласно отчёту); № 145, 146 (предположительно, согласно топоплану 1992 г.)
	Ботай	1992 – 1996	XXXI	Юго-западная	96	№ 29а, завершены № 26 и 29 и
	Ботай	1996	Нет данных	Юго-восточная	Нет данных	Нет данных
	Ботай		Нет данных	Северо-восточная	Нет данных	Нет данных
	Ботай		Нет данных	Юго-западная береговая	Нет данных	Нет данных
	Ботай		Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
	Рощинское	1982	Выявлено	-	-	-
	Рощинское	1983	I	Северо-западная	304	-
	Рощинское	1983	II	Восточная	112	-
	Рощинское	1983	III	Восточная окраина	24	-
	Рощинское	1984	IV	Западная	144	-
	Рощинское	1984	V	Западная	12	-
	Рощинское	1984	VI	Юго-восточная	16	-
	Баландино	1982	Выявлено	-	-	-
	Баландино	1983	I, II	Западная и восточная	Нет данных	№ 1
	Баландино	1984	III	Западная	256	-
	Баландино	1984	IV	Восточная	369	№ 2
	Баландино	1985	V	Восточная	189	-
	Красный Яр I	1986	Выявление	-	-	-
	Красный Яр I	1987	Раскоп б/н	Южный	240	№ 1, 2 (фрагмент), 3 (фрагмент)
	Васильковка IV	1987	Шурф	Восточный	-	-
	Васильковка IV	1989	Раскоп б/н	Восток центральной части	192	№ 1
	Голубой Залив I	1987	Выявлено	-	-	-
	Голубой Залив I	1990	Обследовано	-	-	-

4 Обсуждение

Основные памятники ботайского круга расположены у небольших рек Иман-Бурлук и Чаглинка и близлежащих озёр. Первые сведения о них стали поступать с 1950-х гг.

Стоянка Иман-Бурлук 2

В 1953 г. зоологом М.Д. Бирюковым было сделано устное сообщение отделу археологии ИИАЭ АН КазССР об обнаружении кремневых сколов на левом берегу р. Иман-Бурлук, у с. Никольско-Бурлукское. В качестве «Стоянки неолитической» это местонахождение включено в «Археологическую карту Казахстана», 1960 г., под номером 194 [АКК 1960: 40]. По данным Л.А. Чалой, в 1958 г. сведения о ней были получены и Г.Ю. Петренко, геологом Центрально-Казахстанской экспедиции Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ), передавшего собранную коллекцию Л.Р. Кызласову и хранящуюся в музее МГУ [Чалая 1970: примечание 2 на с. 1].

Изучение стоянки осуществлено Северо-Казахстанским отрядом Хакасской археологической экспедиции МГУ, руководимым Л.А. Чалой, в 1970 г. [Чалая 1970; Чалая и др. 1971]. Место стоянки локализовалось в 1,5 км от с. Никольское, на разрушающемся высоком берегу р. Иман-Бурлук. С её поверхности собран обильный археологический материал и заложено 16 квадратов раскопок в восточной, центральной и западной частях памятника [Чалая 1970: 1-2]. На памятнике было выделено две планиграфически разграниченных стоянки: восточная, Иман-Бурлук 1, и западная – Иман-Бурлук 2. Автором раскопок были прослежены резкие различия в инвентаре стоянок Иман-Бурлук 1 и 2 по используемому каменному сырью, типологическому составу каменных орудий, орнаментации и рецептуре формовочных масс сосудов. Л.А. Чалая отметила тождественность материалов стоянки Иман-Бурлук 2 комплексам стоянки Терсек-Карагай в Костанайском Притоболье и поселений суртандинского типа в Зауралье (Кысы-Куль, Сабакты III и др.). Материалы раскопок опубликованы в 1973 г. [Чалая 1973].

Поселение Троицкое V

В 1972 г. разведочным отрядом СКАЭ под руководством М.К. Хабдулиной в 3,3 км северо-восточнее села Троицкое на правом берегу р. Чаглинки выявлена «Стоянка у с. Троицкое» [Хабдулина 1973: 76]. Шурф показал отсутствие культурного слоя, подъёмный материал демонстрировал смешанный пластинчато-отщеповый облик кремневого комплекса. Стоянка датирована неолитом и бронзой. В 1988 г. она обследована отрядом СКАЭ под руководством директора Кокчетавского областного историко-краеведческого музея А.Г. Шалагина и получила название «Стоянка Троицкое V» [Шалагин 1989: 31]. В 2006 г. в ходе обследования отрядом Кокчетавской археологической экспедиции (КАЭ) под руководством В.Ф. Зайберта на памятнике зафиксированы четыре жилищные впадины округлой формы [Зайберт 2009а: 443]. В этом же сезоне стоянку обследовала команда С. Олсен, которая отнесла её к числу памятников ботайской культуры. Осуществленная Дэвидом Маки магнитная градиентометрическая съёмка территории памятника позволила определить котлованы от 14 до 18 домов [Olsen, Harding 2008: 68].

Таким образом, в начале 1970-х гг. археологически выявлены два энеолитических памятника, исследования которых не получили продолжения. Усилия коллектива исследующий регион СКАЭ в 1970-х гг. были сосредоточены на археологических разведках и на раскопках стоянок эпохи неолита, результатом которых стало выделение атбасарской культуры. Целенаправленные, масштабные и многолетние исследования энеолита в Казахском Приишимье развернулись начиная с 1980 г.

Поселение Ботай

В июне 1980 г. разведочной группой СКАЭ под руководством В.И. Заитова на правом берегу р. Иман-Бурлук, в 1,5 км юго-восточнее с. Никольское-Бурлукское, обнаружено поселение с культурным слоем, активно разрушающимся оврагами и берегом реки [Зайберт 1980: 6]. Целью группы являлась археологическая разведка в Кокчетавской области по маршруту вдоль рек Иман-Бурлук (Володаровский р-н), Ишим (Чистопольский р-н) и по берегу оз. Якши-Янгистау (Арыкбалыкский р-н) [Заитов, Зайберт 1980]. Такая же разведка в полевом сезоне 1980 г. осуществлялась Н.С. Татаринцевой на территории тогдашних Сергеевского и Ленинского районов Северо-Казахстанской области (далее – СКО) [Татаринцева 1980].

Местоположение выявленного В.И. Заитовым памятника совпадает с локализацией исследованных Л.А. Чалой стоянок Иман-Бурлук 1 и 2, но в материалах отчётов и публикациях о его обнаружении и исследовании не прослеживаются попытки их отождествления. Поселению было присвоено название «Ботай» по наименованию железнодорожного разъезда в 7 км северо-восточнее памятника [Зайберт 1980: 3]. Как показала практика, название поселения выбрано удачно.

Руководителем СКАЭ В.Ф. Зайбертом были оценены масштаб, значение памятника, перспективы его исследования. Поэтому полевые работы на памятниках неолита, на материалах которых к этому времени была выделена атбасарская культура и защищена диссертация на соискание научной степени кандидата наук, были свёрнуты. В течение июля–сентября 1980 г. на памятнике развернулись масштабные спасательные работы. Предварительно осуществлена инструментальная съёмка местности, на всю территорию поселения наложена единая сетка условных квадратов размерами 10×10 м. Исследуемый в 1980 г. участок разрушенного культурного слоя в целях удобства фиксации материалов разделен на шесть условных зон. К раскопкам полевого сезона следующего, 1981 г., была выработана стратегия изучения памятника, разработана нумерация раскопов и жилищных котлованов.

Площадь поселения оценена в «более 10 га», задокументировано 56 жилищных впадин с визуально чёткими очертаниями. Всего на поверхности просматривалось около 80-ти западин. В юго-западной части поселения произведены работы по сбору и документированию находок и материалов из бортов и дна оврага на общей площади около 1000 кв. м (зоны 1–6) и аварийные раскопки на активно разрушающемся участке между двумя оврагами на площади 836 кв. м (раскоп 1). Здесь расчищены котлованы 12-ти жилищ. В северной части поселения заложен исследовательский раскоп (раскоп 2) над котлованом жилища (жилище № 13) с целью определения степени культурной гомогенности памятника. В совокупности за сезон 1980 г. было получено около 60 тыс. артефактов и более 100 тыс. костей животных [Зайберт 1980: 54-55]. Полученная коллекция костей животных в полевых условиях определена палеозоологом, научным сотрудником сектора археологии ИИАЭ АН КазССР Л.А. Макаровой. Небольшая часть костей подверглась биометрической обработке [Макарова 1980].

Первая публикация о Ботое с краткими сообщением об объёмах проделанных работ и характеристикой полученного в полевом сезоне 1980 г. материала состоялась в сборнике «Археологические открытия–1980» [Зайберт 1981]. Памятник датирован энеолитом и признан однокультурным, что явилось явно поспешным выводом, так как в первый же сезон раскопок типологически выявлен более ранний комплекс из микропластин на светлых мелкозернистых кварцитах, качественных яшмовидной и кремниевой породах тёмных тонов [Зайберт 1980: 54-55].

Учитывая новизну памятника для коллектива, ранее исследовавшего маломощные и с разрушенным культурным слоем неолитические стоянки, сложность планиграфической и стратиграфической ситуации, обилие и разнообразие материала, к полевым работам и обработке их резуль-

татов в полевом сезоне 1981 г. были привлечены археолог, к.и.н. Г.Б. Зданович; почвовед, старший научный сотрудник Института почвоведения и агрохимии АН СССР И.В. Иванов; палеозоолог, научный сотрудник сектора археологии ИИАЭ АН КазССР Л.А. Макарова [Отчет 1981: 3-4]. Четырьмя раскопами (III–VI), заложенными в разных частях памятника в рамках охранных мероприятий и с целью определения границ распространения культурного слоя, исследовано 1536 кв. м культурного слоя, полностью расчищены жилища № 14–17, 19–21, 23, 28, частично – жилище № 40, частично затронуты котлованы жилищ № 18, 30, 31 и полностью изучены фрагменты разрушенных жилищ № 22, 24–27, 29, обнаружено 49490 предметов, получен обильный остеологический материал. Ведущими раскоп V Г.Б. Здановичем и О.И. Мартынюком выявлена и реконструирована особенность планировки жилых зон (сотовое расположение жилищ, соединённых переходами) [Зайберт и др. 1981].

В 1982 г. в разных частях памятника заложены и исследованы раскопы VII–XIII, вскрыты полностью или частично 12 жилищ: 18, 31–35, 36 (частично), 37, 38, 39 (частично), 40 (завершено), 41. В береговой части разобран разрушенный культурный слой условной зоны 9 [Зайберт и др. 1982]. Общая площадь раскопов составила 1453 кв. м. Раскопом VIII была выявлена квартальная планировка вскрытого участка поселения. По результатам наблюдений над конструкциями раскопа X жилища на памятнике реконструированы в виде полуземлянок с наземными грунтовыми (глиняными) стенами, перекрытых шатровой деревянной конструкцией, обмазанной сверху глиной. Раскопы VII, IX, XI, XIII позволили уточнить границы памятника и определиться с закладкой будущих раскопов. С раскопов получено около 40 тыс. артефактов и десятки тысяч костей животных. В полевых работах сезона 1982 г. приняли участие приглашённые специалисты из сферы естественных наук: кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ЛОИА АН СССР Н.Н. Ермолова; старший научный сотрудник Института почвоведения и агрохимии АН СССР И.В. Иванов; доценты кафедры географии ППИ им. К.Д. Ушинского Н.П. Белецкая и С.Г. Водопьянова. Результаты исследований специалистов естественных наук в отчёт о полевых работах за 1982 г. не включены, но в публикации «Археологические открытия–1982» указано, что Н.М. Ермоловой проведены определения костного материала, 99.9% которого составили остатки лошади [Зайберт 1984].

В полевом сезоне 1983 г. заложены раскопы XIV–XVI площадью 192, 264 и 20 кв. м, соответственно, и обследована зона разрушения в береговой части поселения Ботай [Зайберт и др. 1983а]. Раскопами XIV, XV исследованы жилища № 43–45. Здесь на поселении впервые выявлены костные остатки людей: в яме 10 рядом с котлованом жилища 44 раскопа XV встречен череп с позвонками, с лицевой частью, покрытой охрой, в жилище 45 раскопа XIV – коллективное погребение. Раскоп XVI заложен рядом с раскопом VIII 1982 г. с целью расширения площадки для проведения экспериментальных работ по домостроению, осуществлённых в этом же сезоне А.А. Плешаковым, О.И. Мартынюком, Т.А. Даниленко на основе наблюдений, сделанных в 1982 г. на раскопе X. По результатам эксперимента была выявлена слабая тяга для дыма из очага при использованном варианте реконструкции и высказано предположение о более высокой, чем в эксперименте, высоте шатровой конструкции неолитического жилища [Плешаков и др. 1983].

Неординарность памятника для археологической науки позволила и сделала необходимым проведение на базе поселения Ботай Всесоюзного полевого семинара (август 1983 г.) с участием ведущих специалистов научных археологических учреждений СССР, на котором обсуждены актуальные проблемы изучения поселения и особенности полученных с него остеологических и антропологических материалов [Отчет 1983: 3; Зайберт 1985: 3].

В 1984 г. на поселении Ботай продолжены аварийные работы. В береговой его части раскопами XVII и XVIII исследованы 608 кв. м культурного слоя (144 и 464 кв. м, соответственно) и вы-

явлено либо завершено исследование ранее выявленных 15-ти жилищ. В раскопе XVII завершено исследование жилищ 45 и 45А, и расчищены жилища 46, 47. В раскопе XVIII выявлен участок неоднократных перестроек и сооружения новых конструкций в короткий хронологический промежуток, содержащий остатки 11-ти жилищ в шести горизонтах (№ 48–58) [Зайберт и др. 1984; Зайберт 1986а]. Это показало высокую интенсивность обживания прибрежной территории поселения и, возможно, её хронологический приоритет в создании посёлка. Также разбору подвергся грунт разрушенного культурного слоя условной зоны 10.

В этом же году в СКАЭ создан отряд экспериментально-трассологических исследований с целью восстановления технологии древних производств на основе материалов поселения Ботай, получения эталонных коллекций для трассологических определений и осуществлены первые опыты по изготовлению костяных орудий, проведён ряд работ по отработке технологических навыков обработки костного сырья различными инструментами и приёмами (расщепление, скалывание, пиление, сверление, абразивная обработка) [Зайберт и др. 1984: 83–85]. Экспериментальные работы проводились на базе полевого лагеря на Ботае. В сезоне 1984 г. проведены эксперименты по изготовлению орудий из кости, по изучению формовочных масс керамики на основе программы, разработанной А.А. Бобринским [Зайберт и др. 1984: 86–94].

В 1985 г. на поселении заложены раскопы XIX (центральная часть, 108 кв. м), XX (юго-восточная, береговая часть, 428 кв. м), XXI (северная, 60 кв. м) [Зайберт и др. 1985]. Раскоп XX носил аварийный характер. Всего выявлено и исследовано четыре жилища: № 59–62. Раскоп XXI и обнаруженное в нём жилище № 62 исследованы частично и законсервированы. В этом же году для проведения трассологического анализа каменных изделий приглашена д.и.н. Г.Ф. Коробкова – ведущий специалист СССР в области экспериментально-трассологических исследований, руководитель Экспериментально-трассологической лаборатории ЛО ИА АН СССР. Трассологически установлено функциональное назначение предметов и уточнена их типологическая принадлежность, совместно с В.Ф. Зайбертом составлена таблица соотношения типов изделий, выделенных на основе трассологического (Г.Ф. Коробкова) и типологического (В.Ф. Зайберт) анализов [Зайберт, Коробкова 1985].

В 1986 г. на поселении Ботай завершены работы на законсервированном раскопе XXI, заложены раскопы XXII, XXIII на участках, которым грозило разрушение культурного слоя, и раскоп XXIV – с исследовательской целью [Зайберт 1986б]. Площадь законсервированного в 1985 г. раскопа XXI увеличена с 60 до 64 кв. м, расчищено жилище 62. Из него происходило крайне мало для ботайских сооружений находок – всего 157, но среди них оказалось уникальное изделие – вырезанная из куска пятнистого глиняного сланца фигура сидящего на корточках человека с утраченными головой и шеей [Зайберт 1986б: 9; рис. 26, I]. Раскоп XXII заложен на 208 кв. м непо потревоженного культурного слоя и 112 кв. м – переотложенного. Здесь исследовано жилище № 75, визуальное фиксируемое на поверхности, и частично выявлены контуры нижележащего жилища № 135, перекрытого жилищем № 136 с трудноуловимыми очертаниями. С межжилищного пространства получены многочисленные изделия. Раскоп XXIII заложен двумя небольшими участками: 14 кв. м для окончательного выяснения очертаний котлована жилища № 48 и 16 кв. м – для вскрытия территории между раскопами III и XVIII прежних лет. Раскопом XXIV площадью 168.5 кв. м, заложенным в центральной части поселения, вскрыто жилище № 39, давшее довольно представительный закрытый комплекс находок с пола котлована, представленный абсолютно одними отщеповыми формами. В работе экспедиции этого года приняла участие кандидат географических наук Г.Г. Карташова (МГУ), но отчёт не содержит материалов её исследований.

В 1987 г. заложен один раскоп – XXV – в центральной части поселения, площадью 192 кв. м, на ровном участке с нефиксируемыми визуальными признаками наличия жилищных котлованов, с це-

люю выяснения его характера и назначения [Зайберт1987а]. Выявлены жилище № 140 по центру раскопа и фрагменты жилищ № 138 и 139 в юго-восточной и северной частях раскопа, соответственно. Гипотеза о наличии здесь незастроенного участка не подтвердилась. Жилище № 140 оказалось интересным по ряду параметров: восьмиугольный в плане котлован, наличие грунтового в смеси с костями кольца вокруг котлована (в двух метрах от его стенок), значительное количество орнаментированных фаланг (13) на полу, в ямах и заполнении котлована, скопления костей конечностей лошади (в т. ч. и в сочленениях) и отходов каменного производства, ритуального характера захоронения остатков собак, два сосуда в развале, орудия в придонной части преимущественно выполнены на светло-серых кварцитах, залегание двух толстых и коротких обожжённых бревен между жилищами № 140 и 138 и др. Из жилищ № 138 и 139 происходил рядовой и немногочисленный каменный инвентарь.

В 1988 г. на пос. Ботай полевые работы, в т. ч. охранные, не проводились. Поэтому в полевом сезоне 1989 г. резко обозначились проблемы с разрушением его культурного слоя. Силами археологического отряда были предприняты меры по устранению промоины в центральной части памятника, произведена обваловка прибрежной части. На мысу в юго-западной береговой части заложен раскоп XXVI площадью 324 кв. м аварийного характера. В нём выявлены два жилища с неясными контурами, читающимися только в профилях бровок (им не присвоены номера). Выявлены следы современного шурфа (яма № 3). В яме № 5 обнаружены остатки погребения человека. На межжилищном пространстве и в заполнении жилищ до уровня -70 см материал ботайского характера сочетался с довольно многочисленными изделиями пластинчатого комплекса из кварцевой и кремнистой породы серо-коричневого и зелёного цвета, красно-коричневой и светло-серой яшмовидной породы, представленного нуклеусами клиновидной, подпризматической и карандашевидной форм, пластинами с обработкой и без обработки. В слоях эти изделия сопровождалась керамикой с примесями талька, песка, шамота, редко – дресвы, и орнаментированной гребенчатым (в единичных случаях – плоским) штампом. Пластинчатый комплекс материалов отнесён к периоду первоначального заселения площадки памятника в неолите.

В 1990 г. на поселении разрабатывались раскопы XXVIII (Л. Гучинская) и XXIX (В.И. Зайтов). Материалы этих работ вошли в отчёт по итогам полевого сезона 1991 г. [Зайберт, Зайтов 1991]. Раскоп XXVIII заложен в крайней юго-западной части поселения, у каменной гряды, на месте находящейся здесь ложбины, с целью определения природы её происхождения и границы распространения культурного слоя памятника в этом направлении. Площадь раскопа составила 40 кв. м. Раскопки показали, что ложбина имела естественное происхождение и являлась местом стока осадков и талых вод. В её заполнении выявлены каменные артефакты, отложенные в ходе аллювиальных процессов. Весь комплекс находок имел ботайский облик, за исключением нескольких скребков на отщепах и 10 пластин, выполненных из качественной кремневой породы. Раскоп XXIX площадью 256 кв. м заложен в северо-восточной части поселения, где фиксировалось несколько невысоких всхолмлений. Выявлено жилище № 141 подпрямоугольной формы с выходом в юго-западном направлении, имевшее неординарные стратиграфию и заполнение. В отличие от ранее исследованных жилищ, его наземные глиняные стены оплыли вовнутрь котлована лишь частично, что и обусловило формирование вокруг него всхолмления. Жилищная же впадина была в верхней части заполнена зольным грунтом, содержащим разновременный материал – от пластинок мезолитической эпохи до средневековой керамики. Из раскопа получена коллекция каменных изделий, распадающаяся на два комплекса – мезолитический и энеолитический, стратиграфически приуроченных к различным уровням культурного слоя, нижнему и верхнему, соответственно. Выявлена керамика эпохи энеолита, бронзы и раннего железа. Закрытый комплекс со дна жилища

представлен исключительно каменными изделиями, предварительно датированными авторами отчета эпохой мезолита [Зайберт, Зайтов 1991: 59].

В этом же сезоне на базе полевого лагеря А.А. Плешаковым и Е.Е. Тетюхиным осуществлены экспериментальные работы по технологии изготовления каменных дисков и «утюжков» [Плешаков, Тетюхин 1990]. Ими отработаны разнообразные приёмы и техники вторичной обработки каменного сырья, осуществлены хронометраж и трасологические наблюдения, изготовлена эталонная коллекция изделий, отражающая каждый этап производственного процесса – от заготовки до конечного изделия, получена эталонная коллекция инструментов для их изготовления и данные об оптимальных приёмах и методах выполнения операций на различных этапах в зависимости от пород камня.

В 1991 г. раскопки проводились отрядом ППИ им. К.Д. Ушинского СКАЭ, под непосредственным руководством В.Ф. Зайберта. В северо-восточной части поселения заложен раскоп XXX площадью 108 кв. м с целью выявления культурного слоя ранних этапов заселения территории памятника. Его исследование в полевом сезоне 1991 г. не завершено и раскоп законсервирован. В этом же году проведены и экспериментальные работы по изготовлению посуды, орудий труда, реконструкции ряда древних технологий и трудовых процессов, определение трудозатрат на строительство жилищ [Зайберт 1991: 10].

В сезоне 1992 г. этим же отрядом на поселении Ботай проводились раскопки на береговых разрушающихся участках площадью 96 кв. м. Руководили раскопками А.М. Кисленко и Н.С. Татаринцева. Раскопом XXXI доисследованы жилища № 26 и 29, выявлено жилище № 29а. Научной целью закладки раскопа было получение остеологической коллекции для обработки её аналитическими методами сотрудником кафедры археологии и антропологии Кембриджского университета, PhD М. Левине, занимавшейся исследованием вопросов доместикации лошади и принявшей непосредственное участие в полевых работах. Ею обработана полученная из раскопа XXXI коллекция в составе 5556 костей и зубов (за исключением рёбер и неопознанных костей) [Levine 1999: 40], на материалах которой ею определена половозрастная структура и модель популяции ботайской лошади.

В имеющихся отчётах не отражено, но известно, что с 1993 по 1996 г. на средства внутренних грантов Музея естественной истории Карнеги и гранта Национального географического общества в исследованиях поселения Ботай принимала участие зооархеолог, ассистент хранителя, а затем – заместитель куратора и ответственный куратор отдела антропологии Музея естественной истории Карнеги в Питтсбурге, адъюнкт-профессор кафедры антропологии Питтсбургского университета (Пенсильвания), доктор Сандра Олсен (Sandra L. Olsen), выступавшая соруководителем проекта раскопок [Dr. Sandra L. Olsen CV]. Средства грантов позволяли в условиях скудного либо отсутствующего финансирования с казахстанской стороны поддержать полевые работы на Ботайе в этот период.

Следует отметить, что материалы заложенных начиная с 1991 г. раскопов на поселении Ботай не отражены в отчётах о полевых работах СКАЭ за 1991–1993 гг. По устному сообщению А.М. Кисленко, отчеты за 1994–1995 гг. также составлялись, но обнаружить их в архивах Института археологии имени А.Х. Маргулана, археологической лаборатории бывшего ППИ им. К.Д. Ушинского (ныне – НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»), СКОМ, куда обычно направлялось по одному экземпляру отчетов СКАЭ, не удалось. На топографическом плане, помеченном 1992 г. [Зайберт 2009с: рис. XI на с. 71], дополнительно указаны не отражённые в отчётах и в публикациях жилища № 142–148 и один раскоп. Жилище № 142 помещено на юго-западной окраине поселения, в пределах раскопа XXVIII 1990 г.; жилища № 143, 144, 147, 148 – в

юго-восточной части, на мысу, образованным берегом реки и восточным обрывом оврага, в пределах раскоп XXVI 1989 г. Жилища № 145 и 146 указаны на территории раскопа в северо-восточной части поселения, не отраженного в отчетах прежних лет. Вероятно, этот раскоп и жилища № 145 и 146 были исследованы в течение полевого сезона 1991 г. Сведения о заложенных в 1993–1996 гг. раскопах, исследованных конструкциях и полученных материалах, на момент подготовки статьи не обнаружены.

В 1996 г., в связи с выездом А.М. Кисленко в Российскую Федерацию для проживания и работы в музее-заповеднике «Аркаим», текущий раскоп не завершён и законсервирован (устное сообщение А.М. Кисленко). В.Ф. Зайберт в 1997–1999 гг. в сотрудничестве с коллегами из Немецкого археологического института (DAI, Берлин) осуществлял исследование гетерохронного могильника и кургана Байкара близ г. Сергеевка [Parzinger et al. 2003]. До 2001 г. полевые работы на поселении Ботай не производились. До 2000 г. они не велись и на других энеолитических памятниках Казахстанского Приишимья.

Поселение Роцинское

В ходе археологической разведки в 1982 г. у оз. Жамантуз близ села Роцинское (Келлеровский р-н, Кокчетавская обл. – ныне Тайыншинский р-н, СКО) выявлено гетерохронное поселение, названное «Роцинское» (по названию близлежащего села), содержащее слои с пластинчатым и отщеповым комплексами. Примерная его площадь определена в 150–200 тыс. кв. м. В первом сообщении о нём, памятник, в целом, отнесён к энеолиту и сочтён близким поселению Ботай [Зайтов 1984]. Согласно отчёту о рекогносцировочных работах 1983 г., поселение расположено в 1 км южнее с. Роцинское и приурочено к юго-западному берегу оз. Сарыбай, которое находится чуть западнее озера Жамантуз [Зайберт и др. 1983b: 51].

Нет ясности каким из двух отрядов, проводивших в 1982 г. разведки в Целиноградской области (рук. В.И. Зайтов) и в Бишкульском районе СКО (рук. Н.С. Татаринцева), было выявлено поселение Роцинское, так как в отчёте за этот полевой сезон [Отчет 1982] данные об его обнаружении отсутствуют. Судя по первому сообщению и логике построения маршрутов разведок, это могло быть сделано В.И. Зайтовым.

В полевом сезоне 1983 г. археологическим отрядом СКАЭ под руководством А.М. Кисленко на поселении Роцинское были проведены рекогносцировочные работы с целью определить состояние культурного слоя памятника, через который была проложена шоссе́нная дорога, и разработки программы охранных работ. Работы проводились А.М. Кисленко по Открытому листу, выданному на имя В.Ф. Зайберта [Зайберт и др. 1983b].

В северо-западной, восточной части памятника и на его восточной окраине было заложено три раскопа площадью 304, 112, 24 кв. м, соответственно. Из них получены материалы раннего неолита, позднего неолита-энеолита, бронзового века, раннего железного века. Характер каменных изделий (отщепы без обработки и с желвачной коркой) позволил сделать автору раскопок вывод о поселении как о месте первичной обработки камня и получения заготовок орудий. Разновременные комплексы были выделены, в основном, типологически и планиграфически, и лишь на отдельных участках – стратиграфически. При зачистке материка в раскопе I выявлены овальные углубления площадью 10–20 кв. м с понижением к центру на 10–15 см [Кисленко 1985].

В 1984 г. на поселении было заложено ещё три раскопа: в западной части памятника – основной раскоп IV площадью 144 кв. м и разведочная траншея (раскоп V) размерами 2×6 м, в юго-восточной части – ещё одна траншея, размерами 2×8 м (раскоп VI) [Кисленко и др. 1984]. Работы проводились А.М. Кисленко по Открытому листу на имя В.Ф. Зайберта [Зайберт 1986a].

Основную массу находок дал раскоп V (187926 ед.), в траншеях они были единичны. Раскопки 1984 г. дали в хронологическом и культурном плане такой же материал, что и в 1983 г. В раскопе V выявлен ряд хозяйственных и столбовых ям. Интересное наблюдение было сделано в раскопе VI, где обнаруженные немногочисленные орудия на кварцитах были сильно патинированы.

По всей видимости, полученный материал был признан достаточным для характеристики поселения Рощинское, в т. ч. – в качестве памятника энеолитической культуры ботайского типа, и дальнейшие его полевые исследования не проводились.

Поселение Баландино

Памятник обнаружен в ходе разведки 1982 г. на р. Ишим, у деревни Баландина (в публикации – село Баландино) в Казанском районе Тюменской области РСФСР (ныне – РФ) и первоначально датирован эпохой ранней бронзы [Зайтов 1984]. Выявлен, вероятно, отрядом Н.С. Татаринцевой, проводившей разведку в сопредельном Казанскому Бишкульском районе СКО [Отчёт 1982], но точные данные об этом отсутствуют.

Стационарные раскопки осуществлены в 1983 г. Н.К. Стефановой, в 1984 г. – отрядом УКАЭ под руководством С.Г. Боталова с участием в полевых работах и обработке материалов В.И. Зайтова, А.М. Кисленко, О.И. Мартынюка, Н.С. Татаринцевой [Боталов 1984] и в 1985 г. отрядом СКАЭ под руководством Н.С. Татаринцевой [Татаринцева 1985].

В 1983 г. заложено по одному раскопу в западной и восточной частях памятника и выявлено жилище № 1. В 1984 г. к ним прирезаны раскопы III и IV, расчищено жилище № 2. Из него и раскопов получено 4629 изделий. Из них – 4118 фрагментов керамики эпох энеолита, ранней и развитой бронзы, раннего железа. Энеолитическая керамика концентрировалась в придонной части жилища № 2. Каменный инвентарь также в целом носил энеолитический облик.

В 1985 г. выявлено большое количество ям и очагов. В яме № 28 выявлено неординарное тройное погребение с отчленением у всех покойников ступней, уложенных у колен и в районе берцовых костей [Татаринцева 1985: 8-9]. Характер инвентаря не позволил атрибутировать захоронение. Из раскопа V происходит 2788 предметов из керамики, камня и кости, много фрагментированных костей и рыбьей чешуи в ямах. 2535 находок составила керамика, из которой фрагменты энеолитической керамики представлены всего 0,9% [Татаринцева 1985: 27]. Основу коллекции 1985 г. составила посуда ранней бронзы.

Поселение Красный Яр I

Поселение Красный Яр I обнаружено в 1986 г. разведочным отрядом под руководством В.Ф. Зайберта [Зайберт 2009b: 84], но в отчёте о разведках этого года такие сведения не содержатся [Зайберт 1986c]. Памятник находится в 4,1 км на запад от с. Красный Яр и в 5 км западнее русла р. Чаглинка, у ныне нефункционирующего родника и его протоки. Общая территория памятника определена в 30 га.

В мае 1987 г. под руководством В.Ф. Зайберта на поселении Красный Яр I проведены рекогносцировочные работы, а в течение июня-июля этого же года – стационарные раскопки [Зайберт 1987b]: заложен раскоп площадью 240 кв. м, которым вскрыты жилище 1 полностью и небольшими фрагментами жилища 2 и 3, хозяйственные ямы и межжилищное пространство. Из раскопа получен однокультурный комплекс материалов с каменной индустрией полностью отщепового типа, обширная коллекция костяных изделий, в т. ч. со следами обработки и гравированные фаланги лошади и мелкого копытного животного. Большинство керамики представлено фрагментами с верёвочной орнаментацией. Памятник дал чистый комплекс материалов ботайского типа.

В качестве экстраординарных находок было обнаружение в придонной части жилища 1 фрагмента черепа человека и скелета нижних конечностей (включая тазовые кости) в скорченном положении, а также костей лошади, окрашенных охрой.

Поселение Васильковка IV

В 1987 г. разведочным отрядом во главе с А.Г. Шалагиным в 0.9 км к северу от с. Васильковка и в 2 км от левого берега р. Чаглинка выявлено поселение Васильковка IV с визуально фиксируемыми 11 впадинами жилищных котлованов. Заложенный в одной из впадин на восточной окраине памятника шурф выявил культурные напластования с включением артефактов [Шалагин 1987: 27-28]. В 1989 г. поселение исследовалось отдельным отрядом [Зайберт, Кисленко 1989]. Установлено, что памятник расположен полосой длиной 240 м и шириной до 40 м. Визуально на поверхности определены контуры 30-ти жилищ, расположенных двумя группами, и одного – на расстоянии 75 м от основной группы.

На самой высокой площадке поселения заложен рекогносцировочный раскоп площадью 192 кв. м с целью исследования одного жилища и околососудного пространства. У расширенного жилища площадью по полу в 42 кв. м. установлена в плане пятиугольная форма (на чертеже – подквадратная), с неровной северо-восточной стенкой и узким выступом у западного угла котлована. Жилище имело овальный грунтовый очаг по центру. Наблюдения над стратиграфией позволили выявить наличие таких же глиняных наземных стен, как на Ботае. Западнее жилища выявлен котлован конструкции меньшей площади, со следами активного горения, но без находок.

Полученная коллекция находок и материалов оказалась немногочисленной – 2400 экз., из которых 400 – кости животных. В комплексе находок отсутствовали изделия из кости, артефакты представлены каменными изделиями на кремнисто-яшмовидных породах серого цвета и керамикой. Важно, что 38% изделий происходило с пола жилища. Таким образом, в результате работ был получен закрытый комплекс. Комплекс каменных изделий полностью отщепового характера, в т. ч., нерегулярные пластины, с макроформами в виде топоров, мотыг, песта, абразивов, ретушера. Обнаружена всего одна микропластина раннего облика, намекающая на наличие здесь более ранней, неолитической, стоянки. Керамика представлена неорнаментированными фрагментами, украшенными крупной и мелкой гребёнкой, верёвочкой, ямками, ногтевыми наколами, единичны фрагменты с отступающей палочкой и косо поставленной гребенкой.

По характеру находок, конструкции жилищ и планировке поселения памятник был отнесён к ботайской культуре [Зайберт, Кисленко 1989: 11].

Поселение Голубой Залив I

В 1987 г. студенткой-историком ППИ им. К.Д. Ушинского Л. Гучинской обнаружен и обследован подъёмными сборами памятник поселенческого типа на берегу оз. Боровое (Щучинский р-н, Кокчетавская обл.). Более детальное обследование места сборов проведено в 1990 г. разведочным отрядом СКАЭ под руководством А.М. Кисленко с присвоением выявленному поселению названия «Голубой Залив I» [Зайберт, Кисленко 1990: 87-88]. Памятник расположен в 2.5 км западнее посёлка Бурабай на побережье Голубого залива оз. Боровое. Поселение долговременное, по характеру материалов отнесено к ботайской культуре. Стационарные раскопки на нём не производились.

5 Выводы

В начале 1970-х гг. археологически выявлены два энеолитических памятника стоянки Иман-Бурлук 2 и у с. Троицкое (Троицкое V). Со стоянки Иман-Бурлук 2 был получен комплекс, в общих

чертах характеризующий энеолит региона. Исследования обоих памятников не получили продолжения.

Основные полевые исследования памятников энеолита казахстанского Приишимья в форме выявления и стационарных раскопок производились в 1980–1996 гг. На всём протяжении они осуществлялись одной научной командой, возглавляемой В.Ф. Зайбертом, в рамках одной организационной структуры (СКАЭ). Такая стабильность позволила реализовать огромный объём полевых и камеральных работ. Базовым для полевых исследований стало поселение Ботай. На нём параллельно проводились аварийные раскопки, раскопки с исследовательскими целями и экспериментальные работы. Остальные памятники исследовались в течение одного-двух полевых сезонов.

Полевые работы 1980–1990 гг. задокументированы и представлены в научных отчётах. Полевые работы 1991–1996 гг. в отчётах либо не представлены (1991–1993 гг.) либо отчёты за эти годы (1994–1996 гг.) отсутствуют в архивах. Актуальной задачей является поиск документации о раскопках на поселении Ботай в этот период.

Благодарности. Выражаю глубокую благодарность З.Х. Карагенеевой и Р.А. Попович за их помощь в работе с архивными материалами Института археологии имени А.Х. Маргулана и Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Автор очень признателен А.М. Кисленко за его устные сообщения о раскопках на поселении Ботай в 1990-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абильмаликов К.К., Курманиязов И.С.* Теоретико-методологические аспекты изучения памятников Ботайской культуры (1980–2014 гг.) // Вестник КазНУ. Сер. историч. 2022. Т. 107. № 4. С. 138-149.
- 2 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев (отв. ред.), Г.А. Кушаев и др. В 2-х ч. Ч. 1: Реестр. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 449 с.
- 3 *Боталов С.Г.* Отчет об археологических исследованиях на пос. Баландино в 1984 г. // Научный архив СКОМ. 80 с.
- 4 *Зайтов В.И.* Разведочные работы в Северном Казахстане // АО–1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 454-455.
- 5 *Зайтов В.И., Зайберт В.Ф.* Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1980 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1831.
- 6 *Зайберт В.Ф.* Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1980 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1831. Л. 5-108.
- 7 *Зайберт В.Ф.* Исследования в Северном Казахстане // АО–1980 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 435-436.
- 8 *Зайберт В.Ф.* Исследования в Северном Казахстане // АО–1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 455-456.
- 9 *Зайберт В.Ф.* Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб. / Отв. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Башкирский гос. ун-т, 1985. С. 3-17.
- 10 *Зайберт 1986а – Зайберт В.Ф.* Исследования в Северном Казахстане // АО–1984 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1986. С. 442-443.
- 11 *Зайберт 1986б – Зайберт В.Ф.* Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1986 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2141. Л. 5-40.
- 12 *Зайберт 1986с – Зайберт В.Ф.* Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1986 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2141. Л. 82-83.
- 13 *Зайберт 1987а – Зайберт В.Ф.* Отчет о НИР. В 3-х тт. Т. II. Археологические исследования в Кокчетавской области в 1987 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2188. Л. 5-33.
- 14 *Зайберт 1987б – Зайберт В.Ф.* Отчет о НИР. В 3-х тт. Т. II. Археологические исследования в Кокчетавской области в 1987 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2188. Л. 34-96.
- 15 *Зайберт В.Ф.* Отчет о НИР «Археологические исследования в Северном Казахстане в 1991 г.» // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2341. Л. 3-10.

- 16 Зайберт 2009а – Зайберт В.Ф. Поселение Троицкое V // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область / Отв. ред. В.Ф. Зайберт, Г.М. Камалова. Алматы: Аруна, 2009. С. 443.
- 17 Зайберт 2009б – Зайберт В.Ф. Поселение Красный Яр (I-II) // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область / Отв. ред. В.Ф. Зайберт, Г.М. Камалова. Алматы: Аруна, 2009. С. 84-87.
- 18 Зайберт 2009с – Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат, 2009. 576 с.
- 19 Зайберт В.Ф., Заитов В.И. Отчет о НИР «Археологические исследования в Северном Казахстане в 1991 г.» // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2341. Л. 52-61.
- 20 Зайберт В.Ф., Зданович Г.Б., Плешаков А.А., Кисленко А.М., Заитов В.И., Мартынюк О.И., Даниленко Т.А. Отчет. Полевые исследования СКАЭ 1981 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1893. Л. 5-165.
- 21 Зайберт В.Ф., Кисленко А.М. Отчет о НИР. В 2-х тт. Т. I. Исследования СКАЭ в 1989 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2281. Л. 6-19.
- 22 Зайберт В.Ф., Кисленко А.М. Отчет о НИР СКАЭ в 1990 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2320. Л. 68-88.
- 23 Зайберт В.Ф., Кисленко А.М., Мартынюк О.И., Даниленко Т.А., Татаринцева Н.С. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1982 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1967. Л. 3-177.
- 24 Зайберт В.Ф., Кисленко А.М., Мартынюк О.И., Плешаков А.А. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1984 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2048. Л. 5-94.
- 25 Зайберт В.Ф., Коробкова Г.Ф. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1985 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2096. Л. 100-115.
- 26 Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Кисленко А.М., Даниленко Т.А. Полевые исследования СКАЭ в 1985 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2096. Л. 3-99.
- 27 Зайберт и др. 1983а – Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Кисленко А.М., Мартынюк О.И., Даниленко Т.А., Татаринцева Н.С. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1983 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2012. Л. 4-45.
- 28 Зайберт и др. 1983б – Зайберт В.Ф., Татаринцева Н.С., Кисленко А.М., Плешаков А.А. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1983 году // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2012. Л. 50-62.
- 29 Зайберт В.Ф., Тюлебаев А., Задорожный А., Кулаков Ю. Тайны древней степи (Исследования поселения Ботай в 2004–2006 гг.). Кокшетау: Изд. центр Кокшетауского ун-та, 2007. 163 с.
- 30 Захаров С.В. История изучения энеолита Северного Казахстана // Вестник Карагандинского университета. Сер.: История. Философия. Право. 2009. № 2 (54). С. 31-41.
- 31 Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: ИА НАН РК, 1997. 180 с.
- 32 Кисленко А. Раскопки поселения Рошинское // АО–1983 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 511.
- 33 Кисленко А.М., Зайберт В.Ф., Татаринцева Н.С. Полевые исследования СКАЭ в 1984 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2048. Л. 95-107.
- 34 Макарова Л.А. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1980 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1831. Л. 109-113.
- 35 Отчет. Полевые исследования СКАЭ 1981 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1893.
- 36 Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1982 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1967.
- 37 Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1983 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2012.
- 38 Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Даниленко Т.А. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1983 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2012. Л. 46-49.
- 39 Плешаков А.А., Тетюхин Е.Е. Отчет о НИР СКАЭ в 1990 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2320. Л. 92-102.
- 40 Сакральные контексты ботайской культуры / Под общ. ред. В.Ф. Зайберта. Астана: КазНИИ культуры, 2018. 377 с.
- 41 Татаринцева Н.С. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1980 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1831. Л. 122-132.
- 42 Татаринцева Н.С. Полевые исследования СКАЭ в 1985 г. В 2-х тт. Т. II // Научный архив СКОМ. Д. 872. Л. 1-29.

- 43 Хабдулина М.К. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1972 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1285. Л. 74-80.
- 44 Чалая Л.А. Отчет о работе Североказахстанского отряда МГУ в Павлодарской и Кокчетавской областях в 1970 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 1179. 27 л.
- 45 Чалая Л.А. Позднеэнеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. С. 188-203.
- 46 Чалая Л.А., Раскина И.А., Войтов В.Е. Результаты работ в Северном Казахстане // АО-1970 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 407.
- 47 Шалагин А.Г. Отчет о НИР. В 3-х тт. Т. III. Археологические исследования в Кокчетавской области в 1987 г. // НА ИА КН МНВО РК. Д. 2189. Л. 5-35.
- 48 Шалагин А.Г. Отчет о НИР СКАЭ в 1988 г. В 4-х тт. Т. 4: Археологические исследования в Кокчетавской области // Архив СКОМ. Л. 5-45.
- 49 Dr. Sandra L. Olsen CV. URL: <https://anthropology.ku.edu/dr-sandra-l-olsen-cv> (дата обращения: 24.03.2024).
- 50 Levine M. The Origins of Horse Husbandry on the Eurasian Steppe // Levine M., Rassamakin Y., Kislenko A., Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. McDonald Institute for Archaeological Research, 1999. Pp. 5-58.
- 51 Parzinger H., Zaibert V., Nagler A., Plešakov A. Der große Kurgan von Bajkara: Studien zueinem skythischen Heiligtum. Archäologie in Eurasien. 16. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2003. Pp. XIV + 280 + 144 figs.
- 52 Olsen S., Harding D.G. Women's Attire and Possible Sacred Role in 4th Millennium Northern Kazakhstan // Linduff and K. Rubinson (eds.). Are All Warriors Male?: Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, Lexington Books, and Madison Books, 2008. Pp. 67-92.

REFERENCES

- 1 Abilmalikov, K. K., Kurmaniyazov I. S. 2022. In: *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya (Journal of history)*, 4 (107), 138-149 (in Russian).
- 2 Akishev, K. A. (ed.), Ageeva, E. I. et al. (compl.). 1960. *Arheologicheskaya karta Kazahstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of sciences (in Russian).
- 3 Botalov S. G. 1984. In: *Archive of the Northern Kazakhstan museum of local history (in Russian)*.
- 4 Zaitov, V. I. 1984. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya-1982 (Archaeological discoveries-1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 454-455 (in Russian).
- 5 Zaitov, V. I., Zaibert V. F. 1980. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1831, 133-136 (in Russian)*.
- 6 Zaibert, V. F. 1980. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1831, 5-108 (in Russian)*.
- 7 Zaibert, V. F. 1981. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya-1980 (Archaeological discoveries-1980)*. Moscow: "Nauka" Publ., 435-436 (in Russian).
- 8 Zaibert, V. F. 1984. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya-1982 (Archaeological discoveries-1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 455-456 (in Russian).
- 9 Zaibert, V. F. 1985. In: Zdanovich, S. Y. (ed.). *Eneolit i bronzoviy vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurechiya (The Eneolithic and the Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluve)*. Chelyabinsk: Bashkir State University, 3-17 (in Russian).
- 10 Zaibert, V. F. 1986a. In: Shilov, V. P. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya-1984 (Archaeological discoveries-1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 442-443 (in Russian).
- 11 Zaibert, V. F. 1986b. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2141, 5-40 (in Russian)*.
- 12 Zaibert, V. F. 1986c. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2141, 82-83 (in Russian)*.
- 13 Zaibert, V. F. 1987a. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2188, 5-33 (in Russian)*.
- 14 Zaibert, V. F. 1987b. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2188, 34-96 (in Russian)*.
- 15 Zaibert, V. F. 1991. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2341, 3-10 (in Russian)*.
- 16 Zaibert, V. F. 2009a. In: Zaibert, V. F., Kamalova G. M. (eds.). *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Akmolinskaya oblast (The official list of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Akmolinskaya oblast)*. Almaty: "Aruna" Publ., 443 (in Russian).

- 17 Zaibert, V. F. 2009b. In: Zaibert, V. F., Kamalova, G. M. (eds.). *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Akmolinskaya oblast (The official list of the historical and cultural sites of the Republic of Kazakhstan. Akmola region)*. Almaty: Aruna Publ. 84-87 (in Russian).
- 18 Zaibert, V. F. 2009c. *Botayskaya kultura (Botai culture)*. Almaty: “QazAqparat” Publ. (in Russian).
- 19 Zaibert, V. F., Zaitov, V. I. 1991. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2341, 52-61 (in Russian).
- 20 Zaibert, V. F., Zdanovich, G. B., Pleshakov, A. A., Kislenko, A. M., Zaitov, V. I., Martynyuk, O. I., Danilenko, T. A. 1981. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1893, 5-165 (in Russian).
- 21 Zaibert, V. F., Kislenko, A. M. 1989. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2281. 6-19 (in Russian).
- 22 Zaibert, V. F., Kislenko, A. M. 1990. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2320. 68-88 (in Russian).
- 23 Zaibert, V. F., Kislenko, A. M., Martynyuk, O. I., Danilenko, T. A., Tatarintseva, N. S. 1982. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1967, 3-177 (in Russian).
- 24 Zaibert, V. F., Kislenko, A. M., Martynyuk, O. I., Pleshakov, A. A. 1984. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2048, 5-94 (in Russian).
- 25 Zaibert, V. F., Korobkova, G. F. 1985. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2096, 100-115 (in Russian).
- 26 Zaibert, V. F., Pleshakov, A. A., Kislenko, A. M., Danilenko, T. A. 1985. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2096, 3-99 (in Russian).
- 27 Zaibert, V. F., Pleshakov, A. A., Kislenko, A. M., Martynyuk, O. I., Danilenko, T. A., Tatarintseva, N. S. 1983a. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2012, 4-45 (in Russian).
- 28 Zaibert, V. F., Tatarintseva, N. S., Kislenko, A. M., Pleshakov, A. A. 1983b. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2012, 50-62 (in Russian).
- 29 Zaibert, V., Tyulebaev, A., Zadorozhnyi, A., Kulakov, Y. 2007. *Tainy drevney stepi (Issledovaniya poseleniya Botaj v 2004–2006 gg.) (Secrets of the ancient steppe (Studies of the Botai settlement in 2004–2006))*. Kokshetau: Izdatelskiy tsentr Kokshetauskogo universiteta (in Russian).
- 30 Zakharov, S. V. 2009. In: *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya. Pravo (Bulletin of Karaganda University. Series: History. Philosophy. Right)*, 2 (54), 31-41 (in Russian).
- 31 Kalieva, S. S., Logvin, V. N. 1997. *Skotovody Turgaya v tretem tysyacheletii do nashey ery (Cattle breeders of Turgai in the third millennium BC)*. Kustanay: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 32 Kislenko, A. 1985. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya–1983 (Archaeological discoveries–1983)*. Moscow: “Nauka” Publ., 511 (in Russian).
- 33 Kislenko, A. M., Zaibert, V. F., Tatarintseva, N. S. 1984. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2048, 95-107 (in Russian).
- 34 Makarova, L. A. 1980. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1831, 109-113 (in Russian).
- 35 In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1893 (in Russian).
- 36 In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1967 (in Russian).
- 37 In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2012 (in Russian).
- 38 Pleshakov, A. A., Martynyuk, O. I., Danilenko, T. A. 1983. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2012, 46-49 (in Russian).
- 39 Pleshakov, A. A., Tetyuhin E. E. 1990. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2320. 92-102 (in Russian).
- 40 Zaibert, V. F. (ed.). 2018. *Sakralnye konteksty botayskoy kultury (Sacred contexts of Botai culture)*. Astana: KazNII kultury (in Russian).
- 41 Tatarintseva, N. S. 1980. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1831, 122-132 (in Russian).
- 42 Tatarintseva, N. S. 1985. In: Archive of the Northern Kazakhstan museum of local history. D. 872, 1-29 (in Russian).

- 43 Khabdulina, M. K. 1972. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1285, 74-80 (in Russian).
- 44 Chalaya, L. A. 1970. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 1179 (in Russian).
- 45 Chalaya, L. A. 1973. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Kazahstane (Archaeological research in Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka Kazahskoy SSR Publ., 188-203 (in Russian).
- 46 Chalaya, L. A., Raskina, I. A., Voytov, V. E. 1971. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arheologicheskie otkrytiya–1970 (Archaeological discoveries–1970)*. Moscow: “Nauka” Publ., 407 (in Russian).
- 47 Shalagin, A. G. 1987. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 2189, 5-35 (in Russian).
- 48 Shalagin, A. G. 1988. In: Archive of the Northern Kazakhstan museum of local history, 5-45 (in Russian).
- 49 Dr. Sandra L. Olsen CV. URL: <https://anthropology.ku.edu/dr-sandra-l-olsen-cv> (accessed 24.03.2024) (in English).
- 50 Levine, M. 1999. In: Levine, M., Rassamakin, Y., Kislenko, A., Tatarintseva, N. *Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe*. McDonald Institute for Archaeological Research, 5-58 (in English).
- 51 Parzinger, H., Zaibert, V., Nagler, A., Plešakov, A. 2003. *Der große Kurgan von Bajkara: Studien zu einem skythischen Heiligtum*. Archäologie in Eurasien. 16. Mainz: Verlag Philipp von Zabern Publ., 2003 (in German).
- 52 Olsen, S., Harding, D. G. 2008. In: Linduff and K. Rubinson (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, Lexington Books, and Madison Books Publ., 67-92 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.05.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.06.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.160.175>

Новые стратифицированные стоянки каменного века Тикенекти-2 и Ынтымак в предгорьях Иле Алатау (Юго-Восточный Казахстан)

© 2024 г. Намен А., Таймагамбетов Ж., Варис А., Коко Э., Кото-Сармиенто М.,
Байгунаков Д., Жуматаев Р., Йовита Р.

Keywords: Palaeolithic, survey,
Ile Alatau, stone tools, hominin

Түйін сөздер: палеолит, барлау,
Иле Алатауы, тас құралдар,
алғашқы адам

Ключевые слова: палеолит,
разведка, Иле Алатау, каменные
орудия, первый человек

Abay Namen^{1,2*}, Zhaken Taimagambetov³, Aristeidis Varis², Emily Coco⁴, Maria Coto-Sarmiento^{2,5},
Dosbol Baigunakov⁶, Rinat Zhumatayev⁶ and Radu Iovita⁴

^{1*}Corresponding author, PhD, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-2990-5084](https://orcid.org/0000-0003-2990-5084) E-mail: abay.namen@nu.edu.kz

²University of Tübingen, Tübingen, Germany

³Doctor of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-3541-0600](https://orcid.org/0000-0003-3541-0600) E-mail: zhaken.taimagambetov@gmail.com

²PhD, University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ORCID: [0000-0003-2343-2087](https://orcid.org/0000-0003-2343-2087) E-mail: aristeidis.varis@uni-tuebingen.de

⁴PhD, New York University, New York, USA. ORCID: [0000-0002-9200-8469](https://orcid.org/0000-0002-9200-8469) E-mail: ec3307@nyu.edu

²PhD, University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ORCID: [0000-0001-9770-6162](https://orcid.org/0000-0001-9770-6162) E-mail: mcotsar@gmail.com

⁵PhD, University of Aarhus, Aarhus, Denmark

⁶Doctor of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-3741-9721](https://orcid.org/0000-0003-3741-9721) E-mail: dosbol_bs@mail.ru

⁶PhD, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-2291-4992](https://orcid.org/0000-0002-2291-4992) E-mail: zhumatayevr@gmail.com

⁴PhD, New York University, New York, USA. ORCID: [0000-0001-9531-1159](https://orcid.org/0000-0001-9531-1159) E-mail: iovita@nyu.edu

New stratified Stone Age sites at Tikenekti-2 and Yntymaq in the Ile Alatau piedmonts (Southeastern Kazakhstan)

The foothill zones of the Ile Alatau range due to its geomorphological setting represent an area of interest to locate new stratified Stone Age sites. Thick deposits of wind-blown sediments blanket a vast area that might potentially preserve intact layers of human occupation. Currently, only two stratified Palaeolithic sites of Maibulaq and Rahat have been thoroughly studied. Both sites preserve cultural horizons dating from the Early Upper Palaeolithic to the later stages of the Upper Palaeolithic based on techno-typology of the assemblages and absolute chronometric dating methods. Despite the potential to yield new sites, the region remains understudied. In this article, we present the survey outcomes in the foothills of the Ile Alatau, which resulted in the discovery of two stratified sites found in loessic geomorphological contexts. Here, we provide preliminary data on the findings, stratigraphic, and chronological state of the sites. Radiocarbon dates from Tikenekti suggest that the site was occupied during the transitional period from the Late Pleistocene to the Early Holocene (10–13 ka BP), whereas the upper horizon at Yntymaq corresponds to the late Neolithic (5800 BP).

Source of funding: This project received funding from the European Research Council (ERC under the European Union's Horizon 2020 research and innovation program), grant agreement No. 714842, project PALAEOSILKROAD. The article was also carried out as part of research under the program of the PTF of the Ministry of Higher Education and Science of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN project BR18574057.

For citation: Namen, A., Taimagambetov, Z., Varis, A., Coco, E., Coto-Sarmiento, M., Baigunakov, D., Zhumatayev, R., Iovita, R. 2024. New stratified Stone Age sites at Tikenekti-2 and Yntymaq in the Ile Alatau piedmonts (southeastern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 160–175 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.160.175](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.160.175)

Абай Намен^{1, 2*}, Жакен Таймағамбетов³,
Аристидис Варис², Эмили Коко⁴,
Мария Кото-Сармиенто^{2, 5}, Досбол Байғұнақов⁶,
Ринат Жұматаев⁶, Раду Йовита⁴

^{1*} корреспондент авторы, PhD,
Назарбаев Университеті, Астана, Қазақстан
² PhD, Тюбинген университеті, Тюбинген, Германия
³ тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан
Республикасының Ұлттық музейі, Астана, Қазақстан
² PhD, Тюбинген университеті, Тюбинген, Германия
⁴ PhD, Нью-Йорк университеті, Нью-Йорк, АҚШ
² PhD, Тюбинген университеті, Тюбинген, Германия
⁵ Аархус университеті, Аархус, Дания
⁶ тарих ғылымдарының докторы, әл-Фараби
атындағы Қазақ Ұлттық университеті,
Алматы, Қазақстан
⁶ PhD, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық
университеті, Алматы, Қазақстан
⁴ PhD, Нью-Йорк университеті, Нью-Йорк, АҚШ

**Иле Алатауы баурайындағы тас дәуірінің Тікенекті-2
және Ынтымақ стратификацияланған
жаңа тұрақтары**
(Оңтүстік-шығыс Қазақстан)

Иле Алатауының баурайындағы аймақтар геоморфологиялық жағдайына байланысты жаңа стратификацияланған тас дәуірі ескерткіштерін анықтауда қызығушылық тудырады. Эолдық қалың шөгінділер қабаты адамның қолы тимеген қабаттарды бұзылмаған күйінде сақтап қалуы мүмкін үлкен аумақты алып жатыр. Қазіргі уақытта стратификацияланған ескерткіштердің арасында тек Майбулақ пен Рахат атты екі палеолит тұрағы ғана жан-жақты зерттелген. Кешендердің техника-типологиясы мен абсолютті хронометрия әдістері негізінде екі ескерткіште ерте жоғарғы палеолиттен бастап кейінгі жоғарғы палеолитке дейінгі мерзімге жатқызылды. Жаңа тұрақтарды анықтау мүмкіндігіне қарамастан, Иле Алатауы әлі күнге дейін барынша зерттелмеген. Мақалада Иле Алатауының тас дәуірі ескерткіштерін анықтау мақсатында жүргізілген барлау және қазба жұмыстарының қорытындысы берілген. Сонымен қатар сарғыш топырақты геоморфологиялық жерге көмілген, мәдени қабаты сақталған Тікенекті-2 және Ынтымақ деген екі жаңа ескерткіш алғаш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Көмір қалдықтарын радиокөміртекті зерттеу нәтижесінде ескерткіштердің хронологиялық шеңбері кейінгі плейстоценнен ерте голоценге ауысқан өтпелі (Тікенекті-2) және кейінгі неолит (Ынтымақ) кезеңдерін қамтитыны белгілі болды. Тұрақтарда зерттеу жалғасатын болғандықтан, алдын ала мәліметтер ұсынылды.

Қаржыландыру көзі: Бұл жоба Еуропа зерттеу кеңесінің (ERC under the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme) № 714842 гранттық келісіміне сәйкес, PALAEOSILKROAD жобасы

Абай Намен^{1, 2*}, Жакен Таймағамбетов³,
Аристидис Варис², Эмили Коко⁴,
Мария Кото-Сармиенто^{2, 5}, Досбол Байғұнақов⁶,
Ринат Жұматаев⁶, Раду Йовита⁴

^{1*} автор-корреспондент, PhD, Назарбаев Университет,
Астана, Казахстан
² PhD, Тюбингенский университет,
Тюбинген, Германия
³ доктор исторических наук, Национальный музей
Республики Казахстан, Астана, Казахстан
² PhD, Тюбингенский университет,
Тюбинген, Германия
⁴ PhD, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
² PhD, Тюбингенский университет, Тюбинген, Германия
⁵ Университет Аархус, Дания
⁶ доктор исторических наук, КазНУ им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан
⁶ PhD, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
⁴ PhD, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

**Новые стратифицированные стоянки
каменного века Тикенекти-2 и Ынтымак
в предгорьях Иле Алатау**
(Юго-Восточный Казахстан)

Предгорная зона Иле Алатау в силу своего геоморфологического положения представляет интерес для выявления новых стратифицированных памятников каменного века. Мощные слои эоловых отложений покрывают обширную территорию, которая потенциально может сохранить нетронутые слои человеческой деятельности. В настоящее время хорошо изучены только две стратифицированные палеолитические стоянки – Майбулак и Рахат. Оба памятника датируются от раннего верхнего палеолита до начала поздней поры верхнего палеолита на основании технико-типологии комплексов и методов абсолютной хронометрии. Несмотря на возможность открытия новых стоянок, регион остается малоизученным. В статье приводятся результаты разведывательных работ по поиску и изучению памятников каменного века в Иле Алатау. Также нами вводятся в научный оборот материалы двух новых памятников – Тикенекти-2 и Ынтымак с погребёнными культурными слоями в лёссовом геоморфологическом контексте. Даты, полученные в результате радиоуглеродного исследования образцов угля, устанавливают хронологические рамки стоянок в транзитный период от позднего плейстоцена к раннему голоцену (Тикенекти-2) и поздний неолит (Ынтымак). Данные предварительные, так как исследования на стоянках будут продолжены.

Источник финансирования: Данный проект получил финансирование от Европейского исследовательского совета (ERC under the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme), договор гранта No714842, проект PALAEOSILKROAD.

аясында қаржыландырылды. Сонымен қатар мақала ҚР ҒЖБМ ҒК 2023-2024 жылдарға арналған бағдарламасы, ЖТН BR18574057 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Намен А., Таймағамбетов Ж., Варис А., Коко Э., Кото-Сармиенто М., Байғұнақов Д., Жұматаев Р., Йовита Р. Иле Алатауы баурайындағы тас дәуірінің Тікенекті-2 және Ынтымақ стратификацияланған жаңа тұрақтары (Оңтүстік-шығыс Қазақстан) *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 160–175-бб. (Орысша).
[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.160.175](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.160.175)

Статья также выполнена в рамках исследований по программе ПЦФ МНИВО РК 2023-2024 гг., ИРН проекта BR18574057.

Для цитирования: Намен А., Таймағамбетов Ж., Варис А., Коко Э., Кото-Сармиенто М., Байғұнақов Д., Жұматаев Р., Йовита Р. Новые стратифицированные стоянки каменного века Тікенекті-2 и Ынтымақ в предгорьях Иле Алатау (Юго-Восточный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 160–175.
[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.160.175](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.160.175)

1 Введение (Намен А., Таймағамбетов Ж., Варис А., Йовита Р.)

Изучение каменного века Казахстана тесно связано с работами Х.А. Алпысбаева, который в значительной степени сосредоточил свои исследования в Южном Казахстане [Алпысбаев 1979]. Его работы привели к обнаружению многочисленных памятников каменного века. В предгорьях хребта Каратау можно выделить ряд археологических объектов, включая стоянки открытого типа Бориказган, Танирказган, Акколь, а также стратифицированные стоянки, такие как им. Ч. Валиханова, Караунгир и др. Исследования каменного века в Южном Казахстане имеют относительно хорошую базу, в то же время междисциплинарные работы по изучению палеолитических памятников склонов Иле Алатау только начинают активно развиваться.

Систематические исследования памятников каменного века юго-восточной части Казахстана начались в конце прошлого столетия [Мамиров и др. 2023]. В.В. Сараев обнаружил первые находки артефактов палеолитического облика в конце 1970-х гг. Многочисленная коллекция каменных артефактов также была собрана исследователями Ю.А. Мотовым, В.В. Сараевым и другими в районах Кызылауыз, Бурган, Майбулак и Сарыжазык. Уже в конце 1980-х гг. памятник Майбулак был впервые обследован Ю.А. Мотовым, Б.Н. Нурмуханбетовым и Ж.К. Таймағамбетовым, где были предварительно выделены четыре культуросодержащих горизонта [Нурмуханбетов и др. 1987; Мотов, Рогожинский 1989]. В начале 1990-х гг. Ю.А. Мотов сообщает о новой стоянке палеолита в ущелье Кастек [Мотов 2005]. Ныне комплексные археологические работы в данном ущелье продолжаются совместными силами Института археологии имени А.Х. Маргулана и Института археологии РАН (г. Москва), в результате которых был обнаружен новый комплекс стоянок Сарыжазык 1–4 [Ожерельев и др. 2023а; 2023б].

Начиная с 2000 гг., темп исследований в регионе начинает возрастать с изучением первого стратифицированного памятника каменного века Майбулак, вблизи г. Алматы [Таймағамбетов, Ожерельев 2008; 2009; Ожерельев и др. 2023в]. В 2011 г. в целях выявления абсолютного возраста памятника на стоянке были отобраны образцы угля и получено 12 радиоуглеродных дат, которые определяют хронологические рамки от 6800 до 35000 тыс. некалиб. лет [Feng et al. 2011]. С 2015 г. на стоянке проводились комплексные казахстанско-германские геоархеологические исследования по утверждению хронологических рамок и реконструкции палеосреды. Нижние культурные горизонты стоянки Майбулак были датированы OSL методом* (*Оптически стимулированная люминесценция) между 40–25 тыс. л.н., что соответствует периоду раннего верхнего палеолита [Fitzsimmons et al. 2017]. В 2006 г. в регионе была выявлена ещё одна стратифицированная стоянка Рахат, расположенная западнее г. Есик [Джасыбаев и др. 2018; Ожерельев и др. 2021]. Техно-типологические характеристики каменных артефактов из погребённых культурных слоёв памятника указывают на присутствие первобытных людей в разные периоды верхнего палеолита.

В последние несколько лет в данном регионе усилились исследования каменного века [Кусаинов, Имангалиева 2019; Ожерельев и др. 2023а]. В 2021 г. был выявлен и исследуется комплекс стратифицированных стоянок Узынагаш 1–9 в предгорьях Иле Алатау. В результате раскопки на стоянке Узынагаш 1 было обнаружено три культурных слоя с многочисленными каменными изделиями. На основании сравнительных исследований археологических материалов стоянка предварительно датирована ранним периодом верхнего палеолита [Ozherelyev, Mamirov 2023]. Совместная казахстанско-российская экспедиция также продолжает активные исследования в многослойных стоянках Сарыжазык 1-2, которые расположены в ущелье Кастек на абсолютной высоте 1800 м над у. м. Коллекция каменных артефактов относится к разным этапам верхнего палеолита и представляется перспективным в изучении заселения первобытным человеком внутригорных районов Северного Тянь-Шаня [Ожерельев и др. 2023а].

Таким образом, в настоящее время в предгорьях Иле Алатау известно не менее 10-ти стратифицированных памятников. В связи с особенностями геологического формирования и топографии региона, предгорная зона Иле Алатау представляет собой уникальную геоморфологическую обстановку для сохранения нетронутых слоёв, связанных с доисторическим проживанием человека в Центральной Азии. Это обусловлено резким подъёмом горного хребта Тянь-Шаня, пересекающимся на севере с великими казахскими степями. Предгорная зона является естественным барьером, задерживающим различные эоловые осадки, что впоследствии маскирует культурные следы обитания людей, оставляя их в непо потревоженном положении. Верхнеплейстоценовые отложения в предгорьях в основном представлены эоловыми осадками, конусами выноса, которые также сложены валунно-галечниковыми конкрециями [Таймагамбетов, Ожерельев 2009]. Последующие палеоклиматические исследования лёссовых профилей в районе Ремизовка (нынешнее название местности Аскартау) позволили сделать выводы о существенной аккумуляции эоловых осадков в период морской изотопной стадии 3 (MIS 3) и вплоть до глобального максимума последнего оледенения (gLGM; 26–19 тыс. л.н.) на основании хроностратиграфической, цветовой и магнитной восприимчивости седиментов [Fitzsimmons et al. 2018]. Таким образом, изучение каменного века и реконструкция палеосреды во время позднего плейстоцена набирает новые обороты в современной археологии Казахстана.

В 2019–2023 гг. совместная казахстанско-германская экспедиция продолжила разведывательно-исследовательские работы на территории Алматинской области. Основной район исследований был сосредоточен в предгорных районах Иле Алатау, начиная с Кордайского перевала на западе и заканчивая хребтом Торайгыр на востоке (рис. 1). Данный участок Иле Алатау протянулся на более чем 200 км с востока на запад. На севере предгорья ограничиваются степной зоной, а на юге высокими пиками горной системы Тянь-Шань. В ходе разведочных работ казахстанско-германской экспедиции в 2019 и 2021 гг. в предгорьях Иле Алатау, на юго-востоке Казахстана были обнаружены стратифицированные стоянки Тикенекти-2 и Ынтымак. В данной статье впервые приводятся результаты раскопок археологических комплексов, которые относятся к разным периодам каменного века.

2 Материалы и методы (Намен А., Таймагамбетов Ж., Варис А., Йовита Р.)

Разведочные работы проводились в рамках проекта PALAEOSILKROAD в 2019 и 2021 гг. Были тщательно исследованы конусы выходов рек и родников, речные террасы, а также лёссовые обнажения с целью выявления стратифицированных стоянок. Основная часть разведок проводилась пешим маршрутом, а также на автомобиле. Для сохранения проделанных маршрутов, исследованных районов и точек с палеолитическими находками использовался GPS-навигатор. Разведочные работы сопровождалась закладкой контрольных шурфов. Материалы, полученные в ходе раскопок, фиксировались с помощью тахеометра Leica Geosystems. В целях выявления артефактов малых

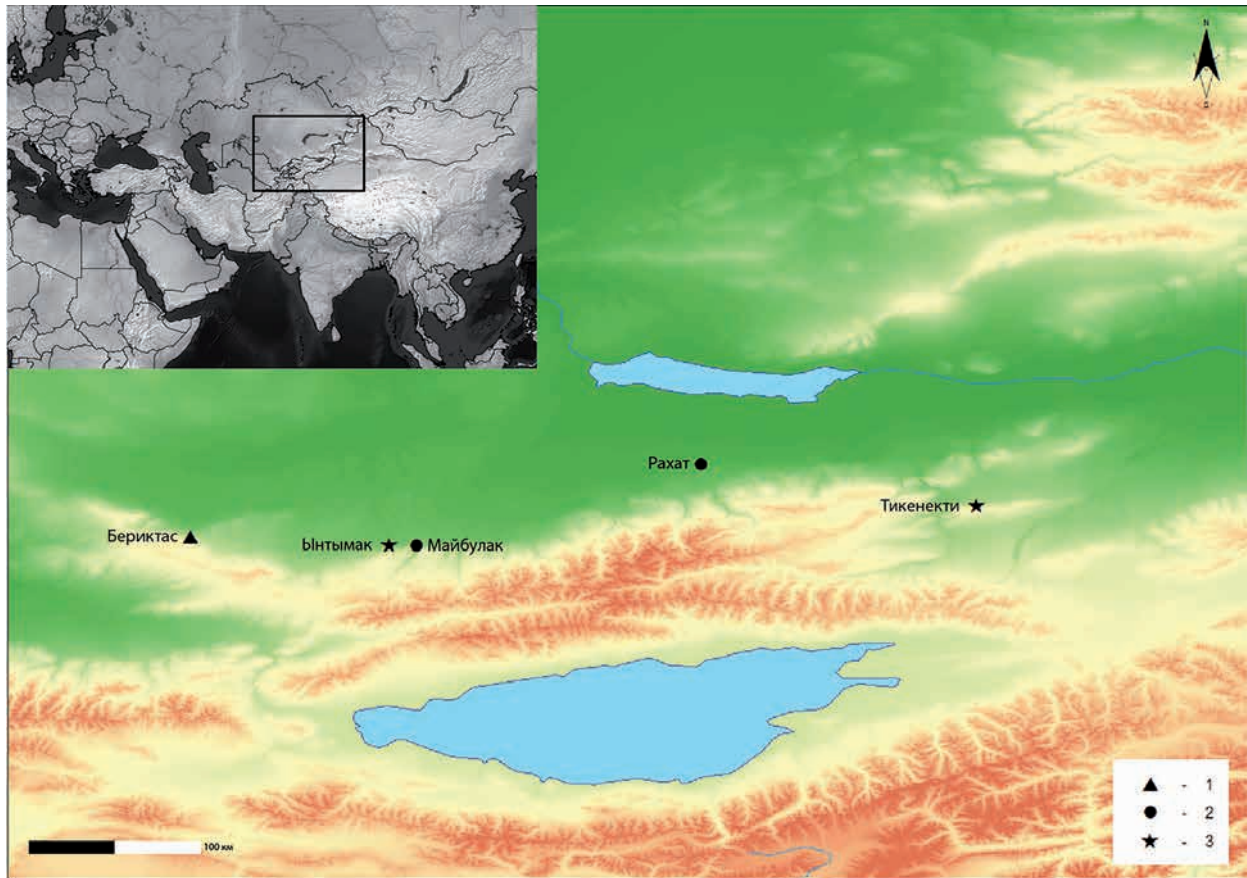

Рис. 1. Топографическая карта предгорных зон Иле Алатау и местонахождения стоянок, упоминаемых в тексте. Источник данных: Global Administrative areas (GADM), векторные и растровые данные из Natural Earth (www.naturalearthdata.com) и Shuttle Radar Topography mission (SRTM) Version 4. Условные обозначения: 1 – выход сырья; 2 – ранее известные стратифицированные стоянки; 3 – новые стратифицированные стоянки. Исполнитель: Абай Намен

1-сур. Иле Алатауы етегінің топографиялық картасы және мәтінде айтылған тұрақтардың орналасқан жерлері. Дереккөз: Global Administrative areas (GADM), Natural Earth (www.naturalearthdata.com) және Shuttle Radar Topography mission (SRTM) Version 4 алынған векторлық және растрлық деректер. Шартты белгілер: 1 – шикізат табылған аймақ; 2 – бұрыннан белгілі стратификацияланған тұрақтар; 3 – жаңадан анықталған стратификацияланған тұрақтар. Орындаушы: Абай Намен

Fig. 1. Topographic map of the Ile Alatau piedmonts and sites mentioned in the text. Data source: Global Administrative areas (GADM), vector and raster map data from Natural Earth (www.naturalearthdata.com) and Shuttle Radar Topography mission (SRTM) Version 4. Legend: 1 – raw material outcrop; 2 – previously known stratified sites; 3 – newly discovered stratified sites. Performer: Abay Namen

размеров и микрофауны грунт был просеян через сито размерами ячеек 1 и 6 мм. Аэрофотоснимки выполнялись с помощью БПЛА. Инвентаризация археологических материалов производилась с помощью компьютерной платформы E4 (www.oldstoneage.com).

В целях нахождения выходов палеолитического сырья нами были использованы оцифрованные геологические карты (1:200к и 1:500к). Кроме этого, применялись литологические

данные платформы ArcGIS, разработанной Центром изучения полезных ископаемых России и Центральной Азии (CERCAMS) “Mineral Deposits Database and Thematic Maps of Central Asia” (Музей естествознания, Лондон) [Seltman et al. 2004]. Для структуризации разведки по поиску каменного сырья отдельные типы литологических данных (напр., осадочные породы) были извлечены из базы данных в формате .kml и далее загружены в компьютер и сопоставлены поверх оцифрованных геологических карт векторным слоем.

3 Результаты

3.1 Стоянка Тикенекти-2 (Намен А., Таймагамбетов Ж., Варис А., Кoko Э., Кото-Сармиенто М., Йовита Р.)

Стоянка Тикенекти-2 находится в предгорьях хребта Торайгыр вблизи Бартогайского вдхр. на высоте около 1500 м над у. м. рядом с одноименным родником (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.) (рис. 1; 2А) [Jovita et al. 2020; Намен и др. 2020]. В 2019 г. в ходе разведочных работ в данной местности был собран массовый археологический материал палеолитического облика, залегающий вокруг верхнего родника. В 2022 г. на стоянке проводились геоархеологические исследования путём шурфования стоянки для определения плейстоценовых погребённых культурных слоёв. Стратиграфия изученного участка стоянки состоит из шести литологических слоёв (рис. 3). Верхний слой – гумусовый горизонт с последующим прослоем лёссовидных отложений. Третий слой представлен толстым прослоем гравия крупного и среднего размера. Четвёртый слой состоит из лёссовых отложений с включениями коричневых линз, структурно похожих на палеозолы. Затем следует гравий с примесью кальцитовых конкреций. Самый нижний слой представлен лёссами, где был обнаружен горизонт с каменными артефактами и мелкими фрагментами костей животных. В ходе археологических работ были отобраны образцы для микроморфологических анализов, C14 и OSL датирования, а также образцы почвенных отложений для изучения фитолитов. Для отложений литологического слоя с археологическим горизонтом имеются восемь радиоуглеродных дат (табл. 1), которые указывают на следы пребывания древних людей на стоянке в промежутке 10–13 тыс. л.н. Полученные даты позволяют предварительно датировать стоянку переходным временем от позднего плейстоцена к раннему голоцену.

На данный момент, в стратиграфической последовательности стоянки зафиксирован один горизонт с находками в положении *in situ*. Каменный инвентарь состоит из 178 артефактов, зафиксированных тахеометром, и ещё более 150 каменных находок выявлено во время просеивания вынутаго грунта. Предварительные исследования коллекции указывают на то, что каменная индустрия в данном горизонте представлена 15 нуклеусами и их фрагментами (рис. 4). Среди нуклеусов преобладают призматические, предназначенные для получения пластин и пластинок. Среди крупных сколов доминируют отщепы при незначительной доле пластин и пластинок. Орудийная составляющая этой индустрии состоит из 11-ти артефактов, среди них большая часть представлена боковыми и концевыми скребками (табл. 2).

Кроме того, с поверхности было собрано более 600 разновременных артефактов. Они изготовлены из разных видов сырья, включая кремьень, алевролит и порфирит, выходы которых фиксируются в непосредственной близости от памятника в виде аллювиальных конгломератов. Необходимо отметить наличие одноплощадочных, леваллуазских, а также микронуклеусов для снятия пластинок в коллекции подъёмных материалов. Среди артефактов также присутствует наконечник, типологически относящийся к мустье. Типологическое разнообразие коллекции позволяет сделать предварительный вывод о различных периодах использования стоянки от среднего палеолита до неолита. Более детальные лабораторные исследования по изучению технико-типологических атрибутов продолжаются.

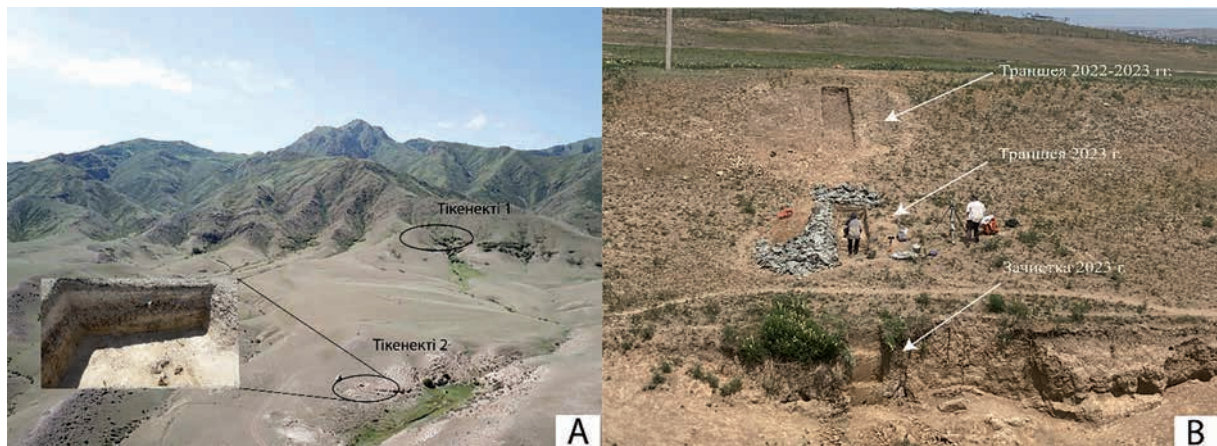

Рис. 2. Вид на стоянки Тикенекти (А) и Ынтымақ (В). Фото: Раду Йовита
2-сур. Тікенекті (А) және Ынтымақ (В) тұрақтарына қараған көрініс. Фото: Раду Йовита
Fig. 2. View to the Tikenekti (A) and Yntymaq (B) sites. Photo: Radu Iovita

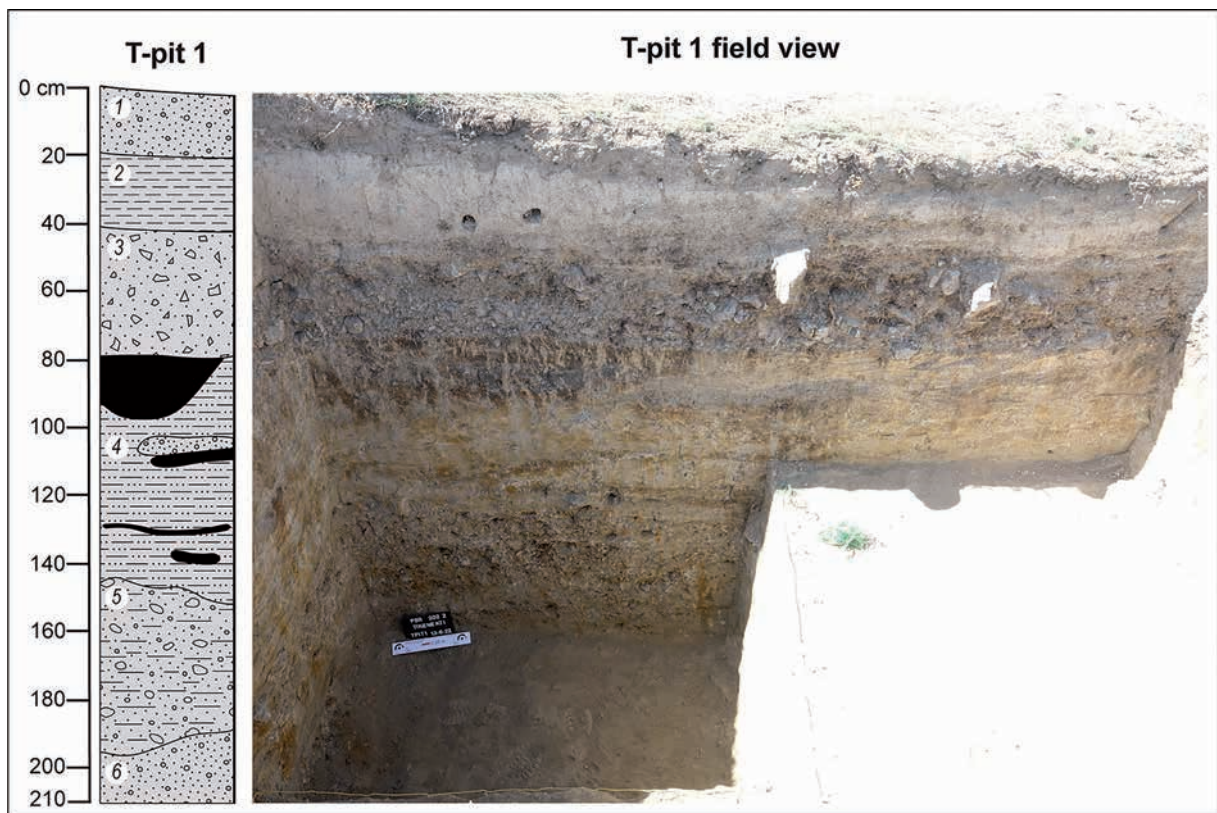

Рис. 3. Стратиграфия южной стенки. Исполнитель: Аристидис Варис
3-сур. Оңтүстік қабырғаның стратиграфиясы. Орындаушы: Аристидис Варис
Fig. 3. Stratigraphy of the southern profile. Performer: Aristeidis Varis

Таблица 1 – Радиоуглеродные даты стоянки Тикенекти-2
1-кесте – Тікенекті-2 тұрақтарының радиокөміртекті мерзімі
Table 1 – Radiocarbon dates from Tikenekti-2

Лаборатория (MAMS)	Образец	¹⁴ C Age [yr BP]	±	δ13C AMS [‰]	Cal 1σ 68%	Cal 2σ 95%	C [%]	Материал
57666	TRIT1-6	9902	31	-30.1	cal BC 9371–9297	cal BC 9448–9287	21.6	Уголь
57670	TRIT1-78	10166	36	-22.2	cal BC 9979–9801	cal BC 9991–9700	58.9	Уголь
57671	TRIT1-114	10112	36	-19.9	cal BC 9869–9676	cal BC 9926–9454	64.8	Уголь
57672	TRIT1-175	10228	37	-24.0	cal BC 9994–9881	cal BC 10094–9807	63.0	Уголь
57673	TRIT1-195	9977	30	-24.1	cal BC 9653–9331	cal BC 9732–9319	40.0	Ф р а г м . дерева
57674	TRIT1-305	9965	65	-62.6	cal BC 9656–9317	cal BC 9776–9292	44.8	Уголь
57675	TRIT1-357	10132	49	-30.6	cal BC 9925–9674	cal BC 9989–9455	5.3	Уголь
57676	TRIT1-383	10886	34	-30.4	cal BC 10874–10810	cal BC 10932–10796	45.5	Уголь
57667	TRIT1-11	Нет коллагена						Уголь
57668	TRIT1-15	Нет коллагена						Уголь
57669	TRIT1-27	Нет коллагена						Уголь

Примечание: даты получены в лаборатории Curt-Engelhorn Zentrum Archäometrie в г. Мангейм (Германия), откалиброваны в программе OxCal 4.4.4. [Reimer et al. 2020]

Таблица 2 – Состав каменных индустрий стоянок Тикенекти-2 и Ынтымак
2-кесте – Тікенекті-2 және Ынтымақ тұрақтарындағы тас индустриясының құрамы
Table 2 – Composition of stone artefacts at Tikenekti-2 and Yntymaq

Категория/группа	Тикенекти-2		Ынтымак	
	Число	Процент	Число	Процент
Нуклеус	15	8.4%	3	5.3%
Пластина	19	10.7%	2	3.4%
Пластинка	2	1.1%	2	3.4%
Отщеп	109	61.3%	41	70.7%
Орудие	11	6.2%	-	-
Отбойник	2	1.1%	-	-
Дебитаж	20	11.2%	10	17.2%
ИТОГО	178	100%	58	100%

3.2 Стоянка Ынтымак (Намен А., Таймагамбетов Ж., Байгунаков Д., Жуматаев Р., Йовита Р.)

Стоянка Ынтымак находится в нескольких километрах южнее одноименного села в предгорьях Иле Алатау и примерно в 50 км западнее от г. Алматы. Она была обнаружена казахстанско-германской археологической экспедицией в ходе разведывательных работ в 2021 г. (рис. 1; 2Б).

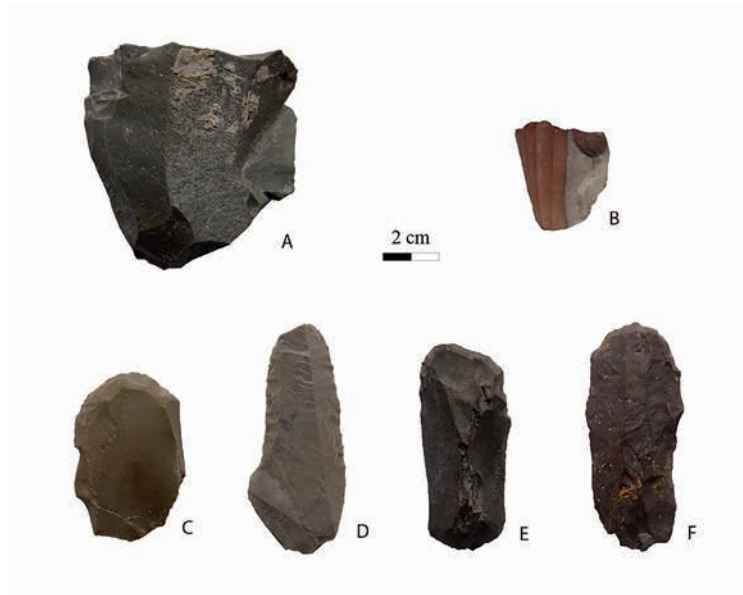

Рис. 4. Стоянка Тикенекти-2. Каменные изделия:
 А – призматический нуклеус;
 В – микронуклеус; С–F – боковые и концевые скребки.
 Исполнитель: Абай Намен

4-сур. Тікенекті-2 тұрағы. Тас құралдар: А – призмалық нуклеус;
 В – микронуклеус;
 С–F – бүйірлік және ұштық қырғыштар.
 Орындаушы: Абай Намен

Fig. 4. Tikenekti-2. Stone tools: A – platform core; B – microcore;
 C–F – side- and endscrapers. Performer: Abay Namen

При обследовании конусов выноса родников, севернее с. Узынагаш, были найдены каменные орудия в отвалах ям, предназначенных для установки ЛЭП. Артефакты получены из местного порфиритового сырья тёмного цвета. В 2022 г. заложенные нами траншея и шурф на восточной террасе ручья не выявили погребённые культурные слои. В том же году была заложена вторая траншея площадью 7×1 м, но уже на склоне левой террасы. Главное внимание в раскопках было уделено изучению стратиграфии и определению научной перспективности стоянки. Предварительно были выделены два культуросодержащих горизонта. В ходе раскопок, на глубине 80 см от дневной поверхности, были выявлены каменные артефакты и объект, выложенный речной галькой. Здесь были обнаружены фрагменты угольков, что возможно определяет его как очаг или провал. Радиоуглеродные даты из отобранных образцов углей из первого культурного горизонта указывают на присутствие людей в период позднего неолита (табл. 3).

В 2023 г. археологические исследования продолжились. Нижний квадрат траншеи 2022 г. был раскопан глубже, чтобы выявить другие погребённые культурные слои. Глубина раскопа составила более 2 м. Затем в двух метрах вниз по склону была заложена вторая траншея размерами 3×1 м, чтобы определить полную стратиграфическую картину стоянки и обнаружить погребённые культурные горизонты (рис. 2Б). Гомогенность лёссовых отложений осложняет определение чёткой стратиграфии стоянки, по этой причине нами были отобраны образцы отложений для цветной спектроскопии. Этот метод уже был удачно использован на памятнике Майбулак и на лёссовом профиле Ремизовка (нынешнее название местности Аскартау) [Sprafke et al. 2018]. Исследования по выявлению стратиграфии и погребённых культурных слоёв памятника продолжаются.

По результатам раскопа, в 2023 г. выделены ещё три культурных горизонта. В общей сложности, стоянка Ынтымак содержит предварительно пять культуросодержащих горизонта, разделённых стерильными лёссовыми отложениями. Из-за малочисленности каменных артефактов и отсутствия орудий со следами ретуши, невозможно провести детальное исследование культурной принадлежности находок. Всего обнаружено 58 каменных предметов из всех культурных горизонтов (табл. 2). Следует отметить, что подавляющая часть находок представлена мелкими отходами расщепления. Присутствие пластин и пластинок в нижних горизонтах может свидетельствовать о верхнепалеолитическом характере слоя. Подавляющее большинство каменного инвентаря

Таблица 3 – Радиоуглеродные даты стоянки Ынтымак
3-кесте – Ынтымақ тұрағының радиокөміртекті мерзімі
Table 3 – Radiocarbon dates from Yntymaq

Лаборатория (MAMS)	Образец	¹⁴ C Age [yr BP]	±	δ13C AMS [‰]	Cal 1σ 68%	Cal 2σ 95%	C [%]	Материал
60495	ТРИТ1-8	4952	20	-23.9	cal BC 3764–3655	cal BC 3775–3652	66.4	Уголь
60496	ТРИТ1-9	4928	20	-23.7	cal BC 3707–3651	cal BC 3766–3645	66.1	Уголь

Примечание: даты получены в лаборатории Curt-Engelhorn Zentrum Archäometrie в г. Мангейм (Германия), откалиброваны в программе OxCal 4.4.4. [Reimer et al. 2020]

получено в результате расщепления местных порфириновых галечников. Из экзогенных материалов встречаются алевролиты и кремь. Вторичные выходы алевролитов известны в ущельях Узынагаш, Кастек и Актерек. Кроме того, выходы данного сырья известны в 20 км западнее от стоянки в ущелье Бериктас [Namen et al. 2022a]. Аллювиальные конгломераты высококачественного алевролитового материала пригодны для расщепления каменных орудий (рис. 6). Этот вид сырья макроскопически схож с принесёнными материалами (*exogenous raw materials*) из стоянок Майбулак и Рахат. Местонахождение сырья Бериктас является самым ближайшим выходом данного типа камней.

Из раскопа были отобраны образцы углей для получения абсолютной датировки, методами C14 и OSL, и образцы отложений для микроморфологических исследований. Траншея была законсервирована для сохранения стенок и стратиграфии памятника. В последующих полевых сезонах планируется расширить траншею для определения пространственного распределения культурных горизонтов.

4 Обсуждение (Намен А., Таймагамбетов Ж., Йовита Р.)

Предгорья Иле Алатау и бассейн р. Иле долгое время рассматриваются как транзитная территория, связывающая восточную и западную Азию, создавая естественный коридор для расселения первобытного человека по Евразийскому пространству [Iovita et al. 2020]. Несмотря на свой значительный потенциал, роль данного региона оставалась недооценённой в течение продолжительного времени. Это в значительной степени связано со слабой изученностью каменного века. Кроме того, малоизученность региона препятствует делать выводы о миграции первочеловека через предгорья Иле Алатау. Тем не менее, уже изученные стоянки, такие как Майбулак, Узынагаш 1–9, Сарыжазык 1-2, Кызылауыз и Рахат, предоставляют первые данные о заселении внутригорных районов Северного Тянь-Шаня человеком. По большей части, стоянки переходного периода с позднего плейстоцена в голоцен остаются практически неизученными. Новые многослойные памятники, описанные в данной работе, вносят вклад в обсуждения деятельности первого человека в позднем плейстоцене и раннем голоцене.

На исследованной площади (3×1 м) стоянки Тикенекти-2 можно предполагать, что культурный слой указывает на относительно долговременную стоянку, где наблюдается полный цикл расщепления (табл. 2). Тем временем, технико-типологическое разнообразие поверхностных материалов даёт основание предположить наличие других культурных слоёв. Абсолютная радиоуглеродная хронология (10–13 тыс. л.н.) (определена на основе анализа 8 образцов угля) предоставляет возможность предварительно отнести культурный слой к переходному периоду от позднего плейстоцена

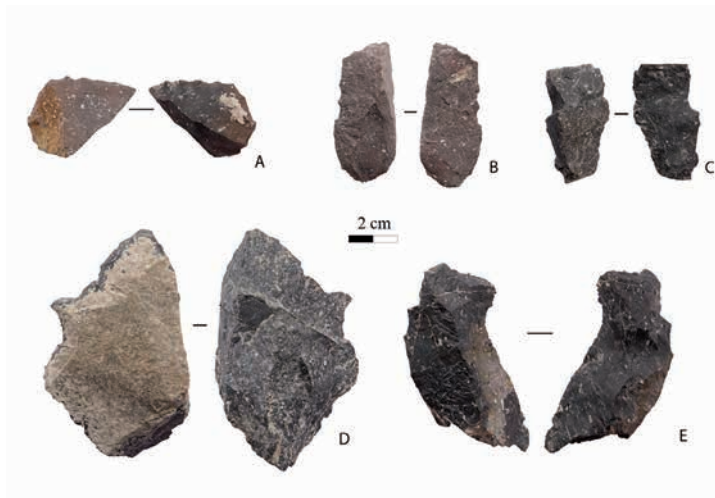

Рис. 5. Стоянка Ынтымак, каменные изделия.
Верхний горизонт: А – отщеп; В – пластина;
С, Е – пластинчатый отщеп; D – отщеп.
Исполнитель: Абай Намен

5-сур. Ынтымақ тұрағы, тас бұйымдар. Жоғарғы қабат:
А – жоңқа; В – тілім; С, Е – тілімделген жоңқа;
D – жоңқа. Орындаушы: Абай Намен

Fig. 5. Yntymaq, stone tools. Upper horizon: A – flake; B – blade;
C, E – blade-flake; D – flake. Performer: Abay Namen

к раннему голоцену. Каменная индустрия стоянки характеризуется расщеплением призматических нуклеусов, которые впоследствии использовались для изготовления различных категорий орудий (концевые, боковые скребки) (рис. 4). Микролитический инвентарь представлен всего двумя пластинками и микронуклеусом, а геометрические микролиты вовсе отсутствуют. В связи с малочисленностью каменных изделий ($n=178$) делать выводы о культурных связях с другими стоянками Центральной Азии затруднительно. Однако в хронологическом отношении стоянка схожа с памятниками мезолита и эпилепеолита Центральной Азии, такими как Куртеке слой 2 (Таджикистан), Обишир-5 слой 2 (Кыргызстан), а также с северо- и восточноказахстанскими стоянками Карасай, Тельмана XIVa и др. [Зайберт, Потемкина 1981; Shnaider et al. 2017; 2023; Pavlenok et al. 2020]. Данные стоянки отнесены к мезолиту, индустрии кото-

рых в технологическом аспекте характеризуются мелкопластинчатым расщеплением с орудийным набором геометрических форм. Несмотря на хронологические аналогии с другими стоянками мезолита, отсутствие технологических маркеров затрудняет отнести индустрию стоянки Тикенекти-2 к данному периоду. Дальнейшие археологические раскопки и расширение контрольного шурфа, направленные на изучение пространственного распределения артефактов, помогут прояснить проблему культурной атрибуции памятника. Несмотря на предварительный характер работы, данный памятник имеет потенциал в изучении стоянок переходного типа и преемственность палеолитических и раннеголоценовых культур [Шнайдер 2015; Колобова и др. 2016; Kolobova et al. 2019].

По результатам исследований 2022-2023 гг. на стоянке Ынтымак были предварительно выделены пять культуросодержащих слоёв. Для отложений первого культурного горизонта стоянки Ынтымак имеются две радиоуглеродные даты: 4972 ± 20 и 4928 ± 20 некал. л.н (MAMS-60495: 3775–3652 кал. л. до н.э., MAMS-60495: 3766–3645 кал. л. до н.э.). Хронологически данный слой определяется поздним неолитом. Известно, что развитие позднего неолита в южных районах Центральной Азии прослеживается вплоть до III тыс. до н.э., как, например, поздний этап кельтеминарской культуры, датируемый концом IV – III тыс. до н.э. Из-за небольшого количества каменных изделий ($n=58$) из всех культурных слоёв и ограниченное количество диагностических форм, установление культурных связей с другими стоянками является проблематичным. К тому же памятники неолита мало представлены в предгорье Иле Алатау. Среди стоянок с каменными изделиями известен грот Назугум, который относится к позднему энеолиту [Namen et al. 2022b]. Неолитические стоянки известны, в основном, в предгорьях Каратау, например, пещеры Караунгур, Ынталы, стоянки открытого типа Сорколь и др. [Таймагамбетов, Нохрина 1998; Исаков 1998].

Рис. 6. Ущелье Бериктас: А – вид на ущелье с аллювиальными конгломератами на дне высохшего водотока; В – галечник с раковистым изломом. Фото: Абай Намен

6-сур. Беріктас шатқалы: А – құрғап қалған ағын судың түбіндегі аллювиальдық конгломераттары бар шатқалға қараған көрініс; В – қабыршақ тәрізді сынығы бар малтатас. Фото: Абай Намен

Fig. 6. View to Beriktas valley. A – view of the valley with alluvial conglomerates; B – pebble demonstrating conchoidal fracture. Photo: Abay Namen

Абсолютная датировка остальных четырёх горизонтов будет определяться позднее. Тем не менее, наличие пластин и пластинок из нижних слоёв может свидетельствовать о поздних стадиях верхнего палеолита.

Важное значение при этом будет иметь уточнение условий палеосреды и процессы формирования стоянок. Данная работа находится фактически в начальной стадии. Но, несмотря на расположение двух стоянок в лёссовых геоморфологических контекстах, процессы, приведшие к их формированию, различались, указывая на разнообразие климатических условий. Более подробные данные о палеоклимате и палеосреде региона, где расположены стоянки Тикенекти-2 и Ынтымак, будут получены путём исследования образцов на микроморфологию и фитолигов.

5 Заключение (Намен А., Таймагамбетов Ж., Йовита Р.)

Предгорная зона Иле Алатау является одним из важнейших районов для выявления и изучения новых стратифицированных памятников палеолита в Центральной Азии. Малоизученность региона

значительно влияет на ограниченность нашего понимания и изучения вопроса расселения первого человека по Евразии в период позднего плейстоцена. Разведывательные работы и археологические раскопки, проведенные в рамках проекта PALAEOSILKROAD, выявили новые многослойные стоянки каменного века Тикенекти-2 и Ынтымак, хронологически относящиеся к переходному периоду от позднего плейстоцена к раннему голоцену и поздний неолит.

Подводя итоги, следует отметить, что названные стоянки являются важным вкладом в изучении верхнего палеолита предгорных зон Иле Алатау. Последующие исследования по уточнению условий палеосреды позволят более глубоко понять адаптацию древних людей к различным климатическим условиям позднего плейстоцена и раннего голоцена. Оба памятника также перспективны в изучении раннеголоценовых стоянок в предгорьях Иле Алатау, так как археологические памятники данного периода остаются малоизученными.

Также важно отметить, что типологические характеристики подъёмных материалов из обеих стоянок указывают на возможное наличие более древних горизонтов. В ближайшие годы планируется продолжить археологические исследования на обеих стоянках, и проведение последующих раскопок представляют собой важный этап в получении полной стратиграфической картины данных памятников.

Благодарности. Проект PALAEOSILKROAD работал по лицензии N15008746, выданной 12.05.2015 Национальным музеем РК согласно научно-исследовательскому договору с Тюбингенским университетом (ФРГ). Абай Намен выражает благодарность The Leakey Foundation (США) за финансовую поддержку для выполнения гранта “Lithic technology and raw material variability in the Inner Asian Mountain Corridor of Kazakhstan”. Мы также хотим выразить благодарность рецензентам журнала «Археология Казахстана» (Казахстан археологиясы), которые помогли улучшить данную статью.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Алтысбаев Х.А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). Алма-Ата: Наука, 1979. 208 с.
- 2 *Джасыбаев Е.А., Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б.* Полевые исследования многослойной стоянки Рахат в 2018 г. // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2018. № 1-2. С. 215-222.
- 3 *Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М.* К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // Советская археология. 1981. № 3. С. 107-130.
- 4 *Искаков Г.Т.* Описание нуклеусов палеолитического памятника Сорколь “1а” // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: м-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию Х.А. Алтысбаева (г. Туркестан, 1998 г.) / Отв. ред. Ж.К. Таймагамбетов Туркестан: Мирас, 2023. С. 260–268.
- 5 *Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И.* Преемственность развития верхнепалеолитических и мезолитических индустрий в западной части Центральной Азии // Stratum Plus. 2016. № 1. С. 1-7.
- 6 *Кусаинов С.А., Имангалиева М.Ж.* Геолого-геоморфологическая характеристика районов палеолитических стоянок северного предгорья хребта Илейского Алатау // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. 53. 2019. № 2. С. 16-23.
- 7 *Мамиров Т.Б., Ожерельев Д.В., Жусупкалиев Т.Т.* К вопросу о сохранении памятников каменного века в предгорных районах Алматинской области // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 3 (21). С. 9-16.
- 8 *Мотов Ю.А.* Отчет Карасайского отряда Алматинской разведочной археологической экспедиции по программе Свода археологических памятников Карасайского и Жамбылского районов Алматинской области в 2005 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Д. 2744.
- 9 *Мотов Ю.А., Рогожинский А.Е.* Отчет Майбулакского отряда Алматинской Новостроечной археологической экспедиции ИИАЭ АН КазССР об археологических работах в урочище Майбулак и Тамгалы Джамбульского района Алматинской области за 1989 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Ф. 2, оп. 2, д. 2260, 168 л.

- 10 Намен А., Варис А., Кузбертсон П., Ёвица Р., Таймагамбетов Ж.К. Предварительные итоги разведывательных работа проекта PALAEOSILKROAD: мультидисциплинарный подход в исследованиях // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. научн.-практ. конф. “Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований” (г. Алматы, 17-18 сентября 2020 г.). В 2-х т. Т. 2. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН, 2020. С. 60-69.
- 11 Нурмуханбетов Б.Н., Досымбаева А.М., Савельева Т.В., Мотов Ю.А. Поиски и раскопки в Алматинской области 1987 г. // Архив ИА КН МНВО РК. Д. 2166.
- 12 Ожерельев Д.В., Джасыбаев Е.А., Мамиров Т.Б. Особенности культурного слоя и поселенческие объекты на стоянке верхнего палеолита Рахат (слой 2) в Юго-Восточном Казахстане // Краткие сообщения Института археологии. 2021. № 262. С. 7–26.
- 13 Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б., Сараев В.В., Воловенко В.Д. Первые данные о заселении внутриворонных районов Северного Тянь-Шаня в палеолите // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2023а. № 1. С. 32-46.
- 14 Ожерельев Д.В., Лев С., Столпникова Е.М. Проблемы верхнего палеолита предгорий Северного Тянь-Шаня: новейшие открытия и дальние перспективы // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. 2023б. № 1. С. 118–128.
- 15 Ожерельев Д.В., Успенская О.И., Таймагамбетов Ж.К. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // StratumPlus. 2023в. № 1. С. 129–154.
- 16 Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И. Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). Туркестан, 1998. 113 с.
- 17 Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Изучение стратифицированной стоянки Майбулак в Жетысу в 2004–2007 гг. Алматы: Мирас, 2008. 86 с.
- 18 Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Казак университеті, 2009. 230 с.
- 19 Шнайдер С. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. 26 с.
- 20 Feng Z.D., Ran M., Yang Q.L., Zhai X.W., Wang W., Zhang X.S., Huang C.Q. Stratigraphies and chronologies of late Quaternary loess-paleosol sequences in the core area of the central Asian arid zone // Quaternary International. 2011. Vol. 240. Pp. 156–166.
- 21 Fitzsimmons K.E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M., Talamo S., Horton K., Beeton T., Alipova S., Bekseitov G., Ospanov Y., Deom J.-M., Sala R., Taimagambetov Z. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont // Journal of Human Evolution. 2017. Vol. 113. Pp. 107–126.
- 22 Fitzsimmons K.E., Sprafke T., Zielhofer C., Günter C., Deom J.-M., Sala R., Iovita R. Loess accumulation in the Tian Shan piedmont: Implications for palaeoenvironmental change in arid Central Asia // Quaternary International. 2018. Vol. 469. Pp. 30–43.
- 23 Iovita R., Varis A., Namen A., Cuthbertson P., Taimagambetov Z., Miller C.E. In search of a Paleolithic Silk Road in Kazakhstan // Quaternary International. 2020. Vol. 559. Pp. 119–132.
- 24 Kolobova K., Krivoshapkin A., Shnaider S. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeological and Anthropological Sciences. 2018. Vol. 11. Pp. 1407-1419.
- 25 Namen A., Schmidt P., Varis A., Taimagambetov Z., Iovita R. Preference for Porphyry: Petrographic Insights into Lithic Raw Material Procurement from Palaeolithic Kazakhstan // Journal of Field Archaeology. 2022а. Vol. 7. Pp. 1–16.
- 26 Namen A., Varis A., Lindauer S., Friedrich R., Taimagambetov Z., Iovita R. Nazugum, a new 4000 year old rockshelter site in the Ili Alatau, Tien Shan // Archaeological Research in Asia. 2022b. Vol. 30. Pp. 1–5.
- 27 Ozherelyev D., Mamirov T. A complex of stratified Upper Palaeolithic sites in the foothills of the Northern Tien Shan: General data and research perspectives // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2023. Vol. 51. Pp. 67-74.
- 28 Pavlenok G., Bocharova E., Gladyshev S., Ulianov V., Markovskiy G., Kharevich V., Taimagambetov Z., Anoikin A. The Karasai site: The first stratified Mesolithic assemblage in eastern Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 25. Pp. 1–6.

- 29 Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., ..., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. 2020. Vol. 62. Pp. 725–757.
- 30 Seltman R., Armstrong R., Dolgoplova A. Mineral resource assessment of Eurasian ore provinces through CERCAMS, the Centre for Russian and Central Asian Mineral Studies. London: NHM, 2004. 201 p.
- 31 Shnaider S., Krajcarz M.T., Viola B.T., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A., Alisher-kyzy S., Krivoschapkin A.I. New investigations of the Epipalaeolithic in western Central Asia: Obishir-5 // *Antiquity*. 2017. Vol. 91. P. e3.
- 32 Shnaider S., Zhilich S.V., Zotkina L.V., Boxleitner K.A., Taylor W., Sayfullaev N., Kovai V.V., Baranova S.V., Chernonosov A.A., Kutnyakova N.A., Tonasso-Calvière L., Orlando L., Spengler R. Occupation of highland Central Asia: New evidence from Kurteke rockshelter, Eastern Pamir // *Archaeological Research in Asia*. 2023. Vol. 34. Pp. 100443.
- 33 Sprafke T., Fitzsimmons K.E., Grünzner C., Elliot A., Marquer L., Nigmatova S. Reevaluation of Late Pleistocene loess profiles at Remizovka (Kazakhstan) indicates the significance of topography in evaluating terrestrial paleoclimate records // *Quaternary Research*. 2018. Vol. 89. Pp. 1–17.

REFERENCES

- 1 Alpysbaev, K. A. 1979. *Pamyatniki nizhnego paleolita Yuzhnogo Kazakhstan (O drevneishem zaselenii Kazakhstana pervobytnym chelovekom) (Lower Palaeolithic sites of southern Kazakhstan (On the earliest occupation of Kazakhstan by prehistoric people))*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 2 Jasybayev, E. A., Ozherelyev, D. V., Mamirov, T. B. 2018. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan archeology)*, 1-2, 215-222 (in Russian).
- 3 Iskakov, G. T. 1998. In: Taimagambetov, Z. K. (ed.) *Kamennyi vek Kazakhstana i sopredelnykh territorii (Stone Age of Kazakhstan and adjacent territories)*. Turkestan: “Miras” Publ., 260-269 (in Russian).
- 4 Kolobova, K. A., Shnaider, S. V., Krivoschapkin, A. I. 2016. In: *Stratum Plus*, 1, 1-7 (in Russian).
- 5 Kusainov, S. A., Imangalieva, M. J. 2019. In: *Vestnik KazNU im. al-Farabi. Ser. 53 (Journal of history)*, 2, 16-23 (in Russian).
- 6 Mamirov, T. B., Ozherelyev, D. V., Zhusupkaliyev, T. T. 2023. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (21), 9-16 (in Russian).
- 7 Motov, Y. A. 2005. In: *Archive of the Margulan Institute of archaeology*. D. 2744 (in Russian).
- 8 Motov, Y. A., Rogozhinskiy, A.E. 1989. In: *Archive of the Margulan Institute of archaeology*. D. 2260 (in Russian).
- 9 Namen, A., Varis, A., Cuthbertson, P., Iovita, R., Taimagambetov, Z. 2020. In: Baitanayev, B. B. (ed.) *Margulanovskie chteniya–2020 (Margulan readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of archaeology, 60-69 (in Russian).
- 10 Nurmukhanbetov, B. N., Dosymbayeva, A. M., Savelieva, T. V., Motov, Y. A. 1987. In: *Archive of the Margulan Institute of archaeology*. D. 2166 (in Russian).
- 11 Ozherelyev, D. V., Jasybaev, E. A., Mamirov, T. B. 2021. In: *Kratkie soobsheniya Instituta arkheologii (Brief communications of the Institute of Archaeology)*, 262, 7-27 (in Russian).
- 12 Ozherelyev, D. V., Mamirov, T. B., Saraev, V. V., Volovenko, V. D. 2023a. In: *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Primitive archaeology. Journal of interdisciplinary research)*, 1, 32-46 (in Russian).
- 13 Ozherelyev, D. V., Lev, S., Stoplnikova, E. M. 2023b. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. XXIII (Bulletin of Moscow University Series XXIII)*, 1, 118–128 (in Russian).
- 14 Ozherelyev, D. V., Uspenskaya, O. I., Taimagambetov, Z. K. 2023c. In: *Stratum Plus*, 1, 129–154 (in Russian).
- 15 Taimagambetov, Z. K., Nokhrina, T. I. 1998. *Arkheologicheskie komplekсы peshchery Karaungur (Yuzhnyi Kazakhstan) (Archaeological complexes of the Karaungur cave (Southern Kazakhstan))*. Turkistan (in Russian).
- 16 Taimagambetov, Z. K., Ozherelyev, D. V. 2008. *Izuchenie stratifitsirovannoy stoyanki Maibulak v Zhetisu v 2004–2007 g. (Studies at the stratified site of Maibulak in Jetisu, 2004–2007)*. Almaty: “Miras” Publ. (in Russian).
- 17 Taimagambetov, Z. K., Ozherelyev, D. V. 2009. *Pozdnepaleoliticheskie pamyatniki Kazakhstana (Upper Palaeolithic sites of Kazakhstan)*. Almaty: “Kazakh University” Publ. (in Russian).
- 18 Shnaider, S. 2015. *Tutkaulskaya Liniya Razvitiya v Mezolite Zapadnoi Chasti Tsentralnoi Asii (Tutkaulian Culture in the Mesolithic of Western Central Asia)*. Abstract of Thesis. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

- 19 Zaibert, V. F., Potyomkina, T. M. 1981. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)*, 3, 107-130 (in Russian).
- 20 Feng, Z. D., Ran, M., Yang, Q. L., Zhai, X. W., Wang, W., Zhang, X. S., Huang C. Q. 2011. In: *Quaternary International*, 240, 156–166 (in English).
- 21 Fitzsimmons, K. E., Iovita, R., Sprafke, T., Glantz, M., Talamo, S., Horton, K., Beeton, T., Alipova, S., Bekseitov, G., Ospanov, Y., Deom, J.-M., Sala, R., Taimagambetov, Z. 2017. In: *Journal of Human Evolution*, 113, 107–126 (in English).
- 22 Fitzsimmons, K. E., Sprafke, T., Zielhofer, C., Günter, C., Deom, J.-M., Sala, R., Iovita, R. 2018. In: *Quaternary International*, 469, 30–43 (in English).
- 23 Iovita, R., Varis, A., Namen, A., Cuthbertson, P., Taimagambetov, Z., Miller, C. E. 2020. In: *Quaternary International*, 559, 119–132 (in English).
- 24 Kolobova, K., Krivoshapkin, A., Shnaider, S. 2018. In: *Archaeological and Anthropological Sciences*, 11, 1407-1419 (in English).
- 25 Namen, A., Schmidt, P., Varis, A., Taimagambetov, Z., Iovita, R. 2022a. In: *Journal of Field Archaeology*, 7, 1–16 (in English).
- 26 Namen, A., Varis, A., Lindauer, S., Friedrich, R., Taimagambetov, Z., Iovita, R. 2022b. In: *Archaeological Research in Asia*, 30, 1–5 (in English).
- 27 Ozherelyev, D., Mamirov T. 2023. In: *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 51, 67-74 (in English).
- 28 Pavlenok, G., Bocharova, E., Gladyshev, S., Ulianov, V., Markovskiy G., Kharevich, V., Taimagambetov, Z., Anokin, A. 2020. In: *Archaeological Research in Asia*, 25, 1–6 (in English).
- 29 Reimer, P. J., Austin, W. E. N., Bard, E., Bayliss, A., ... Talamo S. 2020. In: *Radiocarbon*, 62, 725–757 (in English).
- 30 Seltman, R., Armstrong, R., Dolgoplova, A. 2004. *Mineral resource assessment of Eurasian ore provinces through CERCAMS, the Centre for Russian and Central Asian Mineral Studies*. London: “NHM” Publ. (in English).
- 31 Shnaider, S., Krajcarz, M. T., Viola, B. T., Abdykanova, A., Kolobova, K. A., Fedorchenko, A., Alisher-kyzy, S., Krivoshapkin, A. I. 2017. In: *Antiquity*, 91, e3 (in English).
- 32 Shnaider, S., Zhilich, S. V., Zotkina, L. V., Boxleitner, K. A., Taylor, W., Sayfullaev, N., Kovai, V. V., Baranova, S. V., Chernonosov, A. A., Kutnyakova, N. A., Tonasso-Calvière, L., Orlando, L., Spengler, R. 2023. In: *Archaeological Research in Asia*, 34, 100443 (in English).
- 33 Sprafke, T., Fitzsimmons, K. E., Grützner, C., Elliot, A., Marquer, L., Nigmatova, S. 2018. In: *Quaternary Research*, 89, 1–17 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.09.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 27.05.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.05.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.176.199>

Серектас-2 – зимовка скотоводов переходного периода от финальной бронзы к раннему железу (Жетысу)

© 2024 г. Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Шагирбаев М.С., Дубягина Е.В.

Keywords: archaeology, Serektas-2, transitional period, trace research, archaeozoology, pottery, typology

Түйін сөздер: археология, Серектас-2, өтпелі кезең, трасология, археозоология, керамика, типология

Ключевые слова: археология, Серектас-2, переходный период, трасология, археозоология, керамика, типология

Antonina Yermolaeva¹, Albina Yerzhanova^{1*}, Mambet Shagirbayev¹ and Yekaterina Dubyagina¹

¹Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-0354-0304](https://orcid.org/0000-0003-0354-0304) E-mail: antonina4848@mail.ru

^{1*}Corresponding author, PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-2241-228X](https://orcid.org/0000-0002-2241-228X) E-mail: erjanova_a@mail.ru

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0001-8176-9329](https://orcid.org/0000-0001-8176-9329) E-mail: mambet_87@mail.ru

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0001-7052-078X](https://orcid.org/0000-0001-7052-078X) E-mail: nkatykat@gmail.com

Serektas-2 – wintering for cattle breeders in the transition period from the Final Bronze Age to the Early Iron Age (Zhetysu)

The article presents an overview of archaeological materials and methods used for the analysis of bone and stone tools, ceramics and animal bones from the settlement of the late 2nd to early 1st millennium BC in Zhetysu (Semirechye). The manufacturing technology is described based on microscopic observations, and the functional characteristics of the artifacts are provided. The principles of pottery classification are described in detail. In the archaeozoological investigation, the taxonomic composition of domestic and wild animals was determined, age and external characteristics, the ratio of skeletal elements and the time of death of the animals were evaluated. 1.638 animal bones were examined, of which 1.259 bones could be identified to the species. Among the osteological remains, samples from domestic animals predominate (74.2%), bones of wild mammals (22.6%) and reptiles (3.2%) were found. In both cultural strata, the bones of small animals (63.9%) dominate among the hoofed animals, followed by the bones of horses (24.3%) and cattle (11.3%). Dog and camel bones were found in small numbers. The structure of the bone material shows that sheep were slaughtered mainly at the age of 2 to 4 years, and horses at the age of 5 to 15 years.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN BR21882346.

For citation: Yermolaeva, A., Yerzhanova, A., Shagirbayev, M., Dubyagina, Y. 2024. Serektas-2 – wintering for cattle breeders in the transition period from the Final Bronze Age to the Early Iron Age (Zhetysu). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 176–199 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.176.199](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.176.199)

Антонина Сергеевна Ермолаева¹,
Альбина Ергешбайқызы Ержанова^{1*},
Мамбет Сапарбекұлы Шагирбаев¹,
Екатерина Викторовна Дубягина¹

Антонина Сергеевна Ермолаева¹,
Альбина Ергешбаевна Ержанова^{1*},
Мамбет Сапарбекович Шагирбаев¹,
Екатерина Викторовна Дубягина¹

¹жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, PhD,
жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан
атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

**Серектас-2 – кейінгі қола дәуірінен ерте темір
дәуіріне өтпелі кезеңдегі малшылардың қыстауы
(Жетісу)**

Мақалада Жетісуда б.д.д. II мыңж. соңы – I мыңж. басымен мерзімделетін қоныстан табылған сүйек және тас еңбек құралдары, керамика мен жануар сүйектерін талдауда қолданылатын әдістер мен археологиялық материалдарға шолу жасалады. Микроскопиялық бақылаулар негізінде өндіріс технологиясы мен артефактілердің қолданылу сипаттамалары берілген. Керамиканы жіктеу қағидаттары жан-жақты қарастырылған. Археозоологиялық зерттеу барысында үй және жабайы фаунаың таксономиялық құрамы, жас және экстерьерлік ерекшеліктері, қаңқа элементтерінің қатынасы және жануарлардың сойылған маусымы анықталды. Жалпы 1638 сүйек зерттеліп, оның ішінде 1259 сүйек нақты түрге ажыратылды. Остеологиялық қалдықтардың ішінде үй жануарларының сүйектері басым (74.2%), сондай-ақ жабайы сүтқоректілердің (22.6%) және бауырымен жорғалаушылардың (3.2%) сүйектері де кездеседі. Екі мәдени қабаттың материалдарында тұяқтылар арасында ұсақ мал сүйектері басым (63.9%). Екінші орында – жылқы сүйектері (24.3%), үшінші орында – ірі қара мал (11.3%). Аз мөлшерде ит пен түйенің сүйектері анықталды. Сүйек материалының құрылымы қойдың негізінен 2 жастан 4 жасқа дейінгі, ал жылқының 5 жастан 15 жасқа дейінгі аралықта сойылғанын көрсетті.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR21882346 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Шагирбаев М.С., Дубягина Е.В. Серектас-2 – кейінгі қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өтпелі кезеңдегі малшылардың қыстауы (Жетісу). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 176–199-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.176.199](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.176.199)

¹ведущий научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, PhD,
ведущий научный сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

¹научный сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

¹научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

**Серектас-2 – зимовка скотоводов переходного
периода от финальной бронзы к раннему железу
(Жетісу)**

В статье представлен обзор археологических материалов и методов, используемых для анализа костяных и каменных орудий труда, керамики и костей животных, происходящих из поселения конца II – начала I тыс. до н.э. в Жетысу (Семиречье). На основе ряда наблюдений описана технология изготовления, и даны функциональные характеристики артефактов. Подробно изложены принципы классификации керамики. В ходе археозоологического исследования установлен таксономический состав домашней и дикой фауны, оценены возрастные и экстерьерные особенности, соотношение элементов скелета и сезон гибели животных. Исследовано 1638 костей животных, из которых 1259 костей определены до вида. Среди остеологических остатков преобладают образцы от домашних животных (74.2%), встречены кости диких млекопитающих (22.6%) и пресмыкающихся (3.2%). В обоих культурных слоях в выборке домашних копытных преобладают кости МРС (63.9%), на втором месте – кости лошади (24.3%), на третьем – КРС (11.3%). В малом количестве выявлены кости собаки и верблюда. Анализ материала показывает, что овец забивали преимущественно в возрасте от 2-х до 4-х лет, а лошадей – от 5-ти до 15-ти лет.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR21882346

Для цитирования: Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Шагирбаев М.С., Дубягина Е.В. Серектас-2 – зимовка скотоводов переходного периода от финальной бронзы к раннему железу (Жетісу). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 176–199.

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.176.199](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.176.199)

1 Введение (Ермолаева А.С.)

В настоящей публикации представлены результаты междисциплинарного исследования материалов, полученных Семиреченской археологической экспедицией Института археологии имени А.Х. Маргулана во время разведочных раскопок на поселении Серектас-2 в 1999–2001 гг.

Поселение Серектас-2 расположено в горах, в 200 км к северо-западу от г. Алматы в межгорной впадине, снабжённой родником, питающим водой жителей и скот в зимние месяцы. Местность благоприятна для содержания и выпаса скота зимой, так как малоснежные склоны гор и сопки имеют южную экспозицию. Судя по топографии, это была зимовка, служившая для содержания скота после возвращения с летних пастбищ (рис. 1). Полупустынный характер местности предполагал в основном скотоводческий тип хозяйства.

Наиболее детально была исследована конструкция жилища верхнего строительного горизонта, содержащего материалы донгальского периода. Поселение Серектас-2 датируется переходным периодом от финальной бронзы к раннему железному веку, что придаёт ему особое значение как объекту, существовавшему на стыке двух эпох. Памятник такого типа является пока единственным в регионе¹.

2 Материалы и методы

2.1 Методика исследований (Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Шагирбаев М.С., Дубягина Е.В.)

Исследование имеет междисциплинарный характер, включающий использование методов и естественных наук, которые позволили провести изучение археологических источников: керамической посуды, орудий труда из кости и горных пород, остеологического материала. Палеоэкономические исследования в рамках мультидисциплинарного подхода позволяют получить новые сведения по видам хозяйственной деятельности населения для проведения анализа многокомпонентной системы жизнеобеспечения древних коллективов.

Орудия труда из кости и горных пород являются ключевыми артефактами в археологических исследованиях, поскольку они не только отражают технологический уровень древних обществ, но и предоставляют информацию о повседневной жизни, хозяйственной деятельности. Анализ орудий требует комплексного подхода, включающего не только изучение их физических характеристик, но и контекстуальное исследование их использования.

Комплексное изучение коллекции осуществлялось с применением трасологического анализа, направленного на выявление техно-функциональных особенностей костяных и каменных предметов. Основные методические положения подобных исследований отражены в ряде работ Е.Ю. Гири [Гиря 2015], А.Н. Усачука [Усачук 2013], Н.Ю. Кунгуровой [Кунгурова, Варфоломеев 2013], И.В. Горашука [Горашук, Колев 2004], А.П. Бородовского [Бородовский 1997] и В.Б. Панковского [Панковский и др. 2015], изучающих строение, способы изготовления и функции костяных изделий.

В результате трасологического анализа костяного и каменного инвентаря поселения Серектас-2 выделено 20 орудий труда. Из них девять каменных орудий изготовлены из различных пород: базальта, гранита, среднезернистого песчаника, магматических пород. Сырьём костяных изделий (11 экз.) являются метаподии, берцовые кости и астрагалы копытных, а также трубчатые кости животных, пока точнее не определённые.

В процессе обработки коллекции использовался микроскоп ZEISS steREO Discovery.V8, с рабочим увеличением 200 крат; проведена фотофиксация макро- и микроследов на поверхностях

¹Раскопки памятника продолжены в полевом сезоне 2024 г. – прим. ред.

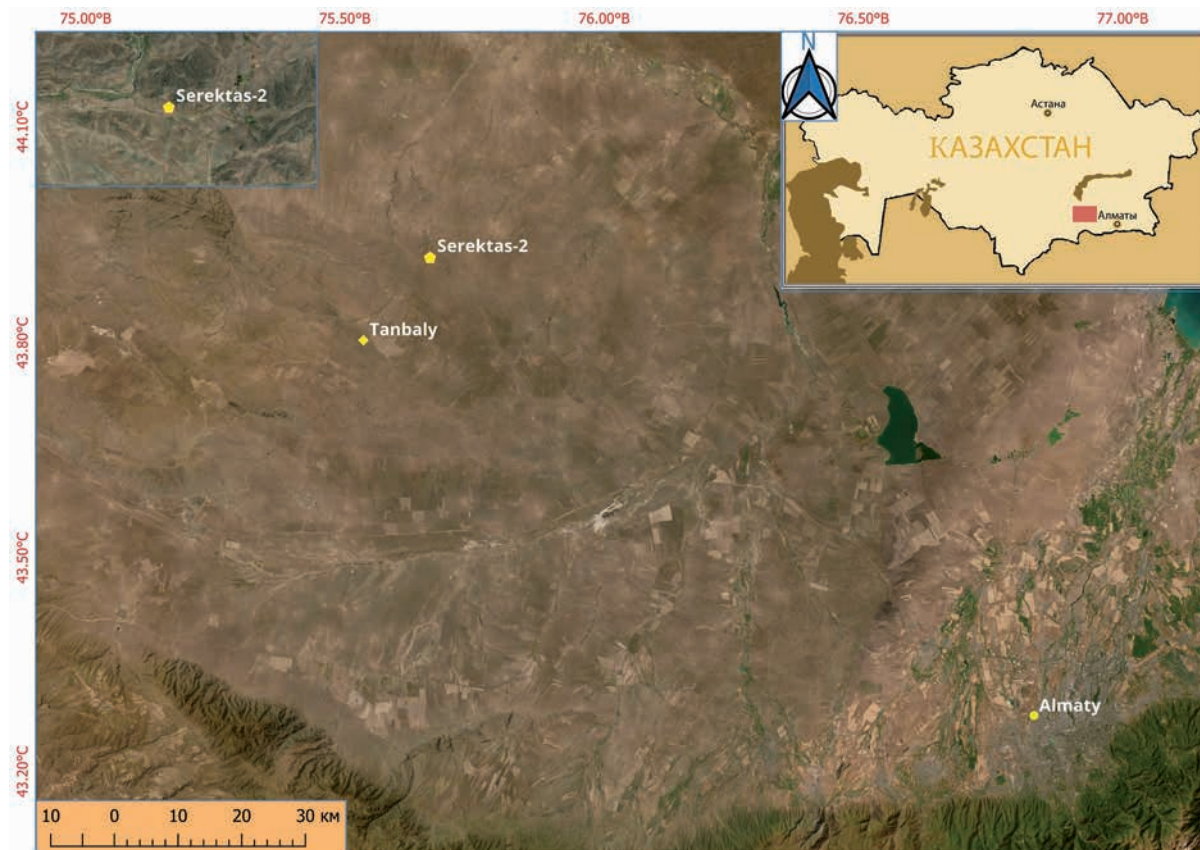

Рис. 1. Поселение Серектас-2 на карте Казахстана. Исполнитель: Мамбет Шагирбаев
1-сур. Серектас-2 қонысы Қазақстан картасында. Орындаған: Мамбет Шагирбаев
Fig. 1. Settlement of Serektas-2 on the map of Kazakhstan. Performer: Mambet Shagirbayev

орудий; описаны следы износа на артефактах и определены функции орудий. Кроме этого, в процессе исследования применялись типологический и технологический методы.

Археозоологические материалы имеют разную степень сохранности, надкостницы подверглись разрушению под воздействием почвенной кислоты. Остеологическая коллекция собиралась способом ручной переборки культурного слоя, просев не производился. Кости паковались по квадратам и горизонтам.

Проанализированы 1638 костей млекопитающих, среди них 1259 костей определены до вида. Из смешанного слоя всего исследовано 1223 кости млекопитающих, среди которых 893 кости определены до вида. Из слоя финальной бронзы обработано 415 костей млекопитающих и среди них 366 костей определены до вида. Также была зафиксирована 41 кость черепахи* (*Кости могли случайно оказаться на территории, где проводились раскопки).

Для определения и описания костных остатков использована эталонная коллекция лаборатории зооархеологии Института археологии имени А.Х. Маргулана. Характер раздробленности костного материала фиксировался по методике, используемой археозоологами из Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург [Ерохин, Бачура 2011]. Для различения элементов скелета овец среди костей мелкого рогатого скота (далее – МРС) использовались специальные

методы [Громова 1953; Zeder, Lapham 2010; Zeder, Pilaar 2010]. Возраст убоя домашних копытных определялся по состоянию зубной системы и эпифизов [Silver 1969]. Определение сезона гибели забитых животных основано на изучении ростовых слоев в зубах (цемента и дентина). Время гибели животного возможно установить только до сезона [Клевезаль 1988]. Промеры костей лошади и кулана снимались по общепринятой методике [Driesch 1976]. При определении примерного роста в холке крупного рогатого скота (далее – КРС) и МРС использованы коэффициенты для таранной кости и метаподий [Цалкин 1970; Teichert 1975]. Описаны разнообразные модификации костей: следы порезов, порубов, погрызов и т. д. [Рассадников 2016; 2019; 2023].

Технико-технологические исследования керамики проводились с использованием микроскопа ZEISS steREO Discovery.V8, с рабочим увеличением 200 крат. В ходе работы был проведён сравнительно-типологический анализ 50 фрагментов с акцентом на изучение форм сосудов и приёмов орнаментации венчиков и верхней части тулова, была изучена технология производства керамики путём анализа поверхностей и изломов 34 образцов сосудов с помощью микроскопического исследования.

2.2 Характеристика материала

2.2.1 Трасологические исследования (Ержанова А.Е.)

Исследовано девять каменных и 11 костяных орудий. Под микроскопом выявлены рабочие поверхности изделий с признаками изнашивания, характеризующие их назначение и способы употребления. Костяные орудия кожевенного производства на поселении Серектас-2 можно разделить на несколько видов.

Проколки (рис. 2, 3). Четыре предмета использовались, очевидно, для прокалывания кожи и шкур. Основным материалом для проколов были обломки трубчатых костей копытных животных (КРС, МРС) [Гончаров 2004: 160], а также грифельные кости. Орудия имеют один заострённый конец, заглаженный и заполированный, длиной 7–12.5 см. По интерпретации А.П. Бородовского, в бронзовом веке для затачивания острий проколов применялась в основном абразивная техника [Бородовский 1997: 46]. Такие орудия встречаются на большинстве поселений эпохи поздней бронзы и переходного периода от бронзы к раннему железу – Талдысай, Атасу, Тургень и Акбауыр 1 [Құрманқұлов және т. б. 2012: 61; Кадырбаев, Курманқұлов 1992; Горячев 2020: 32, рис. 40, 20; Самашев и др. 2024: 72, рис. 4, 20]. Однако у некоторых из них рабочие концы отделаны путём строгания ножом. Рабочие части проколов из грифельных костей доведены строганием до шиловидного состояния. Микроповерхность орудий демонстрирует обработку камнем, прослежена волнистая структура; вероятно, зафиксирован процесс образования линейных царапин, которые в результате имеют ярко выраженный характер следов от прикосновения к коже.

Ещё одной распространённой категорией орудий кожевенного производства были **тупики** (рис. 3, 1), представляющие собой в основной массе Г-образные орудия, выполненные из тазовых костей КРС. Тупик из Серектас-2 (1 экз.) сильно заглажен и истёрт, обнажена губчатая масса кости, как результат использования орудия для размягчения шкур и снятия мездряного слоя. На рабочей поверхности видны жирная заполировка, перпендикулярные рабочему краю линейные микроследы, показывающие направление движения орудия при работе. Техника изготовления тупика: удалены лишние части тазовой кости и подрезан с помощью ножа рабочий край для придания ему дуговидной формы.

Скребок на лопатке МРС (1 экз.) относится к ещё одной функциональной категории орудий труда кожевенного производства. Размеры: 17.5×12×1 см. Рабочей поверхностью является специально подготовленный край, образованный одной из лопастей лопатки, вырезанной и подструганной с помощью ножа. Лишние части кости удалялись. Это также одна из самых многочисленных категорий инструментария [Тюрина 2004: 217].

Рис. 2. Серектас-2. Костяные изделия: 1 – лопаточка; 2 – шпатель; 3 – проколка
2-сур. Серектас-2. Сүйек бұйымдар: 1 – күрекше; 2 – қалақ; 3 – түйреуіш
Fig. 2. Serektas-2. Bone artifacts: 1 – trowel; 2 – spatula; 3 – puncture

Рукоять орудия характеризуется сильной заполировкой от руки человека. На рабочей поверхности скребка видна заполировка, которая образовалась от взаимодействия с мягким, небразивным материалом. Орудие использовалось для снятия мездры на узких участках шкуры, вероятно, на краях или лапах. Такая категория орудий с поселения Берёзовая Лука была интерпретирована Н.Ю. Кунгуровой как «ножи для чистки мездры с кожи» или «скребки» [Кирюшин и др. 2004: 227-228, рис. 151].

Шпатели (2 экз.; рис. 2, 2) сделаны из трубчатых костей КРС. Трубчатую кость продольно разрезали пополам и конец одной из частей слегка подравнивали. Плоскую ровную площадку

Рис. 3. Серектас-2. Костяные и каменные предметы: 1 – тупик; 2-3 – молоток; 4 – абразив; 5 – астрагал; 6 – диск
 3-сур. Серектас-2. Сүйектен және тастан жасалған заттар: 1 – қырғыш; 2-3 – балғаша; 4 – қайрақтас; 5 – асық; 6 – диск
 Fig. 3. Serektas-2. Objects made of bone and stone: 1 – blunt axe; 2-3 – hammer; 4 – abrasive; 5 – astragalus; 6 – disk

использовали как шпатель для работы по мягкому материалу, на рабочей части видны тонкие линейные следы.

Струг (1 экз.) выполнен из массивной трубчатой кости. Эпифиз наполовину удалён, эта часть кости служила рукоятью. Следы сработанности представлены лёгкой заполированностью и линейными следами. Кромка скруглена, слегка затупилась; её покрывает заполировка в виде яркого, жирного блеска. Линейные следы многочисленны: тонкие и более глубокие риски, перпендикулярные и слегка наклонные относительно кромки. По характеру линейных следов установлено, что орудие использовалось для сгонки шерсти и мездрения.

Астрагал (*talus bone*) (1 экз.; рис. 3, 5) без следов сработанности, размерами 3×2×1.5 см, местами имеет залощенность, использовался как игрально-ритуальное изделие [Лошакова, Усачук 2023: 176]. На верхней и нижней части астрагала видны нитевидные следы.

Лопаточки (2 экз.; рис. 2, 1) выполнены на трубчатых костях КРС. Первоначально трубчатая кость разделена на две части, после этого края срезаны металлическим ножом, а площадка рабочей части выровнена. На рабочей плоской поверхности фиксируются грубые царапины.

На основе технико-морфологических особенностей изделий и микроследов на рабочих поверхностях выявлены следующие орудия и приспособления из горных пород: диски, абразивы, молотки и молот. Все они применялись в металлообработке [Зданович, Коробкова 1988: 70]. В качестве сырья использовались породы преимущественно местного происхождения.

Диски (3 экз.; рис. 3, 6). Для их изготовления использован песчаник. Первоначально у плиток оббиты края для придания формы, после этого углы обработаны техникой пикетажа. Естественные плоскости песчаниковых образований были утилизированы в качестве опорной поверхности. На одной из фасетных сторон объекта обнаружены признаки абразивной обработки. Диаметр дисков – 4–8 см, толщина – 0.8–1.5 см.

Абразивы (3 экз.) представлены фрагментами плиток песчаника (рис. 3, 4), которые применялись для первичной обработки металлических изделий, вероятно, послековки. В процессе утилизации на рабочих плоскостях орудий появилась сработанность. Характерной особенностью абразивов поселения Серектас-2 является наличие одной рабочей поверхности, на которой фиксируются следы шлифовки. Здесь видны следы от поступательного движения, полученные при заточке металлического предмета, зафиксированы нитевидные хаотичные микроследы от обработки металлических орудий и деформация зёрен породы. Размеры изделий различны: от 2.3×3.1×1.1 см до 3.4×5.7×2 см.

Молот (1 экз.) имеет корпус удлинённых пропорций. Длина изделия 10 см, размеры в поперечнике 4×3 см. Материал: габбро. Для придания орудию законченной формы применена техника пикетажа и шлифовки. Молот использовался с рукоятью, о чём свидетельствует выемка на рёбрах корпуса; применялся для растирания твёрдых пород.

Молотки (2 экз.), с их некрупными рабочими поверхностями, во время эксплуатации удерживались в руке. Длина их 4–6 см, ширина 2.7–3.6 см, толщина 2.3 см (рис. 3, 2, 3). Вся поверхность изделий отшлифована. Износ характеризуется наличием точечных микроуглублений – следами от проковки металлических изделий, а также наличием металлического блеска. Возможно, молотки использовались в сравнительно тонких, в частности ювелирных, работах.

2.2.2 Результаты археозоологического исследования (М.С. Шагирбаев)

Видовой обзор

В обоих культурных слоях преобладают кости домашних животных. Можно заметить, что на протяжении всего времени существования поселения разведение МРС было важным компонентом животноводства (табл. 1).

Смешанный слой. В данном слое количество костей МРС среди костей домашних животных составляет 61.4%. На втором месте кости лошади – 25.1%. Кости КРС встречались относительно мало (13.2%). Определён также фрагмент лопатки собаки. Особенностью остеологического материала в смешанном слое является большое количество костей диких копытных (31.4%). Среди костей диких животных основная часть (95.8%) принадлежит кулану. Также обнаружены единичные кости сайгака и архара. Комплекс неопределимых до вида костей состоит преимущественно из фрагментов категории крупное копытное (82.1%).

Слой финальной бронзы. В нижнем культурном слое также наблюдалось преобладание костей МРС (64.6%). Количество костей лошади и КРС повторяет ситуацию в смешанном слое (7.8 и 21.7% соответственно). В данном горизонте найдены целый коренной зуб верблюда и фрагмент позвонка собаки. Однако в слое финальной бронзы кости диких животных весьма немногочисленны: одна кость принадлежала кулану, три – архару. Встречаются фрагменты скелета и панциря черепахи. Среди неопределимых образцов, преобладают (60%) фрагменты костей крупных млекопитающих.

Таблица 1 – Видовой состав костных остатков животных из поселения Серектас-2
1-кесте – Серектас-2 қонысынан табылған жануар сүйектерінің түр бойынша құрамы
Table 1 – Species composition of animal bone remains from the settlement of Serektas-2

Виды	Смешанный слой				
	Кол-во костей	%	Кол-во особей		
Домашние животные					
Мелкий рогатый скот – <i>Ovis et Capra</i>	235	371	38.9	61.4	22
Овца – <i>Ovis aries</i>	136		22.5		
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	152		25.2		9
КРС – <i>Bos taurus</i>	80		13.2		6
Собака – <i>Canis familiaris</i>	1		0.2		1
Всего домашних	604		100.0		38
Дикие животные					
Кулан – <i>Equus hemionus</i>	277		95.8		20
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	10		3.4		3
Архар – <i>Ovis ammon</i>	2		0.6		1
Всего диких	289		100.0		24
Неопределимые до вида кости					
Млекопитающие – <i>Mammalia indet</i>	330			26.4	
Черепаша – <i>Testudo horsfieldii</i>			26		
Всего костей, экз.			1249		
Виды	Слой финальной бронзы				
	Кол-во костей	%	Кол-во особей		
Домашние животные					
Мелкий рогатый скот – <i>Ovis et Capra</i>	166	246	46,0	68.2	16
Овца – <i>Ovis aries</i>	80		22,2		
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	83		23,0		6
КРС – <i>Bos taurus</i>	30		8,3		2
Верблюд – <i>Camelus bactrianus</i>	1		0,3		1
Собака – <i>Canis familiaris</i>	1		0,3		1
Всего домашних	361		100.0		26
Дикие животные					
Кулан – <i>Equus hemionus</i>	1		20.0		1
Архар – <i>Ovis ammon</i>	3		80.0		3
Всего диких	5		100.0		4
Неопределимые до вида кости					
Млекопитающие – <i>Mammalia indet</i>	49			11.3	
Черепаша – <i>Testudo horsfieldii</i>			15		
Всего костей, экз.			430		

Возрастной состав

В обоих культурных слоях возрастные особенности МРС схожи. Среди фрагментов нижних и верхних челюстей и изолированных зубов МРС больше 80% экз. происходят от особей старше 2-х лет (табл. 2). Единичные кости принадлежат молодым животным в возрасте от 3-х до 18-ти мес. Данных по синостозированию эпифизов немного. Был проведён анализ состояния эпифизов из обоих слоёв, наиболее распространённых среди трубчатых костей – плечевого (11 экз.) и берцового

(30 экз.). Анализ показывает, что среди исследованных костей 79.9% принадлежит животным в возрасте 3–3.5 лет. Среди 29 экз. первых фаланг из обоих слоев 24 экз. имеют оба сустава/эпифиза, т. е. на момент забоя животные были старше 1.5–2 лет. Анализ состояния эпифизов для КРС показывает в целом похожую ситуацию. Забой большинства особей происходил в возрасте 2–4 лет. В смешанном слое обнаружена плюсовая кость телёнка. Во всех трубчатых костях лошадей состояние слияния эпифизов завершено. Лошади в обоих слоях были забиты в возрасте от пяти до 15 лет. Зуб верблюда из слоя финальной бронзы принадлежит взрослой особи. Также кости собаки из обоих слоёв принадлежат взрослым особям. Возрастные особенности диких животных неоднородны. Среди останков кулана выявлены три возрастные группы. Из них три особи – старые, 10 – взрослые и семь – полувзрослые. Одна из трёх особей архаров убита в зрелом возрасте, а двое – в полувзрослом. Все кости сайги происходят от взрослых особей.

*Таблица 2 – Возрастной состав млекопитающих из поселения Серектас-2
2-кесте – Серектас-2 қонысынан табылған сүтқоректілердің жас құрамы
Table 2 – The age composition of mammals from the settlement of Serektas-2*

Состояние зубной системы нижней челюсти	Возраст, месяц	Смешанный слой		Слой финальной бронзы	
		Абс.	%	Абс.	%
<i>Мелкий рогатый скот – Ovis et Capra</i>					
m3 есть	Старше 24 месяцев	11	50.0	11	68.7
m2 есть, m3 нет	12–24 месяцев	7	31.8	4	25.0
m1 есть, m2 нет	3–12 месяцев	3	16.6	1	6.3
m1 отсутствует	До 3 месяцев	1	4.5	0	0.0
Всего особей		22	100.0	16	100.0
<i>Крупный рогатый скот – Bos taurus</i>					
pm3 постоянный	Старше 34 месяцев	4	66.6	0	0.0
m3 есть	Старше 28 месяцев	1	16.7	2	100.0
m1 отсутствует	До 6 месяцев	1	16.7	0	0.0
Всего особей		6	100.0	2	100.0
<i>Лошадь – Equus caballus</i>					
5-6 лет		4	44.4	4	66.6
7–15 лет		5	55.6	2	33.4
Всего особей		9	100.0	6	100.0
<i>Верблюд – Camelus bactrianus</i>					
Взрослая особь		0	0	1	100.0
<i>Собака – Canis familiaris</i>					
Взрослая особь		1	100.0	1	100.0
<i>Кулан – Equus hemionus</i>					
Старые особи		3	15.0	0	0.0
Взрослые особи		10	50.0	0	0.0
Молодые особи		7	35.0	1	100.0
Всего особей		20	100.0	–	–
<i>Архар – Ovis ammon</i>					
Взрослые особи		1	100.0	1	33.3
Полувзрослые особи		0	0.0	2	66.7
Всего особей		–	–	3	100.0
<i>Сайга – Saiga tatarica</i>					
Взрослые особи		3	100	0	0.0

Соотношение элементов и отделов скелета

Среди костных остатков МРС присутствуют все элементы скелета. В коллекции из обоих слоёв отсутствуют роговые стержни (табл. 3). Среди отделов скелета преобладают кости проксимальных и дистальных частей ног. Среди материала заметно меньше фрагментов черепа и изолированных зубов. Состав элементов скелета КРС представлен без множества костей. В обоих слоях практически отсутствуют кости черепа и роговые стержни. Кости лошади в смешанном слое представлены почти всеми элементами скелета.

Таблица 3 – Состав элементов скелета домашних копытных
3-кесте – Үй тұяқтыларының қаңқа элементтерінің құрамы
Table 3 – Composition of the elements of the skeleton of domestic ungulates

Элементы скелета	МРС		Лошадь		КРС		
	*0–50 см	**50–150 см	0–50 см	50–150 см	0–50 см	50–150 см	
Верхняя челюсть – Maxilla	0	1	3	0	0	0	
Нижняя челюсть – Mandibula	23	9	0	0	0	0	
Зуб – Dentes	34	29	40	30	12	3	
Атлант – Atlas	2	5	1	0	0	0	
Эпистрофей – Axis	2	0	2	0	0	0	
Позвонки – Vertebrae	32	31	11	1	9	3	
Крестец – Sacrum	1	2	1	0	0	0	
Ребра – Costae	29	18	5	0	0	1	
Лопатка – Scapula	24	21	3	0	6	0	
Плечо – Humerus	25	12	5	2	4	3	
Лучевая – Radius	10	13	12	5	3	6	
Локтевая – Ulna	2	4	4	0	0	0	
Таз – Os coxae	21	13	5	2	1	1	
Бедро – Femur	12	7	2	0	0	1	
Берцовая – Tibia	22	10	5	1	0	1	
Коленная чашечка – Patella	0	0	2	0	0	0	
Пяточная – Calcaneus	13	6	2	3	2	0	
Таранная – Talus	7	0	8	8	9	0	
Тарзальная – Tarsus	2	3	3	5	2	1	
Карпальная – Carpus	4	5	1	0	9	1	
Метаподия – Metapodium	9	19	13	13	1	3	
Грифельная – McII-McIV	0	0	3	3	0	0	
Пясть – Metacarpale III+IV	19	1	0	0	0	1	
Плюсна – Metatarsale III+IV	16	2	0	0	4	1	
Фаланга 1 – Phalanx 1	30	18	9	1	7	1	
Фаланга 2 – Phalanx 2	19	5	8	5	6	1	
Фаланга 3 – Phalanx 3	13	2	3	4	5	2	
Сесамоидная	0	0	1	0	0	0	
Всего	экз.	371	236	152	83	80	30
		607		235		110	
		61.2	38.8	64.6	35.4	72.7	27.3

* – смешанный слой; ** – слой финальной бронзы

Среди отделов скелета наиболее многочисленными являются кости проксимальных и дистальных частей ног. В обоих слоях соотношение костей конечностей схожее. На втором месте кости грудного отдела (табл. 4). Состав отделов скелета КРС неоднородный. В обоих слоях доминируют кости нижней части ног и изолированные зубы. Остальные отделы отличаются друг от друга. В нижнем слое отсутствуют кости черепа и есть всего одна кость грудного отдела. Анализ отделов скелета показывает, что в обоих слоях кроме дистальных и проксимальных частей ног, также доминируют изолированные зубы.

*Таблица 4 – Состав отделов скелета домашних животных
4-кесте – Үй жануарларының қаңқа бөліктерінің құрамы
Table 4 – The composition of the departments of the skeleton of domestic animal*

Отделы скелета / Partes corporis	Мелкий рогатый скот – <i>Ovis et Capra</i>			
	Смешанный слой		Слой финальной бронзы	
	абс.	%	абс.	%
Голова (<i>Cranium</i>)	23	6.2	10	4.2
Зуб (<i>Dentes</i>)	34	9.2	29	12.3
Грудина (<i>Vertebrae, costae, sternum, sacrum</i>)	66	17.8	56	23.7
Проксимальные части ног (<i>Scapula, os coxae, humerus, ulna, radius, femur, patella, tibia</i>)	116	31.3	80	33.9
Дистальные части ног (<i>Ossa carpi, ossa tarsi, metacarpus, metatarsus, ossa digitorum manus/pedis</i>)	132	35.6	61	25.8
Всего / Total	371	100.0	236	100.0
Отделы скелета / Partes corporis	Лошадь – <i>Equus caballus</i>			
	Смешанный слой		Слой финальной бронзы	
	абс.	%	абс.	%
Голова (<i>Cranium</i>)	3	2.0	0	0.0
Зуб (<i>Dentes</i>)	40	26.3	30	36.1
Грудина (<i>Vertebrae, costae, sternum, sacrum</i>)	20	13.2	1	1.2
Проксимальные части ног (<i>Scapula, os coxae, humerus, ulna, radius, femur, patella, tibia</i>)	38	25.0	10	12.0
Дистальные части ног (<i>Ossa carpi, ossa tarsi, metacarpus, metatarsus, ossa digitorum manus/pedis</i>)	51	33.6	42	50.6
Всего / Total	152	100.0	83	100.0
Отделы скелета / Partes corporis	Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>			
	Смешанный слой		Слой финальной бронзы	
	абс.	%	абс.	%
Голова (<i>Cranium</i>)	0	0.0	0	0.0
Зуб (<i>Dentes</i>)	12	15.0	3	10.0
Грудина (<i>Vertebrae, costae, sternum, sacrum</i>)	9	11.3	4	13.3
Проксимальные части ног (<i>Scapula, os coxae, humerus, ulna, radius, femur, patella, tibia</i>)	14	17.5	12	40.0
Дистальные части ног (<i>Ossa carpi, ossa tarsi, metacarpus, metatarsus, ossa digitorum manus/pedis</i>)	45	56.3	11	36.7
Всего / Total	80	100.0	30	100.0

Результаты биометрического анализа

Пригодных для измерения костей немного. Высота в холке, реконструируемая по пяточной кости, для овец Серектас-2 составляет – 55.4 и 61.4 см. Единственная целая таранная кость КРС массивная, больших размеров (GLm – 58 мм, GLI – 65 мм, Bd – 42.2 мм, Sagg – 49.5 мм, DI – 30.9 мм). Рост животного по таранной кости составляет – 146.9 см.

Модификации костей

Зафиксировано 45 костей с различными модификационными изменениями (2.6%; здесь и далее от общего количества костей). Среди них 37 костей (2.9%) происходят из смешанного слоя, остальные из слоя финальной бронзы (8 экз., или 1.8%) (табл. 5). Преобладают кости, погрызенные хищниками. Следы погрыза копытными не выявлены. Погрызы хищником встречались на разных участках трубчатых/длинных и плоских (лопатка, таз, ребро, отростки позвонков) костей домашних и диких копытных. На одной грифельной кости лошади из нижнего слоя проксимальный конец зашлифован (см. подробнее в частях текста, посвящённых костяным орудиям). Среди костей, модифицированных человеком, чаще остальных встречаются кости со следами рубки и порезами. Следы рубки наблюдались на поверхности диафизов трубчатых костей, а также на теле ребра (*corpus costae*).

Таблица 5 – Соотношение костей с модифицированными и патологическими изменениями
5-кесте – Түрленген және патологиялық өзгерістері бар сүйектердің қатынасы
Table 5 – The ratio of bones with modification and pathological changes

Модификация костей	Смешанный слой		Слой финальной бронзы	
	абс.	%	абс.	%
Следы рубки	6	16.2	3	50
Следы порезов	7	18.9	1	16.6
Горелые кости	3	8.1	0	0.0
Погрызенные хищниками	20	54.0	2	33.3
Погрызенные грызунами	1	2.7	0	0.0
Всего	36	100.0	6	100.0
	42			
Модифицированные человеком	16		38.0	
Модифицированные животным	26		62.0	
Патология костей	Смешанный слой			
	абс.		%	
Костные наросты/экзостозы	3		50.0	
Анкилоз	1		16.6	
Сломанные кости	1		16.6	
Эбурнеация	1		16.6	
Всего	6		100.0	

Патологические изменения костей

На поверхности атланта овцы по краям краниального сустава имеются костные наросты. Также костные экзостозы зафиксированы у КРС, на дистально-латеральной поверхности второй фаланги. В вертлужной впадине тазовой кости лошади имеется дегенеративное поражение суставной

поверхности. Анкилоз зафиксирован на тарзальном суставе (слияние центральной заплюсневой кости со второй заплюсневой костью) задней левой ноги кулана. На теле ребра МРС обнаружены следы зажившего перелома.

Сезон забоя домашних и диких животных

Проанализированы зубы двух особей КРС и установлено, что оба животных были забиты поздней осенью и в начале зимы в возрасте 6–9 лет. Результаты исследования зубов МРС показали, что одна особь была забита в середине осени, две – поздней осенью и в начале зимы и ещё две – в конце зимы и начале весны. Наши исследования, основанные на имеющихся в настоящее время материалах, показали, что домашних парнокопытных животных (КРС и МРС) летом не забивали. Анализ зубов 4-х особей лошади показал, что две из них были забиты в конце зимы и в начале весны, две особи – зимой, в среднем в возрасте от семи до 12-ти лет. Также при исследовании одного зуба (I2), принадлежащего кулану, выяснилось, что животное погибло в возрасте 8-9 лет в середине лета (табл. 6).

*Таблица 6 – Результаты определения сезона гибели животных из поселения Серектас-2
6-кесте – Серектас-2 қонысындағы жануарлардың өлген мезгілдерін анықтаудың нәтижелері
Table 6 – The results of determining the season of death of animals from the settlement of Serektas-2*

Сезон	Возрастные группы, лет				Всего	
	2-4	6-9	8-9	7-12	Абс.	%
Крупный рогатый скот						
Конец осени–начало зимы	0	2	0	0	2	100
Мелкий рогатый скот						
Середина осени	1	0	0	0	1	20.0
Конец осени–начало зимы	2	0	0	0	2	40.0
Конец зимы–начало весны	2	0	0	0	2	40.0
Лошадь						
Конец зимы–начало весны	0	0	0	2	2	50.0
Середина зимы	0	0	0	2	2	50.0
Кулан						
Середина лета	0	0	1	0	1	100

2.2.3 Керамологические исследования (А.С. Ермолаева, Е.В. Дубягина)

К категории массовых находок относится керамика донгальского типа, обнаруженная преимущественно в жилище 2 верхнего строительного горизонта. В анализ включены наиболее значимые и диагностические фрагменты керамики от различных частей сосудов в количестве 50-ти экземпляров.

Сравнительно-типологический анализ был проведён по фрагментам венчиков с шейками и верхней части тулова, охватывая изучение форм сосудов и техник орнаментации. Сосуды характеризуются плоскими (26 экз.), уплощёнными (13 экз.) и округлыми (32 экз.) венчиками,

шейками нескольких типов (рис. 4–7). Венчики сосудов с плоским верхом сочетаются со скошенностью внутреннего и наружного краёв. Плоские венчики имели выступающую закраину, которая в некоторых случаях представляла нависающую над шейкой закраину-бортик (рис. 5, 1, 3, 6, 7).

Рис. 4. Серектас-2. Фрагменты керамики 4-сур. Серектас-2. Қыш ыдыс сынықтары
Fig. 4. Serektas-2. Fragments of pottery

В моделировке верхней части преобладают сосуды с выраженной шейкой разных форм: высокой прямой (рис. 5, 4, 10, 11, 13; 7, 1–3), отогнутой (рис. 5, 2), высокой дугообразной (рис. 5, 10, 12; 6, 1, 5; 7, 2, 3–5), с короткой прямой, соединяющейся с туловом под прямым углом (рис. 7, 1–5). По фрагментам от верхней части установлено, что значительная часть сосудов имела округлое и даже раздутое тулово (рис. 5, 2; 7, 1, 2, 4, 5).

Наиболее распространённым элементом орнамента были жемчужины, которые представляли собой вдавления с внутренней стороны сосуда. Они обычно располагались в один ряд и сочетались с пальцевыми защипами, разными вдавлениями, косыми насечками (рис. 5, 9; 6, 5).

В целом, аналоги серектасской керамике имеются в комплексах

финальной бронзы и переходного от бронзы к раннему железу периода на других территориях. Так, значительное сходство она проявляет с донгальским типом посуды, которое прослеживается в основном в тех частях сосудов, которые присущи донгальской посуде и отличают её от саргаринско-алексеевской — венчиках с бортиком, жемчужинах, утолщённых и скошенных внутри венчиках [Ломан 1987: 115–119, рис. 2, 4; 3, 5, 7; с. 121, рис. 4, 1, 3–5; с. 126, рис. 7, 1].

С керамикой поселения Тагибай-Булак переходного периода от поздней бронзы к раннему железу керамику поселения Серектас-2 сближает сходная форма венчиков — наличие бортиков или сильно выступающих закраин, наличие на сосудах жемчужного орнамента [Маргулан 1979: 230, рис. 174, 3, 9, 11, 14, 19]. Характерные бортики, закраины и жемчужины представлены также в керамике поселения Новошувльбинское [Ермолаева, Ермоленко 2016: 663, рис. 12, 1–13, с. 665, рис. 13, 1–18]. Аналогичная керамика имеется на памятниках большещеченской культуры Барнаульско-Бийского Приобья. С ней посуду с поселения Серектас сближает наличие жемчужин как характерного элемента в орнаментации и чередование ряда из жемчужин с разделителями [Грязнов 1956: 71; табл. IX, 25, 26, 29; табл. X, 1–3, 6, 8, 9; табл. XIII, 1–7, 9]. Такие же разделители в виде угловых оттисков применялись и на посуде поселения Серектас.

Для определения технологии производства керамики применялся микроскопический анализ поверхностей и изломов сосудов, были изучены образцы 34 фрагментов керамики.

При анализе керамической коллекции немногочисленные фрагменты исследуемой керамики относятся к эпохе поздней бронзы (рис. 4, 2–4). По форме два фрагмента венчиков могут быть

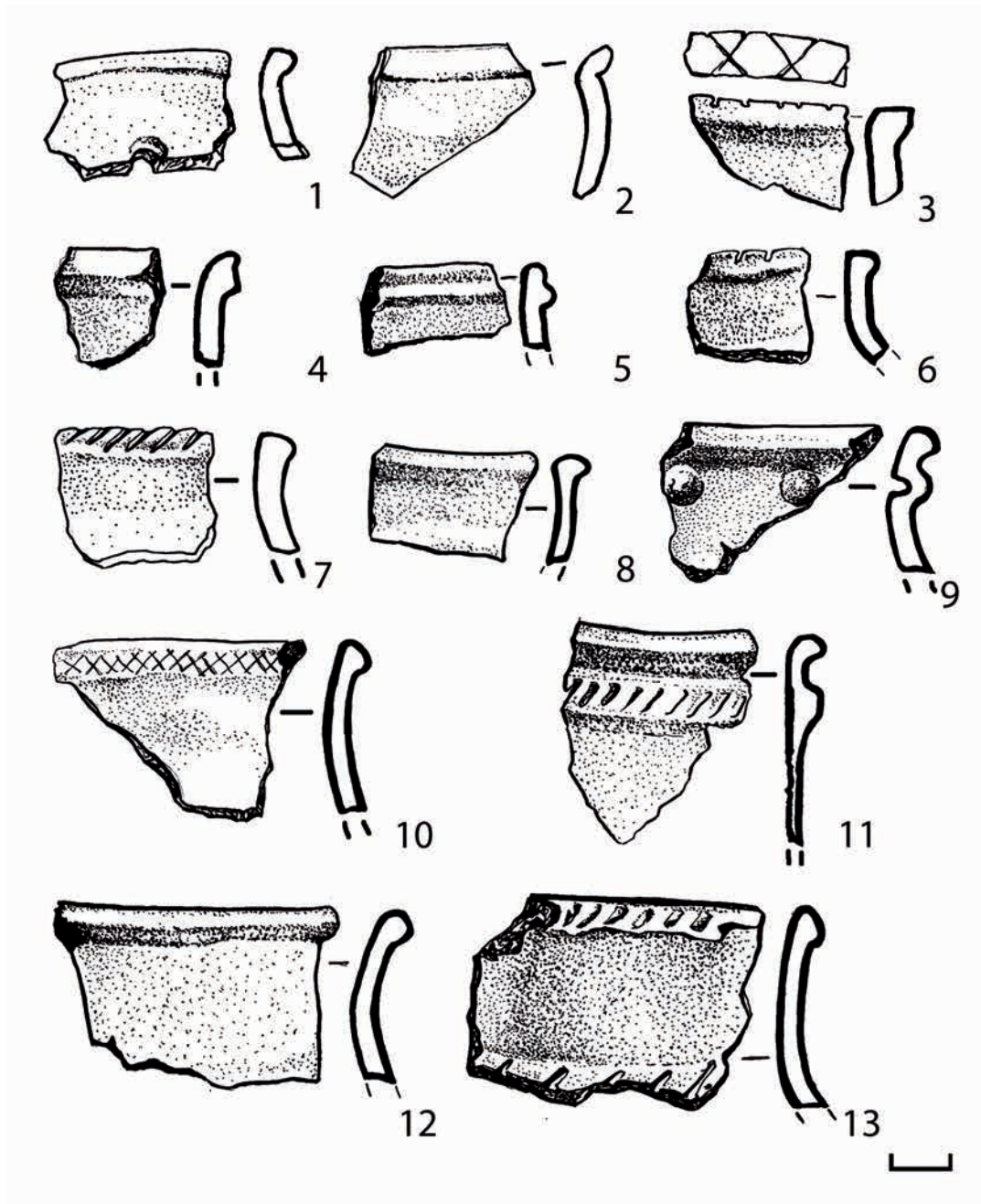

Рис. 5. Серектас-2. Фрагменты керамики
5-сур. Серектас-2. Қыш ыдыс сынықтары
Fig. 5. Serektas-2. Fragments of pottery

классифицированы как относящиеся к сосудам баночного типа, орнаментация была нанесена под венчиком и на горловине; применена мелкая и крупноребенчатая штамповка, мотив узора – равносторонние треугольники. Третий фрагмент от боковой части имеет сплошную орнаментацию: желобки в несколько рядов и ниже прочерченные равносторонние треугольники. Аналогии дан-

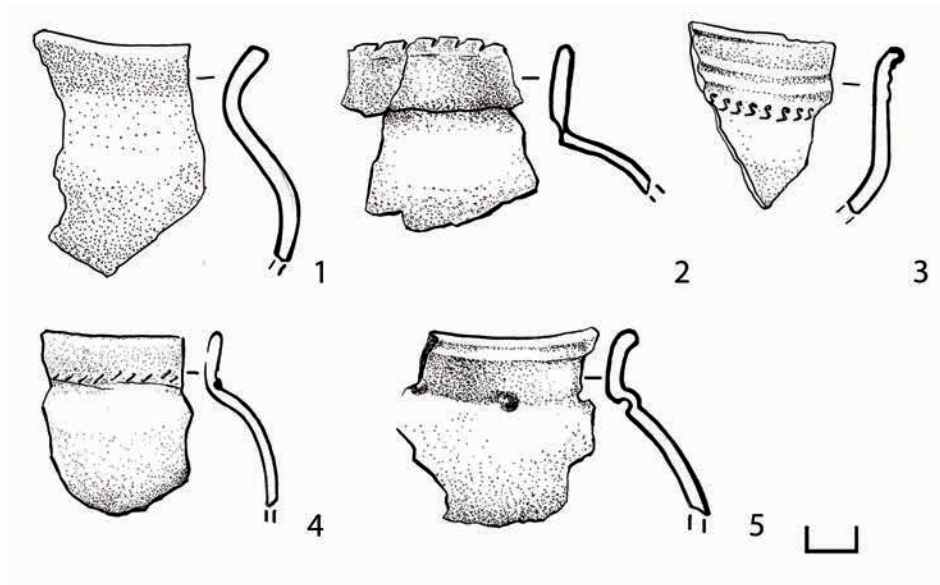

Рис. 6. Серектас-2. Фрагменты керамики с нависающей над шейкой закраиной-бортиком б-сур. Серектас-2. Сыртқа шығыңқы ернеуі бар қыш ыдыс сынықтары
Fig. 6. Serektas-2. Fragments of pottery with a rim hanging over the neck

ной керамике можно найти среди таутаринской группы фёдоровского типа [Жарабаспакова 2011; Кузьмина 1988: 43; Дмитриев 2017: 142].

Для изготовления керамики эпохи поздней бронзы использовалась среднежелезненная глина средней пластичности. Рецепт формовочной массы: 1) глина + дресва (1:4); 2) дресва кальцитовая (1:3) + навоз (3%) (фиксируются фрагменты обугленной растительности и поры от выгоревшей органики); 3) дроблёная кость (1%) + органика (навоз) (рис. 4, 2–4). Фрагменты керамики не принадлежат к единой группе, вполне могут быть разновременные.

Уточним, что здесь и далее ‘органика’ в рецептах определяется не по её частицам, но по наличию пор от выгоревших частиц.

Также проанализированы неорнаментированные боковые части сосудов, имеющие следующие рецепты формовочной массы: 1) глина + дресва кальцитовая (1:5); 2) дресва крупная субокруглой формы (1:4) + органика (сено из навоза); 3) дресва мелкая и крупная подпрямоугольной формы (1:3) + органика, 4) дресва песчаниковая мелкая (1:5); 5) дресва гранитная мелкая субугловатой формы (1:3); 6) дресва гранитная мелкая и средняя субугловатой и треугольной формы (1:2) + кость (1:6); 7) дресва кальцитовая (1:4) + органика (10%).

Один фрагмент керамики (рис. 4, 1) принадлежит к бегазинской группе: по форме венчик и шейка прямые, с уплощённым срезом венчика, на внешней стороне орнаментация – ромбы в обрамлении треугольников, выполненные штампом, поверх нанесена жидкая глина, поверхность заглажена. Толщина венчика 0.6 см, стенки – 0.7 см. Тесто твёрдое, зернисто-равномерное, центральное ядро чёрного цвета, внешняя сторона коричнево-оранжевого цвета. Исходное сырьё – глина среднежелезистая, средней пластичности; отощитель дресва мелкая субокруглой формы (1:4) + органика. Обжиг осуществлён в окислительной среде.

Донгальская керамика по форме представлена профилированными горшками и сосудами баночной формы. Орнаментация преимущественно располагалась по венчику и шейке, по технике

декорирования выделяются наклонные насечки по краю венчика, по шейке, имеются горизонтальный ряд жемчужника, валики с ёлочкой и представлена неорнаментированная керамика. Рецепты формовочных масс: 1) дресва (1:3) + навоз/навозная выжимка; 2) дресва средняя и крупная субокруглой формы (1:3) + органика; 3) дресва мелкая субокруглой формы (1:3) + кусочки сухой глины (1:5); 4) шамот (1:5) + органика.

Для донгальской керамики свойственно единообразное применение орнаментальных композиций и практически стандартные формы сосудов. Использование дресвы в качестве минеральной примеси и органики является характерным аспектом в рецепте формовочных масс донгальской керамики, аналогии которой известны на памятниках Бакыбулак, Каратал-1, 2, Едирей-2 [Бейсенов, Ломан 2009].

Таким образом, при анализе немногочисленной керамики позднего бронзового века необходимо учитывать различные этапы заселения и их отражение в найденных керамических коллекциях. Можно лишь предположить наличие более ранних фаз заселения на поселении Серектас-2, которые ещё предстоит изучить. На сегодняшний день, по результатам раскопок (2024 г.) конструкции жилища верхнего строительного горизонта на поселении Серектас-2, можно достоверно указать что донгальская керамика является основным материалом, представляющим массовые находки и хронологически соотносится с переходным периодом от финальной бронзы к раннему железному веку.

3 Анализ и обсуждение материала (Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Шагирбаев М.С., Дубягина Е.В.)

Трасологическое изучение каменных и костяных артефактов поселения Серектас-2 позволяет определить технологию изготовления и функции орудий, использованных в хозяйственной деятельности. На поселении в переходный период была хорошо развита металлообработка и обработка кожи.

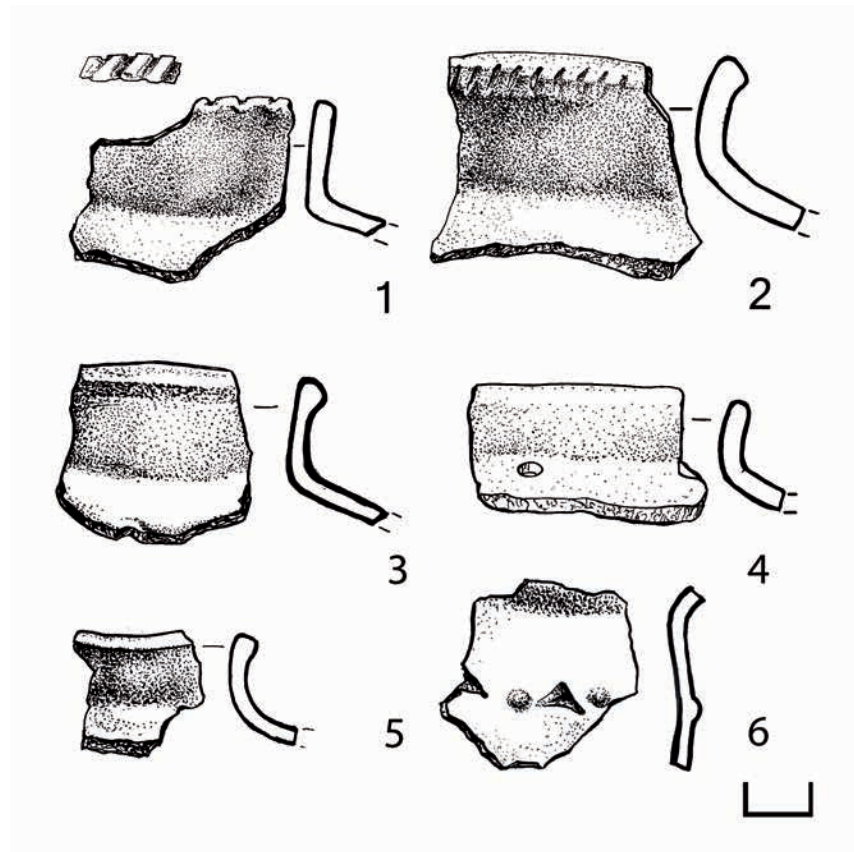

Рис. 7. Серектас-2. Фрагменты сосудов с выраженной шейкой разных форм 7-сур. Серектас-2. Мойындары әртүрлі пішіндегі ыдыс сынықтары

Fig. 7. Serektas-2. Fragments of pottery with pronounced necks in various shapes

Выявлены такие орудия металлообработки как абразивы, молотки, молот и диски. Для рассматриваемой территории характерными минералами являются базальт, гранит, среднезернистый песчаник, магматические породы.

Удалось выявить технологические приёмы производства каменных и костяных изделий. Каменные орудия труда подвергались минимальной обработке. Сначала подбирался камень необходимой формы и размеров, однако некоторые предметы подвергались обработке техникой пикетажа, после придания формы выполнялась шлифовка на крупнозернистом абразиве. Для изготовления костяных орудий труда применялись следующие технологические приёмы: строгание и скобление металлическим инструментом, обработка на крупно- и мелкозернистом абразивах, полировка.

Судя по инвентарю с поселения Серектас-2, можно сказать, что было развито кожевенное дело. Очистка шкур животных от остатков мяса и жира велась с помощью костяных и каменных инструментов, мездрение – с помощью костяных тупика и струга. Проколки служили для прокалывания кожи и шкур. Астрагалы, найденные на поселение Серектас-2, использовались как игральноритуальные принадлежности, так как на их поверхности не выявлены следы использования в качестве орудия.

По основным показателям археозоологической коллекции Серектас-2 выявлено разведение МРС для обеспечения населения мясной продукцией на протяжении всего существования поселения. В обоих культурных слоях большая часть костей МРС принадлежит животным старше двух лет. Важное значение имело, видимо, и коневодство, уступая в этом, впрочем, овцеводству. Крупный рогатый скот, видимо, не играл большой роли в хозяйстве жителей поселения.

На первой фаланге взрослой особи КРС выявлены признаки экзостоза. Эбурнеация тазобедренного сустава лошади косвенно указывает на возможность использования животного в качестве рабочей силы. С другой стороны, мнение о том, что лошадой можно использовать в хозяйственных работах, также согласуется с забоем животных в возрасте от 5-6 до 15 лет. Однако это одна из тех проблем, которые ещё не нашли полного решения в археозоологических исследованиях. Например, А.Ю. Рассадников, отмечает, что различные патологические признаки на костях из одного памятника следует сравнивать с таковыми из других синхронных памятников. Только в том случае, если в материалах рассматриваемых памятников постоянно будут встречаться общие патологические признаки, можно будет реконструировать проблему эксплуатации животных и выявить её тенденции [Рассадников 2023: 58]. В настоящее время не до конца изучены остеологические материалы поселений бронзового и раннего железного веков не только в регионе, где расположено поселение Серектас-2, но и в юго-восточном регионе Казахстана в целом. Полагаем, что из-за отсутствия должного количества материала рано говорить о том, что домашние животные на поселении Серектас-2 использовались для каких-либо тяжёлых работ.

Ещё один обсуждаемый вопрос в изучении хозяйства жителей поселения Серектас-2 – это охота. Жители поселения, возможно, целенаправленно не охотились на сайгака и архара. Однако установлено, что в смешанном слое костные остатки кулана по количеству уступают только МРС. Анализ возрастных особенностей показывает, что куланов ловили в разном возрасте. Животное не является редким для местности, где расположено поселение Серектас-2. В Илейском регионе в петроглифах бронзового века встречаются изображения куланов [Рогожинский 2011]. Кроме того, в ходе раскопок средневековых городищ Кастек и Шенгельды, расположенных неподалеку от поселения, также были обнаружены останки кулана [Нуржанов, Гимранов 2019; Савельева, Шагирбаев 2020; Нуржанов, Шагирбаев 2021]. Археозоологические исследования показывают, что наиболее концентрированным местом ареала кулана в средневековье и Новое время была Илейская долина [Пластеева и др. 2023]. Соответственно, жители поселения Серектас-2 могли регулярно охотиться на это крупное животное, обитающее в окрестностях.

4 Заключение (Ермолаева А.С., Ержанова А.Е., Шагирбаев М.С., Дубягина Е.В.)

По результатам трасологического и морфологического анализов выявлены типы орудий труда, использованных жителями поселения. Каменные и костяные орудия применялись в различных отраслях домашних производств: в кожевенном деле, в гончарстве и металлообработке.

Первенствующее положение среди производств по количеству орудий занимало кожевенное дело, обеспеченное постоянным и обильным источником сырья – шкурами домашних и диких животных, которые шли на изготовление одежды, обуви, головных уборов, спальных подстилок и одеял, посуды, бурдюков и других хозяйственно-бытовых предметов.

На основе технико-морфологического анализа керамической коллекции было установлено, что донгальская керамика является массовым материалом, обнаруженным на данном поселении. Это позволяет заключить, что верхний горизонт жилища был заселен в переходный период от финальной бронзы до начала железного века. Обнаруженные фрагменты немногочисленной керамики позднего бронзового века требуют дальнейшего изучения более ранних слоёв.

В хозяйстве населения поселения Серектас-2 использовались все виды домашних животных, в т. ч. наблюдается целенаправленное увеличение поголовья МРС. В обоих культурных слоях количество костей лошадей больше, чем КРС. Анализ зубов МРС и КРС показал, что эти животные не были забиты в летний период. Ведущим направлением хозяйства жителей поселения было полукочевое скотоводство. В последний период существования поселения они активно занимались охотой. Причину обильной охоты на кулана объяснить пока затруднительно.

Дальнейшие выводы по изучению материалов поселения будут сделаны на следующих этапах исследования после пополнения источниковой базы новыми находками. Это позволит более полно и точно оценить историко-культурное наследие памятника Серектас-2.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Инжу-Маржан, 2009. 264 с.
- 2 Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- 3 Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография / Науч. ред. А.А. Бобринский; сост.: И.Н. Васильева, Н.П. Салугина. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. С. 5-109.
- 4 Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- 5 Гирия Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию В.Е. Щелинского / Под ред. О.В. Лозовской, В.М. Лозовского, Е.Ю. Гири. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232-268.
- 6 Гончаров А.В. Сравнительный анализ костяных орудий из трубчатых костей крупных и мелких копытных (по материалам поселения Березовая Лука) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: м-лы XLIV Региональной (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых (г. Кемерово, 31 марта – 03 апреля 2004 г.) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2004. С. 159-160.
- 7 Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. 260 с.
- 8 Горащук И.В., Колев Ю.И. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский ун-т, 2004. Вып. 2. С. 89-104.
- 9 Громова В. Остеологические отличия родов *Capra* (козлы) и *Ovis* (бараны): руководство для определения ископаемых остатков / Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 10. Вып. 1. Л.: изд-во АН СССР, 1953. 125 с.

- 10 Дмитриев Е.А. Таутаринский тип (к вопросу о генезисе и хронологии) // Самарский научный вестник. 2017. № 4 (21). С. 139-144.
- 11 Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н. Поселение эпохи ранних кочевников на Иртыше // Мир Большого Алтая. 2016. 2 (4.1). С. 654-672.
- 12 Ерохин Н.Г., Бачура О.П. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований: сб. науч. статей / Л.В. Татаурова. Омск: Наука, 2011. С. 62-69.
- 13 Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей: межвуз. сб. / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: изд-во: Урал. ун-та, 1988. С. 60-79.
- 14 Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 247 с.
- 15 Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. 220 с.
- 16 Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: изд-во АлтГУ, 2004. Т. I. 288 с.: ил.
- 17 Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. Москва: Наука, 1988. 285 с.
- 18 Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.
- 19 Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В. Орудия и изделия из камня поселения Кент (по результатам трасологических исследований) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 198-217.
- 20 Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племён Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 35-59.
- 21 Құрманқұлов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Талдысай қонысы – көне металлургия ескерткіші. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология Институты, 2012. 132 б.
- 22 Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1987. С. 115-129.
- 23 Лошакова Т.Н., Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий поселения Токсанбай (Северо-Восточный Прикаспий) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 2 (20). С. 166-185.
- 24 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- 25 Нуржанов А.А., Гимранов Д.О. Исследования костных остатков животных из археологического памятника средневековья городища Кастек // Маргулановские чтения-2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина (г. Нур-Султан, 19-20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019. С. 529-538.
- 26 Нуржанов А.А., Шагирбаев М.С. Археозоологические исследования костных остатков из средневекового городища Кастек (по материалам раскопок 2020 г.) // Историко-культурное наследие древних и традиционных обществ Центральной Азии: новые открытия и междисциплинарные исследования: м-лы междунар. научн.-метод. конф. «XIII Оразбаевские чтения» (г. Алматы, 20-21 мая 2021 г.) / Отв. ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2021. С. 185-192.
- 27 Панковский В.Б., Гиря Е.Ю., Саблин М.В. Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остатков фауны с естественными видоизменениями // Stratum plus. 2015. № 1. С. 169-184.
- 28 Пластеева Н.А., Косинцева П.А., Шагирбаев М.С., Девяшин М.М., Гасилин В.В. История голоценового ареала кулана (*Equus hemionus*, *Equidae*, *Perissodactyla*) в Казахстане // Зоологический журнал. 2023. Т. 102, № 10. С. 1189-1200.
- 29 Рассадников А.Ю. Условия содержания домашних животных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по результатам анализа патологических изменений костной системы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 180-187.

- 30 *Рассадников А.Ю.* Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 75-85.
- 31 *Рассадников А.Ю.* Археозоологические исследования Конюшенной слободы Екатеринбурга XVIII-XIX веков // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 48-61.
- 32 *Рогожинский А.Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print. 2011. 342 с.
- 33 *Савельева Т.В., Шагирбаев М.С.* Osteологические материалы из караван-сарая Шенгельды // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Историч. и соц.-полит. науки». 2020. № 1 (64). С. 389-399.
- 34 *Самашев З., Жунисханов А., Ержанова А., Половцев М.* Комплекс поселений раннего железного века Акбауыр в Восточном Казахстане // Археологические вести. 2024. Вып. 42. С. 68-75.
- 35 *Тюрина Е.А.* Орудия скорняжного производства эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: м-лы XLIV регион. (с междунар. участием) арх.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых (Кемерово, 31 марта – 03 апреля 2004 г.) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово, 2004. С. 217-218.
- 36 *Усачук А.Н.* Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Заурале. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Б. Виноградов; науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 331-362.
- 37 *Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. Москва: Наука, 1970. 279 с.
- 38 *Silver I.A.* The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology. Basic books, Inc., Publishers. New York, 1969. Pp. 250-268.
- 39 *Teichert M.* Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei Schafen // *Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974)*. Amsterdam (North Holland) & New York (American Elsevier). Pp. 51-69 (in German).
- 40 *Von Den Driesch A.* A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Harvard University. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Peabody Museum bulletin. 1976. Vol. 1. Pp. 68-101.
- 41 *Zeder M.A., Lapham H.A.* Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra // JAS. 2010. Vol. 37. Iss. 11. Pp. 2887-2905.
- 42 *Zeder M.A., Pilaar S.E.* Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra // JAS. 2010. Vol. 37. Iss. 2. Pp. 225-242.

REFERENCES

- 1 *Beisenov, A. Z., Loman, V. G.* 2009. *Drevniye poseleniya Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient settlements of Central Kazakhstan)*. Алматы: “Inzhu-Marzhan” Publ. (in Russian).
- 2 *Bobrinskiy, A. A.* 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Yevropy. Istochniki i metody izucheniya (Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 3 *Bobrinskiy, A. A.* 1999. In: *Bobrinskiy, A. A. (ed.), Vasilieva, I. N., Salugina, N. P. (compl.). Aktualnyye problemy izucheniya drevnego goncharstva (Actual problems of studying ancient pottery)*. Samara: Samara Pedagogical University, 5-109 (in Russian).
- 4 *Borodovskiy, A. P.* 1997. *Drevnee kostoreznoye delo yuga Zapadnoy Sibiri (The ancient bone carving art of the south of Western Siberia)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 5 *Girya E. YU.* 2015. In: *Lozovskaya, O. V., Lozovskij, V. M., Girya E. YU. (eds.). Sledy v istorii. K 75-letiyu V.E. Shchelinskogo (Footprints in history. To the 75th anniversary of V.E. Shchelinsky)*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 232-268 (in Russian).
- 6 *Goncharov, A. V.* 2004. In: *Bobrov, V. V. (ed.). Traditsionnyye kultury i obshchestva Severnoy Azii s drevneyshikh vremen do sovremennosti (Traditional cultures and societies of North Asia from ancient times to the present)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 159-160 (in Russian).
- 7 *Goryachev, A. A.* 2020. *Drevniy arkheologicheskiy kompleks verkhovyyev ushcheliya Kishi-Turgen (The ancient archaeological complex of the upper reaches of the Kishi-Turgen gorge)*. Алматы: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

- 8 Gorashchuk I. V., Kolev YU. I. 2004. In: Stashenkov D. A. (Ed.). *Voprosy arheologii Urala i Povolzh'ya (Issues of archaeology of the Urals and the Volga region)*. Samara: Samara University, 2, 89-104 (in Russian).
- 9 Gromova, V. 1953. In: *Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Proceedings of the Commission for the Study of the Quaternary Period)*. Vol. 10. Issue 1. Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 10 Dmitriyev, Ye. A. 2017. In: *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, 4 (21), 139-144 (in Russian).
- 11 Yermolayeva, A. S., Yermolenko, L. N. 2016. In: *Mir Bolshogo Altaya (The world of the Big Altai)*, 2 (4.1), 654-672 (in Russian).
- 12 Yerokhin, N. G., Bachura, O. P. 2011. In: Tataurova, L. V. (ed.). *Metodika mezhdistsiplinarykh arheologicheskikh issledovaniy (Methods of interdisciplinary archaeological research)*. Omsk: "Nauka" Publ., 62-69 (in Russian).
- 13 Zdanovich, S. Ya., Korobkova, G. F. 1988. In: Zdanovich, G. B. (ed.). *Problemy arheologii Uralo-Kazakhstanskikh stepey (Problems of archaeology of the Ural-Kazakh steppes)*. Chelyabinsk: Ural Universitu, 60-79 (in Russian).
- 14 Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kultura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (The culture of the ancient pastoralists and metallurgists of Sary-Arka)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
- 15 Karabaspaikova, K. M. 2011. *Zhetysu i Yuzhnyy Kazakhstan v epokhu bronzy (Zhetysu and South Kazakhstan in the Bronze Age)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 16 Kiryushin, Yu. F., Maloletko, A. M., Tishkin, A. A. 2004. *Berezovaya Luka — poseleniye epokhi bronzy v Aleyskoy stepi (Berezovaya Luka is a Bronze Age settlement in the Aley Steppe)*. Vol. 1. Barnaul: Altai University (in Russian).
- 17 Klevezal, G. A. 1988. *Registriruyushchiye struktury mlekopitayushchikh v zoologicheskikh issledovaniyakh (Recording structures of mammals in zoological research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 18 Korobkova, G. F., Shchelinskij, V. E. 1996. *Metodika makro-mikroanaliza drevnih orudij truda (Methods of macro-microanalysis of ancient tools)*. Part 1. St. Petersburg: Institute for the history of material culture RAS (in Russian).
- 19 Kungurova, N. Y., Varfolomeev, V. V. 2013. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Steпноj Evrazii (Begazy-Dandybaevskaya culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola" Publ., 198-217 (in Russian).
- 20 Kuzmina, Ye. Ye. 1988. In: *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)*, 2, 35-59 (in Russian).
- 21 Kurmankulov, Zh., Yermolayeva, A. S., Yerzhanova, A. Ye. 2012. *Taldysay qonysy – kone metallurgiya yeskertkishi (Taldysay settlement – a monument of ancient metallurgy)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 22 Loman, V. G. 1987. In: Evdokimov, V. V. (ed.). *Voprosy periodizatsii arheologicheskikh pamyatnikov Tsentralnogo i Severnogo Kazakhstana (Issues of periodization of archaeological sites of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University, 115-129 (in Russian).
- 23 Loshakova, T. N., Usachuk, A. N. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (20), 166-185 (in Russian).
- 24 Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybayevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 25 Nurzhanov, A. A., Gimranov, D. O. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskiye chteniya–2019 (Margulan Readings–2019)*. Nur-Sultan: Margulan Institute of Archaeology, 529-538 (in Russian).
- 26 Nurzhanov, A. A., Shagirbayev, M. S. 2021. In: Zhumataev R. S. (ed.). *XIII Orazbaevskie chteniya (13th Orazbayev Readings)*. Almaty: "Kazakh University" Publ., 185-192 (in Russian).
- 27 Pankovskiy V. B., Giryа E. Y., Sablin M. V. 2015. In: *Stratum plus*, 1, 169-184 (in Russian).
- 28 Plasteyeva, N. A., Kosintsev, P. A., Shagirbayev, M. S., Devyashin, M. M., Gasilin, V. V. 2023. In: *Zoologicheskii zhurnal (Zoological Journal)*, 10 (102), 1189-1200 (in Russian).

- 29 Rassadnikov A. Yu. 2016. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)*, 4 (35), 180-187 (in Russian).
- 30 Rassadnikov, A. Yu. 2019. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)*, 3 (46), 75-85 (in Russian).
- 31 Rassadnikov, A. Yu. 2023. In: *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy (News of the Laboratory of Ancient Technologies)*, vol. 19, no 3, 48-61 (in Russian).
- 32 Rogozhinskiy, A. E. 2011. *Petroglify arkheologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs of the archaeological landscape of Tamgaly)*. Almaty: "Signet Print" Publ. (in Russian).
- 33 Savelyeva, T. V., Shagirbayev, M. S. 2020. In: *Vestnik KazNPU im. Abaya, seriya «Istoricheskiye i sotsialno-politicheskiye nauki» (Bulletin Abai KazNPU, the series of «Historical and socio-political sciences»)*, 1 (64), 389-399 (in Russian).
- 34 Samashev, Z., Zhuniskhanov, A., Yerzhanova, A., Polovtsev, M. 2024. In: *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological News)*, 42, 68-75 (in Russian).
- 35 Tyurina, Ye. A. 2004. In: Bobrov, V. V. (ed.). *Traditsionnye kultury i obshchestva Severnoy Azii s drevneyshih vremen do sovremennosti (Traditional cultures and societies of North Asia from ancient times to the present)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 217-218 (in Russian).
- 36 Usachuk, A. N. 2013. In: Vinogradov, N. B.; Epimahov, A. V (Eds.) *Drevnee Ust'e. Ukreplyonnoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaurale (Ancient Ustye. A fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: Abris, 331-362 (in Russian).
- 37 Tsalkin, V. I. 1970. *Drevneyshiye domashniye zhivotnyye Vostochnoy Yevropy (The oldest domestic animals of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 38 Silver, I. A. 1969. In: *Science in Archaeology*. Basic books, Inc., Publishers. New York, 250-268 (in English).
- 39 Teichert, M. 1975. In: *Archaeozoological studies (Kongress Groningen 1974)*. Amsterdam (North Holland) & New York (American Elsevier), 51-69 (in German).
- 40 Von Den Driesch, A. 1976. *A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites*. Harvard University. Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Peabody Museum bulletin vol 1, 68-101 (in English).
- 41 Zeder, M. A., Lapham, H. A. 2010. In: *JAS*, vol. 37, iss. 11, 2887-2905 (in English).
- 42 Zeder, M. A., Pilaar, S. E. 2010. In: *JAS*, vol. 37, iss. 2, 225-242 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.06.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 27.06.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 27.06.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.200.211>

Склепы могильника Кызылколь 1

(по материалам раскопок 2023 г.)

© 2024 г. Подушкин А.Н., Донец А.Г.

Keywords: archaeological complex, Southern Kazakhstan, Kangju, crypts, collective burials, grave goods

Түйін сөздер: археологиялық кешен, Оңтүстік Қазақстан, Қаңлы, қабірлер, ұжымдық жерлеу, жерлеу бұйымдары

Ключевые слова: археологический комплекс, Южный Казахстан, Кангюй, склепы, коллективные захоронения, погребальный инвентарь

Alexander Podushkin^{1*} and Andrey Donets²

^{1*}Corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Professor, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-1603-1373](https://orcid.org/0000-0003-1603-1373) E-mail: p_a_n_alex@mail.ru

²Senior Researcher, Turkistan Regional Museum of Local History, Shymkent, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-4464-409X](https://orcid.org/0000-0002-4464-409X) E-mail: foto-ad@mail.ru

Crypts of the Kyzylkol 1 burial ground

(based on materials of the excavations in 2023)

The article is devoted to the results of a study of the burial structures of the Kyzylkol 1 burial ground (western group of mounds), which is part of a new region, the Kyzylkol historical and cultural zone, which is poorly studied in the archaeological context. During the work on mounds 9 and 10, under insignificant embankments of small stone and rubble, «P»-shaped ground crypts were discovered in a mirrored version, the low walls of which were made of raw brick and pakhsa. Among the design features of such architectural structures, we note the presence of hemispherical vaults covering the burial space with an overlapping brick lining, the presence of a short dromos-entrance, the beginning of which was laid with large and medium-sized stones-boulders, as well as the location along the walls of the chamber «Г»-shaped sufs made of pakhsa. In the crypts, collective burials were recorded, including inlet burials of different times; the found artifacts in the historical, cultural and chronological aspects correlate with the Kangju state of the late period of existence (3rd–5th centuries).

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175.

For citation: Podushkin, A., Donets, A. 2024. Crypts of the Kyzylkol 1 burial ground (based on materials of the excavations in 2023). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 200–211 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.200.211](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.200.211)

Александр Николаевич Подушкин^{1*},
Андрей Геннадиевич Донец²

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университеті, Шымкент қ., Қазақстан

²аға ғылыми қызметкер,
Түркістан облыстық тарихи-өлкетану музейі,
Шымкент қ., Қазақстан

Қызылкөл 1 қорымының сағаналары
(2023 жылғы қазба материалдары негізінде)

Александр Николаевич Подушкин^{1*},
Андрей Геннадиевич Донец²

^{1*}автор-корреспондент, доктор исторических наук, профессор, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, г. Шымкент, Казахстан

²старший научный сотрудник, Туркестанский областной историко-краеведческий музей, г. Шымкент, Казахстан

Склепы могильника Кызылколь 1
(по материалам раскопок 2023 г.)

Мақала археологиялық тұрғыдан аз зерттелген жаңа аймақтың – Қызылкөл тарихи-мәдени аймағының құрамына кіретін Қызылкөл 1 қорымының (үйінділердің батыс тобы) жерлеу құрылыстарын зерттеу нәтижелеріне арналған. №9 және №10 обаларда жүргізілген жұмыстар кезінде ұсақ тас пен қиыршық тастардан тұратын елеусіз үйінділердің астынан «Р» пішінді айна секілді нұсқадағы жерүсті сағанасы табылды, олардың аласа қабырғалары шикі кірпіш пен пахсадан қаланған. Осындай архитектуралық құрылыстардың құрылымдық ерекшеліктерінің ішінде жерлеу кеңістігінің жоғарғы жағында «төмен қаратып» кірпішпен қаланған жарты шар тәрізді күмбездердің, басы көлемі жағынан ірі және орташа өлшемді тастармен қаланған қысқа дромос-кіреберістің болуын, сондай-ақ камера қабырғаларының бойында пахсадан жасалған «Г» пішінді суфалардың бар екенін атап өткен жөн. Қабірлерден ұжымдық жерлеулер, оның ішінде әр уақыттағы кіреберіс қорымдар анықталды, табылған артефактілер тарихи-мәдени және хронологиялық аспектілері бойынша кейінгі кезеңдегі Қаңлы мемлекетімен (III–V ғғ.) сәйкес келеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы, ЖТН BR18574175 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме жасау үшін: Подушкин А.Н., Донец А.Г. Кызылкөл 1 қорымының сағаналары (2023 жылғы қазба материалдары негізінде). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 200–211-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.200.211](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.200.211)

Статья посвящена результатам исследования погребальных сооружений могильника Кызылколь 1 (западная группа насыпей), который входит в состав малоизученного в археологическом контексте нового региона, Кызылкольской историко-культурной зоны. В ходе работ на курганах № 9 и 10, под мало-выразительными насыпями из мелкого камня, щебня, были открыты «Р»-образные в зеркальном варианте по форме наземные склепы, невысокие стены которых сложены из кирпича-сырца и пахсы. В числе конструктивных особенностей таких архитектурных сооружений отметим наличие полусферических сводов, перекрывающих кирпичной выкладкой «с напуском» погребальное пространство сверху; присутствие короткого дромоса-входа, начало которого закладывалось крупными и средними по размерам камнями-валунами; а также расположение вдоль стенок камеры «Г»-образных суф, выполненных из пахсы. В склепах зафиксированы коллективные, в том числе впускные разновременные захоронения, найденные артефакты в историко-культурном и хронологическом аспектах соотносятся с государством Кангюй позднего периода существования (III–V вв.).

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках проекта программно-целевого финансирования КН МНВО РК 2023–2024, ИРН BR 18574175.

Для цитирования: Подушкин А.Н., Донец А.Г. Склепы могильника Кызылколь 1 (по материалам раскопок 2023 г.). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 200–211.

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.200.211](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.200.211)

1 Введение (Подушкин А.Н., Донец А.Г.)

Могильник Кызылколь 1 и погребальные сооружения в виде склепов как объекты археологического исследования входят в состав Кызылкольской историко-культурной зоны, выделенной в самостоятельный минирегион, включающий значительное количество памятников большого научного и социального значения, имеющих отношение к одному из наименее изученных политических образований древности на территории современного Казахстана, государству Кангюй (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Первые рекогносцировочные и археологические работы были осуществлены здесь в десятых годах XXI века, которые продолжились в последующее время вплоть до 2023 года [Подушкин, Донец 2021: 120–140].

Главной целью комплексных изысканий ставилось изучение нового историко-культурного региона на юге Казахстана в археологическом контексте с охватом нескольких типологически разных объектов (поселение, культовое сооружение, могильники).

В течение полевого сезона 2023 года коллектив Центра археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета осуществлял работы на группе памятников археологии Кызылкольской историко-культурной зоны (далее – КИКЗ; в 8,3 км к юго-западу от посёлка Кумкент, Сузакский р-н, Туркестанская обл.). Стационарному исследованию подвергся могильник

Кызылколь 1 (западная группа насыпей). Могильник состоит из 66 курганов, он находится на невысокой плоской площадке неправильной трапециевидной формы размерами 150×240×120×180 м правой надпойменной террасы безымянного ручья, вблизи его впадения в реку Ушбас, у подножия южного окончания языкового выступа из неогеновых глин красного цвета (рис. 1.1)* (*Все фото выполнены и подготовлены авторами). Относится к могильникам с бессистемным расположением насыпей, которые сложены из небольших камней, мелкого щебня и грунта; при этом практически все курганы этого могильника носят следы ограбления в древности. Профили насыпей, в целом, фиксируются хорошо, но есть курганы с сильно оплывшими склонами и почти нерельефной насыпью. Средние размеры насыпей: диаметр основания 18–12, 12–20 м, высота 0,4–0,6–1,9 м.

Рис. 1. Могильник Кызылколь 1 (западная группа курганов):
I – вид сверху и маркировка исследованных курганов; II – наземный склеп 9
(вид сверху и экспликация инвентаря)

1-сур. Қызылкөл 1 қорымы (батыс обалар тобы):
I – зерттелген обалардың жоғары жақтан қарағандағы көрінісі мен таңбалары;
II – №9 жерүсті сағанасы (жоғары жақтан қарағандағы көрінісі және құрал-жабдық экспликациясы)

Fig. 1. Kyzylkol 1 burial ground (western group of mounds):
I – top view and markings of the examined mounds;
II – above-ground crypt 9 (top view and explication of inventory)

2 Характеристика материала и методы исследования (Подушкин А.Н., Донец А.Г.)

2.1 Методика исследований полностью вписывается в общепринятые в полевой археологии последовательные действия, связанные с уточнением картографии объекта, топографии и выявлением его общей планировки с последующими стационарными раскопками, которые подчинены особенностям погребальной конструкции (наземный склеп), обнаружением и фиксацией артефактов в разрезе местонахождения с целью реконструкции погребальной обрядности.

2.2 Описание материала

В полевом сезоне 2023 года раскопкам подверглись курганы № 9, 10 (рис. 1.1, 9-10).

Курган № 9 находится на краю скального оврага на западной кромке правой надпойменной террасы реки Ушбас, в 16 м к югу от кургана № 7 (рис. 1.1, 9). Параметры его невысокой невыразительной насыпи: диаметр основания – 9.4 м, высота – 0.45 м. В ходе работ в центре кургана, на уровне дневной поверхности, было открыто овально-прямоугольное в плане погребальное сооружение размерами 4.8×3.65 м, напоминающее букву «Р» в зеркальном отражении, ориентированное по длинной оси в направлении «северо-запад – юго-восток». Оно представляло собой наземный склеп, сложенный из сырцовых кирпичей прямоугольной и квадратной формы, с основным проходом в юго-западной стороне (рис. 1.1; 5, 1-2).

Погребальная камера склепа представляет собой неправильное овально-прямоугольное сооружение размерами 2.8×2.0 м при толщине стен 0.7-0.8 м высотой от дневной поверхности 0.45 м; размеры входной части с коридором в центре 1.1×1.0 м при ширине коридора 0.7 м. Выкладка стен склепа по высоте осуществлена горизонтальной кладкой на красном глиняном растворе в четыре ряда массивным кирпичом-сырцом размерами: длина – 0.48 м, ширина – 0.25 м, толщина – 0.12 м. Вход в основной проход склепа заложен средними и мелкими по размерам камнями (рис. 1.1; 5, 1-2).

Отличительной особенностью конструктивного устройства погребальной камеры склепа 9 является то, что вдоль её стен по периметру фиксируются невысокие суфы различной ширины, образуя общую «Г»-образную конфигурацию; при этом горизонтальная поверхность суф была хорошо затёрта глиняным раствором и сверху покрыта известью (рис. 1.1). Предположительная реконструкция обряда погребения, которая исходит из обнаружения останков одного костяка вблизи каменной закладки входа и конструктивных особенностей склепа 9: трупоположение на одной из суф. Охарактеризуем погребальный инвентарь из склепа 9.

Керамические изделия представлены:

- кружка кухонная 1 грушевидной формы с выраженной горловиной и вертикальной петле-видной ручкой, нижнее основание которой крепится к месту соединения горловины и тулова, а верхнее – к венчику сосуда. Кружка изготовлена вручную, из грубого теста с большим содержанием шамота, дресвы, белого кальцита, обожжена посредственно. У сосуда отсутствует декор, но имеются следы использования на открытом огне (чёрная копоть на внешней поверхности; рис. 2, 1).

- кружка кухонная 2 с вышеописанными характеристиками, только сосуд шаровидной формы, с короткой горловиной и украшен сверху желтоватого цвета ангобом, а верхнее основание ручки выступает над венчиком (рис. 2, 2).

- керамическое изделие, функциональность которого можно трактовать как ритуальный предмет, условно названный «погремушка». Представляет собой сосуд вертикальной яйцевидной формы с плоским дном, к верхнему основанию конуса которого вертикально прикреплена монолитная округлая в разрезе ручка с клювовидным зооморфным окончанием (морда животного?). Предмет по всей поверхности покрыт красно-коричневым ярким ангобом и залощён, на части тулова и ручке изделия отмечены тёмные пятна от огня (рис. 2, 3).

Рис. 2. Могильник Кызылколь 1 (западная группа курганов). Археологический комплекс наземного склепа 9 2-сур. Кызылкөл 1 қорымы (батыс обалар тобы). № 9 жерүсті сағанасының археологиялық кешені
 Fig. 2. Kyzylkol 1 burial ground (western group of mounds). Archaeological complex of above-ground crypt 9

Изделия из металла представлены гарнитурным набором блях, пряжек, подвесок, «псевдо-подвесок» и пронизью к узкому кожаному поясу из бронзы, а также железным кинжалом.

Поясной набор бронзовых артефактов включает:

- круглую рамчатую пряжку с подвижным язычком, выполненную из округло-приплюснутого в разрезе прута (рис. 2, 5);
- две концевые полые накладки вытянутой прямоугольной формы с одним округлым завершением на малые подвесные ремешки со сквозными фиксаторами-штырьками (рис. 2, 4, 6);
- комбинированное изделие, состоящее из круглой пластины с фиксатором-штырьком в центре, которое насажено посредством петлевидной пластины на достаточно длинный четырёхгранный в разрезе прут (рис. 2, 7);
- комплексное изделие, включающее круглую пластину-обойму с фиксатором-штырьком в центре и петлевидный изгиб, в нижней части которого подвешено округло-овальное толстое кольцо для крепления кожаного ремешка (рис. 2, 10);
- аналогичное по конструкции комбинированное изделие, только пластина-обойма имеет квадратную форму, а к ней снизу через прорезь подвешена фигурная трапециевидная в плане литая пластина с тремя выпуклостями по краю и двумя отверстиями в центре («псевдопряжка»; рис. 2, 11);
- фрагментом округлой плоской бляхи (рис. 2, 8);
- стремечковидной по форме пронизью (рис. 2, 9);

- двумя круглыми плоскими декоративными бляхами с фиксаторами-штырьками в центре (рис. 2, 12-13).

Железный кинжал представляет собой черешковое без перекрестия и наверхия клинковое оружие с достаточно длинным и узким обоюдоострым лезвием (рис. 2, 20).

В числе погребальной атрибуции зафиксированы также изделия из кости (часть концевой накладной пластины на деревянную основу лука; рис. 2, 14) и амулет с отверстием для подвешивания, выполненный из переднего зуба собаки или волка (рис. 2, 15). Другие находки представлены остатками угля (рис. 2, 16), фрагментом янтаря (рис. 2, 17), кусочком мела как частью обрядовых действий (рис. 2, 18), и несколькими фрагментами извести (рис. 2, 19).

Заметим, что склеп был основательно ограблен в древности, а погребальный инвентарь и немногочисленные останки костяка в беспорядке располагались на полу погребальной камеры у входа в склеп (рис. 1.П.а). Здесь же, на закладных камнях, обнаружены две битые керамические кухонные кружки (рис. 1.П.б). В центре пола камеры найдено керамическое ритуальное изделие («погремушка»; рис. 1.П.в), ближе к южной стенке находился железный кинжал (рис. 1.П.г), а у кромки большой суфы, на полу камеры, обнаружены бронзовые изделия, являющиеся фурнитурой к тонкому кожаному наборному поясу (10 экз.; рис. 1.П.д). Наконец, вблизи железного ножа выявлены в бессистемном состоянии часть концевой костяной накладки на лук, подвеска-амулет из зуба собаки (волка) и небольшие фрагменты мела, извести и куски угля (рис. 1.П.е).

Курган № 10 находится в срединной части могильника Кызылколь 1 (западная группа насыпей), в 25 м к северо-востоку от кургана № 9 (рис. 1.П. 10), параметры его плоской насыпи: диаметр основания 7 м, высота 0.4 м. В ходе работ в центре кургана, на уровне дневной поверхности, обнаружено «Р»-образное в зеркальном отражении овально-прямоугольное в плане погребальное сооружение размерами 3.5×3.55 м, ориентированное по длинной оси в направлении «северо-запад – юго-восток», которое представляло собой наземный склеп, сложенный из сырцовых кирпичей прямоугольной и квадратной формы, с основным проходом в юго-западной стороне размерами 1.0×0.8 м, который был заложен речными валунами средних размеров (рис. 3.1; 5, 3-4).

Погребальная камера склепа представляет собой неправильное овально-квадратное сооружение размерами 2.6×2.7 м при толщине стен 0.55–0.75 м и высотой от древней поверхности 0.45 м; размеры входной части с коридором в центре – 1.1×1.0 м при ширине коридора 0.7 м. Выкладка стен склепа по высоте осуществлена горизонтальной кладкой на глиняном растворе в два ряда сырцовым кирпичом размерами: длина 0.46 м, ширина 0.26 м, толщина 0.12 м (рис. 3.1; 5, 3-4).

В погребальной камере склепа 10, по аналогии с камерой кургана № 9, вдоль её стен по периметру фиксируются невысокие суфы различной ширины, образуя «Г»-образную конфигурацию: суфа 1 (большая) и суфа 2 (малая). В юго-восточном углу, на полу камеры, найдены бессистемно сложенные компактной группой костные останки от двух погребённых (предположительно, мужчины и женщины средних лет; рис. 3.1).

Погребальный инвентарь из склепа 10 представлен керамикой, изделиями из железа, бронзы и камня.

Керамика. Включает фрагменты битой посуды от столовых сосудов следующих видов (форма не восстанавливается или восстанавливается частично): кувшины грушевидные с высокой горловиной и вертикальной петлевидной ручкой, крепящейся на горловине сосуда (рис. 3.П, 1-2, 5); шаровидные горшки без ручек с выраженной горловиной (рис. 3.П, 3); чаши с крутым наклоном стенок (рис. 3.П, 4); тазик-тагара (рис. 3.П, 6-7) и части донцев (рис. 3.П, 8). Все изделия выполнены вручную из качественного теста, хорошо обожжены, украшены ангобом серого, светло-коричневого, красно-коричневого и красного цветов (отмечены также лощение по ангобу, рельефно-выпуклые округлые налепы, горизонтальные концентрические прочерченные по сырой глине линии, рельефные валики по длине ручки и пальцевые вдавления).

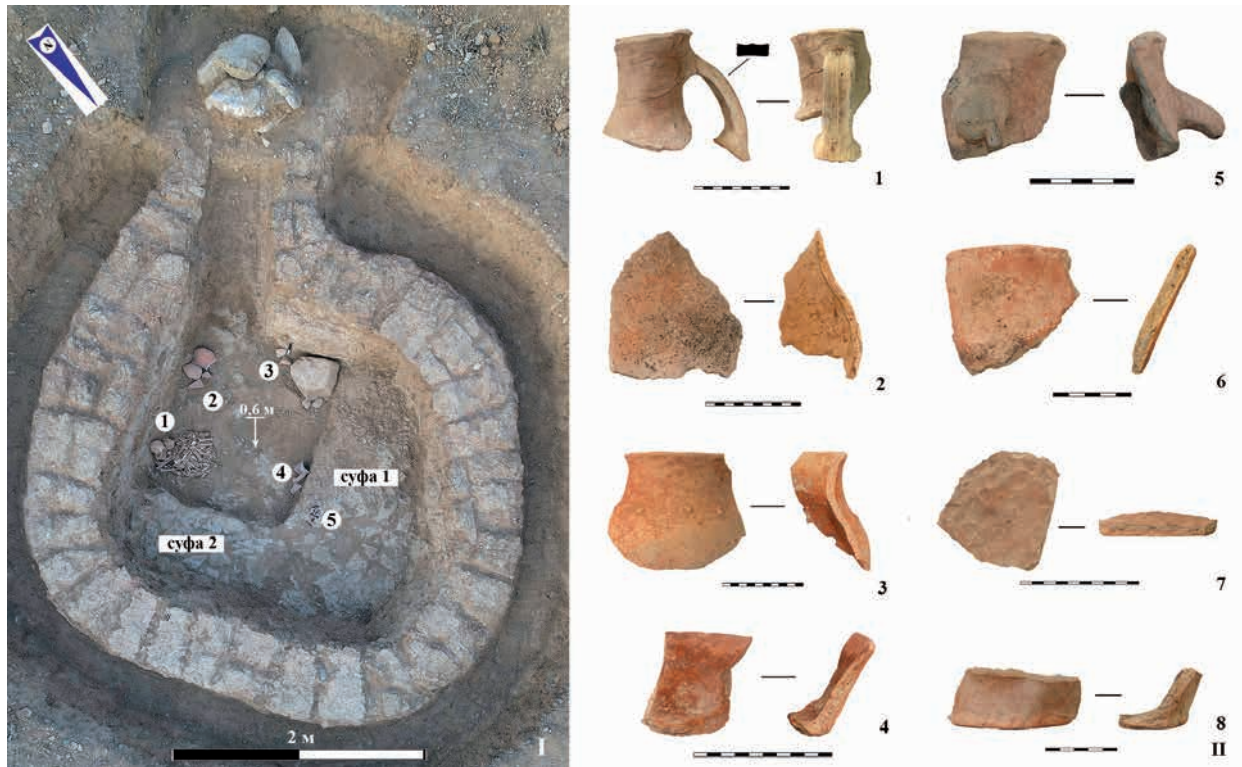

Рис. 3. Могильник Кызылколь 1 (западная группа курганов):
I – наземный склеп 10 (вид сверху и экспликация инвентаря); II – наземный склеп 10 (керамика)
3-сур. Қызылкөл 1 қорымы (батыс обалар тобы): I – №10 жерүсті сағанасы (жоғары жақтан қарағандағы көрінісі және құрал-жабдық экспликациясы); II – №10 жерүсті сағанасы (керамика)

Fig. 3. Kyzylkol 1 burial ground (western group of mounds):
I – ground crypt 10 (top view and explication of grave goods); II – ground crypt 10 (ceramics)

Изделия из железа представлены:

- прямоугольной рамчатой бесщитковой пряжкой с подвижным язычком (рамка деформирована вследствие ритуальной порчи; рис. 4, 1).
- комбинированным изделием в виде вертикальной плоской в разрезе петлевидной скобы с фиксатором-штырьком и овальным кольцом снизу для подвешивания (элемент кожаного наборного пояса; рис. 4, 2).
- круглой пряжкой с подвижным язычком (рис. 4, 3).
- четырёхгранным безлопастным черешковым наконечником стрелы (рис. 4, 5).
- фрагментами от железных предметов неизвестного назначения (рис. 4, 4, 6).

Артефакты из бронзы включают фрагмент пластины (рис. 4, 7), серьгу дугообразной формы (рис. 4, 8) и часть стенки от круглого миниатюрного бубенчика (рис. 4, 9).

Вещевой набор из камня представлен классической вытянутой формы с отверстием в утолщённой части формы полированным сурьматашем (часть косметического прибора; рис. 4, 10) и кусочком мела треугольной конфигурации (рис. 4, 11).

Наземный склеп 10 также подвергся основательному ограблению в древности, однако наличие погребальной атрибуции и человеческих останков позволяют в общих чертах реконструировать обряд погребения: судя по всему, это было труположение на суфах двух костяков.

Рис. 4. Могильник Кызылколь 1 (западная группа курганов).
Археологический комплекс наземного склепа 10

4-сур. Қызылкөл 1 қорымы (батыс обалар тобы). № 10 жерүсті сағанасының археологиялық кешені
Fig. 4. Kyzylkol 1 burial ground (western group of mounds). Archaeological complex of above-ground crypt 10

Несмотря на общую спорадичность местонахождения погребальной атрибуции в склепе 10, в погребальной камере всё же фиксируются несколько групп артефактов: это керамика (рис. 3.І, 2–4) и остальной вещевой инвентарь (рис. 3.І, 5).

3 Результаты и обсуждение (Подушкин А.Н., Донец А.Г.)

Вопросы хронологического и этнокультурного характера. Основные артефакты, представляющие интерес в контексте хронологических и культурных интерпретаций из наземных склепов 9 и 10 могильника Кызылколь 1 (юго-западная группа насыпей), включают некоторые виды керамической посуды, вещевого инвентаря, ритуальных предметов.

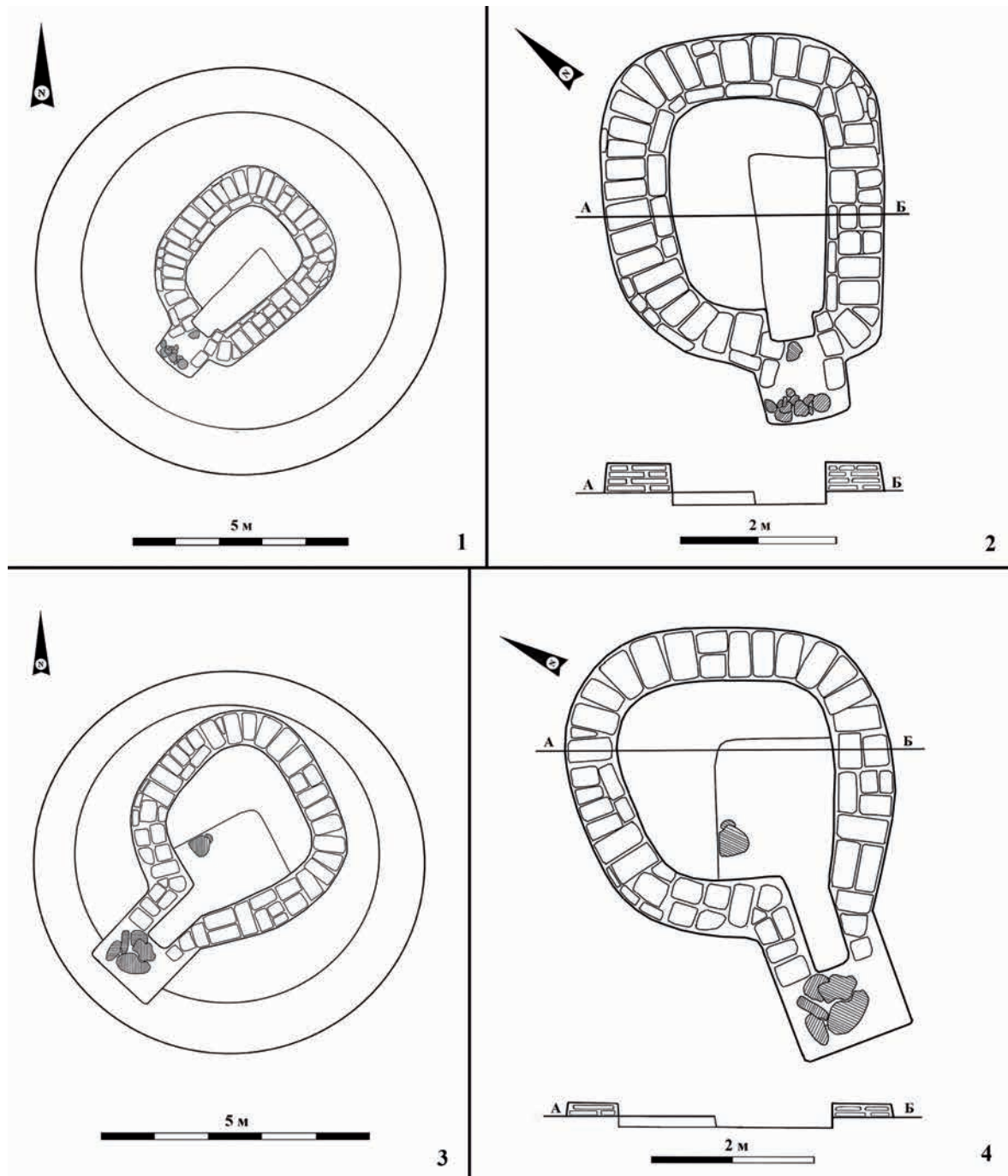

Рис. 5. Могильник Кызылколь 1 (западная группа курганов): 1-2 – наземный склеп 9 (план, разрез);
3-4 – наземный склеп 10 (план, разрез)

5-сур. Қызылкөл 1 қорымы (батыс обалар тобы): 1-2 – №9 жерүсті сағанасы (жоспары, қимасы);
3-4 – №10 жерүсті сағанасы (жоспары, қимасы)

Fig. 5. Kyzylkol 1 burial ground (western group of mounds): 1-2 – ground crypt 9 (plan, section);
3-4 – ground crypt 10 (plan, section)

Это кухонные кружки (склеп 9), столовая керамика склепа 10 (кувшины, кружки и чаши). Аналогичная посуда с характерным декором (покрытие ангобами красного, красно-вишнёвого цвета, лощение по ангобу) является распространённым приёмом для украшения керамики арысской культуры Южного Казахстана (конец каратобинского – алтынтобинский этап, IV-V вв. н.э.) периода позднего государства Кангюй ([Подушкин, 2000: 104-105], наглядный образ арысской культуры), встречена она и в раннесредневековых некрополях Южного Казахстана III–V вв. [Байпаков и др. 2005: 53, рис. 1.43, 4, 8; с. 67, рис. 1.61, 7], катакомбах могильника Чоон-Капка I кенкольской культуры II–V вв. [Байпаков и др. 2005: 76 (катакомба № 3), рис. 2.6, 2; с. 84, рис. 2.16, 10, 13, 20], а также некрополе городища Жуантобе [Байпаков и др. 2005: 118, рис. 3.18, 10].

В качестве хроно-индикатора заслуживает внимания каменный сурьматаш как часть косметического прибора из склепа 10. Такие артефакты в виде остроконечника (в сочетании с графитовой основой или бронзовым зеркалом) широко отмечены в памятниках Средней Азии и Казахстана в первых веках н.э. [Литвинский 1978: 127–132; Горбунова 1981: 178–180, рис. 37, 3; Брыкина 1982: 194, табл. 42, 1–4]. Аналогичный косметический прибор обнаружен в могильнике городища Коныртобе (Куюк-Мардан) III–V вв. в погребении № 13 [Байпаков и др. 2005: 16, рис. 1.11, 1–2], некрополе городища Кок-Мардан [Нурмуханбетов 2011: 47, рис. 5].

Уверенным хроноиндикатором выступают бронзовые концевые накладки к наборному поясу из склепа 9 могильника Кызылколь 1. Почти идентичные по форме такие артефакты обнаружены в склепах джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи I–IV вв. [Левина 1993: 86-87, рис. 52, 1-2, 9; 36, 7-8].

Косвенным основанием для датировки может выступать фрагмент концевой костяной накладки на сложносоставной «М»-образный лук из склепа 9. Подобные накладки широко известны в погребальных памятниках кочевников центральной Евразии: они имеются в материалах кокэльской культуры Тывы II – сер. III в. н.э. [Худяков 1986: 64-65, рис. 21, 1-2], в погребениях Кенкольского могильника I–V вв. [Кожомбердиев, Худяков 1987: 79-80, рис. 1, 1, 3; 2, 1], и некрополе городища Кок-Мардан [Нурмуханбетов 2011: 48, рис. 7, 1-2].

Как датирующий фактор следует рассматривать присутствие в качестве погребального инвентаря в склепе 9 железного черешкового обоюдоострого кинжала без навершия и перекрестия. Такое клинковое оружие встречается в погребальных памятниках кангюйско-сарматского круга и характерно для времени первых веков до н.э. – первых веков н.э. [Мошкова 1989: 195–197; табл. 81, 59–61; Обельченко 1978: 119–121]; почти аналогичный кинжал обнаружен в погребении 8 некрополя городища Коныртобе III–V вв. [Байпаков и др. 2005: 14, рис. 1, 7].

Отдельно следует остановиться на комбинированном изделии из бронзовой ременной гарнитуры в виде пластины-обоймы квадратной формы с фиксатором-штырьком в центре, к которой снизу подвешена фигурная трапециевидная в плане литая пластина с тремя выпуклостями по краю и двумя отверстиями в центре из склепа 9 («псевдопряжка»; рис. 2, 11). Учитывая двухчастность артефакта и выраженную функциональность каждой его части (первая как обойма крепилась к кожаной основе ремня, вторая привешивалась к первой снизу, причём её прорезь располагалась горизонтально), нижняя фигурная пластина реально выступает в качестве полноценной подвески без намёка на принадлежность к пряжкам. Близкие по форме, и, возможно, функциональному назначению бронзовые изделия (подвески «псевдо-пряжки») известны в материалах погребальных памятников Сибири VI–VII вв. [Панкова 2003: 272-273, рис. 1, 2].

Корреляция приведённых выше аналогий и хронологических выкладок позволяют отнести новые археологические материалы из склепов 9 и 10 могильника Кызылколь 1 (западная группа курганов) ко времени 1-я пол. II – III, возможно, V в. н.э., и связать их с государством Кангюй позднего периода существования.

4 Заключение (Подушкин А.Н., Донец А.Г.)

В качестве резюме к работам коллектива Центра археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета на могильнике Кызылколь 1 отметим следующее: полученная информация из склепов (погребальный обряд, артефакты бытового и культового назначения) демонстрируют высокий уровень развития материальной, духовной культуры государства Кангюй в поздний период его существования, они своим происхождением также высвечивают этнокультурные связи с соседними регионами, подтверждая значимую геополитическую роль Кангюй на Великом Шёлковом пути как активной контактной зоны в древности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: БАУР, 2005. 236 с.
- 2 Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982. 196 с.
- 3 Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма: сб. ст. / Ред. М.А. Итина и др. М.: Наука, 1981. С. 178-183.
- 4 Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. / Отв. ред.: В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75-106.
- 5 Левина Л.М. Джетысарские склепы // Низовья Сыр-Дарьи в древности / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. Вып. II, ч. 1. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 33-199.
- 6 Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Могильники Западной Ферганы. Вып. IV). М.: Наука, 1978. 179 с.
- 7 Нурмуханбетов Б.Н. Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Вып. 3. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. С. 42-73.
- 8 Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 177-191.
- 9 Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из Согда // СА. 1978. № 4. С. 115-127.
- 10 Панкова С.В. «Подвески-псевдопряжки» в средневековых памятниках Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье: м-лы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. Кн. II. СПб.: ГосЭрмитаж, 2003. С. 271-274.
- 11 Подушкин А.Н. Арыская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: изд. центр Междунар. казахско-турецкого ун-та им. Х.А. Ясауи, 2000. 201 с.
- 12 Подушкин А.Н., Донец А.Г. Исследование памятников археологии в урочище Кызылколь // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2021. № 2 (12). С. 120-140.
- 13 Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 267 с.

REFERENCES

- 1 Baipakov, K. M., Smagulov, Y. A., Yerzhigitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early medieval necropolises of Southern Kazakhstan)*. Almaty: "BAUR" Publ. (in Russian).
- 2 Brykina, G. A. 1982. *Yugo-Zapadnaya Fergana v pervoy polovine I tysyacheletiya nashey ery (Southwestern Ferghana in the first half of the 1st millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Gorbunova, N. G. 1981. In: Itina, M. A. et al. (eds.). *Kultura i iskusstvo Drevnego Khorezma (Culture and art of Ancient Khorezm)*. Moscow: "Nauka", 178-183 (in Russian).
- 4 Kojomberdiyev, I. K., Khudyakov, Y. S. 1987. In: Medvedev, V. E., Khudyakov, Y. S. (eds.). *Voennoye delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military affairs of the ancient population of North Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 75-106 (in Russian).
- 5 Levina, L. M. 1993. In: Weinberg, B. I. (ed.). *Nizoviya Syr-Darii v drevnosti (Lower reaches of Syr Darya river in antiquity)*. Issue II, part 1. Moscow: Institute of ethnography and anthropology RAS, 33-199 (in Russian).
- 6 Litvinskiy, B. A. 1978. *Orudiya truda i utvar iz mogilnikov Zapadnoy Fergany (Mogilniki Zapadnoy Fergany. Vyp. IV) (Tools and utensils from the burial grounds of Western Ferghana. Burial grounds of Western Ferghana. Issue IV)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

- 7 Nurmukhanbetov, B. N. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of Kazakhstan archaeology)*, 3. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola”, 42-73 (in Russian).
- 8 Moshkova, M. G. 1989. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Archaeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period)*. Moscow: “Nauka” Publ., 177-191 (in Russian).
- 9 Obelchenko, O. V. 1978. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)*, 4, 115-127 (in Russian).
- 10 Pankova, S. V. 2003. In: Piotrovsky, Y. Y. (ed.). *Stepi Yevrazii v drevnosti i srednevekovie. Kniga II (Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Book 2)*. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 271-274 (in Russian).
- 11 Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana IV v. do n.e. – VI v. n.e. (Arys culture of Southern Kazakhstan 4th century BC – 6th century AD)*. Turkistan: Yasawi Kazakh-Turkish University (in Russian).
- 12 Podushkin, A. N., Donets, A. G. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (12), 120-140 (in Russian).
- 13 Khudyakov, Y. S. 1986. *Vooruzheniye srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii (Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.06.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 20.06.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.06.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.212.224>

Символы времени: предметы торевтики из женского погребения XIII-XIV вв. близ с. Алмалы (Юго-Восточный Казахстан)

© 2024 г. Тулегенов Т.Ж., Хасенова Б.М.

Keywords: Zhetysu, late Middle Ages, Chagatai's Ulus, Moghulistan, toreutics, social symbolism, dragon image

Түйін сөздер: Жетісу, кейінгі орта ғасырлар, Шағатай ұлысы, Моғолстан, торевтика, әлеуметтік символика, айдаһар бейнесі

Ключевые слова: Жетысу, позднее Средневековье, Улус Чагатая, Могулистан, торевтика, социальная символика, образ дракона

Turaly Tulegenov¹ and Bakyt Khassenova^{2*}

¹The State Historical and Cultural Museum-Reserve «Esik», Esik, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-3923-0789](https://orcid.org/0000-0003-3923-0789) E-mail: tur4ik_kz@mail.ru

^{2*}Corresponding author, PhD, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-3756-8655](https://orcid.org/0000-0003-3756-8655) E-mail: alicar@inbox.ru

Symbols of time: toreutics objects from a female burial of the 13th-14th centuries near the village of Almaly (Southeastern Kazakhstan)

Among the extraordinary monuments of the late Middle Ages on the territory of Zhetysu is a burial discovered near the village of Almaly, in which a silver bowl, bronze objects – a tumar ornament, an openwork plate with the image of a dragon, a bracelet and some other objects were found. According to the composition of the inventory, the burial was determined to be female. These materials have already been previously published, this article provides a complete description of the finds, defines their attribution and cultural interpretation. Among the status items from the studied burial can be attributed a silver bowl and a bronze plate with the image of a dragon. These items had social symbols at the time in question. The peculiarities of reproducing the image of a dragon on the surface of the discovered plate are also of considerable interest.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN AP19678689.

For citation: Tulegenov, T., Khassenova, B. 2024. Symbols of time: toreutics objects from a female burial of the 13th-14th centuries near the village of Almaly (Southeastern Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 212–224 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.212.224](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.212.224)

**Туралы Жақсылықұлы Тулегенов¹,
Бақыт Мулдашқызы Хасенова^{2*}**

¹«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Есік қ., Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, PhD,

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының филиалы, Астана қ., Қазақстан

Уақыт нышаны: Алмалы ауылы маңындағы XIII-XIV ғғ. тән әйел қабірінің торевтикалық бұйымдары (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан)

**Туралы Жаксылыкович Тулегенов¹,
Бакыт Мулдашевна Хасенова^{2*}**

¹Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік», г. Есік, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, PhD,

Филиал Института археологии им. А.Х. Марғұлана, г. Астана, Казахстан

Символы времени: предметы торевтики из женского погребения XIII-XIV вв. близ с. Алмалы (Юго-Восточный Казахстан)

Алмалы ауылының маңынан табылған жерлеу орны Жетісу аумағындағы кейінгі орта ғасырларға жататын бірегей ескерткіштердің қатарына кіреді. Құрал-жабдық құрамы негізінде әйелдің қабірі деп анықталған жерлеу орнынан күміс тостаған, қола бұйымдар – тұмар, айдаһар бейнеленген торлы пластина, білезік және т. б. заттар анықталған. Бұл материалдар алдын ала жарияланған болатын, осы мақалада табылған олжалардың толық сипаттамасы жасалды, сондай-ақ олардың атрибуциясы анықталып, мәдени түсіндірмесі берілді. Зерттелетін жерлеу орнынан табылған күміс тостаған мен айдаһар бейнеленген қола пластинаны мәртебелік заттардың қатарына жатқызуға болады. Аталмыш бұйымдар қарастырылып отырған кезеңде жоғары әлеуметтік мәртебеге ие болды. Табылған пластинаның бетіндегі айдаһар бейнесінің жаңғыртылу ерекшеліктері де үлкен қызығушылық тудырады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН АР19678689 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Түлегенов Т.Ж., Хасенова Б.М. Уақыт нышаны: Алмалы ауылы маңындағы XIII-XIV ғғ. тән әйел қабірінің торевтикалық бұйымдары (Оңтүстік-Шығыс Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 212–224-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.212.224](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.212.224)

К числу неординарных памятников позднего Средневековья на территории Жетысу относится погребение, выявленное возле с. Алмалы, в котором обнаружены серебряная чаша, бронзовые вещи – украшение-тумар, ажурная пластина с изображением дракона, браслет и некоторые другие предметы. По составу инвентаря погребение было определено как женское. Данные материалы предварительно опубликованы, в настоящей статье дается полное описание находок, определены их атрибуция и культурная интерпретация. К числу статусных предметов из изучаемого погребения могут быть отнесены серебряная чаша и бронзовая пластина с изображением дракона. Эти изделия имели социальную символику в рассматриваемое время. Значительный интерес также представляют особенности воспроизведения образа дракона на поверхности пластины.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта АР19678689.

Для цитирования: Түлегенов Т.Ж., Хасенова Б.М. Символы времени: предметы торевтики из женского погребения XIII-XIV вв. близ с. Алмалы (Юго-Восточный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 212–224.

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.212.224](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.212.224)

1 Введение (Түлегенов Т.Ж., Хасенова Б.М.)

Памятники Жетысу эпохи Средневековья относятся к числу малоизученных в археологии евразийских степей. В частности, в настоящее время база данных по погребальным памятникам этого историко-культурного региона включает в себя не более десятка погребений, относящихся к различным этапам эпохи Средневековья. В связи с этим по-прежнему важное значение имеет пополнение источниковой базы. Краткая информация о материалах рассматриваемого погребения, обнаруженного у с. Алмалы (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл., Казахстан), уже была опубликована [Нурмуханбетов и др. 2012; Нұрмұханбетов және т. б. 2015]. В данной статье выполнено полное описание предметов, входящих в состав погребального инвентаря, рассмотрены их атрибуция и культурная интерпретация.

Находки из погребения у с. Алмалы дают возможность глубже изучить символику предметного мира эпохи Средневековья, когда на просторах евразийских степей образуется Монгольская империя. Особенно интересно рассмотреть это время с точки зрения гендерной истории. Судя по данным письменных и изобразительных источников, в рассматриваемое время происходят определённые изменения в социальном статусе женщины. Археологические данные также дают важную информацию для обсуждения статуса женщины в период позднего Средневековья.

2 Материалы и методы исследования (Тулегенов Т.Ж.)

2.1 Методика исследования

В качестве методологической основы исследования выступает историко-диалектический подход, основанный на принципе историзма и системности. Также использован сравнительный метод, важной частью которого является аналогия, с помощью которой определена хронология исследуемого погребения. Использование искусствоведческого метода позволяет проанализировать особенности иконографии одного из персонажей в искусстве эпохи Средневековья – образа дракона. Анализ изображения в целом и некоторых его деталей позволили определить круг аналогий, а также определить его особенности. Сравнительно-исторический метод использован с целью определения статуса умершего человека.

2.2 Описание археологического памятника и артефактов (Хасенова Б.М., Тулегенов Т.Ж.)

Погребение было обнаружено случайно в 2011 г. при рытье ямы на мусульманском кладбище возле с. Алмалы (рис. 1). В яме на глубине 0,5 м от уровня современной поверхности были найдены серебряная чаша, фрагмент бронзового тумара, а также элементы бронзовой ажурной накладки с изображением дракона (рис. 3, 2-3; 4-5). Точное расположение этих предметов *in situ* выяснить не удалось. Из-за невозможности провести полное обследование места обнаружения находок в связи с зимним временем года, дальнейшие исследования сотрудниками Государственного историко-культурного музея-заповедника «Есік» были проведены в полевом сезоне 2012 г. Был заложен раскоп площадью 3×2 м, в котором обнаружено пятно овальной формы, ориентированное по линии СЗ–ЮВ.

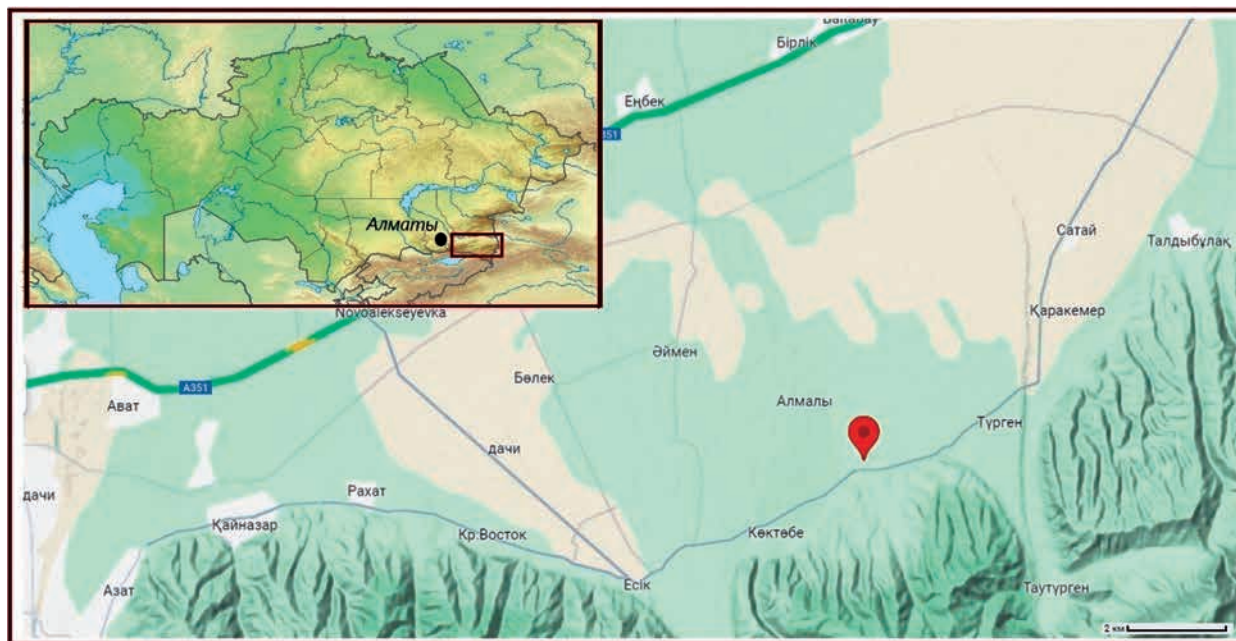

Рис. 1. Местонахождение погребения у с. Алмалы (за основу взята карта ©Google, 2024).

Исполнитель: Асель Амаргазиева

1-сур. Алмалы ауылы маңындағы жерлеу орнының орналасқан жері (©Google, 2024 картасына негізделген).

Орындаушы: Әсел Амаргазиева

Fig. 1. Location of the burial near the village of Almaly (based on map ©Google, 2024).

Performer: Asel Amargazieva

На дне ямы с прямыми стенками на глубине 180 см от уровня современной поверхности зафиксировано погребение человека. Умерший лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на северо-запад (рис. 2). Скелет располагался ближе к юго-западной стенке могилы. Погребённый был уложен внутри деревянного ящика, о чём свидетельствуют сохранившиеся фрагменты дерева рядом с костями левой руки, характерные пятна коричневого цвета справа от черепа и в области костей ног. Также были обнаружены фрагменты железных скоб, с помощью которых была закреплена втурирогоильная конструкция (рис. 3, 5).

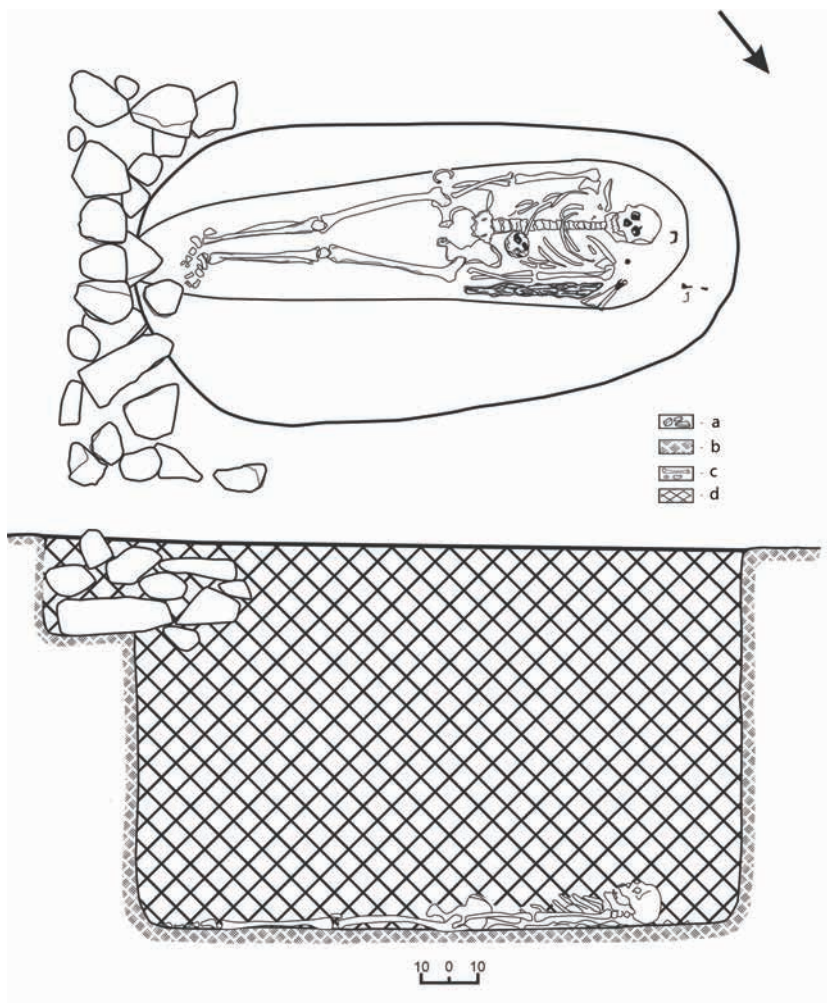

Рис. 2. План и разрез погребения у с. Алмалы: а – камни в плане и разрезе; б – материк;
с – кости в плане и разрезе; d – светло-коричневый суглинок.

Исполнитель: Адилхан Рахметов; компьютерная обработка: Ерболат Рахманкулов

2-сур. Алмалы ауылы маңындағы жерлеу орнының жоспары мен қимасы: а – жоспардағы және қимадағы тастар; б – материк; в – жоспардағы және қимадағы сүйектер; d – ашық қоңыр саздақ.
Орындаушы: Әділхан Рахметов; компьютермен өңдеген: Ерболат Рахманқұлов

Fig. 2. Plan and section of burial near the village of Almaly: a – stones in plan and section;
с – bones in plan and section; d – light brown loam.

Performer: Adilkhan Rakhmetov; computer processing: Erbolat Rakhmankulov

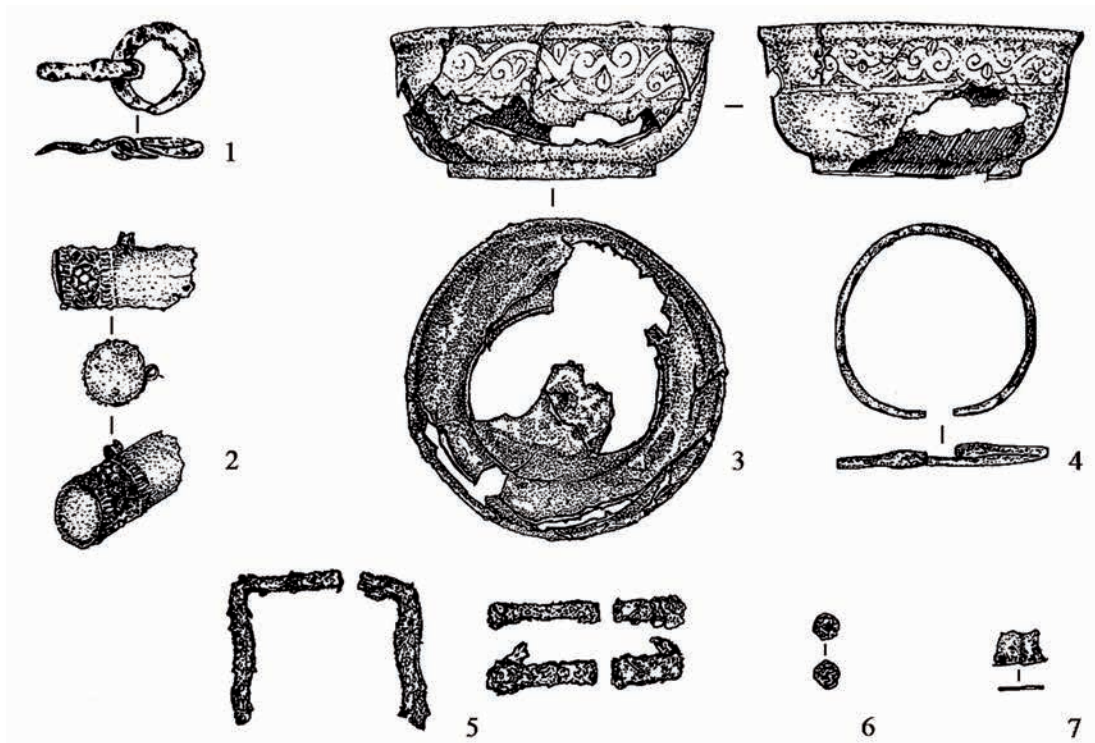

Рис. 3. Вещевой инвентарь: 1 – подпружная пряжка; 2 – тумар; 3 – чаша; 4 – браслет; 5 – скобы; 6 – бусина; 7 – фрагмент пластины. 1, 5, 7 – железо; 2, 4 – бронза, 3 – серебро, 6 – паста. Исполнитель: Асылгүл Байдаралина; компьютерная обработка: Ерболат Рахманкулов

3-сур. Заттық бұйымдар: 1 – тартпа айылбас; 2 – тұмар; 3 – тостаған; 4 – білезік; 5 – қапсырма; 6 – моншақ; 7 – пластина бөлігі. 1, 5, 7 – темір; 2, 4 – қола, 3 – күміс, 6 – паста. Орындаған: Асылгүл Байдаралина; компьютермен өңдеген: Ерболат Рахманкулов

Fig. 3. Item equipment: 1 – buckle; 2 – tumar; 3 – bowl; 4 – bracelet; 5 – staples; 6 – bead; 7 – a fragment of the plate. 1, 5, 7 – iron; 2, 4 – bronze, 3 – silver, 6 – paste. Performer: Asylgul Baydaralina; computer processing: Erbolat Rakhmankulov

Слева от черепа находились фрагменты металлического изделия, рядом с левой ключицей обнаружена бусина, в области запястья правой руки – бронзовый браслет (рис. 3, 6, 4). Возле левой тазовой кости лежали фрагменты серебряной чаши, обнаруженные также в заполнении могильной ямы. Ниже правой ключицы найдены фрагмент изделия в виде железной пластины и железная пряжка (рис. 3, 1, 7). Слева от плеча находилась лопатка МРС.

Все обнаруженные предметы и антропологический материал в настоящее время хранятся в фондах Государственного историко-культурного музея-заповедника «Есік» (г. Есик, Казахстан).

Описание предметов

Чаша (рис. 3, 3). Сделана из серебра. Изделие имеет полусферическую форму, небольшой поддон и валик по верхнему краю. Ниже валика нанесена полоса растительного орнамента в виде массивного волнистого побега, от которого отходят пальметты с закруглёнными боковыми листьями. Высота сосуда 4 см, диаметр венчика 10 см, толщина стенок 0.1 см, диаметр поддона 7 см, высота поддона 0.5 см.

Фрагмент тумара (рис. 3, 2), изготовленного из бронзы. Форма фрагмента цилиндрическая, округлая в сечении. Украшение выполнено из пластины толщиной 0.1 см. Сохранившийся торец закрыт округлой пластинкой. С одной стороны изделия сохранилась небольшая округлая петля для подвешивания украшения. Ближе к краю цилиндра нанесена орнаментальная полоска, размещённая по окружности. На ней изображены шестилепестковые розетки, окружённые небольшими листьями, расположенными под углом друг к другу. Полоска окаймлена с обеих сторон узкими лентами с рифлёной поверхностью. Длина фрагмента 3.8 см, диаметр 1.8 см, диаметр петли 0.4 см.

Ажурная бронзовая пластина (рис. 4-5). Сохранилась практически полностью, обломана внизу и слева. Первоначальная форма пластины не установлена из-за повреждений. Судя по небольшому фрагменту рамки, сохранившемуся в нижней части изделия и зеркальной симметрии, по принципу которой выполнен предмет, можно предположить, что она представляла собой удлинённый прямоугольник и имела по верхнему краю фестончатые очертания. Боковые стороны ровные. Длина пластины 16 см, ширина 4 см, толщина 0.3 см.

Всё пространство изделия занимает фигура дракона, который показан в движении слева направо. Он изображён с запрокинутой головой и вытянутой вперёд левой лапой. Фигура дракона окружена растительными побегами, один из которых увенчан пальметтой с закруглёнными боковыми листьями, другой заканчивается завитком. Сложно с точностью определить количество ног чудовища, но можно предположить, что дракон был двухлапым. Голова фантастического зверя массивная, квадратная, из открытой пасти высовывается длинный язык, по продольной оси которого нанесены мелкие округлые вдавления. Глаз округлый, с точкой посередине. Дракон показан с рогами, напоминающими по форме полупальметту: один рог треугольной формы, короткий, направлен вверх, второй рог – дугообразный, он более длинный, узкий и отогнут назад. Рога покрыты продольными желобками. Также имеются короткая треугольная бородка и массивный гребень, покрытый продольными часто нанесёнными линиями. Тело дракона узкое, хвост длинный, заостренный на окончании. Тело и хвост покрыты ромбической сеткой.

Рамка накладки двусоставная: по наружному контуру идет полоска, украшенная короткими поперечными линиями, с внутренней стороны очертания полоски повторяет неширокая линия с гладкой поверхностью. Имеются некоторые неясные детали из-за того, что изображение полностью не сохранилось. Вполне возможно, что эти элементы декора образовались, потому что их так отобразил мастер, например, при воспроизведении по памяти. С окончанием языка дракона соединена мелкая окружность с точкой посередине, от которой в разные стороны отходят узкие треугольные выступы. У основания левой лапы изображён небольшой овал, украшенный мелкими вдавлениями.

Сохранились два небольших отверстия неправильных очертаний – в правом верхем углу и в центре сверху. Изделие имеет необычную форму. Исходя из отсутствия изгиба в профиль, можно предположить, что оно украшало какой-то предмет с ровной поверхностью, пластина использовалась в качестве накладки на сумочку.

Браслет (рис. 3, 4). Выполнен из бронзового округлого в сечении тонкого прута. Изделие имеет округлую форму и несомкнутые окончания с небольшими утолщениями овальной формы. Диаметр изделия 6.3 см, диаметр прута 0.4 см.

Бусина (рис. 3, 6). Округлая, мелкая. Выполнена из пасты белого цвета с перламутровой поверхностью. Диаметр бусины 0.7 см.

Пряжка (рис. 3, 1). Выполнена из округлого в сечении железного прута. Диаметр пряжки 2.5 см, диаметр прута 0.3-0.4 см. Пряжка снабжена прямым массивным язычком длиной 2.6 см, шириной 0.4 см, толщиной 0.3 см. Верхняя часть язычка оформлена в виде округлой несомкнутой петли, с помощью которой он крепится к пряжке.

3 Результаты (Хасенова Б.М.)

Серебряные чаши были обнаружены на памятниках эпохи Золотой Орды: в погребениях на р. Нура, в некрополе Бозок, у пос. Жибек Жолы (Жетысу)* (*прежнее название – с. Королёвка, Свердловский р-н, Джамбульская обл.) [Маргулан 1959: рис. 6, 6; Акишев К.А. и др. 2008: рис. 3, 1; Хабдулина 2016: 263; Максимова 1965: табл. I, 12]. Золотые и электроновые чаши встречаются в погребениях позднего Средневековья Западного Казахстана, Жетысу, Сарыарки [Акишев К.А., Акишев А.К. 1983: 210-211; Бисембаев, Ахатов 2019: рис. 3, 5-6; 6, 14; Касеналин, Есенов 2019]. По данным В.Н. Чхаидзе, который собрал сведения о погребениях с серебряными и золотыми чашами XIII-XIV вв. с территории Восточно-Европейской равнины, эти предметы являлись символами принадлежности своих владельцев к элите. Подтверждением высказанной точки зрения выступает состав рассматриваемых погребений: для мужских погребений характерно помещение большого количества оружия, для женских – изделий из драгоценных металлов, парчовых халатов, головных уборов боктаг [Чхаидзе 2017: 287].

Необходимо обратить внимание на оформление дна чаши. Подобный поддон характерен для керамических, а не металлических изделий. Взаимовлиянию торевтики и керамики посвящено большое количество исследований, на примере чаши из Алмалы также наблюдается сходство между этими категориями предметов.

Образ дракона в период образования Монгольского государства и в последующее время стал символом межкультурного взаимодействия [Kuehn 2011: 209]. К числу наиболее схематичных изображений может быть отнесена пластина из погребения у пос. Шенгельды (Жетысу), где дракон предстает в виде ящера с массивным и длинным хвостом [Акишев К.А., Акишев А.К. 1983: 214]. Тем не менее, во всем многообразии воплощений мифического зверя, созданных в Монгольской империи и государствах, возникших после её распада, имеются определённые соответствия в некоторых художественных вариантах.

В первую очередь, обращает внимание моделировка тела дракона на поверхности пластины. Его узкое змеевидное тело устремлено вперёд, зверь запечатлен в момент, когда его левая лапа совершает угрожающий выпад. Позе добавляет динамики веерообразное размещение массивных когтей.

Такие же изобразительные особенности характерны для целой группы однотипных медальонов с изображением на оборотной стороне конного лучника (см. напр., медальон из Отрарского оазиса [Байпаков, Алдабергенов 2005: 93]. Но в данном случае, исходя из формы предметов, фигура животного вписана в окружность. По данным Дж. Ильясова и А. Хакимова, таких медальонов насчитывается более десятка, находки датируются XIII-XIV вв. [Ильясов, Хакимов 2012: 252, ил. XLI-XLII]. Подобные изображения встречаются на шёлковых тканях, получивших распространение в XIII-XIV вв. [Lunde 2017: fig. 8, 21, 104, 141]. Важное наблюдение об условиях распространения тех или иных вариантов воплощения каких-либо изображений в данное время было сделано исследовательницей Ю. Кадой. По её мнению, популярность вариантов образа дракона и их широкое воплощение в различных материалах – в металле, на керамике, ткани, с совпадением до деталей, связана с тем, что в разные места империи эти изображения попадали на бумаге – подходящем материале для распространения на большие расстояния [Kadoi 2011: 22].

Параллели также обнаруживает своеобразное оформление рогов, выполненных в виде пальметты – с передним коротким и задним более длинным листком. Таким же образом выполнены рога у персонажей, украшающих окончания ручки одного из светильников мавзолея Ходжи Ахмета Яссави, датируемого концом XIV – началом XV в. [Байпаков 2012: 44]. Аналогично сделана эта

Рис. 4. Ажурная пластина с изображением дракона.
Фото: Сарсенбек Кызайхан; компьютерная обработка: Ерболат Рахманкулов
4-сур. Айдаһар бейнеленген торлы пластина.
Фотосурет: Сәрсенбек Қызайхан; компьютермен өңдеген: Ерболат Рахманқұлов
Fig. 4. Openwork plate depicting a dragon.
Photo: Sarsenbek Kyzaykhan; computer processing: Erbolat Rakhmankulov

Рис. 5. Ажурная пластина с изображением дракона (прорисовка). Исполнитель: Асылгүл Байдаралина
5-сур. Айдаһар бейнеленген торлы пластина (сұлба сурет). Орындаған: Асылгүл Байдаралина
Fig. 5. Openwork plate with the image of a dragon (drawing). Performer: Asylgul Baydaralina

часть фантастического антуража у драконов с поясных ковшей, датируемых XIII, XIII-XIV вв. [Крамаровский 2001: № кат. 12–14]. Тело одного из драконов также покрыто ромбической сеткой, как и на поверхности ажурной накладки из Алмалы, но здесь этот декор дополнен точками в центре ромбических фигур.

Точные аналогии данному изделию средневековых торевтов обнаружить не удалось, его фестончатая форма образует в некоторой степени сходные очертания и напоминает лотосовидные накладки из рога, обнаруженные при раскопках Великого Новгорода, Укека, поселения Бешенцево-3 (Поволжье) [Точилова 2023: рис. 1]. На них изображены также драконы, но в иной манере. В одном случае, тем не менее, прослеживаются следующие детали: сходным приёмом показана чешуя – в виде ромбической сетки, рамка накладки аналогично покрыта часто нанесёнными косыми линиями [Точилова 2023: рис. 1, 5].

Значительный интерес также представляет обнаруженный в погребении тумар цилиндрической формы, украшенный растительным орнаментом. Наиболее ранние образцы изделий такой разновидности были найдены в составе кладов в Сиджаке (Узбекистан) и Сайрам-су (Казахстан), относящихся к X–XII вв. [Фахретдинова 1988: 53; Ахраров, Темиргалиев 1966: 120–122]. Судя по составу этих кладов, тумары являлись женскими украшениями. Обнаружены они также в составе одного из кладов XIII-XIV вв. – Симферопольского [Крамаровский 2001: Кат. 483–486, 489]. Тумары встречаются в женских погребениях эпохи Золотой Орды, возраст умерших женщин, по данным Р.Р. Каримовой, составляет 20/25 лет [Каримова 2013: 52, рис. 7-8].

Как элемент женского костюма тумары сохранились вплоть до этнографической современности у народов, исповедующих ислам (см. напр.: [Маргулан 1994: 175, 177-178]). Внутри вместилища тумара хранились два – написанные муллой молитвы [Этнография каракалпаков... 1980: 98]. Тумары представляют собой удлинённые цилиндры и, судя по такой специфической форме, видимо, связаны с идеей плодородия [Борозна 1975: 291; Этнография каракалпаков... 1980: 99]. Судя по археологическим и этнографическим данным, обнаружение такого амулета в погребении из Алмалы позволяет предположить, что оно является женским. Гендерную информацию в рассматриваемое время также имели зеркала [Хасенова, Хабдулина 2017; Ломан и др. 2017: 211, рис. 4, 5]. По данным Р.Р. Каримовой, чрезвычайная редкость тумаров и их частая встречаемость с изделиями из золота и серебра свидетельствует о высоком социальном статусе их владелиц [Каримова 2013: 52].

4 Обсуждение (Хасенова Б.М., Тулегенов Т.Ж.)

Чаша является важным компонентом в составе погребального инвентаря у населения Монгольской империи. В предшествующее – тюркское и кыпчакское время находки этой категории посуды в погребениях являются большой редкостью. Известно несколько их экземпляров из древнетюркских погребений с территории Алтая, Тянь-Шаня [Кубарев 2005: рис. 18, 6; Худяков, Табалдиев 2009: рис. 69, 1-2]. Чаши также изображались на каменных изваяниях. Учитывая символику данных предметов, А.Х. Маргулан неслучайно назвал их чашами или сосудами изобилия [Маргулан 2003: 37]. В погребениях позднего Средневековья встречаются деревянные, медные, серебряные и золотые изделия [Маргулан 1986: 52; Крамаровский 2001: 84; Чхаидзе 2017: 275].

В XIII-XIV вв., в большинстве своём, данные предметы изготавливались из металла и в связи с этим они несли в себе, в отличие от предшествующего времени, социальную символику. В погребениях древних тюрков ёмкости для питья встречаются в виде серебряных или золотых сосудов, чаши, в свою очередь, изготавливались в основном из дерева. Обращают на себя внимание случаи совместного нахождения в женских погребениях чаш и головных уборов *боктаг* [Чхаидзе 2017: 287; Касеналин, Есенов 2019: 139]. Такие головные уборы, по мнению А.Г. Юрченко, являлись

имперским символом. Их носили женщины, «чьи мужья состояли на военной или административной службе у великого хана» [Юрченко 2013: 156].

В письменных источниках сохранились сведения о важнейшей роли чаши в пиршественной церемонии при дворах монгольских правителей. В зависимости от общественного положения участника застолья, устанавливались права на владение ею [Крамаровский 2001: 82]. Являясь частью воинской культуры, чаши в связи со своей высокой социальной значимостью маркировали статус своих владелиц, возможно, как и в случае с *боктаг*, являющихся жёнами мужчин, которые были представителями военной или административной системы Монгольской империи и государств, возникших после её распада. Как и головной убор *боктаг*, чаша становится символом статуса своей владелицы. Таким образом, присутствие металлической чаши – из серебра или золота, в составе погребального инвентаря в захоронениях женщин эпохи позднего Средневековья можно объяснить по аналогии с головным убором *боктаг*.

5 Заключение (Хасенова Б.М., Тулегенов Т.Ж.)

На данном уровне исследования материалов погребения из с. Алмалы может быть определена следующая его хронология – XIII-XIV вв. Основанием для неё является время бытования тумаров и чаш. Более узкая датировка затруднительна в связи с отсутствием хронологической шкалы для Средневековья по материалам с территории Жетысу. Имеющиеся аналогии разбросаны довольно широко во времени и очень широко – в пространстве. Форма чаши – в виде высокой полусферы с поддоном уже далека от форм знаменитых поясных чаш монгольских нойонов, одна из которых, например, была обнаружена в погребении у с. Шенгельды, расположенного достаточно недалеко от исследуемого комплекса, но некоторая хронологическая разница и иная гендерная принадлежность определили разницу в составе инвентаря этих погребений, относящихся к одному и тому же периоду – XIII-XIV вв. Территория Жетысу на протяжении этих веков входила в состав Монгольской империи и улусов, государств, возникших впоследствии (улус Чагатая, Могулистан). В дальнейшем необходима корректировка даты погребения из с. Алмалы, что позволит более полно охарактеризовать предметный мир конкретного временного промежутка эпохи Средневековья, связать данные археологические материалы с событиями политической истории.

Погребение содержало целую группу статусных для своего времени предметов – это тумар, пластина с изображением дракона, чаша. Интерес представляет факт использования различного металла при изготовлении этих вещей: бронза – для пластины и украшения, только чаша выполнена из серебра. Возможно, такие предпочтения в выборе материала связаны с назначением некоторых предметов – в качестве аксессуаров для костюма, так как из бронзы выполнен и браслет. Мы можем также предположить, что наиболее статусной вещью в составе погребального инвентаря являлась чаша. Учитывая высокую значимость этой категории предметов в эпоху позднего Средневековья, о которой известно по данным письменных источников и археологическим материалам, вполне целесообразно прийти к такому выводу. Также, как и головной убор *боктаг*, чаша могла быть в рассматриваемое время имперским символом.

Следует также обратить внимание на присутствие в данном неординарном комплексе разнообразных предметов торевтики – символов различных традиций, существование которых в одном пространстве стало возможным в связи с образованием Монгольской империи. С миром ислама может быть связан тумар. Исходя из степных традиций, следует объяснить наличие в составе погребального инвентаря чаши. Накладка с изображением дракона, олицетворяющего императора в Китае, в степном пространстве – знак принадлежности к элите. Каждый из этих артефактов демонстрирует высокий статус женщины из погребения у с. Алмалы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А., Акишев А.К. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983. 261 с.
- 2 Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII-XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: м-лы междунар. полевого семинара (Астана, 29-30 июля 2004 г.) / Гл. ред. С.А. Абдыманапов. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 56-65.
- 3 Ахраров И., Темиргалиев Г.З. Клад серебряных украшений из Сиджака // Советская этнография. 1966. № 3. С. 119-121.
- 4 Байпаков К.М. Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Т. III. Торевтика. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 29-96.
- 5 Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Памятники археологии, искусства и художественных ремесел. Алматы: Баур, 2005. 256 с.
- 6 Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. Элитные погребения периода Улуса Джучи, изученные в Актюбинской области // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 61-77.
- 7 Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии / Под ред. Г.П. Снесарева, В.Н. Басилова. М.: Наука, 1975. С. 281-297.
- 8 Ильясов Дж., Хакимов А. Узбекистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Т. III. Торевтика. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 216-265.
- 9 Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары убранства костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Сер. «Археология евразийских степей». Вып. 16. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с.
- 10 Касеналин А.Е., Есенов С.Г. Ұлытау өңіріндегі Алтын Орда дәуірі ескерткіштерінде жүргізілген зерттеулер // Сарыарқа және Алтын Орда: уақыт пен кеңістік. Алтын Орданың 750 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары (Қарағанды қ., 23-25 қазан 2019) / Жауапты ред. В. Сумер. Алматы: Delix printery, 2019. 138-142 бб.
- 11 Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- 12 Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. 400 с.
- 13 Ломан В.Г., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. В 2-х т. Т. II / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 209-218.
- 14 Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры // ТИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 248-261.
- 15 Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. Альбом. Алма-Ата: Өнер, 1986. 256 с.
- 16 Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. 3. Альбом. Алматы: Өнер, 1994. 248 с.
- 17 Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау // Сочинения / сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Т. 3-4. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. 246 с.
- 18 Максимова А.Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР. 1965. № 6 (243). С. 85-91.
- 19 Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж., Рахметов А. Аварийно-спасательная деятельность заповедника-музея «Иссык» (итоги сезона 2011 г.) // Маргулановские чтения-2012: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. В.Ф. Зайберта. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2012. С. 220-223.
- 20 Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж., Джасыбаев Е.А., Қиясбек Ф.Қ. Алмалы ауылы аймағының ортағасырлық кезенгі олжалары // VII Оразбаевские чтения: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее» / Отв. ред. А.Б. Калыш. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 174-176-бб.
- 21 Точилова Н.Н. Лotosовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа Великого Новгорода // Археология евразийских степей. 2013. № 5. С. 124-130.
- 22 Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гулямова, 1988. 204 с.
- 23 Хасенова Б.М., Хабдулина М.К. Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки эпохи Золотой Орды // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 297-309.

- 24 Хабдулина М.К. Мусульманский некрополь городища Бозок (Центральный Казахстан) // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ (г. Казань, 26–28 сентября 2016 г.) / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдинов. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 250-267.
- 25 Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.
- 26 Чхаидзе В.Н. Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII-XIV вв. // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 275-296.
- 27 Этнография каракалпаков XIX – начало XX в. (материалы и исследования) / Отв. ред. Т.А. Жданко, С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1980. 204 с.
- 28 Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. Спб.: Евразия, 2012. 432 с.
- 29 Kadoi Yu. Islamic art at the crossroads: artistic exchanges between the middle east and East Asia under the mongols // Hadeeth ad-Dar. 2011. 34. Pp. 20-23.
- 30 Kuehn S. The dragon in medieval East Christian and Islamic art. Islamic history and civilization. V. 86. Leiden; Boston: Brill, 2011. 298 p.
- 31 Lunde K.Sh. 13th – 14th Century Yuan and Mongol Silk-Gold Textiles: Transcultural Consumption, meaning and reception in the Mongol Empire and in Europe. London: London University, 2017. 210 p.

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A., Akishev A. K. 1983. *Drevnee zoloto Kazahstana (Ancient gold of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Oner” Publ. (in Russian).
- 2 Akishev, K. A., Khassenova, B. M., Motov, Y. A. 2008. In: Abdumanapov, S. A. (ed.). *Bozok v panorame srednevekovykh kultur Evrazii (Bozok in a panorama of medieval culture Eurasia)*. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 56-65 (in Russian).
- 3 Ahrarov, I., Temirgaliev, G. Z. 1966. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 3, 119-121 (in Russian).
- 4 Baipakov, K. M. 2012. *Kazakhstan (Kazakhstan). Artistic culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th–15th centuries. Toreutics*. Vol. III. Samarkand; Tashkent: IICAS, 29-96 (in Russian).
- 5 Baipakov, K. M., Aldabergenov, N. O. 2005. *Otrarakiy oazis. Pamyatniki arheologii, iskusstva i hudozhestvennykh remesel (Otrar oasis. Sites of archaeology, art and artistic crafts)*. Almaty: “Baur” Publ. (in Russian).
- 6 Bissembaev, A. A., Ahatov, G. A. 2019. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 2 (28), 61-77 (in Russian).
- 7 Borozna, N. G. 1975. In: Snesev, G. P., Basilov, V. N. (eds.). *Nekotorye materialy ob amuletah-ukrasheniyyah naseleniya Srednei Azii (Some materials about amulets-decorations of the population of Central Asia. Pre-Muslim beliefs and rituals in Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 281-297 (in Russian).
- 8 Il'yasov, J., Hakimov, A. 2012. *Uzbekistan. Artistic culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th–15th centuries. Toreutics*. Vol. III. Samarkand; Tashkent: IICAS, 216-265 (in Russian).
- 9 Karimova, R. R. 2013. *Elementy ubranstva i aksesuary ubranstva kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy (tipologiya i sociokul'turnaya interpretatsiya) (Elements of decoration and accessories of the costume of the nomads of the Golden Horde (typology and sociocultural interpretation))*. Series “Archaeology of the Eurasian steppes”. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of Tatarstan (in Russian).
- 10 Kassenalin, A. E., Esenov, S. G. 2019. In: Sumer, V. (ed.). *Saryarka zhane Altyn Orda: uakyt pen kenistik (Saryarka and the Golden Horde: time and space)*. Almaty: “Delix printer” Publ., 138-142 (in Kazakh).
- 11 Kramarovskiy, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kulturnoe nasledye Zolotoy Ordy (Gold of Chinghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. St. Petersburg: “Slaviya” Publ. (in Russian).
- 12 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov) (The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 13 Loman, V. G., Dmitriev, E. A., Kukushkin, I. A., Kukushkin, A. I. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazahstana: izuchenie i sohraneniye (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; “Begazy-Tasmola”, 209-218 (in Russian).
- 14 Margulan, A. Kh. 1959. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the KazSSR)*, 7, 48-261 (in Russian).
- 15 Margulan, A. Kh. 1986. *Kazahskoe narodnoye prikladnoye iskusstvo (Kazakh folk applied art)*. Album. Vol. 1. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).

- 16 Margulan, A. Kh. 1994. *Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo (Kazakh folk applied art)*. Album. Vol. 3. Almaty: “Oner” Publ. (in Russian).
- 17 Margulan, A. Kh. 2003. In: Margulan, D. A., Margulan, D. (eds.). *Sochineniya (Works)*. Vol. 3-4. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).
- 18 Maksimova A. G. 1965. In: *Vestnik Akademii nauk KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the KazSSR)*, 6 (243), 85-91 (in Russian).
- 19 Nurmuhambetov, B. N., Tulegenov, T. Z., Rahmetov, A. 2012. In: Zaibert, V. F. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2012 (Margulan readings-2012)*. Astana: Margulan Institute of Archaeology, 220-223 (in Russian).
- 20 Nurmuhambetov, B. N., Tulegenov, T. Z., Jasybaev, E. A., Kiyasbek, G. K. 2015. In: Kalysh, A. B. (ed.). *VII Orazbaevskie chteniya (7th Orazbayev readings)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 174-176 (in Kazakh).
- 21 Tochilova, N. N. 2013. In: *Arheologiya evraziiskih stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)*, 5, 124-130 (in Russian).
- 22 Fahretdinova, D. A. 1988. *Yuvelirnoe iskusstvo Uzbekistana (Jewelry art of Uzbekistan)*. Tashkent: G. Gulyamov Institute of the Literature and Arts (in Russian).
- 23 Khasanova, B. M., Khabdulina, M. K. 2017. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 4 (22), 297-309 (in Russian).
- 24 Khabdulina, M. K. 2016. In: Abdullin, K. M., Sitdikov, A. G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arheologii Rossii i stran SNG (Materials of the Congress of Islamic Archaeology of Russia and the CIS countries)*. Kazan: A.K. Khalikov Institute of Archaeology, 250-267 (in Russian).
- 25 Chkhaidze, V. N. 2017. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 4 (22), 275-296 (in Russian).
- 26 Khudyakov, Y. S., Tabaldiev, K. S. 2009. *Drevnie tyurki na Tyan-Shane (Ancient Turks of The Tien Shan)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 27 Zhdanko, T. A., Kamalov, S. K. (eds.) 1980. *Etnografiya karakalpakov XIX – nachalo XX v. (materialy i issledovaniya) (Ethnography of the Karakalpak of the 19th – early 20th centuries (materials and research))*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
- 28 Yurchenko, A. G. 2012. *Elita Mongolskoy imperii. Vremya prazdnikov. Vremya kazney (The elite of the Mongolian Empire. It's holiday time. The time of executions)*. St. Petersburg: “Eurasia” Publ. (in Russian).
- 29 Kuehn, S. 2011. *The dragon in medieval East Christian and Islamic art. Islamic history and civilization*. V. 86. Leiden; Boston: Brill Publ. (in English).
- 30 Kadoi, Yu. 2011. In: *Hadeeth ad-Dar*, 34, 20-23 (in English).
- 31 Lunde, K. Sh. 2017. *13th-14th Century Yuan and Mongol Silk-Gold Textiles: Transcultural Consumption, meaning and reception in the Mongol Empire and in Europe*. London: London University (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.03.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 09.05.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 16.05.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237>

Тюркские ограды Жанажурт (Центральный Казахстан)

© 2024 г. Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А.

Keywords: early Middle Ages, Turks, history of study, memorial complex

Түйін сөздер: ерте орта ғасырлар, түркілер, зерттеу тарихы, еске алу кешені

Ключевые слова: раннее Средневековье, тюрки, история изучения, поминальный комплекс

Evgeniy Dmitriev^{1*}, Alexei Kukushkin¹ and Igor Kukushkin¹

^{1*}Corresponding author, Researcher, Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-1440-7675](https://orcid.org/0000-0002-1440-7675) E-mail: yevgenii1992@mail.ru

¹Doctor of Philosophy (PhD), Senior Researcher, Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-6262-464X](https://orcid.org/0000-0002-6262-464X) E-mail: tatarlandia@mail.ru

¹Candidate of Historical Science, Leading Researcher, Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-4798-8496](https://orcid.org/0000-0002-4798-8496) E-mail: sai@ksu.kz

Turkic fences of Zhanazhurt (Central Kazakhstan)

The study of memorial and ritual complexes is one of the important directions of Turkic problems. It is especially prioritized for the Central Kazakhstan region. Here, only the aspect connected with the statuary tradition is the most elaborated. The studies of monuments of the early Middle Ages for a long time had not a comprehensive character. They were rather few in number, especially against the background of the amount of work on complexes of other historical periods. During the last decade the works on Turkic fences have increased. This actualizes some generalization of the history of their study, implemented within the framework of this article. As a result, at the moment we have data on at least 34 constructions. The materials of the Zhanazhurt complex, where two freestanding quadrangular fences were excavated, are also being introduced into the scientific turnover. As for the purpose of the Turkic fences, based on written sources, as well as the results of field work, we can speak about their mainly memorial purpose. In fact, they are highly simplified and reduced analog of the Kagan-princely complexes of Mongolia. Taking into account the largely debatable nature of the chronological correlation of various types of fences, we consider it possible at the moment to date them in a wide time range within the second half of the 6th–8th/9th centuries.

Source of funding: The work was carried out with the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan IRN of the project AR13067946.

For citation: Dmitriev, E., Kukushkin, A., Kukushkin, I. 2024. Turkic fences of Zhanazhurt (Central Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 225–237 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.225.237](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237)

**Евгений Анатольевич Дмитриев^{1*},
Алексей Игоревич Кукушкин¹,
Игорь Алексеевич Кукушкин¹**

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті,
Қарағанды қ., Қазақстан

¹PhD, директор, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды
университеті, Қарағанды қ., Қазақстан

**Евгений Анатольевич Дмитриев^{1*},
Алексей Игоревич Кукушкин¹,
Игорь Алексеевич Кукушкин¹**

^{1*} автор-корреспондент, научный сотрудник,
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова,
г. Карағанды, Қазақстан

¹PhD, директор, Карагандинский университет
им. Е.А. Букетова, г. Карағанды, Қазақстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды қ., Қазақстан

Жаңажұрт түркі қоршаулары
(Орталық Қазақстан)

Ғұрыптық-салттық кешендерді зерттеу түркі проблематикасының маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Бұл мүсіндік дәстүрмен байланысты аспект қана зерттелген Орталық Қазақстан өңірі үшін ерекше басымдыққа ие, ал ерте орта ғасырлардағы, әсіресе басқа тарихи кезеңдердің кешендеріндегі жұмыс көлемінің аясында ескерткіштерді зерттеу жұмысы ұзақ уақыт бойы кешенді сипатта болған жоқ және өте аз зерттелді. Соңғы онжылдықта түркі қоршауларындағы жұмыстар көбейді, бұл осы мақала аясында жүзеге асырылған олардың зерттеу тарихын жалпылауды өзектендіріп отыр. Нәтижесінде қазіргі уақытта бізде 34 құрылыс туралы мәлімет бар. Сондай-ақ екі жеке тұрған төртбұрышты қоршау қазылған Жаңажұрт кешенінің материалдары ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Түркі қоршаулары қандай мақсатта салынды деген мәселеде жазбаша дереккөздерге, сондай-ақ далалық жұмыстардың нәтижелеріне сүйене отырып, олардың негізінен ғұрыптық мақсатта орнатылғанын айтуға болады. Шын мәнінде, олар Моңғолияның қаған-князьдік кешендерінің өте қарапайым, әрі кішірейтілген аналогы болып табылады. Қоршаулардың көп түрінің хронологиялық қатынасына байланысты пікірталастың көп екенін назарға ала отырып, қазіргі уақытта оларды VI ғ. 2-ші жартысы – VIII/IX ғғ. деп ауқымды уақыт аралығына жатқызуға болады деп санаймыз.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен, ИРН АР13067946 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. Жаңажұрт түркі қоршаулары (Орталық Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 225–237-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.225.237](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237)

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан

Тюркские огады Жанажурт
(Центральный Казахстан)

Изучение поминально-ритуальных комплексов – одно из важных направлений тюркской проблематики. Оно особо приоритетно для центрально-казахстанского региона, где наиболее проработан лишь аспект, связанный со статуарной традицией, а исследования памятников раннего средневековья длительное время в целом имели не комплексный характер и были довольно малочисленными, особенно на фоне объема работ на комплексах других исторических периодов. За последнее десятилетие количество работ на тюркских огадах увеличилось, что актуализирует некоторое обобщение истории их изучения, реализованное в рамках данной статьи. В настоящее время мы располагаем данными о 34 сооружениях. Вводятся в научный оборот материалы комплекса Жанажурт, где раскопаны две отдельно стоящие четырехугольные огадки. В вопросе назначения тюркских огад, опираясь на письменные источники, а также результаты полевых работ, можно говорить об их преимущественно поминальном назначении. Фактически, они являются сильно упрощенным и уменьшенным аналогом каганско-княжеских комплексов Монголии. Принимая во внимание во многом дискуссионный характер хронологического соотношения различных видов огад, считаем возможным на данный момент датировать их широким временным диапазоном в рамках 2-й половины VI–VIII/IX в.

Источник финансирования: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ИРН проект АР13067946.

Для цитирования: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. Тюркские огады Жанажурт (Центральный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 225–237.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.225.237](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237)

1 Введение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А.)

Четырехугольные огады с каменной забутовкой, нередко сопровождающиеся статуарными объектами, известны в большом количестве в центральноазиатском регионе и являются одной из отличительных черт тюркской культуры. Они привлекали внимание исследователей еще в дореволюционное время [Захаров 1926]. На данный момент достигнуты определённые успехи в их изучении, в особенности сибирскими коллегами, усилиями которых, в частности, были разработаны разнообразные схемы классификации, типологии и хронологии [Кубарев 1984; Худяков 1985; Серегин,

Шелепова 2015]. Большой вклад в исследование тюркской мемориально-культурной архитектуры и мировоззрения внесён В.Е. Войтовым [Войтов 1996], долгие годы занимавшимся изучением комплексов на территории Монголии. Им была предложена оригинальная схема их хронологии [Войтов 1996: 30], которая по сей день применяется для предварительной датировки оград.

Изучение тюркских памятников в Центральном Казахстане является одной из приоритетных задач. Однако следует отметить во многом некомплексный характер исследований, т. к. продолжительное время внимание было акцентировано сугубо на тюркской статуарной традиции [Маргулан 2003; Ермоленко 2004; Касенова 2020]. В то же время погребальная обрядность вплоть до настоящего времени не обладает подобной полнотой данных.

В последнее десятилетие в исследовании тюркских оград наметилась позитивная тенденция – количество раскопанных объектов значительно увеличилось. Вскользь об изученных памятниках ранее упоминалось в ряде статей [Дмитриев, Жусупов 2018; Касенова 2019], однако нельзя не отметить несколько обобщённый характер изложения сведений, ограничивающийся в основном указанием наименований памятников.

В рамках данной статьи предлагается обратиться к истории изучения тюркских оград в Центральном Казахстане, а также вводятся в научный оборот результаты исследований нового комплекса, получившего название Жанажурт.

2 История изучения *(Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)*

Первые задокументированные раскопки тюркской ограды были осуществлены Л.Р. Кызласовым в 1948 г. в горах Бегазы (Актогайский р-н, Карагандинская обл.). Комплекс состоял из двух отдельно стоящих сооружений и был вытянут по линии северо-восток–юго-запад. Исследована была юго-западная ограда, размеры которой составили 2.6×2.6 м. В процессе разбора камней забутовки обнаружены фрагменты костей МРС. С юго-восточной стороны сооружения находилось антропоморфное погрудное изваяние [Кызласов 1951: 55, рис. 1].

В 1980 г. Л.Н. Ермоленко были проведены исследования комплекса из пяти отдельно стоящих, частично разрушенных оград на р. Копа (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.), которые были вытянуты по линии север–юг. Раскопаны три сооружения с южного края. Их размеры составили 2.25×2.4 м (южное), 2.1×2.9 м (среднее) и 2.5×2.4 м (северное). После разбора каменного заполнения оград установлено, что все они имели в центральных частях ямки, в одной из которых обнаружен фрагмент древесного ствола. К северным стенкам этих оград примыкали жертвенники – скопления золы, а также в двух случаях каменные ящички. За пределами и внутри объектов зафиксированы угольки и фрагменты костей. С внешней стороны двух оград обнаружены столбовые ямки. Судя по плану, с восточной стороны южного и центрального сооружения находились два обломленных статуарных объекта [Ермоленко 2004: 30, рис. 7; 8; 9, 20].

Спустя два года В.В. Евдокимовым был исследован комплекс Дау-Кара, который находится в 20 км юго-восточнее пос. им. Касыма Аманжолова (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.). Он состоял из двух частично разрушенных отдельно стоящих оград. Комплекс был вытянут по линии север-северо-запад–восток-юго-восток. Оба сооружения имели двуслойную каменную забутовку, а их размеры составили 2.85×2.0 м (северное) и 2.8×2.3 м (южное). Во внутреннем пространстве оград на уровне материка зафиксированы углубления с заполнением чёрного цвета, а также столбовые ямки, предназначенные, по мнению Л.Н. Ермоленко и В.В. Евдокимова, для какой-то конструкции, возможно, предполагавшей вывешивание жертвенных приношений. У «северной» оградки с восточной стороны находилось поваленное погрудное изваяние [Ермоленко, Евдокимов 2013].

В 2009-2010 гг. осуществлены исследования тюркских комплексов, расположенных на левобережье р. Кумай, у подножия Буйратау (Ерейментауский р-н, Акмолинская обл.). На памятнике

Кос батыр раскопана цепочка из двух оград, ориентированная по линии север–юг. Северный объект имел размеры 1.25×2.25×2.35×2.05 м, а южный – 2.2×1.75×2.05×2.08 м. С восточной стороны обоих сооружений были установлены поясные изваяния. В процессе раскопок обнаружены фрагментированные кости черепа лошади, а в центральной части одного из объектов выявлено золистое пятно [Досымбаева, Нускабай 2012: 22–27]. На комплексе Карагайлы 1 исследована ограда с поясным антропоморфным изваянием [Досымбаева, Нускабай 2012: 27–31].

Комплекс Карагайлы 2 состоял из двух отдельно стоящих оград и был вытянут по линии ССЗ–ЮЮВ. Северный объект имел размеры 2.0×1.45×1.8×1.9 м. В центральных частях обоих сооружений после разбора каменной забутовки обнаружены выкладки, под которыми находились фрагменты костей в углисто-золистом слое, а также в одном случае зафиксированы фрагменты древесного ствола [Досымбаева, Нускабай 2012: 67–72].

В 2011 г. отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана проводились исследования двух комплексов оград Ак-Койтас IV, расположенных в долине р. Дагандалы (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.) [Байтанаев и др. 2014: 661–663]. Комплекс 1 представлял собой сооружение размерами 1.4×1.25 м с поваленной стелой. Во внутреннем пространстве ограды в яме с золистым заполнением обнаружены железные наконечники стрел, удила, а также бронзовые бляшки.

Комплекс 2 представлял собой три отдельно стоящие ограды и был вытянут с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Северное сооружение имело размеры 2.9×2.6 м, центральное – 2.75×2.2 м, южное – 2.8×2.5 м. В центральном объекте обнаружена обломленная стела (длина до 2.87 м), основание которой было установлено в ямку во внутреннем пространстве ограды.

На могильнике Соран I (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.), который находится в 3 км северо-западнее гор Аккойтас, исследована одиночная ограда размерами 3×2.8 м, ориентированная углами по сторонам света, стенки которой сложены из камней и плит. В центральной части была вкопана стела размерами 2.7×0.5×0.25 м, с северо-западной стороны к ней примыкал миниатюрный каменный ящик [Пересветов 2015].

Ещё один комплекс тюркских оград был раскопан в 2014 г. на разновременном некрополе Танабай, расположенном в 1,5 км северо-восточнее пос. Тортколь (Бухаржырауский р-н, Карагандинская обл.). Он состоял из трёх сооружений (северное размерами 2.4×2×1.8×1.7 м, центральное – 2×1.8×1.9×1.6 м и южное – 2×1.85×1.75×1.85 м) и был вытянут с северо-запада на юго-восток. У некоторых оград с северо-восточной стороны находились статуарные объекты. При разборе насыпи южного сооружения обнаружены фрагмент изделия из глины и кости черепа МРС [Дмитриев, Жусупов 2018: 144–154].

Некоторое своеобразие на фоне раскопанных оград в центрально-казахстанском регионе имеет памятник Кабантау, исследованный в 2018 г. в долине реки Атасу. Он представляет собой атрактивный вариант многоплитного комплекса. Дугообразно вытянутая цепочка состоит из шести сооружений (ограда 1 – размерами 1.5×1.5 м со стелой с восточной стороны; ограда 2 – размерами 3×3 м; ограда 3 – размерами 2.8×2.8 м со стелой с восточной стороны и 11 балбалами; ограда 4 – размерами 1.8×1.5 м со стелой с восточной стороны; ограда 5 – размерами 3.5×3.5 м со стелой и девятью балбалами с восточной стороны; ограда 6 – размерами 3×2.6 м с двумя стелами и четырьмя балбалами с восточной стороны). В процессе раскопок были обнаружены бронзовая пряжка с железным язычком, железная пластина с отверстиями и фрагментированные кости животного [Бейсенов и др. 2018].

В этом же году на святилище Ащекен Сораны (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.) сплошным раскопом охвачены курганы и цепочка из семи оград различной формы, а также два жертвенника [Кукушкин и др. 2019]. Однако необходимо подчеркнуть, что памятник имеет довольно своеобразные характеристики, а полученный скудный материал неоднозначен в плане да-

тировки. В настоящее время планируется проведение радиоуглеродного датирования органических образцов с целью установления его возраста и до того момента предлагается оставить открытым вопрос о культурно-хронологической позиции памятника, несмотря на тот факт, что планиграфия памятника сопоставима с тюркскими комплексами Алтая, такими как Барбургазы I и Юстыд XII [Кубарев 2005: табл. 20; 70].

В 2019 г. был раскопан комплекс из шести дугообразно вытянутых оград Акбауыр, который находится в 4.5 км восточнее–юго-восточнее пос. Байбала (Шетский р-н, Карагандинская обл.). Ограда 1 – размерами 2×1.9 м, ограда 2 – 2×1.9 м, ограда 3 – 1.9×1.7 м с разрушенным миниатюрным ящичком в центре, ограда 4 – размерами 1.9×1.7 м; ограда 5 – 1.5×1.4 м, ограда 6 – 2.4×1.95 м с изваянием у восточного угла. Предметный комплекс представлен железным гвоздем [Дмитриев и др. 2020].

Экспедицией Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана при Павлодарском государственном университете в 2019 г. была исследована одиночная ограда, расположенная в горном массиве Калмаккырган (Майский р-н, Павлодарская обл.). Она представляла собой сооружение размерами 2×2 м с поваленными стелой и антропоморфным изваянием и была ориентирована углами по сторонам света. Среди камней, заполнявших ограду, обнаружена каменная мотыга. В самой ограде выявлены ямы, заполненные золистой супесью, содержавшие кости животных и медную заклёпку. Неподалеку от ограды обнаружены железные гвозди и несомкнутое кольцо [Мерц и др. 2020: 492-493].

В урочище Таскора (Майский р-н, Павлодарская обл.) в 2023 г. в ходе комплексных исследований памятников раннесредневекового населения, были раскопаны две рядом стоящие тюркские ограды, вытянутые по линии север–юг. Их размеры составили 1×1 м и 1.2×1.3 м. С внешней, восточной стороны северной ограды находилось погрудное каменное изваяние. В обоих сооружениях в центральных частях зафиксированы ямы овальной формы, в одной из которых, в частности, обнаружены фрагменты дерева и костей животных [Грушин и др. 2024].

Таким образом, в настоящее время мы можем оперировать в центрально-казахстанском регионе материалами, полученными при исследовании, по крайней мере, 34-х оградок (без учёта оград святилища Ащекен Сораны). К ним добавляются еще две ограды Жанажурт, речь о которых пойдет ниже. Данное обстоятельство актуализирует в дальнейшем их углубленный сравнительный анализ, классификацию и конкретизацию хронологической позиции.

3 Характеристика материала (Кукушкин И.А.)

Комплекс Жанажурт (Шетский р-н, Карагандинская обл.) находится на территории Талдинского историко-археологического парка, в 93 км юго–юго-восточнее г. Караганды, в 12.6 км восточнее пос. Талды, в 1.6 км юго-западнее пос. Жанажурт и расположен на относительно ровной площадке. В 2022 г. памятник был исследован экспедицией Сарыаркинского археологического института под руководством А.И. Кукушкина и Е.А. Дмитриева.

До раскопок комплекс представлял собой две отдельно стоящие на расстоянии 1.6 м задернованные ограды и был ориентирован по линии север–юг. Осмотр близлежащей площадки не выявил статуйных объектов. На памятнике был разбит сплошной четырехугольный раскоп размерами 11×5.5 м (рис. 1).

Сооружение № 1 – северное в цепочке (рис. 2). До раскопок оно представляло собой задернованную четырехугольную ограду, визуально фиксировавшуюся по камням заполнения и плитам стенок. После снятия дернового слоя и расчистки конструкции было установлено, что сооружение представляло собой многоплитную ограду, внутреннее пространство которой размерами 4.1×3.95 м имело каменное заполнение. Ограда была ориентирована стенками по сторонам света с незначи-

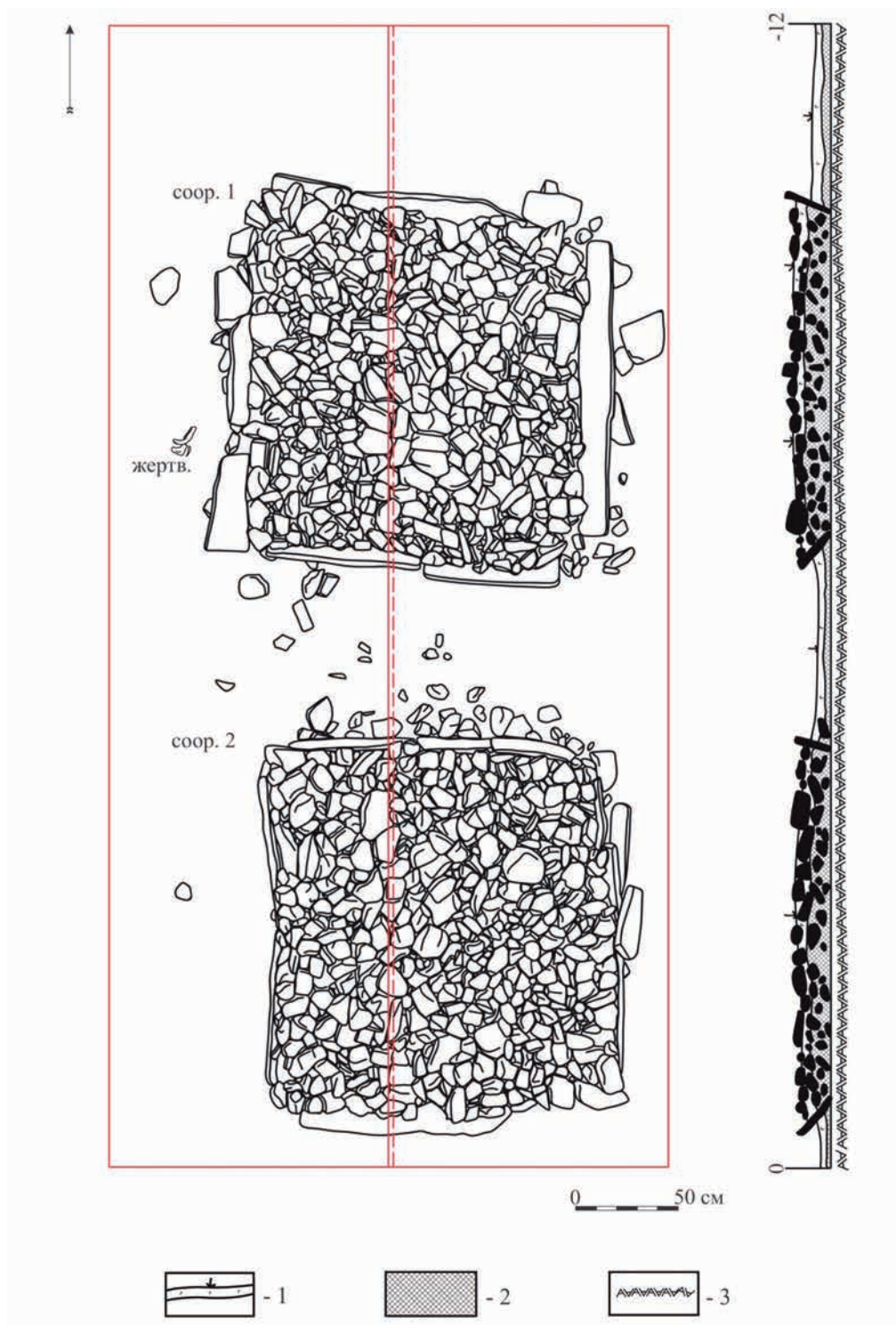

Рис. 1. Комплекс Жанажұрт, план и профиль: 1 – дёрн; 2 – слой коричневого цвета; 3 – материк
1-сур. Жаңажұрт кешені, жоспары мен профілі: 1 – шымтезек, 2 – қоңыр түсті қабат; 3 – материк

Рис. 2. Комплекс Жанажурт. Фото оград (с севера)
2-сур. Жаңажұрт кешені. Қоршаулардың фотосуреті (солтүстіктен)
Fig. 2. Zhanazhurt complex. Photo of fences (from the north)

тельными отклонениями. Северная стенка имела длину 3 м и состояла из трёх плит размерами 0.45–1.85×0.4–0.6×0.8 м. Все плиты были наклонены наружу. Западная стенка длиной 2.9 м состояла из двух плит, одна из которых слегка наклонилась наружу, а вторая была продольно обломлена на две части. Размеры плит составили 0.95–1.95×0.35–0.4×0.06–0.08 м. Восточная стенка состояла из одной, наклонившейся наружу плиты размерами 3×0.5×0.1 м. Южная стенка была длиной 2.95 м. Она состояла из двух слегка завалившихся наружу плит размерами 1.4–1.55×0.4–0.45×0.07–0.08 м. С внешней стороны, преимущественно с восточной и западной, плиты огады были частично укреплены мелкими и средними по размеру камнями. Внутренне пространство огады состояло из наброса камней, смешанного с грунтом, монолитного по своему содержанию до уровня материка. В центральной части сооружения после разбора заполнения забутовки была обнаружена вертикально установленная каменная плита длиной до 0.5 м, высотой до 0.4 м, установленная на материковом слое (рис. 3). Рядом был расчищен наброс из нескольких, довольно крупных камней. На данный момент проблематично установить назначение выявленного скопления. Возможно, оно представляло своеобразное гнездо, для закрепления какого-либо вертикального объекта, не сохранившегося на момент раскопок. В 0.3 м снаружи западной стенки расчищен жертвенник, содержащий челюсти крупного животного. Других находок не обнаружено. Реконструируемые первоначальные размеры сооружения составляют около 3.1×2.9 м. По окончании раскопок была осуществлена рекультивация объекта.

Сооружение № 2 – южное в цепочке. До раскопок оно представляло собой задернованную четырёхугольную огаду, стенки которой выступали над уровнем современной дневной поверхно-

Рис. 3. Комплекс Жанажұрт. Скопление камней и плита в центральной части сооружения № 1 3-сур. Жаңажұрт кешені. № 1 құрылыстың орталық бөлігінде тастар мен плиталардың жиналуы
Fig. 3. Zhanazhurt complex. Stone accumulation and a slab in the central part of structure no. 1

сти. После снятия слоя дёрна, расчистки камней и стенок объекта было установлено, что ограда относится к разновидности многоплитных. Её размеры с учётом развала стенок составили 4.2×3.8 м. Сооружение было ориентировано стенками по сторонам света. Северная стенка ограды достигала в длину 3 м и состояла из трёх плит, слегка наклонившихся наружу. С внешней стороны она была укреплена средними и мелкими по размеру камнями. Размеры плит стенки составили 0.85–1.3×0.35–0.37×0.09–0.1 м. Западная стенка ограды была длиной 3.25 м и состояла из двух плит, слегка наклоненных наружу. Размеры плит составили 1.6–1.65×0.4–0.45×0.09–0.1 м. Восточная стенка длиной 3.2 м состояла из двух завалившихся наружу плит размерами 0.7–2.5×0.4–0.45×0.08–0.1 м и была укреплена снаружи в нескольких местах крупными плитками. Южная стенка имела длину 2.7 м. Она состояла из двух сильно наклонившихся наружу плит, одна из которых была продольно обломлена. Размеры плит составили 0.5–2.2×0.35–0.6×0.09–0.1 м. Внутреннее пространство ограды было заполнено камнями в несколько слоёв до уровня материка. В ходе исследования объекта находок не обнаружено. Реконструируемые первоначальные размеры сооружения составляют около 3.2×3.0 м. По окончании раскопок была осуществлена рекультивация объекта.

4 Обсуждение и выводы (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А.)

Исследованные ограды Жанажұрт бесспорно относятся к тюркской культуре, а их аналоги широко известны в центральноазиатском регионе. Они нередко образуют цепочки из различного

числа сооружений. К примеру, комплексы из двух объектов раскопаны на памятниках Большой Курманак-I [Серегин, Васютин 2019а], Нижняя Сору, Кер-Кечу [Васютин 2009], Усть-Карасу [Серегин, Васютин 2019б], Устийн Ам [Идэрхангай, Серегин 2022], Улаан худаг I [Горбунов и др. 2007] и др.

В вопросе назначения тюркских оград большую ценность имеют китайские династийные хроники Чжоу-шу, Суй-шу и Тан-шу, переводы которых выполнены Н.Я. Бичуриным [1950: 230], Р.Ф. Итсом [1958: 102-103] и Лю Мао-цаем [1958: 42], а также собственно тюркские письменные источники. Не вдаваясь в детали, в целом, можно отметить их поминальный характер. Вероятно, ограды являются сильно упрощённым и уменьшенным аналогом каганско-княжеских комплексов Монголии. В Казахстане близкое сооружение известно на памятнике Елеке сазы [Самашев 2022]. Однако не противоречит вышеизложенному и тот факт, что на раннем, кызыл-ташском этапе, памятники которого открыты в Российском Алтае, часть из них может являться кенотафами [Могильников 1992: 176] и, возможно, отражает обычаи предшествующей булан-кобинской культуры [Тишкин, Серегин 2013: 77-78].

Вопросы классификации и хронологии тюркских оград остаются дискуссионными. В различные годы к данной проблеме обращались А.А. Гаврилова [1965: 16, 18], В.Д. Кубарев [1979], Ю.С. Худяков [1985], С.С. Матренин, Д.Е. Сарафанов [2006], Н.Н. Серегин, Е.В. Шелепова [2015] и др. К примеру, согласно В.Е. Войтову, многоплитные комплексы относятся к эпохе Первого Тюркского каганата, а четырехплитные – ко Второму. В основе этой гипотезы лежит следующая закономерность: на территории Монголии в ранних каганско-княжеских мемориальных комплексах известны многоплитные ящики, в поздних – четырехплитные [Войтов 1996].

Обращаясь к центрально-казахстанским материалам, необходимо отметить отсутствие подобных обобщающих исследований. Думается, обозначенный выше объём источников позволит обратиться к вопросу классификации в ближайшее время. Более проблемным является вопрос хронологического соотношения исследованных оград, осложняющийся практически полным отсутствием датированных предметов.

Если говорить об общих хронологических рамках, то мы опираемся, во-первых, на результаты радиоуглеродного датирования гуннских комплексов в центрально-казахстанском регионе, верхняя граница которых доходит до 1-й пол. VI в. [Бейсенов 2017; Бейсенов и др. 2018]; во-вторых, на предполагаемое время распространения кыпчакских/кимацких комплексов, определяемое IX в. [Археология ... 1981: 190]. Конечно, верхняя граница в некотором роде более дискуссионная и, вероятно, будет скорректирована в дальнейшем.

Таким образом, принимая во внимание во многом проблемный характер соотношения различных видов оград, считаем возможным на данный момент датировать их широким временным диапазоном в рамках 2-й пол. VI–VIII/IX в. Можно отдельно указать, что этому времени соответствует и первое полученное для центрально-казахстанских тюркских комплексов радиоуглеродное AMS-определение, выполненное по материалам могильника Кетабан, датирующее его 1-й пол. VII в. [Дмитриев, Кукушкин 2023: 132, табл. 1].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Археология СССР. Т. 18. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Институт археологии АН СССР, «Наука», 1981. 303 с.
- 2 Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культурно-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долина батыров» // Восхождение к вершине археологии / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА МОН РК, 2014. С. 659-668.
- 3 Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. В 2-х т. Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА МОН РК, НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 31-37.

- 4 Бейсенов А.З., Хасенова Б.М., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Курган с «усаами» Кабантау в Центральном Казахстане // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 64-76.
- 5 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.
- 6 Васютин А.С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2009. № 5. С 87-94.
- 7 Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.
- 8 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 110 с.
- 9 Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан Худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. 2007. Вып. 3. С. 62-68.
- 10 Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К. Исследования памятников тюркского времени в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточная Сарыарка): предварительное сообщение // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Гл. ред. А.А. Тишкин. 2024. Вып. XXX. С. 152-160.
- 11 Дмитриев Е.А., Жусупов Д.С. Тюркские оградки могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1 (21). С. 144-154.
- 12 Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана (по материалам могильника Кетабан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 3 (21). С. 125-135.
- 13 Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. Древнетюркские оградки Акбауыр // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 2. С. 36-50.
- 14 Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана: Типография Service Press, 2012. 146 с.
- 15 Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
- 16 Ермоленко Л.Н., Евдокимов В.В. Средневековые изваяния из музея археологии Карагандинского университета // Археологические исследования степной Евразии / Гл. ред. В.Г. Ломан. Караганда: TENGRI Ltd., 2013. С. 201-208.
- 17 Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г.) // Труды Государственного исторического музея. 1926. Вып. 1. С. 71-106.
- 18 Идэрхангай Т.О., Серегин Н.Н. Тюркские оградки комплекса Устийн Ам (Центральная Монголия) // Народы и религии Евразии. 2022. № 2. С. 28-38.
- 19 Итс Р.Ф. О каменных изваяниях в Синьцзяне // Советская этнография. 1958. № 2. С. 100-103.
- 20 Касенова А.Д. Изучение тюркских каменных изваяний Сарыарки на современном этапе // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 47-60.
- 21 Касенова А.Д. Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Альфапринт, 2020. 196 с.
- 22 Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
- 23 Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135-160.
- 24 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- 25 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2019. Кн. 1. С. 135-137.
- 26 Кызласов Л.Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1951. № 108. Вып. 3. С. 53-63.

- 27 Маргулан А.Х. Сочинения (Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау). Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3-4. 246 с.
- 28 Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Под. ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, 2006. Вып. 3-4. С. 203-218.
- 29 Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д. Археологические исследования в горах Калмаккырган (Майский район Павлодарской области) // Маргулановские чтения–2020. В 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 483-497.
- 30 Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы, 1992. С. 175-212.
- 31 Пересветов Г.Ю. Каменные оградки с центральной стелой раннего железного века и тюркским изваянием (к вопросу о времени сооружения) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 2. С. 634-642.
- 32 Самашев З. Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 4. С. 163-190.
- 33 Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские оградки комплексов Большой Курманак-I и II (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Народы и религии Евразии. 2019а. № 1 (18). С. 37-49.
- 34 Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019б. № 2 (28). С. 32-46.
- 35 Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 168 с.
- 36 Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 75-81.
- 37 Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СММКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 168-184.
- 38 Liu Mautsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'uküe). Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1958. I. 831 s.

REFERENCES

- 1 *Arheologiya SSSR (Archaeology of USSR)*. 1981. Т. 18. *Stepi Evrazii v epohu srednevekoviya (Vol. 18. Steppes of Eurasia in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 2 Baitanayev, B. A., Akhatov, G. A., Kazizov, E. S. 2014. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Voshozhdenie k vershinam arheologii (Climbing to the heights of archaeology)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 659-668 (in Russian).
- 3 Beisenov, A. Z. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.) *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola" Publ., 31-37 (in Russian).
- 4 Beisenov, A. Z., Khassenova, B. M., Akhiyarov, I. K., Duisenbay, D. B. 2018. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra (Bulletin of the Dagestan Scientific Center)*, 71, 64-76 (in Russian).
- 5 Bichurin, N. Y. 1950. *Sobranie svedenii o narodah, obitavshih v Srednei Azii v drevnie vremena (Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of sciences (in Russian).
- 6 Vasyutin, A. S. 2009. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 5, 87-94 (in Russian).
- 7 Voitov, V.E. 1996. *Drevnetyurkiskiy panteon i model mirozdaniya v kultovo-pominalnykh pamyatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (The ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult and memorial monuments of Mongolia in the 6th–8th centuries.)*. Moscow: State Museum of Oriental Art (in Russian).

- 8 Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen (Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 9 Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A., Jerdjenjebaatar, D. 2007. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 3, 62-68 (in Russian).
- 10 Grushin, S. P., Merts, I. V., Merts, V. K. 2024. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altaiskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory)*, 30, 152-160 (in Russian).
- 11 Dmitriev, E. A., Zhusupov, D. S. 2018. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (21), 144-154 (in Russian).
- 12 Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2023. In: *Kazahstan arheologiyasy (Kazakhstan archeology)*, 3 (21), 125-135 (in Russian).
- 13 Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I., Kukushkin, I. A. 2020. In: *Kazahstan arheologiyasy (Kazakhstan archeology)*, 2, 36-50 (in Russian).
- 14 Dosymbayeva, A., Nuskabay, A. 2012. *Tyurkskiy arheologo-etnograficheskiy kompleks Kumay (Turkic archaeological-ethnographic complex Kumai)*. Astana: “Service Press” Publ. (in Russian).
- 15 Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazahstanskih stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS (in Russian).
- 16 Ermolenko, L. N., Evdokimov, V. V. 2013. In: Loman, V. G. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya stepnoy Evrazii (Archaeological studies of steppe Eurasia)*. Karaganda: TENGRI Ltd Publ., 201-208 (in Russian).
- 17 Zakharov, A. A. 1926. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja (Proceedings of the State Historical Museum)*, 1, 71-106 (in Russian).
- 18 Idjerhangaj, T. O., Seregin, N. N. 2022. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)*, 2, 28-38 (in Russian).
- 19 Its, R. F. 1958. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 2, 100–103 (in Russian).
- 20 Kasenova, A. D. 2019. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 2 (28), 47-60 (in Russian).
- 21 Kasenova, A. D. 2020. *Kamennye izvayaniya Saryarki (istoriya izuchenija) (Stone sculptures of Saryarka (history of study))*. Almaty: “Al’faprint” Publ. (in Russian).
- 22 Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetjurkskie izvayaniya Altaja (Ancient Turkic sculptures of Altai)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 23 Kubarev, V. D. 1979. In: Pogožheva, A. P. (ed.). *Novoe v arheologii Sibiri i Dalnego Vostoka (New in the archaeology of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 135-160 (in Russian).
- 24 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tjurok Altaja (po materialam pogrebalnyh pamjatnikov) (Culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from funeral monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS Publ. (in Russian).
- 25 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2019. In: Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij (Nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research)*. Book 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the SB RAS, 135-137 (in Russian).
- 26 Kyzlasov, L. R. 1951. In: *Izvestija Akademii nauk KazSSR. Serija arheologicheskaja (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological series)*, 3 (108), 53-63 (in Russian).
- 27 Margulan, A. K. 2003. *Sochinenija (Petroglify Saryarki. Gravjury s izobrazheniem volchiego totema. Kamennye izvayaniya Ulytau) (Petroglyphs of Saryarka. Engravings depicting a wolf totem. Stone sculptures of Ulytau)*. Vol. 3-4. Almaty: “Dajk-Press” Publ. (in Russian).
- 28 Matrenin, S. S., Sarafanov, D. E. 2006. In: Soenov, V. I., Ojnoshev, V. P. (eds.). *Izuchenie istoriko-kulturnogo nasledija narodov Juzhnoj Sibiri (Studying the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia)*, 3-4. Gorno-Altajsk: Agency for Cultural and Historical Heritage of the Altai Republic, 203-218 (in Russian).

- 29 Merts, V. K., Merts, I. V., Demidkova, E. D. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chtenija–2020 (Margulan Readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 483-497 (in Russian).
- 30 Mogilnikov, V. A. 1992. In: *Materialy k izucheniju proshlogo Gornogo Altaja (Materials for studying the past of Altai Mountain)*. Gorno-Altajsk: Altai Mountain Research Institute of History, Language and Literature, 175-212 (in Russian).
- 31 Peresvetov, G. Y. 2015. In: *Drevnie kultury Severnogo Kitaja, Mongolii i Bajkalskoj Sibiri (Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia)*. Vol. 2. Huh-Hoto, 634-642 (in Russian).
- 32 Samashev, Z. 2022. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 4 (34), 163-190 (in Russian).
- 33 Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tjurkskie ritualnye komplekсы Altaja (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizacija, analiz, interpretatsiya (Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the 1st millennium BC): systematization, analysis, interpretation)*. Barnaul: “AZBUKA” Publ. (in Russian).
- 34 Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2019a. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)*, 1 (18), 37-49 (in Russian).
- 35 Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2019b. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 2 (28), 32-46 (in Russian).
- 36 Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2013. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (8), 75-81 (in Russian).
- 37 Khudyakov, Y. S. 1985. In: Vasilevskiy, R. S. (ed.). *Drevnie kultury Mongolii (Ancient cultures of Mongolia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 168-184 (in Russian).
- 38 Liu Mau-tsai. 1958. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, I.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.03.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.05.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.05.2024.

УДК 572
МРНТИ 34.37.21

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.238.251>

О межисследовательских расхождениях в оценках возраста по костям скелета взрослого человека на примере выборки окуневской культуры

© 2024 г. Ширококов И.Г., Громов А.В.

Keywords: physical anthropology, inter-observer error, Transition Analysis 3, intraclass correlation

Түйін сөздер: физикалық антропология, зерттеуаралық қайшылықтар, Transition Analysis 3, санатішілік корреляция

Ключевые слова: физическая антропология, межисследовательские расхождения, Transition Analysis 3, внутриклассовая корреляция

Ivan Shirobokov^{1*} and Andrey Gromov¹

^{1*}Corresponding author, Candidate of historical sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia.

ORCID: [0000-0002-3555-7509](https://orcid.org/0000-0002-3555-7509) E-mail: ivansmith@bk.ru

¹Candidate of historical sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia.

ORCID: [0000-0002-3263-3801](https://orcid.org/0000-0002-3263-3801) E-mail: a.v.gromov@mail.ru

On inter-observer error in age estimates based on the adult skeletons: A case study of the Okunev culture sample

The study is dedicated to analyzing inter-observer disparities in age estimations based on skeletal remains of varying completeness. Five anthropologists estimated the sex and age of a series of skeletons from two burial grounds of the Okunev culture (Khakassia, Early Bronze Age). Age estimation was conducted in two variants: 1. according to traditional methods used by physical anthropologists; 2. using the “Transition Analysis 3” (TA3) free software, which is based on a random generalized linear model trained on documented information about age-related variability of dozens of features. The intraclass correlation coefficient (ICC) was utilized as a measure of agreement between the assessments. The results indicate a high consistency of assessments obtained within both approaches, with an advantage for TA3. The new method also reveals an additional advantage in estimating the age of individuals older than 50 years. The higher consistency of TA3 assessments is likely explained by the standardized procedure of recording numerous skeletal features with a limited number of options. The consistency of age-at-death structure assessments for the sample as a whole is also noticeably higher when using TA3 compared to the traditional approach. However, in this case, the larger age intervals proposed by TA3 compared to subjectively assessed intervals in the standard approach likely play a key role. Sex assessments coincided among participants in 19 out of 23 (83%) cases. A comparison of morphological and genetic sex estimations obtained for 9 skeletons revealed an average agreement in 84% of cases.

For citation: Shirobokov, I., Gromov, A. 2024. On inter-observer error in age estimates based on the adult skeletons: A case study of the Okunev culture sample. *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 238–251 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.238.251](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.238.251)

Иван Григорьевич Ширококов^{1*},
Андрей Викторович Громов¹

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, РҒА Ұлы Петр атындағы Антропология және этнография музейі (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Ресей

Иван Григорьевич Ширококов^{1*},
Андрей Викторович Громов¹

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
РҒА Ұлы Петр атындағы Антропология және
этнография музейі (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Ресей

**Окунев мәдениетінің іріктемесі негізінде ересек
адамның қаңқа сүйектері бойынша жасты
бағалаудағы зерттеуаралық қайшылықтар туралы**

Зерттеу дәрежесі әртүрлі жиынтықтағы қаңқа сүйектер бойынша жасты бағалаудағы зерттеуаралық қайшылықтарды талдауға арналған. Бес антрополог окунев мәдениетінің екі қорымындағы (Хакасия, ерте қола дәуірі) қаңқалар топтамасының жынысына және жасына тәуелсіз бағалау жасады. Жасты бағалау екі нұсқада жүргізілді: 1. физикалық антропологияда қолданылатын дәстүрлі әдістерге сәйкес; 2. ондаған белгінің жас бойынша өзгергіштігі туралы құжатталған ақпараттарда оқытылған жалпыланған кездейсоқ сызықтық модельге сүйенетін «Transition Analysis 3» (ТАЗ) бағдарламасының көмегімен. Бағалаулар арасындағы келіскен өлшем ретінде санатішілік корреляция коэффициенті (ICC) қолданылды. Нәтижелер екі әдіс, әсіресе ТАЗ аясында алынған бағалаулардың өте жоғары үйлескенін дәлелдеді. Жаңа тәсіл 50 жастан жоғары индивидтердің жасын бағалауда қосымша артықшылықтарды да анықтады. ТАЗ бағалауларының барынша жоғары үйлесімі қаңқаның өте көп белгілерін аз нұсқамен белгілеудің стандарт процедурасымен түсіндіріледі. Іріктемелердің жас құрылымдарын бағалаудағы үйлесім дәстүрлі әдіске қарағанда ТАЗ-ті қолданған кезде айтарлықтай жоғары болды. Бірақ бұл жағдайда стандарт әдістегі субъективті бағаланатын интервалдармен салыстырғанда ТАЗ ұсынатын жас интервалдар шамасының көп болуы негізгі рөл атқаруы мүмкін. Жынысты бағалау қатысушылар арасында 23-тің 19 жағдайында (83%) сәйкес келді. 9 қаңқадан алынған жыныстың генетикалық анықтамасы мен морфологиялық бағалауды сәйкестендіру орта есеппен 84% жағдайда бір-біріне сәйкес келді.

Сілтеме жасау үшін: Ширококов И.Г., Громов А.В. Окунев мәдениетінің іріктемесі негізінде ересек адамның қаңқа сүйектері бойынша жасты бағалаудағы зерттеуаралық қайшылықтар туралы. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 238–251-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.238.251](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.238.251)

¹кандидат исторических наук,
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**О межисследовательских расхождении
в оценках возраста по костям скелета взрослого человека
на примере выборки окуневской культуры**

Исследование посвящено анализу межисследовательских расхождений в оценках возраста по костям скелета разной степени комплектности. Пять антропологов провели независимую оценку пола и возраста серии скелетов из двух могильников окуневской культуры (Хакасия, эпоха ранней бронзы). Оценка возраста проводилась в двух вариантах: 1. в соответствии с традиционными методами, используемыми физическими антропологами; 2. при помощи программы «Transition Analysis 3» (ТАЗ), в основе которой лежит случайная обобщённая линейная модель, обучаемая на задокументированной информации о возрастной изменчивости десятков признаков. В качестве меры согласия между оценками использовался коэффициент внутриклассовой корреляции (ICC). Результаты свидетельствуют о высокой согласованности оценок, полученных в рамках обоих подходов, и преимуществе ТАЗ. Новый метод обнаруживает также дополнительное преимущество в оценке возраста индивидов старше 50 лет. Более высокая согласованность оценок ТАЗ, вероятно, объясняется стандартизированной процедурой фиксации большого числа скелетных признаков с небольшим числом вариантов. Согласованность оценок возрастной структуры выборки в целом также заметно выше при использовании ТАЗ, чем при традиционном подходе. Однако в этом случае, ключевую роль играет большая величина возрастных интервалов, предлагаемых ТАЗ, по сравнению с субъективно оцениваемыми интервалами при стандартном подходе. Оценки пола совпали между участниками в 19 из 23 (83%) случаев. Сопоставление генетических определений пола, полученных для 9-ти скелетов, и морфологических оценок обнаружило совпадение в среднем в 84% случаев.

Для цитирования: Ширококов И.Г., Громов А.В. О межисследовательских расхождении в оценках возраста по костям скелета взрослого человека на примере выборки окуневской культуры. *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 238–251.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.238.251](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.238.251)

Введение (Ширококов И.Г., Громов А.В.)

Независимо от того, является ли целью исследования определение по костям скелета индивидуального возраста или реконструкция возрастной структуры всей выборки, получение точных и воспроизводимых оценок относится к числу вечно актуальных тем в антропологии.

Существует множество работ, посвящённых анализу внутри- и межисследовательских расхождений в оценках конкретных систем признаков [Daumas et al. 2023; Dubourg et al. 2020; Fojas et al. 2017; Kimmerle et al. 2008; Willems et al. 2002; и др.]. В сообществе антропологов стран СНГ такие исследования также проводились неоднократно, однако, насколько известно авторам, их результаты не становились предметом специальных публикаций на русском языке. Сопоставимость оценок возраста обычно тестируется в частном порядке по договорённости отдельных исследователей, занятых изучением общей темы. В последние годы интерес к этой теме возрос. Были организованы семинары, участники которых независимо друг от друга оценивали пол и возраст по костям скелета разной степени комплектности, а затем анализировались расхождения между исследователями, разными методами и/или антропологическими оценками и задокументированными данными о поле и возрасте. В частности, такие семинары проходили в рамках конференций «Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики» в 2015 г. и «Гохмановские чтения: палеоантропология и этногенез» в 2022 г. в Кунсткамере.

Набор и шкалы, в которых проводится оценка конкретных признаков, могут заметно варьировать от метода к методу, и надёжность определения их значений может различаться при работе с разными возрастными группами и скелетами разной степени сохранности. Важную роль играет чёткое описание методики оценки в руководствах и наличие в них качественных иллюстраций, демонстрирующих возрастные различия между стадиями анализируемых признаков, а также понимание исследователями основных закономерностей возрастной изменчивости скелета. В этом отношении тот подход, который чаще всего используют антропологи, работающие с материалами из археологических раскопок в России и Казахстане, часто остаётся непрозрачным для читателя. Степень облитерации швов и стёртости зубов, состояние суставных поверхностей длинных костей и костей таза обычно оцениваются исследователями приблизительно, а оценки возраста в публикациях приводятся без фиксации значений отдельных признаков и использованной программы.

В последние два десятилетия исследователями разных стран активно ведётся разработка новых методов оценки возраста, которые включают десятки различных признаков скелета, в т. ч. входящих в стандартную программу, но претендующих на преодоление её недостатков. Один из таких новых подходов, анализ переходов, реализован в программе «Transition Analysis 3» (ТА3 в дальнейшем) [Milner et al. 2020]. При её создании авторы оценили и объединили данные о возрастной изменчивости различных признаков скелета более 1600 человек с задокументированным возрастом, происходящих с территории США, Португалии, Великобритании, Южной Африки и Таиланда. Возрастная изменчивость 74 признаков различных элементов скелета в данной программе оценивается в бинарной или порядковой шкале с небольшим числом вариантов, а руководство сопровождается цветными фотографиями, что теоретически должно способствовать высокой степени согласованности оценок между исследователями. ТА3 опирается на методы машинного обучения и заметно отличается как от традиционных методов определения возраста, так и от программы ADBOU – предыдущей версии анализа переходов, более популярной в антропологической среде [Baldsen et al. 2002]. Обработка данных в ТА3 осуществляется при помощи случайной обобщённой линейной модели, причём последняя заново проходит обучение каждый раз, когда исследователь вводит в программу набор доступных для наблюдения параметров. Это позволяет работать с останками разной степени комплектности и сохранности. Применение метода значительно облегчает специализированная программа с удобным пользовательским интерфейсом, снабжённая иллюстрированным руководством¹.

¹Получить доступ к программе и руководству по её использованию можно по ссылке: <https://www.statemachine.net/software/TA3/>

Программа ТАЗ появилась в свободном доступе четыре года назад. Исследователи, работающие с материалами из археологических раскопок, отмечают, что ТАЗ позволяет выявить присутствие в выборках индивидов старческого возраста, остающихся незаметными при использовании традиционных методик [Bolster et al. 2024; Tornberg 2022], однако опубликованных работ, посвящённых влиянию межисследовательских расхождений в определении дифференцирующих признаков на вариативность оценок возраста, выносимых моделью ТАЗ, к настоящему времени не существует.

Цель данной работы заключается в проведении оценки согласованности оценок, независимо полученных в рамках ТАЗ и стандартного подхода. В обоих случаях анализировались расхождения между исследователями именно в итоговых оценках возраста, а не в значениях конкретных признаков.

Дополнительные задачи заключались:

- в анализе влияния расхождений в оценках возраста, полученных в рамках двух методик, на общую возрастную структуру выборки;
- в оценке расхождений определений половой принадлежности индивидов в сравнении с генетическими данными.

Материал и методы исследования (Широбоков И.Г., Громов А.В.)

В качестве материалов исследования были использованы скелеты из раскопок могильников окуневской культуры Уйбат-Чарков (Uybat-Charkov) и Красный Камень (Krasny Kamen). Памятники относятся к эпохе ранней бронзы. Первый могильник расположен близ села Чарков Усть-Абаканского района Республики Хакасия и был раскопан И.П. Лазаретовым в 2009 г. Исследованный курган содержал погребения в грунтовых ямах и катакомбах. С помощью радиоуглеродного датирования установлен приблизительный возраст кургана – XXV–XXIII вв. до н.э. [Лазаретов, Поляков 2018b]. Второй могильник находится около поселка Красный Камень Боградского района Республики Хакасия. Раскопки памятника проводились И.П. Лазаретовым в 2010 и 2018 гг. Раскопанные курганы содержали погребения в грунтовых ямах и каменных ящиках. На основании радиоуглеродных дат, полученных для кургана 1, его возраст определён в пределах XXIII–XXII вв. до н.э. [Лазаретов, Поляков 2018a]. В настоящее время антропологические материалы из этих могильников хранятся в МАЭ РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), составив коллекции основного фонда № 7784 (Уйбат-Чарков) и № 7785 (Красный Камень). Всего были обследованы 23 скелета взрослых индивидов разной степени сохранности и комплектности.

В тестировании приняли участие пять исследователей: А.В. Громов, А.А. Казарницкий, Н.И. Лазаретова, Е.Н. Учанева и И.Г. Широбоков. Каждый участник проводил независимую оценку пола и возраста всех скелетов. Оценка возраста проводилась в двух вариантах: 1. в соответствии с традиционными методами, используемыми физическими антропологами; 2. при помощи бета-версии программы ТАЗ. Порядок исследования был общим для всех участников: сначала проводилась оценка пола и возраста при помощи стандартных методов, а затем фиксировались признаки, входящие в программу ТАЗ.

Традиционные методы определения возраста включали в себя оценку степени облитерации швов свода черепа, степени стёртости зубов, состояния суставных поверхностей позвонков и длинных костей, состояние лобкового симфиза [Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Buikstra, Ubelaker 1994; White, Folkens 2005]. Каждый участник сам определял набор признаков и их относительную значимость при установлении возрастного интервала. Дополнительно оценивался пол индивидов. В большинстве случаев участники опирались на признаки таза (в первую очередь, величину лобкового и седалищного углов), а в случае его отсутствия – на морфологические особенности

других элементов скелета, не оговаривая между собой значимость конкретных признаков. Таким образом, половозрастные характеристики определялись в значительной степени субъективно, в соответствии с теми методами, которыми каждый исследователь привык пользоваться в собственной практике.

С другой стороны, программа ТАЗ предполагала строгое следование методике, а оценка выносилась моделью на основе анализа набора признаков, оцениваемых в порядковой шкале (в большинстве случаев 2-3 варианта, сопровождаемые цветными фотографиями). Участники исследования совместно протестировали программу на примере одного из скелетов и исключили часть признаков из дальнейшего анализа – в первую очередь те, низкая ценность которых для оценки возраста отмечалась авторами программы [Milner et al. 2020]. В частности, из анализа были исключены признаки, локализованные на дистальных сегментах конечностей, ребрах, груди, а также признаки диффузного идиопатического скелетного гиперостоза (ДИСГ) позвоночника. К сожалению, руководство не содержит описания последних, но очевидно, что в программу были включены признаки значительного окостенения связок и энтезов (боковая поверхность позвонков при этом выглядит так, словно она покрыта расплавленным свечным воском), отдельно оцениваемые для шейного, грудного и поясничного отделов позвоночника. По признанию самих авторов, ДИСГ оказывает селективное влияние на смертность и соответствующие признаки не могут быть использованы при оценке возраста [Milner et al. 2020: 3]. Набор признаков, который фактически оценивался, варьировал в зависимости от сохранности скелетов, большая часть из которых отличалась неполной комплектностью.

Программа ТАЗ имеет целью установление индивидуальных оценок возраста, которые представляются в виде точечной оценки, 95% доверительного интервала, стандартной ошибки и коэффициента корреляции между паспортным возрастом и возрастом, прогнозируемым моделью в тестовой выборке. Однако она не предназначена для оценки возрастной структуры всей выборки. В настоящем исследовании возрастные распределения строились на основании индивидуальных средних оценок и стандартных ошибок, а вероятность принадлежности индивидов к конкретным возрастным интервалам оценивалась по нормальному типу. Первым автором была написана программа на Python для проведения соответствующих расчётов.

Анализ согласованности оценок возраста, полученных разными исследователями, проводился при помощи коэффициента внутриклассовой корреляции (ICC). В отличие от парного t-критерия и стандартного коэффициента корреляции Пирсона, ICC позволяет определять согласованность между оценками нескольких исследователей сразу, а также учитывать влияние систематических расхождений. Коэффициент учитывает соотношение двух разных компонентов общей дисперсий в оценках: дисперсию, обусловленную различиями между оцениваемыми объектами, и дисперсию, обусловленную различиями между оценщиками или методиками. Существует несколько типов коэффициента внутриклассовой корреляции, предназначенных для оценки согласованности при разных условиях задачи. Для решения задачи исследования был выбран ICC (2, k) (согласно классификации [Shrout, Fleiss 1979]), предполагающий, что анализируются межисследовательские расхождения в абсолютных оценках, участники теста отобраны случайным образом, каждый из них оценивает возраст одних и тех же скелетов.

При расчёте коэффициентов сравнивались точечные оценки возраста, получаемые моделью ТАЗ, и оценки, рассчитанные путём усреднения пограничных значений возрастных интервалов, устанавливаемых в рамках традиционного подхода. Расчёт коэффициентов внутриклассовой корреляции осуществлялся при помощи программы на Python, написанной первым автором с использованием библиотеки pingouin [Vallat 2018].

Результаты и обсуждение (Широбоков И.Г., Громов А.В.)

Индивидуальные оценки пола и возраста скелетов, полученные участниками исследования, приведены в Таблицах 1-2. В большинстве случаев оценки возраста близки между собой, хотя

в отдельных случаях наблюдаются заметные расхождения как при использовании традиционных методов, так и ТА3. Списки индивидов со спорными оценками почти не совпадают между собой, т. е. расхождения не могут быть удовлетворительно объяснены сохранностью костей отдельных скелетов.

Таблица 1 – Индивидуальные половозрастные оценки скелетов из могильников Уйбат-Чарков и Красный Камень, полученные при помощи традиционных методов
1-кесте – Уйбат-Чарков және Красный Камень қорымдарынан алынған қаңқалардың дәстүрлі әдістер көмегімен алынған жеке жыныс-жас бағалаулары
Table 1 – Individual sex and age assessments of skeletons from the Uybat-Charkov and Krasny Kamen sites based on traditional methods

Скелет, шифр	Участник 1		Участник 2		Участник 3		Участник 4		Участник 5	
	возраст	пол	возраст	пол	возраст	пол	возраст	пол	возраст	пол
УЧ, мог. 2	50+	?	55+	м?	55+	ж	50+	м	55+	ж?
УЧ, мог.3-А	45-50	м	35-45	м	35-40	м	30-40	м	40-50	м
УЧ, мог. 3-Г	50-60	м	55+	м	40-50	м	45-55	м	40-50	м
УЧ, мог. 4-1	60+	ж?	55+	м	55+	ж	50+	м	50+	м
УЧ, мог. 7	35-50	м	25-45	м	20+	м	18+	м	30+	м
УЧ, мог. 9-А	30-40	ж	55+	ж	55+	ж?	40-50	ж	55+	ж
УЧ, мог. 9-Б	50+	ж	55+	ж	55+	ж	50+	м?	55+	м?
УЧ, мог. 10-1	50-55	м	55+	м	55+	м	35-45	м	50+	м
УЧ, мог. 10-2	50+	ж?	55+	ж?	55+	ж?	50+	ж	55+	ж
УЧ, мог. 11-А	20-30	ж	25-35	ж	30	ж	25-35	ж	20-30	ж
УЧ, мог. 12	30-35	м	30-40	м?	30-40	м	25-35	м	25-40	м
УЧ, мог. 13	30-35	ж	35-45	ж	30-40	ж	25-35	ж	40-60	ж
КК, к. 1, мог. 1	20-25	ж	18-25	ж	20-25	ж	18-22	ж	20-25	ж
КК, к. 1, мог. 3	30-40	ж	35-45	ж	35-40	ж	25-35	ж?	40-50	ж
КК, к. 1, мог. 5	45-50	м	45-55	м	35-45	м	30-40	м	50+	м
КК, к. 1, мог. 6	35-45	ж	45-55	ж	40-55	ж	-	-	40-50	ж
КК, к. 2, мог. 2-А	30-40	ж	30-40	ж	30-35	ж	25-35	м	40-50	ж
КК, к. 2, мог. 2-Б	30-35	ж	45-55	ж	30-40	ж	30-40	ж	45-55	ж
КК, к. 2, мог. 4-1	45-55	м	55+	м	40-55	м	40-50	м	35-45	м
КК, к. 2, мог. 4-2	30-35	ж	30-40	ж?	30-40	ж?	25-35	ж?	25-40	?
КК, к. 2, мог. 5-1	35-40	ж	30-40	ж	30	ж	25-35	ж	25-35	ж
КК, к. 2, мог. 5-2	30-40	ж	25-35	ж	30	ж	25+	ж	25-55	ж?
КК, к. 2, мог. 6-Е	50-55	м	55+	м	55+	м	45-55	м	55+	м

Примечания: УЧ – Уйбат-Чарков, КК – Красный камень.
Жирным шрифтом отмечены оценки возраста скелетов с наибольшим разбросом по результатам расчета коэффициента вариации ($CV \geq 20\%$)

*Таблица 2 – Индивидуальные оценки возраста скелетов из могильников
Уйбат-Чарков и Красный Камень, полученные при помощи ТА3
2-кесте – Уйбат-Чарков және Красный Камень қорымдарынан алынған қаңқалардың ТА3 көмегімен
алынған жеке жас бағалаулары
Table 2 – Individual sex and age assessments of skeletons from the Uybat-Charkov and Krasny Kamen sites
based on TA3*

Скелет, шифр	Участник 1		Участник 2		Участник 3		Участник 4		Участник 5	
	М	SE	М	SE	М	SE	М	SE	М	SE
УЧ, мог. 2	69.4	9.5	78.4	10.1	63.3	9.6	82.2	9.8	66.7	10.2
УЧ, мог.3-А	50.1	9.6	49	9.8	46.7	9.4	43	9.6	48.2	9.8
УЧ, мог. 3-Г	59.2	9.1	61.4	9.4	63.6	9.2	62.8	9.1	53.5	9.4
УЧ, мог. 4-1	57.4	9.2	71.7	10	66	9.6	75.6	9.9	72.4	10
УЧ, мог. 7	33.2	11	39	13.2	40.9	12.5	24.3	13	29.3	14.8
УЧ, мог. 9-А	46.2	11	50.9	10.6	61.2	11.7	79	11	57	10.9
УЧ, мог. 9-Б	54.1	11	53.6	11.1	48	12.1	71.2	13	52.7	13.3
УЧ, мог. 10-1	73	8.9	75.4	9.3	80.8	9.1	74.9	9.1	79.6	9.3
УЧ, мог. 10-2	71.5	8.9	78	9.3	75.4	9.2	78.7	9.1	75.8	9.4
УЧ, мог. 11-А	31.3	11	32.2	11.6	31.3	11.7	31.6	12	31.6	11.7
УЧ, мог. 12	44.8	10	39.3	11	35.5	10.7	25.1	11	34.6	11
УЧ, мог. 13	40.7	9.9	41	10.4	36.8	9.7	35.8	9.5	46.1	9
КК, к. 1, мог. 1	29.4	9.2	33.1	9.2	31	9.1	28.4	9.2	30.6	9.4
КК, к. 1, мог. 3	45.8	9.2	44.5	9.4	38.8	9.3	43.7	9.3	52	9.6
КК, к. 1, мог. 5	52.3	9.3	58.3	9.3	54.8	9.3	45.7	9.3	58.9	9.5
КК, к. 1, мог. 6	40.4	11	63.1	11.2	47.9	11.3	-	-	46.4	12.8
КК, к. 2, мог. 2-А	31.8	9.9	28.6	9.9	35.1	9.9	31.7	9.9	31.7	9.9
КК, к. 2, мог. 2-Б	28.7	9.6	45.2	9.4	38.3	9.5	28.9	9.8	50.4	10.1
КК, к. 2, мог. 4-1	57.8	10	66.7	10.1	54.7	10.8	59.7	11	55.1	10.9
КК, к. 2, мог. 4-2	33.6	11	40.6	10	33.8	10.3	31.7	11	29.9	10.5
КК, к. 2, мог. 5-1	37.8	12	37.3	11.6	32.9	11.6	37.8	11.6	37.8	11.6
КК, к. 2, мог. 5-2	42.9	13	35.6	12.8	35.6	12.8	35.6	13	50.4	12.8
КК, к. 2, мог. 6-Е	46.7	15	72	14.2	63.2	14.8	77.5	15	72	14.2

Примечания: УЧ – Уйбат-Чарков, КК – Красный камень.
М – средняя оценка, SE – стандартная ошибка.
Жирным шрифтом отмечены оценки возраста скелетов с наибольшим разбросом по результатам расчёта коэффициента вариации (CV≥20%)

Межисследовательские расхождения в индивидуальных оценках возраста

В целом, величина коэффициента внутриклассовой корреляции имеет высокую величину между оценками, полученными как в рамках традиционных методов, так и при помощи ТА3 (Таблицы 3-4). Общая хорошая сопоставимость оценок разных исследователей сочетается с существенными вариациями в отдельных случаях. При этом различия между коэффициентами, рассчитанными в рамках двух подходов, носят систематический характер: согласованность оценок для каждой пары исследователей оказывается выше в том варианте, когда использовалась программа ТА3 (табл. 4).

Таблица 3 – Коэффициенты внутриклассовой корреляции (ICC) между оценками исследователей, определявшими возраст скелетов при помощи традиционных методов и ТА3
3-кесте – Дәстүрлі әдістер және ТА3 көмегімен қаңқалардың жасын анықтаған зерттеушілердің бағалаулары арасындағы санатішілік корреляция коэффициенттері (ICC)

Table 3 – Intraclass correlation coefficients (ICC) between researchers' estimates of skeletal age using traditional methods and TA3

Вариант анализа	ICC	F	df1	df2	p-значение	95% доверительный интервал
Полная выборка						
Метод ТА3	0.97	30.7	21	84	<0.000001	0.94–0.98
Традиционные методы	0.94	20.3	21	84	<0.000001	0.88–0.97
Сокращенная выборка*						
Метод ТА3	0.96	26.8	16	64	<0.000001	0.92–0.98
Традиционные методы	0.90	12.3	16	64	<0.000001	0.80–0.96

* - Из выборки исключены индивиды, возраст которых превышал 50 лет согласно усредненным оценкам, полученным при помощи традиционных методов

Таблица 4 – Матрица попарных внутриклассовых корреляций (ICC) между оценками исследователей, определявшими возраст скелетов при помощи традиционных методов и ТА3
4-кесте – Дәстүрлі әдістер және ТА3 көмегімен қаңқалардың жасын анықтаған зерттеушілердің бағалаулары арасындағы екеуара санатішілік корреляция (ICC) матрицасы

Table 4 – Matrix of pairwise intraclass correlations (ICC) between researchers' estimates of skeletal age using traditional methods and TA3

ICC	Участник 1	Участник 2	Участник 3	Участник 4	Участник 5
Участник 1	-	0.88	0.91	0.82	0.91
Участник 2	0.92	-	0.95	0.91	0.84
Участник 3	0.93	0.96	-	0.89	0.91
Участник 4	0.89	0.95	0.95	-	0.78
Участник 5	0.85	0.92	0.92	0.91	-

Примечание: Выше диагонали приведены значения ICC для оценок возраста, полученных при помощи традиционных методов, ниже диагонали – для оценок, рассчитанных моделью ТА3.

Тем не менее, на первый взгляд преимущества ТА3 перед традиционными методами не являются существенными. Это может показаться удивительным, если учитывать тот факт, что участники пользовались традиционными методами, не оценивая степень развития признаков в баллах и произвольно оценивая их значимость для окончательной оценки. По этой причине следование более строгой методике при использовании ТА3 и вынесение моделью окончательной оценки должны были автоматически приводить к повышению показателя согласованности оценок.

Однако впечатление о лишь небольшом преимуществе ТА3, в значительной степени обусловленном условиями проведения теста, по-видимому, является ошибочным, поскольку дифференцирующие способности методик заметно различаются. В рамках традиционного подхода участники использовали как закрытые, так и открытые интервалы, такие как «старше 50 лет», «старше 55 лет» и даже «старше 20 лет» (в случае, когда комплектность скелета не позволяла надёжно оценить возраст). Стандартные методы не предполагают возможным сколь-нибудь

точное определение возраста в старческой группе, тогда как ТАЗ позволяет получать оценки для возрастных групп старше 70 и даже старше 80 лет. При оценке расхождений возникла проблема расчёта средних оценок возраста для индивидов с открытым интервалом. Условно верхняя граница была принята равной 60 годам, т. е. если исследователь определил возраст индивида как «старше 50 лет», средняя оценка его возраста при расчёте коэффициента внутриклассовой корреляции составила 55 лет. Это означает, что высокая степень согласованности оценок, полученных в рамках традиционного подхода, завышена за счет невозможности установления возраста в старческих группах и вынужденного принятия условных оценок.

Отсюда следует, что межисследовательская согласованность оценок в определённой степени зависит от возрастной структуры анализируемой выборки. Для снижения влияния открытых интервалов был проведён дополнительный расчёт коэффициентов корреляции, при котором учитывались только индивиды со средней оценкой 50 лет и ниже (согласно усреднённым оценкам, полученным при помощи традиционных методов). В этом случае показатель согласованности оценок, полученных при помощи ТАЗ, сохранился приблизительно на том же уровне, тогда как ИСС для оценок, рассчитанных в рамках стандартного подхода, заметно снизился (табл. 3).

Расхождения в средних оценках, полученных при помощи двух разных методик

Вынужденное использование открытых возрастных интервалов в рамках традиционного подхода имеет важное дополнительное следствие для анализа согласованности оценок не только между исследователями, но и между методиками. На рисунке 1 отмечены усреднённые (полученные по данным всех пяти участников) индивидуальные оценки возраста окуневцев, полученные в рамках двух подходов. В абсолютном большинстве случаев средние оценки возраста, полученные моделью ТАЗ, оказались несколько выше. На графике хорошо заметно, насколько важным является принятие условной верхней границы для поддержания сопоставимости результатов. В случае, когда мы принимаем в качестве верхней границы возраста смерти 100-летний рубеж (что означает, что средний возраст людей, оцениваемых как «старше 50», принимается условно равным 75 годам), результаты, полученные в рамках двух методик, оказываются довольно близкими. При использовании верхней границы, условно ограниченной 60 годами, степень согласованности заметно ниже. Соответствующие величины коэффициентов ИСС между усреднёнными оценками составляют 0.52 и 0.92 соответственно.

Этот рисунок служит хорошей иллюстрацией тезиса о некорректности использования коэффициента корреляции Пирсона при оценке расхождений. Корреляции Пирсона между наборами возрастных оценок, полученными двумя методами, имеют приблизительно равную величину, независимо от того, как оценивалась условная верхняя граница открытого интервала при использовании стандартных методик – в 100 или 60 лет ($r=0.91$ и 0.87 соответственно, $p=0.67$). Однако в первом случае у индивидов старше 50 лет наблюдается систематическое занижение среднего возраста, полученного при помощи традиционных методов, по сравнению с оценками ТАЗ. Во втором случае систематические различия отсутствуют, но возрастает относительная дисперсия оценок.

Расхождения в оценках возрастной структуры выборки между исследователями

В отличие от криминалистов и судебных антропологов, для физических антропологов, работающих с останками из раскопок археологических памятников, наибольшее значение имеют расхождения не в индивидуальных оценках возраста скелета, а в возрастной структуре выборки в целом. Сопоставимость оценок имеет важное значение для палеодемографических исследований. Теоретически, при работе с большими выборками, суммарный эффект влияния межисследовательских расхождений в оценках возраста на общую форму распределения может оказаться незначительным – конечно, при условии, что расхождения не носят систематического характера (отсутствует смещение в оценках).

Поскольку размеры окуневской выборки невелики, полученные результаты можно считать

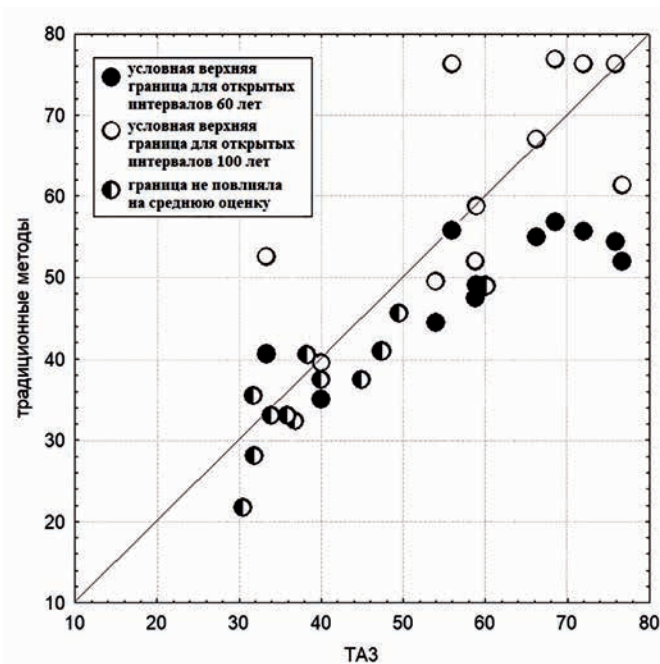

Рис. 1. Диаграмма рассеяния усреднённых оценок возраста 23 скелетов, полученных при помощи традиционных методов и ТА3. См. пояснения в тексте 1-сур. Дәстүрлі әдістер және ТА3 көмегімен алынған 23 қаңқаның орташаланған жас бағалауларының шашырау диаграммасы

Fig. 1. Scatter diagram of averaged age estimates of 23 skeletons obtained using traditional methods and TA3. See explanations in the text

предварительными. Варианты возрастной структуры выборки, рассчитанные в рамках двух подходов, достаточно заметно различаются между собой как по уровню межисследовательской согласованности, так и по форме. Возрастные распределения, полученные путём оценки традиционными методами, отличаются заметными вариациями между исследователями, тогда как варианты, основанные на оценках ТА3, демонстрируют заметно бóльшую согласованность (рис. 2).

Учитывая приведённые выше результаты расчётов ICC, обнаружившие высокую степень согласованности оценок, логичным будет предположить, что неожиданно высокие различия между вариативностью структур обусловлены величиной интервалов, которые используются участниками и моделью ТА3. В рамках традиционного подхода исследователи использовали интервалы величиной 5, 10 или 15 лет. В качестве условного допущения можно исходить из того, что устанавливаемый интервал является 95% доверительным интервалом, в пределах которого с точки зрения исследователя находится реальная оценка возраста. Однако для ТА3 соответствующие доверительные интервалы будут иметь заметно бóльшую величину и составлять уже 30-40 лет. Вполне очевидно, что при оценке возрастной структуры расширение возрастных интервалов приводит к снижению влияния межисследовательских расхождений. Кроме того, бóльшая согласованность оценок ТА3 может быть связана с включением в программу анализа большего числа признаков. Можно предполагать, что при этом случайные межисследовательские расхождения в определении значений отдельных признаков будут оказывать незначительное влияние на оценку модели. В пользу этого предположения говорит умеренная отрицательная корреляция между коэффициентом вариации оценок возраста скелета, вынесенных моделью, и числом признаков, введённых исследователем в программу ($r=-0.51$, $p=0.01$).

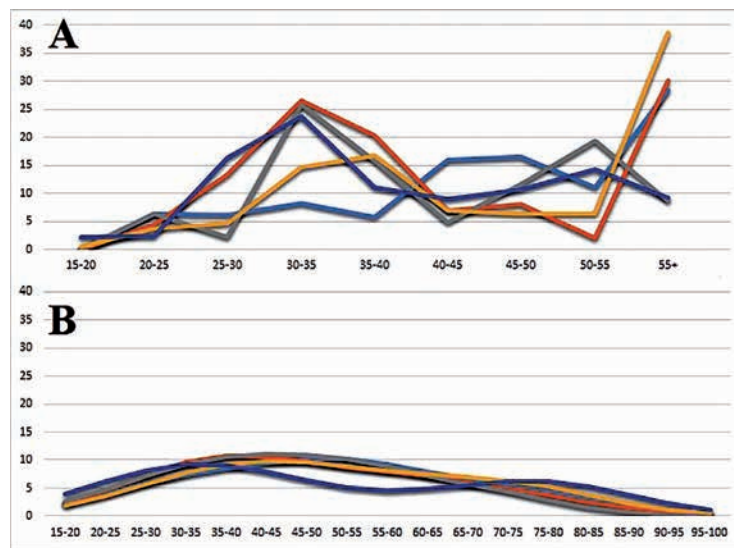

Рис. 2. Возрастная структура выборки, установленная по оценкам пяти разных исследователей при помощи традиционных методов (А) и ТА3 (В)
2-сур. Дәстүрлі әдістер (А) және ТА3 (В) көмегімен әртүрлі бес зерттеушінің бағалаулары бойынша белгіленген іріктемелердің жас құрылымы
Fig. 2. Age-at-death structure of the skeletal sample estimated by five different researchers using traditional methods (A) and TAZ (B)

Для проверки этого предположения был также проведён дополнительный анализ: набор признаков, анализируемых в рамках ТА3, был сокращен в 2-3 раза за счёт исключения всех признаков осевого скелета. Вновь рассчитанный коэффициент несколько уменьшился, приблизившись к аналогичному показателю, рассчитанному для традиционных методов (ICC=0.95, доверительный интервал: 0.91-0.98). Примечательно, что при исключении признаков осевого скелета на 4 года уменьшилась также средняя оценка возраста индивидов в выборке. Таким образом, комплектность (и сохранность) скелета взрослых индивидов оказывает систематическое влияние на оценки возраста.

Между двумя разными подходами различается не только вариативность реконструируемых распределений, но и форма последних. Усреднённая форма распределения, основанного на оценках ТА3, выглядит более сглаженной и приближенной к ожидаемой для популяционных моделей, нежели полученная при помощи традиционных методов – в последнем случае наблюдается отчетливый пик в интервале 30–35 лет (рис. 3). Средняя доля индивидов старше 50 лет на 12% выше при использовании ТА3, соответственно, выше и средний возраст смерти (50 лет и 42 года соответственно).

Расхождения в оценке пола

Оценки пола совпали между участниками в 19 из 23 (83%) случаев. Среди скелетов, половая принадлежность которых не вызывала сомнений у исследователей, 11 принадлежали женщинам и 8 – мужчинам. Ещё в четырёх случаях исследователи разошлись во мнениях, но в двух из них оценка только одного исследователя не сходилась с оценками четырёх других.

Результаты были сопоставлены также с оценками пола, полученными в ходе генетического анализа, результаты которого в настоящее время готовятся к публикации. Всего такие определения были получены для 9 из 23 индивидов. Точность определений (доля совпадающих морфологических и генетических оценок) среди участников варьирует от 78 до 100% (средняя точность 84%).

Возможные причины межисследовательских расхождений в оценках возраста

Причины наблюдаемых расхождений в оценках различны. Некоторая доля дисперсии межисследовательских расхождений обусловлена объективной сложностью оценки дифференцирующих признаков на костях скелетов, тогда как другая, несомненно, объясняется

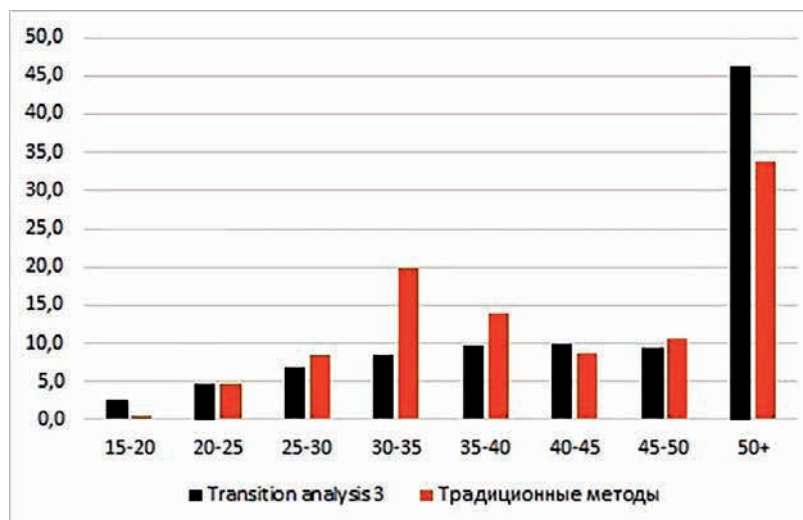

Рис. 3. Два усредненных варианта возрастной структуры окуневской выборки, полученные при помощи традиционных методов и ТА3 и приведённые к общей форме с финальной возрастной когортой «старше 50 лет»

3-сур. Дәстүрлі әдістер және ТА3 көмегімен алынған және соңғы «50 жастан үлкен» жас когортасымен жалпы формаға келтірілген окунев іріктемелерінің жас құрылымының орташаланған екі нұсқасы

Fig. 3. Two averaged variants of the age-at-death structure of the Okunev culture sample, obtained using traditional methods and TA3, reduced to a common form with the final age cohort «over 50 years old»

комплексом причин, которые принято скрывать за многозначным термином «человеческий фактор». Сюда относятся различия в степени концентрации внимания участников, в опыте фиксации признаков, в несогласованных отклонениях от протокола программы. При этом, опираясь на литературные данные, можно с уверенностью утверждать, что оценки возраста и величины возрастных интервалов, выносимые разными участниками, отличались бы некоторой дисперсией даже в случае если бы сами значения исходных признаков были определены одинаково [Канеман и др. 2021]. А в проведённом исследовании, как это часто и бывает на практике, не только балловые значения, но даже и сами наборы рассматриваемых признаков у разных участников совпадали не полностью, в т. ч. при использовании формализованного подхода ТА3.

Частично вынесенные оценки, вероятно, расходятся из-за предвзятого отношения к определению возраста конкретных скелетов, т. е. субъективной убеждённости участников в его принадлежности к некоторой возрастной группе. В руководстве ТА3 оговаривается, что оценка каждого признака должна проводиться независимо как от признаков на других костях, так и от предполагаемой оценки скелета. Однако соблюсти это условие некоторым участникам в полной мере не удалось. Об этом свидетельствуют результаты следующего теста. Для каждого скелета были рассчитаны средние оценки возраста, а также абсолютные отклонения от них (в годах), наблюдаемые в определениях каждого из участников. Процедура была отдельно проведена для оценок, полученных в рамках каждого из подходов, а затем для каждого участника были рассчитаны корреляции между наблюдаемыми отклонениями. У 2 из 5 участников обнаружилось умеренные положительные корреляции между отклонениями оценок от средних (0.56 и 0.44). Следовательно, можно предполагать, что в некоторых случаях на оценки исходных признаков, включенных в программу ТА3, повлияла уже сформировавшаяся к тому времени точка зрения о том, что скелет принадлежит человеку определённого возраста. Это предубеждение в свою очередь повлияло на оценку возраста, выносимую моделью.

Заклучение (Широбоков И.Г., Громов А.В.)

Полученные результаты свидетельствуют о бóльшей согласованности оценок возраста между исследователями в случае, когда они используют программу ТА3, нежели стандартные методы. Бóльшее сходство обнаруживается как при анализе индивидуальных оценок возраста скелетов, так и при оценке возрастной структуры выборки в целом. Различия в согласованности оценок между подходами объясняются преимущественно вынужденным следованием более строгому протоколу анализа при использовании ТА3, а также тем, что в этом случае окончательная оценка выносится не человеком, а моделью. Обладает ли при этом программа ТА3 преимуществом перед традиционным подходом в точности оценок относительно реального возраста скелетов предстоит выяснить в будущем, однако уже сейчас литературные данные позволяют относиться к возможностям нового метода с оптимизмом.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
- 2 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 126 с.
- 3 Канеман Д., Сибони О., Санстейн К.Р. Шум. Несовершенство человеческих суждений. М.: АСТ, 2021. 544 с.
- 4 Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований, 1. 2018а. Т. 22, № 2. С. 21–46.
- 5 Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований, 1. 2018б. Т. 23, № 3. С. 41–69.
- 6 Boldsen J.L., Milner G.R., Konigsberg L.W., Wood J.W. Transition analysis: A new method for estimating age from skeletons // Hoppa R.D., Vaupel J.W. Paleodemography: Age distributions from skeletal samples. Cambridge University Press, 2002. Pp. 73–106.
- 7 Bolster A.L., JeanLouis H.J., Gregoricka L.A., Ullinger J.M. Estimating adult age categories in commingled skeletons with Transition Analysis 3 // American Journal of Biological Anthropology. 2024. Vol. 183 (2). Pp. 1–12.
- 8 Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for data collection from human skeletal remains: proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Ar-kansas archaeological research series. 44. Indianapolis: Western Newspaper Company, 1994. 206 p.
- 9 Dumas M., Lefèvre P., Martrille L., Beauthier J.-P., Louryan S., Polet C. Method assessment and observer variation in age estimation: A comparative analysis of the Suchey-Brooks and the İscan methods on an archaeological medieval population // Journal of Archaeological Science: Reports. 2023. Vol. 52, 104234.
- 10 Dubourg O., Toutin R., Bascou A., Jousset N., Telmon N., Saint-Martin P., Savall F. Inter-observer agreement of the Suchey-Brooks method from a French computed tomography sample // La Revue de Médecine Légale. 2020. Vol. 11 (2). Pp. 74–80.
- 11 Fojas C.L., Kim J., Minsky-Rowland J.D., Algee-Hewitt B.F.B. Testing inter-observer reliability of the Transition Analysis aging method on the William M. Bass forensic skeletal collection // American Journal of Physical Anthropology. 2017. Vol. 165 (1). Pp. 183–193.
- 12 Kimmerle E.H., Prince D.A., Berg G.E. Inter-observer variation in methodologies involving the pubic symphysis, sternal ribs, and teeth // Journal of Forensic Sciences. 2008. Vol. 53 (3). Pp. 594–600.
- 13 Milner G.R., Boldsen J.L., Ousley S.D., Getz S.M., Weise S., Tarp P. TA3 Installation and Software User Guide: Version 0.16. 2020.
- 14 Shrout P.E., Fleiss J.L. Intraclass correlations: Uses in assessing rater reliability // Psychological Bulletin. 1979. Vol. 86 (2). Pp. 420–428.
- 15 Tornberg A. Beyond the age of 60+ Evidence of an elderly female from the Neolithic-Early Bronze Age using Transition Analysis 3 age estimation // Fornvännen: Journal of Swedish Antiquarian Research. 2022. Vol. 177(2). Pp. 134–139.
- 16 Vallat R. Pingouin: statistics in Python // Journal of Open Source Software. 2018. Vol. 3 (31). P. 1026.
- 17 Willems G., Moulin-Romsee C., Solheim T. Non-destructive dental-age calculation methods in adults: intra- and inter-observer effects // Forensic Science International. 2002. Vol. 126 (3). Pp. 221–226.
- 18 White T.D., Folkens P.A. The human bone manual. New York: Elsevier Academic Press, 2005. 488 p.

REFERENCES

- 1 Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Methods of anthropological research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 2 Alekseev, V. P. Debets, G. F. 1964. *Craniometry. Methods of anthropological research (Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Kahneman, D., Sibony, O., Sunstein, C. R. 2021. *Noise: A Flaw in Human Judgment (Shum. Nesovershenstvo chelovecheskikh suzhdeniy)*. Moscow: "AST" Publ. (in Russian).
- 4 Lazaretov, I. P., Polyakov, A. V. 2018a. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1, 22 (2), 21–46 (in Russian).
- 5 Lazaretov, I. P., Polyakov, A. V. 2018b. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1, 23 (3), 41–69 (in Russian).
- 6 Boldsen, J. L., Milner, G. R., Konigsberg, L. W., Wood, J. W. 2002. In: Hoppa, R. D., Vaupel, J. W. (eds.) *Paleodemography: Age distributions from skeletal samples*. Cambridge University Press, 73–106 (in English).
- 7 Bolster, A. L., JeanLouis, H. J., Gregoricka, L. A., Ullinger, J. M. 2024. In: *American Journal of Biological Anthropology*, 183 (2), 1–12 (in English).
- 8 Buikstra, J. E., Ubelaker, D. H. 1994. *Standards for data collection from human skeletal remains proceedings of a seminar at the Field Museum of Natural History, organized by Jonathan Haas. Arkansas archaeological research series. 44*. Indianapolis: Western Newspaper Company (in English).
- 9 Dumas, M., Lefèvre, P., Martrille, L., Beauthier, J.-P., Louryan, S., Polet, C. 2023. In: *JAS: Reports*, 52, 104234 (in English).
- 10 Dubourg, O., Toutin, R., Bascou, A., Jousset, N., Telmon, N., Saint-Martin, P., Savall, F. 2020. In: *La Revue de Médecine Légale*, 11 (2), 74–80 (in English).
- 11 Fojas, C. L., Kim, J., Minsky-Rowland, J. D., Algee-Hewitt, B. F. B. 2017. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 165 (1), 183–193 (in English).
- 12 Kimmerle, E. H., Prince, D. A., Berg, G. E. 2008. In: *Journal of Forensic Sciences*, 53 (3), 594–600 (in English).
- 13 Milner, G. R., Boldsen, J. L., Ousley, S. D., Getz, S. M., Weise, S., Tarp, P. 2020. *TA3 Installation and Software User Guide: Version 0.16* (in English).
- 14 Shrout, P. E., Fleiss, J. L. 1979. In: *Psychological Bulletin*, 86 (2), 420–428 (in English).
- 15 Tornberg, A. 2022. In: *Fornvännen: Journal of Swedish Antiquarian Research*, 177 (2), 134–139 (in English).
- 16 Vallat, R. 2018. In: *Journal of Open Source Software*, 3 (31), 1026 (in English).
- 17 Willems, G., Moulin-Romsee, C., Solheim, T. 2002. In: *Forensic Science International*, 126 (3), 221–226 (in English).
- 18 White, T. D., Folkens, P. A. 2005. *The human bone manual*. New York: Elsevier Academic Press (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 08.05.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 17.05.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 17.05.2024.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.252.269>

Лошади из раннетюркских погребений: по материалам памятника Самсы (Шу-Илейское междуречье)

© 2024 г. Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаев Р.К.

Keywords: archaeozoology, early
Turkic burials, horses, catacombs,
chamber in tomb

Түйін сөздер: археозоология, ерте
түркілік жерлеулер, жылқылар,
катакомба, ақымдап жерлеу

Ключевые слова: археозоология,
раннетюркские погребения,
лошади, катакомбы, подбой

Mambet Shagirbayev^{1*}, Ruslan Buranbayev¹ and Ruslan Sherbayev²

^{1*}Corresponding author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0001-8176-9329](https://orcid.org/0000-0001-8176-9329) E-mail: mambet_87@mail.ru

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-7065-0928](https://orcid.org/0000-0002-7065-0928) E-mail: b_ruslan@inbox.ru

²General Director, Scientific and Experimental Practical Archaeology “NEPA” LLP, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0009-0006-3262-1153](https://orcid.org/0009-0006-3262-1153) E-mail: sherbaev_75@mail.ru

Horses from Early Turkic burials: based on the materials of the Samsy site (Shu-Ile interfluve)

The purpose of the work is an archaeozoological study of the remains of six horses from four mounds of the Samsy site (9th-10th century). The scientific novelty lies in the first studies of the morphological indicators of horses from the Early Turkic sites of Kazakhstan. Laboratory studies were carried out on the basis of generally accepted methods: morphological, biometric and paleopathological analysis of skeletons and their individual elements. Cuts of molars were also made to determine the season of death of horses. As the result, data were obtained that animals of different ages from 3 to 16 years old were used in the funeral rite. Five of the six individuals were stallions, the sex of the sixth skeleton has not been determined. The horses were shorter than average and average height and belonged to a group of different types of fine-footed. Burials were carried out in spring and autumn. Horses of the Samsy site are close to horses from the medieval cities of South Kazakhstan and Zhetysu in terms of their absolute size. Bones of sheep and dogs have been studied in addition to horses. Their withers height and age are determined. According to similar burials with a horse in the Shu-Ile interfluve, it turned out that the bulk of individuals here are oriented with their heads to the northern sector, while horses are oriented in the opposite (southern) direction.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN BR21882346

For citation: Shagirbayev, M., Buranbayev, R., Sherbayev, R. 2024. Horses from Early Turkic burials: based on the materials of the Samsy site (Shu-Ile interfluve). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 252–269 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.252.269](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.252.269)

**Мәмбет Сапарбеқұлы Шағырбаев^{1*},
Руслан Нұрланұлы Буранбаев¹,
Руслан Құдайбергеноұлы Шербаев²**

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

**Мамбет Сапарбекович Шагирбаев^{1*},
Руслан Нурланович Буранбаев¹,
Руслан Кудайбергенович Шербаев²**

^{1*}автор-корреспондент, научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан

¹кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы

Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

² бас директор, «ҒЭПА» ғылыми-эксперименттік

практикалық археология» ЖШС,

Алматы қ., Қазақстан

Ерте түркілік жерлеулердегі жылқылар: Самсы ескерткішінің материалдары бойынша (Шу-Іле өзендері аралығы)

Жұмыстың мақсаты Самсы ескерткішіндегі төрт обадан (IX–X ғғ.) табылған алты жылқының қаңқаларын археозоологиялық зерттеу. Зерттеудің ғылыми жаңалығы – Қазақстанның көне түркілік ескерткішінен алынған жылқылардың морфологиялық көрсеткішінің алғашқы зерттелуі. Зертханалық зерттеулер қаңқалар мен оның жеке элементтерін морфологиялық, биометриялық және палеопатологиялық талдау секілді жалпы қалыптасқан әдістер бойынша жүзеге асырылды. Сондай-ақ жылқылардың өлген мезгілдерін анықтау мақсатында азу тістеріне кесу жұмыстары жүргізілді. Нәтижесінде жерлеу ғұрыптарында 3-тен 16 жасқа дейінгі жылқылар пайдаланылғаны анықталды. Алты жылқының бесеуі аталық жануар болса, соңғысының жынысын анықтау мүмкін болмады. Жануарлар орта және ортадан төмен бойлы, сирақ жіңішкелігі бойынша әртүрлі топтарға жатады. Көктемде және күзде жерленген. Самсы ескерткішінің жылқылары абсолюттік өлшемдері бойынша Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудың орта ғасырлық қалаларындағы жылқыларға жақын. Сонымен қатар қой және ит сүйектері зерттелді. Олардың жота бойынша бойларының биіктігі мен жас ерекшеліктері анықталды. Шу-Іле өзендері аралығындағы жылқымен бірге жерленген ұқсас жерлеулермен салыстырғанда олардың негізгі бөлігінде адам мәйітінің бастары солтүстікке, жылқылар қарама-қарсы (оңтүстік) бағытта қойылғаны анықталды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR21882346 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Шағирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаяев Р.К. Ерте түркілік жерлеулердегі жылқылар: Самсы ескерткішінің материалдары бойынша (Шу-Іле өзендері аралығы). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 252–269-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.252.269](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.252.269)

1 Введение (Шербаяев Р.К., Буранбаев Р.Н.)

В 2018-2019 гг. сотрудниками экспедиции ТОО «Научно-экспериментальная практическая археология «НЭПА» исследовался памятник, расположенный близ п. Самсы, в 80 км к западу от г. Алматы (Жамбылский р-н, Алматинская обл.)* (*Раскопки аварийные; проводились в связи с прокладкой международной автомобильной трассы «Западная Европа – Западный Китай»).

¹ младший научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Марғұлана, г. Алматы, Казахстан

² генеральный директор, ТОО «Научно-экспериментальная практическая археология «НЭПА», г. Алматы, Казахстан

Лошади из раннетюркских погребений: по материалам памятника Самсы (Шу-Илейское междуречье)

Целью работы является археозоологическое изучение останков шести лошадей из четырёх курганов памятника Самсы (IX–X в.). Научная новизна заключается в первых исследованиях морфологических показателей лошадей из древнетюркских памятников Казахстана. Лабораторные исследования проводились на основе общепринятых методик: морфологический, биометрический и палеопатологический анализ скелетов и их отдельных элементов. Также были сделаны спилы коренных зубов для определения сезона гибели лошадей. В результате были получены данные о том, что в погребальном обряде раннетюркского времени использовали животных разного возраста от 3-х до 16 лет. Пять из шести особей являлись жеребцами, по шестому скелету пол не определён. Лошади были ниже среднего и среднего роста и принадлежали к группе разных типов тонконогости. Захоронения проводились весной и осенью. По своим абсолютным размерам лошади памятника Самсы близки к лошадям из средневековых городов Южного Казахстана и Жетысу. Также исследованы кости овцы и собаки. Определены их высота в холке и возраст. По материалам аналогичных захоронений с конём в Шу-Илейском междуречье выяснилось, что основная часть индивидов здесь ориентирована головой в северный сектор, в то время как кони – в противоположную (южную) сторону.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025, ИРН проекта BR21882346

Для цитирования: Шағирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаяев Р.К. Лошади из раннетюркских погребений: по материалам памятника Самсы (Шу-Илейское междуречье). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 252–269.

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.252.269](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.252.269)

Памятник представляет собой могильник, состоящий из 24-х курганов. Курганы разновременные – от энеолита до Нового времени. Пять из них древнетюркские, в четырёх – найдены погребения с конем. Два погребения из них совершены в подбоях (курганы № 4, 17) и катакомбе (курганы № 1, 3) [Шербаев, Буранбаев 2021: 206–209].

Останки лошадей изучены в зооархеологической лаборатории Института археологии имени А.Х. Маргулана. Ранее материалы древнетюркских памятников Шу-Илейского междуречья подобным исследованиям не подвергались. Тюркские погребения с конём на этой территории были обнаружены в районе Капчагая [Акишев 1954; Кушаев 1956], с. Красный фронт в Чуйском районе Кыргызстана [Шер 1961], совхозе Алатау (юго-вост. окраина совр. г. Алматы) [Журманкулов 1980], ущелье Сулу-Коян [Самашев 1986], с. Жанатурмыс [Нурмуханбетов и др. 2012], Актерек [Айтқұл 2016; 2018; 2019], Бутакты [Горячев, Мотов 2018] и с. Алмалык [Tulegenov et al. 2021] (рис. 1)* (*Раскопки близ г. Капчагая проводились до создания водохранилища).

Цель данной работы – ввод в научный оборот результатов археозоологических исследований лошадей памятника Самсы.

2 Материал и методы

2.1 Методика исследований (Шагирбаев М.С.)

Костные остатки шести лошадей получены из четырёх курганов (№ 1, 3, 4, 17) памятника Самсы (рис. 2). В каждом кургане лошади положены целыми (№ 4 и 17) или отдельными частями (№ 1 и 3). В кургане № 4 вместе с целым скелетом были найдены останки ещё одной особи без

Рис. 1. Карта расположения тюркских погребений с конем в Шу-Иле. Исполнитель: Мамбет Шагирбаев 1-сур. Шу-Иледегі жылқымен бірге түркілік жерлеулердің орналасу картасы. Орындаған: Мәмбет Шағырбаев
Fig. 1. Map of the location of Turkic burials with a horse in Shu-Ile. Performer: Mambet Shagirbayev

череп. В кургане № 17 был выявлен целый скелет и череп без нижней челюсти с элементами посткраниального скелета второй лошади. По каждой особи составлено описание возрастных и половых признаков (при наличии сохранённого черепа и его элементов), морфологических особенностей костей скелета, патологических изменений и определён сезон гибели некоторых особей. Морфометрическое описание костей проводилось по общепринятой методике [Eisenmann et al. 1988]. Тип черепов был анализирован по методике В.И. Цалкина [Цалкин 1952: 148–152]. Возрастной состав животных определён по состоянию щечных зубов – смене молочных зубов на

Рис. 2. Костные останки лошадей памятника Самсы: 1 – к. 1; 2 – к. 3; 3 – к. 4; 4-5 – к. 17; 6 – к. 4
2-сур. Самсы ескерткішіндегі жылқының сүйек қаңқалары: 1 – № 1 оба; 2 – № 3 оба; 3 – № 4 оба;
4-5 – № 17 оба; 6 – № 4 оба

Fig. 2. Bone remains of horses from the Samsy monument: 1 – m. 1; 2 – m. 3; 3 – m. 4; 4-5 – m. 17; 6 – m. 4

постоянные [Silver 1969] и степени стёртости зубов – резцов [Корневен, Лесбр 1932], а также по состоянию эпифизов на костях [Silver 1969]. Реконструкция высоты в холке лошадей проводилась по методике В.О. Витта [Витт 1952], а массивность костей конечностей оценивалась – А.А. Браунера [Браунер 1916]. Пол определялся по наличию или отсутствию клыков. Определение сезона забоя было основано на изучении ростовых слоев в зубах (цементе и дентине) [Клевезаль 1988]. С помощью этой методики возможно определение возраста особей старше 1 года [Бачура, Косинцев 2021: 84]. Для сравнения морфологических особенностей лошадей использовались материалы по лошадям из средневековых городищ и торткулей Южного Казахстана и Жетысу: Кастек [Нуржанов, Шагирбаев 2021], Шенгельды [Савельева, Шагирбаев 2020], Талгар [Шагирбаев 2020], Тараз [Гайдученко 2013], Акыртас [Ақымбек, Шагирбаев 2021], Жаргул [Ақымбек және т. б. 2024], Шаруашылық [Шагирбаев, Буранбаев 2022], Шымкент [Шагирбаев и др. 2021].

2.2 Описание материала (Шербаев Р.К., Буранбаев Р.Н.)

Курган № 1 полусферической формы (диаметр – 15 м, высота – 0,7 м). Дромос кургана (2,9×1 м, глубина 2,8 м от вершины насыпи) вытянут по линии СЗ–ЮВ. Через 2,1 м могильная яма под углом 90° переходит к катакомбе. Катакомба (2,6×1,6×1 м) длинной стороной ориентирована по линии север–юг. Перекрытие обрушено грабительским лазом. В южной половине катакомбы расчищено скопление человеческих костей (трубчатые кости, рёбра, позвонки и нижняя челюсть), в противоположной северной стороне обнаружена верхняя часть черепа. В заполнении дромоса и катакомбы найдены фрагмент жернова, серебряное кольцо и три мелкие бронзовые заклепки [Шербаев, Буранбаев 2021: 206, 208].

Курган № 3 полусферической формы (диаметр – 10,8 м, высота – 0,5 м). Могильная яма (2,5×1,2×1,2 м) подпрямоугольной формы, ориентирована длинной стороной по линии ССЗ–ЮЮВ. На глубине 1 м в южной части могилы расчищено скопление человеческих костей. С западной стороны могильной ямы расположена катакомба, вытянутая длинной стороной по линии север–юг (2,3×1,3×1 м). В устье подбоя найдены бронзовые заклёпки и округлая бусина светло-голубого цвета. В северной части могилы обнаружено скопление человеческих костей (трубчатые кости, череп) [Шербаев, Буранбаев 2021: 209].

Курган № 4 уплощенно-полусферической формы (диаметр – 10 м, высота – 0,5 м). Могильная яма (2,1×1,1 м), ориентирована по линии СВ–ЮЗ, на глубине 2,1 м был обнаружен скелет лошади в анатомическом порядке, уложенный на правый бок головой на юго-запад. Под ним находился ещё один скелет лошади без головы. Вдоль северо-западной стороны могила углубляется (2,6 м) и переходит в подбой, где было совершено захоронение человека головой на северо-восток. Некоторые кости отсутствуют или перемещены. Сильно потревожен череп, нижняя челюсть найдена выше черепа. Погребальный инвентарь состоял из железного стремени, фрагментов плохо сохранившихся железных удил, десяти железных бронебойных и трёхлопастных наконечников стрел и железного ножа с черешком.

Курган № 17 уплощённо-полусферической формы (диаметр – 9,1 м, высота – 0,3 м). На глубине 1,8 м с южной стороны могилы на невысокой ступени (2,2×1,9×0,1 м) перед подбоем обнаружен скелет лошади, уложенной на животе с подогнутыми ногами; передняя часть туловища ориентирована на юго-восток. Голова круто повернута вправо – на северо-запад и упирается мордой вниз. Справа от нее находится голова второй лошади, лицевой частью на северо-запад. Подбой (2×1,9 м, глубина 1,6 м) ориентирован по линии СВ–ЮЗ. В нём находилось потревоженное погребение человека ростом около 1,8 м. Ориентировку погребённого установить не удалось. Среди сопровождающего инвентаря – шесть железных бронебойных наконечников стрел, железная бляшка и лезвие ножа.

3 Результаты (Шагирбаев М.С.)

3.1 Результаты радиоуглеродного анализа

Результаты анализа C14 костей лошади и собаки с катакомбы кургана № 1 показали, что погребение датируется концом IX–X в. (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты радиоуглеродного анализа
(Компания научных услуг «БАРНАС», Вильнюс радиоуглерод)

1-кесте – Радиокөміртекті талдаудың нәтижесі («БАРНАС» ғылыми қызмет көрсету компаниясы, Вильнюс радиоуглерод)

Table 1 – Results of radiocarbon analysis (UAB “BARNAS”, Vilnius Radiocarbon)

Название памятника	Шифр лаборатории	¹⁴ C-дата л.н.	Калиброванные значения, гг. до н.э.		pMC*
			1σ (68.3%)	2σ (95.4%)	
Самсы, курган № 1 (лошадь)	FTMC-QW89-49	1128±28	890–975 Cal AD	774–994 Cal AD	86.9±0.3
Самсы, курган № 1 (собака)	FTMC-SF12-38	1156±32	776–972 CalAD	773–986 CalAD	86.6±0.34

Примечание: *pMC (percentagemoderncarbon) – текущий процент углерода

3.2 Результаты морфологического и биометрического анализа

Половозрастной состав, рост и тонконогость. Половой диморфизм выявлен у пяти лошадей из курганов № 1, 4 (лошадь 1, 2) и 17 (лошадь 1, 2), которые отнесены к жеребцам. Были определены два неполовозрелых (№ 4) и четыре половозрелых (№ 1, 3, 17) (табл. 2).

Таблица 2 – Половозрастной состав и высота в холке лошадей из могильника Самсы
2-кесте – Самсы қорымындағы жылқылардың жас-жыныстық құрамы және жота бойынша бойларының биіктігі

Table 2 – Sex and age composition and height at the withers of horses from the Samsy burial ground

Особь	Пол	Возраст	Высота в холке	
Курган № 1, катакомба	Самец	14-15 лет	144–136	
Курган № 3, катакомба	?	8–10 лет	136–128	
Курган № 4, подбой	Лошадь 1	Самец	4-4,5 лет	136–128
	Лошадь 2	Самец	3-4 года	136–128
Курган № 17, подбой	Лошадь 1	Самец	14–16 лет	144–136
	Лошадь 2	Самец	6–8 лет	–

Высота в холке оценена по разным костям (плечевая, лучевая, берцовая, пястная и плюсневая) скелета. Берцовая кость лошади 1 из кургана № 17 показывает низкие показатели по отношению к росту. По показателям роста особи из памятника Самсы, идентичны лошадям из средневековых городищ Кастек, Акыртас, Жанкент, Тараз и Шымкент (табл. 3). По признаку тонконогости лошади неоднородны (табл. 4).

Таблица 3 – Соотношение лошадей по высоте в холке из памятников южных регионов Казахстана
3-кесте – Қазақстанның оңтүстік өңірлеріндегі ескерткіштерден табылған жылқылардың жота бойынша биіктігінің қатынасы
Table 3 – The ratio of the size groups of horses in height at the withers from the monuments of the southern regions of Kazakhstan

Памятники	Всего, экз.	Хронология, вв.	Мелкие 120–128 см	Ниже среднего 128–136 см	Средние 136–144 см	Выше среднего 144–152 см
Самсы	5	VIII–X	–	3	2	–
Кастек	1	VII–XIII	–	–	1	–
Ақыртас	1	X–XII	–	–	1	–
Жанкент	8	IX–XII	–	2	5	1
Тараз	10	XI–XII	1	4	3	2
Шымкент	14	XVI–XIX	5	2	7	1

Таблица 4 – Масивность пястных костей (MetacarpaleIII) лошадей из могильника Самсы
4-кесте – Самсы қорымындағы жылқылардың алдыңғы сирағының (Metacarpale III) салмақтылығы
Table 4 – The massiveness of the metacarpal (MetacarpaleIII) bones of horses from the Samsy burial ground

Особи	Сторона тела	1 (мм)	2 (м)	2:1 (%)	Тип
Курган № 1	<i>dex</i>	231.5	36.5	15.7	Средненогоя
Курган № 4, лошадь 2	<i>sin</i>	216.5	33.1	15.3	Полутонконогая
	<i>dex</i>	212	33	15.5	Средненогоя
Курган № 17, лошадь 1	<i>sin</i>	223	31.5	14.1	Тонконогая
	<i>dex</i>	222.9	31.5	14.1	Тонконогая

Анализ черепов. В результате морфометрического анализа были получены индексы и пропорции черепов (табл. 5). Лошадь 1 из кургана № 17 отнесена к группе среднелобых. Вторая лошадь из кургана № 17 по основным двум измерениям (индекс ширины лба и ширина морды) – широколобая. Лошадь 1 из кургана № 3 по трём измерениям – узколобая (рис. 3). Размеры, средние значения и пределы изменчивости половозрелых костей лошадей имеют некоторые различия (табл. 6).

Таблица 5 – Пропорции ширины некоторых отделов черепа
5-кесте – Бас сүйек бөліктерінің кейбір өлшемдерінің пропорциясы
Table 5 – Proportions of the width of some parts of the skull

1. Индекс ширины лба базиллярной длины				
Особи	3*	41	41/3	Тип
К. № 17, особь 1	459	203	44,2	Среднелобый
К. № 17, особь 2	371	176	47.4	Широколобый
К. № 3, особь 1	468	185.6	39.6	Узколобый
2. Ширина мозговой коробки				
Особи	3	38	38/3	Тип
К. № 17, особь 2	371	90.5	24.4	Среднелобый
К. № 3, особь 1	468	105.5	22.5	Узколобый
3. Верхнечелюстная ширина				

Окончание таблицы 5
5-кестенің соңы
End of table 5

Особь	3	43	43/3	Тип
К. № 17, особь 1	459	177	38.6	Узколобий
К. № 17, особь 2	371	147	39.6	Узколобий
4. Ширина межглазничная				
Особь	3	42	42/3	Тип
К. № 17, особь 1	459	138.2	30.1	Среднеобый
К. № 17, особь 2	371	111.4	30.0	Среднеобый
К. №3, особь 1	468	126.5	27.0	Узколобий
5. Ширина морды между первыми настоящими коренными зубами				
Особь	3	48	48/3	Тип
К. № 17, особь 1	459	117	25.5	Среднеобый
К. № 17, особь 2	371	105	28.3	Широкообый

Примечание: цифры соответствует с номерами измерений черепа лошади в труде А. Дриш [Driesch 1976: 22, fig. 5c]

Таблица 6– Абсолютные размеры костей конечностей лошадей Самсы, мм
6-кесте – Самсы жылқыларының тірек-қимыл сүйектерінің абсолютті өлшемдері, мм
Table 6 – The absolute size of the bones of the limbs of Samsy horses, mm

Признак	N	M±m	Min-Max	Σ
Лопатка				
Ширина сустава с бугром (GLP)	3	68.1±7.1	61–82.5	12.41
Ширина сустава (SLC)	3	50.6±2.9	45.2–55.2	5.09
Длина сустава (BG)	3	45.5±1.6	43–48.5	2.78
Плечевая кость				
Ширина дистального блока (BT)	2	64.8	64.2–65.5	–
Ширина дистального конца (Bd)	2	71.5	67.5–75.5	–
Длина (GL)	1	–	285	–
Лучевая кость				
Ширина верхнего конца (Bp)	2	–	77.1–77.2	–
Ширина верхнего сустава (BFp)	2	–	70.5–71.5	–
Ширина диафиза (SD)	2	–	37.0–38.9	–
Ширина нижнего конца (Bd)	2	–	74.0–74.6	–
Ширина нижнего сустава (BFd)	2	–	60.3–60.5	–
Длина (GL)	2	–	304–305	–
Тазовая кость				
Ширина сустава (LA)	4	58.4±1.2	56–61	2.51
Ширина запертого отверстия (LFo)	4	65±6	45–75	12.14
Бедренная кость				
Ширина диафиза (SD)	2	41,3	39.5–43.2	–
Ширина дистального конца (Bd)	5	92.9±0.9	89.6–95.0	2.19
Длина (GL)	1	–	402	–
Большеберцовая кость				
Ширина верхнего конца (Bp)	4	95.5±1.5	92.6–98.5	3.15
Ширина диафиза (SD)	5	40.7±0.5	39.5–42.1	1.25
Ширина нижнего конца (Bd)	5	74.2±1.5	71.5–78.4	3.56

Окончание таблицы 6
6-кестенің соңы
End of table 6

Поперечник дистального конца (Dd)	3	44.8±0.4	44,1–45,5	0.70
Длина (GL)	4	343.7±8.5	327,0–359,5	17.12
Пястная кость				
Длина (GL)	5	221.1±3.3	212–231.5	7.39
Ширина диафиза (SD)	5	33.1±0.9	31.5–36.5	2.0
Ширина проксимального конца (Bp)	5	49.9±0.6	47.5–51.2	1.4
Ширина дистального конца (Bd)	5	49.1±0.1	48.6–49.5	0.43
Плюсневая кость				
1 Длина (GL)	3	260.7±6,6	253.8–274	11.4
2 Ширина диафиза (SD)	3	31.7±0,3	31.1–32.1	0.5
Ширина проксимального конца (Bp)	3	45.2±1,6	42.5–48.1	2.8
Ширина дистального конца (Bd)	2	–	48.3–49.0	–
2:1	3	12.1		

Рис. 3. Черепа лошадей: 1-2 – к. 17; 3 – к. 3. 1–3 – вид с боку* (*обратите внимание на различия в форме профиля лобно-носового отдела черепа); 1.1–3.1 – вид сверху. Выполнил: Каиржан Искаков
3-сур. Жылқылардың бас сүйектері: 1-2 – №17 оба; 3 – №3 оба. 1–3 – жанынан қарағандағы көрініс* (*бас сүйектердің маңдай-мұрын пішініндегі айырмашылықтарға назар аударыңыз); 1.1–3.1 – үстінен қарағандағы көрініс. Орындаған: Каиржан Искаков

Fig. 3. Horse skulls: 1-2 – m. 17; 3 – m. 3. 1–3 – side view* (*pay attention to the differences in the shape of the profile of the frontal-nasal part of the skull); 1.1–3.1 – view from the top. Performer: Kairzhan Iskakov

3.3 Патологические изменения на костях и сезон гибели животных

Костные наросты/экзостозы были обнаружены на костях опорно-двигательной системы четырёх лошадей. У лошадей из кургана № 1 на вершинах остистых отростков 3-5-х поясничных позвонков и по периметру суставов краниальных и каудальных эпифизов зафиксированы костные гребешки. Костные экзостозы имеются на поверхности линии трехглавой мышцы плечевой кости и по бокам диафиза первой задней левой фаланги. Выраженные костные экзостозы имеются по бокам диафизов правой и левой передних фаланг и второй левой задней фаланги. У лошади из

кургана № 3 на правой второй фаланге проксимального конца заметно расширение сустава. У лошади 1 из кургана № 17 на обоих ветвях (верхняя челюсть) первых коренных зубов (M1) есть следы кариеса и гипоплазии. На каудальной поверхности дистальных концов лучевой и берцовой костей видны околосуставные наросты. У лошади из кургана № 3 на проксимальном конце имеется расширение суставной поверхности. На таком же элементе скелета лошади из кургана № 17 в центре сагиттального желобка имеются паутиновидные трещины. У нижней челюсти собаки из кургана № 1 зафиксировано прижизненная потеря первого и второго премоляра без свидетельств воспалительного процесса. Также были обнаружены остеонекрозы, невоспалительные изменения надкостницы костей из осевых и посткраниальных элементов лошадей (рис. 4.).

В результате изучения зимних ростовых слоёв цемента и дентина коренных зубов и клыков, определены сезоны гибели трёх лошадей и собаки. Лошадь и собака из кургана № 1 умерщвлены в середине весны, а обе лошади из кургана № 17 – в конце лета – начале осени (табл. 7).

*Таблица 7 – Результаты определения сезона гибели животных из памятника Самсы
7-кесте – Самсы ескерткішіндегі жануарлардың өлген мезгілдерін анықтау нәтижелері
Table 7 – The results of determining the season of death of animals from the Samsy monument*

Сезон	Возрастные группы, лет			Всего	
	3-4	5-6	14-16	Абс.	%
Лошадь 1 (курган № 17)					
Осень	–	1	1	2	100
Лошадь 2 (курган № 17)					
Весна	–	–	1	1	50
Собака (курган № 1)					
Весна	1	–	–	1	50

3.4 Описание костей других видов (собака и овца)

Собака – *Canis familiaris*. В кургане № 1 выявлены элементы скелета (правая нижняя челюсть, атлант и правая плечевая кость), принадлежащие собаке. На альвеолярном ряду нижней челюсти зафиксирована прижизненная потеря премоляров (p1-p2), их лунки заросли костной тканью. По краям альвеолы имеется оголённость канальцев. Задняя часть m1 сильно стерлась. Высота в холке собаки (по длине плечевой кости) – 55 см, возраст – старше четырёх лет.

Овца – *Ovis aries*. В кургане № 4 были использованы элементы посткраниального скелета (лопатка, лучевая, тазовая, берцовая кости пять рёбер с левой стороны скелета, пястная кость и три ребра с правой стороны) одной особи. На проксимальном конце пястной кости имеется экзостоз. По длине (GL) пястной кости (142.3 мм) определена высота в холке – 69-70 см. Возраст животного не менее 3–3,5 лет.

4 Обсуждение (Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н.)

Так как ранее археозоологические исследования лошадей из древнетюркских погребений Шу-Илейского междуречья не проводились, сравнительный анализ морфологических особенностей лошадей из памятника Самсы осуществлён с останками лошадей, найденных на средневековых городищах Южного Казахстана и Жетысу. Высота в холке лошадей из памятника Самсы была ниже, чем у особей на средневековых городищах в долинах рек Иле, Шу, Талас и Сырдарья. Например, лошади из городищ Кастек, Акыртас, Шымкент и Жанкент имеют средний рост 136–144 см

Рис. 4. Патологические изменения скелетных элементов лошади и собаки: 1 – расширения суставной поверхности первой фаланги лошади из кургана № 3; 2 – проксимальный сустав первой фаланги лошади из кургана № 17. В центре сагиттального желобка имеется паутинообразные трещины (переломы?); 3 – костные экзостозы на дорсальной поверхности второй (задняя/левая) фаланги лошади из кургана № 1; 4 – остеонекроз на дорсальной бугорке атланта лошади из кургана № 1; 5–7 – боковые остеофиты у первых фаланг лошадей из кургана № 1; 8–9 – невоспалительные изменения надкостницы (периостоз) под латеральной мышелки большеберцовых костей лошадей из курганов № 1 и № 17; 10 – поражение на поверхности гребня дистального блока большеберцовой кости лошади из кургана № 1; 11 – остеонекроз и эрозирование периартикулярной ткани (энтезит) лучевой кости лошади из кургана № 17; 12–13 – поражение костной ткани пальмарной поверхности пястных костей лошади из кургана № 3; 14.1 – прижизненная потеря первого и второго премоляра без свидетельств воспалительного процесса на нижней челюсти собаки из кургана № 1; 14.2 – нижняя челюсть собаки, вид сверху

[Шагирбаев и др. 2021: 127; Ақымбек, Шагирбаев 2021: 85; Гайдученко 2014: 167; Нуржанов, Шагирбаев 2021: 188].

Патоморфологические изменения костей лошади могли сформироваться при увеличении веса животного или использовании его для верховой езды. Костные наросты, образовавшиеся на боку диафиза первой фаланги Берельских лошадей, К. Кашкинбаев объясняет следующим образом: «... Такие патоморфологические изменения, вероятно, вызваны ношением пут лошадей, которых повседневно эксплуатировали для верховой езды» [Кашкинбаев 2013: 158, рис. 148]. Изменения на пальмарной поверхности передних пястных костей лошади, обнаруженные в кургане № 3, косвенно подтверждают возможность того, что патология могла возникнуть из-за нагрузки на переднюю опорную двигательную систему. Однако отметим, что данное мнение является предварительным. Причина выпадения премоляров на нижней челюсти собаки неизвестна. Однако животное проживало некоторое время даже после их выпадения.

Вероятно, лошадей забивали способом обескровливания, т. е. перерезали горло. В кургане № 1 некрополя Актерек возле шейного позвонка лошади был обнаружен железный нож [Айтқұл 2016: 139]. Можно предположить, что это было орудие для перерезания горла лошади. Этот способ отличается от механизма забоя лошадей в раннем железном веке, известном по краниологическим материалам могильника Берел, где животных забивали ударом в лобную или теменную часть черепа [Кашкинбаев 2013: 54-55; Косинцев, Самашев 2014: 70, 74].

В кургане № 17 скелет лошади уложен с подогнутыми под брюхо ногами, головой обращён вправо. По мнению С.П. Нестерова, положение лошади в могиле на брюхе с подогнутыми ногами с повёрнутой к человеку головой – отвечало требованиям движения в сторону загробного мира у тюркоязычных племён Центральной Азии. Возможно, исходя из роли коня, его ориентировка головой в ту или иную сторону света указывает маршрут движения, который соответствовал представлениям

4-сур. Жылқы және иттің қаңқа элементтеріндегі патологиялық өзгерістер: 1 – № 3 обадағы жылқының бірінші фалангасының буын бетінің кеңеюі; 2 – № 17 обадағы жылқының бірінші фалангасының проксимальды буыны. Сагиттальды науа ортасында өрмек тәріздес (сыну?) белгі бар; 3 – № 1 обадағы жылқының екінші (артқы/сол аяқ) фалангасының дорсальды бетіндегі сүйек экзостоздары; 4 – № 1 обадағы жылқының ауыз омыртқасындағы дорсальды төмпегіндегі остеонекроз; 5–7 – № 1 обадағы жылқының бірінші фалангасындағы қапталдық остеофиттер; 8-9 – № 1 және 17 обалардағы жылқылардың асықты жіліктерінің латеральды айдаршықтарының астындағы сүйекқаптардың қабынбайтын өзгерістері (периостоз); 10 – № 1 обадағы жылқының асықты жілігінің дистальды блок жотасының бетіндегі зақымдану; 11 – № 17 обадағы жылқының кәрі жілігіндегі остеонекроз және периартикулярлы тіннің эрозиясы (энтезит); 12-13 – № 3 обадағы жылқының алдыңғы сирақтарының пальмарлы бетіндегі сүйек тіндерінің зақымдануы; 14.1 – № 1 обадағы иттің төменгі жақ сүйегіндегі қабыну белгісі жоқ бірінші және екінші премоляр тістерінің тірі кезінде түсуі; 14.2 – осы төменгі жақ сүйек, үстінен қарағандағы көрініс

Fig. 4. Pathological changes in the skeletal elements of a horse and a dog: 1 – extensions of the articular surface of the first phalanx of a horse from mound no. 3; 2 – the proximal joint of the first phalanx of a horse from mound no. 17. In the center of the sagittal groove there are spider-like cracks (fractures?); 3 – bone exostoses on the dorsal surface of the second (posterior/left) phalanx of the horse from mound no. 1; 4 – osteonecrosis on the dorsal tubercle of the horse's cranial vertebra from mound no. 1; 5–7 – lateral osteophytes in the first phalanges of horses from mound no. 1; 8-9 – non-inflammatory changes in the periosteum (periostosis) under the lateral condyle of the tibia of horses from mounds no. 1 and no. 17; 10 – lesion on the crest surface of the distal block of the tibia of a horse from mound no. 1; 11 – osteonecrosis and erosion of periarticular tissue (enthesitis) of the radius of a horse from mound no. 17; 12-13 – bone lesion tissues of the palmar surface of the metacarpal bones of a horse from mound no. 11; 14.1 – lifetime loss of the first and second premolar without evidence of an inflammatory process on the lower jaw of a dog from mound no. 1; 14.2 – the same lower jaw, view from the top

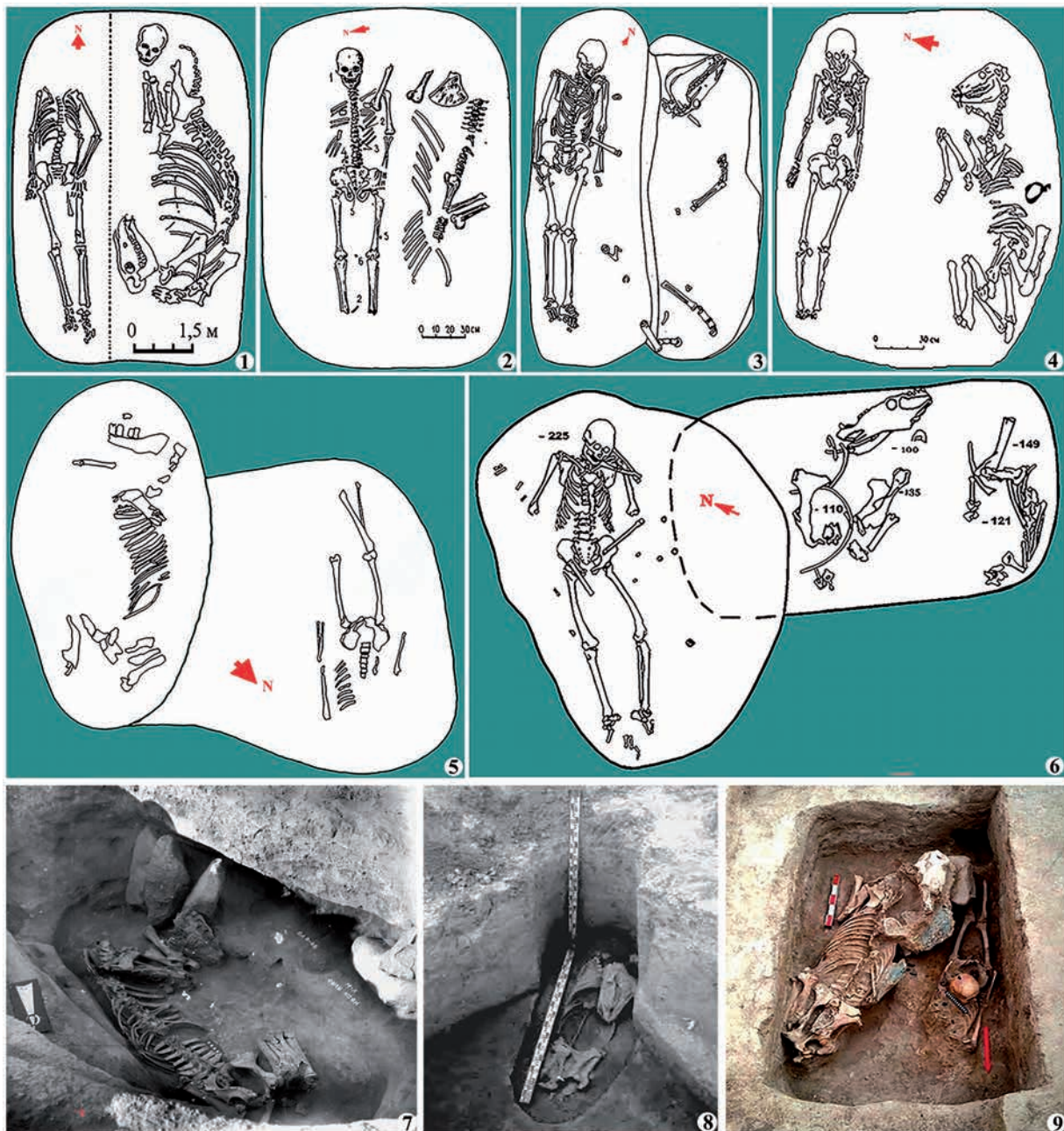

Рис. 5. Положение человека и лошадей в тюркских погребениях Шу-Иле: 1 – Актерек, к. 1; 2 – с/з Алатау; 3 – Бұтақты-І, п. 17; 4 – Алмалық; 5 – Самсы, к. 17; 6 – Бұтақты-І, п. 3; 7 – Сұлу-Қоян; 8 – Жаңатұрмыс; 9 – Актерек, к. 6. 1 – по: [Айтқұл 2016: 138, рис. 1]; 2 – по: [Курманқұлов 1980: 191, рис. 1]; 3 – по: [Горячев, Мотов 2018: 97, рис. 110]; 4 – по: [Түлегенов и др. 2021: 125, рис. 2]; 6 – по: [Горячев, Мотов 2018: 94, рис. 103]; 7 – по: [Самашев 1986: 16, рис. 8];

8 – по: [Нурмуханбетов и др. 2011: 222, рис. 1-2]; 9 – по: [Айтқұл 2018: 140, рис. 2]

5-сур. Шу-Іле өңіріндегі түркілік жерлеулердегі адам мен жылқының қойылуы: 1 – Ақтерек, 1-оба; 2 – Алатау совхозы; 3 – Бұтақты-І, 17-ж.о.; 4 – Алмалық; 5 – Самсы, 17-оба; 6 – Бұтақты-І, 3-ж.о.; 7 – Сұлу-қоян; 8 – Жаңатұрмыс; 9 – Ақтерек, 6-оба. 1 – [Айтқұл 2016: 138, 1-сур.] бойынша;

людей о дороге в мир мёртвых. При этом учитывались топографические особенности местности [Нестеров 1990: 72].

В кургане № 4 две лошади уложены друг на друга на правый бок головой на юго-запад, индивид, как и в кургане № 17, захоронен головой на северо-восток. В ограде 58 (близ г. Капчагай) человек ориентирован головой на север, в восточной половине могилы находился конь [Кушаев 1956: 216, табл. 3, рис. 7]. В мог. Актерек человек ориентирован головой на север, конь с восточной стороны на юг головой к погребённому [Айтқұл 2016: 138-139, сызба 1, 2]. В мог. Жанатурмыс лошадь перед подбоем уложена на живот с подогнутыми ногами головой на запад, голова развернута в противоположную сторону на юг. Погребённый лежал, вероятно, с южной стороны головой на северо-северо-запад [Нурмуханбетов и др. 2011: 222, рис. 1-2]. Ориентировка погребённых людей головой в северный сектор, в то время как лошади в противоположную сторону зафиксирована в мог. Сулу-Коян [Самашев 1986: 4-5, 16] и Бутакты [Горячев, Мотов 2018: 94, 97, 101]. Отличается от них ориентировка в совхозе Алатау (юго-вост. окраина совр. г. Алматы) [Курманкулов 1980: 191, рис. 1]. Аналогичная ситуация в мог. Алмалык, где погребённый и лошадь положены головой в восточную сторону. Лошадь лежит на правом боку в южной части могилы, а кости погребенного находились в северной части [Tulegenov et al. 2021: 125, рис. 2] (рис. 5).

На других памятниках древнетюркской эпохи междуречья Шу-Иле известны костные остатки овец и собак. Элементы скелета овцы были обнаружены в каменной оградке № 56 в мог. Капчагай [Кушаев 1956: 215]. Собаки известны по материалам могильника Беш-Таш-Короо II на территории Кыргызстана [Табалдиев 1996: 18-19]. Захоронения с собаками в Жетысу известны ещё с эпохи бронзы [Карабаспакова 2011: 74] и раннего железа [Абетеков 1978: 61; Нуржанов и др. 2020: 73]. Радиоуглеродный анализ костей собаки из мог. Самсы подтверждает, что она была погребена одновременно с лошадью.

Результаты анализа C14 костей и лошади и собаки из катакомбы кургана № 1 показали, что погребение датируется концом IX–X вв. В это время функционировал Карлукский каганат, который включал в себя различные тюркские племена. Письменных источников и археологических данных недостаточно на сегодняшний день, чтобы дать более точную информацию о племенах, оставивших захоронения с конями в Шу-Илейском междуречье.

Лошади играли важную роль в жизни древних тюрков. Выделяются три основных направления коневодства. Первое заключалось в получении мяса и молока, что подтверждается археологическими находками костей лошадей на поселениях и погребениях. Второе направление – транспортное, включающее разведение и подготовку лошадей для верховой езды (в хозяйственных и военных целях) и запряжки. Третье состояло в широкой торговле лошадьми, особенно с китайцами. Таким образом, большое значение роли коневодства сформировало особое отношение кочевников к лошадям вообще и к своим верховым коням в частности, что не могло не отразиться на их духовной жизни [Нестеров 1990: 50-51].

- 2 – [Курманкулов 1980: 191, 1-сур.] бойынша; 3 – [Горячев, Мотов 2018: 97, 110-сур.] бойынша;
4 – [Тulegenov и др. 2021: 125, 2-сур.] бойынша; 6 – [Горячев, Мотов 2018: 94, 103-сур.] бойынша;
7 – [Самашев 1986: 16, 8-сур.] бойынша; 8 – [Нурмуханбетов и др. 2011: 222, 1-2 сур.] бойынша;
9 – [Айтқұл 2018: 140, 2-сур.] бойынша

Fig. 5. The position of a man and horses in the Turkic burials of Shu-Ile: 1 – Akterek, m. 1; 2 – Alatau (state farm);
3 – Butakty-I, b. 17; 4 – Almalyk; 5 – Samsy, m. 17; 6 – Butakty-I, b. 3; 7 – Sulu-Koyan; 8 – Zhanaturmys;
9 – Akterek, m. 6. 1 – after – Aitkul 2016: 138, fig. 1; 2 – after – Kurmankulov 1980: 191, fig. 1;
3 – after – Goryachev, Motov 2018: 97, fig. 110; 4 – after – Tulegenov et al. 2021: 125, fig. 2; 6 – after – Goryachev,
Motov 2018: 94, fig. 103; 7 – after – Samashev 1986: 16, fig. 8; 8 – after – Nurmukhanbetov et al. 2011: 222,
fig. 1-2; 9 – after – Aitkul 2018: 140, fig. 2

5 Заключение (Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаев Р.К.)

На памятнике Самсы в четырех курганах вместе с погребениями людей захоронены лошади. Согласно результатам анализа С14, погребения в катакомбах совершены в IX в. Результаты археозоологических исследований шести особей показали, что для погребального ритуала использовали как молодых, так и взрослых животных. Пять из шести особей являлись жеребцами, по шестому скелету пол не определен. Четыре лошади являлись половозрелыми в возрасте от 6 до 16-ти лет. Возраст неполовозрелых особей соответствует значениям от трёх до четырёх с половиной лет. Лошади были ниже среднего и среднего роста, принадлежали к группе разных типов тонконогости. По результатам изучения зимних ростовых слоёв в цементе и дентине зубов было установлено, что захоронения проводились весной и осенью. По своим абсолютным размерам лошади памятника Самсы близки лошадям из Южного Казахстана и Жетысу. Помимо лошадей в погребениях исследованы кости овцы и собаки. Высота в холке собаки – 55 см, возраст – старше четырёх лет. Высота в холке овцы – 69-70 см, возраст не менее 3-3.5 лет. Результатами радиоуглеродного анализа памятник датируется концом IX–X в. В Шу-Илейском междуречье в погребениях с конем основная часть индивидов ориентирована головой в северный сектор, в то время как кони – в противоположную (южную) сторону. Лошади играли большую роль в жизни древних тюрков, что нашло отражение в их погребальных обрядах. Полученная информация может быть применена для сравнительного анализа в последующих археозоологических исследованиях морфологии лошадей на раннетюркских памятниках Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Абетеков А.К.* О погребении собак в усуньском кургане в Чуйской долине // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 59–65.
- 2 *Айтқұл Х.А.* ҚР Мемлекеттік орталық музейінің 2014 жылы Алматы облысы Жамбыл ауданына қарасты Ақтерек ауылдық округінде орналасқан археологиялық ескерткіштерге жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері // «Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты «VIII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары (Алматы қ., 1–2 сәуір, 2016 ж.) / Жауапты ред. А.Б. Қалыш. Алматы: Қазақ университеті, 2016. 137-146-бб.
- 3 *Айтқұл Х.А.* Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің 2018 жылы Ақтерек қорымында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелері // «Ұлы Даланың жеті қыры және Еуразия археологиясы мен этнологиясының өзекті мәселелері» атты «XI Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары (Алматы қ., 26-27 сәуір 2019 ж.) / Жауапты ред. Ә.Т. Төлеубаев. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 181–192-бб.
- 4 *Айтқұл Х.А., Мякишева О.А., Торезжанова Н.Ж., Рахметова А., Айдарханова Е.Е.* Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің 2017 ж. Ақтерек қорымында жүргізілген далалық қазба жұмыстарының нәтижелері // «Қазақстан мен іргелес елдердің тарихи-мәдени мұрасын зерттеудегі заманауи әдістер мен тұрғылар» атты «IX Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары (Алматы қ., 11-12 мамыр, 2018 ж.) / Жауапты ред. Ф.Қ. Омаров. Алматы: Қазақ университеті, 2018. 137–142-бб.
- 5 *Акишев К.А.* Отчёт о работе Илийской археологической экспедиции, 1954 г. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1956. Т. I. С. 5-31.
- 6 *Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С., Нұрғали Н.Б.* Ортағасырлық Жаргүл төрткүлдерінің керамикалық және остеологиялық материалдарын талдау нәтижелері: палеоэкономикалық аспект (Оңтүстік Қазақстан) // Қазақстан археологиясы. 2024. № 1 (23). 256–287-бб.
- 7 *Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С.* Ортағасырлық Ақыртас төрткүлінің остеологиялық материалдары // Қазақстан археологиясы. 2021. № 1 (11). 72–100-бб.
- 8 *Бачура О.П., Косинцев П.А.* Сезонная структура забоя домашних копытных на поселении позднего бронзового века Таналык (Южный Урал) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 83–92.

- 9 Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. 1916. Т. 86, кн. 1. С. 16–27.
- 10 Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. № 16. С. 163–206.
- 11 Гайдученко Л.Л. Исследования остеологического материала // Отчет о научно-исследовательской работе по проведению раскопок «Древнего городища Тараз». Договор AR-13/44. Т. 1 (ч. 2). Алматы; Тараз: ТОО «Археологическая экспертиза», 2013. С. 120–202.
- 12 Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутақты-І. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.
- 13 Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 220 с.
- 14 Кашкинбаев К. Берелские лошади. Палеопатологический аспект исследования. Астана: Издательская группа филиала института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 378 с.
- 15 Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.
- 16 Корневен Ш., Лесбр Ф.-К. Распознавание возраста по зубам и другим производным эпителия. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы, 1932. 258 с.
- 17 Косинцев П.А., Самашев З. Берельские лошади. Морфологическое исследование. Астана: Издательская группа филиала института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 368 с.
- 18 Курманкулов Ж.К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 191–197.
- 19 Кушаев Г.А. Два типа курганных погребений правобережья реки Или (по материалам Илийской экспедиции 1954 года) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1956. Т. I. Археология. С. 207–220.
- 20 Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
- 21 Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Новые данные о культуре саков Жетысу: краткие результаты полевых исследований 2020 г. на территории г. Алматы // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 4 (10). С. 70–95.
- 22 Нуржанов А.А., Шагирбаев М.С. Археозоологические исследования костных остатков из средневекового городища Кастек (по материалам раскопок 2020 г.) // «Орталық Азияның ежелгі және дәстүрлі қоғамдарының тарихи-мәдени мұрасы: жаңа ашылымдар мен пәнаралық зерттеулер» атты «ХІІІ Оразбаев окулары» халықарлық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары / Жауапты ред. Жұматаев Р.С. (Алматы қ., 20–21 май, 2021 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2021. 185–193–66.
- 23 Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж., Рахметов А. Аварийно-спасательная деятельность заповедника-музея Иссык (итоги сезона 2011 г.) // Маргулановские чтения–2012: материалы ежегодной научно-практической конференции / Отв. ред. Зайберт В.Ф. Астана: Издательская группа филиала института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. С. 220–225.
- 24 Савельева Т.В., Шагирбаев М.С. Остеологические материалы из караван-сарая Шенгельды // Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Исторические и социально-политические науки». 2020. № 1 (64). С. 390–400.
- 25 Самашев З. Отчет о работе отряда Семиреченской археологической экспедиции в 1986 г. на могильнике Сулу Коян // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Д. 2110.
- 26 Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. Бишкек: «Айбек», 1996. 254 с.
- 27 Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. № 24. / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: АН СССР, 1952. С. 147–156.
- 28 Шагирбаев М.С. Остеологические материалы средневекового городища Талгар // Культурное наследие (Мәдени мұра). 2020. № 4. С. 115–128.
- 29 Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н. Видовой состав костных остатков животных из средневековых городищ Аспара и Шаруашылык (по результатам раскопок 2021 года) // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2022. № 4 (107). С. 158–168.
- 30 Шагирбаев М.С., Сорокин Д., Казизов Е.С., Марыксин Д.В., Бычков В.С. Исследования остеологических материалов с городища Шымкент (2019–2020 гг.) // Культурное наследие (Мәдени мұра). 2021. № 2 (93). С. 23–46.

- 31 Шер Я.А. Погребение с конём в Чуйской долине // Советская археология. 1961. № 1. С. 280-282.
- 32 Шербаяев Р.К., Буранбаев Р.Н. Раннесредневековые захоронения кочевников в Илейской долине // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26-27 октября 2021 г.). В 3-х т. Т. 2 / Отв. ред. Байтанаев Б.А., Мамиров Т.Б. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. С. 205–210.
- 33 Driesch A.V. A Guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Preabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University. 1976. Bulletin 1. Pp. 18-23.
- 34 Eisenmann V., Alberdi M.-T., De Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses. Vol. I. Methodology // Collected papers after the “New York International Hipparion Conference, 1981”. Leiden: Brill, 1988. Pp. 1–77.
- 35 Silver I.A. The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology. Basicbooks, Inc., Publishers. New York, 1969. Pp. 250–268.
- 36 Tulegenov T.Z., Besetayev B.B., Khassenova B.M. New data on the culture of the ancient Turks of Zhetysu // Kazakhstan archeologiasy (Kazakhstan Archeology). 2021. № 4 (14). Pp. 121–133.

REFERENCES

- 1 Abetkov, A. K. 1978. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 154, 59–65 (in Russian).
- 2 Aitkul, K. 2016. In: Kalysh, A. B. (ed). *VIII Orazbayev okulary (8th Orazbayev readings)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 137–146 (in Kazakh).
- 3 Aitkul, K. 2019. In: Toleubayev, A. T. (ed.). *XI Orazbayev okulary (11th Orazbayev readings)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 181–192 (in Kazakh).
- 4 Aitkul, K., Myakisheva, O. A., Torezhanova, N. J., Rakhmetova, A., Aidarkhanova, E. E. 2018. In: Omarov, G. K. (ed.). *IX Orazbayev okulary (9th Orazbayev readings)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 137–142 (in Kazakh).
- 5 Akishev, K. A. 1956. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Kazakh SSR Academy of Sciences)*, 1, 5–31 (in Russian).
- 6 Akymbek, E. S., Shagirbayev, M. S., Nurgali, N. B. 2024. In: *Kazakhstan archeologiasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (23), 256–287 (in Kazakh).
- 7 Akymbek, Y. S., Shagirbayev, M. S. 2021. In: *Kazakhstan archeologiasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (11), 72–100 (in Kazakh).
- 8 Bachura, O. P., Kosintsev, P. A. 2021. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 1 (52), 83–92 (in Russian).
- 9 Brauner, A. A. 1916. *Zapiski Obshestva selskogo hozyajstva Yuzhnoi Rossii (Notes of the Society of Agriculture of Southern Russia)*, 86, 16–27 (in Russian).
- 10 Vitt, V. O. 1952. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 16, 163-206 (in Russian).
- 11 Gaiduchenko, L. L. 2013. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po provedeniyu raskopok «Drevnego gorodischa Taraz» (Report on the scientific research work on the excavation of the “Ancient settlement of Taraz”)*. Almaty; Taraz: Archaeological Expertise (in Russian).
- 12 Goryachev, A. A., Motov, Y. A. 2018. *Arheologicheskii kompleks Butakty-I (Butakty-I Archaeological Complex)*. Almaty: “KazBookTrad” Publ. (in Russian).
- 13 Karabaspakova, K. M. 2011. *Zhetysu i Yuzhnyj Kazahstan v epohu bronzy (Zhetysu and Southern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 14 Kashkinbaev, K. 2013. *Berelskie loshadi. Paleopatologicheskii aspekt issledovaniy (Berel horses. The paleopathological aspect of the study)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana (in Russian).
- 15 Klevezal, G. A. 1988. *Registriruiyshchie struktury mlekopitaiyushih v zoologicheskikh issledovaniyakh (Registering structures of mammals in zoological research)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 16 Korneven, S., Lesbre, F.-K. 1932. *Raspoznavanie vozrasta po zubam i drugim proizvodnym epiteliya (Age recognition by teeth and other epithelial derivatives)*. Moscow: State Publishing House of Agricultural and Collective Farm-Cooperative Literature (in Russian).
- 17 Kosintsev, P.A., Samashev, Z. 2014. *Berelskie loshadi. Morfoloicheskoe issledovanie (Berel horses. Morphological examination)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana (in Russian).

- 18 Kurmankulov, J. K. 1980. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazahstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 191–197 (in Russian).
- 19 Kushaev, G. A. 1956. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography)*, 1, 207–220 (in Russian).
- 20 Nesterov, S. P. 1990. *Kon v kultah tyurkoyazychnykh plemyon Tsentralnoy Azii v epohu srednevekoviya (The Horse in the cults of the Turkic-speaking tribes of Central Asia in the Middle Ages)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 21 Nurzhanov, A. A., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2020. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (10), 70–95 (in Russian).
- 22 Nurzhanov, A. A., Shagirbayev, M. S. 2021. In: Zhumatayev, R. S. (ed.). *XIII Orazbayev okulary (13th Orazbayev readings)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 185–193 (in Russian).
- 23 Nurmukhanbetov, B. N., Tulegenov, T. Z., Rakhmetov, A. 2012. In: Zaibert, V. F. (ed.). *Margulanovskie chteniya – 2012 (Margulan Readings – 2012)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 390–400 (in Russian).
- 24 Savelieva, T. V., Shagirbayev, M. S. 2020. In: *Vestnik KazNPU im. Abaya seriya «Istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki» (Bulletin Abai University, the series of «Historical and socio-political sciences»)*, 1 (64), 390–400 (in Russian).
- 25 Samashev, S. 1986. In: *Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 2110 (in Russian).
- 26 Tabaldiev, K. S. 1996. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov Tyan-Shanya (Mounds of medieval nomads of the Tien Shan)*. Bishkek: “Aibek” Publ. (in Russian).
- 27 Tsalkin, V. I. 1952. In: Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arheologii Sibiri (Materials and research on the archaeology of Siberia)*, 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 147–156 (in Russian).
- 28 Shagirbayev, M. S. 2020. In: *Kulturnoe nasledie. Nauchnyi zhurnal (Cultural Heritage. Scientific journal)*, 4, 115–128 (in Russian).
- 29 Shagirbayev, M. S., Buranbayev, R. N. 2022. In: *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya (Journal of History)*, 4 (107), 158–168 (in Russian).
- 30 Shagirbayev, M. S., Sorokin, D., Kazizov, E. S., Maryksin, D. V., Bychkov, V. S. 2021. In: *Kulturnoe nasledie. Nauchnyi zhurnal (Cultural Heritage. Scientific journal)*, 2 (93), 23–46 (in Russian).
- 31 Sher, Y. A. 1961. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 1, 280–282 (in Russian).
- 32 Sherbayev, R. K., Buranbayev, R. N. 2021. In: Onggaruly, A. et al. (eds.). *Margulanovskie chteniya – 2021 (Margulan readings – 2021)*. In 3 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 205–210 (in Russian).
- 33 Driesch, A. V. 1976. In: *Preabody Museum of Archaeology and Ethnology*, 1, 18–23 (in English).
- 34 Eisenmann, V., Alberdi, M.-T., De Giuli, C., Staesche, U. 1981. In: *Collected papers after the “New York International Hipparion Conference*. Leiden: Brill, 1–77 (in English).
- 35 Silver, I. A. 1969. In: *Science in Archaeology*. Basic books, Inc., Publishers. New York, 250–268 (in English).
- 36 Tulegenov, T., Besetaev, B., Khassenova, B. 2021. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (14), 121–133 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.05.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.06.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 19.06.2024.

УДК 902.904 (572.71)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.270.276>

About the function of the glazed vessel found in the city of Gabala (North-Western part of Azerbaijan)

© 2024 Ismailova A.

Keywords: Medieval, Gabala, glazed vessel, medicine, Muslim East, Seljuqs

Түйін сөздер: орта ғасырлар, Габала, сырлы ыдыс, медицина, Мұсылмандық шығыс, селжұқтар

Ключевые слова: средние века, Габала, глазурованный сосуд, медицина, Мусульманский Восток, Сельджуки

Aida Ismailova^{1,2}

¹PhD, National History Museum of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

ORCID: [0009-0000-9068-8002](https://orcid.org/0009-0000-9068-8002) E mail: aidaismailova4@gmail.com

²Lecturer, Azerbaijan State University of Culture and Arts, Baku, Azerbaijan.

The article examines a glazed vessel discovered in the city of Gabala (Azerbaijan Republic), which is kept in the archaeological fund of the National Historical Museum of Azerbaijan. The structure and shape of the artifact are interesting. A vessel of a similar shape has not been found on other medieval monuments of Azerbaijan. The article presents some ideas about the purpose of the object and its use. The vessel is reddish in color, covered with brown and green glaze. The bowl has a flask-shaped tube inside and a round hole. It was concluded that the vessel could have been used in the preparation of medicinal products from plants.

For citation: Ismailova, A. 2024. About the function of the glazed vessel found in the city of Gabala (North-Western part of Azerbaijan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 270–276 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.270.276](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.270.276)

Аида Исмаилова¹

¹PhD, Әзербайжан ұлттық тарихи музейі, Баку, Әзербайжан

²лектор, Әзербайжан Мемлекеттік мәдениет және өнер университеті, Баку, Әзербайжан

Габала қаласынан табылған сырлы ыдыстың атқаратын қызметі туралы
(Солтүстік-батыс Әзербайжан)

Мақалада Габала қаласынан табылған, Әзербайжан ұлттық тарихи музейінің археологиялық қорында сақтаулы тұрған сырлы ыдыс қарастырылады. Заттың ерекше пішіні назар аудартады. Әзербайжанның орта ғасыр ескерткіштері материалдарынан осыған ұқсайтын ыдыс табылмады. Мақалада заттың атқаратын қызметі мен қолдануына қатысты бірнеше нұсқа баяндалады. Ыдыстың түсі – қызылдау, қоңыр және жасылмен сырланған. Ыдыстың ішінде пішіні колба тәрізді түтікше мен дөңгелек тесік бар. Ыдысты өсімдіктерден дәрі жасау кезінде қолданған деген қорытынды жасалды.

Аида Исмаилова^{1,2}

¹PhD, Национальный исторический музей Азербайджана, Баку, Азербайджан

²лектор, Азербайджанский государственный университет культуры и искусства, Баку, Азербайджан

О назначении глазурованного сосуда, найденного в городе Габала
(Северо-Западный Азербайджан)

В статье рассмотрен глазурованный сосуд, обнаруженный в городе Габала (Азербайджанская Республика), который хранится в археологическом фонде Национального исторического музея Азербайджана. Строение и форма артефакта заслуживают отдельного изучения. Сосуд подобной формы на других средневековых памятниках Азербайджана не обнаружен. В статье изложены некоторые идеи относительно назначения предмета и его использования. Сосуд красноватого цвета, покрыт коричневой и зелёной глазурью. Чаша имеет внутри трубку в форме колбы и круглое отверстие. Сделан вывод о том, что сосуд могли использовать при приготовлении лекарственных средств из растений.

Сілтеме жасау үшін: Исмаилова А. Габала қаласынан табылған сырлы ыдыстың атқаратын қызметі туралы (Солтүстік-батыс Әзербайжан). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 270–276-бб. (Ағылшынша).

DOI: [10.52967/akz2024.2.24.270.276](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.270.276)

Для цитирования: Исмаилова А. О назначении глазурованного сосуда, найденного в городе Габала (Северо-Западный Азербайджан). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 270–276 (на англ. яз.). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.270.276](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.270.276)

Introduction

Museums are not only places where history, material, national and cultural heritage are promoted, they are also scientific and research institutions. The National Museum of Azerbaijan History is no exception in this regard. National Azerbaijan History Museum (NAHM) has a rich collection covering different stages of history. Among them, archaeological materials are of special importance. As historical artifacts are a material source, they visually show many issues of the time. A part of the medieval archaeological collection of NAHM is made up of objecta found in the city of Gabala. The methods of description, comparative analysis, and generalization were used while working on the article.

A vessel found in the city of Gabala

Gabala is one of the ancient cities of Azerbaijan, its history dates back to the 3rd millennium BC. The name is mentioned for the first time in Pliny the Elder's "Natural History" in the 1st century AD [Babayev, Əhmədov 1981: 7]. In 1829, some explorations conducted by A. Yanovsky determined that the ruins near the village of Chukhur-Gabala belong to ancient Gabala. In 1903, village teacher R. Afandiyev gave a brief description of the ruins of Gabala city in a small article he published. In 1915, E. Lalayan looked at the city ruins. The first exploration works in the city of Gabala were conducted in 1926 under the leadership of D. Sharifov and in 1944-1945 under the leadership of S. Gaziyeu. For the regular study of the city,

Fig. 1. Sheki, Dashuz. Samovar. Sheki Museum of Local History. Photo: Intizar Badalov
1-сур. Шеки, Дашуз. Самаурын. Шеки тарихи-өлкетану музейі. Фото: Интизар Бадалов
Рис. 1. Шеки, Дашуз. Самовар. Шекинський історико-краєведческий музей. Фото: Интизар Бадалов

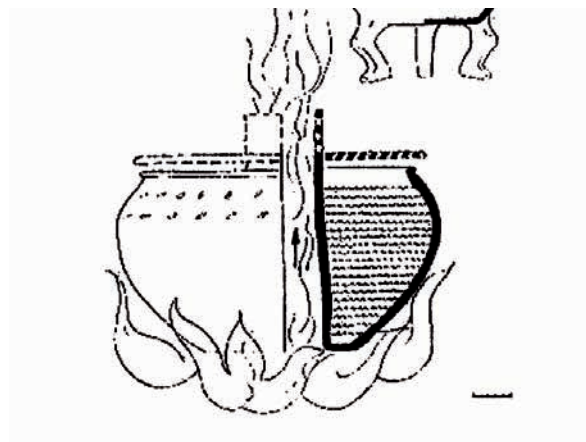

Fig. 2. Sheki, Dashuz. Samovar – after – Akhundov 2000: fig. 5, photo 3
2-сур. Шеки, Дашуз. Самаурын ([Ахундов 2000: 5-сур., 3-фото] бойынша)
Рис. 2. Шеки, Дашуз. Самовар (по: [Ахундов 2000: рис. 5, фото 3])

in 1959, the Gabala archaeological expedition was established by the History Institute of the Academy of Sciences of the USSR, under the leadership of S. Gaziyeu [Babayev, Əhmədov 1981: 4].

Among the material culture examples of the medieval period of the archaeological collection, the glazed vessel found in the medieval city of Gabala attracts attention with its unique structure. The vessel was discovered in 1957 in the Salbir part of Gabala, and according to its manufacturing technique, it can be attributed to the 10th century. Its number is AF25953 (Archaeological fund 25953), Qabala collection. The Pottery of the vessel is reddish in color and covered with brown and green glaze. The grips, the barrel, the edges of the muzzle have been restored, the seat is flat. The bowl has a flask-shaped tube inside, and a circular hole in the seat (fig. 3). The uniqueness of the archaeological material is that a bowl of a similar shape was not found in other medieval cities of Azerbaijan. From this point of view, it becomes much more difficult to conduct similar analyses. Based on the general structure of the vessel, it can be assumed that

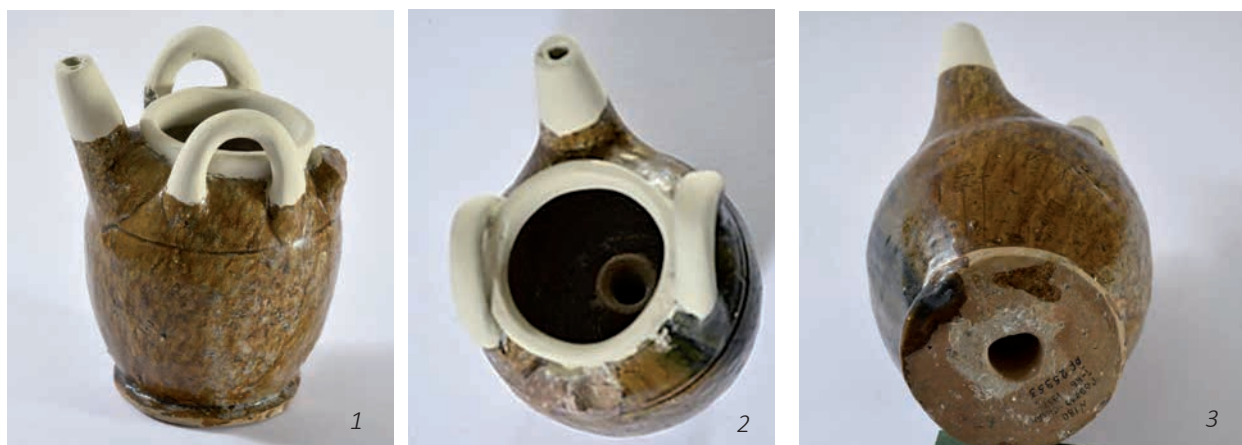

Fig. 3. Medieval town place Gabala. Glazed vessel. National History Museum of Azerbaijan.

Photo: Mirnaib Hasanoglu

3-сур. Орта ғасырлық Габала қаласы. Сырлы ыдыс. Әзербайжан тарихы ұлттық музейі.

Фото: Mirnaib Hasanoglu

Рис 3. Средневековый город Габала. Глазурованный сосуд. Национальный музей истории Азербайджана.

Фото: Mirnaib Hasanoglu

it was used as a medicine vessel or for brewing some medicinal plants. A vessel somehow similar to the vessel discovered in Gabala was found in the area of the Galat-Jabar fortress in Syria and belongs to the 13th-14th centuries [Shaddoud 2017: 195]. The vessel found in Galat-Jabar has no handle and no barrel, but contains three flask-shaped tubes (fig. 4). The author of the article writes that it was used in water baths for the purpose of treatment [Shaddoud 2017: 195].

It is appropriate to mention one fact here, in 1989, in Dashuz village of Shaki region of Azerbaijan, an interesting pottery fragment was discovered from a mound. The shape of the bowl is balloon-shaped, with a tube rising upwards in the middle. The bowl is not fully formed, archaeologist Tufan Akhundov writes that it may be an early version of a samovar (fig. 1-2). It dates to the 16th century BC, and other pottery found in the mound parallels Asia Minor materials [Ахундов 2000: 59-60]. It is difficult to give a specific, absolute opinion about its function. It seems that, although not completely, similar shaped vessels existed in ancient times as well.

Medicine during the Middle Ages in Azerbaijan

If we take a brief look at the history of the development of medicine in Azerbaijan, it becomes clear that even in ancient times, primitive people used medicinal plants and herbs for the treatment of diseases. There are plants that are still useful in folk medicine as auxiliary drugs in the process of curing. As an example, we can consider the saffron plant cultivated in Absheron, Azerbaijan. Its usage dates back to the 3rd millennium BC. As a result of Gutians' invasion and control of Mesopotamia, interactions and influences with the ancient Sumerian city-states have also manifested themselves in medicine. The Gutian tribes benefited from the plants such as lavender, sesame, dates, saffron, onions, and garlic used by the Sumerians and Akkadians. The Gutians brought medicinal oils from Egypt, Syria, and Palestine [Alakbarli 2006: 7-8]. In the Zoroastrian's book "Avesta" that was written in the 1st millennium BC, it was said: "The doctor has three tools: herbs, a knife and a word." In shamanism, they used music and special dances for healing purposes. It is known that in the Middle Ages various plants, especially chamomile, have wound healing properties in the folk medicine of Azerbaijan, called Turkachara (remedy for a turk), and that plants are used in the treatment of various diseases [Alakabarli 13]. It is not in vain that doctors in Azerbaijan were called "otchu" and "otachi" (herbalist) starting from the early Middle Ages [Seyidbäyli et al. 2019: 56]. It is interesting that in the "Kitabi-Dede Gorgud" epic of military heroism of the Turks, a scene of treatment with herbs is described, where they mix mountain flower with mother's milk and apply it to the young man's wound. It is known from Mahmud Kashgari's work "Diwan lughat-al-turk" written in the 11th century that plants and folk medicine were used in the treatment of some skin, eye diseases and infectious smallpox [Sadiqlı 2022: 193–197].

Material evidences discovered during archaeological excavations confirm that medicine developed in Azerbaijan in the Middle Ages. The earliest variants of alembics known from Muslim cities were found in the city of Gabala in Azerbaijan. Pottery alembics were found in the Salbir area and belong to the 8th century [Qədirov, Əliyev 1985: 81].

In 2014, as a result of archaeological excavations carried out in the medieval city of Shamkir, the remains of a pharmacy and the supplies used there were found. The supplies include glazed alembics, albarello-type dishes, and spherocoines [Dostiyev 2022: 79].

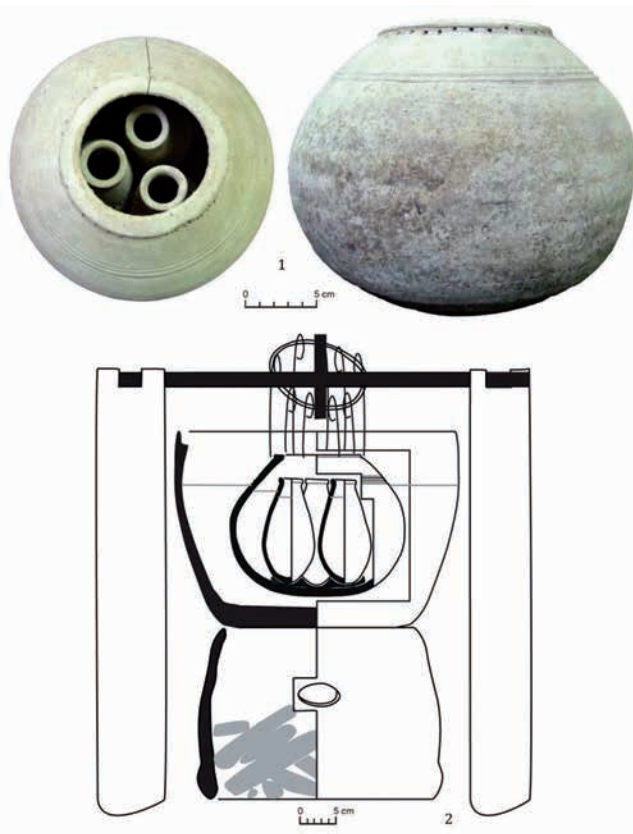

Fig. 4. Qalaat Jabar, Crucible with three bottles for heat treatment – after – Shaddoud 2017: fig. 4

4-сур. Калаат-Джабар, қыздырып өңдеуге арналған үш құтылы отбақыр ([Shaddoud 2017: 4-сур.] бойынша)

Рис. 4. Калаат-Джабар, Тигель с тремя флаконами для термической обработки (по: [Shaddoud 2017: рис. 4])

Fig. 5. Physician preparing an elixir – after – Canby et al. 2016: fig. 70

5-сур. Эликсир дайындап жатқан емші
([Canby et al. 2016: fig. 70] бойынша)

Рис. 5. Лекарь за приготвлением эликсира
(по: [Canby et al. 2016: fig. 70])

Fig. 6. Preparation of medicine from grapes – after – Canby et al 2016: fig. 107b

6-сур. Жүзімнен дәрі жасау
([Canby et al. 2016: fig. 107b] бойынша)

Рис. 6. Приготовление лекарства из винограда
(по: [Canby et al. 2016: fig. 107b])

In the Middle Ages, in the cities of Baku, Shusha, Sheki, Guba, Shamakhi, Ganja, and Tabriz in Azerbaijan, students were also educated in medicine and pharmacy in madrasahs. Here they studied the works of Ibn Sina and other medieval doctors. Darulfun was active in the cities of Shamakhi and Tabriz. Omar Kafiyeddin, the uncle of the famous poet Khagani Shirvani, founded the “Malham” madrasa in Shamakhi in the 11th century. It is no coincidence that Darush-shafa was founded by Rashiduddin, the vizier of Ghazan Khan (1295–1304) in the city of Tabriz in the 14th century. It was a large scientific campus with a hospital, observatory, facilities for teaching, treatment and scientific research [Алекперли 2008: 65-66]

In the Middle Ages, the emergence of the Caliphate and its administration over a wide area played a significant role in the development of the field of medicine in the Muslim world. The Umayyad caliph Khalid ibn Yazid (668–704/709) had an interest in al-chemistry, and the translation of medical texts into Arabic began during his time. It is no coincidence that the first hospital in the Islamic world was built by the order of the Umayyad caliph Walid I.

The Muslim chemist Jabir ibn Hayyan (721–815) conducted various laboratory experiments and wrote that metals (iron, tin, lead, copper, silver, gold) were formed from the combination of sulfur and

Fig. 7. Preparation of medicine from honey
– after – Canby et al. 2016: fig. 107a

7-сур. Балдан дәрі жасау барысы
([Canby et al. 2016: fig. 107a] бойынша)

Рис. 7. Процесс приготовления лекарства из меда
(по: [Canby et al. 2016: fig. 107a])

mercury in different proportions. With this, he laid the foundation of the mercury-sulfur theory.

Starting from the 9th century, there were separate literatures on the preparation and using of medicine tablets. Although pharmacy was not yet formed as an independent field during this period, individuals were already preparing medicines as pharmacists and operating in retail. Already in the 11th century, doctors such as Al-Majusi, al-Zahrawi, and Ibn Sina were preparing medicines for their patients [Tschanz 2003: 15].

It is not surprising that during the Seljuk era, medicine occupied an important place in the social life of Anatolia, Syria, and Iraq. Hospitals were built near mosques in cities such as Konya, Divrigi, Aleppo, Damascus and Baghdad. Starting from the 11th century, the process of combining theory and practice began. It is likely that they used the treatise “Materia Medica” or “On Medicinal Substances” written in the 50s–70s AD during the Seljuk period [Canby 2016: 167].

The development of medicine in medieval Muslim cities is not confirmed only by the means of archaeological materials. In the miniatures of the period (fig. 5–7) healers who prepare the medicine and the description of the preparation process of the medicine, as well as the equipment used there are also observed.

Conclusion

Although the glazed vessel found in the medieval city of Gabala is the only example in Azerbai-

jan, it shows that there is a long-standing tradition of medicine. Since there is no analogy to compare, it is difficult to come to a unanimous conclusion about its function. Due to its structure, it is likely that it was used in the brewing of certain medicinal herbs, to keep it in the same temperature regime. The inner wall of the vessel was not sampled or analyzed; it may be used as a medicinal vessel. If similar examples are discovered in the future, a more precise idea can be given about its function.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Алекберли Ф. Тысяча и один секрет Востока. URL: <https://www.alakbarli.aamh.az/index.files/75.htm> (қаралған күні: 20.01.2024)
- 2 Алекберли Ф. В. Тысяча и один секрет Востока. Т. 2. Баку: Нурлан, 2008. 426 с.
- 3 Ахундов Т. И. Курган с «самоваром» эпохи бронзы. // *Azərbaycan arxeologiyası*. 2000. Cild 2, № 3-4. S. 53-60.
- 4 Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Qəbələ (tarixi arxeoloji oçerki). Bakı: Elm, 1981. 67 s.
- 5 Qədirov F, Əliyev İ. Qəbələ. Bakı: Elm, 1985. 86 s.
- 6 *Milli Azərbaycan Tarix Muzeyi*, AF 25953.

- 7 Sadiqlı P. İ. Mahmud Kaşğarının “Divanü Lüğat İt-Türk” əsəri etnoqrafik mənbə kimi. Bakı, 2022. 247 s.
- 8 Seyidbəyli M.H., Quliyev B.N, Namazova S. Azərbaycan tibb tarixinin qaynaqları və tarixşünaslığı. Bakı. 2019. 298 s.
- 9 Alakbarli. F.U. Azerbaijan medieval manuscripts history of medicine medicinal plants. Baku: Nurlan, 2006. 125 p.
- 10 Canby S.D. Beyazit, M. Rugiadi, A.C. Peacock. Court and cosmos. The great age of Seljuqs. Metropolitan museum of Art. New York 2016, 365 p.
- 11 Dostiyev T.M. Pharmacy remains discovered in the town of Shamkir. // Tubar. 2022. 2. S .75-84.
- 12 Shaddoud I. Vaisselier de santé dans le monde arabe (VIII—XVe siècles): une restitution possible des usages grâce au croisement des sources // Поливная керамика средиземноморья X–XVIII вв. т.2. Казань — Кишинев. 2017. p. 189-205. Fig 4.
- 13 Tschanz, D.W. A short history of Islamic pharmacy //Journal of the International Society for the History of Islamic Medicine, 2003, № 1, p. 11-17.

REFERENCES

- 1 Alakperli, F. U. *Tisyatcha i odin sekret Vostoka (The Thousand and One secrets of the East)*. URL: <https://www.alakbarli.aamh.az/index.files/75.htm> (accessed: 20.01.2024) (in Russian).
- 2 Alakperli, F. U. 2008. *Tisyatcha i odin sekret Vostoka (The Thousand and One secrets of the East)*. Baku: “Nurlan” Publ. (in Russian).
- 3 Axundov, T. İ. 2000. In: *Azerbaycan arxeologiyası (Azerbaijan archaeology)*, 3-4, 53-60 (in Russian).
- 4 Babayev, İ. A., Ahmadov, Q. M. 1981. *Qabala (tarixhi arkeoloji oterck) (Qabala (historical archaeological essay))*. Baku: “Elm” Publ. (in Azerbaijani).
- 5 Qadirov, F., Aliyev, İ. 1985. *Qabala*. Baku: “Elm” Publ. (in Azerbaijani).
- 6 Milli Azərbaycan Tarix Muzeyi, AF 25953.
- 7 Sadiqlı, P. İ. 2022. *Mahmud Kashgarinin “Divanu Lugat İt-Türk” eseri etnoqrafik menbe kimi (Mahmud Kashgari’s work “Divanu Sökətat it-Türk” as an ethnographic source)*. Bakı (in Azerbaijani).
- 8 Seyidbəyli, M. H., Quliyev, B. N, Namazova, S. 2019. *Azerbaycan tibb tarixinin qaynaqları və tarixshunaslığı (Sources and historiography of the medical history of Azerbaijan)*. Bakı (in Azerbaijani).
- 9 Alakbarli, F. U. 2006. *Azerbaijan medieval manuscripts history of medicine medicinal plants*. Baku: Nurlan. 125 p. (in English).
- 10 Canby S. D. Beyazit, M. Rugiadi, A.C. Peacock. 2016. *Court and cosmos. The great age of Seljuqs*. Metropolitan museum of Art. New York 2016, 365 p. (in English).
- 11 Dostiyev, T. M. 2022. In: *Tubar*, 2, 75-84 (in English).
- 12 Shaddoud I. 2017. In: *Polivnaya keramika sredizemnomorya X-XVIII vv (Glased ceramics of the Mediterranean of the 10th–18th centuries)*. Vol. 2. Kazan; Kishinyev, 189-205 (in French).
- 13 Tschanz, D. W. A. 2003. In: *Journal of the International Society for the History of Islamic Medicine*, 2003, 1, 11-17 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 25.01.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 25.02.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.06.2024

**«Цаца» у калмыков в контексте
религиозной и этнической идентичности**
(по данным письменных и археологических источников)

© 2024 г. Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П., Кипиев М.К.

Keywords: tsatsa cult construction, clay shalira cones, ritual practice, cremation, academic expedition, Buddhism, Ganyushkino, copper coins

Түйін сөздер: цаца ғибадат ғимараты, саз конустар-шалирлар, салттық тәжірибе, кремация, академиялық экспедиция, буддизм, Ганюшкино, мыс тиындар

Ключевые слова: культовое сооружение цаца, глиняные конусы-шалиры, обрядовая практика, кремация, академическая экспедиция, буддизм, Ганюшкино, медные монеты

Peter Koltsov¹, Valery Batyrov¹, Kermen Koltsova¹ and Mukhambetkali Kipiev^{2*}

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia.

ORCID: [0000-0001-9776-3650](https://orcid.org/0000-0001-9776-3650) E-mail: petrkoltsov52@mail.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia.

ORCID: [0000-0001-9014-4910](https://orcid.org/0000-0001-9014-4910) E-mail: valerabatyrov@yandex.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Researcher, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia.

ORCID: [0009-0009-4326-4026](https://orcid.org/0009-0009-4326-4026) E-mail: carmenring@mail.ru

^{2*}Corresponding author, Master of Arts in Humanities, Atyrau Regional Museum of Local History, Atyrau, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-4997-6747](https://orcid.org/0000-0002-4997-6747) E-mail: mkipiev@yandex.ru

The Kalmyks' "Tsatsa" in the context of religious and ethnic identity
(based on written and archaeological sources)

The article is devoted to the cult structure of the tsatsa, which has been a stable ritual practice among the Buddhists of Kalmykia since the beginning of the 18th century. Swell is an uncommon phenomenon designed to overcome negative effects, improve the karma of a family and a particular person. As a rule, tsatsa is made with good intentions – prolongation of life or the successful rebirth of the dead, etc. The materials for this study were ethnographic and archaeological sources, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time and require their own understanding. Of particular interest is the stupa (tsatsa) of the 18th century, discovered near the village of Ganyushkino (Kazakhstan) and which has preserved the main structural features of the building to the present day. The stupa was a room with an entrance door on the east side and was made of clay sculptures of “cones”, in the lower part of which human fingerprints are visible. Three sculptures of a lotus flower made of clay were found among the “cones”. The products had eight petals with a core in the middle. Copper coins were collected around the building. Stupa-tsatsa near the village of Ganyushkino was installed at the cremation site of the deceased (a clergyman or a noble person) and is part of a single funeral complex of Kalmyk Buddhists.

Source of funding: The study was supported by a grant from the Russian Scientific Foundation no. 23-28-10065 “Modern structure of the ethnic, religious and civil identity of Kalmyks in ritual and commemorative practices”.

For citation: Koltsov, P., Batyrov, V., Koltsova, K., Kipiev, M. 2024. The Kalmyks' “Tsatsa” in the context of religious and ethnic identity (based to written and archaeological sources). *Kazakhstan archeology*, 2 (24), 277–289 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.277.289](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.277.289)

**Петр Михайлович Кольцов¹,
Валерий Владимирович Батыров¹,
Кермен Петровна Кольцова¹,
Мұхамбетқали Қуанышқалиұлы Кипиев^{2*}**

¹тарих ғылымдарының докторы, профессор, Б.Б. Городовиков атынд. Қалмақ мемлекеттік университеті, Элиста, Қалмақ Республикасы, Ресей

¹тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, Б.Б. Городовиков атынд. Қалмақ мемлекеттік университеті, Элиста, Қалмақ Республикасы, Ресей

¹тарих ғылымдарының кандидаты, ғылыми қызметкер, Б.Б. Городовиков атынд. Қалмақ мемлекеттік университеті, Элиста, Қалмақ Республикасы, Ресей

^{2*} корреспондент авторы, гуманитарлық ғылымдар магистрі, Атырау облыстық тарихи-өлкетану музейі, Атырау қ., Қазақстан

Қалмақтардағы «Цаца» діни және этникалық бірегейлік контекстінде

(жазба және археологиялық дереккөздер бойынша)

Мақала XVIII ғ. басынан бастап қазіргі уақытқа дейін Қалмақ буддистерінің салттық тәжірибесінде тұрақты түрде қолданылатын цаца ғибадат құрылысына арналған. Цаца – бұл жағымсыз құбылыстарды жеңуге, отбасының және белгілі бір адамның қармасын жақсартуға арналған феномендік құбылыс. Әдетте, цаца адам өмірін ұзарту немесе өлгендердің аман-есен қайта туылуы сияқты және басқа да жақсы ниетпен жасалады. Этнографиялық және археологиялық дереккөздер осы зерттеу материалына негіз болды, кейбір дереккөздер алғаш рет ғылыми айналымға енгізіліп, зерделеуді қажет етеді. Ганюшкино (Қазақстан) ауылынан табылған және бүгінгі күнге дейін құрылыстың негізгі құрылымдық ерекшеліктерін сақтаған XVIII ғ. діни құрылыс (цаца) ерекше қызығушылық тудырады. Діни құрылыстың шығыс жағында кіретін есікті бөлмесі бар, төменгі жағы адамның саусақ іздері көрінетін, сазды мүсінді «конустардан» жасалған. «Конустардың» ішінен саздан жасалған «лотос» гүлінің үш мүсіні табылды. Бұйымның ортасында өзегі бар сегіз жапырақшасы болды. Құрылыстың айналасынан мыс монеталар жиналды. Ганюшкино ауылындағы діни құрылыс-цаца марқұмды (рухани тұлға немесе атақты адам) кремациялайтын орынға орнатылған және буддист қалмақтардың бірыңғай жерлеу кешенінің бір бөлігі болып табылады.

Қаржыландыру көзі: Зерттеу Ресей ғылым қорының № 23-28-10065 «Қалмақтардың салттық және коммеморативтік тәжірибелеріндегі этникалық, діни және азаматтық бірегейлігінің қазіргі құрылымы» атты гранты есебінен жүргізілді.

**Петр Михайлович Кольцов¹,
Валерий Владимирович Батыров¹,
Кермен Петровна Кольцова¹,
Мұхамбетқали Қуанышқалиевич Кипиев^{2*}**

¹доктор исторических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Республика Калмыкия, Россия

¹кандидат исторических наук, доцент, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Республика Калмыкия, Россия

¹кандидат исторических наук, научный сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Республика Калмыкия, Россия

^{2*} автор-корреспондент, магистр гуманитарных наук, Атырауский областной историко-краеведческий музей, г. Атырау, Казахстан

«Цаца» у калмыков в контексте религиозной и этнической идентичности

(по данным письменных и археологических источников)

Статья посвящена культовому сооружению цаца, которое с начала XVIII в. и по настоящее время является устойчивой обрядовой практикой у буддистов Калмыкии. Цаца – это феноменальное явление, призванное преодолеть негативные явления, улучшить карму семьи и конкретного человека. Как правило, цаца изготавливают с благими намерениями – продолжение жизни или благополучное перерождение умерших и т. д. Материалами для настоящего исследования послужили этнографические и археологические источники, часть из которых впервые вводится в научный оборот и требует своего осмысления. Особый интерес представляет ступа (цаца) XVIII в., обнаруженная у с. Ганюшкино (Казахстан) и сохранившая основные конструктивные особенности постройки до наших дней. Ступа представляла собой комнату с входной дверью с восточной стороны и была сложена из глиняных скульптур «конусов», в нижней части которых заметны отпечатки пальцев человека. Среди «конусов» были обнаружены три скульптурки цветка «лотоса» из глины. Изделия имели по восемь лепестков с сердцевинкой посередине. Вокруг постройки были собраны медные монеты. Ступа-цаца у с. Ганюшкино установлена на месте кремации покойного (духовного лица или знатного человека) и является частью единого погребального комплекса калмыков-буддистов.

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10065 «Современная структура этнической, религиозной и гражданской идентичности калмыков в ритуальных и коммеморативных практиках».

Сілтеме жасау үшін: Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П., Кипиев М.К. Қалмақтардағы «Цаца» діни және этникалық бірегейлік контекстінде (жазба және археологиялық дереккөздер бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 277–289-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.277.289](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.277.289)

Для цитирования: Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П., Кипиев М.К. «Цаца» у калмыков в контексте религиозной и этнической идентичности (по данным письменных и археологических источников). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 277–289. [DOI: 10.52967/akz2024.2.24.277.289](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.277.289)

1 Введение (Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П., Кипиев М.К.)

В XXI веке у калмыков заметно возрос интерес к религиозным символам традиционной буддийской культуры. Прежде всего, это связано с перестройкой в мировоззрении российского общества после распада СССР, возрождением религии, духовных ценностей. Буддийский ритуал вновь становится привычным явлением в повседневной жизни калмыцкого народа. Повсеместно открываются хурулы, возводятся ступы – цаца, всё более востребованными становятся обереги и другая буддийская атрибутика.

Одним из важных символов буддийской культуры является «цаца», которая подразумевает подношение человека (его праха) Будде, духам воды и земли¹. Так назывался процесс изготовления маленьких фигурок (обычно из глины), которые закладывали в основание буддийских мемориальных сооружений «ступ» (калм. сувркн). В Тибете есть поверие, что цаца, помещаемая в ступу, очищает местность от негатива и приносит удачу её жителям.

В калмыцком языке слово Цаца трансформировалось в «цац», что означало: субурган, гробница, молельня или часовня (на могиле) [Калмыцко-русский словарь 1977]. В языке дербетов Калмыкии это слово означает надгробие [Трофимова, Рассадин 2012: 7–11].

Цаца встречаются в Калмыкии повсеместно, в то время как субурганы не получили широкого распространения в калмыцкой стационарной архитектуре, став одной из архитектурных форм храма – субурганообразным навершием [Монтлевич 1972]. Популярность ступ среди калмыков можно объяснить не только религиозными убеждениями, но и, вероятно, удобством возведения культового сооружения на небольших участках земли при небольших финансовых затратах. В отличие от хурула, цаца (часовни) были примитивными, но вполне пригодными для хранения священных реликвий.

С начала XVIII в. цаца как обрядовая практика прочно вошла в коллективную память калмыцкого народа, став при этом одной из основ религиозной и этнической идентичности. Однако при всей важности данной традиции, призванной преодолеть негативные явления и улучшить карму конкретного человека, она продолжает оставаться недостаточно изученным явлением буддийского искусства.

Цель данной статьи – показать специфическое калмыцкое культовое сооружение ступу-часовню – место жертвоприношений и молебнов, как результат трансформации практики фигурных подношений цаца, под влиянием традиционных тюрко-монгольских верований и культа *обо* (культ предков и хозяев местности). В таком виде «Цаца» у калмыков приобрела другое наполнение и содержание и стала одним из маркеров религиозной и этнической идентичности калмыков в современный период. Например, слово цаца получило отражение в топонимии как название села в Светлоярском районе Волгоградской области.

¹ Как правило, цаца изготавливают в больших количествах, ибо тиражирование любых священных изображений способствует «освобождению через зрительное» множеству живых существ. Во время их изготовления начитывают соответствующие мантры и делают необходимые визуализации от пяти до ста тысяч и более штук.

Научная новизна статьи заключается в комплексном исследовании процессов адаптации буддийской религии среди калмыков путём включения культа предков, добуддийских символов, верований и мотивов. На примере практики цаца, с привлечением полевых и археологических материалов, показано как тибетская практика цаца и строительство храмов-часовен стали сливаться с культом природных объектов, где обитали духи природы и совершались жертвенные приношения. В калмыцкой топонимии на протяжении длительного времени слово «цац» стало обозначением субургана, молельни или часовни, которые исчезли в советский период и вновь появились с конца XX в. как символы религиозной и этнической идентичности калмыцкого народа.

2 Материалы и методы исследования (Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П., Китиев М.К.)

2.1 Методы исследования

В процессе работы использовались как общенаучные, так и специальные исторические методы. Из общенаучных методов использовались исторический, логический и метод классификации. Исторический метод позволил реконструировать историографические черты такого явления как цаца в их хронологическом развитии, выделяя специфические черты каждого периода, выявляя общие закономерности. Логический метод позволил рассмотреть важнейшие отличия различных периодов изучения цаца. Метод классификации применялся для группировки полевых и археологических источников, а также литературы по рассматриваемой проблеме.

Важнейшим источником для изучения религиозной и этнической идентичности калмыцкого народа стали этнографические и археологические материалы. Ведущим методом сбора этнографических данных стал метод непосредственного наблюдения, а также материалы смежных гуманитарных и общественных наук.

Также в статье использовался сравнительно-исторический метод, который позволил путём сравнения выявить общее и особенное в развитии практики цаца в Калмыкии и в Тибете, а также определить общий круг источников и особенности используемых способов сравнения.

Учитывая сложность и многоаспектность такого понятия как цаца в калмыцкой этнической и религиозной идентичности в статье использовался метод пережитков, когда в культуре калмыцкого народа были выявлены остатки прошлых представлений о цаца, которые вобрали в себя элементы традиционного мировоззрения, добуддийских верований и буддистской религии. Они стали основой для выводов о зарождении и эволюции понятия цаца от периода адаптации этой практики к условиям калмыцкой степи и строительства субурганов до их исчезновения и возрождения на новом этапе в период после распада СССР.

2.2 Характеристика материала

Источниковая база по культовым сооружениям в Калмыкии стала формироваться в XVIII-XIX вв. благодаря деятельности путешественников и естествоиспытателей, которые впервые обратили внимание на ступы, заполненные небольшими глиняными фигурками – цаца и оставили их описание. В XX-XXI вв. сведения по буддийским цаца стали пополняться более качественными по содержанию материалами, полученными в ходе этнографических и археологических исследований. Дальнейшее рассмотрение материалов предлагается в той последовательности, согласно которой поступала информация о буддийских цаца и вводилась в научный оборот.

Цаца в Калмыкии по данным исследователей XVIII-XIX вв.

Первые описания цаца в Калмыкии можно найти в работах российских исследователей XVIII-XIX вв. Сведения о всеобщем богомолье калмыков оставил И.И. Лепехин, который во главе одной из Академических экспедиций (1768–1774 гг.) посетил калмыцкие улусы. Он писал, что калмыки отовсюду прибывают к ламе на богомолье и делают это не менее трёх раз в год. Для совершения

богоугодного мероприятия они выбирают возвышенное место, где сооружают капища – цацы для символического жертвоприношения. В местах нахождения цацы каждый калмык должен остановиться и сделать бурханам подношение. Причём дары были самыми разными, в зависимости от благосостояния проезжающих мимо цацы калмыков. Если у них не было денег, то у цацы оставляли стрелу или подкову. В случае крайней нужды у часовни оставляли конский волос или обрезанные ногти [Лепехин 1771: 476–478].

С.Г. Гмелин, который одним из первых посетил почитаемую калмыками священную гору Богдо, писал: «Наверху (горы) Богды находятся целые кучи камня, которые некогда служили поводом к построению Калмыцкого храма, цаца называемого. Таких храмов по тем местам, где калмыки кочуют, как, например, на Кубанской степи, по реке Сарпе, также на Яицкой степи против Дмитриевска, и на других местах есть много. В оных калмыки приносят жертву своим Бурханам, кладут в оные деньги, обветшалые книги, изображения идольские, хотя бы они на простом только холсте писаны, или уже совсем испорчены были. Многие из мимо едущих, не имея ничего, отрывают или по лоскутку от своего платья, или по куску кожи от сапог, или по клочку шерсти из лошадей и все сие кладут туда вместо дара» [Гмелин 1777: 17-18].

Ценную информацию о цаца в Калмыкии можно почерпнуть у известного естествоиспытателя П.С. Палласа (1767–1810 гг.). Во время путешествия по Калмыцкой степи учёный обратил внимание на культовое сооружение в районе Узеней и составил его описание: «осматривали мы из необожженных кирпичей поставленную калмыцкую цацу. Это четырёхугольное здание, на южной стороне окошечко, через которое едва ли пролезть можно. Множество согнивших до половины тангутских и монгольских писаний, вырезанных кусков дерева, коробочек и т. п. валялось там, безо всякого порядка и перемешано лежало. Посреди оно, казалось, была яма, выложенная пестрыми кирпичами, в которые при заложении таких молитвенных домиков кладут нарочно для этого изготовленные духовенством из глины шарики» [Паллас 1773: 112-113]. Аналогичную часовню цаца П.С. Паллас видел на берегу оз. Сарпа. Он обратил внимание на то, что конусообразная по форме культовая постройка была увешана разноцветными лоскутками ткани [Паллас 1773: 190]. Проверить информацию о том, что на Маджаре, в устье Байбалинского озера и р. Кумы находятся развалины Цаган Балгазун, исследователи не отважились из-за частых набегов разбойного люда [Зудина 2013: 199-200].

Сведения о производстве культовой скульптуры можно почерпнуть у Г. Лыткина: «<...> гелюнги выделывают идолов из глины. Для сего они съезжаются летом в назначенное место, где иногда присутствует и сам лама. Там они занимаются сей работой более месяца, выдавая народу, будто умилоствляют богов о ниспослании благоденствия <...> по окончании работы гелюнги выделанных из глины идолов кладут в яму, закапывают землю, а сверх оной делают небольшой деревянный храмик, называемый Цаца. В нем они ставят особого идола и перед ним масло. К сей Цаце гелюнги каждое лето сходятся в назначенный день для отправления службы, именуемой Буйнту, т. е. Спасительной» [Батырева 2009: 144–148]. Согласно буддийским канонам, памятники старокалмыцкого искусства в основном безымянны. После изготовления цацы её заполняли текстами молитв и другими реликвиями [История Калмыкии ... 2009: 163].

Другие культовые постройки, описанные путешественниками, относятся к типу субурганов. На санскрите это означает ступа, в переводе с тибетского – верхушка, на калмыцком это *субрһн*. Сооружение состояло из фундамента-пьедестала, центральной части, навершия и шпиля. Причём каждая из частей постройки имеет свою смысловую нагрузку. Так, фундамент олицетворяет нижний мир, центральная часть соответствует среднему миру, навершие стремится к небосводу, следовательно, к верхнему миру, шпиль – ось мира. Субурганы устанавливали в местах кремации представителей высшего сословия калмыцкого общества – буддийского духовенства, ханов и нойонов. Кремировали также и задычи (вызыватель дождя), которые якобы могли призывать дождь,

уничтожать такие стихии как гром и молнии. Обычно их сжигали на четвёртый день после смерти [Небольсин 1852: 97–99].

В какой-то период субурганы приблизились к культу почитания предков, небожителей и хозяев местности, в результате чего в Калмыкии субурганы также могли называться «цаца» или «бомбо». Большинство из них строилось в память об известных духовных лицах. Так, в Багацохуровском улусе в хуруле Ламрим-Линг возвели пять субурганов, один из которых был посвящен Орчи-ламе (основателю первого стационарного хурула в 1798 г.), второй – шаджин-ламе Зодбе Аракбе Самтанову. Они могли вмещать до 30–50 человек, в каждом из них был устроен алтарь [Михалев 2023: 287–310]. В Барун-Керетовом хуруле Яндыко-Мочажного улуса имелось четыре субургана на месте погребения: 1) улусного багши; 2) хурульного багши; 3) и 4) двух гелюнгов – дяди и брата зайсанга Кекшин Оргичкеева, который и соорудил их. В Сальском округе субурганы были возведены над могилами Ламы донских калмыков Аркада Чубанова (умер в 1894 г.), известного гелюна-эмчи и путешественника Дамбо Ульянова. В конце XIX в. А. Воронцов сообщал, что ступа *бумба*, построенная в честь нойона Сербе-Джаба Тюменя, хранила в себе цаца – небольшую фигурку, имеющую форму сахарной головы и слепленную из теста и пережжённых костей нойона. Эта фигурка составляет предмет религиозного почитания со стороны населения улуса [Воронцов 1875: 13].

В субурганах могли храниться святые реликвии – пепел, мощи умерших лам, багшей, предметы, которыми они пользовались при жизни. Например, в хуруле Сэрэ-Джава-Рацан (Зюнгарский) Икицохуровского улуса предметом поклонения являлись мощи местного багши Цюрюма Арбы (умер в 1855 г.). В хуруле Раши Цокбо того же улуса был воздвигнут субурган в честь основателя хурула – Санджи-багши. В хуруле Раши Гоман Харахусовского улуса в одном субургане хранилось седалище Ракбы-ламы, а в 1898 г. был построен субурган для седалища Цойчжи-ламы. Также в субурганах могли помещать священные предметы, доставленные из Тибета. Например, в хуруле Гэмпзель-линг Икицохуровского улуса хранились мощи Будды, присланные нойону Маши. По преданию, мощи Будды были также и в субургане Богдо-Далай-ламин-хурула Манычского улуса Астраханской губернии [Дорджиева 2012: 17–18].

Вместе с тем, понятие цаца было довольно многозначным и зависело от ряда субъективных причин. Так, в XIX в. три больших и один малый Цацанхурулы Хошутского (Александровского) улуса имели молитвенный каменный сюме Манлан большого хурула, каменный сюме Доншоджи большого хурула, деревянный дом Цацан малого хурула, каменная цаца и один деревянный субурган на луговой стороне р. Волга [Батыров 2007: 68–76].

Цаца в Калмыкии XX – начале XXI в.

На территории современной Калмыкии можно встретить значительное количество культовых построек, установленных в местах проживания предков как символ единения и процветания потомков. Нередко цаца ставят в честь святого человека или знаменитого представителя рода.

Одно из таких мест расположено в 9 км от пос. Эвдык (Кетченеровский р-н, Республика Калмыкия). Оно известно примерно со второй половины XIX в. и носит название Мотр-цац. (Слово «мотр» в переводе с калмыцкого означает рука, длань, десница святого человека) [Калмыцко-русский словарь 1977]. Ежегодно на этом месте жители посёлка во главе со старейшиной совершали обряд поклонения земле и воде. Местное население считает, что Мотр-цац является захоронением фрагмента руки (пальца) одного из Верховных лам Калмыкии, который был похоронен на левом берегу р. Волги [Басангова 2011: 178–188]. Одним из известных смотрителей этого субургана был лама Дорж Эрднь (Доокан Дэдэ). Известно также, что в урочище Цаган Аман на левом берегу р. Волги в конце XIX в. захоронены Шаджин лама – Зодба Ракба Самтанов, а также Орчи Лама – последний настоятель оседлого хурула Ламрим Лин Калмыцкого ханства. На месте захоронений были установлены субурганы [Батыров 2007: 68–76].

В 30-е годы XX в., во времена Советской власти, субурган Мотр цац был разрушен. Однако, в 1980 г. верующие жители п. Эвдык и с. Чкаловский на месте разрушенного субургана Мотр-цац возвели небольшой молельный дом. С тех пор сюда периодически приезжают жители близлежащих населённых пунктов Республики Калмыкия для совершения буддийских ритуалов и обрядов.

В современный период на Мотр-цац местные жители инициировали идею построить Ступу Просветления. На строительство ступы был объявлен сбор средств. На богоугодное дело внесли пожертвования Шамара Ринпоче, ламы Оле Нидала и многие буддисты из Калмыкии и других городов России. Над проектом Ступы Просветления работал известный буддийский архитектор Войтек Косовски. Строительство ступы началось в 1998 г., во время которого были проведены многочисленные религиозные ритуалы ламами монастыря Лопен Цечу Ринпоче, Сангье и Нгедуп, прибывшими из Катманду. 18 августа 2013 г. ритуальная постройка была открыта для всех желающих получить благословление как от цаца, заложенных внутрь Ступы, так и от вращения барабана, заполненного 50-ю миллионами мантр «Ом Мани Падме Хум» [Шантаев 2004: 144–150].

Ступа–цаца или чортен по данным археологических источников

Первая официально зафиксированная находка глиняных цаца обнаружена на территории Республики Калмыкия в насыпи частично разрушенного кургана, где было совершено коллективное погребение калмыков-буддистов. О них стало известно в 2009 г., когда в Городовиковский филиал Национального музея Республики Калмыкия были сданы конусы – буддийские цаца [Очир-Горяева 2018: 84–100]. Дополнительных полевых исследований на памятнике историко-культурного наследия (кургане) не проводилось.

В сентябре 2021 г. археологическая экспедиция Атырауского областного историко-краеведческого музея обследовала песчаный холм в 6 км к востоку от пос. Ганюшкино (Курмангазинский р-н, Атырауская обл., Республика Казахстан) (ранее здесь были кочевья Калмыцкого ханства), где обнаружила остатки буддийской ступы цаца.

Холм, именуемый «бэровским бугром»², вытянутый по линии восток–запад, шириной около 300 м и высотой до 30 м, в результате дефляционных процессов подвергся выдуванию, обнажив местами скопления фрагментов древней керамики, развееванные погребения эпохи позднего средневековья, Нового и Новейшего времени. Среди них можно отметить редкий погребальный комплекс в виде полуразрушенной ступы (*чортен*) из сотен глиняных конусов-шалиров³.

Ступа (цаца) представляла собой полуразрушенное сооружение размерами 2×2 м и высотой 0.5 м, на вершине которого лежал человеческий череп. Строительным материалом послужили сотни глиняных конусов – цаца, размеры каждого не превышали в диаметре 5 см, высотой 4 см. Концы были заострёнными, с линейными узорами. Их отливали в специальных формах. В нижней части «глиняных конусов» зафиксированы отпечатки пальцев человека. Между слоями «конусов» обнаружены три скульптурки цветка «лотоса», изготовленные из глины. Цветок имеет восемь лепестков с сердцевинкой посередине. Размер изделий: диаметр 9 см, высота 6 см (рис. 1). При строительстве постройки глиняные конические цаца располагались в определённом порядке (рис. 2), об этом свидетельствуют сохранившиеся остатки стен (рис. 3). Интересна композиция, когда вокруг цветка «лотоса» укладывались «глиняные конусы» (рис. 4). Толщина слоя конструкции достигала 15 см. После того как конструкцию очистили от песка, открылось помещение – пустая комната. Толщина стен 30 см. Дверь шириной 1 м зафиксирована с восточной стороны [Касенов, Базарбаев 2022: 47–54].

²Вытянутые бугры (гряды) в Прикаспийской низменности, названные в честь академика К.М. Бэра, впервые описавшим эти уникальные природные образования.

³По буддийским канонам в ступах хоронили настоятелей монастырей, уважаемых при жизни монахов (лам), достигших высокой степени духовного развития или знатного человека.

Рис. 1. Ганюшкино. Скульптура цветка «лотоса»
изготовленная из глины
1-сур. Ганюшкино. Саз балшықтан жасалған «лотос»
гүлінің мүсіні
Fig. 1. Ganyushkino. Sculpture of a lotus flower
made of clay

ский ... 2001-2002]. Как буддийская практика, она была воспринята калмыками из Тибета. Для изготовления цаца использовали глину, гипс и стевалин (*Stewalin*), которые заливали в формы, потом сушили и нередко раскрашивали в золотистый цвет. С целью придания изделию «божественной силы» в него помещали благословленные зёрна риса, иногда включали мантрароллы или другие реликвии. Изготовленная таким образом цаца призвана помогать всем живым существам, так как олицетворяет собой тело, речь и ум Будды. Согласно буддийским канонам, цаца производят за один раз минимум пять штук [Музафарова 2022: 281–284].

Такие Цаца делали для человека, страдавшего от болезни или в случае угрозы его жизни, а также для умершего, чтобы тот быстро освободился из низших миров и обрёл хорошее рождение. Соответственно, Цаца хранились в безопасном, чистом, уединённом месте. В течение XVII–XVIII вв. данная практика у калмыков постепенно стала трансформироваться из практики Цаца в строительство часовен и субурганов с таким же названием.

Надо отметить, что ни одна ранняя цаца XVIII в., в силу непрочности самой конструкции, а также антирелигиозной пропаганды советского времени, практически не доходила до нас в первоначальном виде.

Однако обнаруженная у с. Ганюшкино Ступа–цаца или чортен, сложенная из глиняных скульптур – «конусов», сохранилась настолько, что стало возможным представить реальные размеры и конфигурацию культовой постройки. Не менее ценные находки в виде конусов–цаца были обнаружены и у с. Чапаевское (Городовиковский р-н, Республика Калмыкия, РФ).

В первом случае ступа-цаца была установлена на месте кремации покойного (духовного лица или знатного человека), во втором – конусы-шалеры являлись частью единого погребального ком-

Вокруг постройки было собрано 36 медных монет, которые были разбросаны специально. В некоторых местах монеты концентрировались до 5–7 штук. Монеты были чеканены в 1731, 1735, 1737, 1739, 1740, 1746, 1759 годы.

Краткое описание монет:

Аверс на 25 монетах украшен лавровыми листьями и цветами, в центре указаны год выпуска и номинал: ДЕ | НГА | ... с надписью.

На реверсе в центре: запечатлен герб Российской империи в виде двуглавого орла с поднятыми вверх крыльями, увенчанный двумя малыми и одной большой императорскими коронами. В лапах орла символы власти: в правой – скипетр, в левой – держава.

Аверс 11 монет окружён лавровым листом и цветами, в центре монеты год выпуска и номинал: ПОЛУ | ШКА. 1735, 1746.

3 Результаты и обсуждение (Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П., Кутнев М.К.)

Цаца – это культовые глиняные пирамидальные фигурки [Большой академиче-

Рис. 2. Ганюшкино. Вид на постройку из глиняных конических цаца 2-сур. Ганюшкино. Саз балшықтан жасалған, конус түріндегі цацаның көрінісі
Fig. 2. Ganyushkino. View of the building made of clay conical tsatsa

плекса калмыков-буддистов. В обоих случаях мы имеем дело со специфическим погребальным обрядом калмыков – кремацией.

Процедура проведения кремации хорошо описана у П. Смирнова, который занимался изучением погребального обряда калмыков в XIX в.: «В определённом месте они вырыли пять ям, одну посередине, четыре вокруг и все дрова. В центральной яме был установлен большой котел, в который был посажен умерший. С похоронной песней гелюнга началась кремация. Затем пепел смешивали с глиной, лепили из неё в виде цилиндра или конуса-шалира и отправляли их в хурулы, которые хранились возле алтарей» [Смирнов 1999].

По свидетельству известного учёного-этнографа У.Д. Душана, в XVII–XIX вв. калмыки практиковали обряд кремации исключительно для духовенства и родовой знати [Душан 1973].

Исследованная постройка в районе с. Ганюшкино соответствует ранним культовым сооружениям, которые встречаются в Тибете, что говорит о самой ранней традиции строительства таких объектов из конусов-шалиров, изготовленных из смеси кремационного пепла и глины [Ткачев 1986]. При этом в самом культовом сооружении погребённого, как правило, нет, но он может присутствовать опосредованно, через конусы, изготовленные из глины с добавлением пепла кремированного человека.

Найденные монеты вокруг Ступы-цаца или чортена с. Ганюшкино имеют сакральное значение и связаны, вероятно, с подношением «бурханам», «откупом земли»; оплатой за благоприятное путешествие в «загробный мир»; чтобы покойный ни в чём не нуждался на «том свете» и т. д.

Рис. 3. Ганюшкино. Участок стены постройки из глиняных цаца 3-сур. Ганюшкино. Саз балшықтан жасалған цаца құрылыс қабырғасының учаскесі

Fig. 3. Ganyushkino. A section of the wall of a building made of clay tsatsa

фигурных подношений цаца встречаются на археологических памятниках Кызылкент, Аблайкит и др. [Байпаков и др. 2017: 634–665], но сооружений в виде ступы-часовни там нет, так как они носят сугубо локальный характер (территория Северного Прикаспия) и связаны с калмыцким буддизмом XVIII-XIX вв. Исключением является археологический памятник в Ганюшкино, который представляет собой раннюю переходную форму ступы-часовни.

Заклучение (Кольцов П.М., Батыров В.В., Кольцова К.П., Китиев М.К.)

Буддизм как новая религия для калмыков, активно адаптировался к специфике сознания местного населения усилиями священнослужителей. В результате деятельности лам появились такие понятия как т. н. «калмыцкий буддизм», «народный буддизм», а практика и само слово цаца обрело новое содержание. Включение добуддийских символов, верований и мотивов в буддийскую сферу привело к тому, что практика цаца и строительство храмов-часовен стали сливаться с культом природных

Важно также отметить, что цаца воспринимались буддистами Калмыкии и в качестве берегов. По мнению верующих, чудодейственные свойства цаца приобретала во время её изготовления, когда в глину иногда добавляли пепел (прах) уважаемых в миру духовных учителей, а на поверхности изделия наносили тиснения в виде изображений ступ, божеств в ранге будд и бодхисаттв [Митруев 2020: 71–81]. Самыми популярными изображениями были Будда Шакьямуни, Авалокитешвара, Ваджрапани, Зеленая Тара, Белая Тара, а также лама Падмасамбхавы, Цзонхава, Ямантака и др.

На территории Казахстана следы бытования практики

Рис. 4. Ганюшкино. Цветок «лотоса» в окружении глиняных цаца 4-сур. Ганюшкино. Саз балшықтан жасалған цацамен қоршалған «лотос» гүлі

Fig. 4. Ganyushkino. Lotus flower surrounded by clay tsatsa

объектов, где обитали духи природы и совершались жертвенные приношения. Тибетская практика Цаца в результате процессов религиозного синкретизма стала идентифицироваться в народном сознании с древнейшим культом центрально-азиатских степей – *обо*. По мнению исследователей, он вобрал в себя такие архаичные верования как культ гор, почитание предков и земных воплощений небожителей, хозяев местности [Тютрина 2008: 199–201].

Цаца у калмыков также связана с культом предков, когда при строительстве таких объектов использовали смеси кремационного пепла и глины. Это отражается в практике изготовления буддийских оберегов из глины, которые тоже называются *цаца*.

В результате культурных трансформаций Цаца у калмыков стала называться «цац», что означало субурган, молельня или часовня. Данные сооружения возводились на территории Калмыцкого ханства с XVIII в. и только в годы существования СССР по идеологическим соображениям они стали повсеместно исчезать как архаичный пережиток прошлого. С конца XX в. буддизм вновь вошёл в повседневную жизнь калмыцкого общества. Архитектурный облик современных городов и сёл дополняет значительное количество культовых построек – цаца, установленных в честь живших в этих местах предков и для процветания их потомков. Поклонение сакральным объектам стало неотъемлемой частью калмыцкой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ерофеева И.В., Казизов Е.С. Аблайкит: второй год комплексных исследований // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 634-665.
- 2 Басангова Т.Г. Фольклорная экспедиция, посвященная 100-летию со дня записи героического эпоса калмыков «Джангар» // Новые исследования Тувы. 2011. № 4 (12). С. 178-188.
- 3 Батырева С.Г. Буддийское изобразительное искусство Калмыкии // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2009. № 3. С. 144-148.
- 4 Батыров В.В. Кочевья хурулов и родов в Калмыцкой степи в конце XIX в. // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 68-76.
- 5 Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 4: Х–Я / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.
- 6 Воронцов А. Несколько дней пребывания моего в Тюменевке // Астраханские епархиальные ведомости. 1875 г., 9 октября. № 7. С. 13.
- 7 Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Пер. с нем. Ч. 2. Путешествие от Черкасса до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: Императорская Академия наук, 1777. 272 с.
- 8 Дорджиева Г.Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.) (Монография). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 203 с.
- 9 Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 31-107.
- 10 Зудина В.Н. Сведения об ойратско-калмыцком буддизме, собранные физической экспедицией Императорской Академии наук в 1768–1774 годах на российских территориях // Вестник Самарского гос. ун-та. 2013. № 8/2 (109). С. 38-54.
- 11 История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Отв. ред. К.Н. Максимов, Н.Г. Очирова. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. 752 с.
- 12 Калмыцко-русский словарь: 26000 слов. Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
- 13 Касенов М.С., Базарбаев Г.М. Ганюшкино Калмак Моласы // Актуальные проблемы археологической и этнографической науки: современная практика и направления развития: м-лы междунар. научн.-практ. конф. «I Шалекеновские чтения» (г. Алматы, 16 мая 2022 г.). / Отв. ред. Б.К. Қалшабаева. Алматы: Қазақ университеті, 2022. С. 47-54.
- 14 Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 г. и 1769 г. Ч. I. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1771. 562 с.

- 15 Митруев Б.Л. Ойратский и тибетский тексты гадания на четках: сравнительно-сопоставительный анализ // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 3 (47). С. 71-81.
- 16 Михалев М.С. Тибет в картине мира калмыков: от страны к метафоре // Ойраты и Тибет. Историческое наследие и современные перспективы: сб. статей / Отв. ред. А.В. Зорин, А.А. Туринская. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2023. С. 287-310.
- 17 Монтлевич В.А. О символике ламаистских субурганов // Центральная Азия и Тибет: материалы к конференции. Т. 1. История и культура востока Азии / Редакторы А.П. Окладников, В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1972. С. 91-95.
- 18 Музафарова Н.Р. Феномен цаца в философии северного буддизма // Социология. 2022. № 1. С. 281-284.
- 19 Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852. 192 с.
- 20 Очир-Горяева М.А. Археологические памятники Городовиковского района Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 84-100.
- 21 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Изд. II. СПб.: Императорская Академия Наук, 1773. 786 с.
- 22 Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыц. книжное изд-во, 1999. 248 с.
- 23 Ткачев В.Н. К морфологии культовых сооружений Монголии // Советская этнография. 1986. № 6. С. 108-118.
- 24 Трофимова С.М., Рассадин В.И. О группе переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии // Oriental Studies. 2012. № 1. С. 7-11.
- 25 Тютрина К.С. Культ обо у агинских бурят // Известия Алтайского гос. ун-та. 2008. № 4-2. С. 199-201.
- 26 Шантаев Б.А. Школа Карма Кагью у калмыков: этапы истории, современное состояние // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа / Отв. ред. Н.Г. Очирова. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 144-150.

REFERENCES

- 1 Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S. 2017. In: *Mir Bol'shogo Altaya (The world of the Big Altai)*. 3 (4), 634-665 (in Russian).
- 2 Basangova, T. G. 2011. In: *Novye issledovaniya Tuvy (New studies of Tuva)*, 4 (12), 178-188 (in Russian).
- 3 Batoryeva, S. G. 2009. In: *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University)*, 3, 144-148 (in Russian).
- 4 Batoryov, V. V. 2007. In: Koltsov, P. M. (ed.). *Problemy jetnogeneza ijetnicheskoy kultury tjurko-mongolskih narodov (Problems of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples)*. Elista: "KGU" Publ., 68-76 (in Russian).
- 5 Pjurbeev, G. C. (ed.). 2001-2002. *Bolshoj akademicheskij mongolsko-russkij slovar (Grand academic Mongolian-Russian dictionary)*. Moscow: "Academia" Publ. (in Russian).
- 6 Voroncov, A. 1875. In: *Astrahanskije eparhialnye vedomosti (Astrakhan Diocesan Gazette)*. 7, 13 (in Russian).
- 7 Gmelin, S. G. 1777. *Puteshestvie po Rossii dlja issledovanija treh carstv estestva. Chast 2. (Journey through Russia to explore the three kingdoms of nature. Part 2)*. Saint-Petersburg: "Imperatorskaja Akademija nauk" Publ. (in Russian).
- 8 Dordzhieva, G. Sh. 2012. *Buddizm Kalmykii v veroispovednoj politike Rossijskogo gosudarstva (Buddhism of Kalmykia in the religious policy of the Russian state)*. Elista: "Kalmyk University" Publ. (in Russian).
- 9 Dushan, U. D. 1973. In: *Etnograficheskie vesti. Vyp. 3. (Ethnographic news. Issue 3)*. Elista: "KNIJJaLI" Publ., 31-107 (in Russian).
- 10 Zudina, V. N. 2013. In: *Vestnik Samarskogo gos. un-ta (Bulletin of the Samara State University)*. 8/2 (109), 38-54 (in Russian).
- 11 Maximov, K. N., Ochirova, N. G. (ed.). 2009. *Istorija Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei. T. 3. (The history of Kalmykia from ancient times to the present day. Volume 3)*. Elista: "Gerel" Publ. (in Russian).
- 12 Muniev, B. D. (ed.). 1977. *Kalmycko-russkij slovar: 26000 slov (Kalmyk-Russian dictionary: 26,000 words)*. Moscow: "Russkiy Jazyk" Publ. (in Russian).
- 13 Kasenov, M. S., Bazarbaev, G. M. 2022. In: Kalshabaeva, B.K. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «I Shalkenovskie chteniya» po teme «Aktualnye problem arheologicheskoi ietnograficheskoi nauki: sovremennaya praktika i napravleniya razvitiya» 16 maya 2022 (Proceedings of International Scientific and Practical Conference «I Shalkenov Readings» on the theme «Actual problems*

- of archaeological and ethnological science: modern practice and directions of development» 16 May 2022).
Almaty: “Қазақуниверситеті” Publ. (in Kazakh).
- 14 Lepehin, I. I. 1771. *Dnevnye zapiski puteshestvija doktora i Akademii nauk adjunkta Ivana Lepehina po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva v 1768 g., i 1769 g. Ch. I. (Day notes of the journey of Doctor and Academy of Sciences associate Ivan Lepekhin to different provinces of the Russian state in 1768, and 1769. Part I)*. Saint-Petersburg: “At the Imperial Academy of Sciences” Publ. (in Russian).
 - 15 Mitruiev, B. L. 2020. In: *Vestnik Kalmyckogo universiteta (Bulletin of the Kalmyk University)*. 3 (47), 71-81 (in Russian).
 - 16 Mihalev, M. S. 2023. In: Zorin, A. V., Turinskaya, A. A. (ed.) *Ojratyi Tibet. Istoricheskoe nasledie i sovremennye perspektivy (Oirats and Tibet. Historical heritage and modern perspectives)*. Saint-Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ., 287-310 (in Russian).
 - 17 Montlevich, V. A. 1972. In: Okladnikov, A. P., Larichev, V. E. (ed.) *Centralnaja Azijai Tibet: materialy k konferencii. T. 1. Istorija i kultura vostoka Azii (Central Asia and Tibet: materials for the conference. Vol. 1. History and culture of East Asia)*. Novosibirsk: “Nauka. Sib. otd-nie” Publ., 91-95 (in Russian).
 - 18 Muzafarova, N. R. 2022. In: *Sociologija (Sociology)*, 1, 281-284 (in Russian).
 - 19 Nebolsin, P. I. 1852. *Ocherki byta kalmykov Hosheutovskogo ulusa (Essays on the life of the Kalmyks of the Hosheutovsky ulus)*. Saint-Petersburg: “Karl Krajja”, Publ. (in Russian).
 - 20 Ochir-Gorjaeva, M. A. 2018. *Bjulleten Kalmyckogo nauchnogo centra RAN (Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)*, 4 (8), 84-100 (in Russian).
 - 21 Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii. Ch. 1. Izd. II. (Journey through different provinces of the Russian Empire. Part 1. Ed. II)*. Saint-Petersburg: “Imperatorskaja Akademija Nauk” Publ. (in Russian).
 - 22 Smirnov, P. 1999. *Putevye zapiski po Kalmyckim stepjam Astrahanskoj gubernii (Travel notes on the Kalmyk steppes of Astrakhan province)*. Elista: Kalmyckoe knizhnoe izdatelstvo (in Russian).
 - 23 Tkachev, V. N. 1986. In: *Sovetskaia etnografiia (Soviet etnografiia)*, 6, 108-118 (in Russian).
 - 24 Trofimova, S. M., Rassadin V. I. 2012. In: *Oriental Studies*, 1, 7-11 (in Russian).
 - 25 Tjutrina, K. S. 2008. In: *Izvestija Altajskogo gos. un-ta (News of the Altai State University)*, 4-2, 199-201 (in Russian).
 - 26 Shantaev, B.A. 2004. In: Ochirova, (ed.). N.G. *Buddijskoe duhovenstvo i kultura kalmyckogo naroda (Buddhist clergy and culture of the Kalmyk people)*. Elista: “Dzhangar” Publ., 144-150 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.11.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 10.12.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2023.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ

LIST OF ABBREVIATIONS – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АН РК –	Академия наук Республики Казахстан. Алматы
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АО –	Археологические открытия. Москва
Ә.Х. Марғұлан ат. АИ –	Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты. Алматы
Әл-Фараби ат. ҚазМУ –	Әл-Фараби атындағы Қазақ мемлекеттік университеті. Алматы
ИА КН МОН (МНВО) РК –	Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки (Министерства науки и высшего образования) Республики Казахстан. Алматы
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ІА НАНУ –	Інститут археології НАН України. Київ
КемГУ –	Кемеровский государственный университет. Кемерово
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии АН СССР; РАН. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва
ЛГУ –	Ленинградский государственный университет. Ленинград
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МИАК –	Материалы по истории и археологии Казахстана. Алматы, Астана
МИЦАИ –	Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд
НАН РК –	Национальная Академия наук Республика Казахстан. Алматы
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦИА «Бегазы- Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы- Тасмола». Алматы
РА –	Российская археология. Москва
САИПИ –	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово
ТИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханов Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТомГУ –	Томский государственный университет. Томск
ФИА –	Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астане. Астана
ICAS –	International Institute of Central Asian Studies. Samarkand
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass
XUARICEA –	Xinjiang-Uygur Autonomous Region International Cultural Exchange Association, Xinjiang, China

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, Г.С. Закирияева – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
М.А. Антонов – карталарды дайындау және суреттерді өңдеу

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Gulnaz Zakiriyaeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva
Preparation of maps and illustrations processing – Mikhail Antonov

Компьютерная вёрстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод на казахский язык и редакция текстов – А.М. Манапова, Г.С. Закирияева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева
Подготовка карт и обработка иллюстраций – М.А. Антонов

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлдан атындағы Археология институтында дайындалды
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 28.06.2024 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 30,66. Times New Roman гарнитурасы.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 28.06.2024. Format 84×108 1/16
Printed sheet 30,66. Times New Roman headset

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 28.06.2024 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 30,66. Гарнитура Times New Roman.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online

16+